

PHILOSTRATORVM QVAE SVPERSVNT OMNIA

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ
ЖИЗНИ СОФИСТОВ
FLAVII PHILOSTRATI
VITAE SOPHISTARVM

SERIES GRAECA

VOL. I

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ACADEMIA POZHARSKIANA

B I B L I O T H E C A A N T I Q V A

SERIES GRAECA

VOL. I

Inaugurata anno MMXV

PHILOSTRATORVM QVAE SVPERSVNT OMNIA

FLAVII PHILOSTRATI

VITAE SOPHISTARVM

quas moderante Elena G. Rabinovitch

Ruthenice reddendas et praefationibus notisque illustrandas

Theodorus G. Benewitch, Anna A. Kladova, Elena G. Rabinovitch et

Arsenius A. Vetushko-Kalevich curaverunt

MOSQVAE

In aedibus Academiae Pozharskianae

MMXVII

АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГРЕЧЕСКАЯ СЕРИЯ

ТОМ I

Серия основана в 2015 году

ВСЕХ ФИЛОСТРАТОВ ВСЁ

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ

ЖИЗНИ СОФИСТОВ

Издание подготовили Ф. Г. Беневич, А. А. Ветушко-Калевич,

А. А. Кладова и Е. Г. Рабинович

под общим руководством Е. Г. Рабинович

МОСКВА

Университет Дмитрия Пожарского

2017

УДК 821.14'02
ББК 84(0)3
Ф 69

Серия основана в 2015 году

Подготовлено к печати и издано по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Авторы перевода, комментариев и указателей:

Ф. Г. Беневич, А. А. Ветушко-Калевич,
А. А. Кладова, Е. Г. Рабинович

Флавий Филострат.

Ф 69 Жизни софистов / Под общим руководством Е. Г. Рабинович. – М.:
Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 536 с.: ил. – (Ан-
тичная библиотека, ISSN 2541-7886; №3. Греческая серия; том I).

ISBN 978-5-91244-200-1

«Жизни софистов» – один из четырех дошедших до нас сборников древнегреческих биографий, до сих пор издававшийся по-русски только в отрывках: завершивший этот сборник в 237/238 гг. н. э. Флавий Филострат был самым знаменитым представителем литературного семейства Филостратов, оставивших нам солидное и разнообразное собрание софистической прозы, создававшейся на протяжении полутора веков, во II–III вв. н. э., когда доминирующим родом словесности была софистика. Семейное собрание сочинений «Всех Филостратов всё» будет издаваться полностью, том за томом, с греческой параллелью и подходящим аппаратом, однако полезно начать знакомство с трудами Филостратов именно с «Жизней софистов» – чтобы ближе увидеть софистов римского времени, к числу которых принадлежал и сам Флавий Филострат, и другие Филостраты, сколько их ни есть.

УДК 821.14'02
ББК 84(0)3

ISBN 978-5-91244-200-1
ISSN 2541-7886

© Университет Дмитрия Пожарского, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Белоусова А. В., дизайн серии, 2016
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

МЫ БЛАГОДАРИМ

Русский фонд содействия образованию и науке, который поддержал проект «Всех Филостратов всё» и благодаря которому подготовлена и издана эта книга – первая книга проекта,

а также Греческий институт СПбГУ, давший нам приют в начале работы.

МЫ БЛАГОДАРНЫ

Всеволоду Владимировичу Зельченко – нашему первому редактору при публикации жизнеописания Герода в АВАΡΙΣ'е,

профессору Роберту Пенелле (Robert J. Penella, Fordham Univ. NY) – за любезно предоставленный нам текст его еще не опубликованной статьи,

доктору Микаэлю Юханссону (Mikael Johansson, Göteborgs Univ.) – за помощь в дистанционном участии в посвященном «Второй софистике» коллоквиуме в Гетеборгском университете,

Максиму Александровичу Яковлеву – за орфографическую и пунктуационную поддержку,

Дарье Дмитриевне Кондаковой – за содействие в оформлении карт.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Г. Рабинович. О «Жизнях софистов»: предуведомление. . . .</i>	8
<i>А. А. Ветушко-Калевич. «Жизни софистов»: рукописи, издания, переводы.</i>	39
<i>Флавий Филострат. ЖИЗНИ СОФИСТОВ. Перевод и комментарий Ф. Г. Беневича, А. А. Ветушко-Калевича, А. А. Кладовой под общим руководством Е. Г. Рабинович. . . .</i>	51
КНИГА 1.	56
КНИГА 2.	206
ПРОСТРАНСТВО СОФИСТИКИ (КАРТЫ).	387
(1) Древнее Средиземноморье.	388
(2) Эгеида и Малая Азия.	389
(3) Аттика.	390
(4) Афины.	391
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.	392
КРАТКИЙ ГЛОССАРИЙ РИТОРИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ.	396
<i>Е. Г. Рабинович. Филостраты, сколько их ни есть.</i>	399
<i>Е. Г. Рабинович. Флавий Филострат и его софисты.</i>	442
СОКРАЩЕНИЯ.	487

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ	498
АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	506

О «ЖИЗНЯХ СОФИСТОВ»:
Предуведомление Е. Г. Рабинович

В дошедшем до нас корпусе Филостратов не все сочинения возможно с точностью распределить по авторам и тем более с точностью датировать, но «Жизни софистов» – одно из приятных исключений: в посвящении автор, Флавий Филострат, сам называет себя автором, и из того же посвящения явствует, что завершил он свой труд зимой 237/238 гг. н.э., когда Гордиан, адресат посвящения, уже вступил в должность проконсула Африки, но еще не был провозглашен императором. Самому знаменитому из Филостратов было тогда около семидесяти, знаменит он был давно, в частности, давно опубликовал жизнеописание Аполлония Тианского, да и другое из корпуса Филостратов почти наверняка было к тому времени кем-то из Филостратов опубликовано – и все же для первого знакомства с этим семейством¹ нет ничего лучше предлагаемого сборника, потому что все Филостраты были софисты, а о софистах нигде не сказано больше, чем в «Жизнях софистов».

1. *Кое-какие общие сведения.* Когда Флавий Филострат (он же, на правах самого знаменитого из семьи, просто Филострат) взялся за свой труд, жизнеописание уже несколько столетий было широко распространенным родом исторической – то есть познавательной, претендующей на достоверность – литературы. Чаше всего «жизни» объединялись в сборники: первый такой сборник составил на рубеже IV и III вв. до н.э. Аристоксен Тарентский –

¹ Подробнее о семействе Филостратов см. специально посвященную этой литературной династии статью «Филостраты, сколько их ни есть».

о нем и о началах биографической традиции подробнее будет сказано в связи с «Жизнью Аполлония Тианского», а сейчас довольно заметить, что новосозданный жанр прижился быстро и история древнеклассической словесности прямо-таки пестрит названиями биографических сборников, по большей части, впрочем, не сохранившихся. Конечно, из древнеклассических текстов утрачено множество и не только биографий, но в данном случае причина может крыться еще и в самой специфике жизнеописания, которое, повторим, всегда претендует на фактическую достоверность, а факты (хотя бы и вымышленные) копят, и это периодически вызывает потребность в очередном их обобщении и осмыслении – вот так-то старые биографии нередко поглощаются более новыми. Возможно, отчасти поэтому даже сборник Аристоксена сохранился лишь в цитатах и пересказах, а первая дошедшая до нас полная биография Платона содержится у жившего примерно в одно время с Филостратом Диогена Лаэртского, хотя он, как и положено, постоянно ссылается на предшественников, в том числе на Аристоксена, автора первой биографии Платона. В результате, хотя мы знаем по именам немало биографов и располагаем прямыми и косвенными цитатами из их трудов, самый ранний из всех уцелевших сборников составлен (уже по-латыни) Корнелием Непотом, приятелем Цицерона, а самый ранний из уцелевших греческих, «Параллельные жизнеописания» – Плутархом, еще лет на сто позднее. Словом, «Жизни софистов» можно квалифицировать и как образчик распространенного жанра, возникшего за несколько столетий до Филострата, и как один из нескольких сохранившихся сборников древнеклассических биографий, среди которых по-гречески всего четыре² – то и другое одинаково верно.

² В хронологическом порядке: «Параллельные жизнеописания» Плутарха (рубеж I и II вв. н.э.), «Жизни философов» Диогена Лаэртского (вероятно, рубеж II и III вв. н.э.), «Жизни софистов» Флавия Филострата (230-е гг. н.э.) и «Жизни философов и софистов» Евнапия (рубеж IV и V вв. н.э.).

При всем том, сколько бы полезной информации ни получали мы из ссылок и цитат, по-настоящему целостное впечатление складывается лишь о тех произведениях, которые можно прочитать целиком, и наше представление об античной биографии основано не столько на знании о многом несохранившемся, сколько на знакомстве с немногим сохранившимся. Самое читаемое из сохранившегося – биографии государственных деятелей (классические труды Корнелия Непота, Светония и Плутарха, а также поздняя «История Августа», созданная несколькими авторами), и такое предпочтение понятно: политик всегда в центре внимания, его обсуждают при жизни и после смерти, о его добродетелях и пороках слагаются легенды, и всё это служит отличным материалом для жизнеописания. Впрочем, у греков ничуть не реже в центр внимания попадали философы, недаром из жизней философов состоял уже сборник Аристоксена, да и позже (у Диогена, Филострата, Евнапия) это предпочтение сохраняется. Немаловажно, однако, что даже самый успешный политик определяет лишь главное направление деятельности своих преемников, а потому, например, хотя Нерон и Веспасиан в качестве строителей Империи по праву могут считаться преемниками Августа, в их поступках и характерах нет почти ничего общего ни друг с другом, ни (тем более) с Августом, а стало быть, каждый заслуживает подробной биографии. Не то у философов: философы делятся на преемства или, как теперь говорят, школы³, у каждой школы есть основатель, который создал учение, а преемники это учение разрабатывают – поэтому в сборнике Диогена подробные биографии почти только у осно-

³ Элементы такого деления есть уже у Аристоксена, а несколько десятилетий спустя другой перипатетик, Сотийон, составил сборник биографий философов, строго разделенных по существовавшим тогда школам; сборник Сотийона не сохранился, однако Диоген Лаэртский несомненно пользовался им не только как одним из источников, но в известном смысле и как образцом.

воположников и долгая жизнь многих заслуженных философов вместе с перечнем их трудов занимает чуть больше (а то и чуть меньше) страницы.

Между тем принятые уже в III—II вв. до н.э. александрийскими филологами правила публикации предполагали, что корпус сочинений должен сопровождаться сведениями об авторе — такая биография была частью уже не сборника, а библиографического аппарата. Хорошим примером может служить доступное в русском переводе жизнеописание Пиндара (Пиндар 1980: 5–7), в разных рукописях несколько различающееся, но всегда скомбинированное из одного набора: происхождение, избрание Музами, стихотворство, слава при жизни и после смерти, перечень трудов — всё вместе страницы на две. Сейчас биографии такого типа нередко называются «александрийскими», в честь сотрудников Александрийской библиотеки, а подробные биографии, рисующие личность описываемого деятеля, называются «перипатетическими», в честь перипатетика Аристоксена и других сотрудников Ликея, например, Гермиппа и Сатира, тоже биографов. Разумеется, разделение это очень условно: верно, что библиотекарь ограничивался основными сведениями об авторе и выходило довольно коротко, но, например, краткая биография Пиндара не так уж и коротка, а «александрийские» жизнеописания, пусть и возникли для библиографических надобностей (лучше сказать, были к этим надобностям приспособлены, так как «перипатетические» жизнеописания тогда уже существовали), были пригодны не только для библиографического использования, но отличным образом объединялись в сборники, иногда вместе с «перипатетическими», как у Диогена или Филострата, а иногда сами по себе, как у Светония — того самого, который прославился «Жизнями двенадцати цезарей», едва ли не наиболее гармоничным сборником политических жизнеописаний, созданных, разумеется, в «перипатетической» манере. Составил Светоний и «Жизни знаменитых мужей» в

пяти книгах: «Жизни поэтов», «Жизни философов», «Жизни историков», «Жизни ораторов» и «Жизни грамматиков и риторов» – оглавления сохранились полностью, из биографий лучше всего (практически целиком) сохранились «Грамматики», от «Риторов» осталось предисловие и несколько жизней, от «Поэтов» – несколько жизней, а еще сохранились (порознь) жизни Пассиена Криспа и Плиния Старшего; остальное пропало. Важно, однако, что в число «знаменитых мужей» у Светония включены не только стихотворцы, философы и политические ораторы, чьи жизни всегда считались достойными описания, но также учителя грамматики и риторики, хотя их биографии короче даже не слишком пространных биографий поэтов, что и понятно – чем больше жизни истрачено в чернила, тем меньше остается для жизнеописания.

Светоний был лет на сто старше Филострата: он жил при Траяне и Адриане, отличался ученостью и литературным дарованием, был близок ко двору, дружил с Плинием Младшим – не софист, но из того круга, в котором обращались преуспевающие софисты. Писал он по-латыни и только о латинских авторах, однако римская словесность никогда не была автономна от греческой, и невозможно вообразить, что Светоний или иной образованный римлянин не изучал труды своих греческих предшественников и современников и так или иначе не ориентировался на греческие образцы. Отсюда следует, что какие-то греческие образцы у Светония были: относительно философов, поэтов и государственных ораторов это заведомо известно и для понимания «Жизней софистов» значения не имеет, а вот относительно грамматиков и риторов существенно – отсюда следует, что уже в начале II в. н.э. те и другие могли входить в число «знаменитых мужей» наряду с философами и поэтами⁴.

⁴ Известно, что Светоний использовал «Жизни знаменитых мужей»

Пять уцелевших риторов Светония – профессиональные преподаватели, мастера показательных речей, порой (не всегда удачно) обращающиеся к судебному красноречию, а изредка и к писательству. О двоих успел отозваться сам Цицерон, и Светоний охотно цитирует его слова, так что цитата в обоих случаях занимает больше половины жизнеописания – а жизнеописания совсем короткие, даже у пресловутого Альбуция Сила около страницы, у остальных и того меньше. О происхождении и о смерти своих риторов Светоний сообщает редко и лишь в нерядовых случаях (скажем, что Альбуций Сил уморил себя голодом), об учениках – только если те прославились далеко за пределами риторического поприща (как Помпей или Антоний), о стиле – в двух словах и не всегда, о забавных происшествиях (любых) – изредка. Но как ни немногословна каждая из этих биографий, если читать их подряд, начавши с предисловия, даже уцелевшие жизнеописания риторов создадут некое общее представление о римской риторике, а все вместе они создавали такое впечатление наверняка – это видно по столь же немногословным «Жизням грамматиков». Что-то в композиции и в отборе фактов происходит, конечно, от писательских пристрастий Светония, хотя за отсутствием материала для сравнения нельзя сказать, что именно, зато можно с уверенностью утверждать, что не позднее начала II в. н.э. ученый римлянин считал достойной задачей описывать жизни софистов (так называл учителей

Варрона – несколько сотен «александрийских» биографий, где у каждой греческой знаменитости была римская пара (быть может, первым это придумал не Варрон, но уж наверняка не Плутарх!), однако труд Варрона не сохранился, а главное, к его времени (I в. до н.э.) римляне слишком мало проявили себя в грамматике и в риторике, сравнивать с греками было почти некого – и скорее всего грамматиков и риторов Варрон в число «знаменитых мужей» либо вовсе не включал, либо не выделял им особого раздела.

риторики уже Цицерон⁵), а следовательно, должен был иметь для этого греческие образцы, пусть мы ими не располагаем.

Таким образом, когда лет сто спустя Филострат взялся за «Жизни софистов», подобные или сходные сборники уже существовали, и по Светонию видно, что они нередко снабжались предисловием – правда, у Филострата предисловие пространное, с рассуждениями и историческими анекдотами, но он и пишет гораздо обстоятельнее, чем писал Светоний, а как писали другие, этого мы просто не знаем, разве что у Евнапия через сто с лишним лет предисловие к «Жизням философов и софистов» едва ли не пространнее, чем у Филострата. «Александрийское» и «перипатетическое» Филострат сочетает более или менее сходно с жившим примерно тогда же Диогеном Лаэртским – другое дело, что у Диогена это мотивировано предпочтением основоположников, а Филострат выделяет еще и особо одаренных софистов, хотя бы и принадлежащих к не ими созданной школе, так что биография Скопелиана заметно превосходит объемом биографию Никета, якобы возродившего софистическое искусство после многих веков забвения. Конечно, Диоген тоже бывает пристрастен и, например, о кинике Диогене рассказывает очень подробно, хотя основоположником тот не был – но не он назначил киника Диогена самым экстравагантным из философов и не он дал первенство Платону и его школе, хотя именно поэтому выделил академикам две книги вместо одной. А вот Филострат, не особенно скрываясь, представляет себя экспертом, способным судить о заслугах любого софиста, а значит, решать, долго или коротко следует об этом софисте рассказывать. Причина в том, что Филострат – не совсем обычный биограф.

⁵ Следует помнить, что, хотя греки почти всегда, а римляне часто называли учителей риторики «софистами», при Империи единственным официальным названием было «ритор» (Brunt 1994: 50).

2. *Софист-биограф*. Родоначальник жанра, Аристоксен, сам был философ и писал о философах, философом был и писавший о философах перипатетик Сотион, есть и другие примеры философов, описавших жизни древних и новых Любоумудров, и даже авторы немногих дошедших до нас одиночных жизнеописаний были по большей части философы, как Порфирий или Марин (оба описали жизнь своих учителей) – правда, такие одиночные биографии очень похожи на похвальные речи, которые, как «Евагор» Исократа или «Агесилай» Ксенофонта, вошли в обиход задолго до настоящих биографий и, как порой считается, повлияли на их возникновение (Momigliano 1993: 8–22). Отсюда вовсе не следует, будто описывать жизни философов дозволялось только философам: нет оснований предполагать, будто Диоген Лаэртский был философом, а о Филострате мы точно знаем, что он философом не был, и это никак не отразилось на судьбе сборника Диогена или жизнеописания Аполлония – но все же биографии философов сначала писали только философы, а потом в основном философы, эту тенденцию не заметить нельзя. Политики, напротив, биографий не писали, так что даже «Агрикола» Тацита, возможно, является надгробной речью или переделкой надгробной речи – впрочем, Тацит (как и Агрикола) был не государственным деятелем, а рядовым участником политического процесса. Биографии поэтов сначала, как уже сказано, писали библиотекари, а потом и не только, но сами поэты, в стихах порой обращавшиеся к биографическому повествованию, настоящих биографий (то есть познавательных нестихотворных жизнеописаний) не писали никогда⁶. Равно и риторы были мастера убеждать, а стало быть,

⁶ Так, Стаций в стихах на день рождения покойного Лукана (Silv. II. 7), естественно, не ушел от биографической темы, а будущий император Гордиан сочинил пространную эпическую – но отчасти и биографическую! – поэму о подвигах Антонина и Марка, однако элементы биографического повествования еще не делают текст биогра-

достоверное (или мнимо достоверное) использовали для усиления аргументации, так что тоже не были склонны к писанию биографий, хотя к исторической прозе, например, иногда обращались. В результате о софистах, как и о поэтах, до поры писали грамматик-и либо те, кто следовал принятому у грамматиков «александрийскому» стандарту – это видно по «Знаменитым мужам» Светония. Так было, пока молодой, но уже сделавший себе имя софист Филострат не взялся описать жизнь Аполлония Тианского, пусть не по собственному выбору, а по желанию императрицы Юлии Домны.

Нет сомнений, что «Жизнь Аполлония» – биография во многих отношениях нетипичная, в частности, из-за объема, который позволял автору блеснуть софистическим искусством, но сейчас довольно отметить тот бесспорный факт, что при всей своей нетипичности «Жизнь Аполлония» – самая настоящая биография, в этом своем качестве имевшая (и до сих пор, как ни странно, имеющая) большой успех. Поэтому правомерным кажется предположение, что Филострат, будучи этим своим трудом удовлетворен, решил снова, теперь уже по собственному почину, испытать себя в роли биографа, использовав на сей раз более традиционную форму, а традиционной формой со времен Аристоксена был, как сказано, биографический сборник. Трудно сомневаться, что, подобно большинству литераторов, по-настоящему Филострат интересовался только собратьями-софистами – их удачами и неудачами, их склоками, их гонорарами, их отношениями с властями предрежащими, вообще всем, что составляло жизнь преуспевающих мастеров изысканного искусства, давно уже вошедшего в моду у образованной пу-

фией, биографией нельзя назвать даже эпитафий – надгробную речь со специфическими задачами надгробной речи. Притом биография не бывает стихотворной: поэзия по самой сути есть творение (ποίησις), даже если поэтический рассказ более или менее правдив.

блики, а кое-кого из одаренных и удачливых (например, самого Филострата) и приобщившего к элите. Таким образом, впервые писать о софистах взялся софист.

Что Филострат – «инсайдер», на это обращали внимание не раз⁷, и в известном смысле это было новостью, так как прежде биографами-инсайдерами бывали только философы, но навряд ли хоть кто-то, включая Филострата, воспринимал это как новость: никаких особых правил сочинения биографий никто никогда не формулировал, биографом мог быть любой, мерилом успеха был только успех – отсюда следует, кстати, что все известные нам биографы были более или менее успешными, раз так или иначе (хоть цитатой) удержались в рукописной традиции. Притом, пусть софист впервые писал о софистах, достойные подражания биографические сборники имелись в изобилии, да и образцы жизнеописаний риторов у Филострата тоже были, раз они были у Светония. Задачи Филострата, заявленные им в посвящении Гордиану, также не отличались от задач других биографов, то есть были познавательными и развлекательными («сей труд да облегчит бремя твоих забот») – познавательное назначение биографии пояснять излишне, а занимательные и/или забавные эпизоды попадают даже в «александрийских» биографиях, что же до появившихся заметно раньше «перипатетических», в них таких эпизодов всегда было много, это видно по цитатам и пересказам. Традиционно и то, что, подобно Светонию и Евнапию (а значит, подобно хотя бы некоторым составителям не дошедших до нас сборников), Филострат предпосылает жизнеописаниям предисловие, посвящая несколько страниц предтечам софистического искусства и

⁷ Едва ли не подробнее всех говорит об «инсайдерстве» Филострата Кендра Эшлеман (Eshleman 2012: 123–146), но ради доказательства, что он, пользуясь своим авторитетом, выдумал («сконструировал») Вторую софистику.

подробно, пусть недостаточно внятно, разъясняя различие между «древней» и «второй» софистикой. И уж конечно, как все биографы, имеющие возможность выбирать, чью жизнь описывать и чью не описывать, Филострат пристрастен – кое-кто из видных софистов у него даже не упомянут, но и в этом нет ничего особенного⁸.

Правда, многое в повествовательной манере Филострата определяется как его общепризнанным положением знаменитого софиста, так и соответствующей этому положению самооценкой. Скажем, как уже отмечалось, сочетание в одном сборнике кратких и очень кратких биографий с пространными и очень пространными никакой нормой не воспрещалось, более того, сходно работал Диоген Лаэртский, но Диоген руководствовался традиционным почтением к основоположникам, а Филострат – собственным экспертным мнением, иногда прямо возражая тем, кто, как он полагает, недооценил или переоценил того или иного софиста. Пусть высказывать собственное мнение биографу тоже никоим образом не возбранялось, но когда, например, Плутарх этим правом пользуется, он говорит о государственном деятеле (о котором пишет) с точки зрения философа (которым является) – а Филострат, сам софист, высказывается о сравнительных достоинствах софистов и о софистическом искусстве в целом, да еще и использует при этом софистическую аргументацию, основанную, в сущности, на сослагатель-

⁸ См. «Флавий Филострат и его софисты», хотя уже сейчас нелишне заметить, что, например, у Светония среди грамматиков нет знаменитого Тиранниона, а у Плутарха нет марафонского победителя Мильтиада – довольно и этих двух примеров. Вероятно, исчерпывающий список «знаменитых мужей» возможен лишь при (квази)династическом отборе, как в «Жизнях двенадцати цезарей», которых по определению двенадцать, пусть и здесь натяжка: Юлий Цезарь не был принцем, то есть в число «римских императоров» не входил, хотя и усыновил первого из них, Августа.

ном наклонении, а потому иногда убедительную, но никогда не доказательную (с помощью этой аргументации он, например, отрицает заслуги знаменитого Фрасимаха). Подобные приемы не добавляют рассказу достоверности, зато делают его более живым и увлекательным, и это тоже свойство софистики. Здесь придется сделать небольшое отступление.

Риторика возникла и развивалась силами древних софистов как искусство аргументации, в этом ее главное назначение, а показательная риторика (софистика) была, соответственно, искусством показательной аргументации, хотя в данном случае успех означал не желательное судебное или иное решение, а сочувствие слушателей, вполне убежденных софистом, что (например) воспитывать вымышленного сироту должен тот, а не этот его дед или что (например) Елена не изменяла Менелаю с Парисом – именно такие речи приносили софистам деньги и славу. Убедительность софистической речи была, разумеется, поддержана богатством языка и слога, блеском исполнения и многим другим, но всё это было полезно и для судебной или политической речи, а софист демонстрировал прежде всего свое умение доказать что угодно и как угодно, хотя бы и явную нелепость – отсюда знакомое всем и бытовавшее уже в древности почти ругательное употребление слов «софист» и «софизм». Однако об этой – наиважнейшей, если не главной – способности своих софистов Филострат особо не распространяется, разве что иногда между делом сообщает, что такой-то обладал большой силой убеждения, но и тут эффектных примеров не приводит, а ведь даже у Светония в совсем короткой биографии Альбуция Сила его оплошность в суде описана довольно подробно. Возможно ли вообразить, чтобы Непот в жизнеописании Мильтиада помянул о Марафонской победе лишь в выражении вроде «удача не оставила его и в ратоборстве с Датисом»? А у Филострата такое сплошь и рядом, хотя, если в качестве биографа он ставил перед собой не только развлекательные, но и познавательные задачи, равнодушие к самой сути риторики, к

аргументации, куда удивительнее пренебрежения многими видными софистами – пренебрежения, которым его нередко корят новоевропейские исследователи.

Вот тут и пора припомнить, что Филострат – не обычный биограф, а софист, пишущий о софистах. Биографу естественно рассказать не только о жизни своего героя, но по ходу рассказа сообщить то, что может быть читателю недостаточно понятно или вовсе неизвестно: чем хорош тот или иной военный маневр, где Фемистокл взял деньги на постройку кораблей, из-за какой династической интриги началась война Кира с Артаксерксом... – и в «Жизни Аполлония» Филострат неуклонно соблюдает это правило, идет ли речь о повадках обезьян, об истоках Нила или об участии Нерона в Олимпийских играх. А вот в «Жизнях софистов» щедрость словно покидает рассказчика, вернее сказать, он экономит на объяснениях как раз там, где они были бы особенно полезны, а то и необходимы, хотя не ленится подробно рассказать о неладах софиста Скопелиана с престарелым отцом. Словом, легко понять неудовольствие многих исследователей, узнающих о Второй софистике гораздо меньше желаемого – но Филострат писал не для них.

Всякий автор, хотя бы и древнеклассический, адресуется к определенному кругу читателей (слушателей), а философы даже разделяют свои «внешние» (эксотерические) и «внутренние» (эсотерические) сочинения, пусть написанные для всех диалоги Платона оказываются ничуть не более легким чтением, чем предназначенные лишь для членов Ликеея труды Аристотеля. Биографические сборники адресованы, конечно, широкому кругу, так как без преувеличения можно сказать, что любопытство к жизням знаменитых людей присуще едва ли не всякому, кто умеет читать (а нередко и тому, кто не умеет), и по «Жизни Аполлония» видно, что ладить с широким читателем Филострат умел превосходно – в частности, умел в занимательной форме объяснить всё, чего этот читатель не знал. Но со времен Аристоксена публика предпочитала жизнеописания знаменитых политиков и

философов, и профессиональные преподаватели риторики интересовали ее куда меньше: конечно, писали и о них, но то были биографии почти справочные, рассчитанные не на широкого читателя, а на ученого человека, кстати желающего узнать, кого из великих выучил какой-нибудь Марк Эпидий – эти же краткие жизнеописания использовались, как сказано, и для библиографических надобностей. Время, однако, шло, и ко II в. н.э. успешные софисты были уже не просто учителя, а люди публичные, часто с хорошей карьерой, да притом нередко демонстрирующие свое искусство желающим, которых собирались если не тысячи, то сотни – так формировался специфический круг, состоявший и из софистов, и из тех, кто пробовал себя в качестве софиста или учился у софиста, или просто был завсегдатаем подобных сборищ и своим человеком в этом кругу, не слишком широком, но и не слишком узком, включавшем «образованную публику» и тех, кто себя к таковой причислял. Трудно сомневаться, что именно к этим читателям и адресовался Филострат: то была знакомая ему на протяжении десятилетий и в основном благожелательная к нему аудитория, разделявшая его интересы, которые в других кругах, пусть не менее просвещенных (например, среди философов), могли оказаться на периферии внимания.

Итак, Филострат адресовался к своим (к тем, кого в «Жизнях софистов» часто называет «эллинами»), а они, конечно, в софистике хуже или лучше разбирались, так что объяснять им технические детали не требовалось и тем более не требовалось растолковывать основы софистической аргументации – всё это они давно выучили в школе. Соответственно, Филострат, по неким личным пристрастиям к аргументации равнодушный и больше интересовавшийся элокуцией (изложением), предпочитал, когда была возможность, рассказывать об элокуции, а особенно о речах без подготовки, которые были тогда главным подвигом софиста⁹. Он ведь был не просто биограф, он был эксперт

⁹ Подробнее см. «Флавий Филострат и его софисты».

и сам решал, чем отличился тот или иной софист, кто искуснее в том и кто в этом, кто у кого позаимствовал тот или иной прием; немаловажно было рассказать и о спорах между софистами, и об их домашних обычаях, и об отношениях с учениками, сановниками и согражданами, а иногда и об их сказочных богатствах или запомнившихся современникам причудах; порой бывало уместно припомнить удачную шутку или изысканное сравнение. Отсюда не следует, будто жизнеописания Филострата выделяются среди прочих тем, что представляют собой чуть ли не собрания анекдотов и сентенций, но только потому, что примерно таковы, в сущности, все жизнеописания: если объем позволяет рассказать хоть об одном забавном или занимательном эпизоде, об этом эпизоде непременно будет рассказано, а вернее, что и не об одном – таков принятый у биографов способ описывать жизнь, немало послуживший успеху биографического жанра в целом. Словом, Филострат и тут не отстывает от сложившейся традиции и в качестве биографа справляется со своей задачей отлично, но несомненная биографическая занимательность «Жизней» проистекает, таким образом, из того же источника, что и несомненная трудность сегодняшней работы с ними: Филострат рассказывает своим о своих, труд его, как говорится, для внутреннего пользования, а мы читаем его извне, не всё понимая с первого раза, многое и вовсе не понимая – и все-таки ближе, чем когда-либо, соприкасаясь с бытом той части образованных римских греков, для которых вся радость и вся слава была в речах и которые назывались софистами.

3. *Против правил?* В целом же при всех особенностях «Жизней софистов» этот сборник можно было бы считать достаточно обычным, когда бы не одна удивительная черта, до сих пор почему-то никем из издателей и комментаторов не замеченная – может быть, потому, что обнаруживается лишь под

конец, в последних двух биографиях второй книги. Понятно, что у любой «жизни» есть структурообразующий признак, содержащийся в самом слове «жизнь», и не даром Арнальдо Момильяно в связи с понятием «биографического» говорит: «Рассказ о жизни человека от рождения до смерти – вот что я называю биографией» (Momigliano 1993: 11). Так оно и есть, хотя о происхождении и/или об обстоятельствах смерти героя биограф обычно рассказывает, лишь если в том и/или другом есть хоть что-то достопамятное – и Филострат не исключение, о происхождении своих софистов он рассказывает лишь в нерядовых случаях, а о смерти хоть и сообщает почти всегда, но, опять-таки кроме немногих нерядовых случаев, довольствуется (самое большое) сообщением о возрасте и месте погребения. Это очень понятно: описание карьеры софиста и сопряженных с нею событий познавательно и занимательно, на него и тратится вся живость повествования, а умирают софисты по большей части в своей постели от естественных причин, и тут довольно простой констатации факта.

Живо описывает Филострат и необычную карьеру предпоследнего софиста, Гелиодора, который был на диво удачлив, даже из ссылки спасся, а теперь «так и старится в Риме, не пользуясь особенным вниманием, но и не вовсе забытый» (II. 32. 627) – этими словами не слишком пространное и не слишком краткое жизнеописание Гелиодора заканчивается, а значит, при завершении «Жизней» он был жив-здоров и преподавал в Риме! Как такое возможно? Биография бывает лишь у тех, кто *прожил* жизнь – всю, от рождения до смерти, иначе теряется самый смысл слова, служащего своеобразным идентификатором жанра от Аристоксена и до наших дней, так как все биографии, будь то жития святых или «жизни знаменитых полярников», всегда про покойников: нельзя описать жизнь прежде, чем она завершилась, нельзя судить о делах человека прежде его смерти, и не только биографам известно, что последний день жизни не так уж редко бывает ее главным днем.

Здесь требуется небольшое пояснение. Слово биография (βιογραφία) – не древнегреческое, но все-таки греческое (византийское) и служит уточняющим названием «жизней» (βίαι); позднее появилось латинское *biographia* и заимствованные из латыни *biographie* (франц.), *biography* (англ.) и пр.; при этом название «жизнь» (*vita, vie, life*) из употребления не вышло, так что тексты одной и той же жанровой принадлежности иногда назывались и называются *жизнями*, а иногда *жизнеописаниями* – и описывают, разумеется, жизнь от рождения до смерти. В новейшее время, однако, в национальных языках, включая русский, «биографиями» стали (пусть несистематически) называться тексты, содержащие биографическую информацию, но не относящиеся к жанру жизнеописаний – скажем, сведения о живом авторе (владелец сайта) или соответствующий раздел curriculum'a, на деле являющийся *автобиографией*; вдобавок «биографией» может называться не текст, а сама жизнь живого человека¹⁰. Все эти значения прижились, но все они переносные, так как название вполне определенного жанра, жизнеописания, используется для обозначения текста, описывающего некоторую часть чьей-то жизни, но жизнеописанием не являющегося. Современного читателя, не всегда отличающего термины от обиходных слов и переносные значения от прямых, зато не раз составлявшего CV и читавшего «биографии» живых знаменитостей, присутствие в «Жизнях» живых софистов может и не удивить – семантика слова «биография» для него довольно расплывчата. Но для филолога это не так, а до начала прошлого века (и тем более раньше) биографиями назывались почти исключительно рассказы об уже завершившихся жизнях, да и всё

¹⁰ Ср. у Дм. Быкова к 70-летию живого-здорового Никиты Михалкова: «...Он для того, чтоб мир извлек из биографии героя наглядный, истинный урок для человеческого роя...» или повседневные выражения вроде «Ты биографию его вспомни, он же с армии пьет!»

вроде бы указывает, что Филострат следовал давно сложившейся традиции биографического сборника.

Уж не случилось ли, что история явившегося к Каракалле словно из ниоткуда Гелиодора почему-то оформилась не в биографию, а в некое подобие очерка? Конечно, это тоже было бы отступлением от традиции, но это можно было бы (пусть с множественным натяжек) списать на многовоспетую небрежность Филострата, а если повезет, даже на порчу текста... — однако последняя, тридцать третья, биография доказывает, что ни одним из названных объяснений утешиться нельзя. Жизнь Аспасия Равеннского Филострат описывает в обычной манере: упоминает его отца, грамматика Деметриана, его учителей, Павсания и Гипподрома, его немалые (хотя не вовсе без изъяна) дарования, его превосходную карьеру (он занимал римскую кафедру риторики и заведовал греческой канцелярией), даже его ссору с Филостратом Лемноским — но в конце жизнеописания сказано «когда я писал это сочинение, он был уже довольно стар» (II. 33. 628), так что и Аспасий жив, и это вторая жизнь без смерти.

В таком контексте уже и заключительная фраза «Жизней» наводит на мысль, что Филострат не слишком брал (или вовсе не брал) в расчет необходимость для «жизни» завершиться смертью, как завершается ею настоящая жизнь. Вот эта заключительная фраза: «Что же до Филострата Лемноского, каков он в судилищах, каков пред народом, каков в сочинениях и каков в речах и каковы у него речи без подготовки; а также о Никагоре Афинском, стяжавшем в Элевсинском храме венец глашатая; а также колыкой памяти и тщательности достигнул Аписин Финикийский — о них следует писать не мне, ибо у меня с ними дружба, а посему меня почли бы лицеприятным и недостойным доверия». Между тем из названных здесь младших друзей Филострата Никагор при завершении «Жизней» (237/238 гг.) жив наверняка, так как был жив в 244 г., Филострат Лемноский тоже жив, так как о безвременной кончине этого своего ближайшего друга Флавий Филострат не промолчал бы, и точ-

ных сведений нет только об Апсине, но при живых Никагоре и Филострате Лемноском это уже не имеет значения – ясно, что Филострат не хочет описывать жизни столь дорогих ему друзей не потому, что они живы-здоровы, а потому, что опасается показаться «лицеприятным». Этому нет никакого разумного объяснения, разве только весьма шаткая гипотеза, которая не развеет ничьих недоумений, однако, по крайней мере, поможет отчетливее оценить ситуацию.

Все известные нам греческие и римские биографии описывают не просто завершившиеся жизни, а по большей части жизни, завершившиеся давно или очень давно, если же биограф все-таки берется за деятелей относительно близкой ему эпохи, жизни их обычно завершаются хотя бы за несколько десятилетий до составления сборника – потому-то, скажем, у Светония все цезари, поэты, философы и грамматик умидают не позднее его юношеской поры. И так, о современниках биографы писать не слишком стремятся, хотя иные действуют радикально, подводя черту лет за триста до своего времени, как Диоген Лаэртский, а иные довольствуются умеренной дистанцией, как Светоний или (изредка) Плутарх – разве что немногие одиночные биографии по задачам близки к надгробной речи и потому могли создаваться вскоре после смерти, особенно если и вправду имели функцию (хотя бы дополнительную) такой речи. И так, когда Филострат взялся за «Жизни софистов», начав с Евдокса Книдского, современника Платона, он не отступил от традиции ни на шаг, а когда перешел к софистам римского времени, чьи жизни его по преимуществу интересовали, поначалу тоже не отступал от традиции, соблюдая ту самую умеренную дистанцию: почти все его герои умерли если и не до его рождения, то задолго до 237 г. н.э. По всему видно, однако, что он никоим образом не считал, будто софистика пребывает в упадке (это противоречило бы как его самооценке, так и отношению к успехам младших друзей) и потому он не остановился, например, на Дамиане, а не обошел молчанием и близких по возрасту совре-

менников – тоже умерших, но уже в историческом настоящем, как Гипподром и Гермекрат или как последний покойник сборника, Клавдий Элиан, хоть и не доживший до 237 г. н.э., но еще в 222 г. н.э. (а вероятно, что и позже) живой и здоровый (II. 31. 625). Иначе говоря, почти все софисты, чьи жизни Филострат описал в своем сборнике, к 237 г. н.э. были мертвы, однако применительно к представителям его собственного поколения это можно понимать не как отражение фундаментального принципа, предписывающего биографу оставаться за горизонтом настоящего, а как следствие более или менее случайного стечения обстоятельств: да, Элиан умер, но Гелиодор и Аспасий живы, не говоря уж о трех замечательно одаренных младших друзьях, а значит, он, Филострат, не пережил софистику, она в расцвете, а значит, по-разному незаурядные Гелиодор и Аспасий заслуживают места в сборнике – что же до Аписина и прочих, их приличия ради придется только похвалить, а не будь они в дружбе с биографом, он описал бы и их жизни.

Даже и тут никаких правил Филострат не нарушил, но лишь потому, что настоящих правил (как число стоп в гексаметре) у биографии не было: «жизни» можно было писать хоть кратко, хоть пространно, хоть с рубрикацией, хоть без, а располагать хоть в хронологическом порядке, хоть в тематическом – что же до (равно обязательных) претензии на достоверность и прозаической формы, это не собственные признаки биографии, а приметы ее принадлежности к историческому роду в его отличии от поэтического. Другое дело, что опознаваемость биографии обеспечивалась тем, что ее повествовательные рамки были ограничены жизнью одного-единственного человека – отсюда и название «жизнь». А так как по-гречески βίος – и жизнь в отличие от смерти, и срок жизни, и образ жизни, позднейшее βίος как «описание жизни» естественно подразумевало, что биография есть описание всей жизни вместе со всем ее событийным наполнением. Многим «знаменитым мужам» именно смерть давала повод в полной мере проявить свою личность, поэтому

именно смерть нередко оказывалась чем-то вроде эффектной развязки жизненного сюжета, если же в смерти ничего достойного не было, биографы говорили о ней кратко либо вовсе не говорили, но отсюда никак не следовало, что имярек жив – любая «жизнь» по определению была завершенной жизнью, и если о каком-нибудь грамматике у Светония только и сказано, какие тексты он изучал, это не значило, что он по-прежнему их изучает.

А если «знаменитый муж» – софист, мирно умирающий в собственной постели, о чем было заведомо известно уже при замещении им кафедры? Разве нельзя описать его жизнь, пусть еще не завершившуюся, если она успела наполниться всем, что может быть интересно в жизни софиста? Следуя традиции (да и житейскому опыту), нельзя, потому что этого софиста даже и в собственной постели может убить молния, а о таком непременно надо рассказать, а значит, допустимо описывать лишь прожившую жизнь – иначе невозможно претендовать на достоверность написанного. Но всё это никогда не было сформулировано в виде правила или определения, это просто было (и осталось) чем-то само собой разумеющимся – недаром самым близким риторическим аналогом биографии является надгробное слово, эпитафий, в котором тоже говорится о человеке, чья жизнь уже завершилась, и недаром некоторые одиночные биографии на такой эпитафий очень похожи, как «Агрикола» Тацита.

В сущности, именно здесь проходит граница между похвальной (а изредка и разоблачительной, «похвальной наоборот») и надгробной речью: тут и там рассказ о делах и нравах, но в надгробной речи все они в прошлом, а в похвальной ожидается продолжение. Однако если обычная биография в структурном отношении имеет немало общего с надгробной речью, почему бы не уподобить некоторые из биографий похвальным речам? Повествовательная фактура биографии при этом, конечно, сохранится, ведь главное назначение «жизни» не в том, чтобы хвалить (ругать), а в том, чтобы правдиво описывать, но

должен ли проживающий эту жизнь к концу рассказа непременно быть мертвым? В других жизнеописаниях герои умирают просто потому, что и вправду умерли, их время миновало – но софистика жива и глядит в будущее, так почему бы не описать жизнь живого софиста? С логической точки зрения это совершеннейший абсурд: даже если главное для биографа – карьера героя и даже если эта карьера уже состоялась, у живого человека впереди всегда довольно времени хотя бы для того, чтобы умереть при достопамятных обстоятельствах (вот, например, от молнии), потому-то «жизнь» можно писать не прежде, чем жизнь завершена. Но у софистов свой способ рассуждать, причем рассуждать убедительно: вероятностью, что пожилой преподаватель риторики будет убит молнией, можно пренебречь (и верно, мы о таком не слышали), он наверняка мирно умрет в своей постели и в смерти его ничего интересного не будет – а в жизни, пусть не завершившейся, у него кое-что интересное случилось, и почему бы об этом не рассказать... Подобный ход мысли у софиста может быть бессознательным, он слишком привык к своим «риторическим силлогизмам», а знаменитый софист, успевший прославиться именно в качестве биографа, и вовсе может писать биографии так, как считает нужным (ему ли не знать, как пишутся биографии?) – вероятно, это и есть наш случай. Гипотеза, конечно, весьма шаткая, но других пока нет.

Оставив двух софистов живыми, Филострат с присущим ему мастерством совершенно избежал всякого сходства с похвальной или разоблачительной речью, так что биографии Гелиодора и Аспасия мирно занимают свое место в «Жизнях софистов», не привлекая своей необычностью ничьего – ничьего! – внимания. Занимают они свое место и на задворках собрания литературных экспериментов классической древности: на задворках, потому что других биографий такого типа словесность не знает – эксперимент оказался неудачным, никто Филострату подражать не стал, а современные авторы «биографий» живых знаменитостей не только Филострата не читают, но и биографией, как уже го-

ворилось, называют вовсе не биографию¹¹. Что же до настоящей биографии, она бывает только у тех, кто уже умер, и если на сей счет нет строгих правил, есть кое-что поважнее – сложившаяся задолго до Филострата традиция, а потому Гелиодор с Аспасием всё еще старятся в Риме, словно некие софистические струльдбруги. Когда бы не это, «Жизни софистов» были бы обычным биографическим сборником, если можно считать обычным один из четырех уцелевших сборников греческих «жизней», который больше тысячи лет переписывали от руки, чтобы читать самим и хранить для потомков.

4. *Принципы перевода.* В заключение несколько слов о переводе – о том, какими принципами мы руководствовались, чтобы добиться возможно большего сходства русского текста с греческим оригиналом.

Как почти все греческие авторы римского времени, Филострат был аттикист, то есть имел для себя образцом древних аттических писателей – прежде всего Платона и Демосфена, но и почти столь же хрестоматийных Ксенофонта, Исократ и их

¹¹ Единственным намеком на подражание – да и то не жизням Гелиодора и Аспасия, а похвале друзьям – можно считать заключительную фразу «Жизней философов и софистов» Евнапия. Все они, разумеется, умирают, но за описанием смерти Хрисанфия следуют такие слова: «Преемниками же любомудрия соделались после него Эпигон Лакедемонский и Вероникиан Сардский, оба достойные звания любомудров, да притом уж сколько жертвы принес оный Вероникиан Харитам и каково способен ладить с людьми – да будет так и впредь!» (Eunap. VS 505). Конечно, здесь заметна житейская заинтересованность (полноценный преемник у Хрисанфия может быть только один, и Евнапию хочется, чтобы это был Вероникиан), но сходство с последней фразой Филострата, которого Евнапий считает одним из своих предшественников, все же заметно: как достоинства Никагора, Апсина и особенно Филострата Лемносского подтверждают, что софистика жива и глядит в будущее, так достоинства Эпигона и особенно Вероникиана подтверждают, что философия тоже жива и тоже глядит в будущее.

современников. Для этих авторов, выросших и воспитанных в Афинах, местный аттический диалект был в ту пору таким же родным, как, например, дорийский для выросших и воспитанных в Лакедемонe спартанцев, однако же по стечению обстоятельств именно в древних Афинах великих писателей собралось больше, чем где бы то ни было, а потому и сравнительно новая для той эпохи прозаическая литература развивалась там быстрее и отличалась уже не только естественной для земляков общностью диалекта, но и некой общностью стиля – скажем, сочетанием лексического богатства с относительной простотой словоупотребления или развернутыми синтаксическими построениями, так называемыми «периодами»; эти и другие особенности наслаивались на аттический диалект, создавая неизъяснимую прелесть, то есть общую (небезосновательную) уверенность, что лучше писать невозможно. Атикисты римского времени старались подражать древним во всем, в частности, в использовании аттических диалектных форм, и порой добивались невероятного, так что об одном (пусть не слишком интересном по содержанию) фрагменте до сих пор с точностью не известно, Герод его автор или живший пятью веками ранее Критий, в чьи уста Платон вложил рассказ об Атлантиде.

При всем том язык древней аттической прозы был, как сказано, литературной версией живого аттического диалекта, а по видимости сходный с ним язык римских атикистов бытовал в совершенно ином языковом сообществе, так что понимать его могли только люди, хотя бы отчасти образованные (впрочем, таких было немало), а пользоваться им – только люди, хорошо образованные (правда, хватало и таких): то был язык по происхождению книжный, демонстративно противопоставлявший себя сумме не ориентированных на литературную норму местных говоров, которые известны нам преимущественно по надписям, но которые как раз и были живым греческим языком того времени. Однако чем больше в языковом сообществе грамотных, тем

больше влияния именно у книжного языка, потому что норму в этих случаях определяет школа, а в греческой школе того времени господствовал аттицизм, поощрявший «правильную» речь и противившийся «неправильной». Тут нет ничего особенного, сходное можно наблюдать и в других традициях, где имеется «школьная классика», нередко относительно новая, в основном отбираемая более или менее произвольно, но непременно в той или иной степени архаичная, а значит, консервирующая языковые явления, которым иначе была бы суждена скорая смерть (скажем, некоторые русские падежи без школы отправились бы в небытие вслед за звательным) – и всё это дает носителям языка возможность читать и понимать тексты, созданные задолго до их рождения, то есть расширяет круг знаний и обеспечивает культурную преемственность. Очень важно понимать, что при всей своей демонстративной архаичности римский аттицизм был новым – теперь это был общий литературный язык римских греков, поддерживающий единство нового культурного пространства, возникшего, когда Средиземноморье с прилегающими странами подпало под «державство римского народа». Вот этому-то языку мы и должны были подобрать более или менее приемлемый русский аналог.

Самоочевидно, что ближе всего к римскому аттицизму стоит русский литературный язык той эпохи, когда наша словесность, далеко разойдясь с еще бытовавшими диалектами живого языка, уже обзавелась прозой, уже адресовалась к довольно многочисленному читателю, уже изучалась в школе, но все еще оставалась достоянием относительного меньшинства, «образованной публики» – это русская проза середины позапрошлого века, синтаксически богатая, лексически разнообразная и тоже, кстати, в лучших своих образцах обладающая неизъяснимой прелестью, особенно у Гоголя. Язык этот и сейчас более или менее понятен грамотному читателю, пусть порой кажется чуть архаичным, но ведь таков был и римский аттицизм – понятный, хотя с еще более выраженной архаизирующей тенденцией. Да только нет на свете

по-настоящему похожего, так что и тут рядом с явным сходством сразу обнаружились радикальные различия.

Норма русского словоупотребления, как и вообще норма европейского словоупотребления, начиная с латыни, допускает использование заимствований – в латыни греческих, в других языках греческих и латинских, а затем по потребности и прочих (так, прилагательные «наивный» и «серьезный» заимствовал из французского Карамзин). Вот для примера абзац образцового и неизъяснимо прелестного русского текста середины XIX века; заимствования выделены курсивом:

Весь следующий день посвящен был *визитам*; приезжий отправился делать *визиты* всем городским сановникам. Был с почтением у *губернатора*, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну, и поговаривали даже, что был представлен к звезде; впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал иногда по *тюлю*. Потом отправился к *вице-губернатору*, потом был у *прокурора*, у председателя палаты, у *полицей-мейстера*, у откупщика, у начальника над казенными *фабриками*... жаль, что несколько трудно упомянуть всех сильных мира сего; но довольно сказать, что приезжий оказал необыкновенную деятельность насчет *визитов*: он явился даже засвидетельствовать почтение *инспектору* врачебной управы и городскому *архитектору*. И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать *визит*, да уж больше в городе не нашлось чиновников...

При описании любой другой ситуации курсивов было бы не меньше (кто-то непременно надел бы *шинель*, прочитал бы очерк в *журнале*, повстречал бы знакомого *студента*), так что цитата просто демонстрирует, как много заимствованных слов даже в самом образцовом русском языке¹². А вот у антикистов

¹² Строго говоря, «бричка» и «палата» – тоже заимствования, но

заимствований не было и быть не могло, все слова у них были только греческие.

Греки всегда по мере сил избегали всего, что на вид или на звук казалось варварским, то есть не греческим, но до поры эта культурная тенденция языковых проблем не создавала, а вот после римского завоевания всё господствующее (законы, армейские артикулы, кто кому начальник, даже официальные даты) – всё оказалось по-латыни. Конечно, образованные римляне обычно хорошо знали греческий, а греки в своих самоуправляющихся городах могли обходиться без латыни или почти без латыни, в общем же на бытовом уровне всё решалось естественным путем: кто оказывался связан с военной службой, тот хуже или лучше осваивал армейскую латынь, кто кормился при канцелярии, тот по необходимости владел латынью хорошо, кому для дела хватало десятка латинских слов, что ж, примерно столько он и знал – но эти познания определялись житейскими потребностями и не считались признаком учености, как знание греческого у римлян¹³. Латынь не просто была лишена у греков престижа, которым обладал у римлян греческий, нет,

«бричка» вошла в русский язык уже в XVII в., вместе с заимствованным у поляков легким экипажем (*bryczka*), а «палата» (от лат. *palatium* через среднегреч. *παλάτιον*) означает «чертог» или «дворец» уже в церковнославянском, так что при Чичикове эти слова давно были освоены не хуже, чем «богатырь» или «князь»; сходные заимствования имелись и в греческом (например, *ᾠμος* ‘гимн’) и тоже не ощущались как чужеродные.

¹³ Скажем, Лукиан был чиновником в Египте, а значит, должен был знать латынь очень хорошо, однако не написал на этом языке даже какого-нибудь пустячка. Лишь через два столетия явились два одаренных грека, историк Аммиан Марцеллин (род. ок. 330 в Антиохии) и поэт Клавдий Клавдиан (род. ок. 370 в Александрии), полностью перешедшие в своем литературном творчестве на латынь; язык и стиль обоих отличаются чрезвычайной изысканностью, что вообще свойственно (немногим) литературным иммигрантам, например, Набокову в его английских романах.

стилистическая норма по-прежнему воспрещала употреблять любые негреческие (варварские) слова, и очевидное практическое неудобство такого запрета делало его только строже. Вот, например, греки постоянно имели дело с римскими чиновниками и должностными лицами, живым воплощением «державства римского народа», а так как римская номенклатура отличалась однозначностью и упорядоченностью, из латинского названия должности легко было понять, по какому адресу надо нести жалобу, а то и взятку. Образованные греки наверняка справлялись с этим не хуже необразованных, однако именно они переводили всю римскую номенклатуру на греческий, не слишком беспокоясь о точности, так что одна и та же должность могла называться по-разному, а разные одинаково – эта особенность в переводе, разумеется, сохранена, а кем был тот или иной «правитель» или «начальник», мы, если знаем, сообщаем в комментарии. Исключением стало слово «гипат» (ὑπάτος), потому что у Филострата это может быть хоть консул, хоть консуляр (бывший консул), хоть кто-то еще: недаром в Тактиконе (византийской «Табели о рангах») «ипат» уже не должность, а чин – и у Филострата можно видеть начало этого превращения, еще ни в каких табелях не зафиксированное¹⁴. Раз так, мы просто оставляем гипатов гипатами, а если знаем про какого-нибудь, что он был консулом такого-то года, сообщаем об этом в комментарии; без перевода остается и ἀνθυπάτος, который у Филострата (и не только) всегда проконсул, но из-за общего с гипатом корня по необходимости транслитерирован в анфипата.

При этом, коль скоро наш русский язык должен изображать греческий, мы стараемся не злоупотреблять даже и греческими словами, ведь относительно русского и они иностранные. Правда, тут наши возможности поневоле ограничены: софисты

¹⁴ Подробнее о «литературной цензуре» римской номенклатуры см.: Рабинович 2010: 267–287.

остаются софистами, театры театрами, а энтимемы и эпихеремы энтимемами и эпихеремами – многие греческие слова русского аналога не имеют, так как по-русски заимствовать можно, а охотников переименовывать любую гипотенузу у нас в достаточном числе не было. Впрочем, традиционными переводами мы пользуемся, как, например, «любомудрием» для философии или «ристалищем» для стадиона, а некоторые находим сами, потому что очень уж они на виду: так, пресловутая «агора» – это просто майдан¹⁵, а столь же пресловутая «стоя» – просто крытый проход. Сходным компромиссным принципам мы следовали и при передаче риторической номенклатуры, где тоже кое-чему нашлось русское соответствие, кое-чему не нашлось, а слово «ипотéза» сохранено ради любви к нему Филострата. Зато встречающееся не реже «ипотезы» и чаще «гипата» αὐτοκράτωρ, имеющее, казалось бы, традиционную кальку «самодержец», передается столь же традиционным «кесарь», потому что в данном случае калькирование произошло с утратой семантики: αὐτοκράτωρ – полномочный полководец (imperator), а «самодержец» – московский (пусть лишь коронуемый в Москве) князь или царь, хотя бы и ордынский данник (Рабинович 2012: 698-712), а это никакому римскому императору не подходит.

Для передачи греческого текста такие ограничения в словоупотреблении кажутся не только допустимыми, но и полезными: текст остается доступен для чтения и понимания, сохраняя при этом существенные черты оригинального стиля римских аттикистов, в частности, Филострата. Конечно, избыточной

¹⁵ Слово «агора» обычно используется без перевода и русскому читателю иногда знакомо, а то и понятно, но у ἀγορά ударение на последнем слоге, а по-русски удобнее говорить «агóра» – так и говорят, так даже называется почтенная правозащитная организация. С узусом воевать бесполезно, и от сомнительного слова всегда лучше отказаться, особенно когда есть русское слово с точно тем же значением, зарегистрированным в самом авторитетном собрании великорусских слов, у Даля.

заимствованиями классической русской прозе подобный «аттицизм» чужд, однако, избрав ее для себя ориентиром, мы все не планировали ради верности этому ориентиру искажать важнейшую (и достаточно легко воспроизводимую) специфику оригинала, обусловленную вдобавок культурной позицией нашего автора и чуть ли не всех греческих авторов римской эпохи. Зато кое от чего в переводе пришлось отказаться или почти отказаться, а так как в русской прозе эти приемы не приняты, отказ от них снова в известной степени сближает нас с привычной стилистикой русской классики.

Для софистики характерны различные звуковые прикрасы, особенно в показательных речах (в приводимых у Филострата цитатах из удачных речей они по возможности сохранены), но изредка и в биографическом повествовании – и в повествовании мы их не передаем. Применительно к ритмическим орнаментам это во многом определяется различием фонетики: по-русски нет противопоставления долгих и кратких слогов, так что в упоминавшихся цитатах приходится довольствоваться гармонизацией силовых ударений, но злоупотреблять этим в повествовании было бы излишне. Не передаются и встречающиеся в некоторых биографиях созвучные окончания слов, иногда именуемые «риторическими рифмами»: передать такие *гомеотелевты* по-русски нетрудно, но, по нашему мнению, тоже неуместно. Переводчик вручает текст словесности, уже имеющей фундаментальную структуру, нарушать которую нельзя, а разделение поэзии и прозы несомненно относится к фундаментальным. Между тем в русской литературе рифма является признаком стихотворной речи, знаменуя стихораздел, у греков же рифмованной поэзии не существовало, *гомеотелевт* был сугубо риторическим приемом и использовался только в прозе – то есть в русском переводе гомеотелевты звучали бы внедренными в прозу обрывками стихов, каковыми в греческой прозе вовсе не являются.

В итоге читателю предлагается текст, который по многим формальным признакам стилистически проще оригинала,

пусть кому-то «Жизни» все равно покажутся тяжеловаты, а то и (*horribile dictu*) доступны для упрощения с помощью нехитрых переводческих приемов, дающих широкой публике возможность ознакомиться лишь с содержанием текста, не утомляя себя непривычным стилем. Однако, как уже не раз говорилось, «Жизни софистов» не адресованы широкой публике, а стало быть, для тех, кто сегодня хочет получить хотя бы приблизительное представление об этом труде Филострата, легким чтением быть не должны.

Остается добавить, что перевод выполнен в основном по изданию Эмили Райт (Wright 1922); для контроля использовался английский перевод в этом же издании, а также итальянский перевод в издании Чивилетти (Civiletti 2002). Все цитаты из «Илиады» – в переводе Н. И. Гнедича, из «Одиссеи» – в переводе В. А. Жуковского, и это не оговаривается; в прочих неоговоренных случаях цитаты переводили мы сами.

Греческий текст приведен с опорой на издание Кайзера (Kayser 1871), однако с учетом новейших изданий (прежде всего Райт) – то есть с теми чтениями, которые были выбраны нами для перевода. В греческой части традиционная пагинация Олеария (Olearius 1709) воспроизводится со всею возможной точностью, в переводе – приблизительно, для удобства поиска, так как при переводе не только порядок слов нередко меняется, но и длина слов другая, а в итоге перевод страницы Олеария с настоящей страницей Олеария почти никогда точно не совпадает.

А. А. Ветушко-Калевич

«ЖИЗНИ СОФИСТОВ»:
РУКОПИСИ, ИЗДАНИЯ, ПЕРЕВОДЫ

Первая полная рукопись «Жизней» явилась в свет зимой 237/238 гг. н.э. – это был подарочный экземпляр, преподнесенный проконсулу Антонию Гордиану автором, Флавием Филостратом. К этому времени Филострат давно уже был знаменитым софистом, поэтому его труд тогда же стал публиковаться (переписываться) и, по всем признакам, оставался довольно широко известен читателям во все последующие века: «Жизни» знает и философ Синесий Киренский (конец IV в.), и биограф Евнапий Сардский (IV–V в.), и историк Иоанн Зонара (XII в.), наконец, отсылки к «Жизням» часто встречаются в лексиконе *Суда* (X в.)¹. Итак, в течение двенадцати с лишним веков (точнее, 1265 лет) всякий, кто читал «Жизни», читал их переписанными от руки, а иногда и сам переписывал – и тем не менее их читали, о чем полезно помнить сегодняшним читателям Филострата.

Карл-Людвиг Кайзер говорит о трех семействах рукописей, хотя не объясняет принципы этого деления (Kayser 1838: VI); так или иначе, самым старым из двадцати шести изученных манускриптов он называет Vaticanus 99 (XI в.), а самым лучшим – Vaticanus 140 (XIII в.). В рукописях «Жизни софистов» нередко соседствуют с сочинениями других авторов – с трудами софистов Филострата (Исократа, Диона, Элиана и др.), с тема-

¹ Более подробный список позднеантичных и византийских авторов, обнаруживающих знакомство с «Жизнями», см. (Kayser 1844: I).

тически близкими к «Жизням» сборниками Диогена Лаэртского и Евнапия, с риторическими трактатами Дионисия Галикарнасского (Kayser 1838: VI–XIV nn. 2, 10, 14, 19, 39); внутри корпуса Филостратов «Жизни» чаще всего объединяются с «Героикой» (9 совпадений в списках рукописей, приводимых Кайзером в издании 1844 г.) и с «Картинами» (6 совпадений, причем все входят в число упомянутых девяти); особняком стоит кодекс Parisinus 1696 (XI в.) – единственный, содержащий и «Жизни софистов», и «Жизнь Аполлония», и «Героику», и «Письма», и «Картины».

Нельзя не отметить на редкость хорошее состояние текста: в «Жизнях» только четыре лакуны, притом не препятствующие пониманию (одна в кн.1 и три в кн.2, все отмечены в переводе), поправок тоже требуется немного – в общем, сохранность «Жизней софистов» спустя восемнадцать веков не хуже, чем у некоторых произведений новоевропейской литературы спустя полтора-два столетия.

Издания и комментарии

Среди инкунабул (изданий первого полувека от начала книгопечатания, то есть до 1500 г.) «Жизней» нет, но уже среди палеотипов (1500–1550 гг.) они появляются почти сразу, в одном сборнике с «Героикой» и «Картинами»: это первое издание (editio princeps) предпринял в 1503 г. гуманист Альд Мануций (Aldus 1503), уже выпустивший двумя годами ранее «Жизнь Аполлония Тианского». Издание Альда было выполнено по рукописи Laurentianus LXIX, 30 (Kayser 1838: XVIII–XIX); в 1522 г. его тесть эту книгу переиздал.

В следующий раз «Жизни» вышли в переводе (разумеется, латинском), притом сделанном лет за пятнадцать до издания Альда: другой гуманист, Антонио Бонфини (1434–1503), перевел «Жизни» (вместе с «Героикой», «Картинами» и Письмами), пользуясь, как позднее установил Кайзер, другими рукопися-

ми – Mediolanensis C. 47 и Marcianus 392 (Kayser 1838: XVI n. 49.). Бонфини служил историком при дворе венгерского короля Матиаса Корвина, и первые годы перевод хранился в знаменитой Библиотеке в Буде, однако вскоре Иоганн Гремпер multis sane laboribus, multis precibus, multis denique lachrymis («многими трудами, многими мольбами, многими слезами») вывез рукопись в Вену², а в 1516 г. ее опубликовал в Страсбурге Николай Гербель (Bonfinus 1516), указав на некоторые ошибки, допущенные Бонфини.

В 1517 г. во Флоренции вышел в свет еще один палеотип «Жизней», тоже вместе с «Героикой» и «Картинами» – это издание предпринял Филипп Джунта (Iunta 1517), начавший дело раньше Альда, в 1480 г., но в своих Юнтинах (или Джунтинах) нередко ему подражавший; в 1535 г. другой Джунта, Лука Антонио, издал книгу точно такого же состава в Венеции (Iunta 1535) – семейный издательский концерн флорентийцев Джунта существовал не только в нескольких городах Италии, но также в Испании и во Франции на протяжении полутора веков. Наконец в 1550 г. Мельхиор Сесса Старший, первый представитель известного издательского семейства, издал «Жизни» в Венеции – и опять в том же составе (Sessa 1550).

Таким образом, в 1503–1550 гг. в Италии «Жизни» были четырежды изданы и один раз переизданы в оригинале, да еще в Страсбурге вышел латинский перевод. Отсюда следует, что все или почти все образованные (умевшие читать по-гречески) люди Филострата в это время читали, а порой читали Филострата и люди обыкновенные (умевшие читать только по-латыни), а так как родиной современной европейской культуры является, конечно, Италия, это надолго определило дальнейшую судьбу «Жизней», у которых всегда находился свой круг читателей.

² Сейчас она доступна в сети: <http://www.corvina.oszk.hu/corvinas-html/philostratus.html>

Фредерик Морель, выпустивший в 1608 г. в Париже полное собрание сочинений всех (тогда двух) Филостратов с параллельным латинским переводом, во многом еще опирается на Бонфини, поясняя на титульной странице, что «местами очистил перевод Антонио Бонфини от бесчисленных ошибок, местами же поместил вместо него свой»; своими консультантами при подготовке издания Морель называет таких выдающихся филологов, как Исаак Казобон и Андрей Схотт (Morellus 1608: [VIII]). Издание Мореля оставалось важнейшим на протяжении столетия, но Готтфрид Олеарий, выпустивший в 1709 г. в Лейпциге полное собрание сочинений всех Филостратов и тоже с латинским переводом, хоть и хвалит поначалу «и по сей день не превзойденное» издание Мореля (*praestantissima in hunc diem editio*), тут же замечает, что греческий текст у Мореля практически тот же, что в Альдине (Olearius 1709: VIII), а под конец весьма резко критикует как греческий текст, так и перевод, в частности, жалеет, что во времена Мореля не осуществили свои замыслы по изданию Филострата (возможно, узнав о работе Мореля) Элиас ван Путчен и Готтфрид Юнгерманн, у которых наверняка получилось бы куда как лучше (Olearius 1709: IX) – это уже намек на прискорбную конкуренцию национальных школ, которая особенно ярко проявит себя в XIX в., но к XIX в. в части Филостратов немцы у французов давно выиграли, и основная работа над их корпусом надолго переместилась если не только в Германию, то в основном в Германию. Нельзя не добавить, что пагинация Мореля отклоняется от ныне повсеместно принятой пагинации Олеария всего на несколько страниц: если бы такие критерии, как равный объем страниц (комментария у Мореля, в отличие от Олеария, нет) и их деление на разделы А, В, С и D играли роль при закреплении в традиции той или иной пагинации, труд Мореля, возможно, был бы сейчас известен шире.

Издание Олеария открывается пространным предисловием, в котором за обзором свидетельств о Филостратах и критикой предшествующих изданий следуют благодарности тем, кто

помог автору советом и указанием на (здесь же перечисляемые) рукописные источники – с «Жизнями» Олеарию помогал сам Ричард Бентли (Olearius 1709: X), до сего дня нередко именуемый «великий Бентли». Принципом своего перевода Олеарий называет стремление не коверкать латинский текст буквальным следованием оригиналу, но и не превращать перевод в вольный; кроме того, издание впервые снабжено комментарием, правда, намеренно немногословным (*in notis nostris breuitati studuimus*) и относящимся в основном к критике текста.

Следующим важным этапом в работе над «Жизнями» стала деятельность гейдельбергского филолога Карла-Людвига Кайзера, издававшего их трижды: первый раз отдельно (Kayser 1838), второй (Kayser 1844) и третий (Kayser 1871) – в составе корпуса Филостратов. Первые два издания стали итогом пришедшегося на 1830-е гг. всплеска критической активности: объемистые сборники поправок и толкований к «Жизням» опубликовали в это время также Альберт Ян (Jahn timer 1837) и Фридрих Якобс (Jacobs 1831–32: 307–343), которому Кайзер посвятил издание 1844 г.; тогда же, в появившихся в 1831 г. «Критических заметках» (Kayser 1831), совсем юный Кайзер разделил малопонятную фразу «Рассечь сей перешеек по силам скорее Посейдону или человеку, которого многие именовали Геродовым Гераклом» между двумя абзацами (552), то есть между рассказом о мечтах Герода и рассказом о божественном Агафione; Яну принадлежит изящная конъектура $\theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\eta$ вместо $\Theta\epsilon\tau\tau\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha$ (618): топоним здесь неуместен, зато «ни в море» кажется естественным продолжением перечня «ни в деревне, ни в дороге...». Издания Кайзера, аккумулировавшие эти и подобные достижения того времени и выполненные в соответствии с установившимися в XIX в. принципами критики и издания древнеклассических авторов, остаются базовыми по сей день, о чем свидетельствует их репринтное воспроизведение в середине прошлого века. Бесценным оказалось для комментаторов «Жизней» и первое (отдельное) издание Кайзера, так как в цю-

рихском издании комментарий был сокращен, а в лейпцигском и вовсе отсутствует.

Последний латинский перевод Филострата (как и обычно, параллельный греческому тексту) вышел в знаменитой парижской серии “Didot” в 1849 г.: переводчик, Антон Вестерман, говорит в предисловии, что долго сомневался, стоит ли браться за новое, пусть и предназначенное для несколько более широкого круга читателей, издание Филострата почти сразу после Кайзера, но был ободрен в своем намерении самим Кайзером (Westermann 1849: I–II.). Все расхождения с текстом Кайзера Вестерман приводит в предисловии: их не так уж мало (только в «Жизнях» более шестидесяти), однако, по отзыву Кайзера, самые остроумные в «Жизни Аполлония». Труд Вестермана оказался, однако, в тени из-за выхода в свет третьего издания Кайзера, в котором были учтены как возражения Вестермана, так и рецензии на второе издание; перевод Вестермана, пусть и превосходящий устаревшие переводы Бонфини, Мореля и Олеария, Райт характеризует как “often incorrect” (Wright 1921: XLII); комментарий у Вестермана отсутствует.

Голландский филолог Карел Габриэль Кобет был почти одних лет с Кайзером, но, в отличие от него, Филостратом начал заниматься поздно, в конце 1850-х, так что, когда в 1870–71 гг. Кайзер выпускал свое третье и последнее издание, успел опубликовать лишь многочисленные конъектуры к «Жизни Аполлония» и «Гимнастике» (Кайзер в своем издании их учел); собрание исправлений Кобета к «Жизням софистов» появилось уже после смерти Кайзера. Кобет предложил несколько десятков убедительных и остроумных поправок к тексту – например, вернул Фаворина и его родной Арль с берегов полумифического Эридана на вполне реальный берег Роны (Cobet 1873: 229).

Значимость вышедшего в 1921 г. издания Эмили Райт определяется прежде всего тем, что, хотя в основе своей оно имеет текст Кайзера, в нем впервые учтены конъектуры голландского филолога XVIII в. Лодевика Каспара Валькенара, опублико-

ванные в 1892 г. Карлом Шенклем (Schenkl 1892: 267–277), исправления Кобета (Райт принимает почти все) и еще несколько исправлений, предложенных в начале XX в. Гербертом Ричардсом, который, в частности, восстановил выпавшие числа γ' (510: «речей у Эсхина три») и δ' (603: «засим приобрел он четыре дома») – в первом случае это совершенно меняет синтаксис греческого предложения (Richards 1909: 109). Издание Райт снабжено первым (и на сегодня единственным) переводом «Жизней» на английский язык: перевод этот в основном надежен и соответствует учебному назначению серии, в которой издан.

Первый комментарий к «Жизням» (точнее, к некоторым из них) появился лишь в 1989 г. – это диссертация Сузанны Роте (Rothe 1989), руководствующейся в своей работе довольно сомнительным принципом: она отбирает биографии только тех софистов, которые замещали афинскую и римскую кафедры, добавив к ним, впрочем, Аполлония Навкратийского, так как он выжил с афинской кафедры Гераклида, пусть сам ее и не занял. Это не согласуется с позицией Филострата (ср. П.2.566: «не все, возвысившиеся до такового престола, достойны памяти!»), а главное, за пределами внимания остаются самые выдающиеся софисты, в том числе Скопелиан, Полемон и Герод – в общем, выбор Роте не кажется удачным. Комментарий посвящен в основном словоупотреблению Филострата (в частности, риторической терминологии) и хронологии; более общие социальные и культурные проблемы не затрагиваются, критики текста почти нет. Комментарий к каждой биографии предваряется немецким переводом, а в конце снабжен краткими сведениями о софисте. Полный комментарий к «Жизням» вышел лишь в 2002 г. и составлен Маурицио Чивилетти, в чьей книге содержится также греческий текст с параллельным итальянским переводом. Соотношение текста и перевода своеобразное: текст буква в букву воспроизводит издание Кайзера, хотя в одиннадцати случаях Чивилетти с чтением Кайзера не согласен, объявляет об этом в предисловии (Civiletti 2002: 57–58) и переводит по исправленному – а при этом на ле-

вой (греческой) странице у него, повторимся, текст Кайзера. В переводе Чивилетти иногда исправляет ошибки Райт, но главная ценность его труда – в упомянутом комментарии, весьма обширном и учитывающем богатую библиографию второй половины XX в.; в приложении опубликованы размышления Константиноса Кавафиса о Второй софистике. Наконец, недавно в Висбадене вышла книжка, содержащая греческий текст «Жизней» с немецкой параллелью и минимальными примечаниями (Brodersen 2014) – назначение ее учебное и общепросветительское.

Итак, последнее серьезное критическое издание текста «Жизней» – издание Кайзера, к которому Райт добавила совсем немного, а Чивилетти – почти ничего. Настоящий перевод выполнен в основном по изданию Райт; в то же время критический аппарат Райт соответствует лишь стандартам учебной серии Loeb'a, поэтому греческий текст в нашем издании дан с опорой на Кайзера (Kayser 1871), с учетом новейших изданий и с теми чтениями, которые были выбраны нами для перевода.

Остается добавить, что, когда наша книга уже отправлялась в издательство, в Оксфорде вышло новое – первое после Кайзера! – критическое издание «Жизней», предпринятое Рудольфом Стефецем (Stefec 2016). В описании рукописной традиции Стефец фильтрует и уточняет Кайзера, оставляя два семейства манускриптов (первое и третье по Кайзеру) и внося некоторые из рукописей второго семейства Кайзера в категорию *Apographa potiora* (Stefec 2016: V–VII, XI; cf. Stefec 2010: 63–93; Stefec 2014: 137–206). В мелочах текст Стефеца отличается от текста Кайзера довольно значительно: там, где Кайзер предпочитает одну группу рукописей, Стефец может предпочесть другую, а там, где Кайзер принимает чтение, например, Кобета, Стефец от него отказывается – однако ни одно новое (или основательно забытое старое) чтение не вносит в текст значительных смысловых изменений, а иные и вовсе кажутся лишними, так как не согласуются с контекстом и/или реалиями эпохи. Самые инте-

ресные из чтений Стефеца, к сожалению, недоказуемы: скажем, одну из речей Фаворина (I. 8. 491) он предлагает называть не «о безвременно почившем» (ἀώρω), а «о чепухе» (λήρω), потому что так она называется в другой группе манускриптов – но речь эта упоминается только в «Жизнях» и нельзя проверить, каково было ее название на самом деле. Ученик Кассиана Перигет Лидийский (II. 33. 627) во всех манускриптах Περίγητος, однако Рейске в свое время предложил читать Πίγρητος, и Стефец исправление Рейске принимает (лидийское имя «Пигрет» упоминается у Геродота) – но об этом ученике Кассиана ничего не известно и никак нельзя проверить, действительно ли он носил такое (в ту пору уже экзотическое) имя. В целом издание Стефеца подтверждает, что критика «Жизней» себя в основном исчерпала: как уже сказано, этот сборник дошел до нас в очень хорошем состоянии, а значит, существенной правки никогда и не требовал – а теперь тем более не требует.

Переводы (без греческой параллели)

До поры, как мы видим, «Жизни» переводились только на латынь и, кроме перевода Бонфини, теми, кто предлагал перевод в параллель к своему же критическому изданию текста. Первый перевод на национальный язык – немецкий – был опубликован в 1777 г. Давидом Кристофом Зейбольдом в Лемго (Вестфалия) и предваряется уверениями в увлекательности чтения «Жизней» и апологией софистики: «Ничто не будет для меня приятнее, чем если мой перевод поспособствует распространению более верных понятий о софистах» (Seybold 1777: 9). Перевод Зейбольда был, таким образом, первым переводом, предпринятым в интересах относительно широкого круга читателей – таких, которые не только не знают греческого, но затрудняются читать и по-латыни, еще сохранявшей тогда статус общего языка *reipublicae litterarum*. Лишь полвека спустя, в 1831 г., в Милане вышел в свет итальянский перевод Винченцо Ланчетти,

снабженный непространными, но довольно многочисленными примечаниями (Lancetti 1831). Второй немецкий перевод «Жизней», предпринятый Адольфом Генрихом Кристианом, явился почти через восемьдесят лет после первого, в 1855 г., в Штутгарте, когда перевод древнеклассической литературы на национальные языки давно уже стал общим обыкновением; в предисловии Кристиан обсуждает проблему полноты дошедшего до нас текста и, в отличие от Кайзера, отстаивает незначительность имеющихся лакун (Christian 1855a: 1146–1148); переводить он начинал по Олеарию, но тут как раз появилось издание Кайзера, в соответствии с которым перевод был существенно исправлен (Christian 1855a: 1149).

Полного перевода «Жизней» на французский язык пока не существует, хотя, насколько нам известно, сейчас его предпринимает проф. Лоран Перно, известный специалист по греческой риторике. В начале XIX в. многочисленные отрывки были переведены Жаком-Николя Беленом де Баллю (к слову, жившим тогда в России) для его двухтомного труда по истории греческого красноречия (Belin de Ballu 1813); в 1880 г. исправить и дополнить эти переводы взялся Эрнест Жюль Буркен, но перевел (или, во всяком случае, опубликовал) только введение и еще несколько биографий (Bourquin 1880) – при этом он переводил с первых двух изданий Кайзера, хотя уже вышло в свет и третье издание Кайзера, и конъектуры Кобета.

Даже если добавить к этому скромному перечню перевод Райт, получается немного, но так обстояло дело лишь до последнего времени. В 1980-х постоянно растущий исследовательский интерес к культуре римских греков вообще и ко Второй софистике в частности словно разбудил переводчиков: за двадцать с небольшим лет переводы «Жизней» были опубликованы в Мадриде (Giner Soria 1982), в Палермо (Brussich 1987), в Болонье (Prosdocimi 1989), в Торуни (Szarmach 2008); издания Чивилетти и Бродерзена относятся к этому же периоду, и можно сказать, что в качестве переводчиков «Жизней» на национальный язык итальянцы лидируют среди европейцев почти в той

же степени, в какой лидировали некогда в качестве издателей и читателей оригинального текста.

В России интерес к поздней греческой литературе долгое время был нечастым и более или менее случайным, так что полностью на русский язык «Жизни» не переводились никогда, а до середины XX в. и вовсе не переводились. В 1960 г. А. Н. Егунов (Андрей Николев) перевел несколько биографий для известной антологии «Поздняя греческая проза» (Егунов 1960: 503–508), наконец-то привлечшей общее читательское внимание к этому разделу древнеклассической литературы; через несколько лет Т. А. Миллер перевела для другой антологии еще несколько биографий и введение (Миллер 1964: 168–176); комментарий в обеих антологиях минимальный, и никакого исключения для «Жизней», конечно, не делается – выходит не очень понятно, а потому довольно скучно. В результате, хотя из всех, когда-либо прикасавшихся к «Жизням», А. Н. Егунов – единственный читаемый писатель (поэт, прозаик, глава группы АБДЕМ) и при этом весьма опытный и талантливый переводчик, даже о его «Жизнях» сказать нечего: его переводческая позиция гораздо лучше выражена в других работах и в исследовании «Гомер в русских переводах». В наше время начало кн. I перевел А. В. Махлаюк, добавив к переводу предисловие и довольно подробный комментарий (Махлаюк 2013: 169–197); переводческую его позицию уловить пока трудно, так как публикация предварительная, но хорошо уже то, что она снабжена аппаратом, без которого «Жизни» читать трудно или невозможно.

В процессе работы над «Жизнями» мы тоже предприняли две предварительные публикации: напечатали комментированный перевод биографии Герода (Беневич и др. 2008: 48–57) и затем еще нескольких небольших биографий (Беневич и др. 2012: 103–123). Мы благодарим всех, кто высказал тогда замечания к переводу и/или к комментарию и так позволил нам устранить хотя бы часть неизбежных при подобной работе ошибок, хотя некоторые наверняка остались – и за них мы заранее просим у читателей прощения.

ΦΛΑΒΙΟΥ ΦΙΛΟΣΤΡΑΤΟΥ

ΒΙΟΙ ΣΟΦΙΣΤΩΝ

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ

ЖИЗНИ СОФИСТОВ

Перевод и комментарий

*Ф. Г. Беневи́ча, А. А. Ветушко-Калеви́ча, А. А. Кладовой
под общим руководством Е. Г. Рабинович*

(479) ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ
К СВЕТЛЕЙШЕМУ ГИПАТУ АНТОНИУ ГОРДИАНУ

В двух книгах я описал для тебя как любомудров, слывших софистами, так и софистов в прямом смысле слова, ибо знаю, что род твой ведется от софиста Герода¹ и названному искусству причастен, а еще помню, сколь усердно толковали мы некогда о софистах в святилище Дафнейского предместья, что под Антиохией. Отцов их я называл не всегда, бог с ними, разве

¹ Слова «род твой ведется от Герода» заставляли некоторых предположить, что Гордиан – внук Герода: различие возрастов это допускает, но от брака рано умершей дочери Герода Элпиники с неизвестным лицом (см. П. 1. 558 и прим.) ок. 160 н.э. родилась дочь, а единственный сын Герода принадлежал, как и сам Герод, по отцу к Клавдиям и по матери к Атилиям, между тем как Гордиан был по отцу из Антониев, а по матери, вероятно, из Ульпиев (SHA Gord. 2) – итак, во внуки Героду он не годится, отсюда и гипотеза, что «Жизни софистов» посвящены Гордиану II, который мог быть в каком-то родстве с Геродом по материнской линии. Но Гордиан I был проконсулом Африки с осени 237 н.э., весной 238 н.э. на несколько недель сделался императором вместе с соправителем-сыном, а тот после смерти отца продержался (в качестве Гордиана II) еще несколько недель – и проконсулом не был никогда, а о литературных его пристрастиях ничего не известно, так что на адресата посвящения он совсем не похож и никакие гипотезы о его родстве с Геродом не могут считаться плодотворными. Не лучше и предложение Вивиана Наттона

(479) ΤΩΙ ΛΑΜΠΡΟΤΑΤΩΙ ΥΠΑΤΩΙ
ΑΝΤΩΝΙΩΙ ΓΟΡΔΙΑΝΩΙ ΦΛΑΥΙΟΣ ΦΙΛΟΣΤΡΑΤΟΣ

Τοὺς φιλοσοφῆσαντας ἐν δόξῃ τοῦ σοφιστεῦσαι καὶ τοὺς οὕτω κυρίως προσρηθέντας σοφιστὰς ἐς δύο βιβλία¹ ἀνέγραψά σοι, γινώσκων μέν, ὅτι καὶ γένος ἐστί σοι πρὸς τὴν τέχνην ἐς Ἡρώδην τὸν σοφιστὴν ἀναφέροντι, μεμνημένος δὲ καὶ τῶν κατὰ τὴν Ἀντιόχειαν σπουδασθέντων ποτὲ ἡμῖν ὑπὲρ σοφιστῶν ἐν τῷ τοῦ Δαφναίου ἱερῷ.

¹ βιβλία Kayser; βίβλους mss.

понимать «род твой» как «родство по духу» (Nutton 1970: 719–728) – оснований для такого толкования греческий текст не дает. О родстве Гордиана с Геродом Филострат скорее всего знал от самого Гордиана, и вряд ли тот лгал: с современниками генеалогические маневры удаются плохо, а Герод умер, когда Гордиану было уже лет восемнадцать. Остается предположить, что между ними и вправду было какое-то дальнейшее родство, а потому Гордиан мог с детства знать, что доводится знаменитому Героду каким-нибудь троюродным племянником через бабкину сестру, а позднее не скрывал этого от друзей-софистов – словом, не верить в его родство с Геродом причин нет, но проследить это родство невозможно, пусть не всех такое решение удовлетворяет. Нельзя не отметить, что все споры спровоцированы стилистическими предпочтениями Филострата: вместо чего-то вроде «семейство твоё издавна в родстве с семейством Герода» он выбрал более краткое и эффектное «род твой ведётся» – подобных сбивающих с толку выражений у Филострата немало, так как за точностью он следит меньше, чем за стилем.

что были знамениты, ибо наверное помню, (480) что даже софист Критий не начинал с отцов², помянувши лишь Гомерова, дабы изъяснить дивное, а именно что родителем Гомера был Мелет³, – да и мало радости любопытствующему вникать в подробности об отце и матери имярека, а о собственных его добродетелях и пороках и в чем он преуспел либо потерпел неудачу случайно либо намеренно так ничего и не узнать. Сей труд, о наилучший из анфипатов⁴, да облегчит бремя твоих забот, словно полный египетскими снадобьями кубок Елены⁵, – здоровья тебе, Мусaget⁶!

² Первый биографический сборник составил Аристоксен Тарентский (пифагореец, затем перипатетик), живший столетием позже Крития, но у Крития были какие-то заметки о древних поэтах, содержащие биографический материал и цитируемые позднейшими авторами (см. I. 16. 501 и прим.).

³ Текущая близ Смирны река (ποταμός – м.р.) Мелет служила одним из главных доказательств, что из претендующих быть родиной Гомера городов этой честью обладала Смирна; миф о Мелете отражен и в известном «Состязании Гомера и Гесиода» (Cert. Nom. et Hes. 8–10).

⁴ «Анфипат» (в отличие от «гипата») – достаточно регулярное соответствие лат. *proconsul* (назначенный Сенатом правитель провинции), так что анфипатом Гордиан назван в соответствии с занимаемой должностью, а гипатом – из уважения (см. «Предупреждение», разд. 4).

⁵ Нередкий у софистов (cf. VA VII. 22) образ, восходящий к «Одиссее» (Nom. Od. IV. 219–229):

πατέρας δὲⁱ προσέγραψα, μὰ Δία, οὐ πᾶσιν, ἀλλὰ τοῖς ἀπ' εὐδοκίμων· οἶδα γὰρ (480) δὴ καὶ Κριτίαν τὸν σοφιστὴν οὐκ ἐκ πατέρων ἀρξάμενονⁱⁱ, ἀλλὰ Ὀμήρου δὴ μόνου σὺν τῷ πατρὶ ἐπιμνησθέντα, ἐπειδὴ θαῦμα δηλώσειν ἔμελλε πατέρα Ὀμήρῳ ποταμὸν εἶναι. καὶ ἄλλως οὐκ εὐτυχὲς τῷ βουλομένῳ πολλὰ εἰδέναι πατέρα μὲν τοῦ δεινὸς ἐξεπίστασθαι καὶ μητέρα, τὰς δὲ περὶ αὐτὸν ἀρετάς τε καὶ κακίας οὐ γινώσκειν, μηδ' ὅ τι κατώρθωσέ τε οὗτος καὶ ἐσφάλῃ ἢ τύχῃ ἢ γνώμῃ.

τὸ δὲ φρόνησιμα τοῦτο, ἄριστε ἀνθυπάτων, καὶ τὰ ἄχθη σοι κουφιεῖ τῆς γνώμης, ὥσπερ ὁ κρατὴρ τῆς Ἑλένης τοῖς Αἰγυπτίοις φαρμάκοις.

ἔρρωσο Μουσηγέτα.

ⁱ δέ οὐ Kayser

ⁱⁱ addidit Richards

Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
в чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
им наделила...

⁶ Намек на литературные занятия самого Гордиана: в молодости он сочинял эпические поэмы (в частности, «Антониниаду» в 30 кн., о подвигах Антонина Пия и Марка Аврелия) и выступал с показательными речами в Атенеуме (SHA Gord. 3).

КНИГА ПЕРВАЯ

Древнюю софистику следует почитать любомудрою риторикой, ибо предмет у нее тот же, что у любомудров, но если любомудр, мало-помалу продвигаясь в исследовании с помощью вопросов, говорит наконец, что наверное, мол, не знает⁷, древний софист то же самое изрекает, словно сведущий, а посему и речи софистов начинаются словами вроде «знаю» и «понимаю», и «давно примечаю», и «ничто у людей не наверняка»: речам подобные зачины добавляют благородства и значительности, а истолкованию сущего – внятности⁸. Посему первый способ сходствует с людскими гаданиями, что изобрели египтяне и халдеи, а прежде них индусы⁹, умозаклячая о сущем по тысячам звезд, (481) второй же способ больше похож на богодухновенные прорицания и пророчества, точно как в известных пифийских вещаниях вроде «знаю песчинок число и ведаю моря безмерность»¹⁰ и «даст Тритоге́нии Зевс всезрящий древесные стены»¹¹, и «Нерон, Орест и Алкмеон – убийцы матерей»¹², и многое подобное, высказанное точь-в-точь, как у

⁷ Намек на Сократа, спорившего с софистами и считавшего любое достоверное знание невозможным; ср. приписываемое ему «знаю, что ничего не знаю».

⁸ Эту особенность речевой манеры софистов не раз отмечал Платон: «И от него же [т. е. от Горгия] пошло у вас обыкновение, кто бы вас о чем ни спросил, отвечать уверенно и свысока, как положено знатокам» (Plat. Men. 70 B; cf. Smp. 208 C и др.); также и Аристофан вкладывает в уста Еврипиду (по общему мнению, поэту софистическому) «давным-давно его я раскусил (διέσκεμμαι πάλαι)» (Aristoph. Ran. 836); а вот в многотомном корпусе Аристотеля οἶδα («знаю») без отрицания встречается лишь дважды (Arist. Anal. Post. 78 a; Soph. El. 179 b), а γινώσκω («понимаю») – ни разу.

⁹ В «Жизни Аполлония» (кн. II и III) Филострат вслед широко читаемой «Александрии» подробно рассказывает об индийских брахманах,

Α'

Τὴν ἀρχαίαν σοφιστικὴν ῥητορικὴν ἡγεῖσθαι χρή φιλοσοφοῦσαν· διαλέγεται μὲν γὰρ ὑπὲρ ὧν οἱ φιλοσοφοῦντες, ἃ δὲ ἐκεῖνοι τὰς ἐρωτήσεις ὑποκαθήμενοι καὶ τὰ σμικρὰ τῶν ζητουμένων προβιβάζοντες οὐπω φασι γινώσκειν, ταῦτα ὁ παλαιὸς σοφιστὴς ὡς εἰδὼς λέγει. προοίμια γοῦν ποιεῖται τῶν λόγων τὸ “οἶδα” καὶ τὸ “γινώσκω” καὶ “πάσαι διέσκεμμαι” καὶ “βέβαιον ἀνθρώπῳ οὐδέν”. ἡ δὲ τοιαύτη ἰδέα τῶν προοιμίων εὐγένειάν τε προηγεῖ τῶν λόγων καὶ φρόνημα καὶ κατάληψιν σαφῆ τοῦ ὄντος. ἤρμостαι δὲ ἡ μὲν τῇ ἀνθρωπίνῃ μαντικῇ, ἣν Αἰγύπτιοι τε καὶ Χαλδαῖοι καὶ πρὸ τούτων Ἴνδοι ξυνέθεσαν, μυρίοις ἀστέρων στοχαζόμενοι τοῦ ὄντος, (481) ἡ δὲ τῇ θεσπιῳδῷ τε καὶ χρηστηριῳδῇ· καὶ γὰρ δὴ καὶ τοῦ Πυθίου ἐστὶν ἀκούειν

“οἶδα δ’ ἐγὼ ψάμμου τ’ ἀριθμὸν καὶ μέτρα θαλάσσης”
καὶ

“τεῖχος Τριτογενεῖ ξύλινον διδοῖ εὐρύοπα Ζεὺς”
καὶ

“Νέρων Ὀρέστης Ἀλκμαίων μητροκτόνοι”
καὶ πολλὰ τοιαῦτα, ὥσπερ σοφιστοῦ, λέγοντος.

изображая их обладателями божественной мудрости; не раз упоминает он об этом и далее. Мудрость египтян и халдеев (особенно их познания в математике и астрономии) была в классической древности общим местом: лексикограф Гесихий прямо определяет халдеев как «род всезнающих магов».

¹⁰ Этот стих, с которого начинается одно из «кривых» пророчеств Аполлона Κρῆζυ, цитирует Геродот (Hdt. I. 47) и – вольно – сам Филострат (VA VI. 11).

¹¹ Знаменитое пророчество перед Саламинской битвой, что Афина (т. е. афиняне) победит персов с помощью деревянных стен – кораблей (Hdt. VII. 141).

¹² В приложении к «Греческой Антологии» (App. Anth. VI. 106) этот стих входит в число пифийских оракулов; аллюзия на него встречается у Филострата в «Жизни Аполлония» (IV. 38), его цитируют также

софиста. В части любомудрия древняя софистика рассуждала пространно и со многими подробностями, ибо и о мужестве говорила, и о справедливости говорила, а еще о героях и о богах, а еще как и почему мироздание приобрело нынешний свой вид. А вот следующая за нею софистика – ее вернее именовать не новой, но второй, ибо и она древняя – изображала бедняков и богачей, вельмож и тиранов, и рисовала в ипотéзах¹³ известные события и известных лиц прошлого. Зачинателем древнейшей софистики соделался обретавшийся у фессалийцев Горгий Леонтинский¹⁴, а зачинателем позднейшей – Эсхин, сын Атромета, исторгнутый афинянами из гражданства и обосновавшийся в Карии и в Родосе; последователи Эсхина строили речь по правилам искусства, а последователи Горгия – по собственному усмотрению¹⁵.

Иные говорят, что родники не приготовленных заранее речей впервые излились от уст Перикла, (482) отчего и почитался он великим в слове, иные – что от Пифона Византийского, о коем Демосфен утверждает, что обуздать его наглое многосло-

Светоний (Suet. Nero 39) и Кассий Дион (Cass. D. LXI. 16). Оперст и Алкмеон мстили матерям за убитых отцов, а Нерон – со второй попытки и чужими руками – в 59 н.э. убил приведшую его к власти Агриппину, так как не желал ее дальнейшего влияния на государственные и домашние дела.

¹³ Ипотéза (ὑπόθεσις) – показательная композиция на заданную тему; такая композиция чаще называлась мелета (μελέτη, в переводе «речь»); регулярно употребляемое в VS слово «ипотеза» сохранено как особенность стиля Филострата.

¹⁴ Plat. Men. 70 B.

Ἡ μὲν δὴ ἀρχαία σοφιστικὴ καὶ τὰ φιλοσοφούμενα ὑποτιθεμένη διήκει αὐτὰ ἀποτάδην καὶ ἐς μῆκος, διελέγετο μὲν γὰρ περὶ ἀνδρείας, διελέγετο δὲ περὶ δικαιοσύνης, ἡρώων τε πέρι καὶ θεῶν καὶ ὅπῃ ἀπεσχημάτισται ἡ ἰδέα τοῦ κόσμου.

ἡ δὲ μετ' ἐκείνην, ἣν οὐχὶ νέαν, ἀρχαία γάρ, δευτέραν δὲ μᾶλλον προσρητέον, τοὺς πένητας ὑπετυπώσατο καὶ τοὺς πλουσίους καὶ τοὺς ἀριστεάς καὶ τοὺς τυράννους καὶ τὰς ἐς ὄνομα ὑποθέσεις, ἐφ' ἃς ἡ ἱστορία ἄγει. ἤρξε δὲ τῆς μὲν ἀρχαιότερας Γοργίας ὁ Λεοντῖνος ἐν Θετταλοῖς, τῆς δὲ δευτέρας Αἰσχίνης ὁ Ἀτρομήτου τῶν μὲν Ἀθήνησι πολιτικῶν ἐκπεσῶν, Καρία δὲ ἐνομιλήσας καὶ Ῥόδῳ, καὶ μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις οἱ μὲν ἀπὸ Αἰσχίνου κατὰ τέχνην¹, οἱ δὲ ἀπὸ Γοργίου κατὰ τὸ δόξαν.

Σχεδίων δὲ πηγὰς λόγων οἱ μὲν ἐκ Περικλέους (482) ῥυῆναι πρῶτου φασίν, ὅθεν καὶ μέγας ὁ Περικλῆς ἐνομίσθη τὴν γλῶτταν, οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου Πύθωνος, ὃν Δημοσθένης μόνος Ἀθηναίων ἀνασχεῖν φησι θρασυνόμενον

¹ *Stefec scripsit*; μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις κατὰ τέχνην ἀπὸ Αἰσχίνου οἱ μὲν *litteris s.l. suprapositis L*; μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις ἀπὸ Αἰσχίνου κατὰ τέχνην *LVb*; μετεχειρίζοντο τὰς ὑποθέσεις κατὰ τέχνην οἱ μὲν ἀπὸ Αἰσχίνου *Mβ*; οἱ μὲν [ἀπὸ Αἰσχίνου] κατὰ τέχνην Kayser

¹⁵ Сведений о написанных Эскином учебниках нет; что до Горгия, здесь, вероятно, имеется в виду бессистемность его преподавания, о которой Аристотель говорит: «...Они /последователи Горгия/ полагали, что можно наставлять учеников не в искусстве, но в плодах оно́го – как если бы кто утверждал, что преподаст знание для предотвращения боли в ногах, но при этом не обучал бы сапожному делу и способам изготовления обуви, а предлагал бы на выбор множество видов оно́й, тем самым удовлетворяя насущные потребности, ремесла же не преподавая» (Arist. Soph. El. 184 a). О возможности научиться «с голоса» подробнее см. «Флавий Филострат и его софисты», разд. 4.

вие из всех афинян умел лишь он, Демосфен¹⁶, иные же приписывают изобретение речей без подготовки Эсхину, ибо он, мол, часто плавая с Родоса в Карию¹⁷ к Мавсолу, услаждал его именно такими речами. А я вот полагаю, что, пусть Эсхин и впрямь сказал без подготовки больше, чем кто-либо другой – и в посольствах, и в отчетах о посольствах, и в судебных прениях, и перед народом, – хотя из всего оставил лишь сочиненное заранее, дабы не слишком уступать тщательно отделанным речам Демосфена, всё же первый говорить без подготовки начал Горгий, ибо именно он, пришед к афинянам в театр, отважился сказать «предлагайте!»¹⁸, а стало быть, первый решился на сие опасное предприятие, объявивши, что уж он-то сведущ во всем и готов сказать речь к любому случаю.

А навело на это Горгия вот что. Продик Кеосский сочинил не лишенный приятности рассказец, будто Доблесть и Подлость предстали пред Гераклом в образе жен, одна в щегольском пестром платье, другая же одета кое-как, и будто предлагают они совсем юному Гераклу одна – праздность и негу, другая – нужду и труды¹⁹. Присочинивши к сему пространное заключение, (483) Продик превратил рассказ свой в платное представление, с коим и обходил большие города, чаруя слушателей, словно Орфей²⁰ и Фамирас, так что стяжал немало наград от фиванцев,

¹⁶ Dem. XVIII. 136.

¹⁷ Ширина пролива, отделяющего Родос от Кари, всего 20 миль (37 км); в наши дни поездка с Родоса в Мармарис относится к однодневным экскурсиям. Однако Мавсол умер в 353 до н.э., а после смерти Александра Кария утратила остатки суверенитета, переходила из рук в руки и никаких тамошних царей Эсхин навещать не мог – просто для Филострата Кария естественно ассоциируется с Мавсолом,

καὶ πολὺν ρέοντα, οἱ δὲ Αἰσχίνου φασὶ τὸ σχεδιάζειν εὖρημα, τοῦτον γὰρ πλεύσαντα ἐκ Ῥόδου παρὰ τὸν Κᾶρα Μάυσωλον σχεδίῳ αὐτὸν λόγῳ ἥσαι. ἐμοὶ δὲ πλεῖστα μὲν ἀνθρώπων Αἰσχίνης δοκεῖ σχεδιάσαι πρεσβεύων τε καὶ ἀποπρεσβεύων συνηγορῶν τε καὶ δημηγορῶν, καταλιπεῖν δὲ μόνους τοὺς συγγεγραμμένους τῶν λόγων, ἵνα τῶν Δημοσθένους φροντισμάτων μὴ πολλῶ λείποιτο, σχεδίου δὲ λόγου Γοργίας ἄρξαι – παρελθὼν γὰρ οὗτος ἐς τὸ Ἀθηναίωνⁱ θέατρον ἐθάρρησεν εἰπεῖν “προβάλλετε” καὶ τὸ κινδύνευμα τοῦτο πρῶτος ἀνεφθέγγατο, ἐνδεικνύμενος δήπου πάντα μὲν εἰδέναι, περὶ παντὸς δ’ ἂν εἰπεῖν ἐφιεῖς τῷ καιρῷ.

τοῦτο δ’ ἐπελθεῖν τῷ Γοργίᾳ διὰ τόδε· Προδίκῳ τῷ Κεῖῳ συνεγέγραπτό τις οὐκ ἀηδὴς λόγος· ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία φοιτῶσαι παρὰ τὸν Ἡρακλέα ἐν εἵδει γυναικῶν, ἐσταλμένα ἢ μὲν ἀπατηλῶ τε καὶ ποικίλῳ, ἢ δὲ ὡς ἔτυχεν, καὶ προτείνουσαι τῷ Ἡρακλεῖ νέῳ ἔτι ἢ μὲν ἀργίαν καὶ τρυφὴν, ἢ δὲ αὐχμὸν καὶ πόνους· καὶ τοῦ ἐπὶ πᾶσι διὰ πλειόνων συντεθέντος, τοῦ λόγου ἔμμισθον ἐπίδειξιν (483) ἐποιεῖτο Πρόδικος περιφοιτῶν τὰ ἄσκη καὶ θέλγων αὐτὰ τὸν Ὀρφέως τε καὶ Θαμύρου τρόπον, ἐφ’ οἷς μεγάλων μὲν ἡξιούτο παρὰ

ⁱ Αθήνησιν Cobet

так как из тамошних царей он был самым (а вернее, единственным) знаменитым.

¹⁸ В дальнейшем такое обращение к публике стало для софистов нормой: ср. биографии Полемона (I. 25. 537), Александра (II. 5. 571) и др.

¹⁹ Подробнее всех пересказывает эту притчу Ксенофонт (Xen. Mem. II. 1. 21–34).

²⁰ Возможно, аллюзия на Платона, говорящего то же самое о Протагоре (Plat. Prt. 315 A).

а от лакедемонян и того больше, ибо, мол, поучение его на пользу юношеству. Тогда-то Горгий, высмеяв Продика, что произносит, мол, несвежее и много раз говоренное, всецело предался речам без подготовки. Конечно же, он не избегнул зависти. Был меж афинян некто Херефонт – я разумею не того, кого комедия именует «желтомордым»²¹, ибо от чрезмерного усердия страждет он малокровием, а другого, бесстыжего наглеца и завязтого насмешника, – итак, сей Херефонт, желая поглумиться над Горгием, спросил: «Почему это, Горгий, бобы брюхо пучат, а пламя не раздувают?», а тот, отнюдь не смутясь, отвечал: «Решай на свое усмотрение, ведь я-то давно знаю, что земля растит тростник нарочно для таких, как ты»²².

Видя таковую изощренность софистов, афиняне воспретили им участие в судебных заседаниях, ибо они, мол, одолевают неправедным словом праведное и выворачивают истину наизнанку, – так что Эсхин и Демосфен ругали друг друга «софистами»²³ не для того, чтобы и вправду пристыдить, а чтобы очернить пред судьями, ибо в частной жизни оба пользовались в качестве софистов большим успехом, а если верить Эсхину, Демосфен даже похвалялся знакомцам, (484) что, мол, чего пожелал, того от судей и добился, да и касательно Эсхина я уверен, что не стал бы он основополагать у родосцев искусство, им дотоле неизвестное²⁴, когда бы сам не изощрился в нем еще в Афинах.

²¹ Буквально «самшитового цвета», что подразумевает крайнюю худобу и болезненный оттенок кожи (древесина самшита твердостью и цветом похожа на кость); Херефонт назван так у Евполида (Eup. frg. 239) и в схолиях к Аристофану (Schol. Aristoph. Vesp. 1408; Nub. 503).

²² Слово *várθῆξ* вызывало прежде всего мифологические ассоциации, так как Прометей похитил огонь с небес в полном тростнике (Hes.

Θηβαίοις, πλείονων δ' ἐν¹ Λακεδαιμονίοις, ὡς ἐς τὸ συμφέρον τῶν νέων ἀναδιδάσκων ταῦτα· ὁ δὲ Γοργίας ἐπισκώπτων τὸν Πρόδικον, ὡς ἔωλά τε καὶ πολλάκις εἰρημένα ἀγορεύοντα, ἐπαφῆκεν ἑαυτὸν τῷ καιρῷ. οὐ μὴν φθόνου γε ἤμαρτεν· ἦν γάρ τις Χαιρεφῶν Ἀθήνησιν, οὐχ ὃν ἡ κωμωδία πύξινον ἐκάλει, ἐκεῖνος μὲν γὰρ ὑπὸ φροντισμάτων ἐνόσει τὸ αἶμα, ὃν δὲ νυνὶ λέγω, ὕβριν ἤσκει καὶ ἀναιδῶς ἐτώθαζεν. οὗτος ὁ Χαιρεφῶν τὴν σπουδὴν τοῦ Γοργίου διαμασώμενος “διὰ τί” ἔφη “ὦ Γοργία, οἱ κύαμοι τὴν μὲν γαστέρα φυσῶσι, τὸ δὲ πῦρ οὐ φυσῶσιν;” ὁ δὲ οὐδὲν ταραχθεὶς ὑπὸ τοῦ ἐρωτήματος “τουτί μὲν” ἔφη “σοὶ καταλείπω σκοπεῖν, ἐγὼ δὲ ἐκεῖνο πάλαι οἶδα, ὅτι ἡ γῆ τοὺς νάρθηκας ἐπὶ τοὺς τοιούτους φύει.”

Δεινότητα δὲ οἱ Ἀθηναῖοι περὶ τοὺς σοφιστὰς ὀρῶντες ἐξεῖργον αὐτοὺς τῶν δικαστηρίων, ὡς ἀδίκῳ λόγῳ τοῦ δικαίου κρατοῦντας καὶ ἰσχύοντας παρὰ τὸ εὐθύ, ὅθεν Αἰσχίνης καὶ Δημοσθένης προὔφερον μὲν αὐτὸ ἀλλήλοις, οὐχ ὡς ὄνειδος δέ, ἀλλὰ ὡς διαβεβλημένον τοῖς δικάζουσιν, ἰδίᾳ γὰρ ἡξίουσαν ἀπ' αὐτοῦ θαυμάζεσθαι. καὶ Δημοσθένης μὲν, εἰ πιστέα Αἰσχίνῃ, πρὸς τοὺς γνωρίμους ἐκόμπαζεν, (484) ὡς τὴν τῶν δικαστῶν ψῆφον πρὸς τὸ δοκοῦν ἑαυτῷ μεταγαγών, Αἰσχίνης δὲ οὐκ ἄν μοι δοκεῖ πρεσβεῦσαι παρὰ Ῥοδίοις, ἃ μήπω ἐγίγνωσκον, εἰ μὴ καὶ Ἀθήνησιν αὐτὰ ἐσπουδάκει. Σοφιστὰς δὲ οἱ παλαιοὶ ἐπωνόμαζον οὐ μόνον τῶν ῥητόρων τοὺς

¹ δὲ παρὰ Λακεδαιμονίοις **Vb** et Kayser

Theog. 567, Op. 52), но используемая для наказания учительская трость тоже, конечно, была сделана из тростника, на что и намекает Горгий.

²³ Aeschin. III. 16, 202; Dem. XIX. 250.

²⁴ О речах Эсхина по частным судебным делам не известно почти ничего, между тем как у Демосфена такие речи составляют едва ли не половину дошедшего до нас собрания.

В былые времена софистами именовали не только тех, кто повсеместно прославился красноречием, но в равной мере и любомудров, ежели слог их отличался изяществом, так что надобно сперва сказать о сих последних, раз уж, не будучи софистами, они слыли и назывались таковыми.

1. Вот так *Евдокс* Книдский, немало потрудившийся над сочинениями своими в Академии²⁵, был тем не менее причислен к софистам, ибо изъяснялся складно и хорошо говорил без подготовки – а посему удостоился звания софиста в Геллеспонте и в Пропонтиде, и в Египте в Мемфисе, а также выше Мемфиса до самой границы с Эфиопией, где обитают Нагие²⁶.

2. Также и *Леонт* Византийский в юности посещал Платона, однако же в зрелые годы прослыл софистом (485) за многообразие речей и меткость ответов. К примеру, когда Филипп подступил к Византию, Леонт, выйдя навстречу, спросил: «Скажи-ка, Филипп, что побудило тебя затеять войну?» А тот: «Отчизна твоя всех прекраснее, так что распалила во мне страсть – вот и явился я к дверям зазнобы!» А Леонт в ответ: «Кто достоин взаимности, тот к зазнобе под дверь приходит не с мечом, ибо влюбленным потребны орудия не военные, но мусические!»²⁷ Так Византий был освобожден не только многими

²⁵ Евдокс – один из виднейших математиков и астрономов древности, создатель до сих пор актуальной теории отношений; в его честь назван кратер на Луне (между морем Ясности и морем Холода); у Диогена Лаэртского он – последний в пифагорейском преемстве; Диоген сообщает также, что в молодости Евдокс посетил Афины и два месяца прожил в Пирее (Diog. La. VIII. 86): если так, в это время он мог слушать, среди прочих, и Платона.

²⁶ Этих сказочных эфиопских мудрецов навещал во время одного из путешествий Аполлоний Тианский (VA VI. 5–23), посылает к ним Филострат и Евдокса: не читавшему «Жизнь Аполлония» это место

ὑπερφωνοῦντάς τε καὶ λαμπρούς, ἀλλὰ καὶ τῶν φιλοσόφων τοὺς ξὺν εὐροίᾳ ἐρμηνεύοντας, ὑπὲρ ὧν ἀνάγκη προτέρων λέγειν, ἐπειδὴ οὐκ ὄντες σοφισταί, δοκοῦντες δὲ παρῆλθον ἐς τὴν ἐπωνυμίαν ταύτην.

α'. Εὐδοξος μὲν γὰρ ὁ Κνίδιος τοὺς ἐν Ἀκαδημίᾳ λόγους ἱκανῶς ἐκφροντίσας ὅμως ἐνεγράφη τοῖς σοφισταῖς ἐπὶ τῷ κόσμῳ τῆς ἀπαγγελίας καὶ τῷ σχεδιάζειν εὖ, καὶ ἡξιοῦτο τῆς τῶν σοφιστῶν ἐπωνυμίας καθ' Ἑλλησποντον καὶ Προποντίδα κατὰ τε Μέμφιν καὶ τὴν ὑπὲρ Μέμφιν Αἴγυπτον, ἣν Αἰθιοπία τε ὀρίζει καὶ τῶν ἐκείνη σοφῶν οἱ Γυμνοί.

β'. Λέων δὲ ὁ Βυζάντιος νέος μὲν ὧν ἐφοίτα Πλάτωνι, ἐς δὲ ἄνδρας ἦκων σοφιστῆς προσερρήθη (485) πολυειδῶς ἔχων τοῦ λόγου καὶ πιθανῶς τῶν ἀποκρίσεων. Φιλίππῳ μὲν γὰρ στρατεύοντι ἐπὶ Βυζαντίους προαπαντήσας “εἰπέ μοι, ὦ Φίλιππε,” ἔφη “τί παθὼν¹ πολέμου ἄρχεις;” τοῦ δὲ εἰπόντος “ἡ πατρίς ἢ σὴ καλλίστη πόλεων οὕσα ὑπηγάγετό με ἐρᾶν αὐτῆς καὶ διὰ τοῦτο ἐπὶ θύρας τῶν ἐμαυτοῦ παιδικῶν ἦκω” ὑπολαβὼν ὁ Λέων “οὐ φοιτῶσιν” ἔφη “μετὰ ξιφῶν ἐπὶ τὰς τῶν παιδικῶν θύρας οἱ ἄξιοι τοῦ ἀντερᾶσθαι, οὐ γὰρ πολεμικῶν ὀργάνων, ἀλλὰ

¹ μαθὼν L

неясно, так что здесь допустимо говорить об автоцитации (Филострат еще не раз будет ссылаться на «Жизнь Аполлония» как на авторитетный источник).

²⁷ Παρακλαυσίθυρον (изображение влюбленного, стоящего или лежащего под дверью предмета своей страсти) было очень распространенным в греческой (Theocr. III; Call. Epigr. LXIII), а затем и в римской (Tib. I. 2; Prop. I. 16 и др.) любовной поэзии; обычай этот подтверждается и изобразительными свидетельствами. Стояние под дверьми могло сопровождаться пением и игрой, прототипом позднейшей сценарии — на это и намекает Леонт.

речами Демосфена к афинянам, но равно и несколькими словами Леонта к самому Филиппу²⁸. Когда же явился названный Леонт послом к афинянам, город их давно пребывал в нестроении и управлялся против обычаев²⁹ – и вот тут-то Леонт, пришед в народное собрание, самым видом своим вызвал неумный смех, до того был тучен и пузат, однако же, ничуть не смутясь, сказал: «Чему смеетесь, афиняне? Не тому ли, что я такой толстый и жирный? Жена у меня куда как толще, да только нам, когда в ладу, и ложа хватает, а когда в ссоре, и целого дома мало!» – и афиняне сплотились, примиренные вовремя сказанным метким словом Леонта.

3. Также и *Диас* Эфесский³⁰ начал путь любомудрия своего от причала Академии, однако был причислен к софистам, а при-

²⁸ Филипп осадил Византий в 340 до н.э., Леонт руководил обороной и призвал на помощь афинян, вместе с которыми византийцы победили Филиппа на море и заставили снять осаду. Позднее Филипп, по не слишком надежному позднему (X в. н.э.) свидетельству *Суды* (Sud. A 265), якобы обвинил Леонта, что тот подкуплен афинянами (это правдоподобно, такие обвинения были в ходу) – и тогда разъяренная толпа бросилась к дому Леонта, желая побить его камнями, а тот, не видя способа спастись, повесился (а вот это совершенно неправдоподобно: если бы обвинение было принято гражданами всерьез, это означало бы долгий судебный процесс, который Леонт вполне мог выиграть).

²⁹ Трудно сказать, который из раздоров между афинянами имеется

μουσικῶν οἱ ἐρῶντες δέονται”. καὶ ἡλευθεροῦτοⁱ Βυζάντιον Δημοσθένους μὲν πολλὰ πρὸς Ἀθηναίους εἰπόντος, Λέοντος δὲ ὀλίγα πρὸς αὐτὸν <τὸν>ⁱⁱ Φίλιππον.

καὶ πρεσβεύων δὲ παρ’ Ἀθηναίουςⁱⁱⁱ ὁ Λέων οὗτος^{iv} ἐστασίαζε μὲν πολὺν ἤδη χρόνον ἢ πόλις καὶ παρὰ τὰ ἥθη ἐπολιτεύετο, παρελθὼν δ’ ἐς τὴν ἐκκλησίαν προσέβαλεν αὐτοῖς ἀθρόον γέλωτα ἐπὶ τῷ εἶδει, ἐπειδὴ πίων ἐφαίνετο καὶ περιττός τὴν γαστέρα, ταραχθεὶς δὲ οὐδὲν ὑπὸ τοῦ γέλωτος “τί”, ἔφη “ὦ Ἀθηναῖοι, γελάτε; ἢ ὅτι παχὺς ἐγὼ καὶ τοσοῦτος; ἔστι μοι καὶ γυνὴ πολλῷ παχυτέρα, καὶ ὁμονοοῦντας μὲν ἡμᾶς χωρεῖ ἡ κλίνη, διαφερομένους δὲ οὐδὲ ἡ οἰκία”, καὶ ἐς ἔν ἦλθεν ὁ τῶν Ἀθηναίων δῆμος ἀρμοσθεὶς ὑπὸ τοῦ Λέοντος σοφῶς ἐπισχεδιάσαντος τῷ καιρῷ.

γ’. Δίας δὲ ὁ Ἐφέσιος τὸ μὲν πεῖσμα τῆς ἑαυτοῦ φιλοσοφίας ἐξ Ἀκαδημίας ἐβέβλητο, σοφιστὴς δὲ ἐνομήσθη διὰ τόδε· τὸν

ⁱ ἡλευθεροῦτο Callistus; ἡλευθέρου τὸ mss.

ⁱⁱ addidit Kayser in app. cr.

ⁱⁱⁱ VbM et Kayser; Ἀθηναίους cett.

^{iv} οὗτος ὁ Λέων Kayser

в виду, но вернее всего датировать это происшествие концом 340-х или началом 330-х до н.э., когда споры сторонников и противников союза с Филиппом нередко приводили к «нестроению». Описание этого эпизода дошло в разных вариантах: у Афиней (который ссылается на Леонта) речь идет о Пифоне Византийском – и дело происходит в Византии (Athen. XII. 74); у Плутарха герой и место действия те же, что у Филострата, но Леонт и его жена оказываются не тучными, а низкорослыми («а когда в ссоре, нам и всего Византия мало»; Plut. Praes. Ger. Reip. 804 a–b).

³⁰ Об этом Диасе ничего не известно, но, возможно, он же – именуемый платоником Делием Эфесским – упомянут у Плутарха как горячий сторонник похода Александра (Plut. Adv.Col. 1126 d).

чина сему такая: видя суровость Филиппа к эллинам, склонил он его (486) идти на Азию³¹, сам же повсеместно внушал эллинам, что надобно сопутствовать ему в оном походе, ибо прекрасно рабствовать на чужбине³², если дома оттого сохраняется свобода.

4. Также и *Карнеад* Афинский³³ причислялся к софистам, ибо, хотя мысль его была снаряжена для любомудрия, сила речей его развилась до безмерной изощренности.

5. Еще знаю о *Филострате* Египетском³⁴, который упражнялся в любомудрии с царицею Клеопатрой, прозывался же софистом потому, что, находясь в общении с женщиною, у коей даже любовь к словесности обращалась в изнеженность, речи сочинял по смыслу хвалебные и по слогу пестрые – за то и вернули в насмешку над ним этот вот дистих:

Нрав Филострата усвой премудрого, что, с Клеопатрой
вместе побывши, приял в точности облик ея³⁵.

³¹ В действительности Филипп на Азию пойти не успел: он был убит при странных обстоятельствах во время подготовки к походу.

³² Хоть Филипп и звался «предводителем эллинов», многие греки считали его (как и всех македонян) если не варваром, то «инородцем» и подчиняться ему считали для себя зазорным.

³³ Карнеад был уроженцем Кирены, но учил в Афинах и потому зовется «Афинским» (не единственный подобный пример); в 165–137 до н.э. он был схолархом Академии, а в 155, когда на Афины за разрушение беотийского Оропа римляне наложили штраф в 500 талантов, ездил в Рим улаживать дело. Это посольство помогло греческой философии прижиться на римской почве: во II в. до н.э. в Риме все шире

Φίλιππον ὀρῶν χαλεπὸν ὄντα τοῖς Ἑλλησιν ἐπὶ τὴν Ἀσίαν στρατεύειν (486) ἔπεισεⁱ, καὶ πρὸς τοὺς Ἑλληνας διεξῆλθε λέγων, ὥς δέον ἀκολουθεῖν στρατεύοντι, καλὸν γὰρ εἶναι καὶ τὸ ἕξω δουλεύειν ἐπὶ τῷ οἴκοι ἐλευθεροῦσθαι.

δ'. Καὶ Καρνεάδης δὲ ὁ Ἀθηναῖος ἐν σοφισταῖς ἐγράφετο, φιλοσόφως μὲν γὰρ κατεσκεύαστο τὴν γνώμην, τὴν δὲ ἰσχὺν τῶν λόγων ἐς τὴν ἄγαν ἤλαυνε δεινότητα.

ε'. Οἶδα καὶ Φιλόστρατον τὸν Αἰγύπτιον Κλεοπάτρα μὲν συμφιλοσοφήσανταⁱⁱ τῇ βασιλίδι, σοφιστὴν δὲ προσρηθέντα, ἐπειδὴ λόγου ἰδέαν πανηγυρικὴν ἤρμοστο καὶ ποικίλην, γυναικὶ ξυνών, ἥ καὶ αὐτὸ τὸ φιλολογεῖν τρυφὴν εἶχεν, ὅθεν καὶ παρῶδουν τινὲς ἐπ' αὐτῷ τόδε τὸ ἐλεγεῖον·

πανσόφου ὀργὴν ἴσχε Φιλοστράτου, ὃς Κλεοπάτρα
νῦν προσομιλήσας τοῖος ἰδεῖν πέφатаиⁱⁱⁱ.

ⁱ ἔπεισε Valckenaer, ἐποίησε mss

ⁱⁱ συμφιλοσοφοῦντα Valckenaer

ⁱⁱⁱ ἐφάνη Cobet

распространялось эллинофильство, и афинские послы, не ограничиваясь своей дипломатической миссией, вели с образованной знатью философские беседы.

³⁴ О платонике Филострате Египетском Плутарх пишет, что после поражения Клеопатры он спасся от гибели только благодаря заступничеству стойка Ария Дидима, учителя Октавиана (Plut. Ant. 80; Cat. Min. 57); этому же Филострату посвящена эпиграмма Кринагора Митиленского (Anth. VII. 645).

³⁵ Измененный дистих Феогнида (Theogn. 215–216):

Будь образцом тебе полип многохитрый: к какому
камню лепится он, вид от того и берет.

6. Тоже и *Феомнеста* Навкратийского³⁶, представлявшего себя любомудром, за округлость³⁷ речей причисляют к софистам.

7. (487) А *Диона* Прусского³⁸ уж и не знаю, как называть, ибо все в нем сошлись достоинства – воистину, как говорится, рог Амалфеи, в коем наилучшее из наилучшего. В слоге его слышались отзвуки речей Демосфена и Платона³⁹, но к сему, словно настройщик к струнам магаду⁴⁰, добавлял он собственное и своеобычное, со сдержанным прямотушием высказанное. Превосходно в речах Диона и изъятие присущих ему нравственных качеств: так, весьма порицая непокорные города, он не допускал себя до угроз и грубостей, а словно бы укрощал лихого скакуна более уздою, нежели плетью, города же законные напрямик не хвалил, а скорее предупреждал, что при перемене порядка ждет их гибель. Равно и в прочих суждениях образ мыслей его не бывал пошл либо насмешлив, но, на-

³⁶ Существует небезосновательная гипотеза, что Феомнест – тот самый академик, которого во время подготовки к войне с Октавианом и Антонием слушал в Афинах Брут (Plut. Brut. 24).

³⁷ Округлость (περίβολή) – разработка отдельных положений речи путем их видоизмененного повторения и разносторонней иллюстрации, а у Филострата – совокупность разного рода риторических приемов, позволяющих расширить и приукрасить речь.

³⁸ От Диона Кокцеяна, прозванного Хрисостомом, т. е. Златоустом, сохранилось 78 речей на самые разные темы; он занимался также философией и был учеником Мусония. В правление Нервы он добился привилегий для родного города, однако позднее у него с со-

ζ'. Καὶ Θεόμνηστον δὲ τὸν Ναυκρατίτην ἐπιδήλως φιλοσοφήσαντα ἢ περιβολὴ τῶν λόγων ἐς τοὺς σοφιστὰς ἀπήνεγκεν.

ζ'. (487) Δίωνα δὲ τὸν Προυσαῖον οὐκ οἶδ' ὅ τι χρὴ προσειπεῖν διὰ τὴν ἐς πάντα ἀρετὴν, Ἀμαλθείας γὰρ κέρας ἦν, τὸ τοῦ λόγου, συγκεείμενος μὲν τῶν ἄριστα εἰρημένων τοῖς ἀρίστοιςⁱ, βλέπων δὲ πρὸς τὴν Δημοσθένους ἡχὴ καὶ Πλάτωνος, ἥ, καθάπερ αἱ μαγάδες τοῖς ὀργάνοις, προσήχειⁱⁱ ὁ Δίων τὸ ἑαυτοῦ ἴδιον ζὺν ἀφελείᾳ ἐπεστραμμένη. ἀρίστη δὲ ἐν τοῖς Δίωνος λόγοις καὶ ἡ τοῦ ἥθους κρᾶσις· ὑβριζούσαις τε γὰρ πόλεσι πλεῖστα ἐπιπλήξας οὐ φιλολοῖδορος, οὐδὲ ἀηδὴς ἔδοξεν, ἀλλ' οἷον ἵππων ὕβριν χαλινῶ καταρτύνων μᾶλλον ἢ μάστιγι, πόλεων τε εὐνομουμένων ἐς ἐπαίνους καταστάς οὐκ ἐπαίρειν αὐτὰς ἔδοξεν, ἀλλ' ἐπιστρέφειν μᾶλλον ὥς ἀπολουμένας, εἰ μεταβάλοιντοⁱⁱⁱ. ἦν δὲ αὐτῷ καὶ τὸ τῆς ἄλλης φιλοσοφίας ἦθος

ⁱ τοῦ ἀρίστου Kayser

ⁱⁱ προσήχει Kayser

ⁱⁱⁱ μεταβαλοῖντο Cobet

гражданами вышла ссора, о которой известно из письма Плиния Младшего (тогдашнего легата в Вифинии) к Траяну (Plin. Epist. X. 81–82).

³⁹ При Дионе и позднее Платон и Демосфен считались главными образцами аттицизма; см., например, трактаты по риторике Дионисия Галикарнасского, где в качестве примеров для подражания эти авторы нередко названы рядом (Dion. Hal. Comp. 9, 18, 19, 25; Romp. 1), – характерно, что в изгнании Дион читал именно их произведения.

⁴⁰ Магада – подставка на корпусе струнных и струнно-смычковых, поддерживающая струны на расстоянии от корпуса, что улучшает звучность и тембр; отсюда и метафора Филострата.

против, степенен и вместе с тем умягчен и как бы подслащен кротостью. Что был он способен и к писанию исторических сочинений, явствует из «истории гетов», ибо изгнанником успел он побывать и у них; что же до «евбейской речи», «похвалы по-пугаю»⁴¹ и многого прочего, что сочинил Дион о предметах не самых важных, отнесем сие не к пустому, но к софистическому, ибо у софистов говорить о подобном принято⁴².

Жил Дион в пору, когда любомудрствовали Аполлоний (488) Тианский и Евфрат Тирский, и с обоими был хорош, хотя названные мужи в спорах друг с другом выходили за приличествующие любомудрию пределы⁴³. Отъезд его к гетам неверно было бы назвать изгнанием, ибо никто не предписывал ему удалиться, однако то было и не путешествие, ибо он, опасаясь столичной тирании, преследовавшей тогда всякое любомудрие⁴⁴, сокрылся от всех глаз и ушей и зарабатывал тут одним, там другим. При всем том, пропитания ради сажая деревья, копая землю,нося воду для бань и садов и выполняя прочие подобные работы, он не оставлял ученых занятий и трудился над двумя книгами – то были «Федон» Платона и «о посольстве» Демосфена⁴⁵. Часто посещая расположение войск, после убийства До-

⁴¹ Из перечисленного сохранилась только «Евбейская речь».

⁴² О «не самых важных» предметах софисты говорили со времен «Похвалы Елене» Горгия; из подобных произведений самого Диона можно упомянуть еще «Похвалу комару» и «Похвалу волосам» – ответом на последнюю стала через три века «Похвала плечи» Синесия Киренского.

⁴³ Евфрат Тирский выведен в ВА как недруг Аполлония (о начале их вражды см. ВА V. 33–37), однако Плиний Младший говорит о Евфрате

οὐ κοινὸν οὐδὲ εἰρωνικόν, ἀλλὰ ἐμβριθῶς μὲν ἐγκείμενον, κεχρωσμένον δέ, οἶον ἡδύσματι, τῇ πραότητι.

ὥς δὲ καὶ ἱστορίαν ἱκανὸς ἦν συγγράφειν, δημοῖ τὰ Γετικά, καὶ γὰρ δὴ καὶ ἐς Γέτας ἦλθεν, ὅποτε ἡλᾶτο. τὸν δὲ Εὐβοέα καὶ τὸν τοῦ ψιττακοῦ ἔπαινον καὶ ὅποσα οὐχ ὑπὲρ μεγάλων ἐσπούδασται τῷ Δίῳνι, μὴ μικρὰ ἡγώμεθα, ἀλλὰ σοφιστικά, σοφιστοῦ γὰρ τὸ καὶ ὑπὲρ τοιούτων σπουδάζειν.

Γενόμενος δὲ κατὰ τοὺς χρόνους, οὓς Ἀπολλωνιός τε (488) ὁ Τυανεύς καὶ Εὐφράτης ὁ Τύριος ἐφιλοσόφουν, ἀμφοτέροις ἐπιτηδείως εἶχε καίτοι διαφορομένοις πρὸς ἀλλήλους ἕξω τοῦ φιλοσοφίας ἥθους. τὴν δὲ ἐς τὰ Γετικά ἔθνη πάροδον τοῦ ἀνδρὸς φυγὴν μὲν οὐκ ἀξιῶ ὀνομάζειν, ἐπεὶ μὴ προσετάχθη αὐτῷ φυγεῖν, οὐδὲ ἀποδημίαν, ἐπειδὴ τοῦ φανεροῦ ἐξέστη κλέπτων ἑαυτὸν ὀφθαλμῶν τε καὶ ὥτων καὶ ἄλλα ἐν ἄλλῃ γῇ πράττων δέει τῶν κατὰ τὴν πόλιν τυραννίδων, ὅφ' ὧν ἡλαύνετο φιλοσοφία πᾶσα. φυτεύων δὲ καὶ σκάπτων καὶ ἐπαντλῶν βαλανείοις τε καὶ κήποις καὶ πολλὰ τοιαῦτα ὑπὲρ τροφῆς ἐργαζόμενος οὐδὲ τοῦ σπουδάζειν ἡμέλει, ἀλλ' ἀπὸⁱ δυοῖν βιβλίῳ ἐαυτὸν ξυνεῖχεν· ταυτὶ δὲ ἦν ὅ τε Φαίδων ὁ τοῦ Πλάτωνος καὶ Δημοσθένους ὁ κατὰ τῆς πρεσβείας θαμίζων δὲ ἐς στρατόπεδαⁱⁱ, ἐν οἷσπερ εἰώθει τρύχεσιⁱⁱⁱ, καὶ τοὺς

ⁱ ἐπὶ Cobet

ⁱⁱ τὰ στρατόπεδα **Ma**

ⁱⁱⁱ τρύχεσι Cobet; τρύχεσθαι mss.

с уважением и симпатией (Plin. Epist. I. 10).

⁴⁴ Имеется в виду жестокое правление Домициана (cf. VA VII. 4).

⁴⁵ В «Федоне» изображается последний день жизни Сократа, беседующего с учениками о бессмертии души; в речи «О преступном посольстве» (343 до н.э.) Демосфен обвиняет Эсхина, что, ездив в 347 и 346 до н.э. послом к Филиппу Македонскому, он был им подкуплен, результатом чего оказался невыгодный афинянам Филократов мир.

мициана он увидел, что воины затевают крамолу⁴⁶, сам же был, как и обычно, в лохмотьях – и вот, не стерпевши зрелища разгоравшегося мятежа, нагим вскочил на помост военачальника и, начавши со слов «рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный»⁴⁷, объявил, что он не нищий и не тот, за кого его принимали, но мудрый Дион, а засим произнес вдохновенную речь, высказав против тирана многие обвинения и увещевая воинов, что благоразумнее подчиниться приказу римлян⁴⁸. Воистину, говорил он столь убедительно, что чаровал даже тех, кто и по-гречески не очень смыслил: вот так в Риме государь Траян усадил его рядом с собою на золотую колесницу, на коей кесари по прибытии из похода торжественно въезжают в Город⁴⁹, и часто обращался к нему, повторяя: «не пойму, о чем толкуешь, но люблю тебя, как самого себя!»⁵⁰. Образы, используемые Дионом в речах, весьма софистичны, однако, при всем их изобилии, отличаются внятностью и уместностью.

⁴⁶ Как свидетельствует Светоний (Suet. Dom. 23), в легионах убийство Домициана вызвало возмущение, и воинам даже удалось добиться казни убийц: тиран в Городе, Домициан был превосходным полководцем – в армии его любил.

⁴⁷ Hom. Od. XXII. 1: Одиссей, в облике нищего победивший женихов в стрельбе из лука, сбрасывает с себя лохмотья и принимается истрелять непрощенных гостей.

⁴⁸ То есть приказу Сената, которому Нерва, провозглашенный импе-

στρατιώτας ὁρῶν ἐς νεώτερα ὁρμῶντας ἐπὶ Δομετιανῷ ἀπεσφαγμένῳ οὐκ ἐφείσατο ἀταξίαν ἰδὼν ἐκραγεῖσαν, ἀλλὰ γυμνὸς ἀναπηδήσας ἐπὶ βωμὸν ὑψηλὸν ἤρξατο τοῦ λόγου ὧδε·

“αὐτὰρ ὁ γυμνώθη ῥακέων πολύμητις Ὀδυσσεύς,”

καὶ εἰπὼν ταῦτα καὶ δηλώσας ἑαυτόν, ὅτι μὴ πτωχός, μηδὲ ὄν ᾧοντο, Δίῳ δὲ εἴη ὁ σοφός, ἐπὶ μὲν τὴν κατηγορίαν τοῦ τυράννου πολὺς ἔπνευσεν, τοὺς δὲ στρατιώτας ἐδίδαξεν ἄμεινον¹ φρονεῖν τὰ δοκοῦντα Ῥωμαίοις πράττοντας. καὶ γὰρ ἢ πειθῶ τοῦ ἀνδρὸς οἷα καταθέλξει καὶ τοὺς μὴ τὰ Ἑλλήνων ἀκριβοῦντας· Τραιανὸς γοῦν ὁ αὐτοκράτωρ ἀναθέμενος αὐτόν ἐπὶ τῆς Ῥώμης ἐς τὴν χρυσῇν ἅμαξαν, ἐφ’ ἧς οἱ βασιλεῖς τὰς ἐκ τῶν πολέμων πομπὰς πομπεύουσιν, ἔλεγε θαμὰ ἐπιστρεφόμενος ἐς τὸν Δίωνα “τί μὲν λέγεις, οὐκ οἶδα, φιλῶ δέ σε ὡς ἑμαυτόν”.

Σοφιστικώτατοι δὲ τοῦ Δίωνος αἱ τῶν λόγων εἰκόνες, ἐν αἷς εἰ καὶ πολὺς, ἀλλὰ καὶ ἐναργής καὶ τοῖς ὑποκειμένοις ὅμοιος.

¹ ἀμείνω Kayser

ратором в день убийства Домициана (18 сентября 96 н.э.), сразу же вернул всю прежнюю власть.

⁴⁹ Речь идет о триумфе, право на который после Августа имели только принцепсы («императоры»).

⁵⁰ Трудно судить об историчности этого эпизода: хоть как-то Траян греческий знал, раз Нерва послал ему письмо с цитатой из Гомера (Cass. D. LXVIII. 3), но опознать (возможно, с помощью секретаря) школьную цитату – совсем не то, что ловить на слух сложную риторику Златоуста.

8. (489) Точно так и любимудр *Фаворин*⁵¹ был признан софистом за свое красноречие. Был он из западных галатов, из города Арелат⁵², что на Родане, рожден же двуприродным и двуполым, и сие обнаруживалось как в наружности его, ибо до самой старости оставался безбород, так и в голосе, который звучал высоко, тонко и резко, наподобие того, каким природа наделяет евнухов; в любви же он был столь горяч, что один гипат обвинил его в прелюбодеянии⁵³. Была у него ссора и с кесарем Адрианом, однако он никак не пострадал⁵⁴. Отсюда и на пророческий лад сказанное им самим о трех противоречиях в его жизни – что, мол, говорить ему, галату, по-гречески⁵⁵, судиться ему, евнуху, за прелюбодеяние, а еще поссориться с кесарем и выжить, хотя за последнее скорее надо бы похвалить Адриана, раз, будучи кесарем, он ссорился как с равным с тем, кого вправе был предать смерти⁵⁶. Царь, «на мужа подвластного

⁵¹ Фаворин (после 80 – ок. 150 н.э.) – платоник, представитель так наз. «академического скептицизма», автор трактатов по философии, истории и географии; был знаменит своим красноречием; из его сочинений, кроме фрагментов, полностью сохранились (в корпусе Диона) только две речи.

⁵² Древний Арль был колонией римского права, основанной в 46 до н.э. под именем Colonia Iulia Paterna Arelatensium Sextanorum ветеранами VI легиона (командир Т. Клавдий Нерон, отец будущего императора Тиберия); граждане таких ветеранских колоний оставались *taxatio iure*, как если бы жили в Риме, а сама колония своим устройством копировала Рим.

⁵³ То есть в связи с замужней женщиной (не обязательно женой рассерженного гипата); скопцы нередко отличаются влюбчивостью – это было известно и в древности, как видно из Ter. Eun. 665. Возможно,

ή'. (489) Ὅμοίως καὶ Φαβωρίνον τὸν φιλόσοφον ἡ ἐὺγλωττία ἐν σοφισταῖς ἐκήρυττεν. ἦν μὲν γὰρ τῶν ἐσπερίων Γαλατῶν οὗτος, Ἀρελάτου πόλεως, ἡ ἐπὶ Ῥοδανῶⁱ ποταμῷ ὥκισται, διφυῆς δὲ ἐτέχθη καὶ ἀνδρόθελυςⁱⁱ, καὶ τοῦτο ἐδηλοῦτο μὲν καὶ παρὰ τοῦ εἵδους, ἀγενεῖως γὰρ τοῦ προσώπου καὶ γηράσκων εἶχεν, ἐδηλοῦτο δὲ καὶ τῷ φθέγματι, ὀξυηχὲς γὰρ ἠκούετο καὶ λεπτὸν καὶ ἐπίτονον, ὥσπερ ἡ φύσις τοὺς εὐνούχους ἤρμοκεν. θερμὸς δὲ οὕτω τις ἦν τὰ ἐρωτικά, ὡς καὶ μοιχοῦ λαβεῖν αἰτίαν ἐξ ἀνδρὸς ὑπάτου. διαφορᾶς δὲ αὐτῷ πρὸς Ἀδριανὸν βασιλέα γενομένης οὐδὲν ἔπαθεν. ὅθεν ὡς παράδοξα ἐπεχρησμάδει τῷ ἑαυτοῦ βίῳ τρία ταῦτα· Γαλάτης ὢν ἐλληνίζειν, εὐνούχος ὢν μοιχείας κρίνεσθαι, βασιλεῖ διαφέρεσθαι καὶ ζῆν. τουτὶ δὲ Ἀδριανοῦ ἔπαινος εἶη ἂν μᾶλλον, εἰ βασιλεὺς ὢν ἀπὸ τοῦ ἴσου διεφέρετο πρὸς ὃν ἐξῆν ἀποκτεῖναι. βασιλεὺς δὲ κρείττων,

“ὅτε χώσεται ἀνδρὶ χέρη,”

ἦν ὀργῆς κρατῇ, καὶ

ⁱ Ῥοδανῶ Cobet; Ἡριδανῶ mss.

ⁱⁱ καὶ ἀνδρόθελυς deleuit van Wulfften Palthe

именно об этом происшествии Фаворин говорит в речи, ошибочно приобщенной к корпусу Диона, в котором она до настоящего времени и публикуется (Dio Chr. XXXVII. 33–34).

⁵⁴ Немилость Адриана, вероятно, обернулась для Фаворина ссылкой на Хиос: так можно заключить из его сочинения «Об изгнании», папирусные фрагменты которого были опубликованы в 1931 – сомнений в авторстве Фаворина нет, но отсутствие других свидетельств об этой ссылке позволяет предположить, что речь сказана от вымышленного лица (Swain 1989: 150–158).

⁵⁵ Жители Галлии были (по крайней мере в городах) в основном латиноязычными, однако языком философии и науки оставался за редкими исключениями греческий.

⁵⁶ Среди прочих полномочий у императора были преторские (судебные).

гневный, лучше», ежели обуздает гнев, и «гнев велик царя, питомца Крониона Зевса»⁵⁷, коли умеряется разумом. Хорошо бы тем, кто наставляет в нравах государей, добавить сие к мнениям стихотворцев.

Избранный на родине в верховные жрецы⁵⁸, он хотел было сослаться (490) на законы, предписывающие увольнять любомудров от государственных должностей⁵⁹, но, приметив, что кесарь хочет возразить, что никакой он, мол, не любомудр⁶⁰, пресек сие намерение так: «Государь, был у меня сон, о коем нельзя не рассказать и тебе: явился мне учитель мой Дион и научал по сему делу, что родимся мы не только ради нас самих, но и ради отечества⁶¹, а посему, государь, я подчиняюсь учителю и должность принимаю». Кесарь-то подобными делами занимался для забавы, отвлекаясь от царственных размышлений в обществе софистов и любомудров, однако афинянам всё это показалось важным, и вот они, по большей части которые в чинах, собрались и повалили бронзовое изваяние Фаворина⁶² как наиправнейшего врага кесаря. Он же, прослышав о том, ничуть не

⁵⁷ Ср. Ном. II. I. 80: «Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный...»; Филострат использует многозначность слова *κρείττον*, придавая ему нравственный смысл, хотя у Гомера оно указывает на большую силу; далее Ном. II. II. 196 «...тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса...», где «тягостен» по контексту, а в тексте *μέγας* (великий) – у Филострата *μέγας* в положительном смысле.

⁵⁸ В колониях римского права верховные жрецы были, как и в Риме, выборными.

⁵⁹ О постановлениях, освобождавших учителей философии, риторов, грамматиков и пр. от некоторых обременительных должностей, см.: Kuhn 1864: 83–105.

⁶⁰ Ср. у Кассия Диона: «Приснился мне прошлой ночью мой учитель и велел служить отечеству моему, коему я обязан не меньше, чем самому себе»; впрочем, чуть выше Дион высказывает предположение, что Адриан ревниво относился к успехам в красноречии, предпочитая поощрять не профессионалов, как Фаворин или Дионисий Милетский, а

“θυμὸς δὲ μέγας ἐστὶ διοτρεφέων βασιλῆων,”

ἦν λογισμῷ κολάζηται. βέλτιον δὲ ταῦτα ταῖς τῶν ποιητῶν δόξαις προσγράφειν τοὺς εὖ τιθεμένους τὰ τῶν βασιλέων ἥθη.

Ἀρχιερεὺς δὲ ἀναρρηθεῖς ἐς τὰ οἴκοι πάτρια ἐφῆκε μὲν κατὰ (490) τοὺς ὑπὲρ τῶν τοιούτων νόμους, ὡς ἀφειμένος τοῦ λειτουργεῖν, ἐπειδὴ ἐφιλοσόφει, τὸν δὲ αὐτοκράτορα ὀρῶν ἐναντίαν ἑαυτῷ θέσθαι διανοούμενον, ὡς μὴ φιλοσοφοῦντι, ὑπετέμετο αὐτὸν ὧδε· “ἐνύπνιον μοι,” ἔφη “ὦ βασιλεῦ, γέγονεν, ὃ καὶ πρὸς σὲ χρή εἰρῆσθαι· ἐπιστὰς γάρ μοι Δίῳ ὁ διδάσκαλος ἐνουθέτει με ὑπὲρ τῆς δίκης λέγων, ὅτι μὴ ἑαυτοῖς μόνον, ἀλλὰ καὶ ταῖς πατρίσι γεγόναμεν· ὑποδέχομαι δὴ, ὦ βασιλεῦ, τὴν λειτουργίαν καὶ τῷ διδασκάλῳ πείθομαι.”

ταῦτα ὁ μὲν αὐτοκράτωρ διατριβὴν ἐπεποίητο, καὶ διῆγε τὰς βασιλείους φροντίδας ἀπονεύων ἐς σοφιστὰς τε καὶ φιλοσόφους, Ἀθηναίοις δὲ δεινὰ ἐφαίνετο καὶ συνδραμόντες αὐτοῖς μάλιστα οἱ ἐν τέλει Ἀθηναῖοι χαλκῆν εἰκόνα κατέβαλον τοῦ ἀνδρὸς ὡς πολεμιωτάτου τῷ αὐτοκράτορι· ὁ δέ, ὡς ἤκουσεν, οὐδὲν σχετλιάσας οὐδὲ ἀγριάνας ὑπὲρ ὧν ὕβριστο

собственных секретарей, например, Авидия Гелиодора, которому Дионисий якобы сказал: «Кесарь властен озолотить тебя и возвеличить, но сделать тебя ритором не властен» (Cass. D. LXIX. 3. 3–6) – показательно, что чуть ниже, в жизнеописании Дионисия, Филострат не только не упоминает о подобных конфликтах, но изображает Дионисия любимцем императора (VS I. 22. 524). Итак, Фаворин сначала хотел получить льготы как философ, но Адриан воспротивился, и тогда Фаворин решил не отказываться от почетной должности, однако для сохранения лица сослался на вещий сон. Случай не рядовой, недаром рассказ о нем сохранился у двух авторов.

⁶¹ Аллюзия на знаменитую речь Демосфена «За Ктесифонта о венке» (Dem. XVIII. 205).

⁶² Статуи ставили не только мертвым, но и живым знаменитостям: среди известных примеров статуя Помпея в театре Помпея, открытом в 55 до н.э., при жизни Помпея, – у ее подножия был убит Цезарь (Plut. Caes. 66).

оскорбился и безо всякой досады и злости заметил: «Тут и Сократ, пожалуй, оказался бы в выигрыше – лучше уж лишиться у афинян бронзового изваяния⁶³, чем пить цикуту!»

Он весьма сблизился с софистом Геродом, почитавшим его учителем и отцом и писавшим ему: «когда увижу тебя? когда оближу твой рот⁶⁴?», а посему перед смертью отказал Героду и книги, сколькими ни владел, и дом в Риме, и Автоликифа, а тот был индус и довольно черен – забава Героду и Фаворину, ибо, когда пировали они вместе, он развлекал их, смешивая аттический говор с индийским и ломая язык на варварский лад.

А ссора, случившаяся между Полемоном и Фаворином, началась в Ионии, где эфесяне держали сторону Фаворина, меж тем как Смирна прилежала Полемону, усугубился же сей разлад в Риме, ибо гипаты и детища их хвалили одни одного, другие другого, – так-то и началось любочестное соперничество, способное разжечь (491) неприязнь даже среди мудрых. Сим двоим оно простительно, ибо сама природа человеческая неустанно к тому подгоняет⁶⁵, однако же речи их друг против друга заслуживают порицания: необузданная брань, хотя бы и правдивая, не избавляет от позора говорящих подобное. А тем, кто называл Фаворина софистом, для доказательства хватало, что он ссорился с софистом, коль скоро названное соперничество обычно возникает меж сотоварищами по одному и тому же искусству⁶⁶.

⁶³ Вскоре после казни Сократа афиняне раскаялись и заказали Лисиппу его статую (Diog. La. II. 43).

⁶⁴ Аллюзия на Аристофана (Aristoph. frg. 598); Фаворин и Герод славились распушенностью нравов – здесь это демонстрируется эротическим намеком в дружеской переписке.

“ὦνητ’ ἄν” ἔφη “καὶ Σωκράτης εἰκόνα χαλκῆν ὑπ’ Ἀθηναίων ἀφαιρεθεὶς μᾶλλον ἢ πιὼν κώνειον.”

Ἐπιτηδειότατος μὲν οὖν Ἡρώδῃ τῷ σοφιστῇ ἐγένετο διδάσκαλόν τε ἡγουμένῳ καὶ πατέρα καὶ πρὸς αὐτὸν γράφοντι “πότε σε ἴδω καὶ πότε σου περιλείξω τὸ στόμα;” ὅθεν καὶ τελευτῶν κληρονόμον Ἡρώδην ἀπέφηνε τῶν τε βιβλίων, ὅποσα ἐκέκτητο, καὶ τῆς ἐπὶ τῇ Ῥώμῃ οἰκίας καὶ τοῦ Αὐτοληκύθου. ἦν δὲ οὗτος Ἰνδὸς μὲν καὶ ἱκανῶς μέλας, ἄθυρμα δὲ Ἡρώδου τε καὶ Φαβωρίνου, ξυμπίνοντας γὰρ αὐτοὺς διῆγεν ἐγκαταμινγὺς Ἰνδικοῖς Ἀττικὰ καὶ πεπλανημένην τῇ γλώττῃ βαρβαρίζων.

Ἡ δὲ γενομένη πρὸς τὸν Πολέμωνα τῷ Φαβωρίνῳ διαφορὰ ἤρξατο μὲν ἐν Ἰωνίᾳ προσθεμένων αὐτῷ τῶν Ἐφεσίων, ἐπεὶ τὸν Πολέμωνα ἡ Σμύρνα ἐθαύμαζεν, ἐπέδωκε δὲ ἐν τῇ Ῥώμῃ, ὕπατοι γὰρ καὶ παῖδες ὑπάτων οἱ μὲν τὸν ἐπαινοῦντες, οἱ δὲ τόν, ἤρξαν αὐτοῖς φιλοτιμίας, ἢ πολὺν ἐκκαίει φθόνον καὶ σοφοῖς (491) ἀνδράσιν. συγγνωστοὶ μὲν οὖν τῆς φιλοτιμίας, τῆς ἀνθρωπείας φύσεως τὸ φιλότιμον ἀγῆρων ἡγουμένηςⁱ, μεμπτέοι δὲ τῶν λόγων, οὓς ἐπ’ ἀλλήλους ξυνέθεσαν, ἀσελγῆς γὰρ λοιδορία, κἂν ἀληθὴς τύχη, οὐκ ἀφήσιν αἰσχύνῃς οὐδὲ τὸν ὑπὲρ τοιούτων εἰπόντα. τοῖς μὲν οὖν σοφιστῇν τὸν Φαβωρίνον καλοῦσιν ἀπέχρη ἐς ἀπόδειξιν καὶ αὐτὸ τὸ σοφιστῇ διενεχθῆναι αὐτὸνⁱⁱ, τὸ γὰρ φιλότιμον, οὗ ἐμνήσθην, ἐπὶ τοὺς ἀντιτέχνους φοιτᾷ.

ⁱ τιηνουμένης Reiske, κεκτημένης Cobet

ⁱⁱ διενεχθῆναι αὐτὸν σοφιστῇ Kayser

⁶⁵ Ср. Thuc. II. 44: «Лишь любочестие не старится, и немощному возрасту усладу доставляет не стяжательство, как говорят иные, но почести».

⁶⁶ Ср. Hes. Op. 25: «Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник» (пер. В. В. Вересаева).

Речь Фаворина по построению была несколько небрежна, но искусна и приятна, а еще он якобы с легкостью говорил без подготовки. Что до нескольких речей против Проксена, право же, не стоит думать, будто они задуманы либо составлены Фаворином (вернее всего, это упражнение упившегося чуть ли не до рвоты юнца), а вот «о безвременно почившем», «за единоборцев» и «за купальни»⁶⁷ мы объявляем подлинными и от- лично составленными, а тем паче Любомудрые его сочинения, среди коих лучшее – «Пирроновы», где последователям Пиррона, хоть и скептикам, не отказывает он в способности выносить судебные приговоры⁶⁸.

А когда рассуждал он в Риме, сходились к нему все, ибо даже не умевшим по-гречески сладостно было его слушать: он чаровал их и голосом, и наружностью, и мерностью⁶⁹ речи, а еще послесловием, которое они называли песнью⁷⁰, я же зову тщеславием, ибо там расхваливается уже доказанное. Еще го-

⁶⁷ Посещение гладиаторских («единоборческих») игр считалось пошлостью; Аполлоний Тианский порицал бани как способствующие изнеженности (VA I. 16; IV. 42; VII. 31).

⁶⁸ Скептики отрицали возможность достоверного знания, хотя именно на нем основывается справедливый судебный приговор; точное название этого сочинения – Πυρρώνειοι τῶποι, «Пирроновы обычаи» (Gell. XI. 5. 5).

Ἦρμονται δὲ τὴν γλῶτταν ἀνειμένως μὲν, σοφῶς δὲ καὶ ποτίμως. ἔλεγετο δὲ καὶⁱ σὺν εὐροίᾳ σχεδιάσαι. τὰ μὲν δὴ ἐς Πρόξενον μήτ' ἂν ἐνθυμηθῆναι τὸν Φαβωρίνον ἡγώμεθαⁱⁱ μήτ' ἂν ξυνθεῖναι, ἀλλ' εἶναι αὐτὰ μεираκίου φροντίσματαⁱⁱⁱ μεθύοντος, μᾶλλον δὲ ἐμοῦντος, τὸν δὲ ἐπὶ τῷ ἁώρῳ^{iv} καὶ τὸν ὑπὲρ τῶν μονομάχων καὶ τὸν ὑπὲρ τῶν βαλανείων γνησίους τε ἀποφαινόμεθα^v καὶ εὖ ξυγκειμένους, καὶ πολλῶ μᾶλλον τοὺς φιλοσοφούμενους αὐτῷ τῶν λόγων, ὧν ἄριστοι οἱ Πυρρώνειοι· τοὺς γὰρ Πυρρωνεῖους ἐφεκτικούς ὄντας οὐκ ἀφαιρεῖται καὶ τὸ δικάζειν δύνασθαι. Διαλεγομένου δὲ αὐτοῦ κατὰ τὴν Ῥώμην μεστὰ ἦν σπουδῆς πάντα, καὶ γὰρ δὴ καὶ ὅσοι τῆς Ἑλλήνων φωνῆς ἀξύνετοι ἦσαν, οὐδὲ τούτοις ἀφ' ἡδονῆς ἢ ἀκρόασις ἦν, ἀλλὰ κάκείνους ἔθελγε τῇ τε ἡχῇ τοῦ φθέγματος καὶ τῷ σημαίνοντι τοῦ βλέμματος καὶ τῷ ῥυθμῷ τῆς γλώττης. ἔθελγε δὲ αὐτοὺς τοῦ λόγου καὶ τὸ ἐπὶ πᾶσιν, ὃ ἐκεῖνοι μὲν ὥδῃν ἐκάλουν, ἐγὼ δὲ φιλοτιμίαν, ἐπειδὴ τοῖς ἀποδεδειγμένοις ἐφρυνεῖται.

ⁱ del. Kayser

ⁱⁱ del. Kayser

ⁱⁱⁱ φρόντισμα Kayser

^{iv} τῷ λήρῳ α; τῶν λήρων Westermann

^v ἀποφαινόμεθα χ, Kayser

⁶⁹ Мерность (ῥυθμοί) – ритмическая организация речи, определяемая последовательностью слогов и ударений при отсутствии регулярного метра, т.е. только в прозе.

⁷⁰ Имеется в виду завершение речи с подведением ее итогов, часто в виде произносимой нараспев декламации – «песни».

ворят, будто он учился у Диона, но он так же далек от него, как не учившиеся.

Вот и всё о мужах, принадлежавших к любомудрам, (492) однако же слывших софистами, – а нижеследующие были софистами в прямом смысле слова.

9. Сицилия произвела в свет *Горгия* Леонтинского, к коему, как к отцу, надлежит нам возводить софистическое искусство⁷¹. И верно, ежели вспомнить Эсхила и сколько сделал он для трагедии, снабдив ее и ризами, и личинами, и возвышенными подмостками, и вестниками издали и изблизи, и правилами, что́ делать перед сkenой и что́ за сkenой⁷², то наверное столько же сделал Горгий для товарищей по ремеслу, ибо от него повелись у софистов и стремительность, и парадокс⁷³, и одушевление, и величественность в изъяснении великого, а также «обрывы» и «переходы»⁷⁴, благодаря коим речи звучат слаще и торжественнее, а еще ради красоты и важности нарядил он их поэтиче-

⁷¹ Сохранились две речи Горгия: «Похвала Елене» и «Оправдание Паламеда»; о заслугах Горгия в софистике Филострат подробно рассуждает и в одном из «Писем» (Epist. 73), убеждая Юлию Домну, что Платон не завидовал софистам, а состязался с ними и был в этом не одинок – далее следует перечень самых знаменитых подражателей Продика и Горгия.

⁷² По мнению Аристотеля, главным в реформе Эсхила было добавление второго актера, в корне изменившее всю сущность трагедии и заметно уменьшившее значимость хора (Arist. Poet. 1449 a), – Филострат, однако, об этом не упоминает, говоря лишь о новшествах в оформлении, так как это лучше годится для сравнения Горгия с Эсхилом; нельзя не отметить, что упомянутые им нововведения Эсхила засвидетельствованы лишь в поздней традиции (см. в особенности TrGF III. T108).

Δίωνος μὲν οὖν ἀκοῦσαι λέγεται, τοσοῦτον δὲ ἀφρέστηκεν, ὅσον οἱ μὴ ἀκούσαντες. Τοσαῦτα μὲν ὑπὲρ τῶν φιλοσοφησάντων (492) ἐν δόξῃ τοῦ σοφιστεῦσαι. οἱ δὲ κυρίως προσρηθέντες σοφισταὶ ἐγένοντο οἶδε·

θ'. Σικελία Γοργίαν ἐν Λεοντίνοις ἤνεγκεν, ἐς ὃν ἀναφέρειν ἠγώμεθα τὴν τῶν σοφιστῶν τέχνην, ὥσπερ ἐς πατέρα· εἰ γὰρ τὸν Αἰσχύλον ἐνθυμηθείμεν, ὥς πολλὰ τῇ τραγωδίᾳ ξυμβάλετο ἐσθῆτί τε αὐτὴν κατασκευάσας καὶ ὀκρίβαντι ὑψηλῷ καὶ ἡρώων εἵδεσιν ἀγγέλοις τε καὶ ἐξαγγέλοις καὶ οἷς ἐπὶ σκηνῆς τε καὶ ὑπὸ σκηνῆς χρή πράττειν, τοῦτο ἂν εἴη καὶ ὁ Γοργίας ἐν¹ τοῖς ὁμοτέχνοις. ὁρμῆς τε γὰρ τοῖς σοφισταῖς ἦρξε καὶ παραδοξολογίας καὶ πνεύματος καὶ τοῦ τὰ μεγάλα μεγάλως ἐρμηνεύειν, ἀποστάσεων τε καὶ προσβολῶν, ὑφ' ὧν ὁ λόγος ἡδίων ἑαυτοῦ γίγνεται καὶ σοβαρώτερος, περιεβάλλετο

¹ omisit Kayser

⁷³ Παράδοξον (παράδοξον) называлось не только умозаключение, где вывод противоречитсылке, но и (реже) целый текст, построенный по тому же принципу, и первый пример такой речи – «Похвала Елене» Горгия, где доказывается, что Елена в бегстве с Парисом не виновата (ср. у Диона Хрисостома в «Троянской речи» доказательство, что в Троянской войне победили троянцы); вероятно, Филострат имеет в виду «Похвалу Елене».

⁷⁴ Обрывы и переходы (ἀποστάσεις καὶ προσβολαί) – по мнению Райт, которое кажется верным, это два вида асиндетона (бессоюзия): как внутри предложения (ср. «Швед русский колит, рубит, режет...»), так и между предложениями (ср. «Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. Жук жужжал...»); об обрывах и переходах Горгия Филострат пишет и в письме к Юлии Домне (Epist. 73).

скими словесами⁷⁵, а что умел он без малейших затруднений говорить без подготовки, это я уже поминал в начале рассказа⁷⁶. Потому-то, даже и в преклонных годах, разглагольствуя пред афинянами, вызывал он восхищение не только у большинства – сие не дивно! – но покорил, сколько знаю, и славнейших – как молодых тогда Крития и Алкивиада, так и старых Фукидида (493) и Перикла⁷⁷; да и трагический поэт Агафон, представляемый в комедиях мудрым и речистым, часто в ямбах своих выражается на горгианский лад⁷⁸.

Отличился он и на эллинских празднествах⁷⁹: произнес с амвона Пифийскую речь, за которую воздвигли ему в Пифийском святилище золотое изваяние, а в Олимпийской речи рассуждал о самоважнейших государственных делах, ибо, видя всю Элладу раздираемой распрями, советовал эллинам восстановить согласие и бодрил их против варваров, дабы стяжали они ратную славу, востря оружие не друг на друга, но обращая оное на варварские страны. Надгробная его речь, произнесенная в Афинах над павшими воинами⁸⁰, коих афиняне погребали всем миром и с почестями, исполнена безмерной мудрости: бодря афинян против мидян и персов⁸¹ и так повторяя главную

⁷⁵ Аристотель в кн. III «Риторики» относит распространенное в его время злоупотребление поэтическим слогом к «горгианству» и резко его критикует – но не у самого Горгия, а только у его подражателей (Arist. Rhet. 1404 a).

⁷⁶ См. I. 481–483.

⁷⁷ В действительности Горгий появился в Афинах во главе леонтинского посольства в 427 до н.э., через два года после смерти Перикла: Алкивиаду было тогда чуть за двадцать, а Критию чуть за тридцать, так что и он мог еще считаться молодым, но Фукидид был ровесник Крития – итак, здесь Филострат снова жертвует правдой ради стиля, в данном случае ради параллелизма двух «молодых» и двух «старых», пусть из этих последних один относительно молод, а другой мертв.

δὲ καὶ ποιητικὰ ὀνόματα ὑπὲρ κόσμου καὶ σεμνότητος. ὥς μὲν οὖν καὶ ῥᾶστα ἀπεσχεδίαζεν, εἴρηται μοι κατὰ ἀρχὰς τοῦ λόγου, διαλεχθεῖς δὲ Ἀθήνησιν ἤδη γηράσκων εἰ μὲν ὑπὸ τῶν πολλῶν ἐθαυμάσθη, οὐπω θαῦμα, ὁ δέ, οἶμαι, καὶ τοὺς ἔλλογιμωτάτους ἀνηρτήσατο, Κριτίαν μὲν καὶ Ἀλκιβιάδην νέω ὄντε, Θουκυδίδην (493) δὲ καὶ Περικλέα ἤδη γηράσκοντε. καὶ Ἀγάθων δὲ ὁ τῆς τραγωδίας ποιητής, ὃν ἡ κωμωδία σοφόν τε καὶ καλλιεπῆ οἶδε, πολλαχοῦ τῶν ἰάμβων γοργιάζει.

Ἐμπρέπων δὲ καὶ ταῖς τῶν Ἑλλήνων πανηγύρεσι τὸν μὲν λόγον τὸν Πυθικὸν ἀπὸ τοῦ βωμοῦ ἤχησεν, ἔφ' οὗ καὶ χρυσοῦς ἀνετέθη, ἐν τῷ τοῦ Πυθίου ἱερῷ, ὁ δὲ Ὀλυμπικὸς λόγος ὑπὲρ τοῦ μεγίστου αὐτῷ ἐπολιτεύθη. στασιάζουσιν γὰρ τὴν Ἑλλάδα ὁρῶν ὁμονοίας ξύμβουλος αὐτοῖς ἐγένετο τρέπων ἐπὶ τοὺς βαρβάρους καὶ πείθων ἄθλα ποιεῖσθαι τῶν ὅπλων μὴ τὰς ἀλλήλων πόλεις, ἀλλὰ τὴν τῶν βαρβάρων χώραν. ὁ δὲ ἐπιτάφιος, ὃν διῆλθεν Ἀθήνησιν, εἴρηται μὲν ἐπὶ τοῖς ἐκ τῶν πολέμων, πεσοῦσιν οὓς Ἀθηναῖοι δημοσίᾳ ξὺν ἐπαίνοις ἔθαψαν, σοφία δὲ ὑπερβαλλούσῃ ζύγκειται· παροξύνων τε γὰρ τοὺς Ἀθηναίους ἐπὶ Μήδους τε καὶ Πέρσας

⁷⁸ Ср. Aristoph. Th. 49–50: «...слагатель изысканных слов, собрался Агафон...» (пер. А. Пиотровского); Платон тоже изображает Агафона говорящим в горгианском стиле (Plat. Smp. 194 E–197 E).

⁷⁹ «Ἐλλινικαῖς πανηγύρεσι» (Ἑλλήνων πανηγύρεις) назывались всегреческие Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры; сохранились фрагменты Олимпийской речи Горгия, в которой он призывает эллинов сплотиться (вероятно, она была произнесена на Играх 392 до н.э.).

⁸⁰ Сохранился небольшой фрагмент этой речи (RhG V. 549–551).

⁸¹ Чаще всего «мидяне» значит то же, что и «персы» (Персидское царство сложилось на территории Мидийского, частью которого было до 550 до н.э.), но во времена Горгия, речь которого Филострат, вероятно, читал, еще была жива память, что народы эти – разные.

мысль Олимпийской речи, он, однако же, ни словом не обмолвился о согласии между эллинами, ибо внимавшие ему афиняне жаждали державства, каковое могли стяжать единственно насилием, – (494) потому-то он всячески расхваливал их победы над мидянами, тем самым указуя, что победителю варваров достаются славословия, а победителю эллинов одни лишь пени.

Говорят, дожил Горгий до ста восьми лет, однако же и в старости телом не одряхлел, до смерти сохраняя юношески крепкие мышцы и острые чувства.

10. Софист *Протагор*⁸² из Абдеры не только слушал у себя на родине Демокрита⁸³, но также – во время похода Ксеркса на Элладу – имел общение с персидскими магами, поелику отец его Меандр, стяжавши богатство больше многих во Фракии, принимал у себя Ксеркса, подносил ему дары и так снискал, чтобы сыну его спознаться с магами⁸⁴, ибо персидские маги не научают чужеродцев, разве только если царь велит⁸⁵. А что Протагор почитал неразрешимым, существуют боги или же не существуют, сие беззаконие⁸⁶, думаю, он перенял от персидского

⁸² Протагор и Горгий были самые первые и самые знаменитые из древних софистов; Протагору приписывается изречение «Человек – мера всех вещей», он же в сочинении «О богах» утверждал, что невозможно знать, существуют ли боги, и за это был обвинен в безбожии; он изучал также закономерности языка и первый выделил грамматические роды у существительных и наклонения у глаголов. Сочинения его до нас не дошли, но, как и у Евдокса, у него есть собственный кратер на Луне.

⁸³ Утверждения, будто Протагор учился у своего земляка Демокрита, нередко встречаются у поздних авторов (cf. Diog. La. IX. 50; Schol. Plat. Resp. 600 C), хотя это неверно уже потому, что Демокрит был

καὶ τὸν αὐτὸν νοῦν τῷ Ὀλυμπικῷ ἀγωνιζόμενος ὑπὲρ ὁμονοίας μὲν τῆς πρὸς τοὺς Ἑλληνας οὐδὲν διῆλθεν, ἐπειδὴ πρὸς Ἀθηναίους ἦν ἀρχῆς ἐρῶντας, ἦν οὐκ ἦν κτήσασθαι μὴ τὸ δραστήριον αἰρουμένους, (494) ἐνδιέτριψε δὲ τοῖς τῶν Μηδικῶν τροπαίων ἐπαίνοις, ἐνδεικνύμενος αὐτοῖς, ὅτι τὰ μὲν κατὰ τῶν βαρβάρων τρόπαια ὕμνους ἀπαιτεῖ, τὰ δὲ κατὰ τῶν Ἑλλήνων θρήνους.

Λέγεται δὲ ὁ Γοργίας ἐς ὀκτὼ καὶ ἑκατὸν ἐλάσας ἔτη μὴ καταλυθῆναι τὸ σῶμα ὑπὸ τοῦ γήρωος, ἀλλ' ἄρτιος καταβιῶναι καὶ τὰς αἰσθήσεις ἡβῶν.

ἰ. Πρωταγόρας δὲ ὁ Ἀβδηρίτης σοφιστῆς καὶ Δημοκρίτου ἄκροατῆς οἴκοι ἐγένετο, ὠμίλησε δὲ καὶ τοῖς ἐκ Περσῶν μάγοις κατὰ τὴν Ξέρξου ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα ἔλασιν. πατὴρ μὲνⁱⁱ γὰρ ἦν αὐτῷ Μαϊάνδρος πλούτῳ κατεσκευασμένος παρὰ πολλοὺς τῶν ἐν τῇ Θράκῃ, δεξάμενος δὲ καὶ τὸν Ξέρξην οἰκίᾳ τε καὶ δώροις τὴν ξυνουσίαν τῶν μάγων τῷ παιδί παρ' αὐτοῦ εὔρετο. οὐ γὰρ παιδεύουσι τοὺς μὴ Πέρσας Πέρσαι μάγοι, ἦν μὴ ὁ βασιλεὺς ἐφῆ. τὸ δὲ ἀπορεῖν φάσκειν, εἴτε εἰσὶ θεοί, εἴτε οὐκ εἰσὶ, δοκεῖ μοι Πρωταγόρας ἐκ τῆς Περσικῆς παιδεύσεως

ⁱ Δημοκρίτου μὲν Kayser

ⁱⁱ omisit Kayser

лет на двадцать моложе Протагора; по Диогену Лаэртскому, Ксеркс в Абдерах гостил у отца Демокрита (Diog. La. IX. 34).

⁸⁴ Το же самое рассказывают о Демокрите (Diog. La. IX. 34; cf. Val. Max. VIII. 7).

⁸⁵ Сведения о подобных ограничениях не сохранились; поздняя традиция связывает проникновение в Грецию магических учений с именем мага Остана, сопровождавшего Ксеркса во время похода на Грецию (Plin. Nat. XXX. 8).

⁸⁶ Почитание богов было не вопросом личной веры, а гражданской обязанностью: публично высказанное сомнение в бытии богов ставило под сомнение эту обязанность, а значит, было преступно.

воспитания, ибо маги молятся богам тайком⁸⁷, на людях же воздерживаются славить божество – да не возомнит никто, будто от божества их сила. Потому-то Протагор и был изгнан из всех подвластных афинянам земель – то ли по судебному приговору, то ли, как полагают иные, без суда, по особому постановлению⁸⁸. Вот так-то, удалясь с материка, скитался он по островам, остерегаясь снующих по всем морям афинских боевых кораблей⁸⁹, и утонул, пустившись в плавание на утлом суденышке.

Он же первый придумал брать мзду за речи и так первый внушил эллинам, что дело это не пустячное – и то сказать, ведь платные занятия нам милее дармовых. Платон, зная, что Протагор изъясняется высоким слогом, но чересчур (495) важничает и местами не в меру многословен, воспроизвел строй речи его в пространной притче⁹⁰.

11. Софист *Гиппий* Элейский⁹¹ даже в старости не только до того был крепок памятью, что, однажды слышав пятьдесят имен разом, мог повторить их в том же порядке, но еще и ввел в рассуждения свои и геометрию, и астрономию, и музыку, и мерности; разглагольствовал он также о живописи и ваянии.

⁸⁷ У Геродота маги поют о родословии богов (Hdt. I. 132) и приносят жертвы Фетиде и Нереидам (ibid. VII. 191); о важной роли магов в персидском богопочитании свидетельствуют и другие авторы (Хен. Суг. VIII. 1. 23; Strab. XV. 3. 13); при всем том присущий Протагору релятивизм мог быть среди прочего обусловлен обучением у жрецов чуждой религии – если он и вправду у них учился.

⁸⁸ В других источниках (Sext. Emp. Math. IX. 56–57; Diog. La. IX. 50, 54; Schol. Plat. Resp. 600 C et al.) об этой псефисме (особом постановлении) нет ни слова, да и весь рассказ об обвинении и гибели Протагора не кажется правдоподобным – отчасти из-за некоторых хронологических несоответствий, в особенности же потому, что существует слишком похожая и датируемая тем же 415 до н.э. история о поэте и

παρανομῆσαι· μάγοι γὰρ ἐπιθειάζουσι μὲν οἷς ἀφανῶς δρῶσι, τὴν δὲ ἐκ φανεροῦ δόξαν τοῦ θείου καταλύουσιν οὐ βουλόμενοι δοκεῖν παρ' αὐτοῦ δύνασθαι. διὰ μὲν δὴ τοῦτο πάσης γῆς ὑπὸ Ἀθηναίων ἡλάθη, ὡς μὲν τινες, κριθεῖς, ὡς δὲ ἐνίοις δοκεῖ, ψήφου ἐπενεχθείσης μὴ κριθέντι. νήσους δὲ ἐξ ἡπείρων ἀμείβων καὶ τὰς Ἀθηναίων τριήρεις φυλαττόμενος πάσαις θαλάτταις ἐνεσπαρμένας κατέδου πλέων ἐν ἀκατίῳ μικρῷ.

Τὸ δὲ μισθοῦ διαλέγεσθαι πρῶτος μὲν¹ εὗρε, πρῶτος δὲ παρέδωκεν Ἑλλήσι πρᾶγμα οὐ μεμπτόν, ἃ γὰρ σὺν δαπάνῃ σπουδάζομεν, μᾶλλον ἀσπαζόμεθα τῶν προῖκα. γνούς δὲ τὸν Πρωταγόραν ὁ Πλάτων (495) σεμνῶς μὲν ἐρμηνεύοντα, ἐνυπτιάζοντα δὲ τῇ σεμνότητι καὶ που καὶ μακρολογώτερον τοῦ συμμέτρου, τὴν ἰδέαν αὐτοῦ μύθῳ μακρῷ ἐχαρακτήρισεν.

ια'. Ἰππίας δὲ ὁ σοφιστὴς ὁ Ἥλειος τὸ μὲν μνημονικὸν οὕτω τι καὶ γηράσκων ἔρρωτο, ὡς καὶ πεντήκοντα ὀνομάτων ἀκούσας ἅπαξ ἀπομνημονεύειν αὐτὰ καθ' ἣν ἤκουσε τάξιν, ἐσήγετο δὲ ἐς τὰς διαλέξεις γεωμετρίαν ἀστρονομίαν μουσικὴν ῥυθμούς, διελέγετο δὲ καὶ περὶ ζωγραφίας καὶ περὶ

¹ omisit Kayser

софисте Диаго́ре Мелосском (Diod. XIII. 6. 7; Schol. Aristoph. Av. 1073; Athen. XIII. 92).

⁸⁹ Вероятно, речь идет о шестидесяти кораблях, со времен Перикла ежегодно посылаемых в восьмимесячное плавание для обучения граждан морскому делу (Plut. Per. 11).

⁹⁰ См. миф о Прометее и Эпиметее в «Протагоре» (Plat. Prt. 320 C–322 A).

⁹¹ Гиппий Элейский – младший современник Протагора, действующее лицо нескольких диалогов Платона (из них два, «Гиппий Большой» и «Гиппий Маленький», названы по нему); сочинения его, как ученые (антикварно-филологические), так и поэтические (поэмы, трагедии, дифирамбы) не сохранились.

О вышеперечисленном говорил он повсеместно, кроме Лакедемона⁹², а там рассказывал о происхождении градов материнских и о градах дочерних⁹³, а еще о подвигах, ибо сии предметы желавшим главенства лакедемонянам были по душе. Есть у него и троянская беседа, не речь⁹⁴: в уже взятой Трое Нестор наставляет Неоптолема, сына Ахиллесова, как подобает себя вести, дабы почитаться добрым мужем. Послом от Элиды он был столько раз, сколько не бывал ни один эллин, и никогда не ронял славу свою, обращаясь ли к народу в собрании или выступая с разглаголом⁹⁵, да еще и скопил преизрядное состояние и был приписан к отраслям больших и малых городов⁹⁶; тоже и в Иник отправился он ради денег, городком же сим владеют сицилийцы, охаянные Платоном⁹⁷. Славился он и в иное время, (496) чаруя в Олимпии Элладу пестрыми и отменно продуманными речами, изъяснялся же не немногословно, но пространно и естественно, редко прибегая к поэтическим именам.

⁹² У Платона Сократ гадает, о чем же Гиппий рассказывал не слишком грамотным лакедемонянам, пока, наконец, тот не говорит: «О родословии героев и людей, Сократ, и об основании дочерних городов, и как в древности основывались города – всякие рассказы о старине слушают они с большою охотою, так что пришлось мне ради них поучиться и поднатореть во всем подобном» (Plat. Hp. Ma. 285 D); Филострат передает эту фразу почти дословно.

⁹³ То есть о колониях: основная волна греческой колонизации (затронувшей прежде всего зап. побережье М. Азии, Сев. Причерноморье, Ю. Италию, Сицилию) пришлась на VIII – VI вв. до н.э., что было обусловлено как торговыми, так и политическими и экономическими интересами. Связь колоний с метрополиями сохранялась в основном на обрядовом уровне, политически колонии обычно были самостоятельны – но в данном контексте важно, что, в отличие от других дорийских городов (прежде всего Коринфа и Мегар), Спарта колоний не выводила.

ἀγαλματοποιίας. ταῦτα ἐτέρωθι, ἐν Λακεδαίμονι δὲ γένη τε διήει πόλεων καὶ ἀποικίας καὶ ἔργα, ἐπειδὴ οἱ Λακεδαιμόνιοι διὰ τὸ βούλεσθαι ἄρχειν τῇ ιδεᾷ ταύτῃ ἔχαιρον. ἔστιν δὲ αὐτῷ καὶ Τρωικὸς διάλογος, οὗ λόγος ὁ Νέστωρ ἐν Τροίᾳ ἀλούσῃ ὑποτίθεται Νεοπτολέμῳ τῷ Ἀχιλλέως, ᾧ χρὴ ἐπιτηδεύοντα ἄνδρα ἀγαθὸν φαίνεσθαιⁱ. πλεῖστα δὲ Ἑλλήνων πρεσβεύσας ὑπὲρ τῆς Ἥλιδος οὐδαμοῦ κατέλυσε τὴν ἑαυτοῦ δόξαν δημηγορῶν τε καὶ διαλεγόμενος, ἀλλὰ καὶ χρήματα πλεῖστα ἐξέλεξε καὶ φυλαῖς ἐνεγράφη πόλεων μικρῶν τε καὶ μειζόνων. παρῆλθε καὶ ἐς τὴν Ἴνυκὸν ὑπὲρ χρημάτων, τὸ δὲ πολίχνιον τοῦτο Σικελικοί εἰσιν, οὓς ὁ Πλάτων [τῷ Γοργίᾳ]ⁱⁱ ἐπισκώπτει. εὐδοκιμῶν δὲ καὶ τὸν ἄλλον χρόνον (496) ἔθελγε τὴν Ἑλλάδα ἐν Ὀλυμπίᾳ λόγοις ποικίλοις καὶ πεφροντισμένοις εὔ. ἐρμήνευε δὲ οὐκ ἐλλιπῶς, ἀλλὰ περιττῶς καὶ κατὰ φύσιν, ἐς ὀλίγα καταφεύγων τῶν ἐκ ποιητικῆς ὀνόματα.

ⁱ γίγνεσθαι Cobet

ⁱⁱ deleuit Kayser

⁹⁴ Знаменитая «Троянская речь» тоже существует, однако ее гораздо позднее создал Дион Хрисостом.

⁹⁵ Разглагол (διάλεξις) – небольшая показательная композиция на заданную тему, произносимая от своего лица.

⁹⁶ Т.е. как полноправный гражданин был приписан к филе – территориально-избирательному подразделению, номинально связанному происхождением от общего предка.

⁹⁷ У Платона Гиппий хвалится, что заработал на Сицилии больше ста пятидесяти мин (фунтов серебра), в т. ч. в Инике больше двадцати, а Сократ, противопоставляя щедрым сицилийцам скупых лакедемонян, не заплативших Гиппию вообще ничего, спрашивает: «Что же, иникских отроков ты сумел сделать лучше, а спартанских не сумел? <...> Быть может, сицилийцы желают сделаться лучше, а лакедемоняне не желают?» (Plat. Нр. Ма. 283 С)

12. Имя *Продика* Кеосского⁹⁸ столь славилось мудростью, что даже сын Грилла, быв узником у беотийцев и отпущенный на поруки⁹⁹, слушал его разглагол. А будучи послом у афинян, он явился в Совет и показал себя самым убедительным из людей, хотя голос у него был глухой и слышно его было плохо¹⁰⁰. Еще он гонялся за юношами благородного звания и из зажиточных семейств¹⁰¹, так что и местных нанимал для таковой охоты, ибо был и на деньги падок, и сластолюбию привержен. Что же до речи его «о выборе Геракла», которую помянул я в начале, даже Ксенофонт не почел для себя недостойным пересказать ее¹⁰² – нам ли описывать слог Продика, если его довольно избразил сам¹⁰³ Ксенофонт?

13. (497) Софиста *Пола* Акрагантского¹⁰⁴ основательно обучил Горгий – как поговаривают, за большие деньги, да Пол ведь и правда был из богатых. Кое-кто утверждает, будто и параллельные словосочетания, и противопоставления¹⁰⁵, и созвучие

⁹⁸ Продик – один из виднейших представителей древней софистики, персонаж нескольких диалогов Платона; подобно Горгию и Гиппию, много ездил по Греции с посольствами; указывал на необходимость точного разграничения синонимов, тем самым положив начало лексикографии.

⁹⁹ О пленении Ксенофонта из других источников не известно; возможно, это случилось в 412 до н.э., когда беотийцы взяли Ороп (Thuc. VIII. 60).

¹⁰⁰ Ср. Plat. Prt. 315 E–316 A: «О чем они беседовали, снаружи было не разобрать: как ни жаждал я послушать Продика, ибо казался он мне премудрым и божественным, да только из-за глухого его голоса помещение наполнилось одним лишь гулом, от чего произносимое было невнятно».

ιβ'. Προδίκου δὲ τοῦ Κείου ὄνομα τοσοῦτον ἐπὶ σοφία ἐγένετο, ὥς καὶ τὸν Γρύλλου [Ξενοφῶντα] ἐν Βοιωτοῖς δεθέντα ἀκροᾶσθαι διαλεγομένου, καθιστάντα ἐγγυητὴν τοῦ σώματος. πρεσβέων δὲ παρὰ Ἀθηναίοις¹ παρελθὼν ἐς τὸ βουλευτήριον ἱκανώτατος ἔδοξεν ἀνθρώπων, καίτοι δυσήκοον καὶ βαρὺ φθεγγόμενος. ἀνίχνευε δὲ οὗτος τοὺς εὐπατρίδας τῶν νέων καὶ τοὺς ἐκ τῶν βαθέων οἴκων, ὥς καὶ προξένους ἐκτῆσθαι ταύτης τῆς θήρας, χρημάτων τε γὰρ ἥττων ἐτύγχανε καὶ ἡδοναῖς ἐδεδῶκει. τὴν δὲ Ἡρακλέους αἴρεσιν τὸν τοῦ Προδίκου λόγον οὗ κατ' ἀρχὰς ἐπεμνήσθην, οὐδὲ Ξενοφῶν ἀπηξίωσε μὴ οὐχὶ ἐρμηνεύσαι. καὶ τί ἂν χαρακτηρίζοιμεν τὴν τοῦ Προδίκου γλῶτταν, Ξενοφῶντος αὐτὴν ἱκανῶς ὑπογράφοντας;

ιγ'. Πῶλον δὲ τὸν Ἀκραγαντῖνον Γοργίας σοφιστὴν (497) ἐξεμελέτησε πολλῶν, ὥς φασι, χρημάτων, καὶ γὰρ δὴ καὶ τῶν πλουτούντων ὁ Πῶλος. εἰσὶ δέ, οἳ φασι καὶ τὰ πάρισα καὶ τὰ

¹ Ἀθηναίους Kayser

¹⁰¹ Ср. Plat. Sph. 231 D: «В первую очередь, полагаю, обнаружился в нем [софисте] охотник за богатыми молодыми людьми, стяжающий от них мзду».

¹⁰² Пересказ притчи о Геракле см.: Xen. Mem. II. 1. 21–34; см. также 483 и прим.

¹⁰³ Слог Ксенофонта, прозванного «аттической пчелой», был и остался образцом простоты и изящества.

¹⁰⁴ Пол Акрагантский – ученик Горгия, упоминается у Платона в «Федре»; в «Горгии» выведен одним из собеседников.

¹⁰⁵ Параллельные словосочетания (πάρισα) – следующие друг за другом словосочетания сходной структуры, ср. I. 17. 503; противопоставления (ἀντίθετα) – противопоставление по принципу семантического контраста, обычно в *параллельных словосочетаниях*, ср. I. 17. 503.

окончаний первый изобрел Пол, но это неверно, ибо Пол лишь злоупотреблял уже изобретенными прикрасами; потому-то Платон, презирая таковое любочестие, говорит: «О добрейший Пол, дабы обратиться к тебе на твой же лад»¹⁰⁶.

14. Числящие *Фрасимаха* Халкедонского¹⁰⁷ софистом, превратно, как я думаю, понимают сказанное Платоном, что, мол, стричь льва и доносить на Фрасимаха¹⁰⁸ – одно и то же, ибо это, по всей видимости, упрек, что сочинял он ябеды и таскался по судам с клеветами¹⁰⁹.

15. (498) А вот *Антифонта* Рамнусийского¹¹⁰ уж и не знаю, как назвать, дельным или дурным. Называть его дельным надобно потому, что много раз водил он войско в поход и много одержал побед, а еще потому, что увеличил морскую силу Афин

¹⁰⁶ Plat. Grg. 467 В: по-видимому, элементы горгианского стиля Пола, которому (устаи Сократа) в этом обращении подражает Платон, следует видеть в созвучии трех долгих О (ὦ λῳστε Πῳλε).

¹⁰⁷ Фрасимах Халкедонский – автор показательных и деловых речей, а также руководств по риторике; Дионисий Галикарнасский приводит отрывок его речи «О государственном устройстве» как образец «смешанного» стиля (Dion. Hal. Dem. 3) и сообщает, что, по свидетельству Теофраста, Фрасимах был создателем этого стиля; Платон приписывает Фрасимаху мнение, что справедливым надобно почитать полезное сильнейшему (Plat. Resp. 338 С).

¹⁰⁸ Plat. Resp. 341 С.

¹⁰⁹ При том, какую роль сыграл Фрасимах в истории софистики и как часто он упоминается в авторитетных источниках – в «Государстве»

ἀντίθετα καὶ τὰ ὁμοιοτέλευτα Πῶλον εὐρηκέναι πρῶτον, οὐκ ὀρθῶς λέγοντες, τῇ γὰρ τοιᾷδε ἀγλαΐᾳ τοῦ λόγου Πῶλος εὐρημένην κατεχρήσατο, ὅθεν ὁ Πλάτων διαπτύων αὐτὸν ἐπὶ τῇ φιλοτιμίᾳ ταύτῃ φησίν· “ὦ λῶστε Πῶλε, ἵνα προσείπω σεⁱ κατὰ σέ.”

ιδ'. Οἱ δὲ καὶ Θρασύμαχον τὸν Καλχηδόνιονⁱⁱ ἐν σοφισταῖς γράφοντες δοκοῦσί μοι παρακούειν Πλάτωνος ταῦτον εἶναι φάσκοντοςⁱⁱⁱ λέοντα ξυρεῖν καὶ συκοφαντεῖν Θρασύμαχον· δικογραφίαν γὰρ αὐτῷ προφέροντός ἐστί που ταῦτα καὶ τὸ ἐν δικαστηρίοις συκοφαντοῦντα τρίβεσθαι.

ιε'. (498) Ἀντιφῶντα δὲ τὸν Ῥαμνούσιον οὐκ οἶδ', εἴτε χρηστὸν δεῖ προσειπεῖν, εἴτε φαῦλον. χρηστὸς μὲν γὰρ προσειρήσθω διὰ τὰδε ἐστρατήγησε πλεῖστα, ἐνίκησε πλεῖστα, ἐξήκοντα τριήρεσι πεπληρωμέναις ἠὔξησεν Ἀθηναίοις

ⁱ ἵνα σε προσείπω Kayser

ⁱⁱ Καλχηδόνιον Westermann, Καρχηδόνιον mss

ⁱⁱⁱ omisit Kayser

и в «Федре» Платона, в «Риторике» Аристотеля – можно лишь по-дивиться, что Филострат почти ничего о нем не знает (вернее, знает только шутку про льва), а стало быть, не читал не только «Государства», но и «Риторики»; это может дать некоторое представление о специфике подготовки софиста, который мог учиться у хороших учителей и затем преуспевать, имея в памяти набор не классических произведений, а отрывков из них, иногда случайных.

¹¹⁰ Сведения об Антифонтe содержатся в основном в приписываемом Плутарху сборнике «Жизни десяти ораторов», десяти аттических ораторов Александрийского канона (Vit. Dec. Orat. 832 b–834 b), во многом восходящем к несохранившемуся сборнику Цецилия Калактийского (I в. н.э.); другой источник – Фукидид (Thuc. XIII. 68), традиционно считающийся учеником Антифонта (Marcellin. Vit. Thuc.

на шестьдесят трехрядных кораблей с полным вооружением¹¹¹, а еще потому, что почитался всех превзошедшим способностью замышлять¹¹² и высказывать – вот за это он достоин похвалы как от меня, так и от любого другого. При всем том по справедливости кажется он негодяем, ибо уничтожил народоправство, поработил афинский народ и – сначала неявно, а после совершенно открыто – предался лаконским нравам¹¹³, так что допустил к афинским делам ораву четырехсот тиранов¹¹⁴.

О красноречии его иные говорят, что он первый изобрел сие искусство, дотоле не существовавшее, а иные – что он лишь развил изобретенное прежде¹¹⁵; а еще иные говорят, будто на-

22, Vit. Dec. Orat. 832 e); Платон также упоминает, что Антифонт из Рамнунта был учителем риторики (Plat. Men. 236 a). По сей день не прекращается дискуссия о тождестве оратора Антифонта и софиста Антифонта, которого Гермоген из Тарса (см. о нем II. 7) со ссылкой на Дидима Александрийского (I в. до н.э.) упоминает как «другого» Антифонта, указывая на различия в стиле (Hermog. Id. II.7); тем не менее в последнее время оратор и софист всё чаще считаются одним лицом. В древности «оратору» приписывалось 60 речей (Цецилий лишь 35 из них считает подлинными), были известны также его пособия по риторике и судебному красноречию и собрание общих мест, удобных для использования в введениях и заключениях. До нас дошло пятнадцать речей: три по делам об убийствах и (под вопросом) еще двенадцать, составляющих так наз. «тетралогии» – учебные композиции на вымышленную тему, тоже посвященные делам об убийствах, причем у обвинителя и обвиняемого в них по две речи, отсюда и «тетралогия», т.е. «четырёхречие». Трактаты «Об истине» (найлены его папирусные фрагменты) и «О единомыслии» приписывались «софисту» Антифону.

¹¹¹ Здесь Филострат следует ничем не подтвержденному сообщению Пс.-Плутарха (Vit. Dec. Orat. 833 a–b), основанному на том, что некий Антифонт в конце Пелопоннесской войны оснастил для афинского флота две триеры, а в правление Тридцати (проспартанское правительство, около года бывшее у власти после окончания Пелопоннесской войны) был казнен (Xen. Hell. II. 3. 40), а значит, навряд ли от-

τὸ ναυτικόν, ἱκανώτατος ἀνθρώπων ἔδοξεν εἰπεῖν τε καὶ γνῶναι διὰ μὲν δὴ ταῦτα ἐμοί τε ἐπαινετός καὶ ἑτέρῳ. κακὸς δ' ἂν εἰκότως διὰ τάδε φαίνοιτο· κατέλυσε τὴν δημοκρατίαν, ἐδούλωσε τὸν Ἀθηναίων δῆμον, ἐλακόνισε κατ' ἀρχὰς μὲν ἀφανῶς, ὕστερον δ' ἐπιδήλως, τυράννων τετρακοσίων δῆμον ἐπαφῆκε τοῖς Ἀθηναίων πράγμασιν.

Ῥητορικὴν δὲ τὸν Ἀντιφῶντα οἱ μὲν οὐκ οὔσαν εὐρεῖν, οἱ δ' εὐρημένην αὐξῆσαι, γενέσθαι τε αὐτὸν οἱ μὲν αὐτομαθῶς σοφόν, οἱ δὲ ἐκ πατρός. πατέρα γὰρ εἶναι δὴ αὐτῷ Σώφιλον

личался приверженностью к «лаконству» — тем не менее, казнь этого Антифонта приводится Пс.-Плутархом в качестве одной из версий смерти Антифонта Рамнусийского со ссылкой на речь Лисия в защиту дочери казненного тиранами Антифонта и на сходное сообщение историка IV в. до н.э. Феопомпа (FGrH 115 F 120).

¹¹² Замысел, *inventio* (γνώμη, νόημα) — нахождение аргументации, которая будет использована в речи.

¹¹³ Неприятие демократического правления выражалось как в идеализации спартанского государственного устройства, так и в попытках подражать спартанскому образу жизни — всё вместе называлось «лаконскими нравами» или «лаконством» (ср. I. 16. 501).

¹¹⁴ Совет Четырехсот, поддержанный сторонниками олигархии, захватил власть осенью 411 до н.э., Антифонт был одним из его лидеров и представителем радикального крыла; в июне 410 до н.э. демократия была восстановлена, Совет распущен, а инициаторам переворота пришлось уйти в изгнание.

¹¹⁵ Под «красноречием Антифонта» следует понимать составление судебных речей, по большей части оправдательных. В Афинах не было института адвокатуры, каждый вел свое дело сам: в некоторых судебных коллегиях разрешалось приглашать синегоров («соговорящих») — родственников или друзей, не имевших права брать за помощь деньги, однако фактически выступавших в качестве поверенных (именно в таком качестве Демосфен произнес перед присяжными знаменитую речь «О венке»), но в консервативный Ареопаг, где разбирались в основном

брался он сей премудрости самоучкой, а иные – что от отца, ибо отец его был Софил, учитель красноречия¹¹⁶, воспитавший многих власть имущих, в их числе и Клиниева сына¹¹⁷. Сам же Антифонт, всех превзойдя искусством убеждения и прозываясь Нестором за умение (499) внушить всё, что ни выскажет, объявлял чтения свои «гореусладными»¹¹⁸, ибо не бывает, мол, ни у кого столь великой скорби, чтобы не мог он изгнать оную из сердца. Комедия язвит Антифонта¹¹⁹, что, мол, будучи весьма искушен в тяжбах, он за большие деньги сочинял и продавал неправдивые речи тем, кому почти наверняка грозил нежелательный приговор. Почему так, это я сейчас объясню. В прочих искусствах и науках чтят тех, кто отличился, так что умелым лекарям чести больше, чем тем, которые похуже; равно больше чести тем, кто мудрее в волхвовании либо в мусических упражнениях, да и о строителях и обо всех вообще ремесленниках решают на таком же основании – а вот красноречие хоть и хвалят, однако же подозревают, будто оно коварно, сребролюбиво и противно справедливости. Такого мнения держится не только большинство, но и люди наиученейшие, даром же умелыми витиями называют тех, кто только и умеет замышлять да излагать¹²⁰, а тем, чье искусство воистину примечательно, отзывы

уголовные дела, синегоры не допускались, и так развился институт логографов («речеписцев»), за плату готовивших речи и разучивавших их с заказчиками, говорившими затем наизусть. Из логографов самым знаменитым был Лисий, а первым традиционно считается Антифонт, хотя нельзя сказать, был он таковым на самом деле или был лишь выдающимся мастером уже сложившегося искусства.

¹¹⁶ Пс.-Плутарх называет Софила софистом (Vit. Dec. Orat. 832 c).

¹¹⁷ Так (уважения ради, ср. о Зевсе «Кронид», об Ахиллесе «Пелид» и пр.) нередко именовался Алкивиад, сын Клиния. Неизвестно, какие еще «власть имущие» обучались у Софила: говорит о них лишь Фило-

διδάσκαλον ῥητορικῶν λόγων, ὃς ἄλλους τε τῶν ἐν δυνάμει καὶ τὸν τοῦ Κλεινίου ἐπαίδευσεν.

πιθανώτατος δὲ ὁ Ἀντιφῶν γενόμενος καὶ προσρηθεὶς Νέστωρ ἐπὶ τῷ περὶ παντὸς εἰπὼν ἂν (499) πείσαι νηπενθεῖς ἀκροάσεις ἐπήγγειλεν, ὥς οὐδὲν οὕτω δεινὸν ἐρούντων ἄχος, ὃ μὴ ἐξελεῖν τῆς γνώμης. καθάπτεται δὲ ἡ κωμωδία τοῦ Ἀντιφῶντος ὡς δεινοῦ τὰ δικανικὰ καὶ λόγους κατὰ τοῦ δικαίου συγκειμένους ἀποδιδομένου πολλῶν χρημάτων αὐτοῖς μάλιστα τοῖς κινδυνεύουσιν. τουτὶ ὁποῖαν ἔχει φύσιν, ἐγὼ δηλώσω. ἄνθρωποι κατὰ μὲν τὰς ἄλλας ἐπιστήμας καὶ τέχνας τιμῶσι τοὺς ἐν ἐκάστη αὐτῶν προὔχοντας καὶ θαυμάζουσι τῶν ἱατρῶν τοὺς μᾶλλον παρὰ τοὺς ἥττον, θαυμάζουσι δ' ἐν μαντικῇ καὶ μουσικῇ τὸν σοφώτερον, τὴν αὐτὴν καὶ περὶ τεκτονικῆς καὶ πασῶν βαναύσων τιθέμενοι ψῆφον, ῥητορικὴν δὲ ἐπαινοῦσι μὲν, ὑποπεύουσι δὲ ὡς πανοῦργον καὶ φιλοχρήματον καὶ κατὰ τοῦ δικαίου συγκειμένην. γινώσκουσι δ' οὕτω περὶ τῆς τέχνης οὐχ οἱ πολλοὶ μόνονⁱ, ἀλλὰ καὶ τῶν σπουδαίων οἱ ἐλλογιμώτατοι· καλοῦσι γοῦν δεινοὺς ῥήτορας τοὺς ἱκανῶς μὲν συνιέντας, ἱκανῶς δὲ ἐρμηνεύοντας, οὐκ εὐφημον ἐπωνυμίαν

ⁱ μᾶλλον β et Kayser

страт, и это может быть его домыслом, хотя небезосновательным – такое обучение стоило дорого, было по сути своей элитарным и помогало приобрести политическое влияние.

¹¹⁸ Гомеровское слово (Hom. Od. IV. 221; ср. выше прим. к I. 480).

¹¹⁹ Подразумевается упомянутая у Пс.-Плутарха и сохранившаяся лишь в нескольких фрагментах комедия «Писандр» Платона Афинского, тезки философа (Plat. Com. frg. 103); известны названия тридцати его комедий, но дошли от них лишь незначительные отрывки.

¹²⁰ Изложение, *elocutio* (ἐρμηνεία) – выражение замышленного средствами языка.

достаются нелестные. Думаю, при подобных обстоятельствах попасть в комедию вместе с прочими Антифонту было только естественно, ибо комедия более всего высмеивает как раз достопримечательное.

Смерть он принял в Сицилии от тирана Дионисия¹²¹, и, пожалуй, виноват в том скорее сам Антифонт, нежели Дионисий, ибо пренебрегал трагедиями Дионисия¹²², коими тот чванился больше, чем тиранской властью. А еще, когда тиран любопытствовал о благородстве (500) меди и вопрошал приближенных, какой материк или остров родит лучшую медь, Антифонт, случившийся рядом, отвечал: «Верно знаю, что лучшая – афинская, из коей сработаны изваяния Гармония и Аристоклеса». Так-то и был он предан смерти за то, что подкапывался, мол, под Дионисия и возмущал против него сицилийцев.

Провинился же Антифонт, во-первых, тем, что оскорбил тирана, житье под властью коего сам предпочел народоправству у себя дома, и во-вторых, тем, что у сицилийцев содействовал свободе, а у афинян порабощению. Притом, отвращая Дионисия от сочинения трагедий, он отвращал его от легкомыслия, ибо занятия сии легкомысленны, а для подданных изнеженный тиран удобнее целеустремленного, понеже меньше творит убийства, насилия и грабежа. Воистину, тиран, усердствующий над трагедиями, подобен недужному врачу, самого

¹²¹ Филострат вслед Пс.-Плутарху смешивает Антифонта Рамнусийского с трагиком Антифонтом, жившим при дворе Дионисия I Сицилийского и там же казненным (ср. Plut. Adul. Am. 68 a–b, где рассказана та же история, но не уточняется, который Антифонт имеется в виду). Антифонт Рамнусийский тоже был казнен, но в Афинах: после свержения Четырехсот он участвовал в посольстве в Спарту, чтобы прекратить Пелопоннесскую войну любой ценой и так помочь восставлению олигархии; посольство не принесло ожидаемых результатов

τιθέμενοι τῷ πλεονεκτήματι. τούτου δὲ φύσιν τοιαύτην ἔχοντος οὐκ ἀπεικὸς ἦν, οἶμαι, γενέσθαι καὶ τὸν Ἀντιφῶντα κωμωδίας λόγον αὐτὰ μάλιστα κωμωδούσης τὰ λόγου ἄξια.

Ἀπέθανε μὲν οὖν περὶ Σικελίαν ὑπὸ Διονυσίου τοῦ τυράννου, τὰς δ' αἰτίας, ἐφ' αἷς ἀπέθανεν, Ἀντιφῶντι μᾶλλον ἢ Διονυσίῳ προσγράφομεν· διεφάυλιζε γὰρ τὰς τοῦ Διονυσίου τραγωδίας, ἐφ' αἷς ὁ Διονύσιος ἐφρόνει μείζον ἢ ἐπὶ τῷ τυραννεύειν, σπουδάζοντος δὲ τοῦ τυράννου περὶ εὐγενείας (500) χαλκοῦ καὶ ἐρομένου τοὺς παρόντας, τίς ἡπειρος ἢ νῆσος, ἢ τὸν ἄριστον χαλκὸν φύει, παρατυχὼν ὁ Ἀντιφῶν τῷ λόγῳ “ἐγὼ ἄριστον” ἔφη “οἶδα τὸν Ἀθήνησιν, οὗ γεγόνασιν αἱ Ἀρμοδίου καὶ Ἀριστογείτονος εἰκόνες.”

ἐπὶ μὲν δὴ τούτοις ἀπέθανεν, ὡς ὑφέρπων τὸν Διονύσιον καὶ τρέπων ἐπ' αὐτὸν τοὺς Σικελιώτας. ἡμαρτε δὲ ὁ Ἀντιφῶν πρῶτον μὲν τυράννῳ προσκρούων, ὑφ' ᾧ ζῆν ἥρητο μᾶλλον ἢ οἵκοι δημοκρατεῖσθαι, ἔπειτα Σικελιώτας μὲν ἐλευθερῶν, Ἀθηναίους δὲ δουλούμενος. καὶ μὴν καὶ τοῦ τραγωδίαν ποιεῖν ἀπάγων τὸν Διονύσιον ἀπῆγεν αὐτὸν τοῦ ῥαθυμεῖν, αἱ γὰρ τοιαῖδε σπουδαὶ ῥάθυμοι, καὶ οἱ τύραννοι δὲ αἰρετώτεροι τοῖς ἀρχομένοις ἀνειμένοι μᾶλλον ἢ ξυντείνοντες, εἰ γὰρ ἀνήσουσιν, ἥττον μὲν ἀποκτενοῦσιν, ἥττον δὲ βιάσονται τε καὶ ἀρπάσσονται, τύραννος δὲ τραγωδίαις ἐπιτιθέμενος ἱατρῷ εἰκάσθω νοσοῦντι μὲν, ἑαυτὸν δὲ θεραπεύοντι· αἱ γὰρ

и послужило причиной обвинить Антифонта в измене и приговорить к смерти; несмотря на блестящую апологию (найжены ее папирусные отрывки), он был вместе с потомством лишен гражданских прав, а дом его был разрушен (Vit. Dec. Orat. 833 d – 834 b).

¹²² Дошедшие фрагменты трагедий Дионисия насчитывают полтора десятка стихов; известные названия четырех трагедий: «Адонис», «Алкмена», «Леда» и «Выкуп Гектора» – эта последняя принесла тирану победу на Ленейских играх 367 до н.э. (Diod. XV. 74).

себя целящему, ибо сочинительство, пение, мерность хоров и подражание нравам (из коих с неизбежностью изображаются наилучшие¹²³) гонят из тиранов свирепость и жестокость, точно как лекарства гонят болезнь. Будем же почитать сие не укором Антифону, но для всех советом: не бросать вызов тирании¹²⁴ и не распалять гневом суровые нравы.

Речи у него по большей части судебные, заключающие в себе изощренность и всяческое искусство, но есть и софистические, в особенности «о единомыслии», в коей и блистательные любомудрые изречения, и возвышенное повествование, поэтическими именами¹²⁵ приукрашенное, и пространное изложение, стелющееся подобно глади равнин.

16. (501) Софист *Критий*¹²⁶, хоть и уничтожил у афинян народоправство¹²⁷, оттого еще не худ, ибо народоправство и само себя уничтожило бы, до того занесясь, что не подчиня-

¹²³ Всякий сочинитель подражает нравам, но различным: в частности, трагический поэт подражает нравам людей, «лучших, нежели живущие ныне» (Arist. Poet. 1448 a).

¹²⁴ Характерная для Филострата непоследовательность, ведь только что он осуждал Антифонта за симпатии к спартанскому правлению, в отличие от тирании, законному, – трудно сказать, происходит это от отсутствия собственной позиции или от некритического пересказа источников; в пожелании «не бросать вызов» можно видеть намек на собственное время (ср. II. 24. 607, где Филострат винит Антипатра за несдержанность в отношении Каракаллы), но власть кесаря, пусть жестокого, обычно сопоставлялась с тиранической только в инвективах.

¹²⁵ Поэтические имена – характерные по преимуществу для стихотворной речи (архаичные, двукорневые, редкие); о злоупотреблении такими именами много говорит Аристотель в «Риторике» (кн. III), осуждая поэтизированный слог за излишнюю вычурность и невнятность.

¹²⁶ Критий упоминается в сорока двух древнегреческих источниках разного объема, но все упоминания относятся к последнему десяти-

μυθοποιίαι καὶ αἱ μονωδίαὶ καὶ οἱ ῥυθμοὶ τῶν χορῶν καὶ ἡ τῶν ἡθῶν μίμησις, ὧν ἀνάγκη τὰ πλείω χρηστὰ φαίνεσθαι, μεταβάλλει τοὺς τυράννους τοῦ ἀπαραιτήτου καὶ σφοδροῦ, καθάπερ αἱ φαρμακοποσίαι τὰς νόσους. ταῦτα μὴ κατηγορίαν Ἀντιφῶντος, ἀλλὰ συμβουλίαν ἐς πάντας ἡγώμεθα τοῦ μὴ ἐκκαλεῖσθαι τὰς τυραννίδας, μηδὲ ἐς ὀργὴν ἄγειν ἥθη ὡμά.

Λόγοι δ' αὐτοῦ δικανικοὶ μὲν πλείους, ἐν οἷς ἡ δεινότης καὶ πᾶν τὸ ἐκ τέχνης ἔγκειται, σοφιστικοὶ δὲ καὶ ἕτεροι μὲν, σοφιστικώτερος δὲ ὁ ὑπὲρ τῆς ὁμονοίας, ἐν ᾧ γνωμολογίαί τε λαμπραὶ καὶ φιλόσοφοι σεμνὴ τε ἀπαγγελία καὶ ἐπηνθισμένη ποιητικοῖς ὀνόμασι καὶ τὰ ἀποτάδην ἐρμηνευόμενα παραπλήσια τῶν πεδίων τοῖς λείοις.

ιζ'. (501) Κριτίας δὲ ὁ σοφιστὴς εἰ μὲν κατέλυσε τὸν Ἀθηναίων δῆμον, οὕτω κακός – καταλυθείη γὰρ ἂν καὶ ὑφ' ἑαυτοῦ δῆμος οὕτω τι ἐπηρμένος, ὥς μηδὲ τῶν κατὰ νόμους

летию его жизни; от сочинений его остались отрывки, хотя по ним видно разнообразие его литературных интересов: это цитируемые позднейшими авторами фрагменты трех трагедий, сатировой драмы, элегий, сборника наставлений и афоризмов, описание (в стихах и в прозе) нравов жителей различных стран и городов, заметки о древних поэтах от Орфея и Гомера до Архилоха и Анакреонта, где, вероятно, содержались и биографические сведения (см. 480 и прим.).

¹²⁷ Первой такой попыткой было создание в 411 до н.э. Совета Четырехсот: членом его был отец Крития Каллесхр, об участии самого Крития точных сведений нет, но после восстановления демократии он был изгнан (Lys. XIII. 74, Dem. LVIII. 67), а позднее вошел в пресловутое правительство Тридцати (см. прим. I. 15. 498), ответственное за гибель полутора тысяч афинян. Здесь характерное для Филострата преувеличение: через несколько лет после свержения Тридцати гражданские институты в Афинах восстановились и затем не упразднились никогда, хотя после утраты независимости в результате македонского и затем римского завоевания действовали уже только на муниципальном уровне.

лось законным правителям¹²⁸, однако же он и лаконствовал явным образом¹²⁹; он и святыни предавал¹³⁰; он и рушил с помощью Лисандра стены¹³¹; он и изгнанных им афинян лишал пристанища в Элладе, грозя войной от лакедемонян всякому, кто примет афинского беглеца; он и Тридцатерых превосходил жестокостью и кровожадностью; он и нелепый спартанский замысел опорожнить Аттику от стада людей и объявить скотьим пастбищем¹³² поддерживал – посему уж мне-то он из всех, сделавших себе имя злодеяниями, кажется наихудшим. Когда бы вовлекся он в сие по невежеству, подтвердились бы речи тех, кто утверждает, что, мол, испортили его Фессалия и тамошнее общество¹³³, ибо при выборе жизни невежественные нравы смущаются легко, но, поелику он получил отменное воспитание и изрекал множество премудростей, а происходил от Дропида¹³⁴, правившего афинянами после Солона, ему, пожалуй, никак не уклониться от предъявляемого большинством обвинения, что преступления сии – от худой природы. Нелепо и то, что Сократу, сыну Софрониска, он не уподобился, хоть и любомудр-

¹²⁸ Филострат, как и большинство древнеклассических авторов, ассоциирует демократию с властью толпы и потому относится к этой форме правления скорее отрицательно (ср. VA V. 27–38).

¹²⁹ Так называлось любое подражание спартанскому, хотя бы и в быту (ср. I. 15. 498), а Критий вдобавок писал проспартанские трактаты, в 411 до н.э. якобы предлагал отдать спартанцам один из фортов близ Пирея и, наконец, был самым радикальным из Тридцати.

¹³⁰ То есть желал сдать город (отчие святыни) спартанцам.

¹³¹ Так наз. «длинные стены», соединявшие Афины с Пирейской и Фалерской гаванями и дававшие афинянам безопасный проход к морю; были разрушены спартанским полководцем Лисандром.

¹³² Речь идет о намерении разрушить не только стены, но и самый город афинян: это противоречило древним законам о войнах между эллинами (т.е. было «нелепо»), так что спартанцы, по свидетельству большинства

ἀρχόντων ἀκροᾶσθαι – ἀλλ' ἐπεὶ λαμπρῶς μὲν ἐλακώνισε, προὔδιδου δὲ τὰ ἱερά, καθήρει δὲ διὰ Λυσάνδρου τὰ τεῖχη, οὓς δ' ἤλαυνε τῶν Ἀθηναίων τὸ στήναί ποι τῆς Ἑλλάδος ἀφηρεῖτο πόλεμον Λακωνικὸν ἀνειπὼν ἐς πάντας, εἴ τις τὸν Ἀθηναῖον φεύγοντα δέξοιτο, ὡμότητι δὲ καὶ μαιφονία τοὺς τριάκοντα ὑπερεβάλλετο βουλευμάτος τε ἀτόπου τοῖς Λακεδαιμονίοις ξυνελάμβανεν, ὡς μηλόβοτος ἡ Ἀττικὴ ἀποφανθείη τῆς τῶν ἀνθρώπων ἀγέλης ἐκκενωθεῖσα, κάκιστος ἀνθρώπων ἔμοιγε φαίνεται ξυμπάντων, ὧν ἐπὶ κακία ὄνομα. καὶ εἰ μὲν ἀπαίδευτος ὢν ἐς τάδε ὑπήχθη, ἔρρωτο ἂν ὁ λόγος τοῖς φάσκουσιν ὑπὸ Θετταλίας καὶ τῆς ἐκείνη ὁμιλίας παρεφθορέναι αὐτόν, τὰ γὰρ ἀπαίδευτα ἦθη εὐπαράγωγα πάντως ἐς βίου αἵρεσιν· ἐπεὶ δὲ ἄριστα μὲν ἦν πεπαιδευμένος, γνώμας δὲ πλείστας ἐρμηνεύων, ἐς Δρωπίδην δ' ἀναφέρων, ὃς μετὰ Σόλωνα Ἀθηναίοις ἤρξεν, οὐκ ἂν διαφύγοι παρὰ τοῖς πολλοῖς αἰτίαν τὸ μὴ οὐ κακία φύσεως ἀμαρτεῖν ταῦτα. καὶ γὰρ αὖ κακεῖνο ἄτοπον Σωκράτει μὲν τῷ Σωφρονίσκου μὴ ὁμοιωθῆναι αὐτόν, ᾧ πλεῖστα δὴ συνεφιλοσόφησε

авторов, в т.ч. Ксенофонта (Xen. Hell. II. 2. 19–20) и Исократа (Isocr. XIV. 31), отклонили это предложение некоторых своих союзников; о подобном намерении самих спартанцев упоминает лишь поздний историк Диодор (Diod. XV. 63. 1).

¹³³ Фессалия считалась страной полуварварской и славилась распушенностью нравов (Plat. Cri. 53 D et al.); Критий жил там в изгнании до 406 до н.э. (Arist. Rhet. 1375 b).

¹³⁴ Платон говорит, что Дропид был родичем и другом Солона, при этом ошибочно (или метафорически, как пращура) называя его «прадедом» Крития (Plat. Tim. 20 E) – в действительности Дропид, вероятно, был прадедом прадеда Крития; утверждение, будто он правил после Солона, происходит, скорее всего, от неверного отождествления этого Дропида с его отцом, тоже Дропидом – архонтом-эпонимом 644/643 гг. (Marm. Par. A 34).

ствовал с ним, почитавшимся мудрейшим и справедливейшим в своем поколении¹³⁵, а уподобился фессалийцам, кои даже за вином отличаются заносчивостью, невоздержностью и тиранством. Впрочем, и фессалийцы тоже мудростью не пренебрегали, но и малые их города, и которые побольше, взирая на (502) Горгия Леонтинского¹³⁶, принимались ему подражать – а ведь могли бы и Критию подражать, задумай он как-нибудь показать им свою премудрость. Он же сим пренебрегал, зато власть немногих делал у них тягостнее: в беседах с властью имущими на всякое народоправство нападал, афинян же хулил как наипреступнейших из людей, так что, ежели поразмыслить, скорее Критий выглядит растлителем фессалийцев, нежели фессалийцы растлителями Крития.

Смерть он приял от соратников Фрасибула, кои, пришед из Филы, вернули народоправство¹³⁷. Иным из-за кончины своей сей муж кажется хорош, ибо тирания соделалась ему саваном¹³⁸, да только, по моему мнению, гибель из-за неверного выбора ни для кого из людей прекрасна не бывает и потому-то, наверное, у эллинов мало прилежания к премудрости Крития и к сочинени-

¹³⁵ Критий – один из важнейших персонажей «Тимея» и «Крития» Платона, вложившего ему в уста рассказ об Атлантиде.

¹³⁶ О популярности Горгия в Фессалии говорит и Платон (Plat. Men. 70 B, cf. Paus. VI. 17. 9).

¹³⁷ Фрасибул вместе с Анитом бежали от власти Тридцати в Фивы, имея намерение низвергнуть «тиранов», что вскоре и осуществили: когда Фрасибул со своим отрядом вторгся из Беотии в Аттику, ему удалось захватить городок Филу, откуда и продолжилось движение его всё растущего войска – вскоре состоялось сражение с силами Тридцати, в этом бою погиб Критий, а начавшуюся резню сумели прекратить лишь спартапцы, склонившие стороны к примирению и к обоюдной амнистии.

σοφωτάτῳ τε καὶ δικαιοτάτῳ τῶν ἐφ' ἑαυτοῦ δόξαντι, Θετταλοῖς δ' ὁμοιωθῆναι, παρ' οἷς ἀγερωχίαιⁱ καὶ ἄκρατος καὶ τυραννικὰ ἐν οἴνῳ σπουδάζεται. ἀλλ' ὅμως οὐδὲ Θετταλοὶ σοφίας ἡμέλουν, ἀλλ' ἐγοργίαζον ἐν Θετταλία (502) μικραὶ καὶ μείζους πόλεις ἐς Γοργίαν ὀρῶσαι τὸν Λεοντῖνον, μετέβαλον δ' ἂν καὶ ἐς τὸ κριτιάζειν, εἴ τινα τῆς ἑαυτοῦ σοφίας ἐπίδειξιν ὁ Κριτίας παρ' αὐτοῖς ἐποιεῖτο· ὁ δὲ ἡμέλει μὲν τούτου, βαρυτέρας δ' αὐτοῖς ἐποίει τὰς ὀλιγαρχίας διαλεγόμενος τοῖς ἐκεῖ δυνατοῖς καὶ καταπτόμενος μὲν δημοκρατίας ἀπάσης, διαβάλλων δ' Ἀθηναίους, ὡς πλεῖστα ἀνθρώπων ἀμαρτάνοντας, ὥστε ἐνθυμουμένῳ ταῦτα Κριτίας ἂν εἴη Θετταλοὺς διεφθορῶς μᾶλλον ἢ Κριτίαν Θετταλοί.

Ἀπέθανε μὲν οὖν ὑπὸ τῶν ἀμφὶ Θρασύβουλον, οἱ κατήγον ἀπὸ Φυλῆςⁱⁱ τὸν δῆμον, δοκεῖ δ' ἐνίοις ἀνὴρ ἀγαθὸς γενέσθαι παρὰ τὴν τελευταίην, ἐπειδὴ ἐνταφίῳ τῇ τυραννίδι ἐχρήσατο· ἐμοὶ δὲ ἀποπεφάνθω μηδένα ἀνθρώπων καλῶς δὴ ἀποθανεῖν ὑπὲρ ὧν οὐκ ὀρθῶς εἴλετο, δι' ἃ μοι δοκεῖ καὶ ἡ σοφία τοῦ ἀνδρὸς καὶ τὰ φροντίσματα ἥττον σπουδασθῆναι τοῖς Ἑλλήσιν· εἰ γὰρ μὴ ὁμολογήσει ὁ λόγος τῷ ἦθει, ἀλλοτρίᾳ τῇ γλώττῃ δόξομεν φθέγγεσθαι, ὥσπερ οἱ αὐλοί.

ⁱ ἀγερωχία Kayser

ⁱⁱ φυγῆς VbMβ et Kayser

¹³⁸ То есть погиб, защищая свою власть; этот образ восходит к «Архидаму» Исократ (Isocr. VI. 44–45): «Тиран Дионисий, когда карфагеняне осаждали город и не видно было надежды ему спастись, ибо и война напирала, и собственные граждане роптали, собирався уплыть прочь, но кто-то из ближних дерзнул сказать, что тирания – прекрасный саван». Это, однако, говорит не сам Исократ, а один из друзей тирана, и к гибели Крития, совсем недолго пользовавшегося совсем не единоличной властью, это подходит плохо – но для софиста слог бывает важнее смысла, а отсылка к Исократу дороже правдоподобия.

ям его¹³⁹ – ежели не в ладу речь с нравом, кажется, будто и говорим мы чужим голосом, словно дудки¹⁴⁰. Что же до склада речи, был он у Крития поучителен и полон мудрых мыслей; также и в торжественных речах был он весьма искусен, однако торжественностью не дифирамбической и не прибегающей к поэтическим именам, но естественной и составленной из самых обиходных слов¹⁴¹. Видно, что он и кратко выражаться (503) умел, и в защитительных речах ловко отбивался, и в аттиризме не был невосдержан, но и без чуждых слов, ибо при аттиризме незнание меры в прекрасном есть варварство, у него же аттические слова распространялись по речи подобно сиянию лучей¹⁴². Приступать к новому разделу речи без перехода – прелесть Крития; неожиданное задумать и неожиданно изречь – сила Крития; а вот одушевления речам его не доставало, хотя были они сладостны и легки, словно дуновение Зефира.

17. Воздвигнутая над могилою софиста *Исократа*¹⁴³ сирена – а изваяна она так, словно поет – свидетельствует, сколь силен был сей муж убеждением¹⁴⁴, к коему присовокупил правила и приемы риторики, пусть не первым изобретя параллель-

¹³⁹ Слог Крития очень ценил Герод (ср. II. 1. 564) – вопреки традиции, так как Критий не был включен в александрийский Канон Десяти; для Филострата авторитет Герода все еще актуален.

¹⁴⁰ Возможно, сравнение позаимствовано из Aeschin. III. 229.

¹⁴¹ Здесь Филострат вновь следует мнению Аристотеля, советовавшему использовать в речах преимущественно обиходные («господствующие») слова, *κύρια* (Arist. Rhet. 1404 b–1405 a).

¹⁴² Аттиризм возник в эллинистическую эпоху, когда в словесности господствовало «всенаречие» (*κοινή*), и предполагал ориентацию на язык и стиль древних аттических авторов, прежде всего Платона и Демосфена, поэтому говорить об «аттиризме» Крития, который был

Τὴν δὲ ιδέαν τοῦ λόγου δογματίας ὁ Κριτίας καὶ πολυγνῶμων σεμνολογῆσαί τε ἱκανώτατος οὐ τὴν διθυραμβώδη σεμνολογίαν, οὐδὲ καταφεύγουσαν ἐς τὰ ἐκ ποιητικῆς ὀνόματα, ἀλλ' ἐκ τῶν κυριωτάτων συγκειμένην καὶ κατὰ φύσιν ἔχουσαν. ὁρῶ τὸν ἄνδρα καὶ βραχυλογοῦντα (503) ἱκανῶς καὶ δεινῶς καθαπτόμενον ἐν ἀπολογίας ἤθει, ἀττικίζοντά τε οὐκ ἀκρατῶς, οὐδὲ ἐκφύλως – τὸ γὰρ ἀπειρόκαλον ἐν τῷ ἀττικίζειν βάρβαρον – ἀλλ' ὥσπερ ἀκτίνων αὐγαὶ τὰ Ἀττικὰ ὀνόματα διαφαίνεται τοῦ λόγου. καὶ τὸ ἀσυνδέτως δὲ χωρίῳ προσβαλεῖν Κριτίου ὥρα, καὶ τὸ παραδόξως μὲν ἐνθυμηθῆναι, παραδόξως δ' ἀπαγγεῖλαι Κριτίου ἀγών, τὸ δὲ τοῦ λόγου πνεῦμα ἐλλιπέστερον μὲν, ἡδὺ δὲ καὶ λεῖον, ὥσπερ τοῦ Ζεφύρου ἢ αὔρα.

ιζ'. Ἡ δὲ Σειρήν ἢ ἐφεστηκυῖα τῷ Ἰσοκράτους τοῦ σοφιστοῦ σήματι, ἐφέστηκε δὲ καὶ οἷον ἄδουσα, πειθῶ κατηγορεῖ τοῦ ἀνδρός, ἦν συνεβάλετο ῥητορικοῖς νόμοις καὶ ἤθεσι, πάρισα καὶ ἀντίθετα καὶ ὁμοιοτέλευτα οὐχ εὐρῶν πρῶτος, ἀλλ'

старше или гораздо старше их всех и просто пользовался своим родным диалектом, по меньшей мере, неисторично, однако софистической логике Филострата не противоречит: «умеренный аттицизм» хорош, у Крития именно такой – а значит, нельзя его за это не похвалить.

¹⁴³ Исократ учился у Горгия и у Продика, начинал с сочинения судебных речей на заказ (шесть из них сохранилось), но вскоре открыл собственную школу на Хиосе, а затем и в Афинах.

¹⁴⁴ Сирены у Гомера (Hom. Od. XII. 39–45) – полудевы-полуптицы, чарующие пением моряков; со временем слово это приобрело нарицательное значение, в котором использовано и здесь.

ные словосочетания и противопоставления, и созвучие окончаний, зато отлично используя изобретенное ранее, да еще успевая заботиться об округлости, и о мерности, и о складности, и о звучности. Наверное всё перечисленное повлияло на слог Демосфена, ибо он, хоть и учился (504) у Исея, был ревностный поклонник Исократу, коего превзошел и одушевлением, и скоростью, и округлостью, и стремительностью сразу речи и мысли; что же до величавости слога, у Демосфена она действеннее, а у Исократу изысканнее и сладоустнее. Вот пример величавости Демосфена: «Верно, что смерть полагает предел жизни всякого человека, хотя бы заперся он в чулане, однако же честным мужам подобает неизменно стремиться ко всему прекрасному, уповая на доброе счастье и достойно снося ниспосылаемое божеством»¹⁴⁵. А вот величавость Исократу со всеми ее прикрасами: «Поелику вся суша под сводом небесным разделена на две части, из коих одна зовется Азией и другая Европою, он присвоил по договору половину, словно разделяя державство с Зевесом»¹⁴⁶.

Государственной деятельности он чуждался и народные собрания не посещал – отчасти из-за недостаточно сильного голоса, отчасти из-за зависти афинян¹⁴⁷, более всего обращенной против всякого, кто способен хоть что-нибудь сказать поумнее прочих¹⁴⁸. (505) При всем том не был он равнодушен к общим делам: в письмах к Филиппу старался примирить его с афинянами, афинян же в сочинениях своих о мире отговаривал пускаться в море, ибо там у них дурная слава¹⁴⁹. Еще им сло-

¹⁴⁵ Dem. XVIII. 97: похвала бескорыстной доблести афинян в Коринфской войне (нередко цитируется позднейшими авторами – см. Luc. Dem. Enc. 5., Hermog. Id. I. 6 и др.)

¹⁴⁶ Isocr. IV. 179: речь идет об Артаксерксе II и вынужденно заключенном с ним в 387 до н.э. Анталкидовом мире, практически сводившем на нет все успехи греков в их войнах против персов и, в частности, возвращающем под контроль царя малоазийские греческие города.

¹⁴⁷ То же самое говорит о себе и сам Исократ (Isocr. V. 81).

εὐρημένοις εὖ χρησάμενος, ἐπεμελήθη δὲ καὶ περιβολῆς καὶ ῥυθμοῦ καὶ συνθήκης καὶ κρότου. ταυτὶ δ' ἡτοίμασέ που καὶ τὴν Δημοσθένους γλῶτταν· Δημοσθένης γὰρ μαθητὴς μὲν (504) Ἰσαίου, ζηλωτὴς δὲ Ἰσοκράτους γενόμενος ὑπερεβάλετο αὐτὸν θυμῷ καὶ ἐπιφορᾷ καὶ περιβολῇ καὶ ταχυτῇτι λόγου τε καὶ ἐννοίας. σεμνότης δ' ἡ μὲν Δημοσθένους ἐπεστραμμένη μᾶλλον, ἡ δὲ Ἰσοκράτους ἀβροτέρα τε καὶ ἡδίων. παράδειγμα δὲ ποιῶμεθα τῆς Δημοσθένους σεμνότητος· “πέρας μὲν γὰρ ἅπασιν ἀνθρώποις ἐστὶ τοῦ βίου θάνατος, κἂν ἐν οἰκίσκῳ τις αὐτὸν καθείρξας τηρῇ, δεῖ δὲ τοὺς ἀγαθοὺς ἄνδρας ἐγχειρεῖν μὲν ἅπασιν ἀεὶ τοῖς καλοῖς τὴν ἀγαθὴν προβαλλομένους ἐλπίδα, φέρειν δέ, ἃ ἂν ὁ θεὸς διδῷ, γενναίως.” ἡ δὲ Ἰσοκράτους σεμνότης ὥδε κεκόσμηται· “τῆς γὰρ γῆς ἀπάσης τῆς ὑπὸ τῷ κόσμῳ κειμένης δίχα τετμημένης, καὶ τῆς μὲν Ἀσίας, τῆς δὲ Εὐρώπης καλουμένης, τὴν ἡμίσειαν ἐκ τῶν συνθηκῶν εἴληφεν, ὥσπερ πρὸς τὸν Δία τὴν χώραν νεμόμενος.”

Τὰ μὲν οὖν πολιτικὰ ὥκνει καὶ ἀπεφοίτα τῶν ἐκκλησιῶν διὰ τε τὸ ἐλλίπες τοῦ φθέγματος, διὰ τε τὸν Ἀθήνησιν φθόνον ἀντιπολιτευόμενον αὐτοῖς μάλιστα τοῖς σοφώτερόν τι ἑτέρου (505) ἀγορεύουσιν. ὅμως δ' οὐκ ἀπεσπούδαζε τῶν κοινῶν· τὸν τε γὰρ Φίλιππον, ἐν οἷς πρὸς αὐτὸν ἔγραφεν, Ἀθηναίοις δήπου διωρθοῦτο, καὶ οἷς περὶ τῆς εἰρήνης συνέγραφεν, ἀνεσκεύαζε τοὺς Ἀθηναίους τῆς θαλάττης, ὡς κακῶς ἐν αὐτῇ ἀκούοντας,

¹⁴⁸ Ср. Thuc. III. 38, где изображены нападки Клеона на искусных ораторов.

¹⁴⁹ Афиняне проиграли Пелопоннесскую войну в значительной мере из-за дурного (а иногда и жестокого) обращения с союзниками, в основном жителями Эгейских островов, поэтому в речи «О мире» (ок. 355 до н.э.) Исократ убеждает сограждан отказаться от новых притязаний на морское господство, память о котором до сих пор ненавистна островитянам.

жен «панегирик», с коим выступал он на Олимпийских играх, убеждая Элладу оставить домашние раздоры и идти на Азию, – однако же за эту свою речь, изо всех прекраснейшую, был он обвинен, что, мол, составил ее из сказанного некогда Горгием о том же предмете¹⁵⁰. Пожалуй, наилучшее из сочиненного Исократом – речи «Архидам»¹⁵¹ и «без свидетелей»¹⁵²: первая вдохновлена намерением ободрить сограждан после поражения при Левктрах¹⁵³ и блистательна как точностью в выборе слов, так и складностью рассуждения, сложена же по образцу судебной речи, а потому даже в баснословном разделе о Геракле и быках¹⁵⁴ изложение полно живости; что до речи «без свидетелей», главным достоинством ее представляется строгая мерность, ибо мысль в ней следует за мыслью, каждая в равном по длине периоде¹⁵⁵.

Слушали Исократа многие, (506) но славнейший из учеников его – ритор Гиперид, а вот о Феопомпе Хиосском и Эфоре Кимском¹⁵⁶ я не хотел бы говорить ни хорошо, ни дурно. Кто мнит, будто комедия ругает Исократа дудочником, ошибается¹⁵⁷, ибо, хоть отцом его был Феодор, известный в Афинах дудочник, сам Исократ ничего не смыслил ни в дудках, ни в ином

¹⁵⁰ Имеются в виду «Олимпийская речь» и «Надгробная речь», сохранившиеся лишь в отрывках; правда, Горгий еще не предлагал в вожди единой Эллады Филиппа Македонского.

¹⁵¹ В «Архидаме» (ок. 366 до н.э.) Исократ от лица наследника спартанского престола Архидама III обсуждает условия мира с фиванцами, под руководством Эпаминонда нанесшими несколько поражений Пелопоннесскому союзу: Архидам настаивает, что лучше умереть, чем уступить фиванцам и вернуть давно завоеванным мессенянам независимость.

¹⁵² Подзаголовок этой речи – «Против Евтиноя»: Никий, которому Евтиной не вернул взятый без свидетелей долг, вынужден строить свой иск с помощью чисто логической аргументации.

¹⁵³ В 371 до н.э. Эпаминонд разбил спартанцев при беотийских Левк-

ὁ Πανηγυρικός τε αὐτῷ λόγος, ὃν διήλθεν Ὀλυμπίᾳσι τὴν Ἑλλάδα πείθων ἐπὶ τὴν Ἀσίαν στρατεύειν παυσαμένους τῶν οἴκοι ἐγκλημάτων. οὗτος μὲν οὖν εἰ καὶ κάλλιστος λόγων, αἰτίαν ὅμως παρέδωκεν, ὥς ἐκ τῶν Γοργία σπουδασθέντων ἐς τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν συντεθείη. ἄριστα δὲ τῶν Ἰσοκράτους φροντισμάτων ὃ τε Ἀρχίδαμος ξύγκειται καὶ ὁ Ἀμάρτυρος, τοῦ μὲν γὰρ διήκει φρόνημα Λακεδαιμονίους τῶν Λευκτρικῶν ἀναφέρον καὶ οὐκ ἀκριβῆ μόνον τὰ ὀνόματα, ἀλλὰ καὶ ἡ ξυνθήκη λαμπρά, ἐναγώνιος δὲ ὁ λόγος, ὥς καὶ τὸ μυθῶδες αὐτοῦ μέρος, τὸ περὶ τὸν Ἡρακλέα καὶ τὰς βοῦς σὺν ἐπιστροφῇ ἐρμηνεῦσθαι, ὁ δὲ Ἀμάρτυρος ἰσχὺν ἐνδείκνυται κεκολασμένην ἐς ῥυθμούς, νόημα γὰρ ἐκ νοήματος ἐς περιόδους ἰσοκώλους τελευτᾷ.

Ἀκροαταὶ τοῦ ἀνδρὸς τούτου πολλοὶ μὲν, (506) ἐλλογιμώτατος δὲ Ὑπερίδης ὁ ῥήτωρ, Θεόπομπον γὰρ τὸν ἐκ τῆς Χίου καὶ τὸν Κυμαῖον Ἐφορον οὗτ' ἂν διαβάλοιμι οὗτ' ἂν θαυμάσαιμι. οἱ δὲ ἡγούμενοι τὴν κωμωδίαν καθάπτεσθαι τοῦ ἀνδρὸς, ὥς αὐλοποιοῦ, ἀμαρτάνουσιν, πατὴρ μὲν γὰρ αὐτῷ Θεόδωρος ἦν, ὃν ἐκάλουν αὐλοποιὸν Ἀθήνησιν, αὐτὸς δὲ οὔτε αὐλοὺς ἐγίγνωσκεν οὔτε ἄλλο τι τῶν ἐν βαναυσίοις, οὐδὲ

трах: это положило конец спартанской гегемонии, установившейся после Пелопоннесской войны.

¹⁵⁴ Isocr. VI. 19: когда по приказу Еврисфея Геракл пригнал с заповедного Запада коров трехглавого Гериона (десятый подвиг), царь Пило-са Нелей с сыновьями пытался похитить стадо (cf. Schol. Hom. II. XI. 690; Philostr. Her. 696).

¹⁵⁵ Период (περίοδος) – синтаксически и семантически заверченный отрезок речи, по объему чаще всего примерно равный абзацу.

¹⁵⁶ Филострат и вообще почти не говорит об историках, они ему не-интересны – даже Ксенофонт остается для него просто образцом стиля.

¹⁵⁷ Здесь ошибается сам Филострат: такие насмешки над Исократом действительно имели место; см. Stratt. frg. 3, Vit. Dec. Orat. 836 e.

ремесле, – да его и не почтили бы изваянием в Олимпии, занимайся он столь непочтенным делом. Умер он в Афинах почти ста лет от роду, однако же нам надлежит чтить его павшим в бою, ибо опочил после битвы при Херонее, не снеся известия о поражении афинян¹⁵⁸.

18. Об *Эсхине*¹⁵⁹ же, сыне Атромета, о коем мы говорим, (507) что дал он почин второй софистике, следует уяснить ниже следующее. В Афинах все народные вожди разделились: одни предпочитали царя¹⁶⁰, другие же македонян, и среди приверженцев царя первенствовал Демосфен Пеанийский, а среди поглядывавших в сторону Филиппа Эсхин Кафокидский, и от того и другого шли им деньги¹⁶¹, ибо царь пекся, чтобы афиняне помешали Филиппу идти в Азию, Филипп же добивался, чтобы сила афинян не соделалась названному походу препоною.

Итак, раздоры между Эсхином и Демосфеном начались отчасти из-за стараний одного в пользу одного царя, другого же в пользу другого, но отчасти, полагаю, из-за противоположности нравов, ибо от противных друг другу нравов родится беспричинная ненависть. А противоположны они были вот почему: Эсхин слыл завсегдатаем пиров, развязным и дружелюбным, обретшим всё обаяние от Диониса, тем паче что в юности под-

¹⁵⁸ Поздняя легенда гласит, что Исократ после Херонеи уморил себя голодом, чтобы быть похороненным вместе с павшими афинянами (Vit. Dec. Orat. 837 e, 838 b; Paus. I. 18. 8 и др.), хотя одно из его последних писем к Филиппу эту легенду опровергает.

¹⁵⁹ Основные свидетельства о жизни Эсхина и, в частности, о его соперничестве с Демосфеном – его собственные речи и речи Демосфена «О преступном посольстве» (Dem. XIX) и «За Ктесифонта, О венке» (Dem. XVIII), но Филострату Эсхин интересен только как софист, а

γὰρ ἂν οὐδὲ τῆς ἐν Ὀλυμπίᾳ εἰκόνος ἔτυχεν, εἴ τι τῶν εὐτελῶν εἰργάζετο.

ἀπέθανε μὲν οὖν Ἀθήνησιν ἀμφὶ τὰ ἑκατὸν ἔτη, ἕνα δὲ αὐτὸν ἡγώμεθα τῶν ἐν πολέμῳ ἀποθανόντων, ἐπειδὴ μετὰ Χαιρώνειαν ἐτελεύτα μὴ καρτερήσας τὴν ἀκρόασιν τοῦ Ἀθηναίων πταίσματος.

ιη'. Περὶ δὲ Αἰσχίνου τοῦ Ἀτρομήτου, ὃν φαμεν (507) τῆς δευτέρας σοφιστικῆς ἄρξαι, τάδε χρὴ ἐπεσκέφθαι ἢ Ἀθήνησι δημαγωγία διεισθίηται πᾶσα, καὶ οἱ μὲν βασιλεῖ ἐπιτήδειοι ἦσαν, οἱ δὲ Μακεδόσιν, ἐφέροντο δὲ ἄρα τὴν πρώτην τῶν μὲν βασιλεῖ χαριζομένων ὁ Παιανιεὺς Δημοσθένης, τῶν δὲ ἐς Φίλιππον ὀρώντων ὁ Κοθωκίδης Αἰσχίνης, καὶ χρήματα παρ' ἀμφοῖν ἐφοῖτα σφίσι, βασιλέως μὲν ἀσχολοῦντος δι' Ἀθηναίων Φίλιππον τὸ μὴ ἐπὶ Ἀσίαν ἐλάσαι, Φιλίππου δὲ πειρωμένου διαλύειν τὴν ἰσχὺν Ἀθηναίων, ὥς ἐμπόδισμα τῆς διαβάσεως. διαφορᾶς δ' ἥρξεν Αἰσχίνη καὶ Δημοσθένει καὶ αὐτὸ μὲν τὸ ἄλλον ἄλλῳ βασιλεῖ πολιτεύειν, ὥς δ' ἐμοὶ φαίνεται, τὸ ἐναντίως ἔχειν καὶ τῶν ἡθῶν, ἐξ ἡθῶν γὰρ ἀλλήλοις ἀντιζόων φύεται μῖσος αἰτίαν οὐκ ἔχον. ἀντιζώω δ' ἦσθην καὶ διὰ τάδε· ὁ μὲν Αἰσχίνης φιλοπότης τε ἐδόκει

потому на эпизоды его политической судьбы он ссылается лишь по мере надобности и как на заведомо общеизвестные.

¹⁶⁰ Просто «царем» назывался персидский царь – в данном случае Артаксеркс III.

¹⁶¹ Благодаря большей известности речей Демосфена репутация взяточника закрепилась в традиции преимущественно за Эсхином – хотя Демосфен (правда, уже в отсутствие Эсхина) несомненно был замешан в темной истории с золотом Гарпала (см. ниже, I. 25. 543 и прим.).

певал заунывным лицедеям¹⁶², Демосфен же глядел хмуро, сунул брови (508) и пил лишь воду – отсюда и повелось о нем, что угрюм и упрям, а особенно во время его вместе с Эсхином и прочими посольства к Филиппу, где оба вели себя, как было у них в обыкновении, так что один был во мнении товарищей по посольству покладист и добродушен, другой же неуступчив и придиричив. Раздор меж ними усилила речь об Амфиполе в присутствии Филиппа, когда Демосфен так и не сумел ничего сказать¹⁶³, а Эсхин <...>¹⁶⁴ и не из тех, кто когда-либо бросал щит, если припомнить дело при Таминах, в коем афиняне победили беотийцев; в похвалу за сие, а еще за то, что на диво скоро благовествовал о победе, был он принародно увенчан¹⁶⁵.

Когда Демосфен оговорил его как виновника разгрома фокидян¹⁶⁶, афиняне вины его не признали, но, когда проголосовали они против Антифонта¹⁶⁷, Эсхин оказался без суда осужден, и ареопагиты отказали ему говорить вместе с ними в защиту храма, что на Делосе¹⁶⁸. Опять же, будучи избран пилагором¹⁶⁹, не избежал он многих нареканий, будто сам же настроил Филиппа против Элатеи, (509) заморочив Пилейский совет своим

¹⁶² В молодости Эсхин был актером на третьи роли (Dem. XVIII. 180, 262; XIX. 246–247, 337), и Демосфен не раз находил в этом повод для насмешек, в частности, называя трагических актеров «заунывными лицедеями» (Dem. XVIII. 262) – на это и намекает Филострат.

¹⁶³ Этот эпизод описан Эсхином в речи «О преступном посольстве» (Aeschin. II. 34–35).

¹⁶⁴ Одна из немногих в VS невосполнимая лакуна, не вредящая, однако, связности рассказа.

¹⁶⁵ При Таминах афиняне в 348 до н.э. разбили войско восставших евбеян; обстоятельства этой битвы описываются Эсхином в III. 86–88; о собственной отваге и награде он говорит в II. 169.

¹⁶⁶ Вина Эсхина в разрушении Филиппом Дельфов (346 до н.э.) – едва ли не главная тема речи Демосфена «О преступном посольстве»; не

καὶ ἡδὺς καὶ ἀνειμένος καὶ πᾶν τὸ ἐπίχαρι ἐκ Διονύσου ἡρηκώς, καὶ γὰρ δὴ καὶ τοῖς βαρυστόνοις ὑποκριταῖς τὸν ἐν μειρακίῳ χρόνον ὑπετραγώδησεν, ὁ δ' αὖ συννενοφώς τε ἐφαίνετο καὶ βαρὺς τὴν ὄφρυν (508) καὶ ὕδωρ πίνων, ὅθεν ἐν δυσκόλοις τε καὶ δυστρόποις ἐνεγράφετο, καὶ πολλῶν πλέον, ἐπειδὴ πρεσβεύοντε ξὺν ἑτέροις παρὰ τὸν Φίλιππον καὶ ὁμοδιαίτω ὄντε ὁ μὲν διακεχυμένος τε καὶ ἡδὺς ἐφαίνετο τοῖς συμπρέσβεσιν, ὁ δὲ κατεσκληκώς τε καὶ αἰὲ σπουδάζων. ἐπέτεινε δὲ αὐτοῖς τὴν διαφορὰν ὁ ὑπὲρ Ἀμφιπόλεως ἐπὶ τοῦ Φιλίππου λόγος, ὅτε δὴ ἐξέπεσε μὲν τοῦ λόγου ὁ Δημοσθένης, ὁ δ' Αἰσχίνης † οὐδὲ τῶν ἀποβεβλημένων ποτὲ τὴν ἀσπίδα ἐνθυμουμένῳ τὸ ἐν Ταμύναις ἔργον, ἐν ᾧ Βοιωτοὺς ἐνίκων Ἀθηναῖοι· ἀριστεῖα τούτου δημοσίᾳ ἐστεφανοῦτο τά τε ἄλλα καὶ χρησάμενος ἀμηχάνῳ τάχει περὶ τὰ εὐαγγέλια τῆς νίκης, διαβάλλοντος δὲ αὐτὸν Δημοσθένους, ὥς αἴτιον τοῦ Φωκικοῦ πάθους, ἀπέγνωσαν Ἀθηναῖοι τὴν αἰτίαν, ἐπὶ δὲ τῷ καταψηφισθέντι Ἀντιφῶντι ἥλω μὴ κριθεῖς, καὶ ἀφείλοντο αὐτὸν οἱ ἐξ Ἀρείου πάγου τὸ μὴ οὐ συνειπεῖν σφισιν ὑπὲρ τοῦ ἱεροῦ τοῦ ἐν Δήλῳ. καὶ μὴν καὶ πυλαγόρας ἀναρρηθεῖς οὕτω παρὰ τοῖς πολλοῖς διαπέφευγε τὸ μὴ οὐκ

раз возвращается он к этой истории и в речи «О венке» (Dem. XVIII. 36, 41–42, 142).

¹⁶⁷ Антифонт — афинянин, который, по утверждению Демосфена, обещал Филиппу поджечь афинские верфи; народное собрание его оправдало, но Ареопаг после вмешательства Демосфена признал виновным и предал пытке и смерти (Dem. XVIII. 132–133; Din. I. 63; Plut. Dem. 14).

¹⁶⁸ В 344 до н.э. Ареопаг не доверил Эсхину защищать афинские интересы в споре о контроле над делосским святилищем Аполлона; вместо него отправился Гиперид (Dem. XVIII. 134).

¹⁶⁹ «Πιλαγοράμι» и «γιερομνημόναμι» назывались члены совета Амфиктионов, собиравшегося в Фермопилах; от афинян туда ездили три пилагора, избираемые народным собранием.

велеречием и баснями¹⁷⁰. Афины он покинул не потому, что был принужден к изгнанию, но во избежание бесчестия, коему подвергнулся бы от Демосфена и Ктесифонта из-за нехватки голосов¹⁷¹. Собрался-то он, конечно же, к Александру, как раз направлявшемуся в Вавилон и в Сузы, но, причалив в Эфесе и узнав, что тот умер и что в Азии всё бушует¹⁷², отправился на Родос, остров удобный для занятий, и, сотворив из него мыслильню софистов, зажил там, принося жертвы Покою и Музам и примешивая к дорийским обычаям¹⁷³ аттические.

Без подготовки говорил он плавно и одушевленно, первый удостоившись за сие похвалы, ибо говорить с одушевлением не всегда составляло заботу софистов и пошло лишь от Эсхина, говорившего без подготовки с боговдохновенной пылкостью, словно изрекая внушенное свыше пророчество. Хотя и был он ученик Платона и Исократ¹⁷⁴, однако многого достиг благодаря природным своим качествам, ибо в речах его свет ясности и изысканная торжественность, и вежество (510) вместе с искусностью – словом, слог у него краше, нежели достигается подражанием.

¹⁷⁰ Подробные рассказы об этом есть как у Демосфена (Dem. XVIII. 149–152), так и у Эсхина (Aeschin. III. 115–124): весной 339 до н.э. Эсхин убедил пилагоров проверить заповедные земли Пифийского святилища, где давно хозяйничало соседнее племя амфиссейских локров; во время обхода локры напали на гиеромнемонов, дав Филиппу предлог для карательной экспедиции: итак, осенью 339 до н.э. он вторгся в Фокиду, разрушил Амфиссу и осадил Элатею, а затем обратился против самих Амфикитионов и в августе 338 до н.э. разгромил их при Херонее.

¹⁷¹ По закону обвинитель, получивший менее 1/5 голосов присяжных, должен был уплатить огромный (около таланта) штраф или навсегда покинуть город, а так как Ктесифонт получил в свое оправдание более 4/5 голосов, Эсхину пришлось уехать. Что он не мог заплатить штраф из собственных средств, это понятно (на то и был рассчитан закон), но отсюда следует, что македонская казна не была источником его благосостояния, раз ему ни на штраф не хватило денег, ни позднее на жизнь,

αὐτὸς Ἐλατεία ἐπιστῆσαι τὸν Φίλιππον (509) τὴν Πυλαίαν συνταράξας εὐπροσώποις λόγοις καὶ μύθοις. Ἀθηνῶν δὲ ὑπεξῆλθεν οὐχὶ φεύγειν προσταχθεὶς, ἀλλ' ἀτιμία ἐξιστάμενος, ἧ ὑπήγετο ὑπὸ Δημοσθένει καὶ Κτησιφῶντι ἐκπεσὼν τῶν ψήφων. ἡ μὲν δὲ ὁρμὴ τῆς ἀποδημίας αὐτῷ παρὰ τὸν Ἀλέξανδρον ἦν, ὡς αὐτίκα ἤξοντα ἐς Βαβυλῶνά τε καὶ Σοῦσα, καθορμισθεὶς δὲ ἐς τὴν Ἐφεσον καὶ τὸν μὲν τεθνάναι ἀκούων, τὰ δὲ τῆς Ἀσίας οὕτω ξυγκεκλυσμένα πράγματα, Ῥόδου εἶχετο, ἡ δὲ νῆσος ἀγαθὴ ἐνσπουδάσαι, καὶ σοφιστῶν φροντιστήριον ἀποφήνας τὴν Ῥόδον αὐτοῦ διητᾶτο θύων ἡσυχία τε καὶ Μούσαις καὶ Δωρίοις ἤθεσιν ἐγκαταμιγνὺς Ἀττικά.

Τὸν δὲ αὐτοσχέδιον λόγον ζῆν εὐροία καὶ θείως διατιθέμενος τὸν ἔπαινον τοῦτον πρῶτος ἠνέγκατο. τὸ γὰρ θείως λέγειν οὕτω μὲν ἐπεχωρίασε σοφιστῶν σπουδαῖς, ἀπ' Αἰσχίνου δ' ἤρξατο θεοφορήτῳ ὁρμῇ ἀποσχεδιάζοντος, ὥσπερ οἱ τοὺς χρησμοὺς ἀναπνέοντες. ἀκροατῆς δὲ Πλάτωνός τε καὶ Ἰσοκράτους γενόμενος πολλὰ καὶ παρὰ τῆς ἑαυτοῦ φύσεως ἠγάγετο. σαφηνείας τε γὰρ φῶς ἐν τῷ λόγῳ καὶ ἄβρὰ σεμνολογία καὶ τὸ ἐπίχαρι (510) σὺν δεινότητι καὶ καθάπαξ ἡ ἰδέα τοῦ λόγου κρείττων ἢ μιμήσει ὑπαχθῆναι.

а пришлось открыть школу и брать плату с учеников. Конечно, Филипп мог иногда делать подарки, но подарки эти Эсхина не обогатили, так что политическая его позиция была, судя по всему, искренней.

¹⁷² Хронологическая ошибка: Эсхин покинул Афины в 330 до н.э., а Александр умер в 323 до н.э., после чего и начались войны диадохов («в Азии всё бушует»), однако эта ошибка может быть неслучайной – если Эсхин сразу уехал на Родос, созданный Демосфеном и усвоенный традицией образ платного слуги македонского царя рушится окончательно.

¹⁷³ Родос был населен греками дорийского племени; родосцы до сих пор охотно показывают, где была школа Эсхина – неподалеку от акрополя, в предместье (теперь там лужок и роща).

¹⁷⁴ Ср. Vit. Dec. Orat. 840 а, хотя там же сказано, что учителем Эсхина был Леодамант, а у поздних авторов к нему добавляется Алкидамант Элейский (Sud. A 347) и Анталкид (Phot. Bibl. 20 а).

Речей у Эсхина три, хотя кое-кто ложно приписывает его устам еще и четвертую, какую-то «делосскую», да только никогда не стал бы он, произнесший сладкие словеса об Амфиссе и почему Киррейская долина соделалась заповедною – да еще и желая зла афинянам, как утверждает о том Демосфен¹⁷⁵! – не стал бы он братья за делосские басни, в коих рассказы о богах и об их рождении¹⁷⁶ столь неумело сплетены с рассказами о древностях, и всё это якобы ради афинян, изо всех сил добивающихся не быть изгнанными из храма на Делосе¹⁷⁷. Посему пусть лишь три речи принадлежат устам Эсхина: «против Тимарха», «о посольстве» и «против Ктесифонта»¹⁷⁸. Имеется у него и четвертое сочинение, «письма»¹⁷⁹ – немногие, но исполненные учености и нравственности. Нравственность сию явил он и пред родосцами, ибо однажды, при чтении речи против Ктесифонта, когда те дивились, как можно с такою речью проиграть, и ругали афинян за безумие, он возразил: «Вы бы не дивились, когда бы слышали, как Демосфен отвечал!» – и так не только воздал должное врагу, но и снял вину с судей.

19. Ариобарзана Киликийского, (511) Ксенофрона Сицилийского и Пифагора Киренского¹⁸⁰, каковые ни в замыслении,

¹⁷⁵ Dem. XVIII. 149; см. 509 и прим.

¹⁷⁶ Вероятно, имеется в виду миф о рождении на Делосе Аполлона и Артемиды; ср. I. 23. 527 и прим.

¹⁷⁷ См. 508 и прим.

¹⁷⁸ Эти три речи Эсхина сохранились и не раз переводились на рус-

Λόγοι δ' Αἰσχίνου <γ>¹ κατ' ἐνίους μὲν καὶ τέταρτος τις Δηλιακὸς καταψευδόμενος τῆς ἐκείνου γλώττης. οὐ γὰρ ἂν ποτε τοὺς μὲν περὶ τὴν Ἀμφισσαν λόγους, ὅν ὤν ἡ Κιρραία χώρα καθιερώθη, εὐπροσώπως τε καὶ ξὺν ὥρᾳ διέθετο κακὰ βουλευόντων Ἀθηναίοις, ὥς φησι Δημοσθένης, ἐπὶ δὲ τοὺς Δηλιακοὺς μύθους, ἐν οἷς θεολογία τε καὶ θεογονία καὶ ἀρχαιολογία, φαύλως οὕτως ὥρμησε καὶ τοῦτο προαγωνιζόμενος Ἀθηναίων οὐ μικρὸν ἀγώνισμα ἡγουμένων τὸ μὴ ἐκπεσεῖν τοῦ ἐν Δήλῳ ἱεροῦ. τρισὶ δὲ λόγοις περιωρίσθω ἡ Αἰσχίνου γλῶττα· τῷ τε κατὰ Τιμάρχου καὶ τῇ ἀπολογία τῆς πρεσβείας καὶ τῇ τοῦ Κτησιφῶντος κατηγορίᾳ. ἔστι δὲ καὶ τέταρτον αὐτοῦ φρόντισμα, ἐπιστολαί, οὐ πολλαὶ μὲν, εὐπαιδευσίας δὲ μεσταὶ καὶ ἥθους.

τοῦ δὲ ἡθικοῦ καὶ Ῥοδίοις ἐπίδειξιν ἐποιήσατο· ἀναγνοὺς γάρ ποτε δημοσίᾳ τὸν κατὰ Κτησιφῶντος οἱ μὲν ἐθαύμαζον, ὅπως ἐπὶ τοιούτῳ λόγῳ ἡττήθη καὶ καθήπτοντο τῶν Ἀθηναίων ὡς παρανοούντων, ὁ δὲ “οὐκ ἂν” ἔφη “ἐθαυμάζετε, εἰ Δημοσθένους λέγοντος πρὸς ταῦτα ἠκούσατε”, οὐ μόνον ἐς ἔπαινον ἐχθροῦ καθιστάμενος, ἀλλὰ καὶ τοὺς δικαστὰς ἀφιεῖς αἰτίας.

ιβ'. Ὑπερβάντες δ' Ἀριοβαρζάνην τὸν Κίλικα καὶ (511) Ξενόφρονα τὸν Σικελιώτην καὶ Πειθαγόραν τὸν ἐκ Κυρήνης,

¹ addidit Richards

ский язык: см. ВДИ, 1962, №№ 3–4 – все три, а также «Ораторы Греции» (М., 1985) – последние две.

¹⁷⁹ Письма Эсхина не сохранились.

¹⁸⁰ Возможно, именно этот Пифагор упоминается позднее как «скверный ритор» (Diog. La. VIII. 47), хотя пишется через υ, а не через ει, как у Филострата.

ни в изложении себя не проявили, однако за отсутствием достойных софистов заботили эллинов своего времени словно как горох за отсутствием хлеба¹⁸¹, мы обойдем и обратимся к *Никету* Смирнскому¹⁸². Сей Никет, воспрнявши ввергнутую в крайнюю нужду науку, даровал ей пути много блистательнее даже и тех, кои сам проложил для Смирны, связавши ее с Эфесскими вратами и величием уравнив дела со словами. Когда произносил он судебную речь, казался наипаче силен в судебных речах, а когда софистическую – в софистических, и всё благодаря искусности и пылкости в том и в другом, ибо судебное украшал софистической округлостью, а софистическое вооружал судебным стрекалом. Слог его речей далек от древнего гражданско-красноречия и скорее вакхический, наподобие дифирамба, являя повороты мысли своеобразные и неожиданные, точно как вакхические тирсы – мед и потоки молока¹⁸³.

Хоть и почитался он в Смирне среди великих – уж сколько славили его достохвальным гражданином и витией! – однако же в народном собрании бывал нечасто, а когда многие винили его, что, мол, боится, отвечал: «От народного собрания паче хулы страшусь похвал»¹⁸⁴. А когда как-то раз некий откупщик нагрубил ему в суде, сказавши: «Перестань на меня твякать»,

¹⁸¹ Ср. VA I. 15 (жители памфилийского Аспенда в голод едят горох) и Lib. Or. I. 8 (автор сетует, что какое-то время учился у плохих софистов, «как люди едят ячменный хлеб за отсутствием лучшего») – таким образом, не только для Филострата, но и полтора веками позднее голодом считалось не отсутствие еды, а отсутствие хлеба, притом хорошего (пшеничного).

¹⁸² Никет – почти наверняка тот самый Никет Сакердот, которого Плиний Младший называет одним из своих учителей (Plin. Epist. VI. 6. 3); из его сочинений не сохранилось ничего.

¹⁸³ Ср. Eur. Bacch. 708–711 (об источающей молоко земле и льющемся с тирсов меде). Смирнская школа красноречия во гла-

οἱ μήτε γνῶναι ἱκανοὶ ἔδοξαν, μήθ' ἑρμηνεύσαι τὰ γνωσθέντα, ἀλλ' ἀπορία γενναίων σοφιστῶν ἐσπουδάσθησαν τοῖς ἐφ' ἑαυτῶν Ἑλλησιν, ὃν που τρόπον τοῖς σίτου ἀποροῦσιν οἱ ὄροβοι, ἐπὶ Νικήτην ἴωμεν τὸν Σμυρναῖον. οὗτος γὰρ ὁ Νικήτης παραλαβὼν τὴν ἐπιστήμην ἐς στενὸν ἀπειλημμένην ἔδωκεν αὐτῇ παρόδους πολλῶ λαμπροτέρας ὧν αὐτὸς τῇ Σμύρνῃ ἐδείματο, συνάψας τὴν πόλιν ταῖς ἐπὶ τὴν Ἔφεσον πύλαις καὶ διὰ μέγεθος ἀντεξάρας λόγοις ἔργα. ὁ δὲ ἀνὴρ οὗτος τοῖς μὲν δικανικοῖς ἀμείνων ἐδόκει τὰ δικανικά, τοῖς δὲ σοφιστικοῖς τὰ σοφιστικά ὑπὸ τοῦ περιδεξίως τε καὶ πρὸς ἄμιλλαν ἐς ἄμφω ἡρμόσθαι. τὸ μὲν γὰρ δικανικὸν σοφιστικῇ περιβολῇ ἐκόσμησεν, τὸ δὲ σοφιστικὸν κέντρῳ δικανικῷ ἐπέρρωσεν. ἡ δὲ ἰδέα τῶν λόγων τοῦ μὲν ἀρχαίου καὶ πολιτικοῦ ἀποβέβηκεν, ὑπόβακχος δὲ καὶ διθυραμβώδης, τὰς δ' ἐννοίας ἰδίας τε καὶ παραδόξους ἐκδίδωσιν, ὥσπερ οἱ βακχεῖοι θύρσοι τὸ μέλι καὶ τοὺς ἐσμούς τοῦ γάλακτος.

Μεγάλων δ' ἀξιούμενος τῆς Σμύρνης τί οὐκ ἐπ' αὐτῷ βώωσης ὡς ἐπ' ἀνδρὶ θαυμασίῳ καὶ ῥήτορι, οὐκ ἐθάμιζεν ἐς τὸν δῆμον, ἀλλ' αἰτίαν παρὰ τοῖς πολλοῖς ἔχων φόβου “φοβοῦμαι” ἔφη “δῆμον ἐπαίροντα μᾶλλον ἢ λοιδορούμενον.” τελώνου δὲ θρασυναμένου ποτὲ πρὸς αὐτὸν ἐν δικαστηρίῳ

ве с Никетом и затем Скопелианом соперничала со школой Исея Ассирийского, к которой принадлежал и Дионисий Милетский: в первой ценилось природное дарование и способность к импровизации, во второй – выучка и подражание древним (о слоге Исея см.: I. 20. 513–514; ср. замечание о нем Полемона: I. 25. 541; о слоге Скопелиана: I. 21. 518–519; о слоге Дионисия: I. 22. 522–523, ср. замечание Дионисия о Полемоне I. 22. 525); соответственно, в Смирне был в ходу пышный горгианский стиль (ср. I. 25. 537–538), тогда как последователи Исея ориентировались на гармоничную сдержанность Исократa.

¹⁸⁴ Ср. нелюдимость Исократa (I. 17. 504).

Никет весьма остроумно возразил: «Ей-богу, перестану, едва сам ты перестанешь кусаться».

(512) В поездку за Альпы и Рейн отправился он по велению государя, причина же была такова. Гипат по имени Руф вел денежные дела Смирны жестоко и своевольно; и вот, повздоривши с ним о чем-то, Никет сказал «ну, бывай» и в суд его более не являлся, тот же, покуда управлял одним городом, и не думал особенно убиваться, а как оказался назначен воеводой Галлии¹⁸⁵, освежил в памяти гнев, ибо успех, среди прочего, побуждает людей не сносить того, что прежде счастья сносили без лишних размышлений. Итак, написал он кесарю Нерону многие ужасные клеветы на Никета, кесарь же отвечал: «Сам выслушай, как будет защищаться, и, ежели признаешь виновным, выноси приговор».

Писал он сие, не выдавая Никета головой, но приуговляя Руфа к снисхождению, ибо Руф, окажись в его власти столь великий муж, никогда бы, наверное, не предал его смерти, ниже иной каре не подвергнул, дабы не показаться жестоким тому, кто поставил его судьбою над врагом. При таких-то обстоятельствах и прибыл Никет на Рейн, в Галлию, где оправдательною своей речью до того тронул Руфа, что тот пролил из-за него слез больше, чем отмерил ему воды¹⁸⁶, и отпустил не токмо невредимым, но и с почетом, даже для видных граждан Смирны необычайным. Много позднее софист Гераклид Ликийский переиздал

¹⁸⁵ Вероятно, речь идет о должности легата с преторскими полномочиями (*legatus pro praetore*) провинции Верхняя Германия – части Галлии как исторической области.

¹⁸⁶ В судебных заседаниях обычно использовалась клепсидра – во-

καὶ εἰπόντος “παῦσαι ὑλακτῶν με” μάλα ἀστείως ὁ Νικήτης “νὴ Δία”, εἶπεν “ἦν καὶ σὺ παύσῃ δάκνωνⁱ.”

Ἡ δὲ ὑπὲρ Ῥῶμαις τε καὶ Ῥῆνον ἀποδημία τοῦ ἀνδρὸς ἐγένετο μὲν ἐκ βασιλείου (512) προστάγματος, αἰτία δὲ αὐτῆς ἦδε· ἀνὴρ ὑπατος, ᾧ ὄνομα Ῥοῦφος, τοὺς Σμυρναίους ἐλογίστευσεν πικρῶς καὶ δυστρόπως. τούτῳ τι προσκρούσας ὁ Νικήτης “ἔρρωσο”, εἶπεν, καὶ οὐκέτι προσήει δικάζοντι. τὸν μὲν δὴ χρόνον, ὃν μιᾷς πόλεως ἤρξεν, οὕτω δεινὰ πεπονθέναι ᾤετο, ἐπιτραπείς δὲ τὰ Κελτικά στρατόπεδα ὀργῆς ἀνεμνήσθη – αἱ γὰρ εὐπραγίαι τὰ τε ἄλλα τοὺς ἀνθρώπους ἐπαίρουσι καὶ τὸ μηκέτι καρτερεῖν, ἃ πρὶν εὖ πράττειν ἀνθρωπίνῳ λογισμῷ ἐκαρτέρουν – καὶ γράφει πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Νέρωναⁱⁱ πολλὰ ἐπὶ τὸν Νικήτην καὶ σχέτλια, καὶ ὁ αὐτοκράτωρ “αὐτὸς” εἶπεν “ἀκροάσει ἀπολογουμένου, καὶ ἀδικοῦντα εὖρης, ἐπίθεσ δίκην.”

ταυτὶ δὲ ἔγραφεν οὐ τὸν Νικήτην ἐκδιδούς, ἀλλὰ τὸν Ῥοῦφον ἐς συγγνώμην ἐτοιμάζων, οὐ γὰρ ἂν ποτε ἄνδρα τοιοῦτον ἐφ’ ἑαυτῷ γεγονότα οὗτ’ ἂν ἀποκτεῖναι ὁ Ῥοῦφος, οὗτ’ ἂν ἕτερον ζημιῶσαι οὐδέν, ὥς μὴ φανείη βαρὺς τῷ καθιστάντι αὐτὸν δικαστὴν ἐχθροῦ. διὰ μὲν δὴ ταῦτα ἐπὶ Ῥῆγόν τε καὶ Κελτοὺς ἦλθεν, παρελθὼν δὲ ἐπὶ τὴν ἀπολογίαν οὕτω τι κατέπληξε τὸν Ῥοῦφον, ὥς πλείω μὲν ἀφεῖναι ἐπὶ τῷ Νικήτῃ δάκρυα οὗ διεμέτρησεν αὐτῷ ὕδατος, ἀποπέμψαι δὲ οὐκ ἄτρωτον μόνον, ἀλλὰ [καὶ] περίβλεπτον καὶ ἐν τοῖς ζηλωτοῖς Σμυρναίων. τὸν δὲ ἄνδρα τοῦτον χρόνοις ὕστερον Ἡρακλείδης ὁ Λύκιος σοφιστὴς διορθούμενος

ⁱ δάκνων με Kayser

ⁱⁱ Νερούαν β et Kaiser, Νέρωνα Jüttner

дные часы, для сторон процесса наполнявшиеся по-разному (защите давалось больше времени, чем обвинению) и отключавшиеся, когда речь прерывалась чтением документов, демонстрацией улики, показаниями свидетелей и пр.

его сочинения как «Никета исправленного», того не разумея, что прививает к исполину пигмейские черенки¹⁸⁷.

20. А Исей¹⁸⁸, ассирийский софист, растратил юные лета на наслаждения, ибо предавался чревоугодию и бражничеству (513), наряжался в тонкотканые одежды, часто влюблялся и не скрываясь ходил по улицам в ораве гуляк¹⁸⁹, но по возмужании настолько изменился, что казался непохож на самого себя, ибо изгнал изнутри и извне легкомыслие, которое, мнилось, одержало над ним верх, даже и пред подмостками не прислушивался более к гулу лир и авлов¹⁹⁰, поснимал тонкотканые одежды и пестрые ризы, стал умерен в еде и отринул любострастие¹⁹¹, словно пременял былое зрение. Потому-то, когда ритор Ардий спросил, кажется ли ему такая-то красивой, Исей смиренному-дренно отвечал: «Глаза больше не болят»; а когда другой спросил, какая птица и рыба лучше в пищу, отвечал: «Я о сем более не беспокоюсь, ибо уже случилось мне рвать плоды в садах Тан-

¹⁸⁷ Это место цитируется и толкуется в *Cyde* (Sud. A 1002: 'Ηρακλείδης ὁ Λύκιος σοφιστὴς ἔφη, Νικήτης ὁ κεκαθαρμένος ἀγνοήσας ἀκροθίνια πυγμαίων κολοσσῶ ἐφαρμόζειν. παροιμία, ἀκροθίνια πυγμαίων κολοσσῶ ἐφαρμόζειν' ἐπὶ τῶν μάτην κοπιώντων) с объяснением, что это присловье означает «надрываться попусту»; ср. такое же объяснение схолиаста Евстафия (Eusth. Od. XIX. 205).

¹⁸⁸ Сочинения Исея не сохранились; известно только, что он прибыл в Рим на рубеже I и II вв. н.э., уже пожилым, и произвел большое впечатление на Плиния Младшего, подробно изобразившего в письме к Непоту его манеру говорить (Plin. Epist. II. 3); упоминает о нем и Ювенал (Iuv. III. 74: «речь стремительней речи Исея»).

¹⁸⁹ Имеется в виду *комос* — шумная процессия, восходящая к диони-

ἐπέγραψε Νικήτην τὸν κεκαθαρμένον, ἡγνόησε δὲ ἀκροθίνια Πυγμαῖα κολοσσῶ ἐφαρμόζων.

κ'. Ἰσαῖος δὲ ὁ σοφιστὴς ὁ Ἀσσύριος τὸν μὲν ἐν μειρακίῳ χρόνον ἡδοναῖς ἐδεδώκει, γαστρός τε γὰρ καὶ φιλοποσίας ἥττητο καὶ λεπτὰ ἡμίσχετο καὶ θαμὰ ἦρα καὶ ἀπαρακαλύπτως (513) ἐκώμαζεν, ἐς δὲ ἄνδρας ἥκων οὕτω τι μετέβαλεν, ὥς ἕτερος ἐξ ἑτέρου νομισθῆναι, τὸ μὲν γὰρ φιλόγελων ἐπιπολάζειν αὐτῷ δοκοῦν ἀφεῖλε καὶ προσώπου καὶ γνώμης, λυρῶν τε καὶ αὐλῶν κτύποις οὐδ' ἐπὶ σκηνῆς ἔτι παρετύγχανεν, ἀπέδου δὲ καὶ τὰ λήδια καὶ τὰς τῶν ἐφεστρίδων βαφὰς καὶ τράπεζαν ἐκόλασε καὶ τὸ ἐρᾶν μετέθηκεν¹, ὥσπερ τοὺς προτέρους ὀφθαλμοὺς ἀποβαλὼν Ἄρδους γοῦν τοῦ ῥήτορος ἐρομένου αὐτόν, εἰ ἡ δεῖνα αὐτῷ καλὴ φαίνοιτο, μάλα σωφρόνως ὁ Ἰσαῖος “πέπαυμαι” εἶπεν “ὀφθαλμῶν”. ἐρομένου δὲ αὐτὸν ἑτέρου, τίς ἄριστος τῶν ὀρνίθων καὶ τῶν ἰχθύων ἐς βρῶσιν, “πέπαυμαι” ἔφη ὁ Ἰσαῖος “ταῦτα σπουδάζων, ξυνῆκα γὰρ τοὺς Ταντάλου κήπους

¹ μεθῆκεν β

сийским обрядам; участники комоса распевали песни, задевали прохожих, вообще вели себя шумно и вызывающе.

¹⁹⁰ Пренебрежение общественными собраниями (хотя бы и посещением театра) не согласовалось с традиционным гражданским этикетом, поэтому на представлениях Исей присутствовал, но демонстрировал свою ими незаинтересованность.

¹⁹¹ Подобный образ жизни был более присущ философам, особенно стоикам и киникам, между тем как от софистов ожидалось скорее известное щегольство, роскошь в быту и пр.; видимо, при Исее этот стиль еще не вполне сформировался, а так как философы, напротив, давно уже были уважаемой корпорацией, им Исей и подражал, пусть лишь поверхностно, например, в демонстративном равнодушии к удовольствиям.

тала¹⁹²», недвусмысленно указав спросившему, что все наслаждения суть тень и мóрок.

Дионисия же Милетского, ученика его, когда тот однажды произносил урок нараспев, Исей перебил, сказав: «Ионийское дитяtko¹⁹³, я ведь тебя не петь учил!», а когда юноша из Ионии восхитился, сколь величественно изрек Никет в речи «против Ксеркса»: «Так привяжем Эгину к кораблю царя!», Исей, громко расхохотавшись, сказал: «Безумец, как же ты отчалишь?»¹⁹⁴

(514) Речи свои он говорил не без подготовки, но потрудившись над каждой от рассвета до полудня¹⁹⁵, слог же его был не пышный, но и не сухой, а естественный, без излишеств, по сути дела. Краткость изложения и сведение ипотезы к краткому речению – тоже изобретение Исея, проявившееся во многом, особенно же вот в чем: выступая со «спартамцами, кои подумывают о стенах», он кратко сказал словами Гомера: «Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком»¹⁹⁶ – стройтесь

¹⁹² Царь фригийского Сипила Тантал, принятый богами как друг, осквернил их пир: то ли угостил мясом своего сына Пелопа, то ли разгласил слышанные на пиру тайны... – мифы о преступлении различаются, но, так или иначе, в наказание за кощунство в преисподней Тантал стоит по горло в воде, над ним ветви со сладкими плодами, однако едва он пытается утолить голод или жажду, вода и плоды исчезают; отсюда ряд фразеологизмов, как «танталовы муки», «сады Тантала» и пр.; см. также II. 14. 595 и VA IV. 25.

¹⁹³ Представители распространенного в Ионии пышного красноречия злоупотребляли разного рода поэтическими приемами, в частно-

τρυγῶν”, ἐνδεικνύμενος δήπου τῷ ἐρομένῳ ταῦτα, ὅτι σκιά καὶ ὀνειράτα αἱ ἡδοναὶ πᾶσαι.

Τῷ δὲ Μιλησίῳ Διονυσίῳ ἀκροατῇ ὄντι τὰς μελέτας ξὺν ᾧ δὴ ποιούμενῳ ἐπιπλήττων ὁ Ἰσαῖος “μειράκιον” ἔφη “Ἰωνικόν, ἐγὼ δέ σε ἄδειν οὐκ ἐπαίδευσα.” νεανίσκου δὲ Ἰωνικοῦ θαυμάζοντος πρὸς αὐτὸν τὸ τοῦ Νικήτου μεγαλοφώνως ἐπὶ τοῦ Ξέρξου εἰρημένον “ἐκ τῆς βασιλείου νεὼς Αἴγιναν ἀναδησώμεθα” καταγελάσας πλατὺ ὁ Ἰσαῖος “ἀνόητε”, εἶπεν, “καὶ πῶς ἀναχθήσῃ;”

Τὰς δὲ μελέτας οὐκ αὐτοσχεδίους ἐποιεῖτο, ἀλλ’ ἐπεσκεμμέναςⁱ (514) τὸν ἐξ ἔω ἐς μεσημβρίαν καιρόν. ἰδέαν δ’ ἐπήσκησε λόγων οὔτ’ ἐπιβεβλημένην, οὔτ’ αὖτον, ἀλλ’ ἀπέριττον καὶ κατὰ φύσιν καὶ ἀποχρῶσαν τοῖς πράγμασιν. καὶ τὸ βραχέως ἐρμηνεύειν, τοῦτό τε καὶ πᾶσαν ὑπόθεσιν συνελεῖν ἐς βραχὺ Ἰσαίου εὖρημα, ὥς ἐν πλείοσι μὲν ἑτέροις, μάλιστα δὲ ἐν τοῖσδε ἐδηλώθη· τοὺς μὲν γὰρ Λακεδαιμονίους ἀγωνιζόμενος τοὺς βουλευομένους περὶ τοῦ τείχους ἀπὸ τῶν Ὀμήρου ἐβραχυλόγησε τοσοῦτον·

“ἀσπίς ἄρ’ ἀσπίδ’ ἔρειδε, κόρυς κόρυιν, ἀνέρα δ’ ἀνὴρ·

ⁱ ἐπεσκεμμένος Cobet

сти, речитативом – подробнее см. выше, I. 19. 511 и прим.

¹⁹⁴ Судя по цитате и названию, в речи говорилось о битве при Саламине (480 до н.э.), когда афиняне, поддержанные среди прочих эгинетами (Эгина совсем близко от Саламина), разгромили флот Ксеркса (Hdt. VIII. 84–93) – однако о помощи Эгины юный иониец говорит с чрезмерной и переходящей в невнятность пышностью, над чем и подтрунивает Исей, как до того над декламацией нараспев.

¹⁹⁵ Ср. у Плиния об Исее: «Он всегда говорит без подготовки, но так, будто долго готовился» (Plin. Epist. II. 3. 1).

¹⁹⁶ Так изображает Гомер построение ахейцев (Hom. II. XVI. 215).

же, спартанцы, и станем стеною!» А обвиняя Пифона Византийского, по слову пророчества заключенного за предательство в узилище и после ухода Филиппа за предательство сие осужденного¹⁹⁷, он собрал всё прение в три мысли и высказал их так: «Я уличаю Пифона в предательстве по свидетельству вещего бога, а равно бросившего его в узилище народа, а равно удалившегося Филиппа, ибо бог не изрек бы пророчества, не окажись кто-то предателем, а народ не ввергнул бы Пифона в узы, не будь сим предателем он, а Филипп не удалился бы, не найдя того, из-за кого пришел»¹⁹⁸.

21. Скажу теперь о софисте *Скопелиане*¹⁹⁹ и начну с возражений тем, кто тщится его опорочить, утверждая, будто не достоин он числиться среди софистов и прозывая его напыщенным, (515) несдержанным и грубым, — так толкуют придиры и зануды, а еще те, кого ничуть не воодушевляет речь без подготовки, ибо человек по природе своей тварь завистливая. И то: коротышки наговаривают на рослых, неприглядные на милovidных, неуклюжие и колченогие на ловких и расторопных, трусы на храбрых, чуждые Музам на мусически одаренных, а сторонящиеся упражнений на завсегдатаев палестры²⁰⁰. Посему

¹⁹⁷ Пифон представлял интересы Филиппа в Афинах в 346 и 343 до н.э., за что и подвергался жестоким нападкам Демосфена (ср. I. 482; см. также Dem. XVIII. 136); в 340 до н.э., после неудачной осады Филиппом поддержанного афинянами Византия, поведение Пифона естественно было воспринимать как предательское, но подробности его дальнейшей судьбы неизвестны: по контексту можно предположить, что оракул обвинил его в бедствиях граждан, так что на время осады он во избежание сношений с Филиппом был арестован, а после ухода Филиппа казнен, — но ни в одном дошедшем до нас источни-

οὕτω στήτέ μοι, Λακεδαιμόνιοι, καὶ τετειχίσμεθα.”
κατηγορῶν δὲ τοῦ Βυζαντίου Πύθωνος, ὡς δεθέντος μὲν
ἐκ χρησμῶν ἐπὶ προδοσίᾳ, κεκριμένης δὲ τῆς προδοσίας,
ὡς ἀνέζευξεν ὁ Φίλιππος, ξυνέλαβε τὸν ἀγῶνα τοῦτον
ἐς τρεῖς ἐννοίας, ἔστι γὰρ τὰ εἰρημένα ἐν τρισὶ τούτοις·
“ἐλέγχω Πύθωνα προδεδωκότα τῷ χρήσαντι θεῷ, τῷ δήσαντι
δήμῳ, τῷ ἀναζεύξαντι Φιλίππῳ, ὁ μὲν γὰρ οὐκ ἂν ἔχρησεν, εἰ
μή τις ἦν, ὁ δὲ οὐκ ἂν ἔδησεν, εἰ μὴ τοιοῦτος ἦν, ὁ δὲ οὐκ ἂν
ἀνέζευξεν, εἰ μὴ δι’ ὃν ἦλθεν, οὐχ εὗρεν.”

κα’. Ὑπὲρ Σκοπελιανοῦ τοῦ σοφιστοῦ διαλέξομαι
καθαψάμενος πρότερον τῶν κακίζειν αὐτὸν πειρωμένων,
ἀπαξιῶσι γὰρ δὴ τὸν ἄνδρα τοῦ τῶν σοφιστῶν κύκλου
διθυραμβῶδη καλοῦντες καὶ ἀκόλαστον καὶ πεπαχυσμένον.
(515) ταυτὶ περὶ αὐτοῦ λέγουσιν οἱ λεπτολόγοι καὶ νωθοὶ
καὶ μηδὲν ἀπ’ αὐτοσχεδίου γλώττης ἀναπνέοντες· φύσει μὲν
γὰρ ἐπίφθονον χρεῖμα ἄνθρωπος¹ διαβάλλουσι γοῦν τοὺς μὲν
εὐμήκεις οἱ μικροί, τοὺς δὲ εὐειδεῖς οἱ πονηροὶ τὸ εἶδος, τοὺς
δὲ κούφους τε καὶ δρομικοὺς οἱ βραδεῖς καὶ ἑτερόποδες, τοὺς
θαρσαλέους οἱ δειλοὶ καὶ οἱ ἄμουσοι τοὺς λυρικοὺς, τοὺς
δ’ ἀμφὶ παλαίστραν οἱ ἀγύμναστοι, καὶ οὐ χρή θαυμάζειν,

¹ ἄνθρωπος Jacobs et Cobet; ἄνθρωποι mss.

ке этих сведений нет, хотя Филострат ссылается на них как на обще-
известные.

¹⁹⁸ Яркий пример софистического стиля, в данном случае сочетаю-
щего *αντιτεзу* (противопоставление) и *ισοκολον* (параллелизм чле-
нов периода, *κόλονο*).

¹⁹⁹ Сочинения Скопелиана не сохранились: о нем известно почти
только из сочинений Филострата.

²⁰⁰ Палестра – атлетическое училище, чаще для подростков, но не-
редко и для взрослых.

не следует удивляться, когда те, у кого язык истоптан и отягчен «быком безмолвия»²⁰¹, которые ни сами стоящих мыслей не имеют, ни чужих не замечают, порочат и бранят того, кто воистину был в изложении искуснее, дерзновеннее и величественнее всех эллинов своего времени. А поелику пребывают они насчет него в заблуждении, объясню, каков был он сам и из какой семьи.

А был он верховным жрецом Азии, как и все предки его, от отца к сыну²⁰², а это большая честь, куда важнее большого богатства. Родился он с братом-близнецом, с коим и делил колыбель, и когда были они пяти дней от роду, брата поразил перун, а у лежавшего обок с ним Скопелиана ни одно из чувств не было повреждено. Меж тем пламя перуна было сернистое и жгучее, так что иные из бывших поблизости умерли от испуга, у иных были повреждены зрение и слух, у иных же удар поразил рассудок – а вот Скопелиан остался совершенно невредим, ибо воистину до глубокой старости был здоров и крепок телом. Хочу объяснить тебе²⁰³, отчего так сему дивлюсь. На Лемносе, близ так называемого Рога, а местечко это – гавань, изогнутая (516) наподобие тонких рожек, обедали однажды под большим дубом восемь жнецов, как вдруг нависла над дубом туча и грянула из нее гроза, сокрушившая дуб, а жнецы, кто что ни делал,

²⁰¹ Игра цитатой: впервые это (явно ходовое) выражение см. у Феогнида (Theogn. 815); ср. также: Aesch. Agam. 36; VA VI. 11: «бык на язык наступил» – о человеке, который по тем или иным причинам не может говорить; русское созвучие «бык-язык» в греческом отсутствует.

²⁰² Эта должность была введена при Августе ради отправления культа Рима и Цезаря (так наз. «императорского культа»): жрецы избира-

εἰ πεπηδημένοι¹ τὴν γλῶτταν τινες καὶ βοῦν ἀφωνίας ἐπ' αὐτὴν βεβλημένοι καὶ μήτ' ἂν αὐτοὶ τι ἐνθυμηθέντες μέγα, μήτ' ἂν ἐνθυμηθέντος ἑτέρου ξυμφήσαντες διαπτύοιεν τε καὶ κακίζοιεν τὸν ἐτοιμότατα δὴ καὶ θαρραλεώτατα καὶ μεγαλειότατα τῶν ἐφ' ἑαυτοῦ Ἑλλήνων ἐρμηνεύσαντα. ὥς δὲ ἡγνοήκασι τὸν ἄνδρα, ἐγὼ δηλώσω, καὶ ὁποῖον αὐτῷ καὶ τὸ τοῦ οἴκου σχῆμα.

Ἀρχιερεὺς μὲν γὰρ ἐγένετο τῆς Ἀσίας αὐτός τε καὶ οἱ πρόγονοι αὐτοῦ παῖς ἐκ πατρὸς πάντες, ὁ δὲ στέφανος οὗτος πολὺς καὶ ὑπὲρ πολλῶν χρημάτων. δίδυμός τε ἀποτεχθεὶς ἄμφω μὲν ἦσθιν ἐν σπαργάνοις, πεμπταίων δὲ ὄντων κεραυνῷ μὲν ἐβλήθη ὁ ἕτερος, ὁ δὲ οὐδεμίαν ἐπηρώθη τῶν αἰσθήσεων συγκατακείμενος τῷ βληθέντι. καίτοι τὸ τῶν σκηπτῶν πῦρ οὕτω δριμὺ καὶ θειῶδες, ὥς τῶν ἀγχοῦ τοὺς μὲν ἀποκτείνειν κατ' ἐκπληξιν, τῶν δὲ ἀκοάς τε καὶ ὀφθαλμοὺς σίνεσθαι, τῶν δὲ ἐς τοὺς νοῦς ἀποσκήπτειν. ἀλλ' οὐδενὶ τούτων ὁ Σκοπελιανὸς ἦλω, διετέλεσε γὰρ δὴ καὶ ἐς γῆρας βαθὺ ἀκέραιός τε καὶ ἄρτιος. τουτὶ δὲ ὁπόθεν θαυμάζω, δηλῶσαί σοι βούλομαι· ἐδείπνουν μὲν κατὰ τὴν Λῆμνον ὑπὸ δρυὶ μεγάλη θερισταὶ ὀκτῶ περὶ τὸ καλούμενον Κέρας τῆς νήσου, τὸ δὲ χωρίον τοῦτο λιμὴν ἔστιν ἐς κεραίας ἐπιστρέφων λεπτάς, νέφους (516) δὲ τὴν δρυὶν περισχόντος καὶ σκηπτοῦ ἐς αὐτὴν ἐκδοθέντος ἢ μὲν ἐβέβλητο, οἱ θερισταὶ δὲ ἐκπλήξεως αὐτοῖς ἐμπεσοῦσης, ἐφ' οὗπερ ἔτυχεν ἕκαστος πράττων,

¹ πεπεδημένοι Civiletti

лись ежегодно, каждый звался по своей провинции; жречество, как и все выборные должности, не наследовалось, но в именитой семье Скопелиана жрецы могли быть в нескольких поколениях — отсюда гиперболическое «от отца к сыну» (ср. II. 1. 546).

²⁰³ Единственный (кроме посвящения) случай, когда Филострат напрямую обращается к Гордиану.

когда настигнул их громовой удар, так и померли: кто с поднятой чашей, кто за питьем, кто разминая хлеб, кто с куском во рту или за чем иным – все, кто как был, были сожжены и почернели, словно закопченные медные изваяния у горячих источников²⁰⁴. А Скопелиан, видно, подрастал не без божьего попечения, вот и избегнул смерти от молнии, коей самые крепкие из сельских мужиков не избегли, да притом остался с неповрежденными чувствами и с умом бодрым и сонливости неподвластным, ибо никакой расслабленности никогда в нем не было.

Уроки красноречия он посещал у Никета Смирнского, который, хоть славно упражнялся в сем искусстве перед слушателями, куда большую славу приобрел в судилищах²⁰⁵. Когда же случилось, что клазоменцы попросили Скопелиана выступить с речами на родине и так способствовать возвышению Клазомен, поелику Клазоменам, мол, великая будет польза, ежели такой муж станет у них учительствовать, он не без тонкости возразил, что не петь, мол, соловью в клетке²⁰⁶, – Смирну же он почитал подобием рощи для благозвучного своего голоса, быв уверен, что она более всего заслуживает сих звуков, ибо ежели всю Ионию верно можно назвать седалищем Муз, Смирна в ней по особой своей важности словно магада²⁰⁷.

²⁰⁴ О своем родном Лемносе Филострат рассказывает только удивительные истории – ср. VA VI. 27 (о сыне местной женщины и сатира).

²⁰⁵ Примечательно, что здесь Филострат подчеркивает склонность Никета к судебному красноречию, хотя в его жизнеописании говорит, что он был столь же успешен в показательном (I. 19. 511) – правда, в Риме ученики вроде Плиния Младшего (cf. loc. cit. и прим.) стремились освоить прежде всего судебное красноречие, которому, следова-

οὕτως ἀπέθανεν, ὁ μὲν γὰρ κύλικα ἀναιρούμενος, ὁ δὲ πίνων, ὁ δὲ μάττων, ὁ δὲ ἐσθίων, ὁ δὲ ἑτερόν¹ τι ποιῶν τὰς ψυχὰς ἀφῆκαν ἐπιτεθυμμένοι καὶ μέλανες, ὥσπερ οἱ χαλκοὶ τῶν ἀνδριάντων περὶ τὰς ἐμπύρους τῶν πηγῶν κεκαπνισμένοι. ὁ δὲ οὕτω τι οὐκ ἄθεεῖ ἐτρέφετο, ὡς διαφυγεῖν μὲν τὸν ἐκ τοῦ σκηπτοῦ θάνατον, ὃν μηδὲ οἱ σκληρότατοι τῶν ἀγροίκων διέφυγον, ἄτρωτος δὲ μεῖναι τὰς αἰσθήσεις καὶ τὸν νοῦν ἔτοιμος καὶ ὕπνου κρείττων, καὶ γὰρ δὴ καὶ τὸ νωθρὸν αὐτοῦ ἀπῆν.

Ἐφοίτησε δὲ τοὺς ῥητορικοὺς τῶν λόγων παρὰ τὸν Σμυρναῖον Νικήτην μελετήσαντα μὲν ἐπιφανῶς, πολλῶν δὲ μεῖζον ἐν δικαστηρίοις πνεύσαντα. δεομένων δὲ τῶν Κλαζομενίων τὰς μελέτας αὐτὸν οἴκοι ποιεῖσθαι καὶ προβήσεσθαι τὰς Κλαζομενὰς ἐπὶ μέγα ἡγουμένων, εἰ τοιοῦτος δὴ ἀνὴρ ἐμπαιδεύσοι σφίσιν, τουτὶ μὲν οὐκ ἀμούσως παρητήσατο τὴν ἀηδὸνα φήσας ἐν οἰκίσκῳ μὴ ἄδειν, ὥσπερ δὲ ἄλλος τι τῆς ἑαυτοῦ εὐφωνίας τὴν Σμύρναν ἐσκέψατο καὶ τὴν ἡχὴν τὴν ἐκεῖ πλείστου ἀξίαν ᾤκηθη. πάσης γὰρ τῆς Ἰωνίας οἶον μουσείου πεπολισμένης ἀρτιωτάτην ἐπέχει τάξιν ἢ Σμύρνα, καθάπερ ἐν τοῖς ὀργάνοις ἡ μαγὰς.

¹ δὲ ἑτερόν Cobet; δέ mss.

тельно, Никет в ту пору и уделял предпочтительное внимание.

²⁰⁶ Κλαζομενί, хоть и по соседству со Смирной, не могли равняться с ней богатством и политической значимостью и (главное) не были столицей софистической учености: почти все известные софисты покидали родные города ради одной из таких столиц, и Скопелиан не был исключением.

²⁰⁷ Ο μαγάδε см. I. 7. 487 и прим.

Множество называют причин, почему отец Скопелиана, прежде ласковый и благосклонный к сыну, внезапно озлился на него: мол, потому-то и потому-то и еще много чего – а я изъясню самую истинную причину. Случилось так, что после смерти матери Скопелиана отец привел в дом женщину, да не по закону, а для сожительства²⁰⁸; тот же, видя (517) такое, принялся вразумлять и порицать отца, а пожилые люди подобного не терпят. А тут еще и женщина наговорила на Скопелиана, что он, мол, в нее влюблен и не может смириться с неудачей, да к тому же слуга старика, повар по прозвищу Кифер²⁰⁹, помогал ей клеветать: лстыл господину, точно в драме²¹⁰, и всё твердил: «Хозяин, сын твой желает, чтобы ты поскорее помер, и мало ему, чтобы своею смертью, которая в твои годы недалека, но самолично против тебя злоумышляет и мне платит, чтобы я руку приложил. Верно говорю, есть у него для тебя ядовитые зелья, и велит он мне самое смертоносное подмешать в одно из твоих кушаний, а за то сулит свободу, земли, дома, деньги и всё, что мне в имении твоём приглянется. Это – ежели послушаюсь, а ежели нет – плети и пытки, крепкие цепи на ноги и тяжелая колодка на шею»²¹¹. Такими вот лстивыми речами Кифер сумел заморочить господина, а тот вскорости умер, и когда дело

²⁰⁸ Завещать что-нибудь также и сожительнице отец Скопелиана мог, но то ли не пожелал, то ли (вероятнее) Филострат сосредоточен исключительно на истории Кифера, при том что правдивость этой истории под вопросом: она может быть вариацией какого-то местного предания, объясняющего название «Киферов дом» (см. 518).

²⁰⁹ У рабов не было метрического свидетельства, хозяин мог называть их как угодно, и «Кифер» – просто рабская кличка; из текста можно заключить, что Кифер был отпущен на волю по завещанию и так стал уже не рабом, которому можно грозить пытками и колодками (ср. ниже «дабы не ютился он, словно раб»), а либертином – пусть ограниченно свободным и с выдававшим его происхождение, но теперь уже настоящим именем.

Αἱ δὲ αἰτίαι, δι' ἃς ὁ πατήρ ἐξ ἡμέρου τε καὶ πράου χαλεπὸς αὐτῷ ἐγένετο, λέγονται μὲν ἐπὶ πολλά, καὶ γὰρ ἡ δεῖνα καὶ ἡ δεῖνα καὶ πλείους, ἀλλ' ἐγὼ τὴν ἀληθεστάτην δηλώσω· μετὰ γὰρ τὴν τοῦ Σκοπελιανοῦ μητέρα γυναῖκα ὁ πρεσβύτης ἤγετο ἡμίγαμόν τε καὶ οὐ κατὰ νόμους, ὁ δὲ ὀρῶν ταῦτα ἐνουθέτει καὶ ἀπῆγεν, (517) τουτὶ δὲ τοῖς ἐξώροις ἀηδές. ἡ δ' αὖ ξυνετίθει κατ' αὐτοῦ λόγον, ὡς ἐρῶντος μὲν αὐτῆς, τὴν διαμαρτίαν δὲ μὴ καρτεροῦντος. ξυνελάμβανε δὲ αὐτῇ τῶν διαβολῶν καὶ οἰκέτης τοῦ πρεσβύτου μάγειρος, ᾧ ἐπωνυμία Κύθηρος, ὑποθωπεύων, ὥσπερ ἐν δράματι, τὸν δεσπότην καὶ τοιαυτὶ λέγων· “ὦ δέσποτα, βούλεται σε ὁ υἱὸς τεθνάναι ἤδη, οὐδὲ τὸν αὐτόματον καὶ μετ' οὐ πολὺ θάνατον ἐνδιδούς τῷ σῶ γήρα, ἀλλὰ καὶ αὐτουργῶν μὲν τὴν ἐπιβουλήν, μισθούμενος δὲ καὶ τὰς ἐμὰς χεῖρας. ἔστι γὰρ αὐτῷ φάρμακα ἀνδροφόνα ἐπὶ σέ, ὧν τὸ καιριώτατον κελεύει με ἐμβαλεῖν ἐς ἓν τι τῶν ὄψων ἐλευθερίαν τε ὁμολογῶν καὶ ἀγροὺς καὶ οἰκίας καὶ χρήματα καὶ πᾶν ὅ τι βουλοίμην ἔχειν τοῦ σοῦ οἴκου, καὶ ταυτὶ μὲν πειθομένῳ εἶναι, ἀπειθοῦντι δὲ μαστίγῳσίν τε καὶ στρέβλωσιν καὶ παχείας πέδας καὶ κύφωνα βαρύν.” καὶ τοιοῖσδε θωπεύμασι περιελθὼν τὸν δεσπότην τελευτῶντος μετ' οὐ πολὺ καὶ πρὸς διαθήκαις ὄντος γράφεται κληρονόμος, υἱός

²¹⁰ Намек на новоаттическую комедию, среди персонажей которой много льстецов, играющих заметную роль в развитии сюжета (это известно в основном по римским переложениям Плавта и Теренция, из греческих образцов целиком доступен лишь «Брюзга» Менандра).

²¹¹ Примечательно, что Филострат вкладывает в уста рабу речь, достойную ученого ритора: Кифер не только искусно строит ряды однородных членов, противопоставления и т.п., но и употребляет довольно редкие слова (αὐτουργῶν, μαστίγῳσις, στρέβλωσις) и позаимствованные из классической поэзии эпитеты (φάρμακα ἀνδροφόνα – Hom. Od. I. 261, παχείας πέδας – Aristoph. Vesp. 435).

дошло до завещания, Кифер оказался наследником, а сверх того был назван и сыном, и очами, и всею душой.

Не тому надобно дивиться, что затуманил он рассудок влюбленному старику, который, похоже, и так уже тронулся умом равно по летам своим и из-за любовной страсти – ведь и среди молодых влюбленных ни единый не сохраняет разум! – а тому надобно дивиться, что, когда тягались за завещание, превзошел он искусство Скопелиана, бывшего в самом цвете судебного своего красноречия, противопоставив сему искусству Скопелианово же богатство, ибо расточал наследованное состояние, тратя несметные деньги на покупку судейских голосов и взятки чуть ли не всем, говорившим в суде, и так одержал полную победу – потому-то Скопелиан и говорил, что, мол, у Анаксагора пастбища для овец²¹², а у меня для рабов. Однако же с годами Кифер, хоть и стал заметен в городе, увидел, что состояние его убывает, а на него самого глядят с великим презрением – даже должник, с коего он требовал деньги, его поколотил²¹³. Тут принялся он упрашивать (518) Скопелиана, чтобы тот забыл причиненное ему зло, перестал бы гневаться и взял назад отцовское имение, оставив ему, Киферу, лишь часть дома (дом-то был просторный), дабы не ютился он, словно раб, да еще уступил бы пару приморских усадеб – и поныне часть имения, где жил Кифер, прозывается Киферовым домом. Это я к тому, чтобы не было на сей счет заблуждений и чтобы уразуметь из рассказанного, что люди не токмо божеству игрушки²¹⁴, но и друг другу.

²¹² Об Анаксагоре см. Diog. La. II. 12–14; ср. в VA (I. 13): «...Анаксагор Клазоменский, превративший все свои земли в пастбища, тратил мудрость свою более на скотов, нежели на людей».

²¹³ За время тяжбы смиреннейцы наверняка привыкли к щедрости Кифера и позднее, когда он поистратился и не мог более покупать их

τε προσρηθείς καὶ ὀφθαλμοὶ καὶ ψυχὴ πᾶσα. καὶ οὐχὶ ταυτὶ χρὴ θαυμάζειν, ἐπεὶ πρεσβύτην ἐρῶντα ἔθελξεν ἴσως που καὶ παραπαίοντα ὑπὸ ἡλικίας καὶ αὐτοῦ τοῦ ἐρᾶν – καὶ γὰρ δὴ καὶ νέοι ἐρῶντες οὐκ ἔστιν ὅστις αὐτῶν τὸν ἑαυτοῦ νοῦν ἔχει – ἀλλ’ ὅτι καὶ τῆς τοῦ Σκοπελιανοῦ δεινότητος τε καὶ τῆς ἐν τοῖς δικαστηρίοις ἀκμῆς κρείττων ἔδοξεν ἀγωνισάμενος μὲν περὶ τῶν διαθηκῶν πρὸς αὐτόν, ἀντεκτείνας δὲ τῇ ἐκείνου δεινότητι τὸν ἐκείνου πλοῦτον· ἀπαντλῶν γὰρ τῆς οὐσίας καὶ μισθούμενος ὑπερβολαῖς χρημάτων γλώττας ὁμοῦ πάσας καὶ δικαστῶν ψήφους πανταχοῦ τὴν νικῶσαν ἀπηνέγκато, ὅθεν ὁ Σκοπελιανὸς τὰ μὲν Ἀναξαγόρου μηλόβοτα εἶναι, τὰ δὲ αὐτοῦ δουλόβοτα ἔλεγεν. ἐπιφανῆς δὲ καὶ τὰ πολιτικὰ ὁ Κύθηρος γενόμενος γηράσκων ἤδη καὶ τὴν οὐσίαν ὀρῶν ὑποδιδούσαν καταφρονούμενός τε ἱκανῶς καὶ που καὶ πληγὰς λαβὼν πρὸς ἄνδρός, ὃν χρήματα ἀπαιτῶν ἐτύγχανεν, ἰκέτης τοῦ Σκοπελιανοῦ γίνεται μνησικακίαν τε αὐτῷ παρεῖναι καὶ ὀργὴν ἀπολαβεῖν (518) τε τὸν τοῦ πατρὸς οἶκον ἀνέντα μὲν αὐτῷ μέρος τῆς οἰκίας πολλῆς οὐσῆς, ὥς μὴ ἀνελευθέρως ἐνδαιτιῆσται, συγχωρήσαντα δὲ ἀγροὺς δύο τῶν ἐπὶ θαλάττῃ. καὶ Κυθήρου οἶκος ἐπωνόμασται νῦν ἔτι τὸ μέρος τῆς οἰκίας, ἐν ᾧ κατεβίω.

ταυτὶ μὲν, ὥς μὴ ἀγνοεῖν αὐτά, συνιέναι δὲ κακ τούτων, ὅτι οἱ ἄνθρωποι μὴ θεοῦ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἀλλήλων παίγνια.

симпатии, испытали естественное раздражение, да притом богатые отпущенники всегда были объектом презрения и неприязни (ср. отношение рассказчика «Сатирикона» к привлекающему его Трималхиону).

²¹⁴ Слова Платона (Plat. Leg. 644 D), вошедшие в поговорку: ср. VA IV. 36 и др.

Когда Скопелиан подвизался в Смирне, сходились туда ионийцы и лидийцы, карийцы и меонийцы, эолийцы и эллины из Мисии и Фригии, и нет в том ничего необычного, ибо Смирна соседствует с названными племенами, будучи притом удобными воротами для сухопутных и морских путей, – однако же привлекал он и каппадокийцев с ассирийцами, привлекал и египтян с финикийцами, и благороднейших ахеян²¹⁵, и всю афинскую молодежь. Пусть и вправду у многих слыл он рассеянным и небрежным, ибо перед выступлением чаще всего обсуждал с чиновниками городские дела смирнейцев, хватало ему и природных блеска и глубокомыслия. В дневное время занимался он мало, но, будучи бессоннейшим из людей, говорил «Ты в дружбе с Мудростью, Ночь, из всех богов ей ближняя!»²¹⁶ и делал ее соучастницей своих размышлений – говорят, он засиживался за занятиями от заката до рассвета.

А еще был он привержен всякого рода стихотворству, трагедию же прямо-таки поглощал, состязаясь с учителем в возвышенности слога, ибо Никет весьма дивил всех этой своею способностью²¹⁷, а Скопелиан зашел в оной возвышенности на-

²¹⁵ Имеются в виду не гомеровские «ахейане» (все вообще греки), а греки ахейского племени – прежде всего жители Ахеи на севере Пелопоннеса.

²¹⁶ Ср. Men. Misum. A1–A2; Филострат заменяет «Афродиту» на «мудрость».

Σκοπελιανοῦ δὲ σπουδάζοντος ἐν τῇ Σμύρνῃ ξυμφοιτᾶν μὲν ἐς αὐτὴν Ἰωνάς τε καὶ Λυδοὺς καὶ Κᾶρας καὶ Μαίονας Αἰολέας τε καὶ τοὺς ἐκ Μυσῶν καὶ Φρυγῶν Ἑλληναςⁱ οὕτω μέγα, ἀγχίθυρος γὰρ τοῖς ἔθνεσι τούτοις ἡ Σμύρνα καιρίως ἔχουσα τῶν γῆς καὶ θαλάττης πυλῶν, ὃ δὲ ἦγε μὲν Καππαδόκας τε καὶ Ἀσσυρίους, ἦγε δὲ Αἰγυπτίους καὶ Φοίνικας Ἀχαιῶν τε τοὺς εὐδοκιμωτέρους καὶ νεότητά τὴν ἐξ Ἀθηνῶν ἄπασαν. δόξαν μὲν οὖν ἐς τοὺς πολλοὺς παραδεδῶκει ῥαστώνης τε καὶ ἀμελείας, ἐπειδὴ τὸν πρὸ τῆς μελέτης καιρὸν ξυνῆν ὥς ἐπὶ πολὺ τοῖς τῶν Σμυρναίων τέλεσιν ὑπὲρ τῶν πολιτικῶν, ὃ δὲ ἀπεχρῆτο μὲν καὶ τῇ φύσει λαμπρᾷ τε οὔσῃ καὶ μεγαλογνώμονι, καὶ τὸν μεθ' ἡμέραν καιρὸν ἦττον ἐσπούδαζεν, ἀυπνότατος δ' ἀνθρώπων γενόμενος

“ὦ νύξ”, ἔλεγε “σὺ γὰρ δὴ πλεῖστον σοφίας μετέχεις μέρος θεῶν”,

ξυνεργὸν δὲ αὐτὴν ἐποιεῖτο τῶν ἑαυτοῦ φροντισμάτων. λέγεται γοῦν καὶ ἐς ὄρθρον ἀποτεῖναι σπουδάζων ἀπὸ ἐσπέρας. προσέκειτο μὲν οὖν ἅπασι ποιήμασι, τραγωδίας δὲ ἐνεφορεῖτο, ἀγωνιζόμενος πρὸς τὴν τοῦ διδασκάλου μεγαλοφωνίαν – ἀπὸ γὰρ τούτου τοῦ μέρους ὁ Νικήτης σφόδρα ἐθαυμάζετο – ὃ δὲ

ⁱ Ἑλληνας καὶ Φρυγῶν Kayser

²¹⁷ У софистов было принято использовать трагедии для цитат и аллюзий: очевидно, помнившие наизусть множество трагедий Никет и Скопелиан делали это особенно часто и эффектно; ср. I. 25. 539 и прим. и II. 620. 27 и прим.

столько дальше, что даже сочинил «Гигантию»²¹⁸ и так снабдил песнями Гомеридов²¹⁹. Из софистов он более всего изучал Горгия Леонтинского, из риториков²²⁰ – (519) тех, кто больше славен. Изящество его было скорее от природы, нежели от выучки, ведь остроумие присуще самой природе ионийцев, так что и в речах его было вдоволь забавного, ибо уныние почитал он неучтивым и несносным. Он и в народное собрание приходил с непринужденным и веселым выражением лица, а когда в заседании гневались, успокаивал и смягчал бранящихся своим добродушным видом. В судах не отличался он ни корыстолюбием, ни сварливостью нрава, ибо безвозмездно предоставлял услуги тому, чьей жизни грозила опасность, а тех, кто в речах бранится и дает волю чувствам, называл взбесившимися пьяными бабами. Речи он произносил за плату, но плата у каждого была своя, соответственно достатку. На людях вел он себя без надменности и чванства, однако и без робости, а как пристало тому, кто сражается за славу и уверен, что не потерпит поражения. Разглагольствовал он, пока сидел, спокойно и тихо, когда же приступал к речи стоя, обретал его разглагол выразительность и силу²²¹. Размышлял он не в уединении, однако и не на людях, но успевал, отойдя в сторонку, за короткое время всё обдумать. Голос у него был благозвучный, выговор приятный, а еще, чтобы подзадорить самого себя и слушателей, он часто хлопал себя по бедру.

²¹⁸ То есть поэму о Гигантах (или об одном Гиганте?) – эта тема привлекала поэтов возможностью эффектных описаний, но целиком ни одна Гигантия или Гигантомахия до нас не дошла.

²¹⁹ Первоначально Гомеридами именовались только хиосские рапсоды, возводившие свой род к Гомеру, тоже якобы уроженцу Хиоса, но позже так стали называться любые профессиональные исполнители эпических поэм, чей репертуар Скопелиан якобы и пополнял.

²²⁰ Риторы были в основном судебными ораторами, а софисты, хоть

οὕτω τι μεγαλοφωνίας ἐπὶ μείζον ἤλασεν, ὥς καὶ Γιγαντίαν ξυνθεῖναι παραδοῦναί τε Ὀμηρίδαις ἀφορμὰς ἐς τὸν λόγον. ὠμίλει δὲ σοφιστῶν μὲν μάλιστα Γοργία τῷ Λεοντίνῳ, ῥητόρων δὲ τοῖς λαμπρὸν ἠχοῦσιν. τὸ δὲ ἐπίχαρι φύσει μᾶλλον (519) εἶχεν ἢ μελέτη, πρὸς φύσεως μὲν γὰρ τοῖς Ἰωνικοῖς τὸ ἀστείζεσθαι, τῷ δ' αὖ καὶ ἐπὶ τῶν λόγων τοῦ φιλόγελω περιῆν, τὸ γὰρ κατηφές δυσσύμβολόν τε καὶ ἀηδές ἠγεῖτο.

παρῆει δὲ καὶ ἐς τοὺς δῆμους ἀνειμένῳ τε καὶ διακεχυμένῳ τῷ προσώπῳ, καὶ πολλῷ πλέον, ὅτε ξὺν ὀργῇ ἐκκλησιάζοιεν, ἀνιείς αὐτοὺς καὶ διαπραύνων τῇ τοῦ εἵδους εὐθυμία. τὸ δὲ ἐν τοῖς δικαστηρίοις ἦθος οὔτε φιλοχρήματος οὔτε φιλολοῖδορος· προῖκα μὲν γὰρ ξυνέταπτεν ἑαυτὸν τοῖς ὑπὲρ ψυχῆς κινδυνεύουσι, τοὺς δὲ λοιδορουμένους ἐν τοῖς λόγοις καὶ θυμοῦ τινα ἐπίδειξιν ἠγούμενους ποιεῖσθαι γραΐδια ἐκάλει μεθύοντα καὶ λυττώντα. τὰς δὲ μελέτας μισθοῦ μὲν ἐποιεῖτο, ὃ δὲ μισθὸς ἦν ἄλλος ἄλλου καὶ ὥς ἕκαστος οἴκου εἶχεν, παρῆει τε ἐς αὐτοὺς οὔθ' ὑπερφρονῶν καὶ σεσοβημένος, οὔθ' ὥσπερ οἱ δεδιότες, ἀλλ' ὥς εἰκὸς ἦν τὸν ἀγωνιῶντα μὲν ὑπὲρ τῆς ἑαυτοῦ δόξης, θαρροῦντα δὲ τῷ μὴ ἂν σφαλῆναι. διελέγετο δὲ ἀπὸ μὲν τοῦ θρόνου ξὺν ἀβρότητι, ὅτε δὲ ὀρθὸς διαλέγοιτο, ἐπιστροφὴν τε εἶχεν ὁ λόγος καὶ ἔρρωτο. καὶ ἐπεσκοπεῖτο οὐκ ἔνδον, οὐδ' ἐν τῷ ὀμίλῳ, ἀλλ' ὑπεξίων ἐν βραχεῖ τοῦ

и выступавшие иногда в судах, уводили красноречие от прикладных задач, практикуя преимущественно эпидейктическую риторику – притом Скопелиан, сам импровизатор, не мог не чтить Горгия, отца софистической импровизации.

²²¹ Разглагол нередко произносился сидя (Civiletti 2002: 499), так что манера речи Скопелиана связана с избранной им позой – ср. исполняемые одним и тем же певцом романс под гитару и оперную арию.

И в притворных ипотезах²²², и в иносказаниях был он воистину сильнейшим, но еще пуще восхищал речами о предметах более сложных и возвышенных, особливо же о мидийских, в том числе о Дариях и Ксерксах²²³. Полагаю, (520) он лучше всех софистов умел повествовать о сих предметах и передавать умение свое тем, кому еще только предстояло о них рассказывать, изображая присущие варварам самонадеянность и легкомыслие. Говорили также, что, произнося сии речи, он взмахивал руками чаще обычного, будто в вакхическом исступлении, а когда кто-то из окружения Полемона сказал, что Скопелиан, мол, бьет в бубен, отвечивал, подхватив насмешку: «Бью, да только по щиту Аякса²²⁴».

Много раз бывал он послом к кесарю, в чем ему сопутствовала некая удача, самое же удачное посольство вышло по поводу виноградников, ибо сие назначение было не только от жителей Смирны, как уже случалось, но сразу от всей Азии. Объясню, в чем была цель посольства. Кесарь постановил, чтобы виноградникам в Азии не бывать, ибо от пьянства там якобы распри, и посему предписывалось уже выращенный виноград искоренять, а новый не растить²²⁵. Требовалось, стало быть, посольство от всех разом, а еще муж, коему надлежало ради

²²² В «притворных ипотезах» по видимости опровергалось мнение, в действительности именно таким образом отстаиваемое.

²²³ Излюбленным предметом софистических композиций были не только греко-персидские войны, но и сами по себе персы: в этих речах слушателей привлекали экзотические сюжеты и образы.

²²⁴ Аякс Теламонид носил «подобный башне» (закрывавший воина с головы до ног) щит из семи коровьих шкур; во время поединка с Аяксом Гектор дважды бросал в этот щит копье, а затем бросил камень, но щит все равно остался цел (Hom. II. VI. 219–265).

καιροῦ διεώρα πάντα. περιῆν δὲ αὐτῷ καὶ εὐφωνίας, καὶ τὸ φθέγμα ἡδονὴν εἶχε τὸν τε μηρὸν θαμὰ ἔπληττεν ἑαυτόν τε ὑπεγείρων καὶ τοὺς ἀκρωμένους. ἄριστος μὲν οὖν καὶ σχηματίζει λόγον καὶ ἐπαμφοτέρως εἰπεῖν, θαυμασιώτερος δὲ περὶ τὰς ἀκμαιότερας τῶν ὑποθέσεων καὶ πολλῶ πλεόν περὶ τὰς Μηδικάς, ἐν αἷς οἱ Δαρεῖοί τε εἰσι καὶ οἱ Ξέρξαι, ταύτας γὰρ αὐτός (520) τέ μοι δοκεῖ ἄριστα σοφιστῶν ἐρμηνεῦσαι παραδοῦναί τε τοῖς ἐπιγιγνομένοις ἐρμηνεύειν, καὶ γὰρ φρόνημα ἐν αὐταῖς ὑπεκρίνετο καὶ κουφότητα τὴν ἐν τοῖς βαρβάροις ἦθεσιν. ἐλέγετο καὶ σεῖεσθαι μᾶλλον ἐν ταύταις, ὥσπερ βακχεύων, καὶ τινος τῶν ἀμφὶ τὸν Πολέμωνα τυμπανίζειν αὐτὸν φήσαντος λαβόμενος ὁ Σκοπελιανὸς τοῦ σκώμματος “τυμπανίζω μὲν”, εἶπεν “ἀλλὰ τῇ τοῦ Αἴαντος ἀσπίδι.”

Βασίλειοι δὲ αὐτοῦ πρεσβεῖαι πολλαὶ μὲν, καὶ γάρ τις καὶ ἀγαθὴ τύχη ξυνηκολούθει πρεσβεύοντι, ἀρίστη δὲ ἡ ὑπὲρ τῶν ἀμπέλων· οὐ γὰρ ὑπὲρ Συμυρναίων μόνων, ὥσπερ αἱ πλείους, ἀλλ’ ὑπὲρ τῆς Ἀσίας ὁμοῦ πάσης ἐπρεσβεύθη. τὸν δὲ νοῦν τῆς πρεσβείας ἐγὼ δηλώσω· ἐδόκει τῷ βασιλεῖ μὴ εἶναι τῇ Ἀσίᾳ ἀμπέλους, ἐπειδὴ ἐν οἴνῳ στασιάζειν ἔδοξαν, ἀλλ’

²²⁵ В 92 н.э. Домициан велел не разбивать в Италии новые виноградники, а в провинциях производство винограда сократить вдвое (Suet. Dom. 7); возглавленное Скопелианом посольство состоялось, вероятно, в том же году или годом позже; Аполлоний Тианский, хоть и трезвенник, тоже не одобрял «холощение земли» (VA VI. 42); так или иначе, эдикт оставался на бумаге три года, до смерти Домициана, и затем был автоматически отменен, как все эдикты «императоров проклятой памяти».

общей пользы чаровать, словно какому-нибудь Орфею или Фамирасу, – вот тут-то все избирают Скопелиана, он же в качестве посла достигает желаемого даже сверх чаяния, ибо возвращается, добившись не только разрешения растить лозу, но еще и наказания тем, кто не растит. А как именно прославился он в борьбе за виноградники, ясно как из сказанного им самим, ибо речь его о сем предмете – из самых восхитительных, так и из того, что за оною речью последовало, ибо за нее удостоился он и даров, как то в обычае у кесарей, и многих одобрений и похвал; да вдобавок цвет юношества, вождемая мудрости, устремился вослед ему в Ионию.

Когда же оказался Скопелиан в Афинах, гостеприимцем его соделался Аттик, отец софиста Герода, восхищавшийся словесным его искусством даже больше, чем (521) фессалийцы некогда искусством Горгия, так что приказал побить камнями все гермы древних риториков²²⁶, стоявшие на подъездах к усадьбе, ибо сыну, мол, от них один вред. Герод был в ту пору совсем молод и еще под отеческой властью²²⁷, стремился же к одному – говорить без подготовки, да только пока не хватало ему на такое духа, ибо Скопелиана он еще не знал и потому не ведал, какая пылкость потребна для сих речей. Потому-то посещение на-

²²⁶ Герма – дорожный столб, завершающийся изображением головы или (чаще) двух сросшихся затылками голов, первоначально изображавших Гермеса, затем и других богов, а с V в. до н.э. также политиков, философов и даже известных риториков.

ἐξηρῆσθαι μὲν τὰς ἤδη πεφυτευμένας, ἄλλας δὲ μὴ φυτεύειν ἔτι. ἔδει δὴ πρεσβείας ἀπὸ τοῦ κοινοῦ καὶ ἀνδρός, ὃς ἔμελλεν ὥσπερ Ὀρφεύς τις ἢ Θάμυρις ὑπὲρ αὐτῶν θέλξειν. αἰροῦνται τοίνυν Σκοπελιανὸν πάντες, ὃ δ' οὕτω τι ἐκ περιουσίας ἐκράτει τὴν πρεσβείαν, ὥς μὴ μόνον τὸ ἐξεῖναι φυτεύειν ἐπανελθεῖν ἔχων, ἀλλὰ καὶ ἐπιτίμια κατὰ τῶν μὴ φυτευόντων. ὥς δὲ ἠὺδοκίμησε τὸν ἀγῶνα τὸν ὑπὲρ τῶν ἀμπέλων, δηλοῖ μὲν καὶ τὰ εἰρημένα, ὃ γὰρ λόγος ἐν τοῖς θαυμασιωτάτοις, δηλοῖ δὲ καὶ τὰ ἐπὶ τῷ λόγῳ, δώρων τε γὰρ ἐπ' αὐτῷ ἔτυχεν, ἃ νομίζεται παρὰ βασιλεῖ, πολλῶν τε προσρήσεών τε καὶ ἐπαίνων, νεότης τε αὐτῷ λαμπρὰ ξυνηκολούθησεν ἐς Ἰωνίαν σοφίας ἐρῶντες.

Ἐπεὶ δὲ Ἀθήνησιν ἐγένετο, ποιεῖται αὐτὸν ξένον ὁ Ἡρώδου τοῦ σοφιστοῦ πατὴρ Ἀττικὸς θαυμάζων ἐπὶ ῥητορικῇ μᾶλλον ἢ τὸν Γοργίαν (521) ποτὲ Θετταλοί. ὁπόσοι γοῦν τῶν πάλαι ῥητόρων ἔρμαϊ ἦσαν ἐν τοῖς τῆς οἰκίας δρόμοις, ἐκέλευε τούτους βάλλεσθαι λίθοις, ὥς διεφθορότας αὐτῷ τὸν υἱόν. μεираκίον μὲν δὴ ἐτύγχανεν ὦν ὁ Ἡρώδης τότε καὶ ὑπὸ τῷ πατρὶ ἔτι, τοῦ δὲ αὐτοσχεδιάζειν ἦρα μόνου, οὐ μὴν ἐθάρρει γε αὐτό, οὐδὲ γὰρ τῷ Σκοπελιανῷ συγγεγονῶς ἦν ἐς ἐκεῖνό πω τοῦ χρόνου, οὐδ' ἦτις ἢ τῶν αὐτοσχεδίων

²²⁷ Аттик и Герод были как афинскими, так и римскими гражданами: римляне оставались «под рукой» до смерти отца, афиняне примерно до двадцати лет – раз Аттик жив, счет здесь афинский и Героду меньше двадцати, что дает возможность приблизительно датировать эпизод 115 н.э.

званного мужа стало ему великою отрадою: послушав, как тот говорит и как именно произносит речи без подготовки, он одушевился, ощутил решимость и, задумав порадовать отца, предложил ему речь навроде речей гостя. Отец был от подражания в восторге и дал сыну пятьдесят талантов, самому же Скопелиану пятнадцать, но Герод добавил из собственного подарка столько же, сколько дал отец²²⁸, да еще назвал Скопелиана учителем, а тому сии Геродовы слова показались слаще струй Пактола²²⁹.

Об удаче, сопутствовавшей ему в посольствах, можно судить еще и вот по чему: как-то раз смирнейцам потребовался глава посольства, и посольство было о деле наиважнейшем, а Скопелиан уже старел и лета его не располагали к поездкам – посему избрали Полемона, еще не успевшего побывать послом. Так вот, молясь об удаче, сей последний просил, чтобы обрести ему дар убеждения, подобный Скопелианову, и, обняв того пред народным собранием, весьма остроумно обратил к нему слова Патрокла:

Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
может быть, в брани меня за тебя принимая...²³⁰

²²⁸ Талант – издревле распространенная в Средиземноморье весовая и денежно-расчетная единица, равная русскому бременю, «ноше для одного» (Даль). Антропометрические системы никогда не универсальны: в таланте было ок. 30 кг, но бывали таланты потяжелее и полегче – аттический был относительно легким (обычно ок. 26 кг), римский тоже (масса воды в «стандартной» амфоре, 26.027 л). Обычно талантами мерилось серебро (ср. I. 25. 543 с прим.) – и не гонорары софистов, а важные государственные расходы (дань, взнос в союзническую казну и пр.), так что здесь счет в талантах подчеркивает огромность подарков Аттика гостю и сыну; Скопелиан в итоге получил тридцать талантов, настоящее богатство.

²²⁹ У классических авторов пресная вода именуется сладкой, в отличие от морской, горькой; еще слаще должна была казаться смирней-

ὀρμὴ γιγνώσκων, ὅθεν ἀσμένῳ οἱ ἐγένετο ἡ ἐπιδημία τοῦ ἀνδρός· ἐπειδὴ γὰρ λέγοντος ἤκουσε καὶ διατιθεμένου τὸν αὐτοσχέδιον, ἐπτερώθη ὑπ’ αὐτοῦ καὶ ἡτοιμάσθη, καὶ τὸν πατέρα δὲ ἦσαι διανοηθεὶς ἀπαγγέλλει οἱ μελέτην ἐς τὴν ἰδέαν τοῦ ξένου. ὁ πατήρ δὲ ἡγάσθη τε αὐτὸν τῆς μιμήσεως καὶ πεντήκοντα¹ ἔδωκεν αὐτῷ τάλαντα, ἔδωκε δὲ καὶ αὐτῷ τῷ Σκοπελιανῷ πεντεκαίδεκα, ὁ δέ, ὅσαπερ ὁ πατήρ, τοσαῦτα ἀπὸ τῆς ἑαυτοῦ δωρεᾶς προσέδωκεν αὐτῷ, ἔτι καὶ διδάσκαλον ἑαυτοῦ προσειπών. τουτὶ δὲ συνιέντι Ἡρώδου καὶ τῶν τοῦ Πακτωλοῦ πηγῶν ἦδιον.

Τὴν δὲ εὐτυχίαν, ἥ περὶ τὰς πρεσβείας ἐχρήτο, ζυμβάλλειν ἐστὶ καὶ τοῖσδε· ἔδει μὲν γὰρ τοῖς Συμυρναίοις τοῦ πρεσβεύσοντος ὑπὲρ αὐτῶν ἀνδρός, ἡ πρεσβεία δὲ ἦν ὑπὲρ τῶν μεγίστων. ὁ μὲν δὴ ἐγήρασκεν ἤδη καὶ τοῦ ἀποδημεῖν ἐξώρως εἶχεν, ἐχειροτονεῖτο δὲ ὁ Πολέμων οὕτω πεπρεσβευκῶς πρότερον. εὐζάμενος οὖν ὑπὲρ τῆς ἀγαθῆς τύχης ἐδεῖτο γενέσθαι οἱ τὴν τοῦ Σκοπελιανοῦ πειθῶ, καὶ περιβαλὼν αὐτὸν ἐπὶ τῆς ἐκκλησίας

“δὸς δέ μοι ὥμοιιν τὰ σὰ τεύχεα θωρηχθῆναι,
αἷ κ’ ἐμέ σοὶ ἴσχωσι,”

¹ πεντήκοντα Valckenaer; πεντακόσια mss.

цам вода Пактола, почти не отличимая от родниковой, так как Пактол длиною всего 25 км – в отличие от вьющегося по фригийской равнине Герма, более теплого и грязного. В описываемую эпоху Пактол давно уже не был золотоносным, как при Крёзе, но предание о бывшей золотоносности могло делать его воды еще сладостнее, по крайней мере на словах, – недаром Пактол появляется в тексте почти сразу после тридцати талантов.

²³⁰ См. Ном. II. XVI. 40–41; вот речь Патрокла целиком:

Δай рамена облачить мне твоим оружием славным:
может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.

Да и Аполлоний Тианский, коего мудрость превосходила человеческую, числит Скопелиана среди достойных восхищения²³¹.

22. Что до *Дионисия* Милетского²³², оставим, рожден ли он, как утверждают иные, от наизнатнейших родителей, или, как говорит еще кое-кто, всего лишь от свободных, (522) ибо воссиял собственною доблестью, а кивать на прашуров – для тех, кто отчаялся стяжать славу самосильно. Соделавшись слушателем Исея, изложение коего, как я поминал, было естественное, он довольно перенял его слог, а равно и упорядоченность мыслей, ибо и сие было присуще Исею. Медоточивый в рассуждениях, он не упивался сладостью, словно иные витии, но приберегал ее, повторяя ученикам, что мед следует пробовать пальчиком²³³, а не горстью; так у него всюду и есть, будь то состязания в речах повествовательных, или судебных, или нравоучительных, а более всего в «плаче о Херонее», ибо, изображая, как Демосфен после Херонеи сам себя обвиняет в Совете²³⁴, он заключает следующей монодией²³⁵: «О Херонея, место горемычное!», и

²³¹ О переписке Аполлония со Скопелианом см. VA I. 23–24 (там же цитата из письма); одно из писем Аполлония, подлинность которых сомнительна, также адресовано Скопелиану (Epist. Ap. 19).

²³² Полное имя этого софиста (Т. Клавдий Флавиан Дионисий) засвидетельствовано в надписях (IEphes 426, 3047); сочинения его не сохранились; Кассий Дион упоминает о зависти к нему Адриана, добавляя, что она не имела для Дионисия серьезных последствий (Cass. D. LXIX. 3. 4–6); Фотий называет его почитателем Эсхина (Phot. Bibl.

μάλα ἀστείως ὁ Πολέμων τὰ ἐκ Πατροκλείας ἐπέειπεν τῷ ἀνδρί¹. καὶ Ἀπολλώνιος δὲ ὁ Τυανεὺς ὑπερενεγκὼν σοφίᾳ τὴν ἀνθρωπίνην φύσιν τὸν Σκοπελιανὸν ἐν θαυμασίοις τάττει.

κβ'. Διονύσιος δὲ ὁ Μιλήσιος εἶθ', ὥς ἔνιοί φασι, πατέρων ἐπιφανεστάτων ἐγένετο, εἶθ', ὥς τινες, (522) αὐτὸ τοῦτο ἐλευθέρων, ἀφείσθω τούτου τοῦ μέρους, ἐπειδὴ οἰκεία ἀρετῇ ἐλαμπρύνετο, τὸ γὰρ καταφεύγειν ἐς τοὺς ἄνω ἀποβεβληκότων ἐστὶ τὸν ἐφ' ἑαυτῶν ἔπαινον. Ἰσαίου δὲ ἀκροατῆς γενόμενος ἀνδρός, ὥς ἔφην, κατὰ φύσιν ἐρμηνεύοντος τουτὶ μὲν ἱκανῶς ἀπεμάξατο καὶ πρὸς τούτῳ τὴν εὐταξίαν τῶν νοημάτων, καὶ γὰρ δὴ καὶ τοῦτο Ἰσαίου. μελιχρότατος δὲ περὶ τὰς ἐννοίας γενόμενος οὐκ ἐμέθυε περὶ τὰς ἡδονάς, ὥσπερ ἔνιοι τῶν σοφιστῶν, ἀλλ' ἐταμιεύετο λέγων ἀεὶ πρὸς τοὺς γνωρίμους, ὅτι χρή τοῦ μέλιτος ἄκρῳ δακτύλῳ, ἀλλὰ μὴ κοίλῃ χειρὶ γεύεσθαι, ὥς ἐν ἅπασιν μὲν τοῖς εἰρημένοις δεδήλωται τῷ Διονυσίῳ, λογικοῖς τε καὶ νομικοῖς καὶ ἠθικοῖς ἀγῶσι, μάλιστα δὲ ἐν τῷ ἐπὶ Χαιρωνεῖα θρήνῳ. διεξιὼν γὰρ

¹ δὸς δέ – ἴσχωσι et μάλα – ἀνδρί transponenda Cobet censet

20 b); возможно также, что он – тот самый Дионисий, которого называет своим учителем Фронтоном (Front. Graec. 3).

²³³ Распространенный фразеологизм: cf. Luc. Hist. Conscr. 4; Luc. Demon. 4; Zen. I. 61.

²³⁴ Совет (βουλή) – орган государственной (в т. ч. судебной) власти, состоявший из 500 граждан, избранных по жребию от десяти афинских фил; о самообвинении Демосфена см. I. 25. 543 и прим.: этот вымышленный сюжет был у риторov популярен (cf. Syriac. In Hermog. II. 165; RhG IX. 471).

далее: «О давшаяся варварам Беотия! Из недр земных, герои, возопите: с Платеей рядом мы побеждены!»²³⁶, и еще в речи об аркадянах, судимых за наемничество²³⁷: «На торжище война, и эллинов бедой Аркадия питается» и «грядет война, причины не имущая».

Таков был в целом слог Дионисия, сообразно коему строил он свои речи, размышляя над ними столько же, сколько Исей²³⁸. А что до молвы, будто применял он халдейские искусства²³⁹, (523) преподавая ученикам науку запоминать, сейчас объясню, откуда сия молва. Искусства запоминать не существует²⁴⁰, да и не могло бы существовать – напротив, память дарует искусства, сама же не от учения и не обретается никаким ухищрением, будучи природным преимуществом или же частью бессмертной души: никогда не почиталось бы человеческое бессмертным²⁴¹, а изученное нами доступным преподаванию, не будь с людьми неразлучна память, – не станем спорить с поэтами, называть ли ее матерью Времени или дочерью²⁴², но пусть будет как им

²³⁵ Монодия (μονωδία) – краткая патетическая декламация в конце надгробной речи; иногда самостоятельный и тоже небольшой по объему «плач».

²³⁶ Имеется в виду, что Беотия, где в 479 до н.э. при Платеях греки одержали одну из решающих побед над персами, стала местом их сокрушительного поражения при Херонее (338 до н.э.); македоняне, хотя не совсем греки, считались не варварами, а инородцами – «варварами» их ругали.

²³⁷ Трудно сказать, с каким историческим эпизодом связана эта гипотеза: аркадяне часто бывали наемниками в войнах между греками (cf. Xen. Hell. VII. 1. 23).

²³⁸ То есть «от рассвета до полудня», из чего следует, что говорить без подготовки Дионисий тоже не умел; подробнее об импровизациях Исея см. «Флавий Филострат и его софисты», разд. 3.

²³⁹ Халдеи славились своими достижениями в астрологии и пр. магических искусствах.

τὸν Δημοσθένην τὸν μετὰ Χαιρώνειαν προσαγγέλλοντα¹ τῇ βουλῇ ἑαυτὸν ἐς τήνδε τὴν μονωδίαν τοῦ λόγου ἐτελεύτησεν· “ὦ Χαιρώνεια πονηρὸν χωρίον.” καὶ πάλιν “ὦ αὐτομολήσασα πρὸς τοὺς βαρβάρους Βοιωτία. στενάξατε οἱ κατὰ γῆς ἥρωες, ἐγγὺς Πλαταιῶν νενικήμεθα.” καὶ πάλιν ἐν τοῖς κρινομένοις ἐπὶ τῷ μισθοφορεῖν Ἀρκάσιν “ἀγορὰ πολέμου πρόκειται καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων κακὰ τὴν Ἀρκαδίαν τρέφει.” καὶ “ἐπέρχεται πόλεμος αἰτίαν οὐκ ἔχων.”

Τοιάδε μὲν ἡ ἐπίπαν ἰδέα τοῦ Διονυσίου, καθ’ ἣν τὰ τῆς μελέτης αὐτῷ προὔβαινεν ἐπισκοπούμενῳ καιρόν, ὅσον περ ὁ Ἰσαῖος, ὁ δὲ λόγος ὁ περὶ τοῦ Διονυσίου λεγόμενος, ὡς Χαλδαίοις τέχναις τοὺς ὁμιλητὰς τὸ μνημονικὸν (523) ἀναπαιδεύοντος πόθεν εἴρηται, ἐγὼ δηλώσω· τέχναι μνήμης οὔτε εἰσὶν οὔτ’ ἂν γένοιτο, μνήμη μὲν γὰρ δίδωσι τέχνας, αὐτὴ δὲ ἀδίδακτος καὶ οὐδεμιᾶ τέχνη ἀλωτός, ἔστι γὰρ πλεονέκτημα φύσεως ἢ τῆς ἀθανάτου ψυχῆς μοῖρα. οὐ γὰρ

¹ προσαγγέλλοντα Cobet; προσαγαγόντα Va; προσάγοντα cett.

²⁴⁰ В действительности мнемоника у греков существовала, ее изобретение приписывалось еще Симониду Кеосскому (VI–V вв. до н.э.); ср. также Rhet. Her. III. 28–40; Cic. De orat. II. 350–360 и др.: это не первый и не последний случай, когда Филострат не знает широко известного; отсюда можно заключить также, что сам он мнемонике не учился и что даже на высших ступенях образования мнемонику не преподавали, она оставалась «для любителей».

²⁴¹ То есть вечноживым после смерти создателя – как, например, поэмы Гомера.

²⁴² В теогонии Мнемосина – мать Муз, о ее собственной матери сведений нет. Время у греков не персонифицировалось, Хронос изображается богом только у орфиков, так что можно предположить здесь намек на несохранившийся гимн к Памяти, якобы сложный Аполлоном Тианским (VA I. 14) – неопифагорейская традиция нередко пересекалась с орфической.

угодно. Да и кто из причисленных к мудрым столь глуп в отношении своей же славы, чтобы, напуская чары на молодежь, порочить преподанное по всем правилам? Так откуда же у его учеников сия памятьливость? А оттуда, что речи Дионисия были для них источником неиссякаемого наслаждения, и ему приходилось часто повторять оные, ибо знал, как рады юноши послушать, а тут уж самые понятливые запечатлевали словеса сии в уме и передавали другим, усвоив скорее упражнением, нежели памятью – вот и говорили о них, что памятьливы и соделали запоминание (524) искусством²⁴³, и потому-то иные утверждают, что речи Дионисия собраны по зернышку: мол, каждый добавил от себя там, где тот выразился кратко²⁴⁴.

Города, дивившиеся мудрости Дионисия, удостоили его великих почестей, кесарь же Адриан – величайших, ибо назначил сатрапом²⁴⁵ стран отнюдь не безвестных и причислил к казенным всадникам²⁴⁶, а также к кормящимся от Мусея, а сей Мусей – египетская трапеза, к коей приглашаются знаменитые

²⁴³ Отсюда следует, что выше Филострат подразумевает под запоминанием только запоминание с первого раза и поэтому, конечно, с помощью особых приемов; запоминание повторением (на этом основана зубрежка) особой мнемонической техники не предполагает.

²⁴⁴ Вероятно, речи Дионисия были его учениками изданы – но по памяти, то есть не совсем точно, хотя эту ненамеренную неточность Филострат не осуждает (ср. «исправленного Никета» – I. 19. 512).

²⁴⁵ Вероятно, имеется в виду должность прокуратора (в надписи IEphe 3047 Дионисий назван ΔΙΣ ΕΠΙΤΡΟΠΟΝ ΤΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ – «дваж-

ἂν ποτε ἀθάναταⁱ νομισθεῖη τὰ ἀνθρώπεια, οὐδὲ διδασκὰ, ἃ ἐμάθομεν, εἰ <μὴ>ⁱⁱ μνήμη συνεπολιτεύετο ἀνθρώποις, ἦν εἴτε μητέρα δεῖ χρόνου καλεῖν, εἴτε παῖδα, μὴ διαφερώμεθα πρὸς τοὺς ποιητάς, ἀλλ' ἔστω, ὅ τι βούλονται. πρὸς δὲ τούτοις τίς οὕτως εὐήθης κατὰ τῆς ἑαυτοῦ δόξης ἐν σοφοῖς γραφόμενος, ὥς γοητεύων ἐν μειρακίοις διαβάλλειν καὶ ἃ ὀρθῶς ἐπαιδεύθη; πόθεν οὖν τὸ μνημονικὸν τοῖς ἀκρωμένοις; ἅπληστα τὴν ἡδονὴν ἐδόκει τὰ τοῦ Διονυσίου καὶ πολλάκις ἐπαναλαμβάνειν αὐτὰ ἡναγκάζετο, ἐπειδὴ ξυνίει σφῶν χαιρόντων τῇ ἀκροάσει.

οἱ δὲ εὐμαθέστεροι τῶν νέων ἐνετυποῦντο αὐτὰ ταῖς γνώμαις καὶ ἀπήγγελλον ἑτέροις μελέτη μᾶλλον ἢ μνήμη ξυνειληφότες, ὅθεν μνημονικοὶ τε ὠνομάζοντο καὶ τέχνην αὐτὸ πεποιημένοι. (524) ἔνθεν ὀρμώμενοί τινες τὰς τοῦ Διονυσίου μελέτας ἐσπερματολογῆσθαι φασιν, ὥς δὲ ἄλλο ἄλλου ξυνενεγκόντων ἐς αὐτάς, ἐν ᾧ ἐβραχυλόγησεν.

Μεγάλων μὲν οὖν ἡξιοῦτο καὶ τῶν πόλεων, ὅποσαι αὐτὸν ἐπὶ σοφίᾳ ἐθαύμαζον, μεγίστων δὲ ἐκ βασιλέως Ἀδριανὸς γὰρ σατράπην μὲν αὐτὸν ἀπέφηνεν οὐκ ἀφανῶν ἐθνῶν, <ἐγ>κατέλεξεⁱⁱⁱ δὲ τοῖς δημοσίαις ππεύουσι καὶ τοῖς ἐν τῷ Μουσεῖῳ

ⁱ ἀθάνατα Jahn; θνητὰ mss.

ⁱⁱ addidit Cobet

ⁱⁱⁱ κατέλεξε mss, ἐγκατέλεξε Valckenaer

ды прокуратор Августа»); сатрапами наместники провинций назывались у персов, но деление на сатрапии сохранилось и в эллинистических царствах, так что Филострат следует здесь давней традиции, вероятно, воспринимаемой им как аттическая («сатрап» в значении «наместник» используется и другими софистами).

²⁴⁶ При Империи equites equo publico денег на покупку боевого коня уже не получали, звание давало им только почет – впрочем, доступный конвертации.

мужи со всей земли²⁴⁷. Посетив множество городов и узнавши множество народов, он, однако, ни разу не навлек на себя обвинения в распущенности или заносчивости, будучи в высшей степени воздержан и уравновешен. А кто приписывает ему «Араспа, любовника Панфеи»²⁴⁸, не слыхал ни о мерностях²⁴⁹ Дионисия, ни вообще об изложении, да и в искусстве построения энтимем²⁵⁰ несведущ, ибо труд сей – не Дионисия, но Келера, сочинителя пособия, а сему Келеру, хоть и был он у государя отличный письмоводитель²⁵¹, недоставало умения произносить речи; а с Дионисием, кстати, он не ладил с юных лет.

Нельзя мне пренебречь и тем, что слыхал я от Аристия, почтеннейшего летами эллина моего времени, больше всех знающего о софистах. Когда Дионисий во всем блеске своей славы уже старился, Полемон же близился к расцвету, а с Дионисием знаком еще не был, отправился он в Сарды вести дело предста мужами, кои были судьями Лидии²⁵². А Дионисий, прибыв накануне вечером в Сарды, спросил своего (525) гостеприим-

²⁴⁷ Мусей был основан Птолемеем I, им же был введен статус «члена-корреспондента», когда числящийся сотрудником Мусея не работал в Библиотеке и даже не жил в Александрии, но получал содержание и привилегии наравне с александрийскими служащими; кесарь мог даровать эту привилегию без постановления Сената, так как Египет был его личным владением (ср. I. 25. 532–533 и прим.).

²⁴⁸ Популярный сюжет из «Киропедии»: во время войны с правителем Сусианы Абрадатом Кир Старший взял в плен его жену Панфею и поручил своему другу Араспу ее охранять; Арасп влюбился в Панфею, но она его отвергла и пожаловалась Киру – тот заступился, а она в благодарность уговорила мужа перейти на его сторону; позднее Абрадат погиб в войне Кира с Крёзом, а верная Панфея покончила с собой (Хен. Сут. V. 1. 2–18; VI. 1. 31–51; VII. 1. 29–32, 3. 2–14; cf. Philostr. Im. II.9).

²⁴⁹ Мерности (ῥυθμοί) – ритмическая организация речи, определяемая последовательностью слогов и ударений при отсутствии регулярного метра, т. е. прозаическая.

σιτουμένοις, τὸ δὲ Μουσεῖον τράπεζα Αἰγυπτία ζυγκαλοῦσα τοὺς ἐν πάσῃ τῇ γῇ ἐλλογίμους. πλείστας δὲ ἐπελθὼν πόλεις καὶ πλείστοις ἐνομιλήσας ἔθνεσινⁱ οὔτε ἐρωτικήν ποτε αἰτίαν ἔλαβεν οὔτε ἀλαζόνα ὑπὸ τοῦ σωφρονέστατός τε φαίνεσθαι καὶ ἐφεστηκώς. οἱ δὲ ἀνατιθέντες Διονυσίῳ τὸν Ἀράσπαν τὸν τῆς Πανθείας ἐρῶντα ἀνήκοι μὲν τῶν τοῦ Διονυσίου ῥυθμῶν, ἀνήκοι δὲ τῆς ἄλλης ἐρμηνείας, ἅπειροι δὲ τῆς τῶν ἐνθυμημάτων τέχνης· οὐ γὰρ Διονυσίου τὸ φρόντισμα τοῦτο, ἀλλὰ Κέλερος τοῦ τεχνογράφου, ὃ δὲ Κέλερ βασιλικῶν μὲν ἐπιστολῶν ἀγαθὸς προστάτης, μελέτη δὲ οὐκ ἀποχρῶν, Διονυσίῳ δὲ τὸν ἐκ μειρακίου χρόνον διάφορος.

Μηδ' ἐκεῖνα παρείσθω μοι Ἀρισταίου γε ἡκροαμένῳ αὐτὰ πρεσβυτάτου τῶν κατ' ἐμὲ Ἑλλήνων καὶ πλείστα ὑπὲρ σοφιστῶν εἰδότος· ἐγήρασκε μὲν ὁ Διονύσιος ἐν δόξῃ λαμπρᾷ, παρήει δ' ἐς ἀκμὴν ὁ Πολέμων οὕπῳ γιγνωσκόμενος τῷ Διονυσίῳ καὶ ἐπεδήμει ταῖς Σάρδεσι ἀγορεύωνⁱⁱ δίκην ἐν τοῖς ἑκατὸν ἀνδράσιν, ὑφ' ὧν (525) ἐδίκαιοῦτο ἡ Λυδία.

ⁱ ἔθνεσιν Callistius et Kayser, ἤθεσιν mss

ⁱⁱ ἀγορεύων Cobet; ἀγορεύων mss.

²⁵⁰ Энтимéма или «риторический силлогизм» – умозаключение с выпущенной (подразумеваемой) посылкой или заключением; в отличие от полного силлогизма энтимема должна быть не доказательной, а убедительной.

²⁵¹ Magister epistularum был начальником канцелярии (scrinium ab epistulis), где составлялись ответы (rescripta) на просьбы (preces) граждан, а также доклады (relationes), предложения (suggestiones) и запросы (consultationes) нижестоящих чиновников; для греческих областей Империи был отдельный scrinium ab epistulis Graecis, который нередко возглавляли софисты – не только Келер, но и Александр (II. 5. 570), Адриан (II. 10. 590), Антипатр (II. 24. 607) и Аспасий (II. 33. 628).

²⁵² Центумвиры (centumviri) – коллегия судей, ведению которой подлежали гражданские дела о римской собственности, преимущественно наследственной (подробнее см. Cic. De orat. I. 173); римская собственность имелась и в провинциях, поэтому в данном случае центумвиры заседают в Лидии.

ца, критика²⁵³ Дориона: «Скажи-ка, Дорион, зачем здесь Полемон?» А Дорион: «Богатейший гражданин Лидии, имение коего в опасности, призвал Полемона из Смирны защитником, посулив ему в награду два таланта²⁵⁴, – завтра он будет участвовать в тяжбе». А Дионисий: «Вот так подарок судьбы, если удастся мне послушать Полемона, я ведь пока ни разу не видел его в деле». А Дорион: «Похоже, беспокоит тебя этот парень: уже такое имя себе сделал». А Дионисий: «Да он мне просто спать не дает, Афиною клянусь! У меня сердце и ум прямо-таки трепещут, едва представлю, сколько у него хвалителей и как одним уста его мнятся о дюжине плотов²⁵⁵, а другие язык его мерят локтями, точно разлил Нила. Исцелил бы ты меня от этой заботы – сказал бы, какие достоинства и недостатки видишь у него и какие у меня». Дорион весьма благоразумно возразил: «О себе и о нем ты, Дионисий, сам рассудишь гораздо лучше, ибо благодаря твоей мудрости способен и себя самого знать, и о другом не заблуждаться». Итак, Дионисий послушал тяжущегося Полемона и, покидая судилище, заметил: «Есть у атлета сила, да не из палестры»²⁵⁶. Полемон же, как услышал сие, пришел

²⁵³ В древности знатоки и комментаторы текстов обычно назывались критиками; александрийские филологи предпочли название «грамматики», которое и вошло в обиход, но у поздних авторов (в т.ч. Филострата) «критик» в употреблении сохраняется; см. также I. 25. 538, II. 1. 564, II. 33. 627.

²⁵⁴ Как раз в I–II вв. н.э. римская адвокатура совершенно уподобилась современной (континентальной): различия между *advocatus*, *orator*,

ἐσπέρας οὖν ἐς τὰς Σάρδεις ἦκων ὁ Διονύσιος ἤρετο Δωρίωνα τὸν κριτικὸν ξένον ἑαυτοῦ· “εἰπέ μοι,” ἔφη “ὦ Δωρίων, τί Πολέμων ἐνταῦθα;” καὶ ὁ Δωρίων “ἀνὴρ” ἔφη “πλουσιώτατος τῶν ἐν Λυδία κινδυνεύων περὶ τῆς οὐσίας ἄγει συνήγορον τὸν Πολέμωνα ἀπὸ τῆς Σμύρνης πείσας διταλάντῳ μισθῷ, καὶ ἀγωνιεῖται τὴν δίκην αὔριον.” καὶ ὁ Διονύσιος “οἷον” ἔφη “ἔρμαιον εἴρηκας, εἰ καὶ ἀκοῦσαί μοι ἔσται Πολέμωνος οὕτω ἐς πείραν αὐτοῦ ἀφιγμένῳ.” “ἔοικεν” εἶπεν ὁ Δωρίων “στρέφειν σε ὁ νεανίας ἐς ὄνομα ἤδη προβαίνων μέγα.” “καὶ καθεύδειν γε οὐκ ἔα, μὰ τὴν Ἀθηνᾶν,” ἦ δ’ ὁ Διονύσιος “ἀλλ’ ἐς πῆδησιν ἄγει τὴν καρδίαν καὶ τὴν γνώμην ἐνθυμουμένῳ, ὥς πολλοὶ οἱ ἐπαινέται αὐτοῦ, καὶ τοῖς μὲν δωδεκάκρουνοσⁱ δοκεῖ τὸ στόμα, οἱ δὲ καὶ πῆχεσι διαμετροῦσιν αὐτοῦ τὴν γλῶτταν, ὥσπερ τὰς τοῦ Νείλου ἀναβάσεις. σὺ δ’ αὖⁱⁱ ταύτην ἰάσαιό μοι τὴν φροντίδα εἰπών, τί μὲν πλέον, τί δὲ ἦττον ἐν ἐμοί τε κἀκεῖνῳ καθεώρακας.” καὶ ὁ Δωρίων μάλα σωφρόνως “αὐτός,” εἶπεν “ὦ Διονύσιε, σεαυτῷ τε κἀκεῖνῳ δικάσεις ἄμεινον, σὺ γὰρ ὑπὸ σοφίας οἷος σαυτὸν τε γινώσκεις, ἕτερόν τε μὴ ἀγνοῆσαι.” ἤκουσεν ὁ Διονύσιος ἀγωνιζομένου τὴν δίκην καὶ ἀπιὼν τοῦ δικαστηρίου “ἰσχὺν” ἔφη “ὁ ἀθλητῆς ἔχει, ἀλλ’ οὐκ ἐκ παλαιστρας.” ταῦτα ὥς ἤκουσεν ὁ Πολέμων, ἦλθε μὲν ἐπὶ θύρας τοῦ Διονυσίου

ⁱ δωδεκάκρουνον Cobet

ⁱⁱ ἄν Cobet

causidicus и т.п. стирались, адвокаты стали получать за свои услуги вознаграждение – иногда значительное, как в данном случае (о таланте см. прим. к I. 21. 521).

²⁵⁵ Цитата из древнего (520–423 до н.э.) комедиографа Кратина (Cratin. frg. 186).

²⁵⁶ Палестра здесь – метафора выучки (о смирнейских софистах см. I. 19. 511 и прим.).

к дверям Дионисия и обещал сказать речь, когда же Дионисий явился, говорил отлично, (526) а затем приблизился и, словно при начале борьбы, упершись плечом в плечо, весьма кстати припомнил шутку: «Была, была и у милетян силушка»²⁵⁷.

Пусть вся земля – славных могила²⁵⁸, гробница Дионисия находится в славнейшем на земле Эфесе, ибо похоронен он на майдане, в главнейшем месте города, где скончался, хотя прежде того учил на Лесбосе.

23. Лоллиан Эфесский²⁵⁹ первый был назначен у афинян главою софистов²⁶⁰, а еще воеводою латников: сей сановник встарь верстал и вел на войну войско, ныне же заботится о продовольствии и о хлебных торгах²⁶¹. Однажды, когда в хлебных рядах случились беспорядки и афиняне порывались побить Лоллиана камнями, Пес²⁶² Панкрат, что позднее любомудрствовал на Истме, вышел к ним и сказал: «Лоллиан не хлебом торгует, а словами», до того их смутив, что уронили камень, кои держали уже в руках. А когда как-то раз прибыл корабль с хлебом из

²⁵⁷ Эту поговорку (cf. Anacr. frg. 81; Timocr. frg. 7; Aristoph. Plut. 1002, 1075; Aristoph. Vesp. 1060–1061; Diod. X. 25), объясняет Афиной: некогда милетяне были настолько сильны, что успешно ходили на скифов, но со временем впали в изнеженность и силу утратили (Athen. XII. 26); в одном из схолиев к Аристофану (Schol. Aristoph. Plut. 1002) источником этого trimetra назван оракул, полученный то ли самосским тираном Поликратом, то ли карийцами, искавшими себе союзников.

²⁵⁸ Thuc. II. 43 (из речи Перикла).

²⁵⁹ Пс.-Лукиан (Anth. XI. 274) высмеивает словоохотливость Лоллиана; в словаре аттикиста Фриниха (II в. н.э.) его словоупотребление трижды приводится в пример как нежелательное; по сохранившимся фрагментам видно, что Лоллиан был любителем пышного слога; в Суде сообщается о многих его трудах (Sud. Λ 670), однако его пособия

μελέτην αὐτῷ ἐπαγγέλλων, ἀφικομένου δὲ διαπρεπῶς ἀγωνιζόμενος προσῆλθε τῷ Διονυσίῳ (526) καὶ ἀντερείσας τὸν ὦμον, ὥσπερ οἱ τῆς σταδιαίας πάλης ἐμβιβάζοντες, μάλα ἀστείως ἐπετώθασεν εἰπὼν

“ἦσάν ποτ’, ἦσαν ἄλκιμοι Μιλήσιοι.”

Ἀνδρῶν μὲν οὖν ἐπιφανῶν πᾶσα γῆ τάφος, Διονυσίῳ δὲ σῆμα ἐν τῇ ἐπιφανεστάτῃ Ἐφέσῳ, τέθαπται γὰρ ἐν τῇ ἀγορᾷ κατὰ τὸ κυριώτατον τῆς Ἐφέσου, ἐν ᾗ κατεβίω παιδεύσας τὸν πρῶτον βίον ἐν τῇ Λέσβῳ.

κγ’. Λολλιανὸς δὲ ὁ Ἐφέσιος προὔστη μὲν τοῦ Ἀθήνησι θρόνου πρῶτος, προὔστη δὲ καὶ τοῦ Ἀθηναίων δήμου στρατηγήσας αὐτοῖς τὴν ἐπὶ τῶν ὅπλων, ἡ δὲ ἀρχὴ αὕτη πάλαι μὲν κατέλεγέ τε καὶ ἐξῆγεν ἐς τὰ πολέμια, νυνὶ δὲ τροφῶν ἐπιμελεῖται καὶ σίτου ἀγορᾶς. θορύβου δὲ καθεστηκότος παρὰ τὰ ἀρτοποιία καὶ τῶν Ἀθηναίων βάλλειν αὐτὸν ὠρμηκότων Παγκράτης ὁ κύων ὁ μετὰ ταῦτα ἐν Ἰσθμῷ φιλοσοφήσας παρελθὼν ἐς τοὺς Ἀθηναίους καὶ εἰπὼν “Λολλιανὸς οὐκ ἔστιν ἀρτοποιῆς, ἀλλὰ λογοπώλης” διέχεεν οὕτω τοὺς Ἀθηναίους, ὥς μεθεῖναι τοὺς λίθους διὰ χειρὸς αὐτοῖς ὄντας, σίτου δὲ ἐκ

по риторике, популярные вплоть до V в. н.э., до нас не дошли; среди учеников Лоллиана были Феодот (II. 2) и Филагр (II. 8).

²⁶⁰ Первая кафедра красноречия была учреждена в Афинах в конце правления Адриана или же в начале правления Антонина Пия, т.е. ок. 140 н.э.

²⁶¹ В классическую эпоху должность гоплитарха была военной (он отвечал за ведение боевых действий на чужой территории и за подготовку эфэбов), но при римлянах стала интендантской и называлась *curator annonae* (смотритель припасов) – однако по-гречески сохраняла прежнее название.

²⁶² Основоположник кинической философии Антисфен называл себя Псом: мотивировки этого в традиции варьируются, но так или иначе по Антисфену школа его называлась кинической, а философы этой школы именовались Псы, а не киники (букв. «песьи»), как это принято теперь.

Фессалии, у народа же не было денег заплатить, Лоллиан поручил ученикам устроить складчину, и денег достало с избытком, и сие являет его сметливым и (527) мудрым в управлении, а вот последующее – справедливым и благоразумным, ибо деньги сии вернул он ученикам, снизив плату за уроки.

Он почитался искуснейшим и разумнейшим в построении эпихерем²⁶³, а сие требует изощренности мысли, а еще, умелый в изложении, не излишествовал он в замысле и в соположении²⁶⁴ частей оного. Пышность в его речах мелькает и исчезает, словно блеснула молния, и так везде, а особенно вот где: обвиняя Лептина за закон, из-за коего хлеб из Понта не прибыл к афинянам, он возопил: «Заткнут рот Понта законом, и несколько слов отняли у афинян пищу! Равно сильны Лисандр, победитель морей, и Лептин, победитель законов»²⁶⁵. А афинянам, намеревавшимся из-за нехватки денег продать острова²⁶⁶, он с воодушевлением возразил: «Заberi, Посейдон, у Делоса милость, дай бежать от торгов!»²⁶⁷ Без подготовки говорил он

²⁶³ Эпихерема – риторический силлогизм, посылками которого являются *энтимемы*; ср. II. 33. 628.

²⁶⁴ Соположение, *dispositio* (τάξις) – последовательность аргументации как во всей речи, так и в любой ее части.

²⁶⁵ Лептин – герой речи Демосфена «Против Лептина» (ок. 355 до н.э.), проводивший закон о массовой отмене налоговых льгот; пострадал от этого и правитель Боспора Киммерийского Левкон, обладавший в Афинах гражданскими правами. Демосфен предупреждает (а Лоллиан изображает как реальность; ср. RhG IX. 496), что в ответ

Θετταλίας ἐσπεπλευκότος καὶ χρημάτων δημοσίᾳ οὐκ ὄντων ἐπέτρεψεν ὁ Λολλιανὸς ἔρανον τοῖς αὐτοῦ γνωρίμοις, καὶ χρήματα συχνὰ ἡθροίσθη. καὶ τοῦτο μὲν ἀνδρὸς εὐμηχάνου δόξει καὶ (527) σοφοῦ τὰ πολιτικά, ἐκεῖνο δὲ δικαίου τε καὶ εὐγνώμονος· τὰ γὰρ χρήματα ταῦτα τοῖς ξυμβαλομένοις ἀπέδωκεν ἐπανεῖς τὸν μισθὸν τῆς ἀκροάσεως.

Ἔδοξε δὲ ὁ σοφιστῆς οὗτος τεχνικώτατός τε καὶ φρονιμώτατος τὸ ἐπιχειρηματικὸν ἐν ἐπινοίᾳ τεχνικῇ κείμενον ἱκανῶς ἐκπονῆσαι, καὶ ἐρμηνεύσαι μὲν ἀποχρῶν, νοῆσαι δὲ καὶ τὰ νοηθέντα τάξαι ἀπέρिटτος. διαφαίνονται δὲ τοῦ λόγου καὶ λαμπρότητες λήγουσαι ταχέως, ὥσπερ τὸ τῆς ἀστραπῆς σέλας. δηλοῦται δὲ τοῦτο ἐν πᾶσι μὲν, μάλιστα δὲ ἐν τοῖσδε· κατηγορῶν μὲν γὰρ τοῦ Λεπτίνου διὰ τὸν νόμον, ἐπεὶ μὴ ἐφοίτα τοῖς Ἀθηναίοις ἐκ τοῦ Πόντου σῖτος, ὧδε ἤκμασεν· “κέκλεισται τὸ στόμα τοῦ Πόντου νόμῳ καὶ τὰς Ἀθηναίων τροφὰς ὀλίγαι κωλύουσι συλλαβαί, καὶ ταῦτὸν δύναται Λύσανδρος ναυμαχῶν καὶ Λεπτίνης νομομαχῶν”.

ἀντιλέγων δὲ τοῖς Ἀθηναίοις ἀπορίᾳ χρημάτων βουλευομένοις πωλεῖν τὰς νήσους ὧδε ἔπνευσεν· “λύσον, ὦ Πόσειδον, τὴν ἐπὶ Δήλῳ χάριν, συγχώρησον αὐτῇ

Левкон может ограничить поставки зерна и вызвать в городе проблемы с продовольствием (Dem. XX. 30–40); из имеющихся свидетельств неясно, добился ли Демосфен своего, но софисты римского времени обращались к этой теме нередко – в частности, сохранились речи за и против Лептина, приписываемые Элию Аристиду.

²⁶⁶ Исторический повод к созданию этой гипотезы неизвестен.

²⁶⁷ В «оное время» остров Астерия (или Ортигия) был блуждающим, но после рождения там Аполлона и Артемиды остановился и получил новое имя – Делос (Pind. frg. 33, Call. Del. 30–40, 51–54 и др.).

наподобие Исея, у коего учился²⁶⁸, сам же взимал щедрую плату, когда выступал не только с речами, но и с наставлениями. В Афинах есть два его изваяния: одно на майдане²⁶⁹ и другое в рощице, которую, говорят, он же и вырастил.

24. Не умолчу и о византийском софисте *Марке*²⁷⁰, коим могу попрекнуть эллинов, (528) коли был он таков, каким я его представляю, и все же не снискал подобающей ему славы. Род сего Марка восходит к древнему Византу; отец его был ему тезка и владел ватагою рыбаков в Гиероне – это близ выхода из Понта. Учителем его был Исей, перенятую от коего естественность изложения принарядил он и приукрасил приятностью. Наилучший пример слога Марка – «спартиат, советующий лакедемонянам не принимать вернувшихся со Сфактерии без ничего», а начало там такое: «Наверное, лакедемонянин, сохранивший щит до старости, охотно убил бы сих голодранцев»²⁷¹. Каков был сей муж в разглаголах, можно уяснить из следующего: уча об искусстве софистов, что оно, мол, богато и разнообразно, в пример он привел радугу и приступил к разглаголу

²⁶⁸ По утверждению Филострата, Исей говорить без подготовки не умел и обдумывал речи с утра до обеда (I. 20. 514); не меньше якобы готовился и его ученик Дионисий (I. 22. 522–523), который, стало быть, тоже не умел говорить без подготовки, а Лоллиан умел, мало того, импровизировал «наподобие Исея, у коего учился». Это несомненное противоречие разрешается лишь тем, что в действительности Исей, как мы знаем из письма Плиния, был превосходным импровизатором, а его ученик Лоллиан импровизировал сходно (как, вероятно, и Дионисий) – но Лоллиан учил в Афинах и умолчать о его импровизациях Филострат не мог и не хотел.

²⁶⁹ Сохранилось подножие этой статуи со стихотворной надписью,

πωλουμένη φυγεῖν.” ἐσχεδίαζε μὲν οὖν κατὰ τὸν Ἰσαῖον, οὗ δὴ καὶ ἡκροάσατο, μισθοὺς δὲ γενναίους ἐπράττετο τὰς συνουσίας οὐ μελετηρὰς μόνον, ἀλλὰ καὶ διδασκαλικάς παρέχων. εἰκόνες δὲ αὐτοῦ Ἀθήνησι μία μὲν ἐπ’ ἀγορᾶς, ἑτέρα δὲ ἐν τῷ ἄλλοι τῷ μικρῷ, ὃ αὐτὸς λέγεται ἐκφυτεῦσαι.

κδ’. Οὐδὲ τὸν Βυζάντιον σοφιστὴν παραλείψω Μάρκον, ὑπὲρ οὗ κἂν ἐπιπλήξαιμι τοῖς Ἑλλήσιν, (528) εἰ τοιόσδε γενόμενος, ὅποιον δηλώσω, μήπω τυγχάνοι τῆς ἑαυτοῦ δόξης. Μάρκῳ τοίνυν ἦν ἀναφορὰ τοῦ γένους ἐς τὸν ἀρχαῖον Βύζαντα, πατὴρ δὲ ὁμώνυμος ἔχων θαλαττουργοὺς οἰκέτας ἐν Ἰερῷ, τὸ δὲ Ἰερὸν παρὰ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Πόντου. διδάσκαλος δὲ αὐτοῦ Ἰσαῖος ἐγένετο, παρ’ οὗ καὶ τὸ κατὰ φύσιν ἐρμηνεύειν μαθὼν ἐπεκόσμησεν αὐτὸ ὠραισμένην πρᾶοτητι. καὶ παράδειγμα ἱκανώτατον τῆς Μάρκου ιδέας ὁ Σπαρτιάτης ὁ ξυμβουλευὼν τοῖς Λακεδαιμονίοις μὴ παραδέχεσθαι τοὺς ἀπὸ Σφακτηρίας γυμνοὺς ἦκοντας. τῇσδε γὰρ τῆς ὑποθέσεως ἤρξατο ὧδε· “ἀνὴρ Λακεδαιμόνιος μέχρι γήρως φυλάξας τὴν ἀσπίδα ἡδέως μὲν ἂν τοὺς γυμνοὺς τούτους ἀπέκτεινα.” ὅστις δὲ καὶ τὰς διαλέξεις ὅδε ὁ ἀνὴρ ἐγένετο, ξυμβαλεῖν ἔστιν ἐκ τῶνδε· διδάσκων γὰρ περὶ τῆς τῶν σοφιστῶν τέχνης, ὡς πολλὴ καὶ ποικίλη, παράδειγμα τοῦ

прославляющей судебные и показательные речи Лоллиана (IG III. 625), а в Эфесе сохранилась надпись в честь его дочери – жрицы в знаменитом храме Артемиды (IEphes 984).

²⁷⁰ Существует гипотеза (правда, довольно шаткая), что этот софист идентичен видному чиновнику Меммию Марку, известному по монетам времен Антонина, Марка и Коммода (Sboronos 1889: 69–116) и по одному надгробию (Robert J. et L. // BE 1968: 342).

²⁷¹ В 425 до н.э. в ходе Пелопоннесской войны спартанцы, пытаясь занять о-в Сфакторию, потерпели от афинян сокрушительное поражение, так что множество их оказалось в плену; за это они якобы были позднее поражены в гражданских правах (Thuc. V. 34).

так: «Зревший радугу в одном цвете не понимает, чему тут дивятся, а как узрит, сколькие в ней цвета, дивится пуще прочих». Кто приписывает сей разглагол стоику Алкиною²⁷², погрешает и против слога, и против правды – лишь несправедливейшие из людей отнимают у софиста его достояние.

Выражение бровей и дума на челе выдавали в Марке софиста, ибо всегда находилось у него, о чем поразмыслить и в чем усовершенствоваться для улучшения речей без подготовки; являлось сие и в выражении глаз, всегда устремленных к неизреченным мыслям, да он и сам в том признавался, ибо, когда кто-то из друзей спросил, каково он выступил вчера, Марк отвечал: «Пред самым собой неплохо, а вот (529) пред учениками неважно». Тот удивился ответу, а Марк: «И в молчании я тружусь над двумя или тремя ипотезами вдобавок к той одной, которую разбираю прилюдно»²⁷³.

Борода его и власы были неопрятны, и посему многим он казался чересчур мужиковат для ученого мужа²⁷⁴. Так же отнесся к нему и софист Полемон: как-то раз, когда, будучи уже славен, зашел он на его урок и явившиеся послушать расселись, один из бывавших в Византии узнал его и шепнул соседу, а тот своему, и так повсюду разнеслось, что здесь тот самый византийский софист, – и когда Полемон попросил предмет для речи,

²⁷² Филострат ошибочно называет здесь стоиком платоника Алкиноя, чей слог, разумеется, не был софистическим, хотя именно у Платона сказано: «Удивление – чувство, в высшей степени присущее философу, ибо у философии нет иного начала, кроме удивления, так что недурное родословие, думаю, сочинил тот, кто назвал Радугу порождением Дивящегося» (Plat. Tht. 155 D; здесь имя Тавманта, отца Ириды, возводится к

λόγου τὴν ἴριν ἐποίησατο καὶ ἤρξατο τῆς διαλέξεως ὧδε· “ὁ τὴν ἴριν ἰδὼν, ὡς ἔν χρωμα, οὐκ εἶδεν, ὡς θαυμάσαι, ὁ δέ, ὅσα χρώματα, μάλλον ἐθαύμασεν.”

οἱ δὲ τὴν διάλεξιν ταύτην Ἀλκινόω τῷ Στωικῷ ἀνατιθέντες διαμαρτάνουσι μὲν ιδέας λόγου, διαμαρτάνουσι δὲ ἀληθείας, ἀδικώτατοι δ’ ἀνθρώπων εἰσὶ προσαφαιρούμενοι τὸν σοφιστὴν καὶ τὰ οἰκεῖα.

Τὸ δὲ τῶν ὀφρύων ἦθος καὶ ἡ τοῦ προσώπου σύννοια σοφιστὴν ἐδήλου τὸν Μάρκον, καὶ γὰρ ἐτύγχανεν αἰεὶ τι ἐπισκοπῶν τῇ γνώμῃ καὶ ἀναπαιδεύων ἑαυτὸν τοῖς ἐς τὸ σχεδιάζειν ἄγουσι. καὶ τοῦτο ἐδηλοῦτο μὲν τῇ τῶν ὀφθαλμῶν στάσει πεπηγότων τὰ πολλὰ ἐς ἀπορρήτους ἐννοίας, ὠμολογήθη δὲ καὶ ὑπὸ τοῦ ἀνδρός· ἐρομένου γάρ τινος αὐτὸν τῶν ἐπιτηδείων, ὅπως χθὲς ἐμελέετα “ἐπ’ ἑμαυτοῦ μὲν” ἔφη “λόγου ἀξίως, ἐπὶ δὲ τῶν (529) γνωρίμων ἦττον.” θαυμάσαντος δὲ τὴν ἀπόκρισιν “ἐγὼ” ἔφη ὁ Μάρκος “καὶ τῇ σιωπῇ ἐνεργῶ χρωμαὶ καὶ γυμνάζουσί με δύο ὑποθέσεις καὶ τρεῖς ὑπὸ τὴν μίαν, ἣν ἐς τὸ κοινὸν ἀγωνίζομαι.” γενειάδος δὲ καὶ κόμης αὐχμηρῶς εἶχεν, ὅθεν ἀγροικότερος ἀνδρὸς πεπνυμένου ἐδόκει τοῖς πολλοῖς. τουτὶ δὲ καὶ Πολέμων ὁ σοφιστὴς πρὸς αὐτὸν ἔπαθεν· παρῆλθε μὲν γὰρ ἐς τὴν τοῦ Πολέμωνος διατριβὴν ὀνομαστός ἤδη ὢν, ξυγκαθημένων δὲ τῶν ἐς τὴν ἀκρόασιν ἀπηντηκότων ἀναγνούς τις αὐτὸν τῶν ἐς τὸ Βυζάντιον πεπλευκότων διεμήνυσε τῷ πέλας, ὁ δὲ τῷ πλησίον, καὶ διεδόθη ἐς πάντας, ὅτι ὁ Βυζάντιος εἴη σοφιστὴς, ὅθεν τοῦ Πολέμωνος αἰτοῦντος τὰς ὑποθέσεις ἐπεστρέφοντο πάντες

θαυμάζειν ‘дивиться’ – подобных этимологий у Платона немало).

²⁷³ Το εἶναι τοῦ Μάρκου ὅτι ἐπὶ τὴν ἀκρόασιν ἀπηντηκὸς ἀναγνούς τις αὐτὸν τῶν ἐς τὸ Βυζάντιον πεπλευκότων διεμήνυσε τῷ πέλας, ὁ δὲ τῷ πλησίον, καὶ διεδόθη ἐς πάντας, ὅτι ὁ Βυζάντιος εἴη σοφιστὴς, ὅθεν τοῦ Πολέμωνος αἰτοῦντος τὰς ὑποθέσεις ἐπεστρέφοντο πάντες.

²⁷⁴ Введенная в моду еще древними киниками неопрятность облика отличала лишь некоторых философов – от софистов, напротив, ожидалась известная щеголеватость (ср. I. 20. 513 и прим. и др.).

все поворотились к Марку, ожидая его предложения. Полемон им: «Что уставились на деревенщину? Уж этот-то ничего не предложит», а Марк, вскинувшись и по обыкновению возвысив голос: «И предложу, и речь скажу». Тут Полемон, признавши Марка по дорийскому говору²⁷⁵, всё понял и обратился к нему с подобающим случаю пространным и превосходным разглаголом, сказав же речь и выслушав сказанную в ответ, стяжал восхищение и сам был в восхищении.

Засим Марк прибыл в Мегары, откуда выведен Византий. Мегаряне были в самом разгаре распри с афинянами, будто только что приняли против них то самое постановление²⁷⁶, так что не пускали их на Малые Пифийские игры²⁷⁷, Марк же, представ пред ними, настолько их переубедил, что заставил отворить дома и пустить афинян до самых женских и детских покоев²⁷⁸. Тоже и кесарь Адриан, из всех (530) прежних государей наиболее склонный к поощрению всяческих дарований, весьма высоко оценил Марка, когда был тот послом к нему от Византия.

²⁷⁵ Византий был основан мегарскими колонистами, так что в выговоре жителей сохранялись следы дорийского диалекта — здесь *μελτασεῦμαι* вместо аттического *μελετήσομαι* (т.е. без ионийского перехода *ā* в *ē*, как в нормативном тогда аттическом диалекте).

²⁷⁶ «Мегарская псефисма» (особое постановление народного собрания в 432 до н.э., запрещавшая мегарским купцам доступ во все порты Афинского морского союза) явилась одним из поводов к Пелопоннесской войне.

ἐς τὸν Μάρκον, ἵνα προβάλῃ. τοῦ δὲ Πολέμωνος εἰπόντος “τί ἐς τὸν ἄγροικον ὁράτε; οὐ γὰρ δώσει γε οὗτος ὑπόθεσιν”, ὁ Μάρκος ἐπάρας τὴν φωνήν, ὥσπερ εἰώθει, καὶ ἀνακύψας “καὶ προβαλῶⁱ” ἔφη “καὶ μελετασεῦμαιⁱⁱ.” ἔνθεν ἔλὼν ὁ Πολέμων καὶ ξυνεῖς δωριάζοντος διελέχθη ἐς τὸν ἄνδρα πολλά τε καὶ θαυμάσια ἐφειῖς τῷ καιρῷ, μελετήσας δὲ καὶ μελετῶντος ἀκροασάμενος καὶ ἐθαυμάσθη καὶ ἐθαύμασεν.

Μετὰ ταῦτα δὲ ἦκων ὁ Μάρκος ἐς τὰ Μέγαρα, οἰκισταὶ δὲ <οὔτοι> Βυζαντίων, ἐστασίαζον μὲν οἱ Μεγαρεῖς πρὸς τοὺς Ἀθηναίους ἀκμαζούσαις ταῖς γνώμαις, ὥσπερ ἄρτι τοῦ πινακίου ἐπ’ αὐτοὺς γεγραμμένου, καὶ οὐκ ἐδέχοντο σφᾶς ἐς τὰ Πύθια τὰ μικρὰ ἦκοντας. παρελθὼν δὲ ἐς μέσους ὁ Μάρκος οὕτω τι μεθῆρμοσε τοὺς Μεγαρέας, ὥς ἀνοῖξαι πεῖσαι τὰς οἰκίας καὶ δέξασθαι τοὺς Ἀθηναίους ἐπὶ γυναικῆς τε καὶ παῖδας. ἠγάσθη αὐτὸν καὶ Ἀδριανὸς ὁ αὐτοκράτωρ πρεσβεύοντα ὑπὲρ Βυζαντίων, ἐπιτηδειότατος τῶν (530) πάλαι βασιλέων γενόμενος ἀρετὰς αὐξῆσαι.

ⁱ προβαλῶ (dorice) Cobet; προβαλοῦμαι mss.

ⁱⁱ μελετασεῦμαι (dorice) Cobet; μελετήσομαι mss.

²⁷⁷ Пифийские игры совершались раз в четыре года, но кроме того ежегодно устраивались более скромные «малые» Пифийские игры; чтобы попасть в Дельфы, афинские суда должны были выйти из Саронического залива – эту дорогу и перекрыли мегаряне.

²⁷⁸ Женские покои (гинекей), где находились также и дети, обычно располагались в задней части или на втором этаже греческого дома и случайным гостям оставались недоступны.

25. А вот софист *Полемон*²⁷⁹ – не уроженец Смирны, как мнит большинство, и не из фригийцев, как мнят иные, но породила его Лаодикея, что в Карии²⁸⁰, близ реки Лика – город хоть и материковый, однако помогущественнее приморских. Из рода Полемона и посейчас много гипатов, и во многих городах его чтят, особливо же в Смирне, ибо смирнейцы, приметив в юном еще Полемоне нечто великое, возлагали на его голову все местные венки и определили ему и потомству его завидные почести, даровав председательствовать на адриановых Олимпийских играх²⁸¹ и (531) восседать на священном трехрядном корабле, когда в месяце анфестерионе²⁸² шествуют они на майдан, неся по воздуху трехрядный корабль, а кормщиком на нем жрец Диониса, который, как вынут чалы из моря, кораблем тем правит.

Радея о Смирне, принес ей Полемон вот какую пользу. Во-первых, город соделался многолюднее, чем когда-либо: стекалось в него юношество и с матёрой земли, и с островов – и не всякие там шалопаи, кого волной нагнало, но чистокровные и из хороших домов эллины; во-вторых, жили в согласии и без распрей, а ведь пред тем волновалась Смирна, ибо горные издавна были против приморских; а более всего заслужил он от горожан почтение посольскими поездками к кесарям и защитой

²⁷⁹ Сохранились два эпитафия Полемона, характерная софистическая пара: отцы двух марафонских бойцов спорят, кому из них говорить надгробную речь (право это принадлежало отцу храбрейшего); сохранились также фрагменты и переводы «Физиогномики» (см. 535 и прим.).

²⁸⁰ При рождении Полемона Лаодикея была приписана к провинции Фригии, а во времена Филострата – к Карии; возможно потому-то он и не согласен считать Полемона фригийцем, хотя Герода за это не осуждает (см. ниже, 539).

κε'. Πολέμων δὲ ὁ σοφιστὴς οὐθ', ὥς οἱ πολλοὶ δοκοῦσι, Σμυρναῖος, οὐθ', ὥς τινες, ἐκ Φρυγῶν, ἀλλὰ ἤνεγκεν αὐτὸν Λαοδίκεια ἢ ἐν Καρίᾳ, ποταμῷ πρόσοικος Λύκῳ, μεσογεία μὲν, δυνατωτέρα δὲ τῶν ἐπὶ θαλάττῃ. ἡ μὲν δὴ τοῦ Πολέμωνος οἰκία πολλοὶ ὑπατοὶ καὶ ἔτι, ἐρασταὶ δὲ αὐτοῦ πολλαὶ μὲν πόλεις, διαφερόντως δὲ ἡ Σμύρνα· οὗτοι γὰρ ἐκ μειρακίου κατιδόντες τι ἐν αὐτῷ μέγα πάντας τοὺς οἴκοι στεφάνους ἐπὶ τὴν τοῦ Πολέμωνος κεφαλὴν συνήνεγκαν, αὐτῷ τε ψηφισάμενοι καὶ γένει τὰ οἴκοι ζηλωτά, προκαθῆσθαι γὰρ τῶν Ἀδριανῶν Ὀλυμπίων ἔδοσαν τῷ ἀνδρὶ καὶ ἐγγόνις, καὶ τῆς ἱερᾶς τριήρους (531) ἐπιβατεύειν. πέμπεται γάρ τις μηνὶ Ἀνθεστηριῶνι μεταρσία τριήρης ἐς ἀγοράν, ἣν ὁ τοῦ Διονύσου ἱερεύς, οἷον κυβερνήτης, εὐθύνει πείσματα ἐκ θαλάττης λύουσιν.

Ἐνσπουδάζων δὲ τῇ Σμύρνῃ τάδε αὐτὴν ὥνησεν· πρῶτα μὲν τὴν πόλιν πολυανθρωποτάτην αὐτῆς φαίνεσθαι, νεότητος αὐτῇ ἐπιρρεοῦσης ἐξ ἡπείρων τε καὶ νήσων οὐκ ἀκολάστου καὶ συγκλύδος, ἀλλ' ἐξειλεγμένης τε καὶ καθαρᾷςⁱ Ἑλλάδος, ἔπειτα ὁμονοοῦσαν καὶ ἀστασίαστον πολιτεύειν, τὸν γὰρ πρὸ τοῦ χρόνον ἐστασίαζεν ἡ Σμύρνα καὶ διεστήκεσαν οἱ ἄνω πρὸς τοὺς ἐπὶ θαλάττῃ. πλείστου δὲ ἄξιος τῇ πόλει καὶ τὰ πρεσβευτικὰ ἐγένετο φοιτῶν τεⁱⁱ παρὰ τοὺς αὐτοκράτορας καὶ

ⁱ καθαρῶς Cobet

ⁱⁱ omisit Kayser

²⁸¹ В 123/124 н.э. в Смирне в честь посетившего город Адриана были впервые устроены и затем повторялись «Олимпийские игры»: Адриан и вообще поощрял учреждение новых праздников в подражание древним (ср. II. 1. 549).

²⁸² Восьмой месяц аттического календаря, приблизительно с середины февраля до середины марта.

местных обычаев. Вот так-то Адриана, приверженного эфесянам, переманил он на сторону смирнейцев²⁸³, да настолько, что тот за один день отсыпал Смирне тысячу раз по десять тысяч, на которые там выстроили и хлебные склады, и великолепнейший во всей Азии гимнасий²⁸⁴, и над городом храм²⁸⁵, издали видный и словно соперничающий с Мимантом. А еще помогал он, порицая ошибавшихся в государственных делах и нередко давая им мудрые наставления; вдобавок искоренял он всяческую наглость и надменность, а сие тем важнее, что ионийцев нелегко (532) отучить от их нравов²⁸⁶. А еще помогал он вот как: судебные дела меж гражданами не выпускал за пределы города, но прекращал на месте – я о делах имущественных, ибо дела о прелюбодеяниях, святотатствах и убийствах, небрежение к коим рождает озлобленность, велел он не просто удалять из Смирны, но прямо-таки вышвыривать, ибо они, мол, требуют меченосного судьи²⁸⁷.

²⁸³ Уже Плиний Старший называет Эфес и Смирну «светочами Азии» (Plin. Nat. V. 120): вместе с Пергамом они первенствовали в этой провинции, входя притом в число семи «метрополий», среди которых была и Лаодикея; столицей Азии был в ту пору Эфес, но Смирна не уступала ему богатством и – главное для Адриана! – первенствовала в качестве центра софистики.

²⁸⁴ Как и палестра (см. I. 21. 515 и прим.), гимнасий – атлетическая школа, но казенная (городская): в гимнасиях проходили по-прежнему обязательную физическую подготовку юные граждане, пусть им уже не предстояло, как в древности, быть вооруженным народом.

²⁸⁵ Вероятно, речь идет о храме Зевса, имевшем огромные колонны коринфского ордера, сравнимые с колоннами храма Зевса в Афинах – в XIX в. их еще можно было видеть, позднее они были разобраны на строительные материалы. Благодаря влиянию Полемона Смирна получила от Адриана также *неокорию* (почетное и выгодное право быть

προαγωνιζόμενος τῶν ἡθῶν. Ἀδριανὸν γοῦν προσκείμενον τοῖς Ἐφεσίοις οὕτω τι μετεποίησε τοῖς Σμυρναίοις, ὥς ἐν ἡμέρᾳ μιᾷ μυριάδας χιλίας ἐπαντλῆσαι αὐτὸν τῇ Σμύρνῃ, ἀφ' ὧν τά τε τοῦ σίτου ἐμπόρια ἐξεποιήθη καὶ γυμνάσιον τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν μεγαλοπρεπέστατον καὶ νεὼς τηλεφανῆς ὁ ἐπὶ τῆς ἄκρας ἀντικεῖσθαι δοκῶν τῷ Μίμαντι. καὶ μὴν καὶ τοῖς ἀμαρτανομένοις δημοσίᾳ ἐπιπλήττων καὶ κατὰ σοφίαν πλεῖστα νουθετῶν ὠφέλει, ὕβριν τε ὁμοίως ἐξήρει καὶ ἀγερωχίαν πᾶσαν, τοσοῦτω πλέον, (532) ὅσῳ μὴδὲ τοῦ Ἰωνικοῦ ἀπεθίζειν [†] ὠφέλει δὲ κάκεῖνα δήπου· τὰς δίκας τὰς πρὸς ἀλλήλους οὐκ ἄλλοσέ ποι ἐκφοιτᾶν εἶα, ἀλλ' οἴκοι ἔπαυεν. λέγω δὲ τὰς ὑπὲρ χρημάτων, τὰς γὰρ ἐπὶ μοιχοῦς καὶ ἱεροσύλους καὶ σφαγέας, ὧν ἀμελουμένων ἄγῃ φύεται, οὐκ ἐξάγειν παρεκελεύετο μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐξωθεῖν τῆς Σμύρνης, δικαστοῦ γὰρ δεῖσθαι αὐτὰς ξίφος ἔχοντος. καὶ ἡ αἰτία δέ, ἣν ἐκ τῶν πολλῶν εἶχεν, ὡς ὁδοιποροῦντι αὐτῷ πολλὰ μὲν σκευοφόρα ἔποιτο, πολλοὶ δὲ ἵπποι, πολλοὶ

ⁱ «ἦν» addendum coniecit Kayser

одним из центров отправления «императорского» культа Рима и Цезаря), поэтому в городе был построен еще и храм Адриана.

²⁸⁶ Выше (I. 21. 519) Филострат говорит о присущем ионийцам острословию; ниже будет сказано об их склонности к роскоши (I. 25. 540): традиция приписывала ионийцам легкомыслие, изнеженность и самодовольство, хотя и в сочетании с красноречием и смекалкой – отчасти это объяснялось богатством и просвещенностью ионийских городов, но отчасти было, конечно, одним из этнических мифов (ср. миф о коварстве каппадокийцев и др. подобные).

²⁸⁷ Таким образом, по инициативе Полемона гражданские дела слушались в Смирне, а уголовные отсылались в римский (преторский) суд; «меченосный судья» – претор (обычно проконсул, сенатский наместник провинции) с шестью ликторами, служившими ему почетным и реальным караулом и приводившими в исполнение смертные приговоры; резиденция проконсула была в столице провинции, в Эфесе, куда преступников и «вышвыривали» из Смирны.

Что же до обвинений от многих, будто в путешествиях за ним следовало множество мулов и множество лошадей, и множество челяди, и псы многих пород, иные для той охоты, иные для этой, а сам он, мол, ездил на среброуздой упряжке, фригийской или кельтской²⁸⁸, так ведь всем этим он приносил Смирне добрую славу: воистину, в честь городу и красивый майдан, и пышность строений, однако же в честь ему и благоденственное семейство, ибо не только мужу от града слава, но и граду от мужа. Не оставлял Полемон и попечения о Лаодикее, часто навещая родной дом и чем можно пособляя жителям.

От кесарей же у него вот что: Траян даровал ему беспошлинный проезд по земле и по морю, Адриан даровал то же всем его потомкам²⁸⁹, а еще зачислил в Мусей (533) на египетское кормление²⁹⁰; а когда в Риме он потребовал двадцать пять мириад²⁹¹, дал с избытком, хотя ни Полемон не говорил, что нуж-

²⁸⁸ Фригийцы и особенно кельты (те и другие жили в центральных областях М. Азии) истари славились как конные народы (о фригийцах см. *Hom. II. X. 431*; о кельтах-галатах см. *Strab. IV. 196*, *Diod. V. 29*, *Polyb. II. 23. 4*), так что и лучшие конные заводы были у них.

²⁸⁹ Речь идет об особой льготе – «свободном посольстве» (*legatio libera*), когда права и привилегии едущего по казенной надобности должностного лица (ночлег и кормление челяди, фураж и т.п.) жаловались частному лицу для любой его частной поездки: таким образом, когда Полемон отправлялся, например, навестить родную Лаодикею, его несчетных слуг, лошадей и собак кормила казна.

²⁹⁰ О «египетском кормлении» см. *I. 22. 524* и прим.; Адриан мог даровать эту привилегию без постановления Сената, так как Египет,

δὲ οἰκέται, πολλὰ δὲ ἔθνη κυνῶν ἄλλα ἐς ἄλλην θήραν, αὐτὸς δὲ ἐπὶ ζεύγους ἀργυροχαλίνου Φρυγίου τινὸς ἢ Κελτικοῦ πορεύοιτο, εὐκλειαν τῇ Σμύρνῃ ἔπραττεν· πόλιν γὰρ δὴ λαμπρύνει μὲν ἀγορὰ καὶ κατασκευὴ μεγαλοπρεπῆς οἰκοδομημάτων, λαμπρύνει δὲ οἰκία εὖ πράττουσα, οὐ γὰρ μόνον δίδωσι πόλις ἀνδρὶ ὄνομα, ἀλλὰ καὶ αὐτὴ ἄρνυται ἐξ ἀνδρός. ἐπεσκοπεῖτο δὲ καὶ τὴν Λαοδίκειαν ὁ Πολέμων θαμίζων ἐς τὸν ἑαυτοῦ οἶκον καὶ δημοσίᾳ ὠφελῶν ὃ τι ἡδύνατο.

Τὰ δὲ ἐκ βασιλέων αὐτῷ τοιαῦτα· Τραιανὸς μὲν αὐτοκράτωρ ἀτελῇ πορεύεσθαι διὰ γῆς καὶ θαλάττης, Ἀδριανὸς δὲ καὶ τοῖς ἀπ' αὐτοῦ πᾶσιν, ἐγκatéλεξε¹ δὲ αὐτὸν καὶ τῷ τοῦ Μουσείου κύκλῳ ἐς τὴν Αἰγυπτίαν σίτησιν, ἐπὶ τε τῆς Ῥώμης (533) ἀπαιτουμένου πέντε καὶ εἴκοσι μυριάδας ὑπεραπέδωκε ταῦτα τὰ χρήματα οὔτε εἰπόντος, ὥς δέοιτο, οὔτε προειπών, ὥς δώσοι. αἰτιωμένης δὲ αὐτὸν τῆς Σμύρνης, ὥς πολλὰ τῶν ἐπιδοθέντων σφίσιν ἐκ βασιλέως χρημάτων ἐς τὸ ἑαυτοῦ ἡδὺ καταθέμενον ἔπεμψεν ὁ αὐτοκράτωρ ἐπιστολὴν ὧδε συγκειμένην· “Πολέμων τῶν ἐπιδοθέντων ὑμῖν ὑπ’ ἐμοῦ

¹ κατέλεξε mss, ἐγκatéλεξε Valckenaer

стратегически важнейшая «житница римского народа», находился в личном распоряжении принцепса.

²⁹¹ Когда у Филострата о деньгах говорится с помощью только числительных, имеются в виду драхмы, т.е. денарии; римляне обычно считали в сестерциях (1/4 денария), поэтому из «Апологии» Апулея, как и из мн. др. источников видно, что для римлян наследство, скажем, в четыре миллиона было богатым, но не сказочным. Соответственно, 250000 денариев (по римскому счету миллион) – подарок очень щедрый, но, например, Скопелиан якобы получил от Аттика и Герода в несколько раз больше (I. 21. 521); другое дело, что Атик не мог жаловать льготы, а едва ли не главным источником благоденствия знаменитых софистов были именно «свободные посольства», «египетские кормления» и пр.

дается, ни сам Адриан не говорил, что даст. Когда же обвиняли его смирнейцы, что немалую часть переданных им от государя денег удержал он на собственные удовольствия, кесарь отписал так: «Полемон за переданные мною вам деньги мне же и отчитался», а ежели кто назовет сие снисходительностью, то уж навряд ли было бы ему снисхождение в денежных делах, не отличись он в иных. А еще, освящая как великое творение многих веков афинский храм Зевса Олимпийского, строенный пятьсот шестьдесят лет²⁹², кесарь велел и Полемону произнести при сем священнодействии славословие, а тот, по обыкновению сосредоточившись на уже пришедших ему в голову мыслях, прямо-таки ринулся в речь и с подножия храма разглагольствовал много и восхитительно, объявив во вступлении, что не без божьего наущения²⁹³ нисшел к нему пыл произнести сие.

Примирил с ним кесарь и (534) сына своего Антонина, когда передавал тому скиптр, из смертного становясь богом. Тут надобно разъяснить, как было дело. Антонин начальствовал над всею Азией²⁹⁴ и однажды выбрал для постоя дом Полемона,

²⁹² Строительство Олимпейона (храма Зевса Олимпийского) было начато ок. 520 до н.э. сыновьями тирана Писистрата; после свержения тирании строительство прекратилось (cf. Arist. Polit. 1313 b: пример того, как тираны занимают народ грандиозными постройками, чтобы лишить его сил и средств для сопротивления); фундамент и несколько колонн дождались пресловутого Антиоха IV Сирийского, который в 174 до н.э. возобновил работы, но в 164 до н.э. «корень зла» умер и храм остался недостроенным, а в 86 до н.э. еще и пострадал при разграблении Афин Суллой; наконец в 124 н.э. Адриан возобновил строительство, и уже через восемь лет храм был освя-

χρημάτωνⁱ ἔμοι τοὺς λογισμοὺς ἔδωκεν.” ταῦτα δὲ εἰ καὶ συγγνώμην ἔρεῖ τις, οὐκ ἦν δὴπου συγγνώμην αὐτὸν τὴν ἐπὶ τοῖς χρήμασι μὴ οὐκ ἐς τὸ προὔχον τῆς ἄλλης ἀρετῆς εὐρέσθαι. τὸ δὲ Ἀθήνησιν Ὀλύμπιονⁱⁱ δι’ ἐξήκοντα καὶ πεντακοσίων ἐτῶν ἀποτελεσθὲν καθιερώσας ὁ αὐτοκράτωρ, ὡς χρόνου μέγα ἀγώνισμα, ἐκέλευσε καὶ τὸν Πολέμωνα ἐφυμνῆσαι τῇ θυσίᾳ. ὁ δέ, ὥσπερ εἴωθει, στήσας τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐπὶ τὰς ἤδη παρισταμένας ἐννοίας ἐπαφῆκεν ἑαυτὸν τῷ λόγῳ καὶ ἀπὸ τῆς κρηπίδος τοῦ νεῶ διελέχθη πολλὰ καὶ θαυμάσια, προοίμιον ποιούμενος τοῦ λόγου τὸ μὴ ἄθεεῖ τὴν περὶ αὐτοῦ ὁρμὴν γενέσθαι οἷ.

διήλλαξε δὲ αὐτῷ καὶ τὸν ἑαυτοῦ παῖδα Ἀντωνῖνον ὁ (534) αὐτοκράτωρ ἐν τῇ τοῦ σκῆπτρου παραδόσει θεὸς ἐκ θνητοῦ γιγνόμενος. τουτὶ δὲ ὁποῖον, ἀνάγκη δηλῶσαι· ἦρξε μὲν γὰρ δὴ πάσης ὁμοῦ Ἀσίας ὁ Ἀντωνῖνος, καὶ κατέλυσεν ἐν τῇ τοῦ Πολέμωνος οἰκίᾳ ὡς ἀρίστη τῶν κατὰ τὴν Σμύρναν καὶ

ⁱ χρημάτων ὑπ’ ἐμοῦ Kayser

ⁱⁱ Ὀλυμπίειον Cobet

щен, так что здесь у Филострата ошибка – строительство длилось не 560, а едва ли не 650 лет. Это не единственный долгострой классической древности: рекорд был поставлен храмом Аполлона Колофонского, так и оставшимся без крыши и доброй половины колонн, но при этом исправно функционировавшим.

²⁹³ При отправлении императорского культа греки величали Адриана (среди прочего) Зевсом Олимпийским, что и дало Полемону возможность обыграть это в начале речи.

²⁹⁴ Антонин Пий между 134 и 136 н.э. в течение года исполнял должность проконсула Азии.

наилучший в Смирне и наилучшему мужу принадлежащий, – а ночью Полемон, воротясь из отлучки, возопил у дверей, что терпит, мол, ужасное бедствие, ибо выставили его из собственного жилища, а засим принудил Антонина перебраться в другой дом. Кесарь об этом знал, но отнюдь не расспрашивал, дабы не беречь раны, однако же в раздумьях о том, каково станется после него и что нередко даже и кроткий нрав²⁹⁵ докучатели и подстрекатели распаляют досадою, опасался за Полемона и потому в завещании о государственных делах²⁹⁶ написал: «Присоветовал мне сие решение и софист Полемон», так приутожив ему благодарность за доброе дело и вместе совершеннейшее прощение. Правда, Антонин и после того подшучивал над Полемоном насчет случившегося в Смирне, словно бы показывая, что ничего не забыл, хотя и высоко возносил его непрестанными почестями, словно бы ручаясь, что ни о чем не поминает. А шутил он так: когда приехал Полемон в Город²⁹⁷, Антонин обнял его со словами: «Дайте Полемону приют, да только пусть никто его не выгоняет!» А когда после азийских Олимпийских игр, коими распоряжался Полемон, некий трагический лицедей²⁹⁸ говорил, что подаст на него жалобу, (535) ибо тот прогнал его в самом начале действия, кесарь спросил, в какое время его удалили с подмостков, когда же тот отвечал, что в полдень,

²⁹⁵ Из всех Антонинов Антонин Пий действительно отличался особым добродушием.

²⁹⁶ Возможно, имеется в виду рекомендация Сенату избрать принципсом Антонина: Адриан сделал это 24 января 138 н.э., а Антонина усыновил месяцем позже, 25 февраля.

²⁹⁷ Рим назывался просто «город», как персидский царь просто «царь» (I. 10. 494; 18. 507; 20. 513; II. 12. 593); двумя веками позд-

ἀρίστου ἀνδρός, νύκτωρ δὲ ἐξ ἀποδημίας ἦκων ὁ Πολέμων ἐβόα ἐπὶ θύραις, ὡς δεινὰ πάσχοι τῶν ἑαυτοῦ εἰργόμενος, εἶτα συνηνάγκασε τὸν Ἀντωνῖνον ἐς ἑτέραν οἰκίαν μετασκευάσασθαι. ταῦτα ἐγίγνωσκε μὲν ὁ αὐτοκράτωρ, ἡρώτα δὲ ὑπὲρ αὐτῶν οὐδέν, ὡς μὴ ἀναδέροιτο, ἀλλ' ἐνθυμηθεὶς τὰ μετ' αὐτὸν καὶ ὅτι πολλάκις καὶ τὰς ἡμέρους ἐκκαλοῦνται φύσεις οἱ προσκείμενοί τε καὶ παροξύνοντες, ἔδεισε περὶ τῷ Πολέμωνι, ὅθεν ἐν ταῖς ὑπὲρ τῆς βασιλείας διαθήκαις “καὶ Πολέμων ὁ σοφιστής” ἔφη “ζύμβουλος τῆς διανοίας ἐμοὶ ταύτης ἐγένετο,” τῷ καὶ χάριν ὡς εὐεργέτη πράττειν τὴν συγγνώμην ἐκ περιουσίας ἐτοιμάζων. καὶ ὁ Ἀντωνῖνος ἡστείζετο μὲν πρὸς τὸν Πολέμωνα περὶ τῶν κατὰ τὴν Σμύρναν ἐνδεικνύμενός που τὸ μὴ ἐκλελῆσθαι, ταῖς δὲ ἐκάστοτε τιμαῖς ἐπὶ μέγα ἤρεν ἐγγυώμενός που τὸ μὴ μεμνησθαι. ἡστείζετο δὲ τάδε· ἐς τὴν πόλιν ἦκοντος τοῦ Πολέμωνος περιβαλὼν αὐτὸν Ἀντωνῖνος “δότε” ἔφη “Πολέμωνι καταγωγὴν, καὶ μηδεὶς αὐτὸν ἐκβάλῃ.” ὑποκριτοῦ δὲ τραγωδίας ἀπὸ τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν Ὀλυμπίων, οἷς ἐπεστάτει ὁ Πολέμων, ἐφιέναι φήσαντος, ἐξελαθῆναι γὰρ παρ' αὐτοῦ (535) κατ' ἀρχὰς τοῦ δράματος, ἤρετο ὁ αὐτοκράτωρ τὸν ὑποκριτὴν, πηνίκα εἶη, ὅτε τῆς σκηνῆς ἠλάθη, τοῦ δὲ εἰπόντος, ὡς μεσημβρία τυγχάνοι οὔσα, μάλα ἀστείως ὁ

нее «городом» стал именоваться Константинополь – «новый Рим», к которому перешли столичные функции; маюскулы появились гораздо позже.

²⁹⁸ Об азийских «Олимпийских играх» см. 530 и прим.; нельзя не добавить, что программа этих «игр» была нетрадиционной, так как в Олимпии состязались только атлеты (правда, однажды Нерон пытался это правило нарушить – см. VA IV. 24).

кесарь весьма остроумно заметил: «А вот меня он прогнал из дома среди ночи, но я на него жалоб не подавал».

Довольно мне и сего, чтоб показать и покладистость кесаря, и надменность Полемона, ибо толико был надменен, что с городами говорил свысока, с власть имущими – непокорно, с богами – на равных. Впервые прибыв в Афины и произнося перед афинянами речь без подготовки, он не пустился ни в словословия городу – а ведь столько можно сказать об афинянах! – ниже в рассуждения о собственной славе, хотя софистам сей прием в показательных речах помогает, но, хорошо понимая природу афинян, коих лучше поддеть, чем похвалить, приступил так: «Вас, афиняне, называют мудрыми слушателями речей – вот и проверим!». А когда правитель Боспорского царства, всю эллинскую ученостью снаряженный, явился в Смирну ради знакомства с Ионией, он не только не пристал к его свите, но и встречу, о коей тот просил, неоднократно откладывал, покуда не принудил царя²⁹⁹ прийти к своим дверям да еще и десять талантов³⁰⁰ заплатить. А когда, болея суставами, прибыл он в Пергам и улегся спать в храме, предстал ему Асклепий³⁰¹ и наказал воз-

²⁹⁹ Боспорское царство попало в зависимость от Рима после смерти Митридата Евпатора (63 до н.э.); при царе Аспурге (ок. 14–37/38 н.э.) Боспор превратился в римский протекторат окончательно, однако, хотя Рим контролировал престолонаследие и держал на территории царства легионы, название «царство» и титул «царь» сохранились.

³⁰⁰ См. I. 21. 521 и прим.

αὐτοκράτωρ “ἐμὲ δὲ” εἶπεν “ἀμφὶ μέσας νύκτας ἐξήλασε τῆς οἰκίας, καὶ οὐκ ἐφῆκα.”

Ἐχέτω μοι καὶ ταῦτα δήλωσιν βασιλέως τε πράου καὶ ἀνδρὸς ὑπέρφρωνος. ὑπέρφρων γὰρ δὴ οὕτω τι ὁ Πολέμων, ὥς πόλεσι μὲν ἀπὸ τοῦ προὔχοντος, δυνασταῖς δὲ ἀπὸ τοῦ μὴ ὑφειμένου, θεοῖς δὲ ἀπὸ τοῦ ἴσου διαλέγεσθαι. Ἀθηναίοις μὲν γὰρ ἐπιδεικνύμενος αὐτοσχεδίους λόγους, ὅτε καὶ πρῶτον Ἀθήναζε ἀφίκετο, οὐκ ἐς ἐγκώμια κατέστησεν ἑαυτὸν τοῦ ἄστεος, τοσούτων ὄντων, ἃ τις ὑπὲρ Ἀθηναίων ἂν εἴποι, οὐδ’ ὑπὲρ τῆς ἑαυτοῦ δόξης ἐμακρηγόρησε, καίτοι καὶ τῆς τοιαύδε ιδέας ὠφελούσης τοὺς σοφιστὰς ἐν ταῖς ἐπιδείξεσιν, ἀλλ’ εὖ γινώσκων, ὅτι τὰς Ἀθηναίων φύσεις ἐπικόπτειν χρή μᾶλλον ἢ ἐπαίρειν διελέχθη ὧδε: “φασὶν ὑμᾶς, ὦ Ἀθηναῖοι, σοφοὺς εἶναι ἀκροατὰς λόγων· εἴσομαι.”

ἀνδρὸς δέ, ὃς ἦρχε μὲν Βοσπόρου, πᾶσαν δὲ Ἑλληνικὴν παιδείουσιν ἤρμοστο, καθ’ ἱστορίαν τῆς Ἰωνίας ἐς τὴν Σμύρναν ἦκοντος οὐ μόνον οὐκ ἔταξεν ἑαυτὸν ἐν τοῖς θεραπεύουσιν, ἀλλὰ καὶ δεομένου ξυνεῖναι οἱ θαμὰ ἀνεβάλλετο, ἕως ἡνάγκασε τὸν βασιλέα ἐπὶ θύρας ἀφικέσθαι ἀπάγοντα μισθοῦ δέκα τάλαντα. ἦκων δὲ ἐς τὸ Πέργαμον, ὅτε δὴ τὰ ἄρθρα ἐνόσει, κατέδαρθε μὲν ἐν τῷ ἱερῷ, ἐπιστάντος δὲ αὐτῷ τοῦ

³⁰¹ Пергамский Асклепейон был при Империи главным святилищем Асклепия и, соответственно, крупнейшим лечебным центром. Важнейшей частью исцеления был сон в храме: в эти часы больной мог увидеть во сне Асклепия и узнать от него способ лечения – подробнее см. в «Священных речах» Элия Аристида, успешно лечившегося в Пергаме в 170/171 н.э.

держиваться от холодного питья, а Полемон: «Любезнейший! А если бы ты быка лечил?»³⁰²

Таковые высокомерие и гордость перенял он от любомудра Тимократа, (536) с коим был в общении четыре года, когда тот явился в Ионию. Не худо бы и Тимократа описать: был он из Понта, отечество же его – Гераклея, где эллинское в почете; изучал он сперва врачебное искусство и был хорошо знаком с сочинениями Гиппократ и Демокрита³⁰³, но как послушал Евфрата Тирского, так и пустился на всех парусах в его науку. Раздражителен он был сверх меры – до того, что когда разглагольствовал, борода и космы у него топорщились, словно у раззадоренного льва, – слог же его отличался непринужденностью, беглостью и пылкостью, почему Полемон, любивший в речах сию стремительность, и ценил его столь высоко. А когда рассорился Тимократ со Скопелианом, ибо последний, мол, предался смоле и щипателям волос³⁰⁴, и собравшееся в Смирне юношество разделилось, Полемон, слушавший обоих, принял сторону Тимократа, коего называл отцом своего слога; а оправдываясь перед ним за речи против Фаворина, робко и кротко извинялся,

³⁰² Забавно, что коровам-то как раз холодная (ключевая) вода общеизвестно вредна: если ключ не образует озерцо, где вода сама подогревается на солнце, пастухи устраивают водопой так, чтобы вода успела немного подогреться, а уж потом пускают к ней коров. Полемон этого не знает, отсюда и шутка, Филострат этого тоже не знает и повторяет шутку как смелую, но остроумную; в позднейших комментариях нелепость ответа Полемона также не отмечена.

³⁰³ Диоген Лаэртский упоминает сочинения Демокрита «Об образе жизни, или О диете» и «Врачебная наука» (Diog. La. IX. 48. 18–19); в близости с Тимократом мог сказаться собственный интерес Полемона к медицине: ему приписывается сочинение «Физиогномика» (у стоиков числившаяся разделом медицины), правда, сохранившееся почти только в переводах – довольно полном арабском и выбороч-

Ἀσκληπιοῦ καὶ προειπόντος ἀπέχεσθαι ψυχροῦ ποτοῦ ὁ Πολέμων “βέλτιστε,” εἶπεν “εἰ δὲ βούῃν ἐθεράπευες;”

Τὸ δὲ μεγάλῳγνωμον τοῦτο καὶ φρονηματῶδες ἐκ Τιμοκράτους ἔσπασε τοῦ φιλοσόφου, συγγενόμενος (536) αὐτῷ ἦκοντι ἐς Ἰωνίαν ἐτῶν τεττάρων. οὐ χεῖρον δὲ καὶ τὸν Τιμοκράτην δηλῶσαι· ἦν μὲν γὰρ ἐκ τοῦ Πόντου ὁ ἀνὴρ οὗτος καὶ ἦν αὐτῷ πατρίς Ἡράκλεια τὰ Ἑλλήνων ἐπαινοῦντες, ἐφιλοσόφει δὲ κατ’ ἀρχὰς μὲν τοὺς ἰατρικοὺς τῶν λόγων, εἰδὼς εὖ τὰς Ἱπποκράτους τε καὶ Δημοκρίτου δόξας, ἐπεὶ δὲ ἤκουσεν Εὐφράτου τοῦ Τυρίου, πλήρῃσιν ἰστίοις ἐς τὴν ἐκείνου φιλοσοφίαν ἀφῆκεν. ἐπιχολώτερος δὲ οὕτω τι ἦν τοῦ ξυμμέτρου, ὥς ὑπανίστασθαι αὐτῷ διαλεγομένῳ τὴν τε γενειάδα καὶ τὰς ἐν τῇ κεφαλῇ χαίτας, ὥσπερ τῶν λεόντων ἐν ταῖς ὀρμαῖς. τῆς δὲ γλώττης εὐφόρως εἶχε καὶ σφοδρῶς καὶ ἐτοίμως, διὸ καὶ τῷ Πολέμωνι πλείστου ἦν ἄξιος ἀσπαζομένῳ τὴν τοιάνδε ἐπιφορὰν τοῦ λόγου. διαφορᾶς γοῦν τῷ Τιμοκράτει πρὸς τὸν Σκοπελιανὸν γενομένης ὥς ἐκδεδωκότα ἑαυτὸν πίστη καὶ παρατιλτρίαις διέστη μὲν ἡ ἐνομιλοῦσα νεότης τῇ Σμύρνῃ, ὁ δὲ Πολέμων ἀμφοῖν ἀκροώμενος τῶν τοῦ Τιμοκράτους στασιωτῶν ἐγένετο πατέρα καλῶν αὐτὸν τῆς ἑαυτοῦ γλώττης. ἀπολογούμενος δὲ αὐτῷ καὶ ὑπὲρ τῶν πρὸς Φαβωρίνον λόγων εὐλαβῶς ὑπέστειλε καὶ ὑφειμένως,

ном латинском (одном из источников «О физиогномике» Фоми Аквинского).

³⁰⁴ Смола использовалась для эпиляции; в жизнеописании Скопелиана о его щегольстве, как и о конфликте с Тимократом, не говорится. Полемон, сам в высшей степени склонный к изнеженности, явно принимает сторону Тимократа в основном дружбы ради: софисты и философы держались в быту различных правил, но иные софисты подражали философам; Филострата эти проблемы явно занимали (ср. I. 24. 529; II. 3. 567–568; II. 5. 570–572; II. 18. 598–599; II. 30. 622); ср. также рассказ у Плиния Младшего о встрече с Евφратом: описывая привлекательность его наружности – рослый, осанистый, хорошо причесанный, – он добавляет «пусть всё это не так уж значительно и важно, однако вызывает еще большее к нему почтение» (Plin. Epist. I. 10).

словно напраказавшие дети в страхе перед учительскими колотушками³⁰⁵.

С таковою же кротостью позднее, быв назначен послом от смирейцев, обращался он и к Скопелиану, желая перенять от него убедительность, словно как Ахиллесов доспех³⁰⁶. С Геродом же Афинским говорил он то скромно, то заносчиво – сие хочу рассказать подробнее как прекрасное и достопамятное. Герод более алкал произносить речи без подготовки, нежели чтиться гипатом и потомком гипатов; итак, еще не знакомый с Полемоном, прибыл он в (537) Смирну послушать его в ту пору, когда управлял вольными городами, – обнял, расцеловал и, едва отъяв уста от уст, спросил: «Когда же мы, отче³⁰⁷, тебя услышим?» Мнил он, что тот отложит беседу, ибо как же, мол, сразу отважиться на подобное при таком-то муже, а тот без околичностей: «Сейчас же – идем!» Сим ответом Герод был поражен, ибо скор оказался Полемон и на мысль, и на слово – тут приметна гордость его, а еще, ей-богу, остроумие, к коему прибегал он пущей ради убедительности, хотя вот пример его же благоразумия и вежества: когда пришел к нему Герод на показательную

³⁰⁵ Об этой ссоре см. I. 8. 490–491; судя по всему, Тимократ по каким-то причинам симпатизировал Фаворину, хотя неизвестно, были ли они дружны или даже близко знакомы.

³⁰⁶ «Ахиллесов доспех» отсылает к жизнеописанию Скопелиана, где Полемон остроумно приводит соответствующие стихи «Илиады» (см. I. 21. 521 и прим.): ссоры между софистами не обязательно вели к полному разрыву, да и Полемон, которому заведомо предстояло воз-

ὥσπερ τῶν παίδων οἱ τὰς ἐκ τῶν διδασκάλων πληγὰς, εἴ τι ἀτακτήσεیان, δεδιότες.

Τῷ δὲ ὑφειμένῳ τούτῳ καὶ πρὸς τὸν Σκοπελιανὸν ἐχρήσατο χρόνῳ ὕστερον, χειροτονηθεὶς μὲν πρεσβεύειν¹ ὑπὲρ τῶν Συμρναίων, ὡς ὅπλα δὲ Ἀχίλλεια τὴν ἐκείνου πειθῶ αἰτήσας. Ἡρώδῃ δὲ τῷ Ἀθηναίῳ πῇ μὲν ἀπὸ τοῦ ὑφειμένου, πῇ δὲ ἀπὸ τοῦ ὑπεραίροντος ξυνεγένετο. ὅπως δὲ καὶ ταῦτα ἔσχε, δηλῶσαι βούλομαι, καλὰ γὰρ καὶ μεμνησθαι ἄξια· ἥρα μὲν γὰρ τοῦ αὐτοσχεδιάζειν ὁ Ἡρώδης μᾶλλον ἢ τοῦ ὑπατός τε καὶ ἐξ ὑπάτων δοκεῖν, τὸν Πολέμωνα δὲ οὕτω γινώσκων ἀφῖκτο μὲν ἐς τὴν Σμύρναν ἐπὶ ξυνουσία τοῦ ἀνδρὸς κατὰ (537) χρόνους, οὓς τὰς ἐλευθέρας τῶν πόλεων αὐτὸς διωρθοῦτο, περιβαλὼν δὲ καὶ ὑπερασπασάμενος ὁμοῦ τῷ τὸ στόμα ἀφελεῖν τοῦ στόματος “πότε,” εἶπεν “ὦ πάτερ, ἀκροασόμεθά σου;” καὶ ὁ μὲν δὴ ᾤετο ἀναβαλεῖσθαι αὐτὸν τὴν ἀκρόασιν ὀκνεῖν φήσαντα ἐπ’ ἀνδρὸς τοιοῦτου ἀποκινδυνεύειν, ὁ δὲ οὐδὲν πλασάμενος “τήμερον” ἔφη “ἀκροῶ, καὶ ἴωμεν.” τοῦτο ἀκούσας ὁ Ἡρώδης ἐκπλαγῆναί φησι τὸν ἄνδρα, ὡς καὶ τὴν γλῶτταν αὐτοσχέδιον καὶ τὴν γνώμην. ταῦτα μὲν οὖν φρόνημα ἐνδείκνυται τοῦ ἀνδρὸς καί, νῆ Δία, σοφίαν, ἥ ἐς τὴν ἔκπληξιν ἐχρήσατο, ἐκεῖνα δὲ σωφροσύνην τε

¹ πρεσβεύειν μὲν χειροτονηθεὶς Kayser

главить смирейскую школу, должен был желать мира с предшественником – как и Скопелиан с преемником.

³⁰⁷ О управлении Герода «вольными городами» см. II. 1. 548–549 и прим.; характерно, что, будучи при высокой должности и ненамного моложе Полемона по возрасту, Герод обращается к нему «отче», так (в первый, но не в последний раз) демонстрируя особое к нему почтение.

речь, то был встречен пространною похвалою, подобающею словам и делам его.

О приемах, коими пользовался он в своих речах, узнать можно от Герода, описывающего их в одном из посланий к Барбару; перескажу оттуда и я. Говорить он выходил с лицом радостным и решительным, а поелику ослабели уже его члены, прибывал на место в носилках; над ипотезами размышлял не перед всеми, но отойдя на короткое время от толпы³⁰⁸, выговор у него был ясный и звонкий, отличавшийся удивительною звучностью, словно раскатывавшейся от уст. Герод говорит, что он и из кресел вскакивал на вершинах рассуждения – столько пылкости в нем было! – а при построении периода заключительную часть его произносил с улыбкою, показывая, что говорит безо всякого труда³⁰⁹, а в иных (538) местах топал ногою ничуть не слабее Гомерова коня³¹⁰. Герод первую его речь слушал, как судья, следующую – как влюбленный, третью – как замороженный; ходил же к нему три дня.

Записал Герод и названия произнесенных при нем ипотез: первая – «Демосфен, клятвенно отрицающий принятие взяток в пятьдесят талантов»³¹¹, каковое обвинение возвел на него

³⁰⁸ Ср. выше (I. 21. 519) то же самое о Скопелиане.

³⁰⁹ Полемон подчеркивает, как легко ему даются риторические трудности: построение даже и письменного периода – сложная стилистико-синтаксическая задача, а здесь говорится об импровизации.

καὶ κόσμον· ἀφικόμενον γὰρ ἐς τὴν ἐπίδειξιν ἐδέξατο ἐπαίνῳ μακρῷ καὶ ἐπαξίῳ τῶν Ἡρώδου λόγων τε καὶ ἔργων.

τὴν δὲ σκηνὴν τοῦ ἀνδρός, ἥ ἐς τὰς μελέτας ἐχρήσατο, ἔστι μὲν καὶ Ἡρώδου μαθεῖν ἐν μιᾷ τῶν πρὸς τὸν Βάρβαρονⁱ ἐπιστολῶνⁱⁱ εἰρημένονⁱⁱⁱ, δηλώσω δὲ καὶ ἐκεῖθεν· παρήει μὲν ἐς τὰς ἐπιδείξεις διακεχυμένῳ τῷ προσώπῳ καὶ τεταρρηκότι, φοράδην δὲ ἐσεφοίτα διεφθορότων αὐτῷ ἤδη τῶν ἄρθρων. καὶ τὰς ὑποθέσεις οὐκ ἐς τὸ κοινὸν ἐπεσκοπεῖτο, ἀλλ' ἐξίων τοῦ ὁμίλου βραχὺν καιρόν. φθέγμα δὲ ἦν αὐτῷ λαμπρὸν καὶ ἐπίτονον καὶ κρότος θαυμάσιος οἷος ἀπεκτύπει τῆς γλώττης. φησὶ δὲ αὐτὸν ὁ Ἡρώδης καὶ ἀναπηδᾶν τοῦ θρόνου περὶ τὰς ἀκμὰς τῶν ὑποθέσεων, τοσοῦτον αὐτῷ περιεῖναι ὁρμῆς, καὶ ὅτε ἀποτορνεύοι περίοδον, τὸ ἐπὶ πᾶσιν αὐτῆς κῶλον σὺν μειδιάματι φέρειν, ἐνδεικνύμενον πολὺν τὸ ἀλύπως φράζειν, καὶ κροαίνειν ἐν τοῖς τῶν ὑποθέσεων χωρίοις οὐδὲν μείον τοῦ Ὀμηρικοῦ ἵππου.

ἀκροᾶσθαι δὲ αὐτοῦ τὴν (538) μὲν πρώτην, ὡς οἱ δικάζοντες, τὴν δὲ ἐφεξῆς, ὡς οἱ ἐρῶντες, τὴν δὲ τρίτην, ὡς οἱ θαυμάζοντες, καὶ γὰρ δὴ καὶ τριῶν ἡμερῶν συγγενέσθαι οἱ. ἀναγράφει καὶ τὰς ὑποθέσεις ὁ Ἡρώδης, ἐφ' αἷς συνεγένετο· ἦν τοίνυν ἢ μὲν πρώτη Δημοσθένους ἐξομνύμενος ταλάντων

ⁱ Βάρων Kayser

ⁱⁱ ἐπιστολῇ Kayser

ⁱⁱⁱ εἰρημένον Cobet; εἰρημένων mss.

³¹⁰ ...Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях, привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле... (Hom. II. VI. 506–507).

³¹¹ См. I. 21. 521 с прим.

Демад, сообщил же сие афинянам Александр, найдя в счетных книгах Дария»³¹²; вторая – «что надобно по заключении мира в Пелопоннесской войне разрушить воздвигнутые эллинами трофеи»³¹³; третья же гипотеза – «что афиняне после Эгоспотамов должны разойтись по своим округам»³¹⁴. Герод говорит, что послал за них Полемону полтора ста тысяч, назвавши это платою за слушание, а тот не принял, и Герод решил было, что это из презрения, но критик Мунатий – а был сей муж из Тралл – сказал ему за чашей: «Думается мне, Герод, рассчитывал Полемон на двадцать пять мириад, вот и мнит себя недооцененным, зачем не столько ты ему послал». Герод рассказывает, что добавил сто тысяч и что Полемон взял их охотно, словно должное. Уважил он Полемона и тем, что выступать (539) с показательною речью и состязаться с ним не стал, удалившись из Смирны ночью, дабы не понуждали его к выступлению, ибо и поневоле выступить почитал дерзостью. И впоследствии неизменно восхвалял Герод Полемона и восторгался им. Так, когда в Афинах произнес он выдающуюся речь о трофеях³¹⁵, все дивились мощи словес его, а он: «Почитайте-ка речь Полемона – вот кто силен!»

³¹² Вероятно, сюжет взят у Плутарха либо его несохранившегося источника: якобы Дарий II, зная о влиятельности и проперсидской позиции Демосфена, велел сатрапам щедро снабжать его деньгами – а позднее Александр нашел в Сардах письма Демосфена и записи о выданных ему суммах (Plut. Dem. 20); Эсхин сообщает, что Дарий послал афинянам триста талантов, те не приняли, но Демосфен тайно получил из этих средств семьдесят талантов (Aeschin. III. 239); сходно пишет и Динарх, тоже современник событий, но у него Демосфен берет все триста талантов (Din. I. 10, 18).

А когда на Олимпийских играх возопила Эллада: «Ты – точь-в-точь Демосфен!», Герод отвечал: «Быть бы как фригиец»; именовал же он так Полемона, потому что Лаодикея была тогда приписана к Фригии³¹⁶. А когда кесарь Марк спросил: «Что думаешь о Поломоне?», Герод, устремивши взор горé, произнес: «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает»³¹⁷, тем намекая на рокот и звучность его речей. На вопрос же гипата Барбара, кто были у него наставники, Герод отвечал: «Такой-то и такой-то, когда я учился, и Полемон – когда я сам учил».

Полемон рассказывает, что Диона тоже слушал, нарочно для того ездив в Вифинию. Еще Полемон говаривал, что нестихотворное надобно тащить охапками, а стихотворное – повозками³¹⁸.

А еще вот что добавляет славы Полемону. Смирна вела тяжбу о храмах и их правах, и поверенным своим избрала Полемона, который был уже в преклонных летах, – и поелику скончался он³¹⁹, едва собравшись в путь для защиты сих прав, назначил город других поверенных. (540) Те говорили пред судом кесаря³²⁰ дурно, и он, оборотясь к их спутникам, спросил: «Разве не

³¹⁶ О Лаодикее см. выше (I. 25. 530 и прим.).

³¹⁷ Стих из «Илиады» (Ном. II. X. 535).

³¹⁸ В описываемую эпоху поэзия была почти совершенно оттеснена риторикой, но для Полемона и для Скопелиана она сохраняет свой традиционный престиж – ср. I. 21. 518; см. также II. 620. 27 и прим.

³¹⁹ Ниже (543–544) Филострат говорит, что Полемон умер пятидесяти шести лет и что для софиста это молодость, хотя для кого-то – начало старости; по-разному сообщается и о смерти Полемона: здесь он умирает чуть ли не в дороге, а в конце жизнеописания сходит в могилу

καὶ εἴσεσθε ἄνδρα.” Ὀλυμπίασι δὲ βοησάσης ἐπ’ αὐτῷ τῆς Ἑλλάδος “εἷς ὡς Δημοσθένης,” “εἶθε γάρ” ἔφη “ὡς ὁ Φρύξ,” τὸν Πολέμωνα ὥδε ἐπονομάζων, ἐπειδὴ τότε ἡ Λαοδίκεια τῇ Φρυγίᾳ συνετάττετο. Μάρκου δὲ τοῦ αὐτοκράτορος πρὸς αὐτὸν εἰπόντος “τί σοι δοκεῖ ὁ Πολέμων;” στήσας τοὺς ὀφθαλμοὺς ὁ Ἡρώδης

“ἵππων μ’” ἔφη “ὠκυπόδων ἀμφὶ κτύπος οὐατα βάλλει,”

ἐνδεικνύμενος δὴ τὸ ἐπίκροτον καὶ τὸ ὑψηλὸς τῶν λόγων. ἐρομένου δὲ αὐτὸν καὶ Βαρβάρουⁱ τοῦ ὑπάτου, τίσι καὶ διδασκάλοις ἐχρήσατο, “τῷ δεῖνι μὲν καὶ τῷ δεῖνι” ἔφη “παιδευόμενος, Πολέμωνι δὲ ἤδη παιδεύων.”

Φησὶν ὁ Πολέμων ἡκροᾶσθαι καὶ Δίωνοςⁱⁱ ἀποδημίαν ὑπὲρ τούτου στείλας ἐς τὸ τῶν Βιθυνῶν ἔθνος. ἔλεγε δὲ ὁ Πολέμων τὰ μὲν τῶν καταλογάδην ὥμοις δεῖν ἐκφέρειν, τὰ δὲ τῶν ποιητῶν ἀμάξαις. Κακεῖνα τῶν Πολέμωνι τιμὴν νεμόντωνⁱⁱⁱ ἥριζεν ἡ Σμύρνα ὑπὲρ τῶν ναῶν καὶ τῶν ἐπ’ αὐτοῖς δικαίων, ξύνδικον πεποιημένη τὸν Πολέμωνα ἐς τέρμα ἤδη τοῦ βίου ἤκοντα. ἐπεὶ δὲ ἐν ὁρμῇ τῆς ὑπὲρ τῶν δικαίων ἀποδημίας ἐτελεύτησεν, ἐγένετο μὲν ἐπ’ ἄλλοις ξυνδίκους ἡ πόλις, πονηρῶς δὲ αὐτῶν ἐν τῷ βασιλείῳ δικαστηρίῳ διατιθεμένων (540) τὸν λόγον βλέψας ὁ αὐτοκράτωρ ἐς τοὺς

ⁱ Βάρου Kayser

ⁱⁱ Δίωνα Schmid

ⁱⁱⁱ ἐχόντων Kayser

добровольно. Приходится предположить, что Филострат не только не имел точных сведений о кончине Полемона, но и не пытался избежать явных противоречий: если применительно к возрасту это можно (с натяжкой) объяснить тем, что постоянно хворающий Полемон достигает «склона лет», когда сверстники-софисты еще полны сил, то разноречивое в описании места и времени кончины не объяснить иначе, чем небрежностью.

³²⁰ Полемон умер не ранее 144 и не позднее 153 н.э. — всё это время императором был Антонин Пий.

Полемона назначили вы представлять вас в сей тяжбе?», а они: «Да, ежели ты о софисте», а кесарь: «Так он, наверное, и речь какую приготовил, раз уж намеревался судиться предо мною, да еще по столь важному делу?», а они: «Наверное, государь, да только нам о том неведомо». Вот кесарь и отложил суд, покуда не доставят речь Полемона, когда же ее огласили в судилище, постановил в согласии с нею – и смирнейцы удалились с победой, приговаривая, что Полемон ради них ожил.

Раз уж достопамятны не только глубокомысленные речи знаменитых мужей, но и шуточные, напишу о шутках Полемона, дабы не казались они упущены. Юноша-ионец роскошествовал в Смирне чрезмерно даже для ионийца³²¹, губило же его большое богатство – дурной наставник невоздержному нраву. Звали его Вар. Развращенный льстецами, верил он, будто и всех красавцев краше, и всех высоких выше, и в палестре самый храбрый и ловкий, и что сами Музы не столь сладкую заводят песню, как он, едва вознамерится петь; сходно думал он и о софистах – будто может, произнося речь, обскакать их слогом, так что и вправду произносил речи, должникам же слушание оных засчитывалось частью лихвы. Наложена была сия повинность и на Полемона, который был тогда (541) молод и еще не хворал: он занял у Вара денег, но, как ни почтения ему не оказывал, ни слушать его не ходил, юнец осерчал и стал угрожать повесткою, а повестка – предписание суда с заочным приговором не-

³²¹ Ср. выше (531–532) и прим.

τῶν Σμυρναίων ξυνηγόρους “οὐ Πολέμων” εἶπεν “τουτοῦ τοῦ ἀγῶνος ξύνδικος ὑμῖν ἀπεδέδεικτο;” “ναί,” ἔφασαν “εἴ γε τὸν σοφιστὴν λέγεις,” καὶ ὁ αὐτοκράτωρ “ἴσως οὖν” ἔφη “καὶ λόγον τινὰ ξυνέγραψεν ὑπὲρ τῶν δικαίων, οἷα δὴ ἐπ’ ἐμοῦ τε ἀγωνιούμενος καὶ ὑπὲρ τηλικούτων.” “ἴσως,” ἔφασαν, ὦ βασιλεῦ, “οὐ μὴν ἡμῖν γε εἰδέναι.” καὶ ἔδωκεν ἀναβολὰς ὁ αὐτοκράτωρ τῇ δίκῃ, ἔστ’ ἂν διακομισθῇ ὁ λόγος, ἀναγνωσθέντος δὲ ἐν τῷ δικαστηρίῳ κατ’ αὐτὸν ἐψηφίσατο ὁ βασιλεὺς, καὶ ἀπῆλθεν ἡ Σμύρνα τὰ πρωτεῖα νικῶσα καὶ τὸν Πολέμωνα αὐτοῖς ἀναβεβιωκέναι φάσκοντες.

Ἐπεὶ δὲ ἀνδρῶν ἐλλογίμων ἀξιομνημόνευτα οὐ μόνον τὰ μετὰ σπουδῆς λεχθέντα, ἀλλὰ καὶ τὰ ἐν ταῖς παιδιαῖς, ἀναγράψω καὶ τοὺς ἀστεισμοὺς τοῦ Πολέμωνος, ὥς μηδὲ οὗτοι παραλελειμμένοι φαίνονται. μεираκίον Ἰωνικὸν ἐτρύφα κατὰ τὴν Σμύρναν ὑπὲρ τὰ Ἰώνων ἦθη, καὶ ἀπώλλυ αὐτὸ πλοῦτος βαθύς, ὅσπερ ἐστὶ πονηρὸς διδάσκαλος τῶν ἀκολάστων φύσεων. ὄνομα μὲν δὴ τῷ μεираκίῳ Οὔαρος, διεφθορὸς δὲ ὑπὸ κολάκων ἐπεπείκει αὐτὸ ἑαυτό, ὥς καλῶν τε εἶη ὁ κάλλιστος καὶ μέγας ὑπὲρ τοὺς εὐμήκεις καὶ τῶν ἀμφὶ παλαίστραν γενναιότατός τε καὶ τεχνικώτατος καὶ μηδ’ ἂν τὰς Μούσας ἀναβάλλεσθαι αὐτοῦ ἥδιον, ὅποτε πρὸς τὸ ἄδειν τράποιτο. παραπλήσια δὲ τούτοις καὶ περὶ τῶν σοφιστῶν ὤετο, παριππεῦσαι γὰρ <ἂν>ⁱ καὶ τὰς ἐκείνων γλώττας, ὅποτε μελετῶη, καὶ γὰρ δὴ καὶ ἐμελέτα, καὶ οἱ δανειζόμενοι παρ’ αὐτοῦ χρήματα τὸ καὶ μελετῶντος ἀκροάσασθαι προσέγραφον τῷ τόκῳ. ὑπήγετο δὲ καὶ ὁ Πολέμων τῷ δασμῷ τούτῳ νέος ὢν ἔτι καὶ οὕπῳ νοσῶν, δεδάνειστο γὰρ παρ’ (541) αὐτοῦ χρήματα, καὶ ἐπεὶ μὴ ἐθεράπευε, μηδὲ ἐς τὰς ἀκροάσεις ἐφοῖτα, χαλεπὸν ἦν τὸ μεираκίον καὶ ἡπείλει τύπους, οἱ δὲ τύποι γράμμα εἰσὶν ἀγορᾶς, ἐρήμην ἐπαγγέλλον τῷ οὐκ

ⁱ addidit Cobet

плательщику. Посему домашние корили Полемона, что он, мол, груб и упрям: можно, мол, денег не возвращать и обирать юнца, расплавиваясь одобрительными кивками, а он, мол, вместо этого раздражает его и ожесточает. Наслушавшись подобного, Полемон явился все-таки на выступление Вара, но когда речь его затянулась до позднего вечера и конца было не видеть – да вдобавок вся она была полна и ошибок в оборотах, и варваризмов³²², и внутренних противоречий – вскочил, простер руки и возопил: «Вар! Неси свою повестку!»

А когда анфипат пытал разбойника³²³, уличенного во многих преступлениях, и говорил, что не знает, найдется ли наказание, достойное его злодейств, случившийся рядом Полемон посоветовал: «Вели ему зубрить наизусть всякое старье», ибо, пусть и многое выучив, труднейшим из упражнений почитал сей софист зазубривание наизусть. А увидев единоборца, взмокшего от страха перед схваткой не на жизнь, а на смерть³²⁴, сказал: «Так дрожишь, словно речь собрался произнести»; а повстречав софиста, покупающего колбаски, окуньков и прочую дешевую снедь, сказал: «Невозможно, милейший, достойно изобразить спесь Дария и Ксеркса³²⁵, коли сам кормишься вот таким». А когда любомудр Тимократ сказал ему, что Фаворин, мол, стал болтлив, Полемон весьма остро заметил: «Как любая старуха», тем намекая на Фаворинову евнуховидность³²⁶. А ког-

³²² Очевидно, имеются в виду латинизмы, в разговорной речи использовавшиеся, но риторической нормой воспрещавшиеся, как и любые негреческие (то есть варварские) слова.

³²³ В данном случае пытка – способ не дознания, а наказания.

³²⁴ «Единоборец» – гладиатор; далеко не все гладиаторские бои пред-

ἀποδιδόντι. αἰτιωμένων οὖν τὸν Πολέμωνα τῶν οἰκείων, ὥς ἀηδῇ καὶ δύστροπον, εἰ παρὸν αὐτῷ μὴ ἀπαιτεῖσθαι καὶ τὸ μειράκιον ἐκκαρποῦσθαι παρέχοντα αὐτῷ νεῦμα εὖνουν μὴ ποιεῖ τοῦτο, ἀλλ' ἐκκαλεῖται αὐτὸ καὶ παροξύνει, τοιαῦτα ἀκούων ἀπήντησε μὲν ἐπὶ τὴν ἀκρόασιν, ἐπεὶ δὲ ἐς δείλην ἤδη ὀψίαν τὰ τῆς μελέτης αὐτῷ προὔβαινε καὶ οὐδεὶς ὄρμος ἐφαίνετο τοῦ λόγου, σολοικισμῶν τε καὶ βαρβαρισμῶν καὶ ἐναντιώσεων πλέα ἦν πάντα, ἀναπηδήσας ὁ Πολέμων καὶ ὑποσχὼν τῷ χειρὶ “Οὐαρε”, εἶπεν “φέρε τοὺς τύπους.” ληστήν δὲ πολλὰς αἰτίαις ἐαλωκότα στρεβλοῦντος ἀνθυπάτου καὶ ἀπορεῖν φάσκοντος, τίς γένοιτ' ἂν ἐπ' αὐτῷ τιμωρία τῶν εἰργασμένων ἀξία, παρατυχὼν ὁ Πολέμων “κέλευσον” ἔφη “αὐτὸν ἀρχαῖα ἐκμανθάνειν.” καίτοι γὰρ πλεῖστα ἐκμαθὼν ὁ σοφιστὴς οὗτος ὅμως ἐπιπονώτατον ἡγεῖτο τῶν ἐν ἀσκήσει τὸ ἐκμανθάνειν. ἰδὼν δὲ μονόμαχον ἰδρωτὶ ρέομενον καὶ δεδιότα τὸν ὑπὲρ ψυχῆςⁱ ἀγῶνα “οὕτως” εἶπεν “ἀγωνιᾶς, ὥς μελετᾶν μέλλων.” σοφιστῇ δὲ ἐντυχὼν ἀλλᾶντας ὠνούμενῳ καὶ μαινίδας καὶ τὰ εὐτελεῖ ὄψα “ὦ λῶστε,” εἶπεν “οὐκ ἔστι τὸ Δαρείου καὶ Ξέρξου φρόνημα καλῶς ὑποκρίνασθαι ταῦτα σιτουμένῳ.” Τιμοκράτους δὲ τοῦ φιλοσόφου πρὸς αὐτὸν εἰπόντος, ὥς λάλον χρῆμα ὁ Φαβωρίνος γένοιτο, ἀστειότατα ὁ Πολέμων “καὶ πᾶσα” ἔφη “γραῦς” τὸ εὐνουχῶδες αὐτοῦ διασκώπτων. ἀγωνιστοῦ δὲ τραγωδίας ἐν τοῖς κατὰ τὴν Σμύρναν Ὀλυμπίοις τὸ “ὦ Ζεῦ” ἐς

ⁱ τῆς ψυχῆς Kayser

полагали смерть одного из противников, но трепещущему «единоборцу» предстоял, судя по контексту, именно такой бой.

³²⁵ О моде на рассказы о персах и их царях см. I. 21. 519 и прим.

³²⁶ О ссоре Полемона и Фаворина см. выше (536 и прим., ср. I. 8. 490–491), однако приведенные слова Полемона не выражают неприязни – шутки такого рода не считались злыми или грубыми.

да на Олимпийских играх в Смирне трагический лицедей при словах «о Зевес!» указал на землю, а при словах «и Земля!» воздел руки к небу, председательствовавший Полемон выгнал его (542) с состязаний, заявив: «Руки у него безграмотные!» Но хватит об этом, ибо и рассказанного довольно, чтобы изъяснить обаяние сего мужа.

Речи Полемона – пылкие, задорные и звучные, словно олимпийская труба; заметно у него и Демосфеново по замыслу, и велеречие – не плоское, но блистательное и вдохновенное, будто с треножника³²⁷. Воистину заблуждаются те, кто говорит, будто обвинительные речи он сочинял лучше всех софистов, а вот оправдательные похуже: несправедливость сего утверждения изобличают самые разные оправдательные ипотезы, а более всего «Демосфен, клятвенно отрицающий взятку в пятьдесят талантов»³²⁸, ибо, составив столь сложную оправдательную речь, сумел он управиться с нею округло и искусно. Такое же заблуждение обнаруживаю я у тех, кто полагает, будто путался он в притворных ипотезах, сбиваясь с шагу, словно конь на бездорожье, и отнекиваясь от них словами Гомера:

Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,
кто на душе сокрывает одно, говорит же другое³²⁹.

Тут он, пожалуй, выражается обиняком, указывая на двусмысленность подобных ипотез, но и такие он произносил отменно – это видно и по «разоблаченному снохачу», и по «Ксенофону, желающему умереть вслед за Сократом»³³⁰, и по

³²⁷ То есть с дельфийского треножника, на котором восседала изрекавшая предсказания Пифия; ассоциация вдохновения с треножником была распространена очень широко (cf. Plat. Leg. 719 C).

³²⁸ См. выше, 538 и прим.

τὴν γῆν δείξαντος, τὸ δὲ “καὶ γὰρ” ἐς τὸν οὐρανὸν ἀνασχόντος, προκαθήμενος τῶν Ὀλυμπίων ὁ Πολέμων (542) ἐξέωσεν αὐτὸν τῶν ἄθλων εἰπὼν “οὗτος τῇ χειρὶ ἐσολοίκισεν.” μὴ πλείω ὑπὲρ τούτων, ἀπόχρη γὰρ καὶ ταῦτα τὸ ἐπίχαρι τοῦ ἀνδρὸς δηλῶσαι.

Ἡ δὲ ἰδέα τῶν Πολέμωνος λόγων θερμὴ καὶ ἐναγώνιος καὶ τορὸν ἠχοῦσα, ὥσπερ ἡ Ὀλυμπιακὴ σάλπιγξ, ἐπιπρέπει δὲ αὐτῇ καὶ τὸ Δημοσθενικὸν τῆς γνώμης, καὶ ἡ σεμνολογία οὐχ ὑπτία, λαμπρὰ δὲ καὶ ἔμπνους, ὥσπερ ἐκ τρίποδος. διαμαρτάνουσι μέν<τοι>ⁱ τοῦ ἀνδρὸς φάσκοντες αὐτὸν τὰς μὲν ἐπιφορὰς ἄριστα σοφιστῶν μεταχειρίσασθαι, τὰς δὲ ἀπολογίας ἦττον, ἐλέγχει γὰρ τὸν λόγον τοῦτον ὡς οὐκ ἀληθὴ καὶ ἡ δεῖνα μὲν καὶ ἡ δεῖνα τῶν ὑποθέσεων, ἐν αἷς ἀπολογεῖται, μάλιστα δὲ ὁ Δημοσθένης ὁ τὰ πεντήκοντα τάλαντα ἐξομνύμενος. ἀπολογία γὰρ οὕτω χαλεπὴν διαθέμενος ἤρκεσε τῷ λόγῳ ζὺν περιβολῇ καὶ τέχνῃ. τὴν αὐτὴν ὁρῶ διαμαρτίαν καὶ περὶ τοὺς ἡγουμένους αὐτὸν ἐκφέρεσθαι τῶν ἐσχηματισμένων ὑποθέσεων εἰργόμενον τοῦ δρόμου, καθάπερ ἐν δυσχωρίᾳ ἵππον, παραιτούμενόν τε αὐτὰς τὰς Ὀμηρεῖους γνώμας εἰπεῖν

“ἐχθρὸς γὰρ μοι κεῖνος ὁμῶς Αἴδαο πύλῃσιν,
ὅς χ’ ἕτερον μὲν κεύθη ἐνὶ φρεσίν, ἄλλο δὲ εἶπη”,

ταῦτα γὰρ ἴσως ἔλεγεν αἰνιττόμενος καὶ παραδηλῶν τὸ δύστροπον τῶν τοιούτων ὑποθέσεων, ἄριστα δὲ κάκεῖνα ἠγωνίσαστο, ὡς δηλοῦσιν ὅ τε μοιχὸς ὁ ἐκκεκαλυμμένοςⁱⁱ καὶ

ⁱ μέν<τοι> Westermann suppleuit

ⁱⁱ ἐγκεκαλυμμένος Cobet

³²⁹ Hom. II. IX. 312.

³³⁰ Вероятно, в этой гипотезе Ксенофонт демонстрировал нелепость вынесенного Сократу приговора, требуя казни и для себя, пусть никем и ни в чем не обвиняемого, – и так доказывая равную невиновность Сократа.

«Солону, требующему отменить свои законы, когда Писистрат взял охрану»³³¹ и по трем ипотезам о Демосфене: «Демосфен, доносящий на себя после Херонеи»³³², «Демосфен, (543) требующий себе смерти за сношения с Гарпалом»³³³ и «Демосфен, советуемый бежать на трехрядных кораблях, когда Филипп приближался к городу, а Эсхин провел закон о казни всякого, кто помянет о войне»³³⁴ – в них более, чем в других его притворных ипотезах, выражены оба смысла и речь обуздана.

Врачам, часто посещавшим его, когда страдал он окаменением суставов, приказывал Полемон дробить и рыхлить его каменоломни, а Героду о болезни своей писал так: «Поесть – нету рук; ходить – нету ног; а вот болью маяться – тут у меня и ноги и руки».

³³¹ В 594 до н.э. Солон дал афинянам законы, послужившие затем основой всего гражданского устройства, но вскоре Писистрат, стремившийся к тирании, потребовал себе телохранителей – о попытках Солона воспротивиться этому см. у Аристотеля (*Arist. Athen. Polit. XIV. 2*); хотя известно, что законы Солона Писистрат отменить так и не решился, содержащееся в ипотезе требование указывает на невозможность их неукоснительного соблюдения при тирании, которая по самой сути противозаконна.

³³² Демосфен был инициатором антимакедонской коалиции греческих городов, войска которой были разбиты Филиппом при Херонее – в этом поражении Демосфена иногда винули, он же объяснял, что ни в чем не ошибся (*Dem. XVII. 244–247*); можно полагать, что в ипотезе он тоже доказывал правильность своих действий, для виду вставая на позицию обвинителей и демонстрируя всю ее абсурдность.

³³³ В 324 до н.э. казначей Александра Гарпал с несколькими кораблями золота и с несколькими тысячами воинов прибыл в Афины и предложил использовать царские богатства для борьбы «за свободу»: осторожные афиняне с Гарпалом так и не сговорились, но в процессе

ὁ Ξενοφῶν ὁ ἀξιῶν ἀποθνήσκειν ἐπὶ Σωκράτει καὶ ὁ Σόλων ὁ αἰτῶν ἀπαλείφειν τοὺς νόμους λαβόντος τὴν φρουρὰν τοῦ (543) Πεισιστράτου καὶ οἱ Δημοσθένεις τρεῖς, ὁ μετὰ Χαιρώνειαν προσαγγέλλων¹ ἑαυτὸν καὶ ὁ δοκῶν θανάτου ἑαυτῷ τιμᾶσθαι ἐπὶ τοῖς Ἀρπαλείοις καὶ ὁ συμβουλευὼν ἐπὶ τῶν τριήρων φεύγειν ἐπιόντος μὲν Φιλίππου, νόμον δὲ Αἰσχίνου κεκυρωκότος ἀποθνήσκειν τὸν πολέμου μνημονεύσαντα. ἐν γὰρ ταύταις μάλιστα τῶν ὑπ' αὐτοῦ κατὰ σχῆμα προηγμένων ἡνία τε ἐμβέβληται τῷ λόγῳ καὶ τὸ ἐπαμφοτέρον αἰ διάνοιαι σώζουσιν.

Ἰατροῖς δὲ θαμὰ ὑποκείμενος λιθιῶντων αὐτῷ τῶν ἄρθρων παρεκελεύετο αὐτοῖς ὀρύττειν καὶ τέμνειν τὰς Πολέμωνος λιθοτομίας. Ἡρώδης δὲ ἐπιστέλλων ὑπὲρ τῆς νόσου ταύτης ὧδε ἐπέστειλεν· “δεῖ ἐσθίειν, χειρας οὐκ ἔχω· δεῖ βαδίζειν, πόδες οὐκ εἰσὶ μοι· δεῖ ἀλγεῖν, τότε καὶ πόδες εἰσὶ μοι καὶ

¹ προσαγγέλλων Wright, προσάγων <τῇ βουλῇ> Lucarini; προσάγων mss.

переговоров кое-кто (якобы и Демосфен) получил взятки, а больше двух тысяч талантов золота (!) пропало – в итоге Демосфен оказался под судом и затем в изгнании; Плутарх, от которого в основном известна эта история, в бескорыстие Демосфена не верит (Plut. Dem. 25–26). Вероятно, и в этой гипотезе Демосфен вставал на позиции обвинителей, чтобы свести их обвинения к абсурду.

³³⁴ Сходный рассказ (тоже популярный предмет риторических композиций) существует и о Фемистокле, по совету которого граждане вывезли домочадцев на Эгину и в Трезен, оставив город пустым, а сами на кораблях отправились к Саламину, где и состоялась знаменитая битва (Hdt. VII. 141–143; Plut. Them. 10). Известно и о сходном с описанным законодательным запрете: незадолго до реформ Солона афиняне, истощенные неудачной борьбой за Саламин, запретили даже упоминать этот остров (Plut. Sol. 8); зато свидетельств о упоминаемом здесь законе Эсхина и реакции на него Демосфена не существует – возможно, этот сюжет возник под влиянием вышеупомянутых рассказов о Солоне и Фемистокле, хотя не вполне исключена также и порча текста.

Скончался он примерно пятидесяти шести лет от роду: для иных занятий сей возраст – начало старости, но для софиста еще молодость, ибо лишь с годами искусство сие доставляет мудрость. Могилы его в Смирне нет, хоть и рассказывают о нескольких: то ли что похоронен он в саду святилища Доблести³³⁵, то ли что поодаль, у моря – там некий малый храм, а в нем изваяние Полемона, справляющего праздничные обряды на трехрядном корабле³³⁶, вот, мол, под сим изваянием он и лежит; иные же говорят, что погребен он во дворе своего дома, под медными кумирами. Но всё это неправда: умри он в Смирне, его не сочли бы недостойным упокоиться в одном из самых приметных святилищ, а посему всего вероятнее, что лежит он в Лаодикее у Сирийских ворот, где и предков его могилы³³⁷. Погребли его еще живого – так он наказал своим (544) и, лежа в склепе, поторапливал запиравших усыпальницу: «Ну же, ну же! Да не узрит солнце меня молчащим!», а оплакивающим его домашним крикнул: «Верните тело, и скажу речь!»

С Полемоном прекратилось и всё Полемоново: даже прямые его потомки заслугами сравниться с ним не могут, кроме одного, о коем скажу несколько позже³³⁸.

³³⁵ У римлян был культ богини Доблести (Virtus), получивший некоторое распространение и в греческом мире под греческим именем 'Αρετή (букв. перевод Virtus).

³³⁶ О корабле Диониса см. 530–531.

³³⁷ Отсутствие точных сведений о могиле Полемона наводит на мысль, что могила его была забыта: даже если он и вправду был по-

χειρες.” Ἐτελεύτα μὲν περὶ τὰ ἕξ καὶ πεντήκοντα ἔτη, τὸ δὲ μέτρον τῆς ἡλικίας τοῦτο ταῖς μὲν ἄλλαις ἐπιστήμαις γήρως ἀρχή, σοφιστῇⁱ δὲ νεότης ἔτι, γηράσκουσα γὰρ ἦδε ἡ ἐπιστήμη σοφίαν ἀρτύνει. τάφος δὲ αὐτοῦⁱⁱ κατὰ τὴν Σμύρναν οὐδεὶς, εἰ καὶ πλείους λέγονται· οἱ μὲν γὰρ ἐν τῷ κήπῳ τοῦ τῆς Ἀρετῆς ἱεροῦ ταφῆναι αὐτόν, οἱ δὲ οὐ πόρρω τούτου ἐπὶ θαλάττῃ, νεῶς δέ τις ἐστὶ βραχὺς καὶ ἄγαλμα ἐν αὐτῷ Πολέμωνος ἐσταλμένον, ὥς ἐπὶ τῆς τριήρους ὠργιάζεν, ὑφ’ ᾧ κεῖσθαι τὸν ἄνδρα, οἱ δὲ ἐν τῇ τῆς οἰκίας αὐλῇ ὑπὸ τοῖς χαλκοῖς ἀνδριᾶσιν. ἔστι δὲ οὐδὲν τούτων ἀληθές, εἰ γὰρ ἔτελεύτα κατὰ τὴν Σμύρναν, οὐδενὸς ἂν τῶν θαυμασίων παρ’ αὐτοῖς ἱερῶν ἀπηξιώθη τὸ μὴ οὐκ ἐν αὐτῷ κεῖσθαι. ἀλλ’ ἐκεῖνα ἀληθέστερα, κεῖσθαι μὲν αὐτόν ἐν τῇ Λαοδικείᾳ παρὰ τὰς Συρίας πύλας, οὗ δὴ καὶ τῶν προγόνων αὐτοῦ θῆκαι, ταφῆναι δὲ αὐτόν ζῶντα ἔτι, τουτὶ γὰρ τοῖς φιλτάτοις ἐπισκῆψαι, κείμενόν τε ἐν τῷ σήματι (544) παρακελεύεσθαι τοῖς συγκλείουσι τὸν τάφον “ἔπαγε, ἔπαγε,ⁱⁱⁱ μὴ γὰρ ἴδοι με σιωπῶντα ἥλιος.” πρὸς δὲ τοὺς οἰκείους ὀλοφυρομένους αὐτόν ἀνεβόησε· “δότε μοι σῶμα καὶ μελετήσομαι^{iv}.”

Μέχρι Πολέμωνος τὰ Πολέμωνος, οἱ γὰρ ἐπ’ αὐτῷ γενόμενοι ξυγγενεῖς μὲν, οὐ μὴν οἷοι πρὸς τὴν ἐκείνου ἀρετὴν ἐξετάζεσθαι, πλὴν ἑνὸς ἀνδρός, περὶ οὗ μικρὸν ὕστερον λέξω.

ⁱ σοφιστ<ικ>ῇ Lucarini

ⁱⁱ αὐτῷ Kayser

ⁱⁱⁱ ἔπειγε ἔπειγε Cobet

^{iv} μελετήσομαι Vb et Kayser; μετεμβήσομαι cett.

гребен в семейном склепе в Лаодикее, в Смирне об этом не знали, а если кто интересовался, места указывали самые разные, — всё, что говорит по этому поводу Филострат, он опровергает или подтверждает исключительно рассуждениями о том «как должно быть» и «как не должно быть», с реальностью напрямик не сверяясь.

³³⁸ См. II. 25.

26. Не премину помянуть и о *Секунде* Афинском³³⁹, коего иные прозывали «Шпонка», потому что он был сын плотника. Сей софист в замысле был превосходен, а в изложении прост; выучивши Герода, он поссорился с ним, когда тот и сам уже преподавал, потому-то Герод, бывало, шутил: «Злобу питает гончар к гончару и к ритору плотник»³⁴⁰ – однако же, когда Секунд умер, он и речь произнес, и слезу уронил, хотя скончался тот в старости. (545) Достопамятно у него многое, наипаче же гипотеза «затевявшему мятеж – смерть, подавившему мятеж – награда, а ежели затевявший и подавивший – один и тот же и требует награду?» Секунд был краток: «Стало быть, что сначала? – начать мятеж; что затем? – прекратить. Вот же тебе сперва кара за то, в чем провинился, а за то, в чем отличился, получи, коли сумеешь, награду». Таков был сей муж, а похоронен он близ Элевсина, справа по Мегарской дороге.

³³⁹ Об этом софисте ничего больше не известно: в *Суде* (Sud. Σ 189) сведения о нем заимствуются у Филострата, причем Секунд смешивается с Плинием Младшим на том лишь основании, что одно из имен Плиния было *Secundus*.

³⁴⁰ Ср. I. 8. 491 и прим.

κς'. Μηδὲ Σεκούνδου τοῦ Ἀθηναίου ἀμνημονῶμεν, ὃν ἐκάλουν ἐπίουρόν τινες ὡς τέκτονος παῖδα. Σεκοῦνδος τοίνυν ὁ σοφιστὴς γινῶναι μὲν περιττός, ἐρμηνεύσαι δὲ ἀπέρिटτος, Ἡρώδην δὲ ἐκπαιδεύσας ἐς διαφορὰν αὐτῷ ἀφίκετο παιδεύοντι ἤδη, ὅθεν ὁ Ἡρώδης διετώθαζεν αὐτὸν ἐκεῖνο ἐπιλέγων·

“καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ ῥήτορι τέκτων,”

ἀλλ' ἀποθανόντι καὶ λόγον ἐπεφθέγγετο καὶ δάκρυα ἐπέδωκε καίτοι γηραιῷ τελευτήσαντι. (545) Μνήμης δὲ ἄξια τοῦ ἀνδρὸς τούτου καὶ πλείω μὲν, μάλιστα δὲ ἡδε ἢ ὑπόθεσις· “ὁ ἄρξας στάσεως ἀποθνησκέτω καὶ ὁ παύσας στάσιν ἐχέτω δωρεάν· ὁ αὐτὸς καὶ ἄρξας καὶ παύσας αἰτεῖ τὴν δωρεάν.” τήνδε τὴν ὑπόθεσιν ὧδε ἐβραχυλόγησεν· “οὐκοῦν” ἔφη “τί πρότερον; τὸ κινῆσαι στάσιν. τί δεύτερον; τὸ παῦσαι. δούς οὖν τὴν ἐφ' οἷς ἡδίκηεις τιμωρίαν, τὴν ἐφ' οἷς εὖ πεποίηκας δωρεάν, εἰ δύνασαι, λάβε.”

τοιόσδε μὲν ὁ ἀνὴρ οὗτος, τέθαπται δὲ πρὸς τῇ Ἐλευσῖνι ἐν δεξιᾷ τῆς Μέγαράδε ὁδοῦ.

КНИГА ВТОРАЯ

1. А вот что надобно знать о *Героде* Афинском. Софист Герод был из (546) семейства, в коем было двое гипатов¹, род же свой возводил к Эакидам, некогда призванным Элладою в союзники против Перса, а посему числил в родстве Мильтиада и Кимона — оба превосходны доблестью и весьма почитаемы афинянами и прочими эллинами за персидские войны, ибо первый положил почин победам (547) над персами, другой же за сим покарал проникнувших новою дерзостью варваров². Еще он умел лучше всех употреблять свое богатство³, а об этом мы должны понимать, что дело сие отнюдь не пустячное, но многохлопотное и многотрудное, потому-то в опьянении богатством

¹ Отец Герода Ти. Клавдий Аттик ок. 108 н.э. был консулом-суффектом; до него никто из афинян и даже из жителей римской провинции Ахайя (балканской Греции) не занимал столь высокой должности. Следующим консулом в семействе был (в 143 н.э.) сам Герод, но текст такого толкования не допускает: остается думать, что Филострат либо ошибся, либо приукрасил реальность, либо, как у него случается, назвал «гипатом» не консула, а какого-то иного сановника. Предки Герода сблизилась с римской властной элитой на заре Империи, когда только что добившийся единоличной власти Август постановлением афинского Совета и Народа был провозглашен воплощением Аполлона, которого сам считал главным покровителем своей державы — жрецом этого новопровозглашенного Аполлона стал Евклес, пращур Герода, несомненно использовавший свое немалое влияние, чтобы постановление об Августе-Аполлоне было принято. Через несколько десятилетий, когда распространился государственный культ Рима и Цезаря (так наз. «императорский культ»), в Афинах главой отправлявшей его коллегии стал Полихарм, следующий по старшинству за Евклесом; при Нероне его место занял Герод — прапрадед софиста Герода и первый в роду римский гражданин, получивший гражданство вместе с личным и родовым именем от Нерона, так что звался Ти. Клавдий Герод (ср. I. 21. 515 и прим., о жрецах в семье Скопелиана). Историю семьи Герода можно проследить до II в. до н.э.: представители ее нередко занимали долж-

Β΄

α΄. Περὶ δὲ Ἡρώδου τοῦ Ἀθηναίου τάδε χρή εἶδέναι· ὁ σοφιστὴς Ἡρώδης ἐτέλει μὲν ἐκ (546) πατέρων ἐς τοὺς δισυπάτους, ἀνέφερε δὲ ἐς τὸν τῶν Αἰακιδῶν, οὓς ξυμμάχους ποτὲ ἡ Ἑλλάς ἐπὶ τὸν Πέρσῃν ἐποιεῖτο, ἀπηξίου δὲ οὐδὲ τὸν Μιλτιάδην, οὐδὲ τὸν Κίμωνα, ὡς ἄνδρε ἀρίστῳ καὶ πολλοῦ ἀξίῳ Ἀθηναίοις τε καὶ τοῖς ἄλλοις Ἑλλήσι περὶ τὰ Μηδικά, ὁ μὲν γὰρ ἤρξε τροπαίων (547) Μηδικῶν, ὁ δὲ ἀπῆτησε δίκας τοὺς βαρβάρους ὧν μετὰ ταῦτα ὕβρισαν.

Ἄριστα δὲ ἀνθρώπων πλούτῳ ἐχρήσατο. τουτὶ δὲ μὴ τῶν εὐμεταχειρίστων ἡγώμεθα, ἀλλὰ τῶν παγχαλέπων τε καὶ δυσκόλων, οἱ γὰρ πλούτῳ μεθύοντες ὕβριν τοῖς

ности архонтов и гоппитархов (о «воеводе латников» см. II. 16. 596 и прим.), а как потомки Керика, сына Гермеса, были в (мифологическом) родстве с элевсинскими Евмолпидами и могли начинать свою генеалогию чуть ли не с похищения Персефоны. При римлянах влияние их росло, Гиппарх был уже римским всадником, сохраняя «семейные» должности жреца Аполлона и принцепала императорского культа, — всё это наследовал Аттик, который к тому же при получении преторского звания был введен в Сенат, а чуть позже консульство вознесло его еще выше; итак, Герод как по римскому, так и по греческому счету был очень знатен.

² Перед Саламинской битвой (480 до н.э.) греки призывали на помощь легендарных царей острова — Эака, его сына и внука (Эакидов) Теламона и Аякса и их потомков (Hdt. VIII. 64); марафонский победитель Мильтиад претендовал быть потомком Аякса Великого; в 466–465 до н.э. его сын Кимон изгнал персов из Херсонеса Фракийского и затем разбил при Евримедонте; знаменательно, что греческое имя старшей дочери Герода было Элпиника (см. 558 и прим.) — в честь дочери Мильтиада, сестры Кимона. По одной из сохранившихся от Герода надписей можно видеть, что род свой он возводил также к Гераклу (IG II/III² 3606), а через Керика — к его родителям Гермесу и Герсе, дочери основателя Афин Кекропа (Paus. I. 2. 6).

³ За это умение Филострат хвалит также Прокла (II. 21. 603) и Дамиана (II. 23. 605).

столь многие прямо-таки затопляют всё круг себя гордынею. Однако же, хоть клеветают о Плутосе, будто слеп⁴, да только, ежели когда и казался слеп, на Героде прозрел, понеже увидел и друзей, и города, и племена, и всех, о ком тот имел попечение, созидавая сокровищницы богатства своего в душах единомышленников: недаром же говорил, что при надлежащем управлении богатством надобно помогать нуждающимся, дабы не нуждались, а не нуждающимся – дабы не оказались в нужде; а богатство под спудом скупости и не идущее оттого в оборот называл он мертвым; а ларцы, в коих иные держат деньги, называл узилищами Плутоса; а тех, кому мнится, будто накопленным деньгам еще и жертвы приносить надобно, – Алоадами, свершающими жертвоприношение Арею, коего сами же заточили⁵.

Источники богатства его были многие и от многих семейств, но по большей части от отца с матерью⁶. Правда, дед его Гиппарх был лишен состояния по обвинению в посягательстве на тиранию – хоть афиняне хода этому делу не дали, кесарю оно было небезызвестно⁷, – зато сыном Гиппарха Аттиком, отцом Герода, Удача не пренебрегла, но, когда соделался он из богача бедняком, указала несметный клад в одном из куплен-

⁴ Образ слепого и потому не способного к справедливому распределению Плутоса был ходовым – таков он уже у Гиппонакта (Hippon. frg. 36. 1) и у Аристофана (Aristoph. Plut. 90 etc.).

⁵ О пленении Арея великанами Алоадами см. Ном. II. V. 385-403.

⁶ Мать Герода – Вибуллия Алкия, дочь Афинаиды, родной сестры Аттика, то есть его племянница (у греков подобные браки были менее скандальны, чем у римлян, считавших союз, например, Клавдия и Агриппины кровосмесительным); у супругов был еще один сын, мо-

ἀνθρώποις ἐπαντλοῦσιν. προσδιαβάλλουσι δὲ ὡς καὶ τυφλὸν τὸν πλοῦτον, ὃς εἰ καὶ τὸν ἄλλον χρόνον ἐδόκει τυφλός, ἀλλ' ἐπὶ Ἡρώδου ἀνέβλεψεν, ἔβλεψε μὲν γὰρ ἐς φίλους, ἔβλεψε δὲ ἐς πόλεις, ἔβλεψε δὲ ἐς ἔθνη, πάντων περιωπὴν ἔχοντος τοῦ ἀνδρὸς καὶ θησαυρίζοντος τὸν πλοῦτον ἐν ταῖς τῶν μετεχόντων αὐτοῦ γνώμαις. ἔλεγε γὰρ δὴ, ὡς προσήκοι τὸν ὀρθῶς πλούτῳ χρώμενον τοῖς μὲν δεομένοις ἐπαρκεῖν, ἵνα μὴ δέωνται, τοῖς δὲ μὴ δεομένοις, ἵνα μὴ δεηθῶσιν, ἐκάλει τε τὸν μὲν ἀσύμβολον πλοῦτον καὶ φειδοῖ κεκολασμένον νεκρὸν πλοῦτον, τοὺς δὲ θησαυρούς, ἐς οὓς ἀποτίθενται τὰ χρήματα ἔνιοι, πλούτου δεσμωτήρια, τοὺς δὲ καὶ θύειν ἀξιοῦντας ἀποθέτοις χρήμασιν Ἀλωάδας ἐπωνόμαζε θύοντας Ἄρει μετὰ τὸ δῆσαι αὐτόν.

Πηγαὶ δὲ αὐτῷ τοῦ πλούτου πολλαὶ μὲν καὶ πολλῶν οἴκων, μέγιστα δὲ ἢ τε πατρώα καὶ ἢ μητρόθεν. ὁ μὲν γὰρ πάππος αὐτοῦ Ἰππαρχος ἐδημεύθη τὴν οὐσίαν ἐπὶ τυραννικαῖς αἰτίαις, ἃς Ἀθηναῖοι μὲν οὐκ ἐπῆγον, ὁ δὲ αὐτοκράτωρ οὐκ ἠγνόησεν, Ἀττικὸν δὲ τὸν μὲν ἐκείνου παῖδα, Ἡρώδου δὲ πατέρα οὐ περιεΐδεν ἢ Τύχη πένητα ἐκ πλουσίου γενόμενον,

ложе Герода, и дочь; Вибуллии были богатым родом, в Коринфе и в Спарте причислявшимся к высшей знати.

⁷ Гиппарх был едва ли не первым богачом Империи (Suet. Vesp. 13), а между тем в Афинах действовало прежнее законодательство и покушение на тиранию оставалось тягчайшим преступлением (ср. 559–560, о сходных претензиях к Героду); хотя времена смягчились и дело как-то замяли, а Гиппарху, разумеется, удалось избежать смерти, значительная часть его имущества было конфискована.

ных им близ театра домов; он же, ввиду огромности сокровища, обнаружил больше осмотрительности, нежели радости, а посему обратился к (548) кесарю с посланием и написал так: «Государь, я нашел в принадлежащем мне строении клад; как велишь поступить?», а кесарь – правил же тогда Нерва – в ответ: «Вот и трать, что нашел!», когда же Аттик с прежней осмотрительностью написал, что сокровище для него великовато, отвечал: «Вот и трать без оглядки нежданную находку, ибо она – тебе»⁸. Тогда-то Аттик и возвеличился, а сын его Герод и того пуще, ибо к отцовскому богатству добавилось материнское, немногим меньшее.

А вот блистательный пример великодушия того же Аттика. Вступив в управление вольными азийскими городами⁹, Герод увидел, что в Троаде с банями беда: воду черпают из колодцев вперемешку с землей и даже роют хранилища для дождевой воды. Итак, он написал кесарю Адриану, чтобы тот не позволил древнему и для мореплавания удобному городу пропасть из-за грязи, но дал бы триста мириад на воду¹⁰, ведь деревням-то, мол, он уже выделил куда больше. Кесарь похвалил Герода за намерение, согласовавшееся и с собственными его склонностями, и

⁸ Всего за два года Нерва многое сделал для смягчения жестоких нравов первого века Империи и, в частности, перестал присваивать имущество богачей: для Аттика это было новостью, в которую он не сразу поверил. Правда, сама «находка» была, видимо, как-то связана с надеждами на терпимость Нервы – иначе не объяснить, почему еще не нашедший клада Аттик покупал дома в городе, то есть решался использовать не выявленные при конфискации средства.

ἀλλ' ἀνέδειξεν αὐτῷ θησαυροῦ χρήμα ἀμύθητον ἐν μιᾷ τῶν οἰκιῶν, ἃς πρὸς τῷ θεάτρῳ ἐκέκτετο, οὗ διὰ μέγεθος εὐλαβῆς μᾶλλον ἢ περιχαρῆς γενόμενος ἔγραψε πρὸς (548) τὸν αὐτοκράτορα ἐπιστολὴν ὧδε συγκειμένην· “θησαυρόν, ὃ βασιλεῦ, ἐπὶ τῆς ἐμαυτοῦ οἰκίας εὔρηκα· τί οὖν περὶ αὐτοῦ κελεύεις;” καὶ ὁ αὐτοκράτωρ, Νερούας δὲ ἦρχε τότε, “χρῶ” ἔφη “οἷς εὔρηκας.” τοῦ δὲ Ἀττικοῦ ἐπὶ τῆς αὐτῆς εὐλαβείας μείναντος καὶ γράψαντος ὑπὲρ ἑαυτὸν εἶναι τὰ τοῦ θησαυροῦ μέτρα “καὶ παραχρῶ” ἔφη “τῷ ἐρμαίῳ, σὸν γὰρ ἐστίν.” ἐντεῦθεν μέγας μὲν ὁ Ἀττικός, μείζων δὲ ὁ Ἡρώδης, πρὸς γὰρ τῷ πατρὶ ἑαυτοῦ πλούτῳ καὶ ὁ μητρῷος αὐτῷ πλοῦτος οὐ παρὰ πολὺ τούτου ἐπερρῦη.

Μεγαλοψυχία δὲ λαμπρὰ καὶ περὶ τὸν Ἀττικὸν τοῦτον ἦρχε μὲν γὰρ τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν ἐλευθέρων πόλεων ὁ Ἡρώδης, ἰδὼν δὲ τὴν Τρωάδα βαλανεῖων τε πονήρως ἔχουσιν καὶ γεῶδες ὕδωρ ἐκ φρεάτων ἀνιμῶντας ὀμβρίων τε ὑδάτων θήκας ὀρύττοντας ἐπέστειλεν Ἀδριανῷ αὐτοκράτορι μὴ περιδεῖν πόλιν ἀρχαίαν καὶ εὐθάλαττον αὐχμῷ φθαρεῖσαν, ἀλλ' ἐπιδοῦναι σφισι τριακοσίας μυριάδας ἐς ὕδωρ, ὧν πολλαπλασίους ἤδη καὶ κώμαις ἐπιδεδώκοι. ἐπήνεσεν ὁ αὐτοκράτωρ τὰ ἐπεσταλμένα ὡς πρὸς τρόπου ἑαυτῷ ὄντα καὶ τὸν Ἡρώδη αὐτὸν ἐπέταξε τῷ ὕδατι. ἐπεὶ

⁹ Ок. 135 н.э. Адриан назначил Герода, тогда в должности квестора, корректором (финансовым инспектором) самоуправляющихся городов Азии, одной из богатейших провинций; далее речь идет об Александрии Троянской – это название сокращали до «Троады» уже в I в. н.э. (Acta 16: 8, 11; 20: 5–6).

¹⁰ О счете денег см. I. 25. 533 и прим.

поручил дело ему же. Когда расходы достигли семисот мириад, азийские наместники стали писать кесарю, что, мол, слыханное ли дело – взимать налоги с пятисот городов ради колодца в одном; кесарь попрекнул этим Аттика, а тот с отменным великодушием: «Государь, – говорит, – не тревожься из-за малости, я же всё, что уйдет сверх трехсот мириад, подарю сыну, (549) а сын подарит городу». Да и завещание, в коем оставил он афинскому народу по мине¹¹ в год на каждого, свидетельствует о его щедрости, не раз явленной и по другим поводам: так, нередко жертвовал он богине¹² по сто быков за день, угощая афинский народ по отраслям и братствам¹³, а когда справлялись Дионисии и кумир Диониса приносили вниз, в Академию¹⁴, он поил в Керамике равно горожан и гостей, устраивая ложа на подстилках из плюща.

Раз уж упомянул я завещание Аттика, надобно объяснить, почему афиняне обиделись на Герода. Об афинянах в завещании было так, как я сказал, а вписано было сие по совету ближних отпущенников: те, примечая природную суровость Герода к отпущенникам и рабам, постарались сделать подарок афинскому народу, в коем намеревались затем обрести заслуженное убежище¹⁵, – а каково было у Герода с отпущенниками, о том

¹¹ Мина – древняя (догреческая) расчетная единица, примерно равная фунту серебра.

¹² У афинян Афина как главная покровительница города часто называлась просто «богиня».

¹³ Отрасль (фила) – избирательное и военное подразделение (афиняне делились на десять фил); братство (фратрия) – родовая корпорация; ср. I. 11. 495 и прим.

¹⁴ Во время Великих Дионисий, когда поспевало молодое вино, кумир Диониса торжественно переносили из Ленейского храма в дру-

δὲ ἐς ἑπτακοσίας μυριάδας ἢ δαπάνη προὔβαινεν ἐπέστελλόν τε τῷ αὐτοκράτορι οἱ τὴν Ἀσίαν ἐπιτροπεύοντες, ὡς δεινὸν πεντακοσίων πόλεων φόρον ἐς μιᾶς πόλεως δαπανᾶσθαι κρήνην, ἐμέμψατο πρὸς τὸν Ἀττικὸν ὁ αὐτοκράτωρ ταῦτα, καὶ ὁ Ἀττικὸς μεγαλοφρονέστατα ἀνθρώπων “ὦ βασιλεῦ”, εἶπεν “ὕπὲρ μικρῶν μὴ παροξύνου, τὸ γὰρ ὑπὲρ τὰς τριακοσίας μυριάδας ἀναλωθὲν ἐγὼ μὲν τῷ υἱῷ (549) ἐπιδίδωμι, ὁ δὲ υἱὸς τῇ πόλει ἐπιδώσειⁱ.” καὶ αἱ διαθῆκαι δέ, ἐν αἷς τῷ Ἀθηναίων δήμῳ κατέλειπε καθ’ ἕκαστον ἔτος μνᾶν καθ’ ἓνα, μεγαλοφροσύνην κατηγοροῦσι τοῦ ἀνδρός, ἥ καὶ ἐς τὰ ἄλλα ἐχρήτο, ἑκατὸν μὲν βοῦς τῇ θεῷ θύων ἐν ἡμέρᾳ μιᾷ πολλάκις, ἐστιῶν δὲ τῇ θυσίᾳ τὸν Ἀθηναίων δῆμον κατὰ φυλὰς καὶ γένη, ὁπότε δὲ ἤκοι Διονύσια καὶ κατίοι ἐς Ἀκαδημίαν τὸ τοῦ Διονύσου ἔδος, ἐν Κεραμειῷ ποτίζων ἀστοὺς ὁμοίως καὶ ξένους κατακειμένους ἐπὶ στιβάδων κιττοῦ.

Ἐπεὶ δὲ τῶν τοῦ Ἀττικοῦ διαθηκῶν ἐπεμνήσθην, ἀνάγκη καὶ τὰς αἰτίας ἀναγράψαι, δι’ ἃς προσέκρουσεν Ἡρώδης Ἀθηναίοις· εἶχον μὲν γὰρ αἱ διαθῆκαι, ὡς εἶπον, ἔγραψε δὲ αὐτὰς συμβουλίᾳ τῶν ἀμφ’ ἑαυτὸν ἀπελευθέρων, οἳ χαλεπὴν ὀρῶντες τὴν Ἡρώδου φύσιν ἀπελευθέροις τε καὶ δούλοις ἀποστροφὴν ἐποιοῦντο τοῦ Ἀθηναίων δήμουⁱⁱ, ὡς τῆς δωρεᾶς αὐτοῖς αἵτιοι. καὶ ὅποια μὲν τῶν ἀπελευθέρων τὰ πρὸς

ⁱ ἐπιδώσει Cobet; ἐπιδίδωσι mss.

ⁱⁱ τὸν Ἀθηναίων δῆμον Valckenaer

гой, близ Академии; роща Академа, по которой названа местность и находившаяся там же школа Платона, расположены ниже Ленея.

¹⁵ Отпущенники Аттика имели через него же полученное при отпуске на волю римское гражданство, но тем самым оставались младшими членами семьи (фамилии) и под отцовской властью домовладыки, а домовладыкой после смерти Аттика становился Герод – от него-то они и надеялись избавиться, заработав афинское гражданство и так словно бы укryвшись среди афинян.

свидетельствует обвинительная речь, где метко наострил он против них стрекало языка своего. По обнаружении завещания афиняне сошлись с Геродом на том, что он откупится разовой выплатой в пять мин, а уж после ничего платить не станет. Однако, когда пошли они к менялам за условленным, те принялись зачитывать долговые расписки их отцов и дедов семейным Герода и выдвигали встречные требования, так что иным насчитали какие-то крохи, иным ничего, а иных и вовсе задержали на майдане, покуда не расплатятся. Столь раздосадовало сие лишенных подарка афинян, что не переставали они ненавидеть Герода, даже когда тот мнил себя их благодетелем, – потому-то и говорили, что, мол, <недаром> ристалище его зовется «Всеафинским», оно ведь и впрямь построено на средства, отнятые у всех афинян. А дело было так. Он исполнял у афинян должность эпониима¹⁶, а еще должность попечителя Панэллинских игр¹⁷, а когда был почтен еще и председательством (550) на Панафинях, объявил: «Вас, афиняне, а из эллинов тех, кто придет, а из атлетов тех, кто будет состязаться, уважу я беломраморным ристалищем». Обещавши сие, он за четыре года возвел на том берегу Илисса стадион, всех чудес превосходнейший, ибо никакой театр не может с ним равняться¹⁸. А еще я слышал об описываемых Панафинях, что вознесенное на корабле одеяние¹⁹

¹⁶ Имеется в виду тот из девяти архонтов («правителей»), который давал свое имя году; Герод был эпонимом в 126/127 н.э., что в его семействе не было особенной редкостью: эпонимы 60/59 до н.э., 46/45 до н.э. и 47/48 н.э. несомненно были предками Герода.

¹⁷ Панэллинские игры – часть культурного проекта Адриана, желавшего, в частности, чтобы хоть какие-то из всегреческих игр справлялись в дорогих ему Афинах; впервые это произошло в 139 н.э.

¹⁸ Вернее было бы сказать, что Герод заново отстроил старинный Па-

τὸν Ἡρώδην, δηλούτω ἡ κατηγορία, ἣν πεποίηται σφῶν πᾶν κέντρον ἡρμένος τῆς ἑαυτοῦ γλώττης. ἀναγνωσθειςῶν δὲ τῶν διαθηκῶν ξυνέβησαν οἱ Ἀθηναῖοι πρὸς τὸν Ἡρώδην πέντε μνᾶς αὐτὸν ἐσάπαξ ἐκάστῳ καταβαλόνταⁱ πρίασθαι παρ' αὐτῶν τὸ μὴ αἰεὶ διδόναι· ἀλλ' ἐπεὶ προσήεσαν μὲν ταῖς τραπέζαις ὑπὲρ τῶν ὠμολογημένων, ἐпанεγιγνώσκετο δὲ αὐτοῖς ξυμβόλαια πατέρων τε καὶ πάππων ὡς ὀφειλόντων τοῖς Ἡρώδου γονεῦσιν ἀντιλογισμοῖς τε ὑπήγοντο καὶ οἱ μὲν μικρὰ ἡριθμοῦντο, οἱ δὲ οὐδέν, οἱ δὲ συνείχοντο ἐπ' ἀγορᾶς ὡς καὶ ἀποδώσοντες, παρώξυνε ταῦτα τοὺς Ἀθηναίους ὡς ἡρπασμένους τὴν δωρεὰν καὶ οὐκ ἐπαύσαντο μισοῦντες, οὐδὲ ὁπότε τὰ μέγιστα εὐεργετεῖν ᾤετο. τὸ οὖν στάδιον ἔφασαν «εὖ» ἐπωνομάσθαιⁱⁱ Παναθηναϊκόν, κατεσκευάσθαι γὰρ αὐτὸ ἐξ ὧν ἀπεστεροῦντο Ἀθηναῖοι πάντες.

Καὶ μὴν καὶ ἐλειτούργησεν Ἀθηναίοις τὴν τε ἐπώνυμον καὶ τὴν τῶν Πανελληνίων, στεφανωθείς (550) δὲ καὶ τὴν τῶν Παναθηναίων “καὶ ὑμᾶς”, εἶπεν “ὦ Ἀθηναῖοι, καὶ τῶν Ἑλλήνων τοὺς ἥξοντας καὶ τῶν ἀθλητῶν τοὺς ἀγωνιουμένους ὑποδέξομαι σταδίῳ λίθου λευκοῦ.” καὶ εἰπὼν ταῦτα τὸ στάδιον τὸ ὑπὲρ τὸν Ἴλισσὸν ἔσω τεττάρων ἐτῶν ἀπετέλεσεν ἔργον ξυνθείς ὑπὲρ πάντα τὰ θαύματα, οὐδὲν γὰρ θέατρον αὐτῷ ἀμιλλᾶται. κάκεῖνα περὶ τῶν Παναθηναίων

ⁱ καταβάλλοντα Kayser

ⁱⁱ ἔφασαν «εὖ» ἐπωνομάσθαι Kayser, «δικαίως» ἔφασαν ἐπωνομάσθαι Stefec

нафинеийский стадион, в классическую эпоху скромный, с деревянными сиденьями, а ок. 330 до н.э. обновленный в мраморе; Герод начал работы в 140 н.э., с небывалой щедростью используя для отделки пентелийский мрамор, донныне добываемый на СВ Аттики; Павсаний в «Описании Эллады» тоже называет Геродов стадион чудом света (Paus. I. 19. 7).

¹⁹ Во главе Панафинеийской процессии катился на колесах корабль, парусом которому служило окрашенное драгоценным шафраном и богато расшитое новое одеяние (пеплос) Афины.

было краше картины и наполнено попутным ветром, а влекли корабль не тягловые скоты, но подземные машины²⁰. Выйдя из Керамика на тысяче весел, корабль достигнул Элевсиния, обогнул его, миновал Пеласгикон и прибыл в Пифий, где и ныне стоит²¹. На другом конце стадиона устроено святилище Удачи, которая всему управительница; там же сработанный из слоновой кости кумир ее.

А еще изменил он одежду афинских эфебов на нынешний лад, первым нарядив их в белые плащи, ибо прежде они присутствовали в собраниях и участвовали в праздничных шествиях, облаченные в черное²², – в память общей скорби афинян по глашатаю Копрею, коего сами же афиняне убили, когда пытался он оттащить Гераклидов (551) от алтаря²³. А еще возвел он для афи-

²⁰ Непонятно, что за машины имеются в виду: ни у Филострата, ни в других источниках нет свидетельств о глубоких рвах столь значительной протяженности, устроенных ради одного праздника и затем засыпанных снова, чтобы вернуть людям возможность передвигаться по городу, а главное, самоходных машин у римлян (как и много веков после них) не было, так что корабль несомненно двигался на живой тяге – вероятно, искусно закамуфлированной, чтобы создать иллюзию «подземных машин», и у кого-то эту иллюзию создававшей. Конечно, нельзя исключить порчу текста (пусть в объеме не более одного слова), вместо «подземные» (ὐπόγειαι) могло быть что-то другое, но без «тягла» машины остаются самоходными, а смысл прежним: источник Филострата сообщает, что корабль двигался с помощью не «скотов», а неких невидимых машин. Камуфляжи вроде описанного известны в основном по эпохе барокко, как часть характерной для стиля в целом вселенской иллюзии, но технические возможности XVII и XVIII вв. не превосходили римские – просто у римлян иллюзия еще не стала промышленностью и у Герода была устроена *ad hoc*.

²¹ Это – часть обычного маршрута Панафинейской процессии; Пеласгикон назван по «пеласгам» (догреческому и/или микенскому населению, о котором греки ничего не знали); о Пифии см. у Павсания: «Кто спускается с Акрополя, но не в нижний город, а чрез Пропилеи, увидит ручеек и неподалеку в пещерке святилище Аполлона... Тут

τούτων ἤκουον πέπλον μὲν ἀνῆφθαι τῆς νεῶς ἡδίω γραφῆς
 ξὺν οὐρίῳ τῷ κόλπῳ, δραμεῖν δὲ τὴν ναῦν οὐχ ὑποζυγίων
 ἀγόντων, ἀλλ' ὑπογείοις μηχαναῖς ἐπολισθάνουσαν, ἐκ
 Κεραμεικοῦ δὲ ἄρασαν χιλία κώπη ἀφεῖναι ἐπὶ τὸ Ἑλευσίνιον
 καὶ περιβαλοῦσαν αὐτὸ παραμεῖψαι τὸ Πελασγικὸν
 κομιζομένην τε παρὰ τὸ Πύθιον ἐλθεῖν, οἳ νῦν ὥρμισται. τὸ
 δὲ ἐπὶ θάτερα τοῦ σταδίου νεῶς ἐπέχει Τύχης καὶ ἄγαλμα
 ἐλεφάντινον ὡς κυβερνώσης πάντα. μετεκόσμησε δὲ καὶ
 τοὺς Ἀθηναίων ἐφήβους ἐς τὸ νῦν σχῆμα χλαμύδας πρῶτος
 ἀμφιέσας λευκάς, τέως γὰρ δὴ μελαίνας ἐννημμένοι τὰς
 ἐκκλησίας περιεκάθηντο καὶ τὰς πομπὰς ἔπεμπον πενθούντων
 δημοσίᾳ τῶν Ἀθηναίων τὸν κήρυκα τὸν Κοπρέα, ὃν αὐτοὶ
 ἀπέκτειναν τοὺς Ἡρακλείδας (551) τοῦ βωμοῦ ἀποσπῶντα.

же и так называемый Ареев Холм... А рядом с оным Ареопагом показывают корабль, сделанный для панафинейского шествия» (I. 28. 4, 5; 29. 1). Павсаний был младшим современником Герода, так что речь несомненно о том самом корабле, хотя храм Аполлона «Пифием» не назван – можно полагать, что название было местным, потому-то Павсаний его не употребляет, а афинянин Филострат употребляет.

²² Молодые афинские граждане с восемнадцати до двадцати лет проходили что-то вроде срочной службы (в частности, охраняли Пирей) в сочетании с усиленной военной подготовкой; они также непременно участвовали в торжественных процессиях. До реформы Герода их верхняя одежда действительно была черной, но у Филострата выходит, что затем они всегда были в белом, а из текста постановления, принятого по инициативе Герода в 165/166 н.э., следует, что в белом они были лишь в Элевсинской процессии (IG II/III² 2090. 5–11). Филострат сам был эфебом после Герода и не мог этого не знать, так что здесь либо гиперболизирует реформу, либо (гораздо вероятнее) сохранившееся постановление было не единственным и de facto после Герода и благодаря ему праздничные плащи эфебов были белыми всегда.

²³ Когда потомки Геракла искали убежища в Афинах, Копрей пытался оттащить их от алтаря, таким образом лишив неприкосновенности: у Еврипида он при этом остается жив, потому что особа глашатая священна и неприкосновенна (Eur. Heraclid. 271–284), у других

нян в память Региллы²⁴ театр, крытый кедровою кровлей, при том что древесина эта хороша и для ваяния²⁵. Описанные строения оба в Афинах, и таких больше нигде у римлян в державе их нет, однако же стоит помянуть и крытый театр, построенный Геродом в Коринфе²⁶, – хоть афинскому он заметно уступает, в прочих местах числится среди немногих достохвальных; а еще надо помянуть истмийские изваяния²⁷ – и колосс Истмийского бога²⁸, и кумир Амфитриты, и другие кумиры, коими заполнил он храм, а еще Меликертова дельфина²⁹. А в Пифо устроил он ради Пифийского бога ристалище³⁰, а в Олимпии ради Зевса водопровод, а в Фермопилах ради фессалийцев и ради обитающих близ Малийского залива эллинов купальни с целительной для болящих водой³¹; а еще заселил запустелые к тому времени Орик в Эпире³² и в Италии Канусий, снабдив его столь потребным ему водоснабжением³³, да и другим городам – и на Евбее, и в Пелопоннесе, и в Беотии – так или сяк помог.

Однако же, при всех столь великих делах, сам он полагал, что не свершил ничего великого, понеже не прорыл насквозь

древнеклассических авторов тоже не говорится об убийстве. Отсюда не следует, что кощунственное убийство глашатая выдуманно самим Филостратом: скорее всего, в Афинах этот миф бытовал (возможно, как раз в связи с одеждой эфбев) и Филострат его использовал, однако другого рассказа об убийстве Копрея до нас не дошло.

²⁴ О смерти Региллы см. ниже (555–556 и прим.).

²⁵ Этот театр (более известный как Одеон) расположен на южном склоне Акрополя и так хорошо сохранился, что до сих пор иногда используется по назначению; Павсаний (Paus. VII. 20. 6) говорит об Одеоне как о самом пышном и грандиозном театре в Греции, превосходящем даже театр в Патрах, прежде считавшийся самым красивым.

²⁶ Остатки этого театра можно видеть в археологической зоне Коринфа; с ним обычно отождествляется упоминаемый Павсанием коринфский «Одеон» (Paus. II. 3. 6).

²⁷ Подробное описание этих огромных слоновой кости статуй см. у Павсания (Paus. II. 1. 7).

ἀνέθηκε δὲ Ἡρώδης Ἀθηναίοις καὶ τὸ ἐπὶ Ῥηγίλλῃ θέατρον κέδρου ξυνθεὶς τὸν ὄροφον, ἡ δὲ ὕλη καὶ ἐν ἀγαλματοποιαῖς σπουδαία· δύο μὲν δὴ ταῦτα Ἀθήνησιν, ἃ οὐχ ἐτέρωθι τῆς ὑπὸ Ῥωμαίοις, ἀξιούσθω δὲ λόγου καὶ τὸ ὑπωρόφιον θέατρον, ὃ ἐδείματο Κορινθίοις, παρὰ πολὺ μὲν τοῦ Ἀθήνησιν, ἐν ὀλίγοις δὲ τῶν παρ' ἄλλοις ἐπαινουμένων, καὶ τὰ Ἰσθμοῖ ἀγάλματα ὅτε τοῦ Ἰσθμίου κολοσσὸς καὶ ὁ τῆς Ἀμφιτρίτης καὶ τὰ ἄλλα, ὧν τὸ ἱερὸν ἐνέπλησεν, οὐδὲ τὸν τοῦ Μελικέρτου παρελθὼν δελφῖνα. ἀνέθηκε δὲ καὶ τῷ Πυθίῳ τὸ Πυθοῖ στάδιον καὶ τῷ Διὶ τὸ ἐν τῇ Ὀλυμπίᾳ ὕδωρ, Θετταλοῖς τε καὶ τοῖς περὶ Μηλιακὸν κόλπον Ἑλλησι τὰς ἐν Θερμοπύλαις κολυμβήθρας τοῖς νοσοῦσι παιωνίους. ὥκισε δὲ καὶ τὸ ἐν τῇ Ἠπειρῷ Ὠρικὸν ὑποδεδωκὸς ἤδη καὶ τὸ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Κανύσιον ἡμερώσας ὕδατι μάλα τούτου δεόμενον, ὥνησε δὲ καὶ τὰς ἐν Εὐβοίᾳ καὶ Πελοποννήσῳ καὶ Βοιωτίᾳ πόλεις ἄλλο ἄλλην.

καὶ τοσοῦτος ὢν ἐν μεγαλουργίᾳ μέγα οὐδὲν εἰργάσθαι ᾤετο, ἐπεὶ μὴ τὸν Ἰσθμὸν ἔτεμεν, λαμπρὸν ἡγούμενος ἥπειρον

²⁸ Культ Посейдона был более всего развит на Истме, где, в частности, справлялись панэллинские Истмийские игры – поэтому Посейдон иногда зовется Истмийским богом или Истмием.

²⁹ В страхе перед безумным царем Афамантом его жена Ино и малолетний сын Палемон бросились в море и превратились в морских богов Левкотею и Меликерта (тождественного финикийскому богу мореплавания Мелькарту); по одному из мифов, Меликерт был перенесен дельфином на Истм.

³⁰ Остатки этого стадиона до сих пор можно видеть в Дельфах.

³¹ О водолечебнице упоминает и Павсаний (Paus. IV. 35. 9).

³² В гражданскую войну Орик был почти совершенно разрушен легионами Помпея (Cass. D. XLII. 12. 2) и затем долго не мог по-настоящему отстроиться.

³³ Засушливость области, где находился Канусий, упоминает и Гораций (Hor. Sat. I. 5. 91).

Истм, ибо почитал он несравненным подвигом рассечь материк, соединить два моря и сократить плавание из одного в другое до двадцати шести стадиев³⁴, – но как ни страстно он сего желал, а так и не посмел попросить у кесаря, опасаясь быть обвинен в покушении (552) на дело, которое даже Нерону оказалось не по силам³⁵. А проболтался он об этом вот как. Слышал я от Ктесидема Афинского, что ехали они однажды в Коринф и, когда проезжали Истм, Герод воскликнул при бывшем рядом Ктесидеме: «О Посейдон, я-то хочу, да никто не позволит!», когда же удивленный Ктесидем спросил о смысле сих слов, отвечал: «Я давно уже бьюсь оставить потомкам знак, самым замыслом своим обнаруживающий, что я за человек, но, думаю, не случилась мне пока таковая слава». Тут Ктесидем принялся повторять все хвалы словам и делам его, кои, мол, никому не превзойти, а Герод: «Всё названное тленно и изничтожится временем, да и речи мои разбирают по крохам, порицая за то и за се, а прорыть Истм – дело бессмертное и вопреки природе, ибо думается мне, что рассечь сей перешеек скорее Посейдону по силам, нежели человеку³⁶».

³⁴ Стадий – ок. 180 м, так что здесь длина канала ок. 4,7 км; открытый в 1893 Коринфский канал несколько протяженнее, ок. 6 км (глубина 8 м, ширина ок. 23 м, высота стен до 76 м) и сокращает путь кораблям более чем на двести морских миль (ок. 400 км).

³⁵ В конце правления Нерон задумал прорыть канал через Истм и начал было исполнять свой замысел (Филострат издевается над этим в VA IV. 24; ср. Nero 636–639), но после его смерти работы прекратились; желание прорыть канал и избавить моряков от опасного плавания вокруг Малейского мыса приписывают также Перияндру, Деметрию Полиоркету, Цезарю и Калигуле. Когда канал в конце концов

ἀποτεμεῖν καὶ πελάγη ξυνάψαι διττὰ καὶ <ἐς> περίπλουν σταδίων ἕξ καὶ εἴκοσι θαλάττης ξυνελεῖν μήκη. καὶ τούτου ἦρα μὲν, οὐκ ἐθάρρει δὲ αὐτὸ αἰτεῖν ἐκ βασιλέως, ὥς μὴ διαβληθείη διανοίας δοκῶν (552) ἄπτεσθαι, ἢ μηδὲ Νέρων ἤρκεσεν. ἐξελάλησε δὲ αὐτὸ ὧδε· ὥς γὰρ ἐγὼ Κτησιδήμου τοῦ Ἀθηναίου ἤκουον, ἤλαυνε μὲν τὴν ἐπὶ Κορίνθου ὁ Ἡρώδης συγκαθημένου τοῦ Κτησιδήμου, γενόμενος δὲ κατὰ τὸν Ἴσθμὸν “Πόσειδον,” εἶπεν “βούλομαι μὲν, συγχωρήσει δὲ οὐδεὶς.” θαυμάσας οὖν ὁ Κτησίδημος τὸ εἰρημένον ἤρετο αὐτὸν τὴν αἰτίαν τοῦ λόγου. καὶ ὁ Ἡρώδης “ἐγὼ” ἔφη “πολὺν χρόνον ἀγωνίζομαι σημεῖον ὑπολείπεσθαι¹ τοῖς μετ’ ἐμὲ ἀνθρώποις διανοίας δηλούσης ἄνδρα καὶ οὕτω δοκῶ μοι τῆς δόξης ταύτης τυγχάνειν.” ὁ μὲν δὲ Κτησίδημος ἐπαίνους διήκει τῶν τε λόγων αὐτοῦ καὶ τῶν ἔργων ὥς οὐκ ἐχόντων ὑπερβολὴν ἐτέρῳ, ὁ δὲ Ἡρώδης “φθαρτὰ” ἔφη “λέγεις ταῦτα, καὶ γὰρ ἐστὶ χρόνῳ ἁλωτά, καὶ τοὺς λόγους ἡμῶν τοιχωρυχοῦσιν ἕτεροι ὁ μὲν τὸ μεμφόμενος, ὁ δὲ τό, ἡ δὲ τοῦ Ἴσθμοῦ τομὴ ἔργον ἀθάνατον καὶ ἀπιστούμενον τῇ φύσει, δοκεῖ γάρ μοι τὸ ρῆξαι τὸν Ἴσθμὸν Ποσειδῶνος δεῖσθαι ἢ ἀνδρός.”

¹ ὑπολείπεσθαι Cobet

был прорыт, Панамский и Суэцкий каналы уже существовали – но и в конце XIX в. «рассечение Истма» было трудным делом.

³⁶ Несмотря на центральное место Герода как во Второй софистике, так и (вполне заслуженно) в VS, от него сохранились лишь фрагменты речи «О государстве» (Dreger 1908), атрибуция которой не бесспорна; до нас дошли также многочисленные надписи, автором которых был сам Герод: см., например, SEG XIII. 222 = XXII. 216 (на пьедестале статуи Региллы) и SEG XXVI. 290 (на смерть третьего ребенка, которому Герод жертвует свои волосы) – обе элегическим дистихом.

А тот, кого многие³⁷ именовали Геродовым Гераклом, был юноша «с девственным пухом»³⁸, ростом же с рослого кельта, то есть почти в восемь футов. Герод описывает его в одном из посланий к Юлиану³⁹: мол, кудри у него умеренной длины, а брови густые и сросшиеся, а блеск глаз выдает задорность нрава, а нос горбатый, а шея толстая, но более от трудов, нежели от питания, а грудь крепкая и юношески стройная, а голени чуть выгнуты наружу, что придает поступи его устойчивость, а одет, мол, (553) в сшитую из волчьих шкур рубаху и мерился, мол, силою с дикими кабанами, с шакалами, с волками и с разъяренными быками и показывает рубцы от сих схваток.

Кое-кто говорит, будто сей Геракл родился от земли и явился на свет в беотийской стране⁴⁰, однако же Герод сообщает, что, по собственным словам юноши, у матери его доставало

³⁷ Иногда считается, что об этом же персонаже рассказывают Плутарх (Plut. Quaest. conv. 660 e) и Лукиан (Luc. Demon. 1), хотя оба именуют его Сострат; многие исследователи уверены, что этот «Геракл» – историческое лицо, Филостратом лишь беллетризованное, хотя беллетризация вовсе не предполагает смены имени (скажем, Аполлоний остается Аполлонием), так что если рассказ об Агафione и создан не без влияния преданий о беотийском богатыре, притом (по Плутарху) большим любителе молока, Сострат не идентичен Агафиону, которого Филострат – вероятно, вслед Героду, на которого ссылается – изображает аттическим полудемоном; в любом случае «многие» – не Плутарх и тем более не Лукиан, а неизвестные лица, в передаче которых рассказ Герода дошел до Филострата.

³⁸ «Юноша с девственным пухом на свежих ланитах...» (Hom. Od. X. 279).

Ὅν <δ>ⁱ ἐκάλουν οἱ πολλοὶ Ἡρώδου Ἡρακλέα, νεανίας οὗτος ἦν ἐν ὑπὴνῃ πρώτῃ Κελτῶ μεγάλῳ ἴσος καὶ ἐς ὀκτὼ πόδας τὸ μέγεθος. διαγράφει δὲ αὐτὸν ὁ Ἡρώδης ἐν μιᾷ τῶν πρὸς τὸν Ἰουλιανὸν ἐπιστολῶν, κομᾶν τε ξυμμέτρως καὶ τῶν ὀφρῦων λασίως ἔχειν, ἃς καὶ ξυμβάλλειν ἀλλήλαις οἶον μίαν, χαροπὴν τε ἀκτῖνα ἐκ τῶν ὀμμάτων ἐκδίδοσθαι παρεχομένην τι ὀρμῆς ἥθος καὶ γρυπὸν εἶναι καὶ εὐτραφῶς ἔχοντα τοῦ αὐχένος, τουτὶ δὲ ἐκ πόνων ἦκειν αὐτῷⁱⁱ ἢ σίτου. εἶναι δὲ αὐτῷ καὶ στέρνα εὐπαγῇ καὶ ξὺν ὥρᾳ κατεσκληρότα, καὶ κνήμην μικρὸν ἐς τὰ ἔξω κυρτουμένην καὶ παρέχουσαν τῇ βάσει τὸ εὖ βεβηκέναι. ἐνῆφθαι δὲ αὐτὸν καὶ (553) δορὰς λύκων, ῥαπτὸν ἔσθημα, ἄθλους τε ποιεῖσθαι τοὺς ἀγρίους τῶν συῶν καὶ τοὺς θῶας καὶ τοὺς λύκους καὶ τῶν ταύρων τοὺς ὑβρίζοντας, καὶ ὠτειλὰς δὲ δεικνύναι τούτων τῶν ἀγώνων. γενέσθαι δὲ τὸν Ἡρακλέα τοῦτον οἱ μὲν γηγενῇ φασιν ἐν τῷ Βοιωτίῳ δήμῳⁱⁱⁱ, Ἡρώδης δὲ ἀκοῦσαι

ⁱ ἄνδρος. ὅν <δ> Kayser; ἀνδρός, ὅν mss.

ⁱⁱ αὐτῷ μᾶλλον Kayser

ⁱⁱⁱ δήμῳ mss β, alii Δηλίῳ

³⁹ Обычно считается, что речь идет о приятеле Фронтонa, также принадлежавшем к ближнему кругу Марка (Front. M. Caes. IV. 1, 2; Amic. I. 17, 19) и чаще всего отождествляемом с Т. Клавдием Юлианом, но есть и другие подходящие по времени и положению Юлианы (правовед Сальвий Юлиан, ритор Антоний Юлиан), так что точная идентификация невозможна.

⁴⁰ В креационном эпосе от Земли рождаются Титаны, Гиганты и чудовища (cf. Hes. Theog. passim), но в исторической реальности на автохтонность претендовали многие племена, якобы рожденные от Земли на том же месте, где по-прежнему обитают: так, сыном Земли был предок и первый царь аркадян Пеласг (e.g. Paus. VIII. 1. 2) – человек, пусть и «оного времени». В культурном отношении беотийцы не слишком обгоняли аркадян и могли сохранять в своем мифологическом ресурсе легенды о рождении от Земли, поэтому связь Агаффона с Беотией может быть отголоском преданий о Сострате.

силы пасти коров⁴¹, отец же его – Марафон⁴², и в Марафоне его изваяние, ибо он герой⁴³ и покровитель земледельцев. Герод спросил, бессмертен ли он, а тот: «Смертен, но живу дольше⁴⁴». Еще Герод спросил, чем он кормится, а тот: «По большей части молоком, а кормят меня и козы, и стада коров, и недавно ожеребившиеся кобылицы, да и вымена ослиц дают нежное и сладкое молоко⁴⁵. А когда достается мне ячмень, я съедаю десять мер⁴⁶, собирают же мне таковой обед марафонские и беотийские земледельцы, прозававшие меня Агафион, ибо мнят меня добрым знаменьем»⁴⁷. А Герод: «А что же твой говор? Кто и как воспитал тебя? Право, мне ты не кажешься неучем!» А Агафион: «Аттическая глушь – отличное училище для того, кто хочет

⁴¹ Выпас коров был мужской работой, так как требовал физической силы (ср. Theocr. I. 86).

⁴² Сведения об этом герое (имя его буквально означает «Укроп») скудны: то ли он был сын коринфского царя Эпопея, от жестокости которого бежал в Атику (Paus. II. 1. 1), то ли самого Аполлона (Sud. M 177) и участвовал в походе против Афидны (Dicaearch. ap. Plut. Thes. 32: там он «Мараф»); культ его был одним из важнейших местных (марафонских) культов (Paus. I. 32. 4); кроме упоминаемой Филостратом статуи, в Марафоне имелась картина с его изображением (ibid. 15. 3).

⁴³ Герои – обожествленные мифологические предки, чей культ был сходен с культом подземных богов (жертвенные животные черного цвета, на низком алтаре, лицом на запад); иногда статус героя присваивался эпическим и даже историческим персонажам, но отец Агафиона – герой традиционный, «хозяин» Марафона и предок его жителей, лучший среди которых Герод, так что не зря Агафион явился именно к нему.

⁴⁴ Отец Агафиона – герой и бессмертен, а мать при всей своей не-

λέγοντός φησιν, ὡς μήτηρ μὲν αὐτῷ γένοιτο γυνὴ [βουκόλος] οὕτω τι ἐπερρωμένηⁱ, ὡς βουκολεῖν, πατὴρ δὲ Μαραθῶν, οὗ τὸ ἐν Μαραθῶνι ἄγαλμα, ἔστι δὲ ἥρως γεωργός. ἤρετό τε τὸν Ἡρακλέα τοῦτον ὁ Ἡρώδης, εἰ καὶ ἀθάνατος εἴη, ὁ δὲ “θνητοῦ” ἔφη “μακροημερώτερος.” ἤρετο αὐτὸν καὶ ὁ τι σιτοῖτο, ὁ δὲ “γαλακτοφαγῶ” ἔφη “τὸν πλείω τοῦ χρόνου καί με βόσκουσιν αἰγές τε καὶ ποιῖναιⁱⁱ τῶν τε βοῶν καὶ τῶν ἵππων αἱ τοκάδες, ἐκδίδοται δέ τι καὶ θηλῆς ὄνων γάλα εὖποτόν τε καὶ κοῦφον, ἐπειδὴν δὲ ἀλφίτοις προσβάλλω, δέκα σιτοῦμαι χοίνικας, καὶ ζυμφέρουσί μοι τὸν ἔρανον τοῦτον γεωργοὶ Μαραθῶνιοί τε καὶ Βοιωτίοι, οἳ με καὶ Ἀγαθίωνα ἐπονομάζουσιν, ἐπειδὴ καὶ εὐξύμβολος αὐτοῖς φαίνομαι.” “τὴν δὲ δὴ γλῶτταν” ἔφη ὁ Ἡρώδης “πῶς ἐπαιδευθῆς καὶ ὑπὸ τίνων; οὐ γάρ μοι τῶν ἀπαιδευτῶν φαίνεται.” καὶ ὁ Ἀγαθίων “ἢ μεσογεία” ἔφη “τῆς Ἀττικῆς ἀγαθὸν διδασκαλεῖον ἀνδρὶ

ⁱ ἐρρωμένη Cobet

ⁱⁱ ποιῖναι Jacobs et Cobet, ποιμένες Kayser

обычной силе смертна (иное было бы оговорено), так что сам он имеет статус, сходный со статусом смертного полубога или некоторых демонов природы, например, горных дриад из гомеровского гимна к Афродите, которые «многие лета живут, амвросийною кормятся пищей», пляшут и любятся с богами, но в конце концов умирают, когда умирает их дерево (Hymn. Hom. V. 259–272).

⁴⁵ Пристрастие Агафиона к молоку может быть позаимствовано из рассказа Плутарха о Сострате и навряд ли должно считаться ритуальным, так как молоко – животная пища, в большинстве ритуальных диет запретная, хотя ритуальный элемент в диете Агафиона присутствует, коль скоро она исключает даже косвенный контакт с женщиной, что не очень хорошо согласуется с употреблением молока; возможно, столь экзотическое сочетание создано Филостратом, но вернее, что самим Геродом.

⁴⁶ Мера (χοῖνιξ) – ок. 1,09 л зерна (или иных сыпучих тел), общепринятая норма хлеба на один день.

⁴⁷ От греч. ἀγαθός (добрый).

складно изъясняться. Афиняне у себя в городе принимают за деньги тьму фракийской, и понтийской, и от прочих варварских племен молодежи и так портят собственную речь куда больше, нежели способствуют улучшению чужой⁴⁸, а сердце страны не затронуто варварами – речь там чистая и в самом звуке языка слышна аттическая высота».

А Герод: «А случалось тебе бывать на великих праздниках?» А Агафион: «Был на Пифийских играх, но не мешался с толпою, а слушал с вершины Парнаса мусические состязания, (554) и, когда восхищались внизу трагедией Паммена, показалось мне, что мудрые эллины ведут себя недостойно, потешаясь злодействами Пелопидов и Лабдакидов – ежели доверять сказкам, они до страшных дел доведут»⁴⁹. Видя таковое любоумудрие⁵⁰, Герод спросил мнение его также и о гимнастических состязаниях, а тот: «Это мне еще смешнее – наблюдать, как люди силятся одолеть друг друга во всеборье⁵¹ и в кулачном бое, и в беге, и в борьбе, да еще получают за подобное венки! Венчать надобно бегуна, обогнавшего коня либо оленя, или силача, поборовшего быка либо медведя, – я-то каждый день совершаю такое, раз уж отняла у меня судьба великое состязание, ибо в Акарнании не водятся более львы⁵²». Преисполнясь восхище-

⁴⁸ Филострат не раз хвалит тех, кто привлекает молодежь в столицы учености (ср. I. 483; 21. 520), и для софиста это естественно, но он и к трагедиям (ср. II. 10. 590; 11. 591), панэллинским играм (ср. II. 17. 597) и пр. относится с уважением – а вкусы Агафиона изображает как сугубо консервативные, хотя, разумеется, с симпатией (симпатия к любому, хотя бы и радикальному, консерватизму присуща древнеклассической культуре в целом).

⁴⁹ Ужасная судьба «проклятых домов» (особенно Лабдакида Эдипа и его потомков) пользовалась большим успехом у поэтов, главным образом трагических – не только греческих, но и римских, так что Агафион говорит здесь о вселенской, в сущности, моде.

βουλομένῳ διαλέγεσθαι¹, οἱ μὲν γὰρ ἐν τῷ ἅσκει Ἀθηναῖοι μισθοῦ δεχόμενοι Θράκια καὶ Ποντικά μεράκια καὶ ἐξ ἄλλων ἔθνων βαρβάρων ξυνερρηκότα παραφθείρονται παρ' αὐτῶν τὴν φωνὴν μᾶλλον ἢ ξυμβάλλονταί τι αὐτοῖς ἐς εὐγλωττίαν, ἢ μεσογεία δὲ ἄμικτος βαρβάρους οὔσα ὑγιαίνει αὐτοῖς ἢ φωνὴ καὶ ἢ γλῶττα τὴν ἄκραν Ἀτθίδα ἀποψάλλει.” “πανηγύρει δὲ” ἦ δ' ὁ Ἡρώδης “παρέτυχες;” καὶ ὁ Ἀγαθίων “τῇ γε Πυθοῖ” ἔφη “οὐκ ἐπιμιγνὺς τῷ ὁμίλῳ, ἀλλ' ἐκ περιωπῆς τοῦ Παρνασοῦ ἀκούων τῶν τῆς μουσικῆς ἀγωνιστῶν, (554) ὅτε Παμμένης ἐπὶ τραγῳδία ἐθαυμάσθη, καὶ μοι ἔδοξαν οἱ σοφοὶ Ἑλληνες οὐ χρηστὸν πρᾶγμα ἐργάζεσθαι τὰ τῶν Πελοπιδῶν καὶ τὰ τῶν Λαβδακιδῶν κακὰ ξὺν ἡδονῇ ἀκούοντες, ξύμβουλοι γὰρ σχετλίων ἔργων μῦθοι μὴ ἀπιστούμενοι.” φιλοσοφοῦντα δὲ αὐτὸν ἰδὼν ὁ Ἡρώδης ἤρετο καὶ περὶ τῆς γυμνικῆς ἀγωνίας ὅπως γιγνώσκοι, καὶ ὃς “ἐκείνων” ἔφη “καταγελῶ μᾶλλον ὁρῶν τοὺς ἀνθρώπους διαγωνιζομένους ἀλλήλοις παγκράτιον καὶ πυγμὴν καὶ δρόμον καὶ πάλην καὶ στεφανουμένους ὑπὲρ τούτου· στεφανούσθω δὲ ὁ μὲν δρομικὸς ἀθλητῆς ἔλαφον παρελθὼν ἢ ἵππον, ὁ δὲ τὰ βαρύτερα ἀσκῶν ταύρω συμπλακείς ἢ ἄρκτῳ, ὃ ἐγὼ ὀσημέραι πρᾶττω μέγαν ἄθλον ἀφηρημένης μοι τῆς τύχης, ἐπεὶ μηκέτι βόσκει λέοντας Ἀκαρνανία.”

¹ inter βουλομένῳ et διαλέγεσθαι <καθαρώς> uel <ἀττικῶς> uel <παιδευμένως> inserendum esse Schroeder censet

⁵⁰ Мнение о вредоносности трагедий явно перекликается с мнением Платона о вредоносности эпоса, коль скоро в нем изображаются войны между богами (Plat. Resp. X. 595 A–608 D); это мнение разделялось преемниками и почитателями Платона – отсюда и «такоево любомудрие».

⁵¹ Всеборье (панкратион) – популярное у греков и включенное в Олимпийские игры состязание, нечто вроде современных «боев без правил».

⁵² О существовании львов на территории «от Неста до Ахелоя» (т. е. от Фракии до упоминаемой здесь Акарнании) сообщает Геродот (Hdt. VII. 126) и вслед ему более поздние авторы (Arist. Hist. Anim. 579 b, 606 b; Plin. Nat. VIII. 45; Ael. Nat. Anim. XVIII. 36); Ксенофонт пишет,

ния, Герод пригласил его разделить трапезу; Агафион отвечал: «Завтра в полдень приду к тебе в храм Канопа⁵³, а у тебя пусть будет жбан, из храмовых наибольший и с молоком, не женщиною надоенным»⁵⁴. Назавтра он явился в условленный час и, принявшись к жбану, объявил: «Молоко нечисто, смердит рукою женщины!» – и с таковыми словами ушел, ни глоточка не отведав. Герод, памятуя сказанное насчет женщины, послал на скотный двор разведать правду, а когда узнал, что точно так и есть, понял, что знакомец его не чужд божественной природы.

Что же до взводящих на Герода навет, будто на горе Иде поднял он руку на Антонина – в ту пору, когда сам правил в Азии вольными городами, а тот всеми остальными, – так вот, они, полагаю, не знают о деле Демострата против Герода, (555) в коем тот, во многом обвиняя Герода, даже не поминает о сем непристойном происшествии, потому что ничего подобного не было. И верно, хоть случилась между ними стычка, какие бывают в тесноте и неудобье, до рукоприкладства не дошло – иначе Демострат не преминул бы задержаться на том в судебной речи,

что львы встречаются на склонах Пинда, Пангея и Кисса (Хен. Сун. XI. 1); Павсаний рассказывает о фессалийском атлете IV в. до н.э. Полидаманте, что он желал сравниться с Гераклом и для того убил льва – а львы тогда якобы забегали в Фессалию с севера (Paus. VI. 5. 4–5). Легенда о Полидаманте могла повлиять и на позднейшую традицию: об исчезновении львов как достойных противников силачей сожалеет не только Агафион, но и ритор IV в. н.э. Фемистий (Them. Or. p. 140).

⁵³ Возможно, речь идет о храме Сераписа (о таком храме близ Афин говорит Павсаний: Paus. I. 18. 4; синкретический культ Сераписа, со-
вмещавшего в себе местных Осириса и Аписа с Зевсом, был успеш-
ным нововведением Птолемеев, желавших таким образом сплотить

ἀγασθεὶς οὖν ὁ Ἡρώδης ἐδεῖτο αὐτοῦ ξυσσιτῆσαί οἱ. καὶ ὁ Ἀγαθίων “αὔριον” ἔφη “ἀφίζομαί σοι κατὰ μεσημβρίαν ἐς τὸ τοῦ Κανώβου ἱερόν, ἔστω δέ σοι κρατὴρ ὁ μέγιστος τῶν ἐν τῷ ἱερῷ γάλακτος πλέως, ὃ μὴ γυνὴ ἤμελξεν.” καὶ ἀφίκετο μὲν ἐς τὴν ὑστεραίαν καθ’ ὃν ὠμολόγησε καιρόν, τὴν δὲ ῥίνα ἐρείσας ἐς τὸν κρατῆρα “οὐ καθαρὸν” ἔφη “τὸ γάλα, προσβάλλει γάρ με χεῖρ γυναικός.” καὶ εἰπὼν ταῦτα ἀπῆλθε μὴ ἐπισπασάμενος τοῦ γάλακτος. ἐπιστήσας οὖν ὁ Ἡρώδης τῷ περὶ τῆς γυναικὸς λόγῳ ἔπεμψεν ἐς τὰ ἐπαύλιαⁱ τοὺς ἐπισκεψομένους τάληθές, καὶ μαθὼν αὐτὸ οὕτως ἔχον ξυνῆκεν, ὡς δαιμονία φύσις εἴη περὶ τὸν ἄνδρα.

Οἱ δὲ ποιούμενοι κατηγορίαν τῶν Ἡρώδου χειρῶν ὡς ἐπενεχθεισῶν Ἀντωνίνῳ ἐν τῇ Ἰδῇ τῷ ὄρει κατὰ χρόνους, οὓς ὁ μὲν τῶν ἐλευθέρων πόλεων, ὁ δὲ πασῶν τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν ἦρχον, ἡγνοηκέναι μοι δοκοῦσι τὸν Δημοστράτου πρὸς τὸν (555) Ἡρώδην ἀγῶνα, ἐν ᾧ πλεῖστα διαβάλλων αὐτὸν οὐδαμοῦ τῆς παροινίας ταύτης ἐπεμνήσθη, ἐπεὶ μὴδὲ ἐγένετο. ὠτισμός μὲν γάρ τις αὐτοῖς ξυνέπεσεν, ὡς ἐν δυσχωρίᾳ καὶ στενοῖς, αἱ δὲ χεῖρες οὐδὲν παρηνόμησαν, ὥστεⁱⁱ οὐκ ἂν παρῆκεν ὁ Δημόστρατος διελθεῖν αὐτὰ ἐν τῇ

ⁱ ἐπαύλια Kayser; αἰπόλια mss.

ⁱⁱ καίτοι Kayser

египтян с греками; иногда Серапис отождествляется с Канопом (или Канобом), умершим в Египте кормщиком Менелая, позднее обожествленным, так что его именем был назван город в Дельте, хотя скорее всего было наоборот – кормщик получил имя от города. Вероятнее, однако, что храм Канопа (или Сераписа) находился в марафонском имении Герода, где происходит дело: при Адриане египетское было в моде, следы этой моды были обнаружены и при раскопках в имении Герода – однако остатки упоминаемого храма пока не найдены, и о его существовании свидетельствует только Филострат.

⁵⁴ Речь идет о храмовом жбане, который должен был быть (и по общепринятым правилам был) ритуально чистым – но у Агафиона собственные требования к чистоте.

в коей столь злобно нападает на Герода, что винит его даже за достохвальные поступки⁵⁵.

А еще против Герода было возбуждено обвинение в убийстве и вот на каком основании: будто, когда жена его Регилла⁵⁶ была примерно на восьмом месяце, велел он отпущеннику Алкимедонту поколотить ее за какой-то неважный проступок, и женщина после удара в живот умерла в преждевременных родах⁵⁷. Вполне в сем уверясь, вчинил Героду обвинение в убийстве брат Региллы Бравда, меж гипатов славнейший и знак благородства своего носящий на сапогах, а были то серповидные пряжки слоновой кости⁵⁸. Однако, пришед в римское судилище, Бравда не привел ни единого доказательства по им же возбужденному обвинению, но лишь пространно расхваливал свою

⁵⁵ Описываемый эпизод произошел между 134 и 136 н.э., когда Антонин (в 138 н.э. усыновленный Адрианом и в том же году ставший императором) был проконсулом Азии, а Герод был там же корректором самоуправляющихся городов. Навряд ли имел место серьезный конфликт (вскоре Герод женился на родственнице Антонина и был назначен наставником его сыновей), однако ясно, что на узкой горной дороге Герод не посторонился перед проконсулом, хотя был моложе годами и ниже должностью (сам он стал консулом лишь через восемь лет). Намек на разделение полномочий между Антонином и Геродом (один управляет вольными городами, другой остальными) может казаться странным, так как проконсул управляет провинцией со всеми ее городами, поэтому приходится предположить намеренную неточность: Филострат не хочет привлекать внимание к различию положений Герода и Антонина и усугублять серьезность происшествия, предпочитая свести свалку на дороге к пустяковому инциденту – а незапамятность Антонина эту версию поддерживает.

⁵⁶ Жена Герода Аппия Анния Атилия Регилла Кавкидия Тертулла происходила из чрезвычайно знатной семьи, да притом была в родстве с Антонином Пием; за Герода ее выдали не позднее 142 н.э.; эта женитьба, несомненно, упрочила положение Герода в римской элите.

πρὸς τὸν Ἡρώδην δίκη πικρῶς οὕτω καθαψάμενος τοῦ ἀνδρός, ὡς διαβάλλειν αὐτοῦ καὶ τὰ ἐπαινούμενα. Ἦλθεν ἐπὶ τὸν Ἡρώδην καὶ φόνου δίκη ὧδε ξυντεθεῖσα· κύειν μὲν αὐτῷ τὴν γυναῖκα Ῥηγίλλαν ὄγδοόν που μῆνα, τὸν δὲ Ἡρώδην οὐχ ὑπὲρ μεγάλων Ἀλκιμέδοντι ἀπελευθέρῳ προστάξει τυπτῆσαι αὐτήν, πληγεῖσαν δὲ ἐς τὴν γαστέρα τὴν γυναῖκα ἀποθανεῖν ἐν ὤμῳ τῷ τόκῳ. ἐπὶ τούτοις ὡς ἀληθέσι γράφεται αὐτὸν φόνου Βραδούας ὁ τῆς Ῥηγίλλης ἀδελφὸς εὐδοκιμώτατος ὢν ἐν ὑπάτοις καὶ τὸ ξύμβολον τῆς εὐγενείας περιηρημένους τῷ ὑποδήματι, τοῦτο δέ ἐστιν ἐπισφύριον ἐλεφάντινον μηνοειδές, καὶ παρελθὼν ἐς τὸ Ῥωμαίων βουλευτήριον πιθανὸν μὲν οὐδὲν διήκει περὶ τῆς αἰτίας, ἣν ἐπῆγεν, ἑαυτοῦ δὲ ἔπαινον

⁵⁷ Рассказ о смерти Региллы вызывает недоумение: понятно, что Герод убивать ее не желал, но чтобы из-за «неважного проступка» даже не сам он (известный своей несдержанностью) поднял руку на жену, а поручил отпущеннику поколотить ее – подобное никак не согласуется с положением римской матроны, хотя Филострат сообщает об этом как о рядовом факте, пусть с прискорбными последствиями, а само по себе домашнее насилие ему не в диковину. Впрочем, история смерти Региллы не становится от того правдоподобнее: не умри она от выкидыша, дело неизбежно завершилось бы разводом (чего Герод тоже несомненно не желал), да и непосредственный виновник, Алкимедонт, не остался бы в доме доверенным слугой, а был бы судим за убийство, – остается предположить, что Регилла действительно умерла от выкидыша, но буйный нрав Герода и порядки у него в доме побудили Бравду заподозрить насилие.

⁵⁸ Сенаторы нередко носили сапоги с застежкой в виде полумесяца (над этим подсмеивается уже Ювенал: Iuv. VII. 192), однако в одной из надписей в память Региллы «звездные сандалии» упомянуты как семейная примета (IG XIV. 1389): род Атилиев был древний и славный, имел среди своих предков знаменитого Атилия Регула и даже использовал редкое личное имя «Аппий», обычно ассоциируемое с самими Клавдиями.

родовитость⁵⁹, так что Герод насмешливо заметил: «У тебя даже на щиколотках знатность!» Когда же обвинитель стал распространяться о благодеяниях, оказанных им одному из италийских городов, Герод величаво возразил: «Я-то (556) много сходного мог бы рассказать о себе, в какой бы части света ни судился». В защите ему более всего помогло то, что он не отдавал помянутого распоряжения насчет Региллы, а еще безмерная его скорбь по усопшей: пусть клеветали, что и это, мол, притворство, однако же истина возобладала, ибо не посвятил бы он ее памяти такой театр⁶⁰ и не отложил бы в память о ней вторую жеребьевку с сотоварищем-гипатом⁶¹, когда бы не был чист от вины, да и украшения ее не посвятил бы Элевсинским богиням, будь осквернен убийством, ибо такое побудило бы богинь не простить его, но покарать. А еще в память о ней он изменил убранство дома, сделав внутренние помещения черными с помощью занавесей и красок, и лесбосского камня, камень же сей уныл и черен⁶².

Говорят, Луций⁶³, муж мудрый, приступил к Героду с советом на сей счет и, не сумевши переубедить, подшутил над ним – нельзя обойти сие происшествие стороной, раз уж удостоилось оно упоминания сведущих писателей⁶⁴, ибо названный муж был знаменит ученостью, любомудрию приобщился от Мусо-

⁵⁹ В судебной речи было положено упомянуть о собственных заслугах и о заслугах предков, но Брэдва, видимо, истратил на это слишком много времени – а время, отведенное каждой стороне для выступления, было отмерено. Доказать вину Герода, даже если бы тот был виноват, Брэдва за отсутствием свидетелей не мог, однако, пусть «бремя доказательства» оказалось обвинителю не по силам и в суде Герод оправдался, из-за скандального процесса репутация могла на время пошатнуться.

⁶⁰ Имеется в виду Одеон (см. 551 и прим.); Лукиан упоминает о скорби Герода как об искренней: якобы после смерти Региллы и своего любимца Полидевка (о нем см. ниже, 558) он накрывал для них столы, как для живых (Лис. Demon. 33).

ἐμακρηγόρει περὶ τοῦ γένους, ὅθεν ἐπισκώπτων αὐτὸν ὁ Ἑρώδης “σὺ” ἔφη “τὴν εὐγένειαν ἐν τοῖς ἀστραγάλοις ἔχεις.” μεγαλαυχουμένου δὲ τοῦ κατηγοροῦ καὶ ἐπ’ εὐεργεσίᾳ μιᾶς τῶν ἐν Ἰταλίᾳ πόλεων μάλα γενναίως ὁ Ἑρώδης “κάγῳ” (556) ἔφη “πολλὰ τοιαῦτα περὶ ἐμαυτοῦ διήειν ἄν, εἰ ἐν ἀπάσῃ τῇ γῇ ἐκρινόμην.” ξυνήρατο δὲ αὐτῷ τῆς ἀπολογίας πρῶτον μὲν τὸ μηδὲν προστάξει τοιοῦτον ἐπὶ τὴν Ῥήγιλλαν, ἔπειτα τὸ ὑπερπενθῆσαι ἀποθανοῦσαν· διεβάλλετο μὲν γὰρ καὶ ταῦτα ὡς πλάσμα, ἀλλ’ ὅμως τάληθές ἴσχυεν, οὐ γάρ ποτε οὔτ’ ἂν θέατρον αὐτῇ ἀναθεῖναι τοιοῦτον, οὔτ’ ἂν δευτέραν κλήρωσιν τῆς ὑπάτου ἀρχῆς ἐπ’ αὐτῇ ἀναβαλέσθαι μὴ καθαρῶς ἔχοντα τῆς αἰτίας, οὔτ’ ἂν τὸν κόσμον αὐτῆς ἐς τὸ ἐν Ἐλευσίνι ἱερὸν ἀναθεῖναι φέροντα φόνῳ μεμιασμένον, τουτὶ γὰρ τιμωροὺς τοῦ φόνου ποιοῦντος ἦν τὰς θεὰς μᾶλλον ἢ συγγνώμονας. ὁ δὲ καὶ τὸ σχῆμα τῆς οἰκίας ἐπ’ αὐτῇ ὑπῆλλαξε μελαίνων τὰ τῶν οἴκων ἄνθη παραπετάσμασι καὶ χρώμασι καὶ λίθῳ Λεσβίῳ – κατηφῆς δὲ ὁ λίθος καὶ μέλας – ὑπὲρ ὧν λέγεται καὶ Λούκιος ἀνὴρ σοφὸς ἐς ξυμβουλίαν τῷ Ἑρώδῃ καθιστάμενος, ὡς οὐκ ἔπειθε μεταβαλεῖν αὐτὸν διασκῶψαι.

ἄξιον δὲ μηδὲ τοῦτο παρελθεῖν λόγου παρὰ τοῖς σπουδαίοις ἀξιούμενον· ἦν μὲν γὰρ ἐν τοῖς φανεροῖς σπουδαῖος ὁ ἀνὴρ οὗτος, Μουσωνίῳ δὲ τῷ Τυρίῳ

⁶¹ Обязанности делились между консулами по жребию.

⁶² Плиний Старший (Plin. Nat. XXXVI. 44) называет этот камень *lividius*, это ближе к «сизый», однако, будучи отполирован так, что гладкая поверхность отражала черное убранство дома, он мог казаться почти совершенно черным.

⁶³ Возможно, именно об этом Луции Элий Аристид в одной из «Священных речей» говорит, что он ему товарищ и преподает в Афинах (Aristid. Or. XXVII. 359–360); предмет преподавания не назван.

⁶⁴ Имеются в виду какие-то (нам не известные) грамматики и/или софисты, у которых Филострат почерпнул приводимую ниже апофтегму.

ния Тирского⁶⁵ и отличался меткостью ответов и умением высказаться изящно и уместно. Будучи с Геродом весьма близок, он оставался при нем в часы глубочайшей его скорби, увещевая так: «Все потребное, Герод, (557) ограничено серединою⁶⁶ – много слышал я рассуждений о том Мусония, сам много о том рассуждал, да и тебя слышал, когда ты расхваливал то же самое пред эллинами в Олимпии, даже рекам повелевая струиться по самой середине русла. Куда же всё подевалось? Ты ведешь себя с самою прискорбною несдержанностью, подвергая опасности мнение о тебе!» – и далее в том же роде. Переубедить его он, однако, не сумел, в раздражении вышел вон, во дворе у воды приметил мывших редьку слуг и спросил, для чьего это обеда, а те отвечали, что для Геродова. А Луций им: «Обижает Герод Региллу – ест белую редьку в черном доме!» О сих словах доложили Героду, тот же, едва услышал, удалил из дома черноту, дабы не соделаться для ученых мужей посмешищем.

А вот и другое примечательное словцо того же Луция. Кесарь Марк весьма благоволил Сексту, беотийскому любомудру: посещал его занятия и даже домой к нему хаживал⁶⁷. Итак, по прибытии в Рим Луций спросил собравшегося в дорогу кеса-

⁶⁵ Стоик Г. Мусоний Руф, писавший по-гречески уроженец этрусских Волсиний, один из персонажей VA, где сначала по непонятной причине назван Вавилонским (VA IV. 35, 46), а затем Тирренским (ibid. V. 19: греки называли этрусков тирренами) – использованное здесь «Тирский» больше всего похоже на искаженное «Тирренский». В латинском заглавии одного довольно пространного фрагмента Мусония сказано, что он дошел через Луция – этот Луций мог быть учеником Мусония, но мог жить позднее, а то и гораздо позднее, так как составление подобных конспектов было делом распространенным и личного знакомства не требовало. Мусоний умер до 105 н.э., Элий Аристид

προσφιλοσοφήσας εὐσκόπως εἶχε τῶν ἀποκρίσεων καὶ τὸ ἐπίχαρι σὺν καιρῷ ἐπετήδευεν, ἐπιτηδειότατος δὲ ὢν τῷ Ἑρώδῃ παρῆν αὐτῷ πονήρως διατιθεμένῳ τὸ πένθος καὶ ἐνουθέτει τοιαῦτα λέγων· “ὦ Ἑρώδη, πᾶν τὸ ἀποχρῶν (557) μεσότητι ὤρισται, καὶ ὑπὲρ τούτου πολλὰ μὲν ἤκουσα Μουσωνίου διαλεγομένου, πολλὰ δὲ αὐτὸς διείλεγμαί, καὶ σοῦ δὲ ἠκροώμην ἐν Ὀλυμπίᾳ ἐπαινοῦντος αὐτὸ πρὸς τοὺς Ἕλληνας, ὅτε δὴ καὶ τοὺς ποταμοὺς ἐκέλευες μέσους τῆς ὄχθης ρεῖν. ἀλλὰ μὴν νῦν ποῦ ταῦτα; σεαυτοῦ γὰρ ἐκπεσὼν ἄξια τοῦ πενθεῖσθαι πράττεις περὶ τῇ δόξῃ κινδυνεύων” καὶ πλείω ἔτερα. ὥς δὲ οὐκ ἔπειθεν, ἀπήει δυσχεράνας. ἰδὼν δὲ παῖδας ἐν κρήνῃ τινὶ τῶν κατὰ τὴν οἰκίαν ραφανίδας πλύνοντας ἤρετο αὐτούς, ὅτου εἴη τὸ δεῖπνον, οἱ δὲ ἔφασαν Ἑρώδῃ εὐτρεπίζειν αὐτό. καὶ ὁ Λούκιος “ἀδικεῖ” ἔφη “Ῥήγιλλαν Ἑρώδης λευκὰς ραφανίδας σιτούμενος ἐν μελαίνῃ οἰκίᾳ.” ταῦτα ὥς ἤκουσεν ἐσαγγελθέντα ὁ Ἑρώδης ἀφεῖλε τὴν ἀχλὺν τῆς οἰκίας, ὥς μὴ ἄθυρμα γένοιτο ἀνδρῶν σπουδαίων.

Λουκίου τούτου κάκεῖνο θαυμάσιον· ἐσπούδαζε μὲν ὁ αὐτοκράτωρ Μάρκος περὶ Σέξτον τὸν ἐκ Βοιωτίας φιλόσοφον, θαμίζων αὐτῷ καὶ φοιτῶν ἐπὶ θύρας, ἄρτι δὲ ἤκων ἐς τὴν Ῥώμην ὁ Λούκιος ἤρετο τὸν ὑτοκράτορα προϊόντα, ποῖ βαδίζει

родился в 117 н.э.: его товарищ (по самому смыслу слова ἑταῖρος) должен был быть примерно тех же лет, а значит, учиться у Мусония не мог, хотя нельзя исключить, что именно он пересказал какие-то сочинения Мусония – а Филострат в присущей ему манере объединяет обрывки реальности в беллетристическое целое.

⁶⁶ К описываемому времени представление о предпочтительности середины давно стало расхожим, так что здесь лишено каких-то определенных философских коннотаций.

⁶⁷ Имеется в виду стоик Секст Херонейский; действительно, в своих «Размышлениях» (I. 9) Марк отзывался о нем с похвалой.

ря, куда он идет и зачем, а Марк: «И на склоне лет полезно поучиться, вот и иду к любомудрому Сексту изучить то, чего пока не знаю!» – тут-то Луций, воздевши руку к небесам, возгласил: «Зевес! Римский царь, хоть старится, а всё ходит к учителю со связкой писчих дощечек, а мой-то царь Александр в тридцать два уже умер!»⁶⁸. Рассказанного довольно, чтобы объяснить, какого рода было любомудрие Луция, ибо подобное обнаруживает человека так же полно, как один глоток – вкус вина.

Вот так исчерпалась скорбь по Регилле, скорбь же по дочери Панафинаиде⁶⁹ умерили афиняне, похоронив ее внутри города⁷⁰ и (558) особо постановив изъять день ее смерти из года⁷¹. Но когда умерла и другая дочь, коей дал он имя Элпиника⁷², он пал ничком, бия по земле и вопия⁷³: «Что посвятить тебе, доченька? Что положить к тебе в могилу?», на что любомудр Секст, случившийся тогда рядом, возразил: «Великим даром для нее будет, ежели обуздаешь скорбь⁷⁴». Причиною столь непомерной

⁶⁸ Если шутка о редьке подходит к случаю и могла быть высказана (неважно кем) в связи с трауром Герода или иным, «мой царь Александр» в предлагаемом контексте звучит нелепо. Остается предположить, что анекдот некритически позаимствован из неизвестного источника, и это тем вероятнее, что в год смерти Региллы Марку было сорок лет и его (дважды упоминаемая) старость этому возрасту приписана быть не могла – вероятно, в источнике Филострата фигурировал другой император (если император), а скорее всего и другой философ.

⁶⁹ Марция Клавдия Афинаида Лациария, род. ок. 145 н.э.

⁷⁰ Во времена Цицерона афиняне еще не разрешали подобных захоронений (Cic. Fam. IV. 12. 3), но к первой половине II в. н.э. они стали иногда допускаться – как особо почетные (ср. сохранившуюся до наших дней могилу Юлия Антиоха Эния Филопаппа).

⁷¹ То есть провозгласить «неприсутственным» (*dies nefastus*), когда

καὶ ἐφ' ὃ τι, καὶ ὁ Μάρκος “καλὸν” ἔφη “καὶ γηράσκοντι τὸ μανθάνειν· εἴμι δὴ πρὸς Σέξτον τὸν φιλόσοφον μαθησόμενος, ἃ οὐπω οἶδα.” καὶ ὁ Λούκιος ἐξάρας τὴν χεῖρα ἐς τὸν οὐρανὸν “ὦ Ζεῦ,” ἔφη “ὁ Ῥωμαίων βασιλεὺς γηράσκων ἤδη δέλτον ἐξαψάμενος ἐς διδασκάλου φοιτᾷ, ὁ δὲ ἐμὸς βασιλεὺς Ἀλέξανδρος δύο καὶ τριάκοντα ἐτῶν ἀπέθανεν.” ἀπόχρη καὶ τὰ εἰρημένα δεῖξαι τὴν ιδέαν, ἣν ἐφιλοσόφει Λούκιος, ἱκανὰ γάρ που ταῦτα δηλῶσαι τὸν ἄνδρα, καθάπερ τὸν ἀνθοσμίαν τὸ γεῦμα.

Τὸ μὲν δὴ ἐπὶ Ῥηγίλλῃ πένθος ὥδε ἐσβέσθη, τὸ δὲ ἐπὶ Παναθηναίδῃ τῇ θυγατρὶ Ἀθηναίῳ ἐπράυναν ἐν ἅστει τε αὐτὴν θάψαντες καὶ (558) ψηφισάμενοι τὴν ἡμέραν, ἐφ' ἧς ἀπέθανεν, ἐξαιρεῖν τοῦ ἔτους. ἀποθανούσης δὲ αὐτῷ καὶ τῆς ἄλλης θυγατρὸς, ἣν Ἑλπινίκην ὠνόμαζεν, ἔκειτο μὲν ἐν τῷ δαπέδῳ τὴν γῆν παίων καὶ βοῶν “τί σοι, θύγατερ, καθαγίσω; τί σοι ξυνθάψω;” παρατυχὼν δὲ αὐτῷ Σέξτος ὁ φιλόσοφος “μεγάλα” ἔφη “τῇ θυγατρὶ δώσεις ἐγκρατῶς αὐτὴν πενθήσας.”

нельзя судиться, устраивать собрания и т.д.; в историческую эпоху не-присутственными обычно объявлялись дни больших бедствий, напри-мер, день разгрома римлян при Каннах.

⁷² Элпиникой звали сестру Кимона (ср. 546 и прим.); как и «Афинаида», это имя является греческой частью полного римского имени – Аппия Анния Атилия Регилла Агриппина Элпиника Атрия Полла. Элпиника прожила больше двадцати лет (143/144–165/166), была замужем и, по некоторым сведениям, имела дочь.

⁷³ Так обращались к подземным богам, но иногда и к покойникам – то есть к Земле и ко всему, что в ней (cf. Нумп. Ном. III. 332–340).

⁷⁴ По представлениям греков, чрезмерная скорбь могла повредить умершим, хотя для стойка Секста едва ли не важнее, что любая чрезмерность в выражении чувств неуместна – особенно с позиций стоической «бестревожности».

печали Герода о дочерях было отвращение, питаемое им к сыну, Аттику⁷⁵, коего ругали, что, мол, тупица и бестолочь и памяти никакой – потому-то, когда оказались ему не по силам даже начатки грамоты, Герод придумал воспитывать вместе с ним две дюжины одногодков, назвав их по двадцати четырем буквам, дабы вместе с именами рабов он поневоле выучил азбуку. Замечал он также, что сын привержен пьянству и разврату, а посему, пока был жив, часто применял к семейству своему известный стих «только один дурак посреди просторного дома»⁷⁶, а по смерти завещал сыну лишь материнскую долю, остальное же имение отказал другим наследникам. Афиняне, однако, сочли сие бесчеловечным, отнюдь не вспомнив об Ахиллесе и Полидевке и Мемноне, питомцах его⁷⁷, коих оплакивал он наравне с родными, поелику благодаря его воспитанию в высшей степени отличались они добротою, и лепотою, и благородством нрава, и прилежанием к наукам. Изваяния, изображающие их – кого на охоте, кого после охоты, (559) кого по пути на охоту – воздвигнул он иные в дубравах, иные в полях, иные близ родников либо под сенью платанов, да не скрытно, а с проклятиями всякому, кто повредит их или сдвинет с места; а ведь не почитай

⁷⁵ Ти. Клавдий Марк Аппий Атилий Брэдва Регилл Атик (род. 145 н.э.), второй сын Герода и Региллы; их первенец, Клавдий, родился и умер в 141 (судя по отсутствию личных имен, сразу после рождения); младший, Регилл Герод (150–155), тоже умер еще при жизни Региллы.

⁷⁶ Здесь, как и ниже (II. 26. 614), Филострат приводит софистические

ἐπένθει δὲ ταῖς ὑπερβολαῖς ταύταις τὰς θυγατέρας, ἐπειδὴ Ἀττικὸν τὸν υἱὸν ἐν ὀργῇ εἶχεν. διεβέβλητο δὲ πρὸς αὐτὸν ὡς ἡλιθιώδη καὶ δυσγράμματον καὶ παχὺν τὴν μνήμην· τὰ γοῦν πρῶτα γράμματα παραλαβεῖν μὴ δυνηθέντος ἦλθεν ἐς ἐπίνοϊαν τῷ Ἡρώδῃ ξυντρέφειν αὐτῷ τέτταρας παῖδας καὶ εἴκοσιν ἰσήλικας ὠνομασμένους ἀπὸ τῶν γραμμάτων, ἵνα ἐν τοῖς τῶν παίδων ὀνόμασι τὰ γράμματα ἐξ ἀνάγκης αὐτῷ μελετῶτο. ἑώρα δὲ αὐτὸν καὶ μεθυστικὸν καὶ ἀνοήτως ἐρῶντα, ὅθεν ζῶν μὲν ἐπεχρησμῶδει τῇ ἑαυτοῦ οἰκίᾳ¹ ἐκεῖνο τὸ ἔπος·

“εἷς δ’ ἔτι που μωρὸς καταλείπεται εὐρεῖ οἴκῳ,”

τελευτῶν δὲ τὰ μὲν μητρῶα αὐτῷ ἀπέδωκεν, ἐς ἑτέρους δὲ κληρονόμους τὸν ἑαυτοῦ οἶκον μετέστησεν. ἀλλ’ Ἀθηναίοις ἀπάνθρωπα ἐδόκει ταῦτα οὐκ ἐνθυμουμένοις τὸν Ἀχιλλέα καὶ τὸν Πολυδεύκην καὶ τὸν Μέμνονα, οὓς ἴσα γνησίοις ἐπένθησε τροφίμους ὄντας, ἐπειδὴ καλοὶ μάλιστα καὶ ἀγαθοὶ ἦσαν γενναῖοί τε καὶ φιλομαθεῖς καὶ τῇ παρ’ αὐτῷ τροφῇ πρέποντες. εἰκόνας γοῦν ἀντιτίθει σφῶν θηρώντων καὶ τεθηρακώτων (559) καὶ θηρασόντων τὰς μὲν ἐν δρυμοῖς, τὰς δὲ ἐπ’ ἀγροῖς, τὰς δὲ πρὸς πηγαῖς, τὰς δὲ ὑπὸ σκιαῖς πλατάνων, οὐκ ἀφανῶς, ἀλλὰ ξὺν ἀραις τοῦ περικόψοντος ἢ κινήσοντος, οὓς οὐκ ἂν ἐπὶ τοσοῦτον ἦρεν, εἰ μὴ ἐπαίνων

¹ οἰκία κ; οὐσία cett.

пародии стиха «Одиссеи»: «Только один живой посреди просторного моря» (IV. 498).

⁷⁷ Известно, что Герод окружал себя красивыми рабами, которым действительно давал образование, хотя, по общему мнению, к этому его отношения с ними не сводились; главным его любимцем был, если верить Лукиану, Полидевк (Luc. Demon. 24; 33); все три мальчика умерли в отрочестве.

он их достойными хвалы, не стал бы так превозносить. А когда Квинтилии, в бытность свою правителями Эллады, корили его, что слишком много, мол, понаставлено мальчишек⁷⁸, он отвечал: «Вам-то какая забота, ежели забавляюсь я собственными камушками?»

Раздор его с Квинтилиями начался, как говорят многие, на Пифийских играх, когда разошелся он с ними во мнении о слышанном на мусических состязаниях, но кое-кто передает так, что он подшутил над ними пред Марком, ибо видя, как они, хоть и троянцы⁷⁹, стяжают у государя великие почести, сказал: «А я даже Гомерова Зевеса порицаю за приязнь к троянцам!». Правдоподобнее, однако, вот какая причина. Когда эти двое управляли Элладой, афиняне призвали их в народное собрание и объявили, что подпали под гнет тирана, то есть Герода, да еще и просили донести всё сказанное до слуха кесаря, а Квинтилии отнеслись к народу сочувственно и с готовностью доложили о слышанном. Герод утверждал, что они строят против него козни и ради того подстрекают афинян, – и верно, как раз после упомянутого собрания воспрянули в городе все эти Демостраты⁸⁰ и Праксагоры, и Мамертины, и еще многие его противники. Герод письменно обвинил их, что они, мол, мутят (560) против него народ, и привлек к верховному суду⁸¹, но они скрылись и

⁷⁸ Связи (хотя бы сенатора и консуляра) с юными рабами обоего пола не считались преступными, но приличия требовали их не афишировать, а Герод, по мнению Квинтилиев, свои отношения с «мальчишками» выставляет напоказ – однако делает он это на своей территории, так что всё ограничивается обменом язвительными репликами.

⁷⁹ По преданию, род Квинтилиев, к которому (навряд ли основательно) причисляли себя братья, в древности, при легендарном царе Тулле Гостилии, переселился в Рим из Альбы Лонги, где жили потомки троянца Энея и прибывших с ним дружинников, – таким образом, Квин-

ἀξίους ἐγίγνωσκεν. Κυντιλίων δέ, ὅποτε ἦρχον τῆς Ἑλλάδος, αἰτιωμένων αὐτὸν ἐπὶ ταῖς τῶν μεираκίων τούτων εἰκόσιν ὡς περιτταῖς “τί δέ ὑμῖν” ἔφη “διενήνοχεν, εἰ ἐγὼ τοῖς ἐμοῖς ἐμπαίζω λιθαρίοις;”

Ἦρξε δὲ αὐτῷ τῆς πρὸς τοὺς Κυντιλίους διαφορᾶς, ὡς μὲν οἱ πολλοὶ φασι, Πυθικὴ πανήγυρις, ἐπειδὴ ἑτεροδόξως τῆς μουσικῆς ἠκροῶντο, ὡς δὲ ἔνιοι, τὰ παισθέντα περὶ αὐτῶν Ἡρώδῃ πρὸς Μάρκον· ὁρῶν γὰρ αὐτοὺς Τρῶας μὲν, μεγάλων δὲ ἀξιομένους παρὰ τοῦ βασιλέως “ἐγὼ” ἔφη “καὶ τὸν Δία μέμφομαι τὸν Ὀμηρικόν, ὅτι τοὺς Τρῶας φιλεῖ.” ἡ δὲ ἀληθεστέρα αἰτία ἦδε· τῷ ἄνδρῃ τούτῳ, ὅποτε ἄμφω τῆς Ἑλλάδος ἡρχέτην, καλέσαντες ἐς τὴν ἐκκλησίαν Ἀθηναῖοι φωνὰς ἀφῆκαν τυραννουμένων πρὸς τὸν Ἡρώδην ἀποσημαίνοντες καὶ δεόμενοι ἐπὶ πᾶσιν ἐς τὰ βασίλεια ὧτα παραπεμφθῆναι τὰ εἰρημένα. τῶν δὲ Κυντιλίων παθόντων τι πρὸς τὸν δῆμον καὶ ζὺν ὀρμῇ ἀναπεμψάντων ἃ ἤκουσαν, ἐπιβουλεύεσθαι παρ’ αὐτῶν ὁ Ἡρώδης ἔφασκεν ὡς ἀναθολούντων ἐπ’ αὐτὸν τοὺς Ἀθηναίους. μετ’ ἐκείνην γὰρ τὴν ἐκκλησίαν Δημόστρατοι ἀνέφυσαν καὶ Πραξαγόραι καὶ Μαμερτίνοι καὶ ἕτεροι πλείους ἐς τὸ ἀντίξοον τῷ Ἡρώδῃ πολιτεύοντες. γραψάμενος δὲ αὐτοὺς Ἡρώδης ὡς (560) ἐπισυνιστάντας αὐτῷ τὸν δῆμον ἦγεν ἐπὶ τὴν ἡγεμονίαν, οἱ δὲ ὑπεξῆλθον ἀφανῶς

тилии могли считаться троянцами на том же основании, что и, например, Юлий Цезарь, возводивший свой род к Энею.

⁸⁰ Зять Праксагора, родственник софиста Феодота (см. II. 2); вероятно, этот же Т. Клавдий Демострат Петилиан упоминается в письмах Фронтона (Front. Antonin. Imp. III. 4; Ver. Imp. II. 9): если так, известная речь Фронтона за Демострата могла предназначаться для защиты от обвинения Герода.

⁸¹ То есть к преторскому суду провинции Ахайя: преторские полномочия должны были быть в это время у Квинтилиев, в чью справедливость Герод, следовательно, верил.

бежали к кесарю Марку, отчасти полагаясь на присущую ему дружелюбность к народу, а отчасти на тогдашние обстоятельства, ибо Марк еще не простил Герода за соучастие в замыслах соправителя своего Луция, против коего питал подозрения⁸². Ставка кесаря была тогда в Сирмии, в землях пеонийцев, и вот Демострат со товарищи поселился рядом с Марком, а тот снабжал их припасами и часто справлялся, не нужно ли чего, ибо и сам был убежден, что должен являть им доброжелательство, и жена⁸³ убеждала его в том же, и даже дочурка, едва умеющая говорить⁸⁴, весьма умилительно припадала к коленам отца и просила спасти ради нее афинян.

Меж тем Герод расположился в предместье, где были понастроены башни и башенки, а с ним прибыли девицы-двойняшки в расцвете брачного возраста и восхитительной наружности – Герод воспитал их сызмальства и назначил готовить себе еду и смешивать вино, называя дочками и соответственную питая к ним любовь; а по рождению были они дочерьми Алкимедонта, а Алкимедонт – отпущенник Герода⁸⁵. И вот ночью, когда спали они в одной из названных башен, в самой крепкой, их обеих убил налетевший грозовой удар. От такового несчастья Герод утратил самообладание и в государево судилище явился не в себе и жаждая смерти, а начавши говорить (561), набросился на кесаря прямо-таки с бранью, даже не используя подобающие прикрасы, хотя тому, кто довольно искушен в красноречии, не пристало выставлять гнев свой напоказ – он же, напротив, выражался развязно и напрямик, что, мол «это мне, стало быть,

⁸² Нравы Луция Вера нередко осуждались, но политических интриг за ним не водилось, так что сведений об упоминаемом конфликте нет: возможно, Филострат проецирует на Антонинов нравы семейства Северов (Каракалла убил своего соправителя Гету, а Гелиогабал был убит, чтобы привести к власти Александра).

παρὰ τὸν αὐτοκράτορα Μάρκον, θαρροῦντες τῇ τε φύσει τοῦ βασιλέως δημοτικωτέρᾳ οὔσῃ καὶ τῷ καιρῷ· ὧν γὰρ ὑπώπτευσε Λούκιον κοινωνὸν αὐτῷ τῆς ἀρχῆς γενόμενον, οὐδὲ τὸν Ἡρώδην ἠφίει τοῦ μὴ οὐ ξυμμετέχειν αὐτῷ. ὁ μὲν δὴ αὐτοκράτωρ ἐκάθητο ἐς τὰ Παιόνια ἔθνη ὀρμητηρίῳ τῷ Σιρμίῳ χρώμενος, κατέλυον δὲ οἱ μὲν ἀμφὶ τὸν Δημόστρατον περὶ τὰ βασίλεια, παρέχοντος αὐτοῖς ἀγορὰν τοῦ Μάρκου καὶ θαμὰ ἐρωτῶντος, εἴ του δέοιντο. φιλανθρώπως δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔχειν αὐτός τε ἑαυτὸν ἐπεπείκει καὶ τῇ γυναικὶ ἐπέπειστο καὶ τῷ θυγατρίῳ ψελλιζομένῳ ἔτι, τοῦτο γὰρ μάλιστα ξὺν πολλοῖς θωπεύμασι περιπίπτον τοῖς γόνασι τοῦ πατρὸς ἐδεῖτο σῶσαί οἱ τοὺς Ἀθηναίους. ὁ δὲ Ἡρώδης ἐν προαστείῳ ἐσκήνου, ἐν ᾧ πύργοι ἐξωκοδόμηντο καὶ ἡμιπύργια, καὶ δὴ ξυναπεδήμουν αὐτῷ καὶ δίδυμοι κόραι πρὸς ἀκμῇ γάμων θαυμαζόμεναι ἐπὶ τῷ εἶδει, ἃς ἐκνηπιώσας ὁ Ἡρώδης οἶνοχόους ἑαυτῷ καὶ ὀψοποιούς ἐπεποίητο θυγάτρια ἐπονομάζων καὶ ὧδε ἀσπαζόμενος – Ἀλκιμέδοντος μὲν δὴ αὗται θυγατέρες, ὁ δὲ Ἀλκιμέδων ἀπελεύθερος τοῦ Ἡρώδου – καθευδούσας δὲ αὐτὰς ἐν ἐνὶ τῶν πύργων, ὅς ἦν ἐχυρώτατος, σκηπτὸς ἐνεχθεὶς νύκτωρ ἀπέκτεινεν. ὑπὸ τούτου δὴ τοῦ πάθους ἔκφρων ὁ Ἡρώδης ἐγένετο καὶ παρῆλθεν ἐς τὸ βασίλειον δικαστήριον οὔτε ἔννους καὶ θανάτου ἐρῶν. (561) παρελθὼν γὰρ καθίστατο ἐς διαβολὰς τοῦ αὐτοκράτορος οὐδὲ σχηματίσας τὸν λόγον, ὡς εἰκὸς ἦν ἄνδρα γεγυμνασμένον τῆς τοιαύτης ιδέας μεταχειρίσασθαι τὴν ἑαυτοῦ χολήν, ἀλλ' ἀπηγκωνισμένη τῇ γλώττῃ καὶ γυμνῇ διετείνετο λέγων “ταῦτά μοι ἡ Λουκίου ξενία, ὃν σύ μοι ἔπεμψας ὅθεν δικάζεις,

⁸³ Фаустина Младшая (дочь Антонина Пия и Фаустины), обычно сопровождала Марка в походах.

⁸⁴ Это может быть только младшая из дочерей Марка, Вибия Аврелия Сабина (род. 169 н.э.).

⁸⁵ См. выше о смерти Региллы (555–556 и прим.).

за радушие, а ведь Луция-то⁸⁶ ты сам ко мне прислал! вот он, твой суд! жертвуешь мною для прихоти женщины и трехлетнего дитяти!» Когда же Бассей, доверенный мечник⁸⁷, заметил, что тут-то, мол, тебе и конец, он отвечал: «Милейший, старики мало чего боятся!» – и с сими словами покинул судилище, оставив еще много неистраченной воды⁸⁸. Мы же к проявлениям любомудрия Марка можем присовокупить поведение его в том суде, ибо он ни бровью не повел, ни глазом не моргнул, как поступил бы чуть ли не любой мировой посредник, но обратился к афинянам со словами: «Защищайтесь, афиняне, пусть Герод вам того и не позволяет!», и затем, слушая их оправдание, часто неявно сокрушался, а уж когда стали ему читать сказанное в народном собрании с порицанием Героду, что, мол, многим медом заискивает он у правителей Эллады⁸⁹, то и дело возглашая «о горький мед!», а после «блаженны умершие от чумы!»⁹⁰ – тут сердце его настолько было тронuto услышанным, что он прилюдно разразился слезами. Однако же, поелику оправдание афинян заключало в себе обвинение сразу против Герода и против отпущенников его⁹¹, Марк обратил гнев свой на сих

⁸⁶ Луций Вер был учеником Герода (SHA Ver. II. 5) и, судя по всему, гостил у него в 166 н.э., после возвращения из парфянского похода (162–166 н.э.); о подозрениях касательно Луция см. 560 и прим.

⁸⁷ Имеется в виду префект претория – командир охранявшей особу императора преторианской гвардии, один из самых влиятельных людей Империи.

⁸⁸ То есть не израсходовав отведенное для речи время, отмерявшееся с помощью водяных часов; ср. I. 19. 51; II. 10. 585; 13. 594; 32. 626.

⁸⁹ Обычно это понимают так, что Герод умел медоточивыми речами расположить в свою пользу римских правителей, которые затем в его дела не вмешивались; Квинтилии оказались исключением.

γυναικί με καὶ τριετεί παιδίῳ καταχαριζόμενος.” Βασσαίου δὲ τοῦ πεπιστευμένου τὸ ξίφος θανατᾶν αὐτόν¹ φήσαντος ὁ Ἡρώδης “ὦ λῶστε”, ἔφη “γέρων ὀλίγα φοβεῖται.” ὁ μὲν οὖν Ἡρώδης ἀπῆλθε τοῦ δικαστηρίου εἰπὼν ταῦτα καὶ μετέωρον καταλείψας πολὺ τοῦ ὕδατος, ἡμεῖς δὲ τῶν ἐπιδήλως τῷ Μάρκῳ φιλοσοφηθέντων καὶ τὰ περὶ τὴν δίκην ταύτην ἠγώμεθα· οὐ γὰρ ξυνήγαγε τὰς ὀφρῦς, οὐδὲ ἔτρεψε τὸ ὄμμα, ὃ καὶν διαιτητής τις ἔπαθεν, ἀλλ’ ἐπιστρέψας ἑαυτὸν ἐς τοὺς Ἀθηναίους “ἀπολογεῖσθε”, ἔφη, ὦ Ἀθηναῖοι, εἰ καὶ μὴ ξυγχωρεῖ Ἡρώδης.” καὶ ἀκούων ἀπολογουμένων ἐπὶ πολλοῖς μὲν ἀφανῶς ἤλγησεν, ἀναγινωσκομένης δὲ αὐτῷ καὶ Ἀθηναίων ἐκκλησίας, ἐν ᾗ ἐφαίνοντο καθαπτόμενοι τοῦ Ἡρώδου, ὡς τοὺς ἄρχοντας τῆς Ἑλλάδος ὑποποιουμένου πολλῷ τῷ μέλιτι καὶ που καὶ βεβοηκότες “ὦ πικροῦ μέλιτος” καὶ πάλιν “μακάριοι οἱ ἐν τῷ λοιμῷ ἀποθνήσκοντες” οὕτως ἐσείσθη τὴν καρδίαν ὑφ’ ὧν ἤκουσεν, ὡς ἐς δάκρυα φανερά ὑπαχθῆναι. τῆς δὲ τῶν Ἀθηναίων ἀπολογίας ἐχούσης κατηγορίαν τοῦ τε Ἡρώδου καὶ τῶν ἀπελευθέρων τὴν ὀργὴν ὁ Μάρκος ἐς τοὺς ἀπελευθέρους ἔτρεψε κολάσει χρησάμενος

¹ θανατᾶν αὐτόν Cobet; θάνατον αὐτῷ mss.

⁹⁰ Намек на так наз. «антонинову чуму», начавшуюся ок. 165 н.э. и длившуюся более десяти лет – вероятно, то была оспа или корь, занесенная легионами с Востока, из парфянского похода; возможно, именно от этой болезни умер Луций Вер.

⁹¹ Отсюда следует, что неприязнь Герода к отпущенникам и рабам (ср. 549) не следует понимать слишком буквально – примером тому отпущения с Алкимедонтом (555), с его дочерьми (560) и с «питомцами» (558–559); правда, все они отпущенники или рабы самого Герода, а с отцовскими домочадцами он мог и не ладить – и Филострат с нередкой у него небрежностью обобщил это в «суровость».

последних, назначив им, как сам выразился, «сколь возможно умеренное наказание»⁹², и одного Алкимедонта вовсе освободил от кары, ибо хватит, мол, ему и несчастья с детьми⁹³. Таково было любомудрие Марка.

Тем не менее иные приписывают Героду, в ссылке не бывавшему, будто оказался он в ссылке, (562), а жил, мол, в эпирском Орике, который сам же и отстроил, дабы условия жизни соответствовали телесным его потребностям, – да только Герод, хоть и жил в названном местечке и, захворавши там, приносил жертвы ради исцеления, отнюдь не был ни приговорен к ссылке, ни принужден претерпеть ее, а в свидетели моему утверждению приведу божественного Марка. После событий в Пеонии Герод жил себе в Аттике⁹⁴, в любимейших своих округах, именно в Марафоне и в Кефиссии⁹⁵, тесно окруженный молодежью, ради любви к речам его отовсюду слетавшейся в Афины⁹⁶; и вот, решив испытать, не держит ли Марк на него зла из-за происшедшего в судилище, отправил он ему послание, да не с извинениями, а с упреками: удивительно, мол, с чего это тот ему не пишет, хотя в былые времена писал так часто, что однажды три письмоносца явились в один и тот же день, наступая друг другу на пятки⁹⁷. Государь отписал ему в ответ многое и о многом, выражаясь с присущим слогу его обаянием, я же выбрал из сего письма относящееся к нынешнему моему повествованию. Итак, в начале послания «радуйся, друг мой Герод!», а засим

⁹² Цитата из письма Марка, частично приводимого ниже (562).

⁹³ Нельзя не отметить, что присутствие рядом с Геродом Алкимедонта с семейством лишний раз подчеркивает его непричастность к смерти Региллы.

⁹⁴ Филострат (или его источник) небеспристрастен: нельзя с точностью сказать, был ли Герод в ссылке, а если был, была она добровольной или по принуждению (пусть второе маловероятно), но не спешить в Афины, где победила партия Демострата, было для него более чем естественно.

ὥς οἷόν τε ἐπιεικεῖ, οὕτω γὰρ αὐτὸς χαρακτηρίζει τὴν ἑαυτοῦ κρίσιν, μόνῳ δὲ Ἀλκιμέδοντι τὴν τιμωρίαν ἐπανῆκεν ἀποχρῶσαν εἶναί οἱ φήσας τὴν ἐπὶ τοῖς τέκνοις συμφοράν. ταῦτα μὲν δὴ ὧδε ἐφιλοσοφεῖτο τῷ Μάρκῳ.

Ἐπιγράφουσι δὲ ἔνιοι καὶ φυγὴν οὐ φυγόντι (562) καὶ φασιν αὐτὸν οἰκῆσαι τὸ ἐν τῇ Ἠπείρῳ Ὠρικόν, ὃ καὶ πολῖσαι αὐτόν, ὥς εἶη δίαίτα ἐπιτηδεῖα τῷ σώματι. ὁ δὲ Ἡρώδης ὥκησε μὲν τὸ χωρίον τοῦτο νοσήσας ἐν αὐτῷ καὶ θύσας ἐκβατήρια τῆς νόσου, φυγεῖν δὲ οὔτε προσετάχθη οὔτε ἔτλη. καὶ μάρτυρα τοῦ λόγου τούτου ποιήσομαι τὸν θεσπέσιον Μάρκον· μετὰ γὰρ τὰ ἐν τῇ Παιονίᾳ διητᾶτο μὲν ὁ Ἡρώδης ἐν τῇ Ἀττικῇ περὶ τοὺς φιλτάτους ἑαυτῷ δήμους Μαραθῶνα καὶ Κηφισίαν ἐξηρητημένης αὐτοῦ τῆς πανταχόθεν νεότητος, οἱ κατ' ἔρωτα τῶν ἐκείνου λόγων ἐφοίτων Ἀθήναζε, πείραν δὲ ποιούμενος, μὴ χαλεπὸς αὐτῷ εἶη διὰ τὰ ἐν τῷ δικαστηρίῳ πέμπει πρὸς αὐτὸν ἐπιστολὴν οὐκ ἀπολογίαν ἔχουσαν, ἀλλ' ἔγκλημα, θαυμάζειν γὰρ ἔφη, τοῦ χάριν οὐκέτι αὐτῷ ἐπιστέλλοι καίτοι τὸν πρὸ τοῦ χρόνον θαμὰ οὕτω γράφων, ὥς καὶ τρεῖς γραμματοφόρους ἀφικέσθαι ποτὲ παρ' αὐτὸν ἐν ἡμέρᾳ μιᾷ κατὰ πόδας ἀλλήλων. καὶ ὁ αὐτοκράτωρ διὰ πλειόνων μὲν καὶ ὑπὲρ πλειόνων, θαυμάσιον δὲ ἦθος ἐγκαταμίξας τοῖς γράμμασιν ἐπέστειλε πρὸς τὸν Ἡρώδην, ὧν ἐγὼ τὰ ξυντείνοντα ἐς τὸν παρόντα μοι λόγον ἐξελὼν τῆς ἐπιστολῆς δηλώσω· τὸ μὲν δὴ προοίμιον τῶν ἐπεσταλμένων “χαῖρέ μοι, φίλε Ἡρώδη.”

⁹⁵ Герод не просто жил в Марафоне, а был приписан к марафонскому дему (ср. ниже, 566); о вилле в Кефиссии, восхищаясь ее роскошью и красотой, говорит Авл Геллий в рассказе о посетителях Герода (Gell. XVIII. 10) – похоже, после скандала с Демостратом Герод стал бывать в городе реже.

⁹⁶ В позднем (IV в. н.э.) свидетельстве Сопатра (Sopat. Proleg. p. 739) сообщается, что Герод занимал афинскую кафедру риторики, однако чуть ниже у Филострата сказано, что кафедру занимал назначенный на эту должность самим Марком Феодот (II. 2. 566).

подробно о зимовке в краях, где Марк в ту пору воевал⁹⁸, и о скорби по только что почившей супруге⁹⁹, а кстати о собственном телесном недомогании, а засим: «Молюсь о твоём здравии, ты же знай о моем к тебе благорасположении и не мни себя обиженным, ежели я, обнаружив кое-какие проступки твоих людей, назначил им сколь возможно умеренное наказание. Ты уж не гневайся на меня за это, а коли огорчил я тебя или огорчаю, требуй от меня законного возмещения в городском храме Афины, во время (563) таинств, ибо в самый разгар войны дал я обет им приобщиться и приму посвящение – ты же да приобщишь меня¹⁰⁰!» – вот оправдание Марка, исполненное человеколюбия и недвусмысленной прямоты. Кто обратился бы так к тому, кого сам же отправил в ссылку? И кто приговорил бы к ссылке того, кого удостоил подобного обращения?

Рассказывают также, будто, когда правивший на Востоке Кассий затеял против Марка крамолу, Герод выбралил его письмом, в коем значилось: «Герод Кассию. Ты – сумасшедший!» – и мы должны понимать это не только как брань, но и

⁹⁷ Возможно, Герод имеет в виду годы, когда учил риторике юных Марка и Луция.

⁹⁸ Так как к этому времени война с парфянами уже завершилась, речь идет, видимо, о подготовке к войне с маркоманнами, возобновившейся в 178 н.э.

⁹⁹ Фаустина умерла в Сирии, в 175 н.э., сопровождая Марка, выступившего против Авидия Кассия, который незадолго до того провозгласил себя императором – мятеж был подавлен до прибытия Марка (ср. ниже, 563). Кассий Дион (современник, но не свидетель событий) намекает, что к мятежу подстрекала Авидия Кассия Фаустина (Cass. D. LXXI. 22. 3; 29. 1), позднее эта же версия с более яркими подробностями передана Юлием Капитолином в SHA (Marc. XXIV. 6), хотя Вулкаций там же ее опровергает (SHA Avid. Cass. VII. 1; IX–

διαλεχθεῖς δὲ ὑπὲρ τῶν τοῦ πολέμου χειμαδίων, ἐν οἷς ἦν τότε, καὶ τὴν γυναῖκα ὀλοφυράμενος ἄρτι αὐτῷ τεθνεῶσαν εἰπὼν τέ τι καὶ περὶ τῆς τοῦ σώματος ἀσθενείας ἐφεξῆς γράφει “σοὶ δὲ ὑγιαίνειν τε εὖχομαι καὶ περὶ ἐμοῦ ὡς εὖνου σοι διανοεῖσθαι, μηδὲ ἡγεῖσθαι ἀδικεῖσθαι, εἰ καταφωράσας τινὰς τῶν σῶν πλημμελοῦντας κολάσει ἐπ’ αὐτοὺς ἐχρησάμην ὡς οἶόν τε ἐπιεικεῖ. διὰ μὲν δὴ ταῦτα μή μοι ὀργίζου, εἰ δέ τι λελύπηκά σε ἢ λυπῶ, ἀπαίτησον παρ’ ἐμοῦ δίκας ἐν τῷ ἱερῷ τῆς ἐν ἄστει Ἀθηνᾶς ἐν (563) μυστηρίοις. ἠϋξάμην γάρ, ὅποτε ὁ πόλεμος μάλιστα ἐφλέγμαине, καὶ μνηθῆναι, εἴη δὲ καὶ σοῦ μυσταγωγοῦντος.” τοιάδε ἡ ἀπολογία τοῦ Μάρκου καὶ οὕτω φιλάνθρωπος καὶ ἐρρωμένη. τίς ἂν οὖν ποτε ἢ ὄν φυγῇ περιέβαλεν οὕτω προσεῖπεν ἢ τὸν ἄξιον οὕτω προσειρῆσθαι φεύγειν προσέταξεν;

Ἔστι δέ τις λόγος, ὡς νεώτερα μὲν ὁ τὴν ἐῶαν ἐπιτροπεύων Κάσσιος ἐπὶ τὸν Μάρκον βουλευοί, ὁ δὲ Ἡρώδης ἐπιπλήξειεν αὐτῷ δι’ ἐπιστολῆς ὧδε ξυγκειμένης “Ἡρώδης Κασσίω· ἐμάνης.” τήνδε τὴν ἐπιστολὴν μὴ μόνον ἐπίπληξιν ἡγώμεθα,

XI). Φιλοστράτ этих сплетен явно не знал и руководствовался реальностью: брак многодетный, жена сопровождает мужа в походах, он горюет о ее смерти – Филострата столь идиллические семейные отношения «философа на троне» не смущают, но многих смущали, так как семейственность Марка сделала его первым (и потому последним) из Антонинов, не озаботившимся выбрать преемника и «по-семейному» оставившим всё старшему сыну, а то был Коммод.

¹⁰⁰ Речь идет об Элевсинских мистериях, в которые Марк действительно был чуть позже (в 176 н.э.) посвящен, но, как положено, не в Афинах и не в храме Афины, а в городке Элевсине, в храме Деметры и Коры; афинянин Филострат этого не знать не мог, так что, вероятно, здесь цитируется подлинное письмо; об участии Герода в посвящении Марка в надписях не упоминается.

как проявление силы мужа, взявшегося ради государя за оружие разумения¹⁰¹.

Что до речи Демострата против Герода, она представляется примечательной: по общему направлению мысли едина, ибо суровость присуща ей от вступления до заключения, а вот способы изложения многочисленны, друг с другом несходны и достойны внимания, – пусть славу сия речь приобрела из-за Герода, среди завистников его, потому что этакий муж был в ней опорочен¹⁰². А сколь стоек он был к поношению, видно из сказанного им однажды в Афинах Псу Протею. Оный Протей был из числа столь храбрых любомудров, что в Олимпии кинулся в огонь, а за Геродом ходил следом, ругая его на полудикарском языке¹⁰³, – и вот Герод, оборотясь к нему, спросил: «Ты меня хулишь, ну и ладно, – но почему таким языком?», а поелику Протей оттого лишь пуще стал браниться, добавил: «Мы оба уже состарились – ты, хуля меня, а я выслушивая!», тем самым недвусмысленно выразив, (564) что хоть слушает его, над ним же смеется, уверенный, что ложные хулы не достигают далее слуха¹⁰⁴.

Расскажу и о слоге Герода, дабы объяснить особые приметы его речи. Я упоминал уже, что учителями своими почитал он Полемона, и Фаворина, и Скопелиана, но посещал также Секун-

¹⁰¹ Авидий Кассий рассылал потенциальным сторонникам множество писем (Amm. XXI. 16. 11), такое письмо мог получить и Герод, о котором ходили слухи, что он у Марка в немилости; притом Авидий был сыном ритора Авидия Гелиодора, префекта Египта (Cass. D. LXXI. 22. 2), так что Герод мог знать его с юности и написать ему по собственной инициативе, как старший младшему.

¹⁰² Симпатии Филострата на стороне Герода (ср. 559–560), но в оценке ораторского искусства он проявляет объективность – ср. выше (560) о том, как тронут был Марк речью Демострата.

¹⁰³ «Пес» – общепринятое самоназвание киников (ср. I. 23. 526 и прим.); о жизни и смерти Перегриня Протея подробно пишет Лукиан в памфлете «О смерти Перегриня»; под «полудикарским

ἀλλὰ καὶ ῥώμην ἀνδρὸς ὑπὲρ τοῦ βασιλέως τιθεμένου τὰ τῆς γνώμης ὅπλα.

Ὁ δὲ λόγος, ὃν διήλθε πρὸς τὸν Ἡρώδην ὁ Δημόστρατος, ἐν θαυμασίοις δοκεῖ. ἰδέα δὲ αὐτοῦ ἢ μὲν τοῦ ἥθους μία, τὸ γὰρ ἐμβριθὲς ἐκ προοιμίων ἐς τέλος διήκει τοῦ λόγου, αἱ δὲ τῆς ἐρμηνείας ἰδέαι πολλαὶ καὶ ἀνόμοιαι μὲν ἀλλήλαις, λόγου δὲ ἄξια. ἔστω που καὶ τὸ δι' Ἡρώδην παρὰ τοῖς βασκάνοις εὐδοκιμεῖν τὸν λόγον, ἐπειδὴ ἀνὴρ τοιοῦτος ἐν αὐτῷ κακῶς ἤκουσεν. ἀλλ' ὅπως γε καὶ πρὸς τὰς λοιδορίας ἔρρωτο, δηλώσει καὶ τὰ πρὸς τὸν κύνα Πρωτέα λεχθέντα ποτὲ ὑπ' αὐτοῦ Ἀθήνησιν· ἦν μὲν γὰρ τῶν οὕτω θαρραλέως φιλοσοφούντων ὁ Πρωτεὺς οὗτος, ὡς καὶ ἐς πῦρ ἑαυτὸν ἐν Ὀλυμπίᾳ ῥίψαι, ἐπηκολούθει δὲ τῷ Ἡρώδῃ κακῶς ἀγορεύων αὐτὸν ἡμιβαρβάρῳ γλώττῃ· ἐπιστραφεὶς οὖν ὁ Ἡρώδης “ἔστω”, ἔφη “κακῶς με ἀγορεύεις, πρὸς τί καὶ οὕτως;” ἐπικειμένου δὲ τοῦ Πρωτέως ταῖς λοιδορίαις “γεγηράκαμεν” ἔφη “σὺ μὲν κακῶς με ἀγορεύων, ἐγὼ δὲ ἀκούων” ἐνδεικνύμενος δήπου (564) τὸ ἀκούειν μὲν, καταγελᾶν δὲ ὑπὸ τοῦ πεπεισθαι τὰς ψευδεῖς λοιδορίας μὴ περαιτέρω ἀκοῆς ἤκειν.

Ἑρμηνεύσω καὶ τὴν γλῶτταν τοῦ ἀνδρὸς ἐς χαρακτῆρα ἰὼν τοῦ λόγου· ὡς μὲν δὴ Πολέμωνα καὶ Φαβωρίνον καὶ Σκοπελιανὸν ἐν διδασκάλοις ἑαυτοῦ ἦγε καὶ ὡς Σεκούνδῳ

языком» подразумевается несоблюдение аттической нормы. Протей якобы ругал Герода за устройство в Олимпии водопровода, ибо зрители, мол, должны терпеливо сносить жажду и происходящие от недостатка воды болезни – за неблагодарность он чуть не был побит камнями, но укрылся у алтаря Зевса, а на следующих Играх произнес похвалу Героду (Luc. Peregrin. 18–19). Нельзя не отметить, что над самоубийством Протея потешается только Лукиан: знавший Перегрина лично Авл Геллий говорит о нем с уважением (Gell. XII. 11. 1 et al.), а не знавший его Филострат при всем пренебрежении к его стилю и манерам тем не менее называет его храбрым – именно за самоубийство.

¹⁰⁴ Цитата из Aeschin. II. 149.

да Афинского, а из критиков встречался с Феагеном Книдским и с Мунатием из Тралл¹⁰⁵, а для изучения Платона – с Тавром Тирским. По складу речь его была скорее сдержанной, сила ее заключалась более во вкрадчивости, нежели в настойчивости, выговор отличался простотой, звучание было наподобие как у Крития, а мысли – какие другому и на ум не придут, а шутки меткие и не надуманные, но сообразные предмету, слог же сладостен и со многими прикрасами, и изящен, и искусно разнообразен, а одушевление без чрезмерной пылкости, но плавно и постепенно – в общем же речь его подобила золотому песку, в серебристых речных токах сверкающему. Привержен он был всем древним, с Критием же неразлучен и ввел его в обиход эллинов, дотоле относившихся к нему с пренебрежением и без должного внимания¹⁰⁶. А когда Эллада прославила его и назвала одним из Десятерых, он не поддался похвале, пусть казалась она великой, но весьма остроумно отвечал хвалителям: «Да уж, я получше Андокида»¹⁰⁷. (565) Быв понятливее всех людей, отнюдь не пренебрегал он прилежным трудом и усердно занимался хоть за вином, хоть по ночам, если случалось на время пробудиться от сна, а потому нерадивые и ветреные называли его «напичканный ритор». Всяк хорош по-своему, так что всяк и другого превосходит по-своему, ибо один восхищает речью без подготовки, а другой – тщательной отделкой, Герод же обладал

¹⁰⁵ О критиках см. I. 25. 538 и прим.; упоминаемый здесь Мунатий, вероятно, известный схолиаст Феокрита, в рукописной традиции иногда именуемый «Мунат».

¹⁰⁶ На этом основании отрывок одной из речей Крития какое-то время приписывался Героду; оживившийся благодаря Героду интерес к сочинениям Крития оказался недолгим – сейчас мы располагаем лишь немногими их отрывками.

τῷ Ἀθηναίῳ ἐφοίτησεν, εἰρημένον μοι ἤδη, τοὺς δὲ κριτικούς τῶν λόγων Θεαγένει τε τῷ Κνιδίῳ καὶ Μουνατίῳ τῷ ἐκ Τραλλέων συνεγένετο καὶ Ταύρῳ τῷ Τυρίῳ ἐπὶ ταῖς Πλάτωνος δόξαις. ἡ δὲ ἁρμονία τοῦ λόγου ἱκανῶς κεκολασμένη καὶ ἡ δεινότης ὑφέρπουσα μᾶλλον ἢ ἐγκειμένη κρότος τε σὺν ἀφελείᾳ καὶ κριτιάζουσα ἡχῶ καὶ ἔννοιαι οἷαι μὴ ἐτέρῳ ἐνθυμηθῆναι κωμική τε εὐγλωττία οὐκ ἐπέσακτος, ἀλλ' ἐκ τῶν πραγμάτων, καὶ ἡδὺς ὁ λόγος καὶ πολυσχήματος καὶ εὐσχήμων καὶ σοφῶςⁱ ἐξαλλάττων τὸ πνεῦμά τε οὐ σφοδρόν, ἀλλὰ λεῖον καὶ καθεστηκὸς καὶ ἡ ἐπίπαν ἰδέα τοῦ λόγου χρυσοῦ ψῆγμα ποταμῷ ἀργυροδίνῃ ὑπαυγάζον. προσέκειτο μὲν γὰρ πᾶσι τοῖς παλαιοῖς, τῷ δὲ Κριτίᾳ καὶ προσετέθηκε καὶ παρήγαγεν αὐτὸν ἐς ἥθη Ἑλλήνων τέως ἀμελούμενον καὶ περιορώμενον. βοώσης δὲ ἐπ' αὐτῷ τῆς Ἑλλάδος καὶ καλούσης αὐτὸν ἕνα τῶν δέκα οὐχ ἡττήθη τοῦ ἐπαίνου μεγάλου δοκοῦντος, ἀλλ' ἀστείότατα πρὸς τοὺς ἐπαινέσαντας “Ἀνδοκίδου (565) μὲν” ἔφη “βελτίων εἰμί.” εὐμαθέστατος δὲ ἀνθρώπων γενόμενος οὐδὲ τοῦ μοχθεῖν ἡμέλησεν, ἀλλὰ καὶ παρὰ πότον ἐσπούδαζε καὶ νύκτωρ ἐν τοῖς διαλείμμασι τῶν ὕπνων, ὅθεν ἐκάλουν αὐτὸν σιτευτὸν ῥήτορα οἱ ὀλίγωροί τε καὶ λεπτοί. ἄλλος μὲν οὖν ἄλλο ἀγαθὸς καὶ ἄλλος ἐν ἄλλῳ βελτίων ἐτέρου, ὁ μὲν γὰρ σχεδιάσαι θαυμασίος, ὁ δὲ ἐκπονήσαι λόγον, ὁ δὲ τὰ ξύμπαντα ἄριστα

ⁱ εὖσημος Jacobs, σοφῶς Kayser; σαφῶς mss.

¹⁰⁷ Имеется в виду составленный александрийскими филологами во II–I вв. до н.э. Канон десяти аттических ораторов, включавший Лисия, Исократу, Демосфена и др.; изменить Канон было невозможно, так что речь здесь именно о «похвале»; Андокид был причислен к Канону за простоту и чистоту слога, однако у современников ценился невысоко – Герод об этом, разумеется, знал.

всеми достоинствами, какие бывают у софистов, а чувствительное собирал не только из трагедий¹⁰⁸, но и из повседневности.

Осталось от Герода великое множество посланий¹⁰⁹ и разглаголов, и дневников, и пособий, а также небольшие цветословы уместных речений чуть ли не из всей древней науки¹¹⁰. А вот упрекающие его, что, мол, еще юношей, говоря в Пеонии пред кесарем¹¹¹, потерпел он неудачу, не знают, по-моему, что то же самое случилось с Демосфеном, когда выступал он пред Филиппом, – Демосфен, однако, по возвращении в Афины потребовал себе почестей и венков, хотя Амфиполь афиняне потеряли¹¹², а Герод, претерпев такое же, устремился к Истру, словно намереваясь утопиться, ибо столь сильно желал стяжать словесами своими славу, что провал почитал за смерть.

Скончался он почти семидесяти шести лет, от истощения и, хоть умер в Марафоне и наказал отпущенникам там же его похоронить, афиняне на руках эфебов принесли его в город: стар и млад в слезах выходили навстречу одру и вопияли, словно дети, (566) лишившиеся доброго отца¹¹³. Похоронили его в Панафинаике¹¹⁴, начертав нижеследующую краткую и емкую надпись:

¹⁰⁸ Ср. I. 21. 518 и прим., а также хвалебный отзыв Авла Геллия о стиле Герода (Gell. XIX. 12. 1). Желая тронуть чувства слушателей, софисты прибегали к литературным примерам, в основном из трагедий, по определению внушающих «жалость и страх» (Arist. Poet. 1449 b); Герод добавил к этому традиционному ресурсу чувствительные эпизоды из реальной жизни, что само по себе было новаторством, да притом требовало большого искусства, так как повседневное следовало возвысить до поэтического (трагического), иначе аудитория останется равнодушной.

¹⁰⁹ В другом месте (Dial. 1) Филострат говорит, что искусством писать письма Герод превосходил всех софистов – мы можем судить об этом лишь по немногим отрывкам в VS.

¹¹⁰ Из сочинений Герода сохранились только фрагменты речи «О государстве». О сочинениях Герода см. прим. 36.

¹¹¹ В 117 н.э. к Адриану, находившемуся в Паннонии, было отправле-

τῶν σοφιστῶν διέθετο καὶ τὸ παθητικὸν οὐκ ἐκ τῆς τραγωδίας μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ἀνθρωπίνων συνελέξατο.

ἐπιστολαὶ δὲ πλεῖσται Ἡρώδου καὶ διαλέξεις καὶ ἐφημερίδες ἐγχειρίδιά τε καὶ καίρια τὴν ἀρχαίαν πολυμάθειαν ἐν βραχεῖ ἀπηνθισμένα. οἱ δὲ προφέροντες αὐτῷ νέῳ ἔτι τὸ λόγου τινὸς ἐν Παιονίᾳ ἐκπεσεῖν ἐπὶ τοῦ αὐτοκράτορος ἡγνοηκέναι μοι δοκοῦσιν, ὅτι καὶ Δημοσθένης ἐπὶ Φιλίππου λέγων ταῦτὸν ἔπαθεν· κάκεῖνος μὲν ἦκων Ἀθήναζε τιμὰς προσήτει καὶ στεφάνους ἀπολωλυίας Ἀθηναίοις Ἀμφιπόλεως, Ἡρώδης δέ, ἐπεὶ τοῦτο ἔπαθεν, ἐπὶ τὸν Ἰστρον ἦλθεν ὡς ῥίψων ἑαυτὸν, τοσοῦτον γὰρ αὐτῷ περιῆν τοῦ ἐν λόγοις βούλεσθαι ὀνομαστῷ εἶναι, ὡς θανάτου τιμᾶσθαι τὸ σφαλῆναι.

Ἐτελεύτα μὲν οὖν ἀμφὶ τὰ ἕξ καὶ ἑβδομήκοντα ξυντακῆς γενόμενος. ἀποθανόντος δὲ αὐτοῦ ἐν τῷ Μαραθῶνι καὶ ἐπισκήψαντος τοῖς ἀπελευθέροις ἐκεῖ θάπτειν Ἀθηναῖοι ταῖς τῶν ἐφήβων χερσὶν ἀρπάσαντες ἐς ἄστὺ ἤνεγκαν προαπαντῶντες τῷ λέχει πᾶσα ἡλικία δακρύοις ἅμα καὶ ἀνευφημοῦντες, ὅσα παῖδες χρηστοῦ (566) πατρὸς χηρεύσαντες, καὶ ἔθαψαν ἐν τῷ Παναθηναϊκῷ ἐπιγράψαντες αὐτῷ βραχὺ καὶ πολὺ ἐπίγραμμα τόδε·

на депутация афинян с поздравлениями по случаю восшествия на престол; среди депутатов был и совсем юный Герод — он очень понравился Адриану, который затем всячески споспешествовал его карьере.

¹¹² Χρονολογическая ошибка: Амфиполь в 357 до н.э. действительно был осажден Филиппом и воззвал о помощи к афинянам, затеявшим с Филиппом тщетные переговоры, — но Демосфен тогда был слишком молод, в посольствах не участвовал и получил венок гораздо позже и за другие заслуги.

¹¹³ Καζαλὸς βυ, σκὸρβῃ ἀφῖνυα πλὸχὸ σὸτῃταις σ ἰχ χᾰστῃς κὸνφλῖκτᾰς σ Ἡρὸδὸμ, νὸ κὸνφλῖκτᾰς βῦλῖ ν πρὸσθὸμ, ᾰ σλᾰν Ἡρὸδᾰ δὸβᾰνᾰνᾰτᾰ σλᾰνᾰ Ἀφῖνᾰς; πρῖτὸμ ὑ νὸγὸ βῦλὸ μνὸχ ὑχῖνὸκὸν, κὸτὸρῃ-νῃ, νῃσὸμνῃννὸ, ὸ νῃμ σκὸρβῃλῖ (σρ. Π. 10. 586).

¹¹⁴ Руиной гробницы Герода иногда считается цементное сооружение напротив храма Счастья у Панафинейского стадиона, хотя эта идентификация ненадежна; существует также гипотеза, что Герод был

Атика сын, Герод Марафонский, коего тело
в этой могиле лежит, слава же всюду слышна.

Вот и все о Героде Афинском – частью уже рассказанное
другими, частью доселе неизвестное.

2. Повествование побуждает меня поведать и о софисте *Феодоте*¹¹⁵. Сей Феодот был во главе афинского народа¹¹⁶ в пору, когда афиняне враждовали с Геродом, коему сам он явной неприязни не выказывал, но тайком вредил, ибо умел извлекать выгоду из обстоятельств, да и вообще был горазд сутяжничать – во всяком случае, с присными Демострата¹¹⁷ до того спелся, что помогал им сочинять против Герода речи. А еще он первый возглавил афинское юношество, получая за то от кесаря десять тысяч¹¹⁸, а впрочем, не сие достопамятно – не все, возвысившиеся до такового престола, достойны памяти! – а важно, что платоников и стоиков, и перипатетиков, и эпикурейцев Марк поручил

похоронен прямо на стадионе, под беговой дорожкой, но у греков не было принято попирать ногами могилы; куда вероятнее, что гробница действительно располагалась в спокойном месте (то есть близ одного из святилищ Панафинаика), но не сохранилась.

¹¹⁵ Помимо биографии в VS, сведения о Феодоте скудны: из надписей, посвященных ему учениками (IG II–III² 3813), а его сыну Юлию Аполлодоту – Ареопагом (IG II–III² 3616), известно, что он звался Юлий Феодот Мелитский (Мелита – один из городских демонов, в западной части Афин); во второй надписи он назван софистом, стратегом, архонтом-басилевсом и глашатаем Ареопага; из этой же надписи, а также из IG II–III² 4087 известно имя его жены – Элия Кефисодора; ее отец был элевсинским жрецом-факелоносцем и, как явствует из IG II–III² 3609, братом Демострата.

Ἀττικοῦ Ἡρώδης Μαραθώνιος, οὗ τάδε πάντα
 κεῖται τῷδε τάφῳ, πάντοθεν εὐδόκιμος.
 τοσαῦτα περὶ Ἡρώδου τοῦ Ἀθηναίου, τὰ μὲν εἰρημένα, τὰ
 δὲ ἡγνοημένα ἑτέροις.

β'. Ἐπὶ τὸν σοφιστὴν Θεόδοτον καλεῖ με ὁ λόγος. Θεόδοτος
 μὲν προὔστη καὶ τοῦ Ἀθηναίων δήμου κατὰ χρόνους,
 οὓς προσέκρουον Ἡρώδῃ Ἀθηναῖοι, καὶ ἐς ἀπέχθειαν
 φανεράν οὐδεμίαν τῷ ἀνδρὶ ἀφίκετο, ἀλλ' ἀφανῶς αὐτὸν
 ὑπεκάθητο δεινὸς ὢν χρῆσθαι τοῖς πράγμασιν, καὶ γὰρ δὴ καὶ
 τῶν ἀγοραίων εἰς οὗτος τοῖς γοῦν ἀμφὶ τὸν Δημόστρατον
 οὕτω ξυνεκέκρατο, ὥς καὶ ξυνάρασθαί σφισι τῶν λόγων, οὓς
 ἐξεπόνουν πρὸς τὸν Ἡρώδην. προὔστη δὲ καὶ τῆς Ἀθηναίων
 νεότητος πρῶτος ἐπὶ ταῖς ἐκ βασιλέως μυρίαις. καὶ οὐ τοῦτο
 πῶ λόγου ἄξιον, οὐδὲ γὰρ πάντες οἱ ἐπιβατεύοντες τοῦ
 θρόνου τούτου λόγου ἄξιοι, ἀλλ' ὅτι τοὺς μὲν Πλατωνεῖους καὶ
 τοὺς ἀπὸ τῆς Στοᾶς καὶ τοὺς ἀπὸ τοῦ Περιπάτου καὶ ἀπὸ
 τοῦ Ἐπικούρου¹ προσέταξεν ὁ Μάρκος τῷ Ἡρώδῃ κρῖναι,

¹ἀπὸ τοῦ Ἐπικούρου Wright; αὐτοῦ Ἐπικούρου Kayser; αὐτὸν Ἐπικούρον mss.

¹¹⁶ Неясно, которая из должностей Феодота имеется в виду, архонта-басилевса или стратега, так как обе предполагают немалое влияние, а при этом публично Феодот не высказался.

¹¹⁷ Ср. II. 1. 554–555 и прим.

¹¹⁸ В дополнение к городской кафедре риторики, которую первым возглавил Лоллиан, Марк основал в Афинах еще одну, которая и досталась Феодоту; Светоний сообщает, что Веспасиан, основав в Риме кафедры латинской и греческой риторики, положил занимавшим их риторам по сто тысяч сестерциев в год (Suet. Vesp. 18), но то были главные в Империи кафедры, а за афинскую полагалось меньше, сорок тысяч сестерциев (у Филострата они пересчитаны в драхмы).

Героду¹¹⁹, сего же мужа (567) по славе его самолично рассудил приставить к молодежи, ибо он, мол, знаток гражданского красноречия и столп риторики. Учился он у Лоллиана, однако и уроками Герода не пренебрегал, а житья ему было пятьдесят лет с малым, а престол красноречия занимал он два года, слог же его равно пригоден как для судебных, так и для сугубо софистических речей.

3. Именит среди софистов и *Аристокл* Пергамский¹²⁰, о коем расскажу всё, что слышал от старших. Был он из гипатов и от юности до возмужалости любомудрствовал с перипатетиками, а затем, часто слушавши в Риме говорившего без подготовки Герода, переметнулся к софистам. В пору любомудрия неопрятный, косматый и в грязном платье, предался он теперь роскоши, отринул неопрятность и впустил в свою жизнь все наслаждения, сколько их ни есть: хоть лиры, хоть авлы, хоть пение – все словно бы толпились у его дверей; а еще, прежде быв воздержан, соделался завсегдатаем шумных зрелищ¹²¹. Герод, посетивший Пергам, когда Аристокл уже начинал там славиться и влеклось к нему окрестное эллинство, передал (568)

¹¹⁹ О такой должности упоминается лишь в связи с Геродом: возможно, то был утешительный приз, раз уж кафедра риторики досталась Феодоту (ср. также II. 1. 562 и прим.). Поручение Марка здесь может означать только надзор за описанным у Лукиана (Лис. Еуп. 2–3) избранием схолархов, но схолархи избирались пожизненно и возможные их преемники были известны заранее – за сравнительно краткий срок, когда Герод исполнял свои обязанности, новый схоларх мог ни в одном из философских преемств не явиться, а если явился, то без недоразумений, которые разрешил бы Герод, в чьей пространной биографии о подобном нет ни слова.

τὸν δὲ (567) ἄνδρα τοῦτον ἀπὸ τῆς περὶ αὐτὸν δόξης αὐτὸς ἐπέκρινε τοῖς νέοις ἀγωνιστὴν τῶν πολιτικῶν προσειπὼν λόγων καὶ ῥητορικῆς ὄφελος. ὁ ἀνὴρ οὗτος Λολλιανοῦ μὲν ἀκροατῆς, Ἡρώδου δὲ οὐκ ἀνήκοος. ἐβίω μὲν οὖν ὑπὲρ τὰ πεντήκοντα δυοῖν ἐτοῖν κατασχὼν τὸν θρόνον, τὴν δὲ ιδέα τῶν λόγων ἀποχρῶν καὶ τοῖς δικανικοῖς καὶ τοῖς ὑπερσοφιστεύουσιν.

γ'. Ὀνομαστὸς ἐν σοφισταῖς καὶ Ἀριστοκλῆς ὁ ἐκ τοῦ Περγάμου, ὑπὲρ οὗ δηλώσω, ὅποσα τῶν πρεσβυτέρων ἤκουον· ἐτέλει μὲν γὰρ ἐς ὑπάτους ὁ ἀνὴρ οὗτος, τὸν δὲ ἐκ παίδων ἐς ἥβην χρόνον τοὺς ἀπὸ τοῦ Περιπάτου φιλοσοφήσας λόγους ἐς τοὺς σοφιστὰς μετερρῆθαι θαμίζων ἐν τῇ Ῥώμῃ τῷ Ἡρώδῃ διατιθεμένῳ σχεδίου λόγους. ὃν δὲ ἐφιλοσόφει χρόνον αὐχμηρὸς δοκῶν καὶ τραχὺς τὸ εἶδος καὶ δυσπινὴς τὴν ἐσθῆτα ἥβρυνε καὶ τὸν αὐχμὸν ἀπετρίψατο ἡδονάσας τε, ὅποσαι λυρῶν τε καὶ αὐλῶν καὶ εὐφωνίας εἰσὶ, πάσας ἐσηγάγετο ἐπὶ τὴν δίαιταν, ὥσπερ ἐπὶ θύρας αὐτῷ ἡκούσας, τὸν γὰρ πρὸ τοῦ χρόνον οὕτω κεκολασμένος ἀτάκτως ἐς τὰ θέατρα ἐφοίτα καὶ ἐπὶ τὴν τούτων ἡχώ. εὐδοκιμοῦντι δὲ αὐτῷ κατὰ τὸ Πέργαμον κάζηρτημένῳ πᾶν τὸ ἐκείνῃ Ἑλληνικὸν ἐξελαύνων ὁ Ἡρώδης ἐς Πέργαμον ἔπεμψε (568) τοὺς ἑαυτοῦ

¹²⁰ Помимо Филострата, об этом Аристокле упоминает также Синесий (Syn. Dio 1), называя его примером метаморфозы, обратной той, которая произошла с Дионом, бросившим красноречие ради любви; в VS ученики Аристокла Элий Аристид, Афинодор, Евodian, Руф и Гераклид; в Суде приводится список его сочинений (Sud. A 3918), но ничто из перечисленного не сохранилось.

¹²¹ Φιλοσοφὸι презирали шумные зрелища вроде состязаний колесниц или (особенно) гладиаторских боев, так что Аристокл получил к ним доступ лишь после ухода от перипатетиков.

всех слушателей своих Аристоклу и, словно некий камешек от Афины¹²², тем оно возвысил. Слог речей Аристокла – аттический и ясный, более подходящий для разглаголов, нежели для состязаний, ибо не было в словах его желчи и пустопорожней пылкости, да и самый его аттицизм, коли сравнивать с языком Герода, кажется скорее утонченным, нежели звучным и выразительным. Умер Аристокл наполовину седым¹²³, едва приблизясь к старости.

4. Софист *Антиох*¹²⁴ родом был из Эг Киликийских и столь высокого происхождения, что доныне есть в семействе его гипаты. Обвиненный как-то в трусости, что, мол, не выходит к народу и не участвует в общих делах, он возразил: «Не вас боюсь, но себя», верно зная свою никакой силою не обуздываемую желчность. Однако же народу он из собственных средств по мере сил помогал, раздавая то хлеб, когда слышал, что нуждаются в оном, а то и деньги на починку разрушенного. Часто ночевал он в храме Асклепия¹²⁵ – и ради снов, и ради бесед, какие ведут друг с другом бодрствующие, поелику бог беседовал с ним наяву, постановив превосходным подвигом искусства своего отвращать от Антиоха недуги.

Отроком Антиох слушал Дардана Ассирийского, а вошед в юношеские лета – Дионисия Милетского, в ту пору перебрав-

¹²² Намек на «Евменид» Эсхила, где при суде над Орестом Афина добавляет белый камешек в его защиту (Aesch. Eum. 747–756); Герод был «от Афины» (афинянин), и Аристокл благодаря ему обзавелся платными учениками из числа его слушателей.

¹²³ В оригинале редкое гомеровское прилагательное *μεσσιτόβλος* – контекстом этот архаизм не обусловлен, но по-своему характерен для софистического аттицизма.

¹²⁴ Вероятно, именно этому П. Анцию Антиоху из Эг Киликийских

ὁμιλητὰς πάντας καὶ τὸν Ἀριστοκλέα ἤρεν, ὥσπερ τις Ἀθηνᾶς ψῆφος. ἡ δὲ ἰδέα τοῦ λόγου διαυγής μὲν καὶ ἀττικίζουσα, διαλέγεσθαι δὲ ἐπιτηδεῖα μᾶλλον ἢ ἀγωνίζεσθαι, χολή τε γὰρ ἄπεστι τοῦ λόγου καὶ ὀρμαὶ πρὸς βραχὺ αὐτῇ τε ἡ ἀττικίσις, εἰ παρὰ τὴν τοῦ Ἡρώδου γλῶτταν βασανίζοιτο, λεπτολογεῖσθαι δόξει μᾶλλον ἢ κρότου τε καὶ ἡχοῦς συγκεῖσθαι. ἔτελεύτα δὲ ὁ Ἀριστοκλῆς μεσαιπόλιος, ἄρτι προσβαίνων τῷ γηράσκειν.

δ'. Ἀντίοχον δὲ τὸν σοφιστὴν αἱ Κιλικίων Αἰγαὶ ἤνεγκαν οὕτω τι εὐπατρίδην, ὡς νῦν ἔτι τὸ ἀπ' αὐτοῦ γένος ὑπάτους εἶναι. αἰτίαν δὲ ἔχων δειλίας, ἐπεὶ μὴ παρήει ἐς τὸν δῆμον, μηδὲ ἐς τὸ κοινὸν ἐπολίτευεν, “οὐχ ὑμᾶς”, εἶπεν “ἀλλ' ἐμαυτὸν δέδοικα”, εἰδώς που τὴν ἑαυτοῦ χολὴν ἄκρατόν τε καὶ οὐ καθεκτὴν οὔσαν. ἀλλ' ὅμως ὠφέλει τοὺς ἀστοὺς ἀπὸ τῆς οὐσίας, ὅ τι εἴη δυνατός, σῆτόν τε ἐπιδιδούς, ὅποτε τούτου δεομένους αἴσθοιτο, καὶ χρήματα ἐς τὰ πεπονηκότα τῶν ἔργων. τὰς δὲ πλείους τῶν νυκτῶν ἐς τὸ τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἱερὸν ἀπεκάθευδεν ὑπέρ τε ὄνειράτων ὑπέρ τε ξυνουσίας, ὅποση ἐγρηγορότων τε καὶ διαλεγομένων ἀλλήλοις, διελέγετο γὰρ αὐτῷ ἐγρηγορότι ὁ θεὸς καλὸν ἀγώνισμα ποιούμενος τῆς ἑαυτοῦ τέχνης τὸ τὰς νόσους ἐρύκειν τοῦ Ἀντιόχου.

Ἀκροατὴς ὁ Ἀντίοχος ἐν παισὶ μὲν Δαρδάνου τοῦ Ἀσσυρίου, προιών δὲ ἐς τὰ μεράκια Διονυσίου ἐγένετο

посвящена одна аргосская надпись (Vollgraff 1904: 421–424 = SEG XXVI. 426; ср. Bücheler 1906: 625–628); из произведений его ни одно не сохранилось.

¹²⁵ Культ Асклепия был заимствован в Эгах с Коса (Iul. Gal. 200 В), где существовал издревле; храм в Эгах был очень посещаемым как в бытность там Аполлония Тианского (VA I. 7–12), так и три века спустя, вплоть до разрушения его Константином (Euseb. Vit. Const. III. 56); советы болящим Асклепий обычно давал во сне: см. I. 25. 535 и др.

шегося уже к эфесянам. Не предрасположенный к разглаголам, он, разумнейший из людей, порицал (569) их как ребячество, так являя к ним более презрение, нежели неспособность, зато в речах был искуснее всех: в притворных уверенный, в обвинительных и ругательных пылкий, в оправдательных убедительный, в нравоучительных настойчивый – словом, слог его был софистичнее судебного и судебнее софистического.

Чувствования умел он выражать лучше всех софистов, ибо не затягивал монодии и просительные плачи, но в краткословии своем заключал мысли, слов превосходнейшие, как явствует из иных его ипотез, особенно же из следующих. Изнасилованная девица избирает для насильника смерть¹²⁶, а после от насилия родится дитя, и деда спорят, которому воспитывать; и вот, Антиох говорит от лица деда по отцу: «Отдай дитя! Отдай прежде, чем отведаст материнского млека!» Другая же ипотеза такова: тирана, сложившего с себя власть при условии неприкосновенности, убил некто, ставший по его произволу евнухом, и оправдывается в убийстве. Тут Антиох, сочетая мысль со страстью, отражает самый сильный довод обвинения, именно наличие договора: «С кем было сие условлено? – С детьми, женами, юношами, старцами и мужами, а моего-то имени в договоре нет!» Превосходен он и в защите критян, судящихся за могилу Зевса¹²⁷, ибо блистательно спорит, опираясь на естествознание и всяческое богословие. Он и без подготовки выступал, он и над

¹²⁶ В противном случае она должна была выйти за него замуж; сюжеты, связанные с этим выбором, были одним из излюбленных предметов риторических упражнений: см. Hermog. Stat. 15, 59–60; Sen. Rh. Controv. I. 5, II. 3, III. 5, IV. 3, VII. 8, VIII. 6; Calp. 51.

¹²⁷ На Крите могилу Зевса показывали в двух местах, в городе Кноссе и на горе Иде; главным, если не единственным источником скудного

τοῦ Μιλησίου κατέχοντος ἤδη τὴν Ἐφεσίων. διελέγετο μὲν οὖν οὐκ ἐπιτηδείως – φρονιμώτατος δ' ἀνθρώπων γενόμενος διέβαλλεν (569) αὐτὸ ὡς μειρακιῶδες, ἵνα ὑπερεωρακῶς αὐτοῦ μᾶλλον ἢ ἀπολειπόμενος φαίνοιτο – τὰ δὲ ἀμφὶ μελέτην ἐλλογιμώτατος ἀσφαλῆς μὲν γὰρ ἐν ταῖς κατὰ σχῆμα προηγμέναις τῶν ὑποθέσεων, σφοδρὸς δὲ ἐν ταῖς κατηγορίαις καὶ ἐπιφοραῖς, εὐπρεπὴς δὲ τὰς ἀπολογίας καὶ τῷ ἠθικῷ ἰσχύων, καὶ καθάπαξ τὴν ιδέαν τοῦ λόγου δικανικῆς μὲν σοφιστικώτερος, σοφιστικῆς δὲ δικανικώτερος. καὶ τὰ πάθη ἄριστα σοφιστῶν μετεχειρίσατο, οὐ γὰρ μονωδίας ἀπεμήκυνεν, οὐδὲ θρήνους ὑποκειμένους, ἀλλ' ἐβραχυλόγει αὐτὰ ζὺν διανοίαις λόγου κρείττοσιν, ὡς ἔκ τε τῶν ἄλλων ὑποθέσεων δηλοῦται καὶ μάλιστα ἐκ τῶνδε· κόρη βιασθεῖσα θάνατον ἤρηται τοῦ βιασαμένου· μετὰ ταῦτα γέγονε παιδίον ἐκ τῆς βίας καὶ διαμιλλῶνται οἱ πάπποι, παρ' ὁποτέρῳ τρέφοιτο ἄν¹. ἀγωνιζόμενος οὖν ὑπὲρ τοῦ πρὸς πατρὸς πάππου “ἀπόδος” ἔφη “τὸ παιδίον, ἀπόδος ἤδη, πρὶν γεύσῃται μητρῶου γάλακτος.” ἡ δὲ ἑτέρα ὑπόθεσις τοιαύτη· τύραννον καταθέμενον τὴν ἀρχὴν ἐπὶ τῷ ἐκλελύσθαι ἀπέκτεινέ τις εὐνοῦχος ὑπ' αὐτοῦ γεγονὼς καὶ ἀπολογεῖται ὑπὲρ τοῦ φόνου. ἐνταῦθα τὸ μάλιστα ἐρρωμένον τῆς κατηγορίας τὸν περὶ τῶν σπονδῶν λόγον ἀπεώσατο περίνοιαν ἐγκαταμίξας τῷ πάθει· “τίσι γὰρ” ἔφη “ταῦτα ὠμολόγησε; παισὶ γυναίοις μειρακίοις πρεσβύταις ἀνδράσιν· ἐγὼ δὲ ὄνομα ἐν ταῖς συνθήκαις οὐκ ἔχω.” ἄριστα δὲ καὶ ὑπὲρ τῶν Κρητῶν

¹ τρέφοιτο τὸ παιδίον Kayser

предания о ней был Евгемер Мессенский (IV–III вв. до н.э.), объясняющий в не дошедшей до нас «Священной истории», что боги – это жившие в древности люди, которых за различные заслуги земляки стали чтить богами (Call. Iov. 8–9; Call. Iamb. XII. 15–17; Enn. ap. Lact. Div. Inst. I. 11. 46; Cic. Nat. Deor. III. 53).

писаниями усердно (570) трудился – сие по иным из них заметно, особливо же по «истории», ибо в оной удачно выбирает и сочетает он слова, обнаруживая любовь свою к прекрасному. О кончине его кто говорит, что дожил до семидесяти лет, а кто – что не дожил, кто – что умер дома, а кто – что на чужбине.

5. *Александр*¹²⁸, многими прозываемый Глиняным Платоном, был родом из Селевкии, отнюдь не безвестного киликийского города. Отец его был ему тезкою и отлично умел говорить пред народом, мать же, как свидетельствуют изображения, была на редкость хороша собой и похожа на Евмелову Елену, а Евмел¹²⁹ воистину изобразил такую Елену, какую хоть римской вечевой площади¹³⁰ можно принести в дар. Говорят, в сию женщину были влюблены многие, в их числе Аполлоний Тианский, того не скрывавший, она же, хотя прочих отвергла, с Аполлоном сошлась, желая наилучшего потомства, ибо сей муж был божественнее человеков, – а почему сие весьма маловероятно, ясно сказано в моем сочинении об Аполлонии¹³¹. При всем том Александр был богоподобен и отличался благообразием: боро-

¹²⁸ Биографические сведения об Александре Селевкийском имеются только в VS; он также кратко упомянут в *Суде* (Sud. A 1128), а в AnOx III. 164 назван среди лучших софистов своего времени вместе со Скопелианом, Никетом и Дионом, хотя нет полной уверенности, что это тот самый Александр. Вероятно, любовь к философии он усвоил от Фаворина, хотя прозвище «Глиняный Платон» указывает, что претензии его принимались не слишком всерьез.

ἀπολελόγηται τῶν κρινομένων ἐπὶ τῷ τοῦ Διὸς σήματι φυσιολογία τε καὶ θεολογία πάσῃ ἐναγωνισάμενος λαμπρῶς. τὰς μὲν οὖν μελέτας αὐτοσχεδίους ἐποιεῖτο, ἔμελε δὲ αὐτῷ (570) καὶ φροντισμάτων, ὡς ἕτερά τε δηλοῖ τῶν ἐκείνου καὶ μάλιστα ἡ ἱστορία, ἐπιδείξιν γὰρ ἐν αὐτῇ πεποίηται λέξεώς τε καὶ ῥητορείαςⁱ, ἐσποιῶν ἑαυτὸν καὶ τῷⁱⁱ καὶ τῷ φιλοκαλεῖν.

περὶ δὲ τῆς τελευτῆς τοῦ ἀνδρός, οἱ μὲν ἐβδομηκοντούτην τεθνάναι αὐτόν, οἱ δὲ οὐπω, καὶ οἱ μὲν οἴκοι, οἱ δὲ ἐτέρωθι.

εἴ. Ἀλεξάνδρῳ δέ, ὃν Πηλοπλάτωνα οἱ πολλοὶ ἐπωνόμαζον, πατὴρ μὲν ἦν Σελεύκεια πόλις οὐκ ἀφανῆς ἐν Κιλικίᾳ, πατὴρ δὲ ὁμώνυμος καὶ τοὺς ἀγοραίους λόγους ἱκανώτατος, μήτηρ δὲ περιττὴ τὸ εἶδος, ὡς αἱ γραφαὶ ἐρμηνεύουσι, καὶ προσφερὴς τῇ τοῦ Εὐμήλου Ἑλένη· Εὐμήλῳ γάρ τις Ἑλένη γέγραπται οἷα ἀνάθεμα εἶναι τῆς Ῥωμαίων ἀγορᾶς. ἐρασθῆναι τῆς γυναικὸς ταύτης καὶ ἐτέρους μὲν, ἐπιδήλως δὲ Ἀπολλωνιόν φασι τὸν Τυανέα, καὶ τοὺς μὲν ἄλλους ἀπαξιῶσαι, τῷ δὲ Ἀπολλωνίῳ συγγενέσθαι δι' ἔρωτα εὐπαιδίας, ἐπειδὴ θεϊότερος ἀνθρώπων. τοῦτο μὲν δὴ ὁπόσοις τρόποις ἀπίθανον, εἴρηται σαφῶς ἐν τοῖς ἐς Ἀπολλώνιον. θεοειδὴς δὲ ὁ Ἀλέξανδρος καὶ περίβλεπτος ξὺν ὥρᾳ, γενειάς τε γὰρ ἦν αὐτῷ βοστρυχώδης

ⁱ θεωρίας Kayser coniecit, ἱστορίας mss

ⁱⁱ ἑαυτῷ καὶ τὸ Stefec coniecit

¹²⁹ Евмел упоминается также в первых «Картинах» (Im. prooem. 3); больше о нем ничего не известно.

¹³⁰ То есть одному из форумов, всегда украшавшихся статуями, памятными арками и колоннами и пр.

¹³¹ Имеется в виду VA I. 13: о том, что Аполлоний уже в юности отказался от любовных сношений.

да у него была короткая и кудрявая, глаза большие и красивые, нос соразмерный, зубы белее белого, а пальцы хорошей длины и приспособленные держать вожжи речей¹³². Было у него и богатство, употребляемое на непостыдные удовольствия.

Уже в зрелых летах был он послом от Селевкии к Антониону, и тут-то пошли о нем клеветы, будто (571) молодится. Вышло так, что государь словно бы проявлял к нему недовольно внимания, и тогда Александр громко окликнул: «Слушай-ка, кесарь!», а тот, раздраженный таковою дерзостью, отвечал: «Я тебя слушаю и я тебя знаю – ты вечно то кудри чешешь, то зубы чистишь, то ногти пилишь, и всегда-то от тебя разит духами».

Большую часть жизни подвизался он в Антиохии, в Риме, в Тарсе, а уж в Египте, ей-богу, повсюду, добираясь даже до мест, где обитают Нагие¹³³, в Афинах же бывал мало, но одно из сих посещений достойно упоминания. Ездил он тогда к пеонийским племенам – по поручению кесаря Марка, который во-евал в тех краях, а его назначил письмоводителем эллинов¹³⁴; итак, прибывши в Афины, – с Востока путь не близкий! – сказал он: «Присядем-ка здесь!», а засим объявил афинянам, страстно желавшим его послушать, о предстоящей речи без подготовки, прослышав же, что Герод в Марафоне¹³⁵ и с ним все юношество,

¹³² Учение о телодвижениях (σχήματα τοῦ σώματος, лат. motus), которые подразделялись на мимику и жестикуляцию, было в древности неотъемлемой частью риторики; об этом писал уже ученик Аристотеля Феофраст, чье сочинение не сохранилось; подробнее см. Quint. Inst. XI. 3. 85–124.

καὶ καθειμένη τὸ μέτριον ὄμμα τε ἄβρὸν καὶ μέγα καὶ ῥὶς
ξύμμετρος καὶ ὀδόντες λευκότατοι δάκτυλοί τε εὐμήκεις καὶ
τῇ τοῦ λόγου ἡγία ἐπιπρέποντες, ἦν δὲ αὐτῷ καὶ πλοῦτος
δαπανώμενος ἐς ἡδονὰς οὐ μεμπτάς.

Ἐς δὲ ἄνδρας ἦκων ἐπρέσβευε μὲν ὑπὲρ τῆς Σελευκείας
παρὰ τὸν Ἀντωνῖνον, διαβολαὶ δὲ ἐπ’ αὐτὸν ἐφοίτησαν,
ὥς νεότητα ἐπιποιοῦντα (571) τῷ εἶδει. ἦττον δὲ αὐτῷ
προσέχειν δοκοῦντος τοῦ βασιλέως ἐπάρας τὴν φωνὴν ὁ
Ἀλέξανδρος “πρόσεχέ μοι”, ἔφη “Καῖσαρ.” καὶ ὁ αὐτοκράτωρ
παροξυνθεὶς πρὸς αὐτὸν ὥς θρασυτέρα τῇ ἐπιστροφῇ
χρησάμενον “προσέχω” ἔφη “καὶ ξυνήμί σου· σὺ γὰρ” ἔφη
“ὁ τὴν κόμην ἀσκῶν καὶ τοὺς ὀδόντας λαμπρύνων καὶ τοὺς
ὄνυχας ξέων καὶ τοῦ μύρου ἀεὶ πνέων.”

Τὸν μὲν δὴ πλεῖστον τοῦ βίου τῇ τε Ἀντιοχείᾳ ἐνεσπούδασε¹
καὶ τῇ Ῥώμῃ καὶ τοῖς Ταρσοῖς καὶ νῆ Δία Αἰγύπτῳ πάσῃ,
ἀφίκετο γὰρ καὶ ἐς τὰ τῶν Γυμνῶν ἡθη. αἱ δὲ Ἀθήνησι
διατριβαὶ τοῦ ἀνδρὸς ὀλίγαι μὲν, οὐκ ἄξια δὲ ἀγνοεῖσθαι.
ἐβάδιζε μὲν γὰρ ἐς τὰ Παιονικὰ ἔθνη μετακληθεὶς ὑπὸ
Μάρκου βασιλέως ἐκεῖ στρατεύοντος καὶ δεδωκότος αὐτῷ
τὸ ἐπιστέλλειν Ἑλλήσιν, ἀφικόμενος δὲ ἐς τὰς Ἀθήνας, ὁδοῦ
δὲ μῆκος τοῦτο οὐ μέτριον τῷ ἐκ τῆς ἐώας ἐλαύνοντι,
“ἐνταῦθα” ἔφη “γόνυ κάμψωμεν.” καὶ εἰπὼν τοῦτο
ἐπήγγειλε τοῖς Ἀθηναίοις αὐτοσχεδίους λόγους ἐρῶσιν

¹ ἐνεσπούδαζε Kayser

¹³³ Еще одна отсылка к VA – ср. I. 1. 484 и прим.

¹³⁴ То есть секретарем императора (magister epistularum, см. прим. I. 22. 524) по делам Греции, весьма высокопоставленным чиновником.

¹³⁵ Родовое имя Герода было в Марафоне, там он и преподавал (ср. II. 1. 562).

написал ему, прося вернуть эллинов, Герод же отвечал: «Приду с эллинами и сам». Все собрались в театре Керамика, иначе именуемом Агриппейон, но время шло, а Герод всё медлил, и афиняне уже возмущались, отчего не начинается выступление, подозревая тут некую уловку, (572) – поневоле пришлось Александру приступить к разглаголу прежде прибытия Герода.

Сей разглагол являл собою похвалу городу и оправдание пред афинянами, что он доселе не посещал их, а длился сколько следовало, наподобие сжатого изложения Панафинейской речи¹³⁶; сам же он показался афинянам таким щеголем, что, еще покуда молчал, прошел меж ними одобрительный ропот о благолепии обличья его. Из предложенных для гипотезы предметов возобладавал такой: некто побуждает скифов вернуться к кочевой жизни, ибо в городах они чахнут¹³⁷, – и Александр, выждав немного, с радостным лицом вскочил из кресел¹³⁸, словно неся слушателям благую весть. Он уже изрядно продвинулся в речи, когда прибыл Герод в широкополой аркадской шляпе, какими покрываются афиняне в знойную пору, – похоже, так он показывал Александру, что прямо с дороги. Заметивши сие, тот уважил именитого мужа: обратился к нему почтительно и торжественно и спросил, угодно ли ему дослушать начатую гипотезу или жела-

¹³⁶ По сохранившимся речам Исократ и Элия Аристиды мы знаем, что такая речь длилась около двух часов – а у Александра похвала Афинам короче, так как служит лишь вступлением к гипотезе.

¹³⁷ Сравнение городской жизни с сельской или кочевой было популярной темой показательных речей, ср. ниже II. 5. 575 и RhG IX. 476,

αὐτοῦ τῆς ἀκροάσεως. ἀκούων δὲ τὸν Ἡρώδην ἐν Μαραθῶνι διαιτώμενον καὶ τὴν νεότητα ἐπακολουθοῦσαν αὐτῷ πᾶσαν γράφει πρὸς αὐτὸν ἐπιστολὴν αἰτῶν τοὺς Ἑλληνας, καὶ ὁ Ἡρώδης “ἀφίζομαι” ἔφη “μετὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ αὐτός.” ξυνελέγοντο μὲν δὴ ἐς τὸ ἐν τῷ Κεραμεικῷ θέατρον, ὃ δὴ ἐπωνόμασται Ἀγριππεῖον, προιούσης δὲ ἤδη τῆς ἡμέρας καὶ τοῦ Ἡρώδου βραδύνοντος ἡσχαλλον οἱ Ἀθηναῖοι ὡς ἐκλυομένης τῆς ἀκροάσεως καὶ τέχνην αὐτὸ (572) ὦντο, ὅθεν ἀνάγκη τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἐγένετο παρελθεῖν ἐπὶ τὴν διάλεξιν καὶ πρὶν ἤκειν τὸν Ἡρώδην. ἡ μὲν δὴ διάλεξις ἔπαινοι ἦσαν τοῦ ἄστεος καὶ ἀπολογία πρὸς τοὺς Ἀθηναίους ὑπὲρ τοῦ μήπω πρότερον παρ’ αὐτοὺς ἀφῖχθαι, εἶχε δὲ καὶ τὸ ἀποχρῶν μῆκος, Παναθηναικοῦ γὰρ λόγου ἐπιτομῇ εἵκαστο. εὐσταλὴς δὲ οὕτω τοῖς Ἀθηναίοις ἔδοξεν, ὡς καὶ βόμβον διελθεῖν αὐτῶν ἔτι σιωπῶντος ἐπαινεσάντων αὐτοῦ τὸ εὖσχημον. ἡ μὲν δὴ νενικηκυῖα ὑπόθεσις ὁ τοὺς Σκύθας ἐπανάγων ἐς τὴν προτέραν πλάνην, ἐπειδὴ πόλιν οἰκοῦντες νοσοῦσι, καιρὸν δ’ ἐπισχὼν βραχὺν ἀνεπήδησε τοῦ θρόνου φαιδρῷ τῷ προσώπῳ, καθάπερ εὐαγγέλια ἐπάγων τοῖς ἀκροωμένοις ὧν εἶπεῖν ἔχοι. προιόντος δὲ αὐτῷ τοῦ λόγου ἐπέστη ὁ Ἡρώδης Ἀρκάδι πῖλῳ τὴν κεφαλὴν σκιάζων, ὡς ἐν ὥρᾳ θέρους εἰώθει Ἀθήνησιν, ἴσως δέ που καὶ ἐνδεικνύμενος αὐτῷ τὸ ἐκ τῆς ὁδοῦ ἤκειν.

καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἔνθεν ἑλὼν διελέχθη μὲν ἐς τὴν παρουσίαν τοῦ ἀνδρὸς ὑποσέμνω τῇ λέξει καὶ ἡχούσῃ, ἐπ’ αὐτῷ δὲ ἔθετο, εἴτε βούλοιο τῆς ἤδη σπουδαζομένης

492; вероятно, такому же сравнению была посвящена речь Гипподрома «Скифы» (II. 27. 620).

¹³⁸ То есть вступление (разглагол) он произносил сидя – ср. I. 21. 519 и прим.

ет предложить новую, – а когда Герод, оборотясь к слушателям, сказал, что сие на усмотрение присутствующих, все согласились снова послушать про скифов, ибо Александр, как видно из сказанного, справлялся с задачей отменно. Удивительное свое дарование явил он и в том, что с блеском изложенные до прихода Герода мысли принялся развивать пред лицом его иными словами и в иных мерностях, а посему слушавшим по второму разу не показалось, будто повторяет он уже говоренное; так, речение, вызвавшее до прибытия Герода особое одобрение – «от застоя и вода тухнет» – во второй раз было преподнесено Александром (573) по-новому: «текучая вода слаще». А вот еще из «Скифов» Александра: «Когда Истр становился, я отправлялся в полдневные страны, когда вскрывался – в полнощные, крепкий телом, не то что ныне, ибо чего страшиться человеку, коли следует он за временами года?» Под конец речи, браня город, что дышать, мол, нечем,¹³⁹ он громко возгласил: «Ворота распахни – хочу дышать!»¹⁴⁰, а засим бросился к Героду и, обняв, сказал: «Попотчуй и ты меня!» «Почему бы нет, – отвечал Герод, – ты-то меня вон как попотчевал!»

После выступления Герод, созвав лучших своих учеников, спросил, как им сей софист, когда же Скепт из Коринфа сказал, что, мол, глину-то он заметил, а вот Платона не видать¹⁴¹, Герод прервал его: «Больше никому такого не говори, не то прослышешь неучем! Бери-ка лучше пример с меня, почитающего его трезвым Скопелианом¹⁴²», – а прозывал так Герод Александра

¹³⁹ Афины – душный город, не только летом; комедиограф Менандр якобы даже переселился из-за этого в Пирей (Alciphr. IV. 18–19; ср. Schol. Ov. Ibis 591–592).

¹⁴⁰ Измененный стих Еврипида (Eur. Phoen. 297).

ὑποθέσεως ἀκροᾶσθαι, εἴτε ἑτέραν αὐτὸς δοῦναι. τοῦ δὲ Ἡρώδου ἀναβλέψαντος ἐς τοὺς ἀκρωμένους καὶ εἰπόντος, ὡς ποιήσοι, ὅπερ ἂν ἐκείνοις δόξῃ, πάντες ξυνεπένευσαν ἐς τὴν τῶν Σκυθῶν ἀκρόασιν, καὶ γὰρ δὴ καὶ λαμπρῶς διήκει τὸν ἀγῶνα, ὡς δηλοῖ τὰ εἰρημένα. θαυμασίαν δὲ ἰσχὺν ἐνεδείξατο καὶ ἐν τοῖσδε· τὰς γὰρ διανοίας τὰς πρὶν ἤκειν τὸν Ἡρώδην λαμπρῶς αὐτῷ εἰρημένας μετεχειρίσατο ἐπιστάντος οὕτω τι ἑτέρα λέξει καὶ ἑτέροις ῥυθμοῖς, ὡς τοῖς δεύτερον ἀκρωμένοις μὴ διλογεῖν δόξαι. τὸ γοῦν εὐδοκιμώτατα τῶν πρὶν ἐπιστῆναι τὸν Ἡρώδην εἰρημένων “ἐστὸς καὶ τὸ ὕδωρ νοσεῖ” μετὰ (573) ταῦτα ἐπιστάντος ἑτέρα δύναμει μεταλαβὼν “καὶ ὕδάτων” εἶπεν “ἡδίω τὰ πλανώμενα.” κάκεινα τῶν Ἀλεξάνδρου Σκυθῶν· “καὶ πηγνυμένου μὲν Ἰστρου πρὸς μεσημβρίαν ἤλαυνον, λυομένου δὲ ἐχώρουν πρὸς ἄρκτον ἀκέραιος τὸ σῶμα καὶ οὐχ ὥσπερ νυνὶ κείμενος. τί γὰρ ἂν πάθοι δεινὸν ἄνθρωπος ταῖς ὥραις ἐπόμενος;” ἐπὶ τελευτῇ δὲ τοῦ λόγου διαβάλλων τὴν πόλιν ὡς πνιγηρὸν οἰκητήριον τὸ ἐπὶ πᾶσιν ὧδε ἀνεφθέγγατο· “ἀλλ’ ἀναπέτασον τὰς πύλας, ἀναπνεῦσαι θέλω.” προσδραμὼν δὲ τῷ Ἡρώδῃ καὶ περισχὼν αὐτὸν “ἀντεφεστίασόν με” ἔφη, καὶ ὁ Ἡρώδης “τί δὲ οὐ μέλλω” εἶπεν “λαμπρῶς οὕτως ἐστιάσαντα;” διαλυθείσης δὲ τῆς ἀκροάσεως καλέσας ὁ Ἡρώδης τῶν ἑαυτοῦ γνωρίμων τοὺς ἐν ἐπιδόσει ἡρώτα, ποῖός τις αὐτοῖς ὁ σοφιστὴς φαίνοιτο, Σκέπτου δὲ τοῦ ἀπὸ τῆς Κορίνθου τὸν μὲν πηλὸν εὐρηκέναι φήσαντος, τὸν δὲ Πλάτωνα ζητεῖν, ἐπικόπτων αὐτὸν ὁ Ἡρώδης “τουτὶ” ἔφη “πρὸς μηδένα εἵπησ ἕτερον, σεαυτὸν γὰρ” ἔφη “διαβαλεῖς ὡς ἀμαθῶς κρίνοντα, ἐμοὶ δὲ ἔπου μᾶλλον ἡγουμένῳ αὐτὸν Σκοπελιανὸν νήφοντα.” ταυτὶ δὲ ὁ Ἡρώδης

¹⁴¹ Намок на прозвище Александра (см. выше 570).

¹⁴² Вероятно, Александр следует аттическим стандартам, то есть сходен со Скопелианом в построении речи, но не в пышности слога.

потому, что видел у него сочетание сдержанности изложения с дерзновенностью софистического замышления. Выступая перед Александром, Герод в разглаголе возвысил голос, ибо знал, как любит тот таковое звучание, а еще ввел в речь мерности разнообразнее, чем у авла и лиры, ибо почитал Александра искусным (574) в эксаллагах¹⁴³. Избрана была гипотеза «раненные в Сицилии просят отступающих афинян умертвить их своей рукой»¹⁴⁴, и в этой гипотезе он с полными слез глазами просительно произнес всем известные слова: «Да, Никий, да, отец, так-то узришь ты Афины...»¹⁴⁵ Тут, рассказывают, Александр воскликнул: «О Герод, все мы, софисты, лишь объедки твоей трапезы!»¹⁴⁶, а Герод, весьма похвалою довольный, в согласии со своим обыкновением подарил ему десять мулов, десять коней, десять виночерпиев, десять скорописцев¹⁴⁷, двадцать талантов золота, много серебра и двух едва лепечущих детишек из Коллита, ибо слышал, что тот любит ребячьи голоса. Таково было с Александром в Афинах.

Раз уж приводил я здесь примечательные речения прочих софистов, надобно припомнить и кое-что из высказанного Александром: среди эллинов он пока известен не столь широко, как того заслуживает. Сколь сладостны и величественны были

¹⁴³ Эксаллага (отклонение) – намеренное искажение морфологической и/или синтаксической нормы.

¹⁴⁴ Описанный Фукидидом завершающий эпизод неудачной экспедиции афинян во главе с Никием на Сицилию (415–413 до н.э.), когда, потерпев поражение от сиракузян, афиняне отступили вглубь острова, но были настигнуты и полностью разбиты (Thuc. VII. 75).

¹⁴⁵ Источник цитаты неизвестен.

¹⁴⁶ Аллюзия на знаменитые слова Эсхила, что его драмы – объедки Гомеровых пиров (Athen. VIII. 39).

ἐχαρακτήριζε καθεωρακῶς τὸν ἄνδρα κεκραμένην ἑρμηνείαν ἐφαρμόζοντα τῇ περὶ τὰς σοφιστικὰς ἐννοίας τόλμῃ.

ἐπιδεικνύμενος δὲ τῷ Ἀλεξάνδρῳ τὴν τε ἡχὴ τῆς διαλέξεως προσῆρεν, ἐπειδὴ ἐγίγνωσκε τοῦτῳ καὶ μάλιστα χαίροντα αὐτὸν τῷ τόνῳ, ῥυθμούς τε ποικιλωτέρους αὐλοῦ καὶ λύρας ἐσηγάγετο ἐς τὸν λόγον, ἐπειδὴ πολὺς αὐτῷ καὶ περὶ τὰς ἐξαλλαγὰς ἔδοξεν. ἡ δὲ σπουδασθεῖσα ὑπόθεσις οἱ ἐν Σικελίᾳ τρωθέντες ἦσαν αἰτοῦντες τοὺς ἀπανισταμένους (574) ἐκεῖθεν Ἀθηναίους τὸ ὑπ' αὐτῶν ἀποθνήσκειν. ἐπὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως τὸ θρυλούμενον ἐκεῖνο ἰκέτευσεν ἐπιτέγξας τοὺς ὀφθαλμοὺς δακρύοις “ναὶ Νικία, ναὶ πάτερ, οὕτως Ἀθήνας ἴδοις”, ἐφ' ᾧ τὸν Ἀλέξανδρον φασιν ἀναβοῆσαι “ὦ Ἡρώδη, τεμάχιά σου ἐσμέν οἱ σοφισταὶ πάντες,” καὶ τὸν Ἡρώδην ὑπερησθέντα τῷ ἐπαίνῳ καὶ τῆς ἑαυτοῦ φύσεως γενόμενον δοῦναί οἱ δέκα μὲν σκευοφόρα, δέκα δὲ ἵππους, δέκα δὲ οἰνοχόους, δέκα δὲ σημείων γραφέας, ἅλαντα δὲ εἴκοσι χρυσοῦ, πλεῖστον δὲ ἄργυρον, δύο δὲ ἐκ Κολλυτοῦ παιδιά ψελλιζόμενα, ἐπειδὴ ἤκουεν αὐτὸν χαίροντα νέαις φωναῖς. τοιαῦτα μὲν οὖν αὐτῷ τὰ Ἀθήνησιν.

Ἐπεὶ δὲ καὶ ἐτέρων σοφιστῶν ἀπομνημονεύματα παρεθέμην, δηλούσθω καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκ πλειόνων, οὐδὲ γὰρ ἐς πλήρὲς πω τῆς ἑαυτοῦ δόξης ἀφίκεται παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν.

¹⁴⁷ Неизвестно, когда у древних появилась стенография, но несомненно прежде I в. до н.э. Секретарями-стенографами (σημειογράφοι или таχυγράφοι) первоначально были специально обученные рабы; с ростом бюрократии стенографами в государственных канцеляриях стали работать и свободные, но у частных лиц ими по-прежнему были рабы или отпущенники. Обучение стенографии могло занимать до двух лет (РОху IV. 724).

разглаголы его, свидетельствует вот такое: «Марсий был влюблен в Олимпа, а Олимп в игру на авле», а еще вот такое: «Аравия – край, богатый деревьями и тенистыми долинами, нигде ни пустоши, повсюду растения и цветы, и ни листа аравийского никогда не выкинешь, ни тамошнего плода не выбросишь – то-лико благодатны соки сей земли», или вот такое: «Бедняк из Ионии, а Иония – эллины, поселившиеся среди варваров»¹⁴⁸. Антиох подобный слог высмеивал и глумился над Александром, что злоупотребляет, мол, словесными красотами, а потому по прибытии в Антиохию разглагольствовал так: «Ионийские, лидийские, марсийские»¹⁴⁹, дурацкие – говорите, о чем толковать».

Достоинства речей (575) Александра видны из упомянутого ранее, но пусть явят их и другие ипотезы. Произнося «Перикла, призывающего продолжать войну и после пророчества, в коем Пифийский бог возвестил, что, званный иль незванный, будет союзником лакедемонян»¹⁵⁰, он возражал так: «Пифийский бог якобы обещает помочь лакедемонянам: он лжет, точно так же он сулил им Тегею»¹⁵¹. Произнося же «о советующем Дарию перебросить мост через Истр», говорил: «Пусть скифский Истр несет под тобою воды, и ежели, многоводный, даст переправу твоему войску, окажи ему честь, испив из него». А участвуя в состязании с «Артабазом, отговаривающим Ксеркса от второго похода на Элладу»¹⁵², сказал кратко: «Останешься, государь, и будет тебе у персов и у мидян, как я описал, а у эллинов что?

¹⁴⁸ После переселения ионийцев в М. Азию восточными их соседями оказались негреческие (а значит, варварские) племена: лидийцы, карийцы, мисийцы и др.

¹⁴⁹ Издевательский намек на Марсия из цитируемой выше речи Александра.

¹⁵⁰ Об этом пророчестве рассказывает и Фукидид (Thuc. I. 118).

ὥς μὲν δὴ σεμνῶς τε καὶ ξὺν ἡδονῇ διελέγετο, δηλοῦσι τῶν διαλέξεων αἶδε· “Μαρσύας ἦρα Ὀλύμπου καὶ Ὀλυμπος τοῦ αὐλεῖν” καὶ πάλιν “Ἀραβία γῆ δένδρα πολλά, πεδία κατάσκια, γυμνὸν οὐδέν, τὰ¹ φυτὰ ἢ γῆ, τὰ ἄνθη. οὐδὲ φύλλον Ἀράβιον ἐκβαλεῖς, οὐδὲ κάρφος ἀπορρίψεις οὐδὲν ἐκεῖ φυέν, τοσοῦτον ἢ γῆ περὶ τοὺς ἰδρῶτας εὐτυχεῖ”. καὶ πάλιν “ἀνὴρ πένης ἀπ’ Ἰωνίας, ἢ δὲ Ἰωνία Ἑλληνές εἰσιν οἰκήσαντες ἐν τῇ βαρβάρων.” τὴν δὲ ἰδέαν ταύτην διατωθάζων ὁ Ἀντίοχος καὶ διαπτύων αὐτὸν ὥς τρυφῶντα ἐς τὴν τῶν ὀνομάτων ὥραν, παρελθὼν ἐς τὴν Ἀντιόχειαν διελέχθη ὧδε· “Ἰωνίαί Λυδίαί Μαρσύαι μωρίαί, δότε προβλήματα.” τὰ δὲ ἐν τῇ (575) μελέτῃ πλεονεκτήματα δεδήλωται μὲν καὶ ἐπὶ τούτων, δηλούσθω δὲ καὶ ἐπ’ ἄλλων ὑποθέσεων· διεξιὼν μὲν γὰρ τὸν Περικλέα τὸν κελεύοντα ἔχεσθαι τοῦ πολέμου καὶ μετὰ τὸν χρησμόν, ἐν ᾧ καὶ καλούμενος καὶ ἄκλητος ὁ Πύθιος ἔφη τοῖς Λακεδαιμονίοις συμμαχήσειν, ὧδε ἀπῆντησε τῷ χρησμῷ· “ἄλλ’ ὑπισχνεῖταί, φησι, τοῖς Λακεδαιμονίοις βοηθήσειν ὁ Πύθιος· ψεύδεται· οὕτως αὐτοῖς καὶ Τεγέαν ἐπηγγείλατο.” διεξιὼν δὲ τὸν συμβουλευόντα τῷ Δαρείῳ ζευξαὶ τὸν Ἴστρον· “ὑπορρεῖτω σοι ὁ Σκυθῶν Ἴστρος, κἂν εὖρους τὴν στρατιὰν διαγάγῃ, τίμησον αὐτὸν ἐξ αὐτοῦ πιών.” τὸν δὲ Ἀρτάβαζον ἀγωνιζόμενος τὸν ἀπαγορεύοντα τῷ Ξέρξῃ μὴ τὸ δεύτερον στρατεύειν ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα ὧδε ἐβραχυλόγησεν· “τὰ μὲν δὴ Περσῶν τε καὶ Μήδων τοιαυτὰ σοι, βασιλεῦ, κατὰ

¹ omisit Kayser

¹⁵¹ Геродот говорит о дельфийском пророчестве, что спартанцы не завоюют всю Аркадию, но возьмут лишь аркадскую Тегею (Hdt. I. 66); на деле спартанцы именно тегеянами и были разбиты.

¹⁵² Ср. Hdt. VII. 10; Артабана называет Артабазом также и Гермоген (Hermog. Id. II. 12).

Земля неплодная, море тесное, мужи отчаянные и боги завистливые!» А убеждая хворающих на равнине переселяться в горы¹⁵³, рассуждал о природе так: «Думаю, творец вселенной повергнул равнины вниз потому, что сделаны из худшего вещества, зато горы вознес, (576) словно драгоценности – первыми приветствует их солнце, последними покидает, да и кому не любо место, где дни дольше?»

Учителя Александра были Фаворин и Дионисий, однако Дионисия он оставил на середине ученья, быв призван болящим отцом, от болезни той почившим, а засим соделался верным учеником Фаворина и прелесть слога усвоил по большей части от него. Одни говорят, что умер Александр у кельтов, еще в должности государева письмоводителя, другие – что в Италии, уже выйдя в отставку; одни – что шестидесяти лет, другие – что раньше; одни – что при сыне, другие – что при дочери; но о чадах его я не сыскал ничего дельного.

6. Нельзя умолчать и о *Варе* Пергейском. Отец его был Калликл, меж пергеян из самых влиятельных, учитель же – гипат Квадратион¹⁵⁴, без подготовки развивавший гипотезы об общих предметах и занимавшийся софистикой на Фаворинов лад. Многие прозывали Вара «аистом» за красноту носа и сходство его с клювом, а что шутили неложно, это всякому видно по изображениям его в храме Пергейской богини¹⁵⁵. Слог же его был

¹⁵³ Ср. II. 5. 572 и прим.

¹⁵⁴ Вероятно, это Л. Стаций Квадрат, консул, позднее проконсул Азии, неоднократно упоминаемый в качестве друга Элием Аристидом (Aristid. Or. XXIII. 279 etc.).

χώραν μένοντι, τὰ δὲ Ἑλλήνων γῇ λεπτὴ θάλαττα στενὴ καὶ ἄνδρες ἀπονενοημένοι καὶ θεοὶ βάσκανοι.” τοὺς δὲ ἐν τοῖς πεδίοις νοσοῦντας ἐς τὰ ὄρη ἀνοικίζεσθαι πείθων ὥδε ἐφυσιολόγησεν: “δοκεῖ δέ μοι καὶ ὁ τοῦ παντὸς δημιουργὸς τὰ μὲν πεδία, ὥσπερ ἀτιμότερας¹ ὕλης, ῥῖψαι κάτω, ἐπαίρειν δὲ τὰ (576) ὄρη, ὥσπερ ἀξιώματα. ταῦτα πρῶτα μὲν ἥλιος ἀσπάζεται, τελευταῖα δὲ ἀπολείπει. τίς οὐκ ἀγαπήσει τόπον μακροτέρας ἔχοντα τὰς ἡμέρας;”

Διδάσκαλοι τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἐγένοντο Φαβωρίνος τε καὶ Διονύσιος· ἀλλὰ Διονυσίου μὲν ἡμιμαθὴς ἀπῆλθε μεταπεμφθεὶς ὑπὸ τοῦ πατρὸς νοσοῦντος, ὅτε δὴ καὶ ἐτελεύτα, Φαβωρίνου δὲ γνησιώτατα ἠκροάσατο, παρ’ οὗ μάλιστα καὶ τὴν ὥραν τοῦ λόγου ἔσπασεν. τελευτῆσαι τὸν Ἀλέξανδρον οἱ μὲν ἐν Κελτοῖς φασιν ἔτι ἐπιστέλλοντα, οἱ δ’ ἐν Ἰταλίᾳ πεπαυμένον τοῦ ἐπιστέλλειν, καὶ οἱ μὲν ἐξηκοντούτην, οἱ δὲ καὶ οὐπω, καὶ οἱ μὲν ἐπὶ υἱῷ, οἱ δ’ ἐπὶ θυγατρὶ, ὑπὲρ ὧν οὐδὲν εὖρον λόγου ἄξιον.

ζ’. Ἀξιούσθω λόγου καὶ Οὔαρος ὁ ἐκ τῆς Πέργης. Οὐάρῳ πατὴρ μὲν Καλλικλῆς ἐγένετο ἀνὴρ ἐν τοῖς δυνατωτάτοις τῶν Περγαίων, διδάσκαλος δὲ Κοδρατίων ὁ ὑπάτος ἀποσχεδιάζων τὰς θετικὰς ὑποθέσεις καὶ τὸν Φαβωρίνου τρόπον σοφιστεύων. πελαργὸν δὲ τὸν Οὔαρον οἱ πολλοὶ ἐπωνόμαζον διὰ τὸ πυρσὸν τῆς ρίνος καὶ ῥαμφῶδες, καὶ τοῦτο μὲν ὡς οὐκ ἀπὸ δόξης ἠστέιζοντο, ἔξεστι συμβαλεῖν ταῖς εἰκόσιν, αἱ ἀνάκεινται ἐν τῷ τῆς Περγαίας ἱερῷ. ὁ δὲ χαρακτήρ τοῦ λόγου

¹ ἀτιμότερα ValVb; ἀτιμότερας cett.

¹⁵⁵ О храме Артемиды Пергейской см. также VA I. 30; Strab. XIV. 4. 2; Artem. II. 35 etc.; в храмах нередко бывали портреты местных знаменитостей.

таков: «Прибывши на Геллеспонт, просишь лошадь? Прибывши на Афон, желаешь плыть?»¹⁵⁶ Неужто ты, человек, дорог не ведаешь, но, бросив щепоть землицы на Геллеспонт, мнишь ее (577) способной удержаться там, где горы не держатся?» Говорят, гласил он сие с изяществом и блеском. Скончался Вар дома, еще не старый и при детях, и всё потомство его пользуется в Перге доброю славою.

7. А вот *Гермоген*¹⁵⁷, уроженец Тарса, уже к пятнадцати годам стяжал среди софистов столь великую славу, что даже кесарь Марк страстно возжелал его послушать, а посему ради речей его и вправду отправился в путь: насладился разглаголами, подивился, как тот говорит без подготовки, и одарил роскошными дарами. Однако же по достижении зрелости Гермоген без какой-либо явной болезни умения своего лишился, давши завистникам повод для шутки, что, мол, словеса и впрямь крылаты, как сказано у Гомера¹⁵⁸, ибо растерял их Гермоген, словно перья, а софист Антиох, глумясь над ним, сказал: «Се Гермоген, в мальчишках старик, в стариках (578) мальчишка». Слог, в коем

¹⁵⁶ Эти образы (восходящие к истории греко-персидских войн, когда по приказу Ксеркса был прорыт канал через Афон и построены мосты через Геллеспонт: Hdt. VII. 22–24; 33–36) явно употреблялись в риторических композициях до пошлости широко, недаром у Лукиана учитель красноречия советует: «Пусть всегда у тебя Афон переплывают, а Геллеспонт переходят пешком» (Luc. Rh. Pr. 18).

¹⁵⁷ Жизнеописание этого софиста содержится, кроме VS, только в *Суде* (Sud. E 3046) – с небольшими дополнениями, например, что Гермоген утратил свой дар в двадцать четыре года. Не оставив заметного

τοιοῦτος “ἐφ’ Ἑλλησποντον ἐλθὼν ἵππον αἰτεῖς, ἐπ’ Ἀθω δὲ ἐλθὼν πλεῦσαι θέλεις; οὐκ οἶδας, ἄνθρωπε, τὰς ὁδούς; ἀλλ’ Ἑλλησπόντῳ γῆν ὀλίγην ἐπιβαλὼν ταύτην οἶει (577) σοι μένειν¹, τῶν ὁρῶν μὴ μενόντων;” ἐλέγετο δὲ ἀπαγγέλλειν ταῦτα λαμπρᾷ τῇ φωνῇ καὶ ἡσκημένη. ἐτελεύτα μὲν οὖν οἴκοι οὕτω γηράσκων καὶ ἐπὶ παισί, τὸ δὲ ἀπ’ αὐτοῦ γένος εὐδόκιμοι πάντες ἐν τῇ Πέργῃ.

Ζ’. Ἑρμογένης δέ, ὃν Ταρσοὶ ἤνεγκαν, πεντεκαίδεκα ἔτη γεγονὼς ἐφ’ οὕτω μέγα προὔβη τῆς τῶν σοφιστῶν δόξης, ὥς καὶ Μάρκῳ βασιλεῖ παρασχεῖν ἔρωτα ἀκροάσεως· ἐβάδιζε γοῦν ἐπὶ τὴν ἀκρόασιν αὐτοῦ ὁ Μάρκος καὶ ἥσθη μὲν διαλεγομένου, ἐθαύμαζε δὲ σχεδιάζοντος, δωρεὰς δὲ λαμπρὰς ἔδωκεν. ἐς δὲ ἄνδρας ἡκων ἀφηρέθη τὴν ἑξίν ὑπ’ οὐδεμιᾶς φανερᾶς νόσου, ὅθεν ἀστεισμού λόγον παρέδωκε τοῖς βασκάνοις, ἔφασαν γὰρ τοὺς λόγους ἀτεχνῶς καθ’ Ὀμηρον πτερόεντας εἶναι, ἀποβεβληκέναι γὰρ αὐτοὺς τὸν Ἑρμογένην καθάπερ πτερά. καὶ Ἀντίοχος δὲ ὁ σοφιστὴς ἀποσκώπτων ποτὲ ἐς αὐτὸν “οὔτος” ἔφη “Ἑρμογένης, ὁ ἐν παισὶ μὲν γέρων, ἐν δὲ (578) γηράσκουσι παῖς.” ἡ δὲ ἰδέα τοῦ λόγου, ἦν

¹ μενεῖν Cobet

следа в истории современной ему софистики, с V в. Гермоген стал оказывать существенное влияние на позднеантичную и затем византийскую, а отчасти и западноевропейскую риторическую традицию благодаря своим – сохранившимся до наших дней – трактатам «О видах слога», «Об отыскании доводов», «О положениях»; иногда ему приписывают также «О применении искусства» и сборник риторических упражнений.

¹⁵⁸ «Κрылатые слова» (ἔλεα πτερόεντα, букв. «оперенные словеса») – одна из так наз. гомеровских формул (в «Илиаде» 55 раз, в «Одиссее» 59).

Гермоген упражнялся, был примерно такой: разглагольствуя пред Марком, он говорил: «Глянь, государь, пришел к тебе вития, коему нужен дядька, вития, ждущий совершеннолетия» – и еще многое подобное сказал, и так балагурил. Скончался он в глубокой старости, почитаясь лишь одним из многих, ибо с тех пор, как отнялось от него искусство, пребывал у всех в небрежении.

8. *Филагр* Киликийский¹⁵⁹, ученик Лоллиана, был из софистов самый вспыльчивый и желчный, ибо однажды, говорят, дал задремавшему ученику оплеуху. Измлада отличался он в речах отменною пылкостью и в старости пылкость сию не только не утратил, но преумножил настолько, что видели в нем образец учителя. Он посетил многие племена и почитался наилучшим укротителем ипотез, да только вот в Афинах укротить желчность свою не сумел и затеял склоку с Геродом, будто ради этого прибыл. Как-то вечером прогуливался он по Керамику с четырьмя из тех, что в Афинах гоняются за софистами¹⁶⁰, приметил какого-то молодца, поворачивающего справа вместе с несколькими другими, и, заподозрив, что тот над ним издевается¹⁶¹, спросил: «А ты вообще-то кто?», а тот: «Я – Амфикл, коли слышал ты о таком уроженце Халкиды», а Филагр: «Ну, тогда держись подальше от моих уроков – похоже, ты не в себе». Ког-

¹⁵⁹ Сочинения Филагра не сохранились, однако у Артемидора он является во сне Вару Пергейскому (Artem. IV. 1), а Кристофер Джонс предполагает, что в «Краснобае» Лукиана выведен именно Филагр (Jones 1972: 475–487).

¹⁶⁰ Характерная бытовая деталь: кроме софистов с их учениками, друзьями и пр., в столицах софистики обреталось немало «гоняющихся» (их уместно сравнить с болельщиками, театральными клакерами и

ἐπετήδευε, τοιάδε τις ἦν· ἐπὶ γὰρ τοῦ Μάρκου διαλεγόμενος “ἰδοὺ ἤκω σοι”, ἔφη “βασιλεῦ, ῥήτωρ παιδαγωγοῦ δεόμενος, ῥήτωρ ἡλικίαν περιμένων” καὶ πλείω ἕτερα διελέχθη καὶ ὧδε βωμόλοχα. ἐτελεύτα μὲν οὖν ἐν βαθεῖ γήρᾳ, εἰς δὲ τῶν πολλῶν νομιζόμενος, κατεφρονήθη γὰρ ἀπολιπούσης αὐτὸν τῆς τέχνης.

ἡ'. Φίλαγρος δὲ ὁ Κίλιξ Λολλιανοῦ μὲν ἀκροατῆς ἐγένετο, σοφιστῶν δὲ θερμώτατος καὶ ἐπιχολώτατος, λέγεται γὰρ δὴ νυστάζοντά ποτε ἀκροατὴν καὶ ἐπὶ κόρρης πληῆξαι, καὶ ὀρμῇ δὲ λαμπρᾷ ἐκ μεираκίου χρησάμενος οὐκ ἀπελείφθη αὐτῆς οὐδ' ὁπότε ἐγήρασκεν, ἀλλ' οὕτω τι ἐπέδωκεν, ὥς καὶ σχῆμα τοῦ διδασκάλου νομισθῆναι. πλείστοις δὲ ἐπιμίξας ἔθνεσι καὶ δοκῶν ἄριστα μεταχειρίζεσθαι τὰς ὑποθέσεις οὐ μετεχειρίσατο Ἀθήνησιν εὖ τὴν αὐτοῦ χολήν, ἀλλ' ἐς ἀπέχθειαν Ἡρώδη κατέστησεν ἑαυτόν, καθάπερ τούτου ἀφιγμένος ἔνεκα. ἐβάδιζε μὲν γὰρ δείλης ἐν Κεραμεικῷ μετὰ τεττάρων, οἷοι Ἀθήνησιν οἱ τοὺς σοφιστὰς θηρεύοντες, ἰδὼν δὲ νεανίαν ἐκ δεξιᾶς ἀναστρέφοντα μετὰ πλειόνων σκώπτεσθαι τι ὑπ' αὐτοῦ δόξας “ἀλλ' ἦ σὺ” ἔφη “τίς;” “Ἀμφικλῆς ἐγώ”, ἔφη “εἰ δὴ τὸν Χαλκιδέα ἀκούεις.” “ἀπέχου τοίνυν” ἔφη “τῶν ἐμῶν ἀκροάσεων, οὐ γάρ μοι δοκεῖς ὑγιαίνειν.” τοῦ δὲ ἐρομένου “τίς δὲ ὢν ταῦτα κηρύττεις;” δεινὰ πάσχειν ἦ δ' ὁ Φίλαγρος, εἰ ἀγνοεῖται ποι. ἐκφύλου δὲ αὐτὸν ῥήματος ὥς ἐν ὀργῇ

т. д.), и нравиться им было важно, так что даже Филагр их обществом не пренебрегает.

¹⁶¹ Хотя Филострат убедительно объясняет, что подозрения Филагра были вызваны его дурным нравом, не совсем понятно, зачем оговорено, что Амфикл вышел справа – то ли это избыточная подробность, то ли указание на нарушение какого-то (нам уже непонятного) уличного этикета вроде недавно отмененного запрета обгонять справа.

да же тот спросил, сам-то он кто, чтобы заявлять подобное, а Филагр отвечал, что, мол, нестерпимо страждет, коли где-то его не знают, придрался Амфикл, у Герода (579) первый ученик, к иноплеменному¹⁶² слову, в гневе оброненному Филагром: «У кого же из великих так сказано?», а тот: «У Филагра». Вот до какого безобразия дошло, а назавтра, узнав, что Герод обретается в пригородном своем имении, Филагр ему написал, порицая за невнимание к благовоспитанности учеников, а Герод в ответ: «А у тебя, по-моему, зачин слабоват», укоряя, что не старается о расположении слушателей, а сие надобно понимать как зачин речи. А тот, либо не уразумевши намек, либо уразумевши, но здравым мнением Герода совершенно пренебрегши, вышел все-таки к неблагорасположенным слушателям и потерпел неудачу: как слышал я от старших, разглагол его провалился, быв признан незрелым и бессвязным, да и сам он показался пусто-плясом, ибо к похвале афинянам приплел еще и плач по своей умершей в Ионии жене¹⁶³.

А по случаю выступления его с речью устроилась вот такая каверза. В Азии он участвовал в состязаниях с ипотезой «отказавшиеся от союзничества с незванными»¹⁶⁴; сия ипотеза была уже издана, привлекла внимание и принесла ему известность. Итак, едва до учеников Герода дошла молва, что Филагр, бывает, по первому разу говорит без подготовки, а вот по второму произносит старое и зачерствевшее, предложили они ему в предмет сих «незванных», когда же он притворился, будто говорит без подготовки, принялись эту самую речь ему читать.

¹⁶² Возможно, разгневанный Филагр по нечаянности употребил латинское слово, но вероятнее, что греческое, однако диалектное – для «первого ученика» и это было неприемлемо.

διαφυγόντος λαβόμενος ὁ Ἀμφικλῆς, καὶ γὰρ δὴ καὶ ἐτύγχανε τῶν Ἡρώδου γνωρίμων τὴν πρώτην (579) φερόμενος, “παρὰ τίνι τῶν ἐλλογίμων” ἔφη “τοῦτο εἴρηται;” καὶ ὃς “παρὰ Φιλάγρῳ” ἔφη. αὕτη μὲν δὴ ἡ παροινία ἐς τὰ τοιαῦτα προὔβη, τῆς δὲ ὑστεραίας μαθὼν τὸν Ἡρώδην ἐν τῷ προαστείῳ διαιτῶμενον γράφει πρὸς αὐτὸν ἐπιστολὴν καταπτόμενος τοῦ ἀνδρὸς ὡς ἀμελοῦντος τοῦ τῶν ἀκροατῶν κόσμου. καὶ ὁ Ἡρώδης “δοκεῖς μοι” ἔφη “οὐ καλῶς προοιμιάζεσθαι” ἐπιπλήττων αὐτῷ ὡς μὴ κτωμένῳ ἀκροατῶν εὐνοίαν, ἣν προοίμιον ἡγεῖσθαι χρή τῶν ἐπιδείξεων. ὁ δὲ ὥσπερ οὐ ξυνιεῖς τοῦ αἰνίγματος, ἢ ξυνιεῖς μὲν, ἐν γέλῳτι δὲ τὴν τοῦ Ἡρώδου γνώμην βελτίστην οὔσαν τιθέμενος ἐψεύσθη τῆς ἐπιδείξεως παρελθὼν ἐς ἀκροατὰς οὐκ εὖνους.

ὥς γὰρ τῶν πρεσβυτέρων ἤκουον, προσέκρουσε μὲν ἡ διάλεξις νεαροῦς δόξασα καὶ ἐσπασμένη¹ τὰς ἐννοίας, ἔδοξε δὲ καὶ μεираκιώδης, γυναικὸς γὰρ θρῆνος ἐγκατεμέμικτο τοῖς Ἀθηναίων ἐγκωμίοις τεθνεώσης αὐτῷ ἐν Ἰωνίᾳ, τὴν δὲ μελέτην οὕτως ἐπεβουλεύθη ἡγώνιστό τις αὐτῷ κατὰ τὴν Ἀσίαν ὑπόθεσις οἱ παραιτούμενοι τὴν τῶν ἀκλήτων συμμαχίαν· ταύτης ἐκδεδομένης ἤδη τῆς ὑποθέσεως μνήμην ξυνελέξατο, καὶ γὰρ δὴ καὶ εὐδοκιμηκῶς ἐπ’ αὐτῇ ἐτύγχανε, λόγου δὲ ἤκοντος ἐς τοὺς ἀμφὶ τὸν Ἡρώδην, ὡς ὁ Φίλαγρος τὰς μὲν πρῶτον ὀριζομένας ὑποθέσεις αὐτοσχεδιάζοι, τὰς δὲ καὶ δεύτερον οὐκέτι ἄλλ’ ἔωλα μελετῶη καὶ ἑαυτῷ προειρημένα προὔβαλον μὲν αὐτῷ τοὺς ἀκλήτους τούτους, δοκοῦντι δὲ ἀποσχεδιάζειν ἀντανεγιγνώσκετο ἡ μελέτη. θορύβου

¹ διεσπασμένη Cobet

¹⁶³ Замечание Герода оказалось пророческим: Филагр провалился именно в зачине (разглаголе).

¹⁶⁴ Вероятно, имеется в виду описанный Фукидидом эпизод, когда Алкивиад отказывается от непрощенной помощи аргивян (Thuc. VIII. 86).

Среди слушателей поднялся шум и смех, а Филагр кричал и вопил, что нестерпимо страждет, ибо отымают у него его же собственное творение, да только не вышло у него оправдаться (580) от всем очевидной провинности. Случилось сие в театре Агриппы, а по прошествии примерно четырех дней явился он в собрание живописцев и ваятелей¹⁶⁵, что у врат Керамика, близ Всадников¹⁶⁶, и там выступал отлично с «Аристогитоном, желающим обвинить Демосфена в пособничестве мидянам, а Эхина – Филиппу»¹⁶⁷, в чем те и сами уличали друг друга¹⁶⁸ – разве только из-за желчи не достало речи его блеска, ибо у желчных, по самой их природе, голос стесненный. Несколько времени спустя вступил он на престол красноречия в Риме, однако же в Афинах по описанным причинам славу свою загубил.

Своеобычность разглаголов Филагра видна по нижеследующему: «Не мнишь ли, будто Солнце завидует Вечернице иль будто в заботу ему, какова в небесах иная звезда? Нет, не таков великий оный Огонь! Помышляю, что он, словно как у пиита¹⁶⁹, всех одаряет, возвещая: тебе – полнощные страны, тебе – полдневные, тебе – закатные, да только все вы, все вы в ночи, когда

¹⁶⁵ Подобные цехи (κοινά, σύνοδοι), объединявшие также поэтов, музыкантов и т. п. были весьма влиятельны уже в эллинистическую эпоху и вновь усилились именно во II в. н.э. Существовали они не только в Греции, но и в Риме (ср. II. 16. 596) как своего рода «государства в государстве» со своей системой управления, наподобие полисной – даже отправляли посольства, наделенные теми же полномочиями, что и посольства других политических субъектов.

¹⁶⁶ Конную статую в Керамике упоминает и Диоген Лаэртский (Diog. La. VII. 182), но в настоящее время точное местоположение статуй и ворот (а значит, и места собрания) неизвестно.

δὲ πολλοῦ καὶ γέλωτος τὴν ἀκρόασιν κατασχόντος βοῶν ὁ Φίλαγρος καὶ κεκραγώς, ὡς δεινὰ πάσχοι τῶν ἑαυτοῦ εἰργόμενος οὐ διέφυγε (580) τὴν ἤδη πεπιστευμένην αἰτίαν. ταῦτα μὲν οὖν ἐν τῷ Ἀγριππείῳ ἐπράχθη, διαλιπὼν δὲ ἡμέρας ὡς τέτταρας παρῆλθεν ἐς τὸ τῶν τεχνιτῶν βουλευτήριον, ὃ δὴ ὠκοδόμηται παρὰ τὰς τοῦ Κεραμεικοῦ πύλας οὐ πόρρω τῶν ἱππέων. εὐδοκιμώτατα δὲ ἀγωνιζόμενος τὸν Ἀριστογείτονα τὸν ἀξιοῦντα κατηγορεῖν τοῦ μὲν Δημοσθένους Μηδισμοῦ, τοῦ δὲ Αἰσχίνου Φιλιππισμοῦⁱ, ὑπὲρ ὧν καὶ γεγραμμένοι ἀλλήλους ἐτύγχανον, ἐσβέσθη τὸ φθέγμα ὑπὸ τῆς χολῆς ἐπισκοτοῦντος φύσει τοῖς ἐπιχόλοις τὴν φωνὴν τοῦ φωνητικοῦ πνεύματος. χρόνῳ μὲν οὖν ὕστερον ἐπεβάτευσε τοῦ κατὰ τὴν Ῥώμην θρόνου, Ἀθήνησι δὲ ἀπηνέχθη τῆς ἑαυτοῦ δόξης δι' ἃς εἴρηκα αἰτίας.

Χαρακτήρ τῶν τοῦ Φιλάγρου λόγων ὁ μὲν ἐν ταῖς διαλέξεσι τοιοῦτος· “εἴτα οἶει ἥλιον ἐσπέρῳ φθονεῖν ἢ μέλιν αὐτῷ, εἴ τίς ἐστὶν ἀστήρ ἄλλος ἐν οὐρανῷ; οὐχ οὕτως ἔχει τὰ τοῦ μεγάλου τούτου πυρός. ἐμοὶ μὲν γὰρ δοκεῖ καὶ ποιητικῶς ἐκάστῳ διανέμειν, σοὶ μὲν ἄρκτον δίδωμι, λέγοντα, σοὶ δὲ μεσημβρίανⁱⁱ, σοὶ δὲ ἐσπέραν, πάντες δὲ ἐν νυκτί, πάντες, ὅταν ἐγὼ μὴ βλέπωμαι·

ⁱ Μηδισμόν... Φιλιππισμόν Reiske et Cobet

ⁱⁱ σοὶ δὲ ἑώραν addidit Valckenaer

¹⁶⁷ Эта тема упоминается также в схолиях к Гермогену (RhG IV. 472. 23–26), где говорится и о другой, похожей (RhG IV. 708. 27–30): «Тимарх обвинил Эсхина в преступном посольстве, Эсхин Тимарха – в распутстве; Аристогитон считает, что следует обвинить обоих, а они защищаются».

¹⁶⁸ Подразумеваются речи в процессе «о венке» (Aeschin. III. 173, 209, 239, 259; Dem. XVIII. 294).

¹⁶⁹ Возможно, имеется в виду Ном. II. XV. 189–193, где Посейдон говорит о разделе мироздания между Зевсом, Аидом и им самим.

я незрим. Гелиос с моря прекрасного встал¹⁷⁰, и звезды померкли». А вот отличающую его речи мерность можно видеть по упоминавшейся гипотезе «против незванных», коей он, говорят, был особенно доволен: «Дружище, я тебя сегодня лишь увидел, а ты со мною говоришь уже в доспехах и при мече!» И далее: «Дружить умею лишь в своем народе, а посему идите прочь, друзья, — оставим вам сие название! — а ежели и впрямь в соратниках нужда настигнет, ну что ж, пошлем за вами».

Роста Филагр был ниже среднего, с насупленными бровями, с пронзительным взором и весьма гневлив. (581) Он и сам знал о своем дурном нраве, так что, когда один из друзей спросил, почему он не хочет порадоваться потомству, отвечал: «Я и себе-то не рад!»¹⁷¹ Умер же он, иные говорят, что в море, а иные, что в Италии, едва начавши стареть.

9. *Аристиду*¹⁷² же — то ли сыну Евдемона, то ли сам он звался Евдемон¹⁷³ — родиной были Адрианы, городок в Мисии, а училищами Афины в пору расцвета Герода¹⁷⁴ и азийский Пергам во дни Аристоклова красноречия¹⁷⁵. Измлада хворый, он,

¹⁷⁰ Hom. Od. III. 1.

¹⁷¹ См. чуть выше (579) о жене Филагра, скончавшейся в Ионии и оплакиваемой им в Афинах: то ли бездетному Филагру советовали жениться снова, то ли (вероятнее) «и себе-то не рад» было сказано по другому поводу и, возможно, кем-то другим, но показалось Филострату подходящим для данного случая — ср. сходные несоответствия в жизнеописаниях Крития («саван тирании», I. 16. 502), Герода («римский царь старится», II. 1. 557) и пр.

¹⁷² Главный источник сведений об Элии Аристиде — его собственные сочинения; от него сохранилось шесть совещательных речей, двадцать показательных (из них двенадцать мелет), «Египетское слово»,

Ἡέλιος δ' ἀνόρουσε, λιπὼν περικαλλέα λίμνην
καὶ ἀστέρες οὐδαμοῦ." τίνες δὲ καὶ οἱ τῆς μελέτης αὐτῷ
ῥυθμοὶ ἦσαν, δηλώσει τὰ πρὸς τοὺς ἀκλήτους εἰρημένα, καὶ
γὰρ καὶ χαίρειν αὐτοῖς ἐλέγετο· "φίλε, τήμερόν σε τεθέαμαι
καὶ τήμερον ἐν ὅπλοις καὶ μετὰ ξίφους μοι λαλεῖς" καὶ "τὴν
ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας μόνην οἶδα φιλίαν. ἅπιτε οὖν, ἄνδρες
φίλοι, τοῦτο γὰρ ὑμῖν τηροῦμεν τοῦνομα, κἂν δεηθῶμέν ποτε
συμμάχων, ἐφ' ὑμᾶς πέμψομεν, εἴ ποτε δήπουⁱ."

Μέγεθος μὲν οὖν ὁ Φίλαγρος μετρίου μείων, τὴν δὲ ὀφρὺν
πικρὸς καὶ τὸ ὄμμα ἔτοιμος καὶ ἐς ὀργὴν ἐκκληθῆναι πρόθυμος,
καὶ τὸ ἐν αὐτῷ (581) δύστροπον οὐδ' αὐτὸς ἡγνῶει· ἐρομένου
γοῦν αὐτὸν ἐνὸς τῶν ἐταίρων, τί παθὼνⁱⁱ παιδοτροφία οὐ
χαίροι, "ὅτι" ἔφη "οὐδ' ἐμαυτῷ χαίρω." ἀποθανεῖν δὲ αὐτὸν οἱ
μὲν ἐν τῇ θαλάττῃ, οἱ δὲ ἐν Ἰταλίᾳ περὶ πρῶτον γῆρας.

Θ'. Ἀριστείδην δὲ τὸν εἴτε Εὐδαίμονος εἴτε Εὐδαίμονα
Ἀδριανοὶ μὲν ἤνεγκαν, οἱ δὲ Ἀδριανοὶ πόλις οὐ μεγάλη ἐν
Μυσοῖς, Ἀθῆναι δὲ ἤσκησαν κατὰ τὴν Ἡρώδου ἀκμὴν καὶ τὸ ἐν
τῇ Ἀσίᾳ Πέργαμον κατὰ τὴν Ἀριστοκλέους γλῶτταν. νοσώδης

ⁱ εἴ ποτε δήπου Jacobs, εἴπατε δήπου Callierges, εἰ δέ ποτε Schroeder, εἴπατε δέ που mss.

ⁱⁱ μαθὼν Kayser

шесть «Священных речей» (здесь «Священные книги»), одиннадцать прозаических гимнов, шесть трактатов и «О том, что не надобно играть комедии».

¹⁷³ В *Cyde* отец Аристиды – философ и жрец Зевса (Sud. A 3902); жреческую должность Аристид, вероятно, наследовал (Aristid. Or. XXIII. 282, XXVII. 357).

¹⁷⁴ Ср. собственное свидетельство Аристиды: Aristid. Or. XXVII. 361.

¹⁷⁵ Сам Аристид упоминает, что занимался также грамматикой у известного Александра Котийского, учителя Марка Аврелия (Aristid. Or. XXIII. 279 et al.).

однако, трудом не брезговал, а о природе своей хвори и что оцепенели у него мышцы, сам говорит в «Священных книгах», кои были ему вроде дневника¹⁷⁶, а хорошие дневники отлично учат рассуждать о любом предмете¹⁷⁷. От природы лишенный способности говорить без подготовки, он пекся о тщательности, в пример себе ставил древних и (582) с недюжинным даром изгонял из речей пустословие. Путешествовал Аристид немного, ибо разглагольствовал не для удовольствия толпы и при неодоблении слушателей досады не сдерживал; страны, кои посетил он, – Италия, Эллада и Египет у Дельты¹⁷⁸; египтяне же водружили его медное изваяние на майдане Смирны¹⁷⁹.

<Именовать>¹⁸⁰ Аристида зиждителем Смирны – не пустая похвала, но самая наиправдивейшая и наичестнейшая, понеже город сей, изничтоженный трясениями и обрушениями¹⁸¹, он так оплакивал пред Марком, что не раз монодией своей доводил государя до стенаний, а уж при словах «и зефиры пустынную

¹⁷⁶ В действительности форму дневника имеет лишь начало первой «Священной речи» (Aristid. Or. XXIII. 274–286).

¹⁷⁷ Из собственных подробных и не раз повторяющихся рассказов Аристида известно, что в последний приезд в Рим (155/156 н.э.) он простудился и заболел чем-то костным и/или мышечным; врачи не помогли, он решил просить помощи Асклепия и поселился в его пергамском святилище; на десятый год наступило улучшение, но в 166 он заболел снова, теперь чем-то желудочным и/или кишечным и вдобавок в 168 перенес тяжелое инфекционное заболевание («чуму»), так что болел в общей сложности семнадцать лет, до 172 н.э. Все «Священные речи» целиком посвящены этим болезням и дарованному Асклепием исцелению, хотя Филострат, охотно пишущий о божественном вмешательстве в жизнь Полемона (I. 25. 535) и Скопелиана (I. 21. 516), ни слова не говорит о куда более важном значении такого вмешательства для Аристида – возможно, он просто не читал «Священных речи».

¹⁷⁸ Аристид прожил в Египте около пяти лет (149–154 н.э.), много

δὲ ἐκ μεираκίου γενόμενος οὐκ ἡμέλησε τοῦ πονεῖν. τὴν μὲν οὖν ἰδέαν τῆς νόσου καὶ ὅτι τὰ νεῦρα αὐτῷ ἐπεφρίκει, ἐν Ἱεροῖς βιβλίοις αὐτὸς φράζει, τὰ δὲ βιβλία ταῦτα ἐφημερίδων ἐπέχει τινὰ αὐτῷ λόγον, αἱ δὲ ἐφημερίδες ἀγαθαὶ διδάσκαλοι τοῦ περὶ παντὸς εὖ διαλέγεσθαι. ἐπὶ δὲ τὸ σχεδιάζειν μὴ ἐπομένης αὐτῷ τῆς φύσεως ἀκριβείας ἐπεμελήθη καὶ πρὸς τοὺς παλαιοὺς ἔβλεψεν ἱκανῶς τε τῷ (582) γονίμῳ ἴσχυσε κουφολογίαν ἐξελὼν τοῦ λόγου. ἀποδημῖαι δὲ Ἀριστείδου οὐ πολλαί, οὔτε γὰρ ἐς χάριν τῶν πολλῶν διελέγετο οὔτε ἐκράτει χολῆς ἐπὶ τοὺς μὴ ζῆν ἐπαίνῳ ἀκροωμένους, ἃ δέ γε ἐπῆλθεν ἔθνη, Ἱταλοὶ τέ εἰσι καὶ Ἑλλὰς καὶ ἡ πρὸς τῷ Δέλτα κατωκημένη Αἴγυπτος, οἱ χαλκοῦν ἔστησαν αὐτὸν ἐπὶ τῆς κατὰ τὴν Σμύρναν ἀγορᾶς.

Οἰκιστὴν δὲ καὶ τὸν Ἀριστείδην τῆς Σμύρνης εἰπεῖν οὐκ ἀλαζὼν ἔπαινος, ἀλλὰ δικαιοτάτος τε καὶ ἀληθέστατος· τὴν γὰρ πόλιν ταύτην ἀφανισθεῖσαν ὑπὸ σεισμῶν τε καὶ χασμάτων οὕτω τι ὠλοφύρατο πρὸς τὸν Μάρκον, ὥς τῇ μὲν ἄλλῃ μονῳδία θαμὰ ἐπιστενάζει τὸν βασιλέα, ἐπὶ δὲ τῷ “ζέφυροι δὲ ἐρήμην

ездил по стране и нередко упоминает об этом; во время путешествий он делал заметки, позднее утраченные (Aristid. Or. XLVIII. 331); пребыванию в Египте посвящено «Египетское слово».

¹⁷⁹ Аристиду была воздвигнута статуя в Александрии «от граждан Александрии, Гермополя и Антиноополя и от всех эллинов Дельты и Фиваиды» (OGIS II. 709), что свидетельствует о благодарности за какие-то услуги, но само по себе довольно обычно. Однако учил Аристид в Смирне и самую большую помощь оказал именно жителям Смирны, которые и отблагодарили его медным изваянием (копия его сохранилась) – и Филострат ошибается, приписывая эту статую благодарности египтян.

¹⁸⁰ Это (на вид несложное) исправление отметим особо: оно сделано в XIV в. греческим писателем Иоанном Катрарием, жившим в Фессалониках и занимавшимся среди прочего переписыванием книг.

¹⁸¹ Смирна пострадала от (очередного) серьезного землетрясения в 178 н.э.

продувают»¹⁸² тот пролил на свиток слезы – и наконец, благодаря уговорам Аристидида, согласился отстроить город¹⁸³.

Встретиться с Аристидом Марку случилось прежде того, в Ионии¹⁸⁴, а слышал я о том от Дамиана Эфесского. В тот раз кесарь пребывал в Смирне уже третий день и, все еще не знакомый с Аристидом, спросил Квинтилиев, не проглядел ли его в толпе приветствующих, а те отвечали, что не видели, не то не преминули бы представить, – и на завтра вдвоем отправились за Аристидом, дабы с почетом препроводить к кесарю. Тот спросил: «Почему мы узрели тебя так поздно?», Аристид же: «Я, государь, предавался размышлению, а размышляющий ум не должен отвлекаться от предмета». Проникнувшись приятнью к таковому прямотушию и науколюбию, кесарь спросил: «Когда можно (583) тебя послушать?», а Аристид: «Сегодня предложи, завтра слушай: мы речи не изрыгаем, но тщательно отделяваем»¹⁸⁵. И пусть дозволено будет, государь, также и ученикам моим присутствовать при выступлении», а Марк: «Будет дозволено, это ведь всем на пользу»; когда же Аристид попросил: «Пусть и кричать им дадут, государь, и хлопать что есть мочи»¹⁸⁶, кесарь с улыбкой отвечивал: «А уж это от тебя зависит». Не пишу,

¹⁸² Имеется в виду «Послание государям о Смирне», откуда и взята цитированная фраза (Aristid. Or. XLI. 513); восстановлению Смирны посвящены еще три речи – «Монодия Смирне» (Aristid. Or. XX), «Палинодия Смирне» (Aristid. Or. XXI) и «Смирнейская речь» (Aristid. Or. XV), но ни одна из них не была произнесена в присутствии Марка: единственная встреча с ним Аристидида случилась в 176 н.э., еще до землетрясения (см. ниже, 582–583); упоминание о пролитых на свиток слезах ясно указывает, что обращение к императору было письменным.

¹⁸³ Побужденные посланием Аристидида, соправители Марк и Луций вынесли вопрос о Смирне на обсуждение Сената, который постановил помочь городу немедленно, не дожидаясь прибытия уже отпавленного гражданами посольства (Aristid. Or. XXI. 265).

καταπνέουσι” καὶ δάκρυα τῷ βιβλίῳ ἐπιστάξαι τὸν βασιλέα
 ξυνοικίαν τε τῇ πόλει ἐκ τῶν τοῦ Ἀριστείδου ἐνδοσίμων
 νεῦσαι. ἐτύγχανε δὲ καὶ ξυγγεγονῶς ἤδη τῷ Μάρκῳ ὁ
 Ἀριστείδης ἐν Ἰωνίᾳ, ὥς γὰρ τοῦ Ἐφεσίου ΔαμIANOῦ ἤκουον,
 ἐπεδήμει μὲν ὁ αὐτοκράτωρ ἤδη τῇ Σμύρνῃ τρίτην ἡμέραν, τὸν
 δὲ Ἀριστείδην οὕτω γινώσκων ἤρετο τοὺς Κυντιλίους, μὴ
 ἐν τῷ τῶν ἀσπαζομένων ὁμίλῳ παρεωραμένος αὐτῷ ὁ ἀνὴρ
 εἴη, οἱ δὲ οὐδὲ αὐτοὶ ἔφασαν ἑωρακέναι αὐτόν, οὐ γὰρ ἂν
 παρεῖναι τὸ μὴ οὐ ξυστῆσαι, καὶ ἀφίκοντο τῆς ὑστεραίας τὸν
 Ἀριστείδην ἄμφω δορυφοροῦντες. προσειπὼν δὲ αὐτόν ὁ
 αὐτοκράτωρ “διὰ τί σε” ἔφη “βραδέως εἴδομεν;” καὶ ὁ
 Ἀριστείδης “θεώρημα”, ἔφη “ὦ βασιλεῦ, ἡσχόλει, γνώμη
 δὲ θεωροῦσά τι μὴ ἀποκρεμαννύσθω οὗ ζητεῖ.” ὑπερησθεὶς
 δὲ ὁ αὐτοκράτωρ τῷ ἦθει τάνδρὸς ὥς ἀπλοικωτάτῳ τε καὶ
 σχολικωτάτῳ “πότε” ἔφη “ἀκροάσομαί σου;” καὶ ὁ Ἀριστείδης
 “τήμερον” εἶπεν “πρόβαλε (583) καὶ αὔριον ἀκροῶ· οὐ γὰρ
 ἐσμὲν τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβούντων. ἐξέστω δέ, ὦ
 βασιλεῦ, καὶ τοὺς γνωρίμους παρεῖναι τῇ ἀκροάσει.” “ἐξέστω”
 ἦ δ’ ὁ Μάρκος, “δημοτικὸν γάρ.” εἰπόντος δὲ τοῦ Ἀριστείδου
 “δεδόσθω δὲ αὐτοῖς, ὦ βασιλεῦ, καὶ βοᾶν καὶ κροτεῖν, ὅποσον
 δύνανται”, μειδιάσας ὁ αὐτοκράτωρ “τοῦτο” ἔφη “ἐπὶ σοὶ

¹⁸⁴ В 176 н.э. Марк побывал в Смирне в ходе поездки, предпринятой из-за восстания Авидия Кассия.

¹⁸⁵ О неспособности Аристиды к импровизации см. ниже, 583–585 и прим.; о его равнодушии к даваемому импровизациями успеху см., в частности, Aristid. Or. XXVII. 358, где на вопрос, почему он до сих пор не выступил перед публикой, Аристид отвечает: «Ей-богу, мне важнее что-нибудь написать, я ведь должен и с потомками побеседовать» – и верно, все свои сочинения Аристид публиковал, отчасти для этого так тщательно над ними работая.

¹⁸⁶ То есть при декларируемом безразличии к мнению широкой публики (см. ниже) присутствие и одобрение собственных учеников Аристиду важно; ср. в Or. XXVII. 356 слова явившегося ему во сне кесаря, что на выступлении настоящего риторa непременно должны присутствовать слушатели «числом около пятидесяти».

какую гипотезу он произнес, ибо одни называют одну, другие же другую, но все совершенно согласны, что говорил Аристид пред Марком с отменным увлечением, поелику уже уготовала Смирне судьба быть отстроенной благодаря столь великому мужу. Это я не к тому, что кесарь, мол, и сам не отстроил бы разрушенный город, он ведь сам им, живым, любовался, а я к тому, что природа царственная и божественная, побуждаемая разумом и советом, воспламеняется пуще и со страстью взыскует доброго дела¹⁸⁷.

От Дамиана слышал я также, что названный софист¹⁸⁸, хоть на словах и поносил говорящих без подготовки, сам до того восхищался сим родом речей, что изо всех сил упражнялся в нем, запершись для того у себя в горнице и усердно приплетая словеса к словесам и мысли к мыслям. Впрочем, подобное уместнее считать жвачкой, а не пищей, ибо речь без подготовки – подвиг легкого и плавного слога.

Кое-кто корит Аристида, что, мол, дурно начал «наемников, от коих требуют вернуть землю»¹⁸⁹, приступив к гипотезе так: «Эти люди не перестанут доставлять нам хлопоты», иные же придираются к выпренности оборота в «отговаривающем (584) от окружения Лакедемона стенами», а сказано там: «Так не станем же прятаться за стену, переняв природу перепелов!»¹⁹⁰;

¹⁸⁷ Сопатр излагает этот эпизод иначе (Sopat. Proleg. Aristid. 113. 7–9, 114. 9), но Филострат сам говорит, что главным источником сведений об Аристиде был для него Дамиан Эфесский (II. 23. 605) – хотя кое-что из сочинений Аристида он, как видно из жизнеописания, все-таки читал.

¹⁸⁸ Сам Аристид всюду называет себя ритором, а софистов числит противниками – это очевидным образом связано с неприятием импровизации, способность к которой была в его время отличительным признаком софиста (см. «Флавий Филострат и его софисты»).

κεῖται.” οὐκ ἔγραψα τὴν μελετηθεῖσαν ὑπόθεσιν, ἐπειδὴ ἄλλοι ἄλλην φασίν, ἐκεῖνό γε μὴν πρὸς πάντων ὁμολογεῖται, τὸν Ἀριστείδην ἀρίστη φορᾶ ἐπὶ τοῦ Μάρκου χρήσασθαι πόρρωθεν τῇ Σμύρνῃ ἐτοιμαζούσης τῆς τύχης τὸ δι’ ἀνδρὸς τοιούτου δὴ ἀνοικισθῆναι. καὶ οὐ φημι ταῦτα, ὥς οὐχὶ καὶ τοῦ βασιλέως ἀνοικίσαντος ἂν ἀπολωλυῖαν πόλιν, ἣν οὖσαν ἐθαύμασεν, ἀλλ’ ὅτι αἱ βασιλείοι τε καὶ θεσπέσιοι φύσεις, ἦν προσεγείρῃ αὐτὰς συμβουλία καὶ λόγος, ἀναλάμπουσι μᾶλλον καὶ πρὸς τὸ ποιεῖν εὖ ζῆν ὀρμῇ φέρονται.

ΔαμIANOῦ κάκεῖνα ἤκουον, τὸν σοφιστὴν τοῦτον διαβάλλειν μὲν τοὺς αὐτοσχεδίους ἐν ταῖς διαλέξεσι, θαυμάζειν δὲ οὕτω τὸ σχεδιάζειν, ὥς καὶ ἰδίᾳ ἐκπονεῖν αὐτὸ ἐν δωματίῳ ἑαυτὸν καθειργνύντα, ἐξεπώνει δὲ κῶλον ἐκ κώλου καὶ νόημα ἐκ νοήματος ἐπανακυκλῶν. τουτὶ δὲ ἠγώμεθα μασωμένου μᾶλλον ἢ ἐσθίοντος, αὐτοσχέδιος γὰρ γλώττης εὐροοῦσης ἀγώνισμα. κατηγοροῦσι δὲ τοῦ Ἀριστείδου τινὲς ὥς εὐτελὲς εἰπόντος προοίμιον ἐπὶ τῶν μισθοφόρων τῶν ἀπαιτουμένων τὴν γῆν, ἄρξασθαι γὰρ δὴ αὐτὸν τῆς ὑποθέσεως ταύτης ὧδε· “οὐ παύσσονται οὗτοι οἱ ἄνθρωποι παρέχοντες ἡμῖν πράγματα.” λαμβάνονται δέ τινες καὶ ἀκμῆς τοῦ ἀνδρὸς ἐπὶ τοῦ παραιτουμένου τὸν τειχισμὸν τῆς Λακεδαίμονος, (584) εἴρηται δὲ ὧδε· “μὴ γὰρ δὴ ἐν τείχει ἐπιπτήξαιμεν ὀρτύγων ἀναψάμενοι¹ φύσιν.”

¹ ἐναψάμενοι Cobet

¹⁸⁹ Вероятно, речь шла о наемниках, которым сначала за отсутствием денег возместили жалование земельными наделами, а затем жалование выплатили, зато землю потребовали вернуть.

¹⁹⁰ Ср. речь Исея на эту же тему (I. 20. 514); упоминание о трусости перепелов встречается также у комика Антифана (Antiph. frg. 5), хотя перепел – птица агрессивная, так что у многих народов существовали и существуют перепелиные бои, да и греки держали перепелов для забавы.

цепляются и к пословице, которую якобы употребил он пошло: браня Александра, что в государственных делах подражает суровости отца, сказал «по отцу и сынок»; а еще ставят ему в вину, что в шутку называл одноглазых аримаспов родичами Филиппа¹⁹¹ – точь-в-точь как Демосфен, защищавшийся перед греками от «трагической мартышки» и «деревенского Эномая»¹⁹². Но не будем судить об Аристиде по подобному: искусство его видно и из «Исократ, прогоняющего афинян с моря»¹⁹³, и из «порицающего Калликсена, что не похоронил Десятерых»¹⁹⁴, и из «державших совет о делах в Сицилии», и из «Эсхина, отказывающегося от хлеба (585) Керсobleпта»¹⁹⁵, и из «отвергающих договор после убийства детей»¹⁹⁶ – в сей последней гипотезе он особенно хорошо научает нас, как осторожнее обращаться с присущей трагедиям дерзновенностью мысли. Знаю я и немало других гипотез, обнаруживающих ученость, и силу, и нрав сего мужа – вот по таким и надобно судить о нем, а не по тем, в коих он из тщеславия допускал излишество. Был Аристид из софи-

¹⁹¹ О племени аримаспов, от природы имевших один глаз, рассказывает Геродот (Hdt. IV. 27); Филипп тоже был одноглаз, однако в результате ранения – многочисленные боевые увечья Филиппа очень живо перечисляет Демосфен (Dem. XVIII. 67).

¹⁹² Ibid. 242. Эсхин в молодости был членом бродячей труппы, игравшей для поселян трагедии, в частности, утраченную трагедию Софокла «Эномай» (ibid. 180) – его актерские способности Демосфен ценит не выше политических.

¹⁹³ В речи «О мире» Исократ призывает афинян отказаться от державных притязаний, а значит, и от господства на море (Isocr. VIII. 63).

¹⁹⁴ В сражении при Аргинусских о-вах (406 до н.э.) возглавлявшие афинский флот десять стратегов одержали победу, но из-за шторма понесли большие потери (Xen. Hell. I. 7; Diod. XIII. 100–103) и были обвинены, что не собрали тела павших, чтобы похоронить в родной земле; шестеро из десяти были казнены, хотя за них пытался всту-

λαμβάνονται καὶ παροιμίας ὡς ταπεινῶς προσερριμμένης, ἐπιδιβάλλων γὰρ τὸν Ἀλέξανδρον ὡς πατρῶζοντα τὴν ἐν τοῖς πράγμασι δεινότητα τοῦ πατρὸς ἔφη τὸ παιδίον εἶναι. οἱ αὐτοὶ κατηγοροῦσι καὶ σκώμματος, ἐπειδὴ τοὺς Ἀριμασποὺς τοὺς μονομμάτους ἔφη συγγενεῖς εἶναι τοῦ Φιλίππου, ὥσπερ τοῦ Δημοσθένους ἀπολελογημένου τοῖς Ἑλλήσιν ὑπὲρ τοῦ τραγικοῦ πιθήκου καὶ τοῦ ἀρουραίου Οἰνομάου. ἀλλὰ μὴ ἐκ τούτων τὸν Ἀριστείδην, δηλούτω δὲ αὐτὸν ὅ τε Ἰσοκράτης ὁ τοὺς Ἀθηναίους ἐξάγων τῆς θαλάττης καὶ ὁ ἐπιτιμῶν τῷ Καλλιξείνῳ ἐπὶ τῷ μὴ θάπτειν τοὺς δέκα καὶ οἱ βουλευόμενοι περὶ τῶν ἐν Σικελίᾳ καὶ ὁ μὴ λαβὼν Αἰσχίνης παρὰ τοῦ Κερσοβλέπτου τὸν σῖτον καὶ οἱ παραιτούμενοι τὰς (585) σπονδὰς μετὰ τὸ κτεῖναι τὰ γένη, ἐν ἧ μάλιστα ὑποθέσεων ἀναδιδάσκει ἡμᾶς, πῶς ἄν τις ἀσφαλῶς κεκινδυνευμένας τε καὶ τραγικὰς ἐννοίας μεταχειρίσαιο. καὶ πλείους ἐτέρας ὑποθέσεις οἶδα εὐπαιδευσίαν ἐνδεικνυμένας τοῦ ἀνδρὸς τούτου καὶ ἰσχὺν καὶ ἦθος, ἀφ' ὧν μᾶλλον αὐτὸν θεωρητέον, ἢ εἴ που καὶ παρέπτυσέ τι ἐς φιλοτιμίαν ἐκπεσών. καὶ τεχνικώτατος δὲ σοφιστῶν ὁ Ἀριστείδης ἐγένετο καὶ πολὺς

питься (на правах присяжного) Сократ. Одним из главных обвинителей стратегов был Калликсен, впоследствии за это изгнанный, но никогда не мешавший похоронить казненных (это противоречило бы неписаному закону хоронить любых покойников, хотя бы злейших врагов) – при всем том сюжет о непохороненных стратегах вошел в риторическую традицию (cf. RhG IX. 529; Syrian. Hermog. II. 175. 24).

¹⁹⁵ Полиэн рассказывает о большой прибыли, полученной вождем одрисов Керсobleптом благодаря умелому хозяйствованию его приближенного Севта (Polyaen. VII. 32); одрисы действительно были среди главных поставщиков хлеба для афинян, но нет свидетельств, связывающих этот эпизод с Эсхином – вероятно, это риторическая фикция.

¹⁹⁶ Предмет речи (исторический он, баснословный или вымышленный) восстановить невозможно – ясно только, что родители убитых детей не желают сговариваться с их убийцами.

стов искуснейший и в размышлении превосходен: он потому и воздерживался от речей без подготовки, что желание поверять всё мыслью заполняет ум и мешает бойкости.

Одни пишут, что умер Аристид дома, другие – что в Ионии; одни – что шестидесяти лет, другие – что около семидесяти.

10. Что до *Адриана* Финикийского¹⁹⁷, Тир породил его, а упражнили Афины: как слыхал я от моих учителей, явился он туда при Героде и обнаружил необычайное природное дарование к софистике – нельзя было не заметить, что он далеко пойдет, когда, всего лишь осмнадцати лет от роду соделавшись учеником Герода, вскорости удостоился он той же чести, что и Скепт с Амфиклом, быв причислен к слушателям Клепсидриона. А сей Клепсидрион был вот что: десять лучших учеников Герода¹⁹⁸ после общих занятий трапезничали, покуда часы отмеряли воду, потребную для чтения ста стихов, каковые произносил и пространно излагал¹⁹⁹ Герод, не внемлющий похвалам слушателей и весь погруженный в чтение. А понеже он наставлял (586) учеников даже за чашей не упускать случая, вдобавок к винопитию, упражняться в чем-нибудь еще, Адриан пил с другими, как участник великого таинства, и, когда вышла у

¹⁹⁷ От Клавдия Адриана сохранилась – видимо, не целиком – только одна мелета с призывом сжечь женщину, которая сожгла другую, уличенную в приготовлении ядов, хотя в *Суде* ему, помимо речей, приписываются два риторических трактата, письма, «Утешение к Келеру» (вероятно, упомянутому в I. 22. 524) и пр. (Sud. A 528). Известно, что в юности Адриан слушал в Риме у Галена анатомию (Gal. XIV. 627, 629); возможно, именно над ним насмехается Лукиан в «Лжеце» (Luc. Pseudol. 19), так как главный герой там – из Финикии (Jones 1972: 475–487); Либаний, говоря о надгробном слове Адриана по актеру Максимино, сравнивает мощь его слога с мощью Посейдона (Lib. Or.

ἐν θεωρήμασι, ὅθεν καὶ τοῦ σχεδιάζειν ἀπηνέχθη, τὸ γὰρ κατὰ θεωρίαν βούλεσθαι προάγειν πάντα ἀσχολεῖ τὴν γνώμην καὶ ἀπαλλάττει τοῦ ἐτοίμου.

ἀποθανεῖν δὲ τὸν Ἀριστείδην οἱ μὲν οἴκοι γράφουσιν, οἱ δὲ ἐν Ἰωνίᾳ ἔτη βιώσαντα οἱ μὲν ἐξήκοντά φασιν, οἱ δὲ ἀγχοῦ τῶν ἐβδομήκοντα.

ι'. Ἀδριανὸν δὲ τὸν Φοίνικα Τύρος μὲν ἤνεγκεν, Ἀθῆναι δὲ ἤσκησαν. ὥς γὰρ τῶν ἑμαυτοῦ διδασκάλων ἤκουον, ἀφίκετο μὲν ἐς αὐτάς κατὰ Ἡρώδην, φύσεως δὲ ἰσχὺν σοφιστικωτάτην ἐνδείκνυμενος καὶ οὐκ ἄδηλος ὢν ὥς ἐπὶ μέγα ἤξι· ἐφοίτησε μὲν γὰρ τῷ Ἡρώδῃ ὀκτὼ καὶ δέκα ἴσως γεγωνὸς ἔτη καὶ ταχέως ἀξιωθείς, ὢν Σκέπτος τε καὶ Ἀμφικλῆς ἡξιοῦντο, ἐνεγράφη καὶ τῇ τοῦ Κλεψυδρίου ἀκροάσει. τὸ δὲ Κλεψύδριον ὧδε εἶχεν· τῶν τοῦ Ἡρώδου ἀκροατῶν δέκα οἱ ἀρετῆς ἀξιούμενοι ἐπεσιτίζοντο τῇ ἐς πάντας ἀκροάσει κλεψύδραν ξυμμετρημένην^ι ἐς ἑκατὸν ἔπη, ἃ διήγει ἀποτάδην ὁ Ἡρώδης παρητημένος τὸν ἐκ τῶν ἀκροατῶν ἔπαινον καὶ μόνου γεγωνὸς τοῦ λέγειν. παραδεδωκότος δὲ αὐτοῦ τοῖς γνωρίμοις τὸ μηδὲ (586) τὸν τοῦ πότου καιρὸν ἀνιέναι, ἀλλὰ κάκεῖ τι ἐπισπουδάζειν τῷ οἴνῳ ξυνέπινε μὲν ὁ Ἀδριανὸς τοῖς ἀπὸ τῆς κλεψύδρας ὥς κοινωνὸς μεγάλου

^ι ξυμμετρημένοι ὅσον Schmid

LXIV. 41); Менандр Ритор отмечает, с каким искусством завершает он похвальные слова городам (RhG IX. 244).

¹⁹⁸ Из множества учеников Герода слушателем Клепсидриона у Филострата, помимо упомянутых здесь Скепта, Амфикла и Адриана, назван только Павсаний (II. 13. 594).

¹⁹⁹ То есть импровизировал парафраз отобранных стихов; в Суде сообщается, что такой парафраз гомеровского описания щита Ахиллеса (παράφρασιν τῆς Ὀμήρου ἀσπίδος) сделал Филострат Лемносский, но это сочинение до нас не дошло.

них беседа о слоге разных софистов, сказал, выйдя на середину: «А я вот изображу чью угодно речь – и не просто припоминая всякие клочки да мыслишки, обороты да мерности, но, давши волю языку, изображу любого и без подготовки бегло воспроизведу его слог». Герода он, однако, изображать не стал, когда же Амфикл спросил, отчего он обошел вниманием учителя, сам любя его слог и зная, что другие любят, отвечал: «Потому что прочих и спяну нетрудно показать вживе, а Герода, царя словес, даже на трезвую голову попробуй изобрази». Сей ответ, быв передан Героду, и вообще падкому до похвал, был весьма ему приятен. В другой раз Адриан, еще в младых летах, попросил Герода послушать речь без подготовки, и тот выслушал: без насмешек и поношения, как клеветают иные, но благосклонно и ласково, а под конец ободрил юношу: «Из таковых глыб, пожалуй, получится колосс», разом указывая на присущую возрасту беспорядочность и бессвязность и хваля величие слога и мысли. По смерти же Герода Адриан произнес достойное сего мужа надгробное слово, так что довел до слез слушавших его афинян.

Афинскую софистику он возглавил, исполненный толикой дерзости, что, обращаясь к гражданам с разглаголом, во вступлении толковал не об их мудрости, (587) но о своей и начал так: «Вновь грамота из Финикии»²⁰⁰ – в сущности, сие вступление дышало презрением к афинянам, как если бы он даровал им что-то хорошее, а не сам от них получил²⁰¹. Зато обязанности свои отправлял он с необыкновенною пышностью: в драгоценных одеждах, разукрашенный редчайшими самоцветами, прибывал он на занятия в повозке с серебряной упряжью, а после урока отбывал в сопровождении восторженной толпы сошед-

²⁰⁰ По преданию, буквам научил греков финикиец Кадм, брат Европы (Hdt. V. 58), прибывший в Грецию на поиски похищенной Зевсом сестры.

ἀπορρήτου, λόγου δὲ αὐτοῖς περὶ τῆς ἐκάστου τῶν σοφιστῶν ιδέας προβαίνοντος παρελθὼν ἐς μέσους ὁ Ἀδριανὸς “ἐγὼ” ἔφη “ὑπογράψω τοὺς χαρακτῆρας οὐ κομματίων ἀπομνημονεύων ἢ νοιδίων ἢ κώλων ἢ ῥυθμῶν, ἀλλ’ ἐς μίμησιν ἑμαυτὸν καθιστὰς καὶ τὰς ἀπάντων ιδέας ἀποσχεδιάζων σὺν εὐροίᾳ καὶ ἐφιεῖς τῇ γλώττῃ.” παραλιπόντος δὲ αὐτοῦ τὸν Ἡρώδη ὁ μὲν Ἀμφικλῆς ἤρετο τοῦ χάριν τὸν διδάσκαλον αὐτῶν παρέλθοι αὐτός τε ἐρῶν τῆς ιδέας ἐκείνου στείδων ἐρῶντας “ὅτι” ἔφη “οὗτοι μὲν οἷοι καὶ μεθύοντι παραδοῦναι μίμησιν, Ἡρώδη δὲ τὸν βασιλέα τῶν λόγων ἀγαπητὸν ἦν ἄοινός τε καὶ νήφων ὑποκρίνωμαι.” ταῦτα ἀπαγγελθέντα τῷ Ἡρώδῃ διέχεεν αὐτὸν ὄντα καὶ ἄλλως ἥττω εὐδοξίας. ἐπήγγειλε δὲ τῷ Ἡρώδῃ καὶ ἀκρόασιν σχεδίου λόγου νεάζων ἔτι, καὶ ὁ Ἡρώδης οὐχ ὡς διαβάλλουσί τινες, βασκαίνων τε καὶ τρωθάζων, ἀλλ’ ἀπὸ τοῦ διακειμένου τε καὶ ἴλεω ἀκροασάμενος ἐπέρρωσε τὸν νεανίαν εἰπὼν ἐπὶ πᾶσιν “κολοσσοῦ ταῦτα μεγάλα σπαράγματ’ ἂν εἴη”, ἅμα μὲν διορθούμενος αὐτὸν ὡς ὑφ’ ἡλικίας διεσπασμένον τε καὶ μὴ ξυγκείμενον, ἅμα δὲ ἐπαινῶν ὡς μεγαλόφωνόν τε καὶ μεγαλογνώμονα. καὶ λόγον τῷ Ἡρώδῃ ἀποθανόντι ἐπεφθέγξατο ἐπάξιον τοῦ ἀνδρός, ὡς ἐς δάκρυα ἐκκληθῆναι τοὺς Ἀθηναίους ἐν τῇ τοῦ λόγου ἀκροάσει.

Μεστὸς δὲ οὕτω παρρησίας ἐπὶ τὸν θρόνον παρῆλθε τὸν Ἀθήνησιν, ὡς προοίμιόν οἱ (587) γενέσθαι τῆς πρὸς αὐτοὺς διαλέξεως μὴ τὴν ἐκείνων σοφίαν, ἀλλὰ τὴν ἑαυτοῦ, ἤρξατο γὰρ δὴ ὧδε “πάλιν ἐκ Φοινίκης γράμματα.” τὸ μὲν δὴ προοίμιον τοῦτο ὑπερπνέοντος ἦν τοὺς Ἀθηναίους καὶ διδόντος τι αὐτοῖς ἀγαθὸν μᾶλλον ἢ λαμβάνοντος, μεγαλοπρεπέστατα δὲ τοῦ Ἀθήνησι θρόνου ἐπεμελήθη ἐσθῆτα μὲν πλείστου ἀξίαν ἀμπεχόμενος, ἐξηρητημένος δὲ

²⁰¹ Адриан обязан кафедрой не афинянам, а Марку (см. ниже), так что Филострат просто пользуется случаем подчеркнуть его чванство.

шегося отовсюду эллинства, ибо его уже чтили, точно как элевсиняне чтят свершающего торжественный обряд иерофанта²⁰². Учеников завлекал он играми, пирами, охотой, а еще тем, что участвовал вместе с ними во всеэллинских празднествах, деля с ними те ли, другие ли забавы юности, так что привязывались они к нему, словно дети к отцу, который ласков и кроток, да еще и скачет вместе с ними в греческой пляске²⁰³: я наверное знаю, что иные из них слезами плакали, вспоминая о нем, и с умилением рассказывали – кто о выговоре его, кто о походке, кто о благолепии одежд.

А вот как удалось ему избежать возведенного было на него обвинения в убийстве. Жил в Афинах человечиска, не вовсе чуждый поприщу софистики, и легко было поладить с ним за кувшин вина или кусок повкуснее, либо за одежду или деньги, словно как голодного скота можно вести за собою мановением ветки²⁰⁴; зато ежели им пренебрегали, он злобился и лаял, ровно пес; (588) а как Адриану таковая непутевость претила, прибился он к софисту Хресту Византийскому. Адриан, называя подобную брань блошиными укусами, оставался невозмутим, однако же ученики, потеряв терпение, велели рабам поколотить

²⁰² Иерофант (всегда из ведущегося от баснословной древности царского рода Евмолпидов) был главой и руководителем Элевсинских мистерий и прочих элевсинских обрядов: именно он являл мистам священные предметы, отсюда и название должности, букв. «священноявляющий»; иерофанты носили особый плащ и особую повязку на голове, имели право на почетное место в театре Диониса и на обеды в пританее; Филострат не в первый раз сравнивает софистов со священнослужителями – ср. «дельфийский треножник» (I. 25. 542).

τὰς θαυμασιωτέρας τῶν λίθων καὶ κατιῶν μὲν ἐπὶ τὰς σπουδὰς ἐπ' ἀργυροχαλίνου ὀχήματος, ἐπεὶ δὲ σπουδάσειε, ζηλωτὸς αὖ ἐπανιών ξὺν πομπῇ τοῦ πανταχόθεν Ἑλληνικοῦ. ἤδη¹ γὰρ ἐθεράπευον αὐτόν, ὥσπερ τὰ γένη τῆς Ἐλευσίνος ἱεροφάντην λαμπρῶς ἱερουργοῦντα. ὑπεποιεῖτο δὲ αὐτοὺς καὶ παιδιαῖς καὶ πότοις καὶ θήραις καὶ κοινωνίᾳ πανηγύρεων Ἑλληνικῶν, ἄλλα ἄλλω ξυννεάζων, ὅθεν διέκειντο πρὸς αὐτόν ὡς πρὸς πατέρα παῖδες ἡδύν τε καὶ πρᾶον καὶ ξυνδιαφέροντα αὐτοῖς τὸ Ἑλληνικὸν σκίρτημα. ἐγὼ τοι καὶ δακρύοντας αὐτῶν ἐνίους οἶδα, ὅποτε ἐς μνήμην τοῦ ἀνδρὸς τούτου καθίσταιντο, καὶ τοὺς μὲν τὸ φθέγμα ὑποκοριζομένους, τοὺς δὲ τὸ βάδισμα, τοὺς δὲ τὸ εὖσχημον τῆς στολῆς.

Ἐπαχθεῖσαν δὲ αὐτῷ καὶ φονικὴν αἰτίαν ὧδε ἀπέφυγεν· ἦν Ἀθήνησιν ἀνθρώπιον οὐκ ἀγύμναστον τοῦ περὶ τοὺς σοφιστὰς δρόμου· τούτῳ ἀμφορέα μὲν τις οἴνου προσάγων ἢ ὄψα ἢ ἐσθῆτα ἢ ἀργύριον εὐμεταχειρίστῳ ἐχρήτο, καθάπερ οἱ τὰ πεινῶντα τῶν θρεμμάτων τῷ θαλλῷ ἄγοντες, εἰ δὲ ἀμελοῖτο, φιλολοιδόρως εἶχε καὶ ὑλάκτει. τῷ μὲν οὖν Ἀδριανῷ (588) προσκεκρούκει διὰ τὴν εὐχέρειαν τοῦ ἥθους, Χρῆστον δὲ τὸν ἐκ τοῦ Βυζαντίου σοφιστὴν ἐθεράπευεν, καὶ ὁ μὲν Ἀδριανὸς ἐκαρτέρει τὰ ἐξ αὐτοῦ πάντα, δῆγματα κόρεων τὰς ἐκ τῶν τοιούτων λαιμορρίας καλῶν, οἱ γνώριμοι δὲ οὐκ ἐνεγκόντες παρεκελεύσαντο τοῖς ἑαυτῶν οἰκέταις παίειν

¹ ἤδη Jahn; οἶδε mss.

²⁰³ Имеется в виду какой-то (любой) из традиционных мужских танцев, являющихся также и состязанием в ловкости и потому всегда включающих прыжки.

²⁰⁴ Ср. ответ Сократа Федру, предложившему побеседовать: «Пожалуй, ты нашел способ выманить меня наружу – словно тот, кто водит голодных скотов, помахивая перед ними веткой или каким-нибудь овощем...» (Plat. Phaedr. 230 D).

мерзавца – оттого нутро у него вспухло, и на тридцатый день он помер, чему поспособствовал и сам, когда, уже больной, упивался неразбавленным вином. Тут-то родня покойного воззвала к суду правителя Эллады²⁰⁵, обвиняя Адриана в убийстве афинского гражданина, ибо тот был приписан в Афинах к отрасли²⁰⁶ и к округу. Адриан, однако же, обвинение отвергнул: он, мол, ни собственными руками, ни же руками рабов не причастен к избиению, повлекшему за собою смерть, – оправданию его сперва помогли рыдания эллинов, как только ни говоривших за него²⁰⁷, а засим и свидетельство врача насчет вина.

В пору, когда кесарь Марк отправился в Афины ради посвящения в таинства²⁰⁸, Адриан уже стоял во главе тамошних софистов, а потому положил себе Марк частью знакомства с Афинами провести мудрость его, ибо вышло так, что приставил он Адриана к юношеству, ни разу не слушав, но положившись лишь на сопутствовавшую ему славу – меж тем гипат Север²⁰⁹ порицал Адриана, что, мол, доходит в софистических гипотезах до чрезмерного исступления, ибо склонен, мол, к состязательному красноречию. Итак, Марк проверки ради предложил ему выступить с «Гиперидом, который в бытность Филиппа в Элатее внимал единственно суждениям (589) Демосфена»²¹⁰ – и он столь лихо обуздал сию гипотезу, что гладкостью речи самому Полемону, пожалуй, не уступил. Пришед в восхищение, госу-

²⁰⁵ Речь идет о проконсуле (сенатском наместнике) провинции Ахайя: слово «правитель» (ἄρχων) нередко используется Филостратом в значении «правитель той или иной территории» (ср. II. 1. 561; также VA I. 38, IV. 33, VI. 38, VII. 5, VII. 10, VIII. 23), но без указания, идет ли речь о сенатском наместнике, как в данном случае, или о назначенном императором чиновнике.

²⁰⁶ См. прим. II. 1. 549.

²⁰⁷ Выступающий в суде сначала старался показать судьям безупречность своего морального облика в целом, а потом переходил к конкретным доводам в свою пользу: ср. II. 1. 555 и прим.

αὐτόν, καὶ ἀνοιδησάντων αὐτῷ τῶν σπλάγχνων ἐν ἡμέρᾳ τριακοστῇ ἀπέθανε παρασχών τινα καὶ αὐτὸς τῷ θανάτῳ λόγον, ἐπειδὴ ἀκράτου νοσῶν ἔσπασεν. οἱ δὲ προσήκοντες τῷ τεθνεῶτι γράφονται τὸν σοφιστὴν φόνου παρὰ τῷ τῆς Ἑλλάδος ἄρχοντι ὡς ἓνα Ἀθηναίων, ἐπειδὴ φυλὴ τε ἦν αὐτῷ καὶ δῆμος Ἀθήνησιν, ὁ δὲ ἀπέγνω τὴν αἰτίαν ὡς μήτε ταῖς ἑαυτοῦ χερσὶ μήτε ταῖς τῶν ἑαυτοῦ δούλων τετυπτηκός τὸν τεθνάναι λεγόμενον. ξυνήρατο δὲ αὐτῷ τῆς ἀπολογίας πρῶτον μὲν τὸ Ἑλληνικὸν τίνας οὐχὶ ἀφιέντες ὑπὲρ αὐτοῦ φωνὰς δακρύοις ἅμα, ἔπειτα ἢ τοῦ ἱατροῦ μαρτυρία ἢ ἐπὶ τῷ οἴνῳ.

Κατὰ δὲ τοὺς χρόνους, οὓς ὁ αὐτοκράτωρ Μάρκος Ἀθήναζε ὑπὲρ μυστηρίων ἐστάλη, ἐκράτει μὲν ἤδη τοῦ τῶν σοφιστῶν θρόνου ὁ ἀνὴρ οὗτος, ἐν μέρει δὲ ὁ Μάρκος τῆς τῶν Ἀθηνῶν ἱστορίας ἔθετο μηδὲ τὴν ἐκείνου σοφίαν ἀγνοῆσαι· καὶ γὰρ δὴ καὶ ἐπέταξεν αὐτὸν τοῖς νέοις οὐκ ἀκροάσει βασανίσας, ἀλλὰ ξυνθέμενος τῇ περὶ αὐτοῦ φήμῃ. Σεβήρου δὲ ἀνδρὸς ὑπάτου διαβάλλοντος αὐτὸν ὡς τὰς σοφιστικὰς ὑποθέσεις ἐκβακχεύοντα διὰ τὸ ἐρρῶσθαι πρὸς τοὺς ἀγῶνας ἔλεγχον τούτου ποιούμενος ὁ Μάρκος προὔβαλε μὲν αὐτῷ τὸν Ὑπερίδην τὸν ἐς μόνας ἐπιστρέφοντα τὰς Δημοσθένους γνῶμας, ὅτε δὴ ἐν Ἑλατεῖᾳ Φίλιππος ἦν, ὁ δὲ (589) οὕτως τὸν ἀγῶνα εὐηνίως διέθετο, ὡς μηδὲ τοῦ Πολέμωνος ροίζου

²⁰⁸ В 176 до н.э.; ср. II. 1. 562–563 и прим.

²⁰⁹ По-видимому, это философ-перипатетик Гн. Клавдий Север, суф-фект 163 н.э. и ординарный консул 173 н.э. (см. также Groag 1902: 261–264).

²¹⁰ Филипп захватил Элатею осенью 339 до н.э., после чего Демосфен инициировал переговоры афинян с фиванцами для создания антимакедонского союза (события тех дней красочно описаны в Dem. XVIII. 169–179); тема гипотезы (упомянута также Апсином в RhG IX. 468), по-видимому, подразумевает, что сторонник Демосфена Гиперид в этих переговорах участвовал.

дарь весьма возвысил его дарами и подарками: под дарами я разумею кормление на казенный счет, на всех зрелищах лучшие места, освобождение от налогов, участие в жертвоприношениях и прочее, чем отличают ради почета; под подарками же золото, серебро, лошадей, рабов и прочее, чем знаменуется богатство, – всем названным щедро наделил он Адриана и весь род его.

А уж снискав главенство над всеми вообще софистами²¹¹, такое произвел он впечатление на римлян, что даже не знавшие по-гречески загорелись его слушать, внимали же, словно сладкогласой соловьиной песни²¹², дивясь и красноречию его, и наружности, а равно изяществу выговора и мерностям – как в пешей речи, так и в напевной²¹³. Вот так-то всякий раз, когда тешились они пошлыми зрелищами, по большей части плясками, стоило приблизиться к помосту гонцу и объявить о выступлении Адриана, подымались с мест и некоторые из синклита²¹⁴, и которые из всаднического сословия – да не только прилежавшие эллинскому, но и которые в Риме на другом языке²¹⁵ учились – и бегом бежали в Атенеум, исполнены рвения и понукая двигавшихся шагом²¹⁶.

Когда же занемог он в Риме, Коммод уже перед самой его (590) кончиной с извинениями за промедление постановил на-

²¹¹ То есть заняв кафедру в Риме.

²¹² Цитата из Soph. Oed. Col. 18.

²¹³ Нараспев обычно произносилась завершающая часть речи (ср. I. 8. 491 и прим.).

²¹⁴ Синклитом (или Великим советом) греки называли Сенат.

²¹⁵ То есть на латинском, который Филострат деликатно именует «другим», чтобы не называть варварским, как любой язык за исключением греческого; ср. II. 31. 624.

λείπεσθαι δόξαι. ἀγασθεῖς δὲ αὐτὸν ὁ αὐτοκράτωρ ἐπὶ μέγα ἦρε δωρεαῖς τε καὶ δώροις. καλῶ δὲ δωρεὰς μὲν τὰς τε σιτήσεις καὶ τὰς προεδρίας καὶ τὰς ἀτελείας καὶ τὸ ἱεῖσθαι καὶ ὅσα ἄλλα λαμπρύνει ἄνδρας, δῶρα δὲ χρυσὸν ἄργυρον ἵππους ἀνδράποδα καὶ ὅσα ἐρμηνεύει πλοῦτον, ὧν αὐτόν τε ἐνέπλησε καὶ γένος τὸ ἐκείνου πάντας.

Κατασχὼν δὲ καὶ τὸν ἄνω θρόνον οὕτως τὴν Ῥώμην ἐς ἑαυτὸν ἐπέστρεψεν, ὥς καὶ τοῖς ἀξυνέτοις γλώττης Ἑλλάδος ἔρωτα παρασχεῖν ἀκροάσεως. ἡκροῶντο δὲ ὥσπερ εὐστομούσης ἀηδόνης, τὴν εὐγλωττίαν ἐκπεπληγμένοι καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ εὐστροφον τοῦ φθέγματος καὶ τοὺς πεζῇ τε καὶ ξὺν ᾧδῇ ρυθμούς. ὁπότε οὖν σπουδάζοιεν περὶ τὰς ἐγκυκλίους θεάς, ὀρχηστῶν δὲ αὐται τὸ ἐπίπαν, φανέντος ἂν περὶ τὴν σκηνὴν τοῦ τῆς ἀκροάσεως ἀγγέλου ἐξανίσταντο μὲν <οί>ⁱ ἀπὸ τῆς συγκλήτου βουλῆς, ἐξανίσταντο δὲ τῶν δημοσίων ἱππευόντων οὐχ οἱ τὰ Ἑλλήνων σπουδάζοντες μόνον, ἀλλὰ καὶ ὅποσοι τὴν ἐτέραν γλώτταν ἐπαιδεύοντο ἐν τῇ Ῥώμῃ καὶ δρόμῳ ἐχώρουν ἐς τὸ Ἀθήναιον ὁρμῆς μεστοὶ καὶ τοὺς βάδην πορευομένους κακίζοντες.

Νοσοῦντι δὲ αὐτῷ κατὰ τὴν Ῥώμην, ὅτε δὴ καὶ ἐτελεύτα, ἐψηφίσατο μὲν τὰς ἐπιστολὰς ὁ Κόμμοδος ξὺν ἀπολογία τοῦ μὴ καὶ θᾶττον, ὁ δὲ (590) ἐπιθειάσας μὲν ταῖς Μούσαις,

ⁱ <οί> Cobet

²¹⁶ Тремя с небольшим веками ранее «Свекровь» Теренция дважды прерывалась из-за бегства зрителей, спешивших видеть сначала канатных плясунов (Ter. Нес. 1–5) и затем гладиаторов (ibid. 39–42): всё это указывает не только на (несомненный) рост литературной культуры римлян, но и на то, что софистический перформанс воспринимался многими из них как увлекательное представление – иначе не знавшие греческого не спешили бы присутствовать; ср. обращение Траяна к Диону (I. 7. 488).

значить его письмоводителем²¹⁷, а он, призвав по обыкновению Муз, поклонился государевой грамоте и испустил над нею дух, так что почесть сия стала ему саваном²¹⁸. Скончался он примерно восьмидесяти лет²¹⁹ и толико славен, что многие мнили его колдуном. Что ученый муж нипочем не увлечется колдовскими искусствами, об этом я довольно сказал, говоря о Дионисии, однако же Адриан расцвечивал гипотезы свои побасенками о нравах чародеев и вот потому-то, думаю, подцепил от оных таковое прозвание. Еще на него наговаривают, будто был донельзя бесстыден: мол, кто-то из учеников прислал ему рыбу на серебряном с золотыми узорами блюде, и до того ему блюдо сие понравилось, что забрал он его себе, а пославшему передал, что, мол, за рыбку тоже благодарствую, – но говорят также, что это он забавы ради подшутил над учеником, о коем слышал, что тот богатством своим распоряжается мелочно, а посему, вразумив его насмешкою, серебряное блюдо вернул.

Сей софист отличался силою и блеском мысли, и каждая гипотеза его построена на особый лад – сие он позаимствовал из трагедии²²⁰. Не следуя ни принятому порядку, ниже правилам искусства, усвоил он обращение со словом от древних софистов, прибегая более к звучности, нежели к громкости; зато торжественные речи часто ему не удавались, ибо трагедиями он пользовался сверх меры²²¹.

²¹⁷ То есть ab epistulis Graecis (см. I. 22. 524 и прим.).

²¹⁸ Ср. I. 16. 502 и прим., а также II. 19. 600.

²¹⁹ Отсюда следует, что Адриан родился ок. 110 н.э. (Коммод погиб в 192), хотя по рассказу создается впечатление, что он был моложе Герода не на один десяток лет – возможно, Филострат преувеличивает возраст Адриана.

²²⁰ Сюжеты трагедий были самыми разработанными и разнообразными, они всё время держали зрителя в напряжении – выходит, Адриан

ὥσπερ εἰώθει, προσκυνήσας δὲ τὰς βασιλείους δέλτους τὴν ψυχὴν πρὸς αὐταῖς ἀφῆκεν ἐνταφίῳ τῇ τιμῇ χρησάμενος· ἔτελευτα δὲ ἀμφὶ τὰ ὀγδοήκοντα ἔτη, οὕτω τι εὐδόκιμος, ὥς καὶ πολλοῖς γόης δόξαι· ὅτι μὲν οὖν ἀνὴρ πεπαιδευμένος οὐκ ἂν ποτε ἐς γοήτων ὑπαχθείη τέχνας, ἱκανῶς ἐν τοῖς ὑπὲρ Διονυσίου λόγοις εἴρηκα, ὁ δέ, οἶμαι, τερατευόμενος ἐν ταῖς ὑποθέσεσι περὶ τὰ τῶν μάγων ἦθη τὴν ἐπωνυμίαν ταύτην παρ' αὐτῶν ἔσπασεν. διαβάλλουσι δὲ αὐτὸν ὥς καὶ ἀναιδῆ τὸ ἦθος, πέμψαι μὲν γὰρ αὐτῷ τινὰ τῶν γνωρίμων ἰχθῦς διακειμένους ἐπὶ δίσκου ἀργυροῦ πεποικιλμένου χρυσῷ, τὸν δὲ ὑπερησθέντα τῷ δίσκῳ μήτε ἀποδοῦναι καὶ ἀποκρίνασθαι τῷ πέμψαντι “εὗγε, ὅτι καὶ τοὺς ἰχθῦς.” τουτὶ δὲ διατριβῆς μὲν ἔνεκα παῖξαι λέγεται πρὸς τινὰ τῶν ἑαυτοῦ γνωρίμων, ὃν ἤκουε μικροπρεπῶς τῷ πλούτῳ χρώμενον, τὸν δὲ ἄργυρον ἀποδοῦναι σωφρονίσας τὸν ἀκροατὴν τῷ ἀστεισμῷ.

Ὁ δὲ σοφιστὴς οὗτος πολὺς μὲν περὶ τὰς ἐννοίας καὶ λαμπρὸς καὶ τὰς διασκευὰς τῶν ὑποθέσεων ποικιλώτατος ἐκ τῆς τραγωδίας τοῦτο ἥρηκώς, οὐ μὴν τεταγμένος γε, οὐδὲ τῇ τέχνῃ ἐπόμενος, τὴν δὲ παρασκευὴν τῆς λέξεως ἀπὸ τῶν ἀρχαίων σοφιστῶν περιεβάλλετο ἥχῳ προσάγων μᾶλλον ἢ κρότῳ. πολλαχοῦ δὲ τῆς μεγαλοφωνίας ἐξέπεσεν ἀταμιεύτως τῇ τραγωδίᾳ χρησάμενος.

умел примерно так же строить композицию речи; о важности трагедии для софистов ср. I. 21. 518 и прим., II. 1. 565 и прим., а также слова Никагора в II. 27. 620.

²²¹ Судя по эпизоду с Марком (588–589), Адриан при необходимости говорил торжественно, но обычно предпочитал занимательность — свидетельство тому как склонность к трагедии с ее неизменно острым сюжетом, так и упоминавшиеся «побасенки о чародеях».

11. А вот к софисту *Хресту* Византийскому Эллада несправедлива²²², ибо пренебрегает тем, кто, выучившись у Герода лучше любого из эллинов, сам обучил многих (591) досточтимых мужей, среди коих и софисты Гипподром и Филиск, и трагический пиит Исагор, и достославные риторы Никомед Пергамский, Аквила из восточной Галатии и Аристенет Византийский, а из препохвально любомудрствовавших Каллесхр Афинский, а еще сущий при алтаре²²³ Соспис и многие другие достойные мужи – при софисте Адриане у него за плату обучалось сто человек, и лучшие из них те, кого я перечислил. Когда Адриан обосновался в Риме, афиняне голосовали, чтобы отправить к кесарю посольство просить для Хреста главенства над афинскими софистами, однако же Хрест, пришед в собрание, сему воспрепятствовал, произнеся много достопамятного и заключив так: «От десятка тысяч²²⁴ больше не станешь».

Имея слабость к пирам, он тем не менее не опускался до беспутства, легкомыслия и зазнайства, кои овладевают разумом под воздействием вина, но оставался настолько трезв, что, даже когда пиршество длилось до первых петухов, успевал перед сном еще и позаниматься. Пуще всего раздражали его молодые бахвалы, пусть по части платы за уроки пользы от них было куда больше, чем от прочих: так, приметив, что Диоген Амастрийский с младых ногтей исполнен чванства и мечтает о сатрапиях²²⁵ (592) и о жизни при дворе, и как бы сблизиться

²²² И верно, хотя у Филострата Хрест – популярный в Афинах софист, не получивший кафедру лишь по собственному нежеланию, упоминается он только в VS: вероятно, он не имел (или имел слишком мало) опубликованных сочинений, так что память о нем ушла вместе с учениками, в частности, с Гипподромом, который был хорош с Филостратом и мог быть источником приводимых здесь сведений.

ια'. Τὸν δὲ Βυζάντιον σοφιστὴν Χρῆστον ἀδικεῖ ἡ Ἑλλάς ἀμελοῦντες ἄνδρος, ὃς ἄριστα μὲν Ἑλλήνων ὑπὸ Ἡρώδου ἐπαιδεύθη, πολλοὺς δὲ ἐπαίδευσε (591) καὶ θαυμασίους ἄνδρας, ὧν ἐγένετο Ἰππόδρομος τε ὁ σοφιστὴς καὶ Φιλίσκος καὶ Ἰσαγόρας ὁ τῆς τραγωδίας ποιητὴς ῥήτορες τε εὐδόκιμοι Νικομήδης ὁ ἐκ τοῦ Περγάμου καὶ Ἀκύλας ὁ ἐκ τῆς ἐώου Γαλατίας καὶ Ἀρισταίνετος ὁ Βυζάντιος καὶ τῶν ἐλλογίμως φιλοσοφησάντων Κάλλαισχος τε ὁ Ἀθηναῖος καὶ ὁ ἐπὶ βωμῷ Σῶσπις καὶ πλείους ἕτεροι λόγου ἄξιοι. παιδεύοντι δὲ αὐτῷ κατὰ τοὺς Ἀδριανοῦ τοῦ σοφιστοῦ καιροὺς ἑκατὸν ἔμμισθοι ἀκροαταὶ ἦσαν καὶ ἄριστοι τούτων, οὓς εἶπον. Ἀδριανοῦ δὲ καθιδρυθέντος ἐς τὴν Ῥώμην ἐψηφίζοντο μὲν οἱ Ἀθηναῖοι πρεσβεύεσθαι ὑπὲρ Χρήστου τὸν Ἀθήνησιν αὐτῷ θρόνον ἐκ βασιλέως αἰτοῦντες, ὁ δὲ παρελθὼν ἐς αὐτοὺς ἐκκλησιάζοντας διέλυσε τὴν πρέσβευσιν ἄλλα τε διαλεχθεὶς ἀξιόλογα καὶ ἐπὶ πᾶσιν εἰπὼν “οὐχ αἱ μύρια τὸν ἄνδρα.”

Οἴνου δὲ ἡττώμενος παροινίας ἐκράτει καὶ εὐχερείας καὶ ἀγερωχίας, ἣν ὁ οἶνος ἐπὶ τὰς γνώμας τῶν ἀνθρώπων ἐσάγει, τοσοῦτον δὲ αὐτῷ περιῆν τοῦ νήφειν, ὥς καὶ ἐς ἀλεκτρυόνων ὠδὰς προβάντος τοῦ πότου σπουδῆς αὐτὸν ἄπτεσθαι, πρὶν ὕπνου σπάσαι. διεβέβλητο δὲ μάλιστα πρὸς τοὺς ἀλαζόνας τῶν νέων καίτοι χρησιμωτέρους τῶν ἄλλων ὄντας ἐς τὰς συμβολὰς τοῦ μισθοῦ. Διογένη γοῦν τὸν Ἀμαστριανὸν ὁρῶν τετυφωμένον ἐκ μεираκίου καὶ περινοοῦντα μὲν σατραπείας, περινοοῦντα (592) δὲ αὐλὰς καὶ τὸ ἀγχοῦ βασιλέων ἐστήξειν, λέγοντα δέ, ὥς ὁ δεῖνα Αἰγύπτιος προειρήκοι αὐτῷ ταῦτα, ὁ ὅ

²²³ Древнюю элевсинскую должность «при алтаре» (ὁ ἐπὶ βωμῷ) Со-
спис, судя по эпиграфическим свидетельствам, занимал около двух
десятилетий (см. Follet 1976: 290–292).

²²⁴ Ср. II. 2. 566 и прим.

²²⁵ Ср. I. 22. 524 и прим.

с кесарями, да еще твердит, что, мол, всё это предсказал ему некий египтянин, <Хрест вразумил²²⁶> его, не умолчав и о собственном опыте.

Речи его расцвечены лучшими из приемов Герода, но им недостает живости последнего, точно как в живописи – рисунку без красок²²⁷; впрочем, Хрест мог бы сравняться с Геродом, когда бы не умер пятидесяти лет от роду.

12. А вот *Полидевка* Навкратийского²²⁸ уж и не знаю, как назвать – то ли неученым, то ли ученым, то ли, сколь ни глупо сие звучит, сразу неученым и ученым, ибо если припомнить его «имена»²²⁹, слог его должен был быть изрядно упражнен в аттическом наречии, если же присмотреться к слогу речей его, выходит, что по-аттически изъясняется он ничуть не лучше других. Знать же о нем надлежит следующее. В науке разбора был он искушен изрядно благодаря общению с отцом, который был знаток критических сочинений²³⁰, а вот софистические речи слагал с помощью более лихости, нежели искусства, полагаясь на природу, ибо и впрямь отличался одаренностью. Как ученик Адриана он отстоит от достоинств его столь же далеко, сколь и от недостатков, ибо провалы у него так же редки, как взлеты –

²²⁶ Конъектура Кайзера; эта незначительная лакуна – одна из немногих в VS.

²²⁷ Такое же сравнение (возможно, опирающееся на Plat. Polit. 277 C) использовано в VA I. 2. В классической древности технология живописи отличалась от новоевропейской, когда живописец начинает работать кистью, лишь слегка разметив холст углем, а то и без всякого наброска – в древности сначала делался подробный рисунок и затем раскрашивался. Этот предварительный рисунок был, по сути дела, произведением графического искусства, однако самостоятельной ценности не имел, так как все изображения (в т.ч. скульптурные) непременно были раскрашены или как-то расцвечены.

«...» μηδὲ τὰ ἑαυτοῦ σιωπῶν[†]ⁱ.

Τὴν δὲ ιδέαν τῶν λόγων πεποίκιλται μὲν ἐκ τῶν Ἑρώδου πλεονεκτημάτων, λείπεται δὲ αὐτῶν τοῦ ἐτοίμου, καθάπερ ἐν ζωγραφίᾳ ἢ ἄνευ χρωμάτων ἐσκιαγραφημένη μίμησις, προὔβη δὲ ἂν καὶ ἐς τὸ ἴσον τῆς ἀρετῆς, εἰ μὴ πεντηκοντούτης ἀπέθανεν.

ιβ'. Πολυδεύκη δὲ τὸν Ναυκρατίτην οὐκ οἶδα, εἴτε ἀπαίδευτον δεῖ καλεῖν εἴτε πεπαιδευμένον, εἴθ', ὅπερ εὖηθες δόξει, καὶ ἀπαίδευτον καὶ πεπαιδευμένον ἐνθυμουμένῳ γὰρ αὐτοῦ τὰ ὀνόματα ἱκανῶς ἐγεγύμναστο τὴν γλῶτταν τῆς ἀττικίζουσης λέξεως, διορῶντι δὲ τὸ ἐν ταῖς μελέταις εἶδος οὐδὲν βέλτιον ἐτέρου ἡττίκισεν. τάδε οὖν χρή περὶ αὐτοῦ εἰδέναι. Πολυδεύκης τὰ μὲν κριτικὰ ἱκανῶς ἥσκητο, πατρὶ συγγενόμενος τοὺς κριτικούς λόγους εἰδότε, τοὺς δὲ σοφιστικούς τῶν λόγων τόλμη μᾶλλον ἢ τέχνη ξυνέβαλλε θαρρήσας τῇ φύσει, καὶ γὰρ δὴ καὶ ἄριστα ἐπεφύκει. Ἀδριανοῦ δὲ ἀκροατῆς γενόμενος ἴσον ἀφέστηκεν αὐτοῦ καὶ τῶν πλεονεκτημάτων καὶ τῶν ἐλαττωμάτων,

ⁱ ὁ μηδὲ τὰ ἑαυτοῦ προειδώς, ὅπως ἐπηνώρθωσεν (uel ἐπέκοψεν) εἰδώς σιωπῶ Reiske, post ὁ lacunam Morel statuit, Χρῆστος ἐνουθέτει Kayser coniecit

²²⁸ Юлий Поллукс, осмеиваемый Лукианом в «Учителе красноречия», преподавал риторику Коммоду, которому посвятил «Ономастикон»; речи Поллукса не сохранились. Кастор у римлян остался Кастором, а другой Диоскур, Полидевк, стал Поллуксом – Филострат, разумеется, использует греческий вариант имени.

²²⁹ Так назван здесь «Ономастикон» (букв. «именник») – сохранившийся в сокращении систематический (в отличие от трудов Фриниха и Гесихия) справочник по греческой лексикологии, в основном компилирующий аналогичные сочинения Горгия, Эратосфена, Аристофана Византийского и др.

²³⁰ О критиках см. I. 25. 538 и прим.

хотя некие сладостные родники напояют и его речи. В разглаголе слог его таков: «Протей (593) Фарийский, диво Гомерово, многи и многовидны обличья его, ибо вьется волной, полыхает огнем, свирепствует львом, устремляется вепрем, ползет змием, прядает пардом, а возросши древом, зеленеет листвою»²³¹. А образец показательной речи²³² возьмем из «островитян, продающих чад своих ради уплаты податей», ибо сию гипотезу предпочитают у него как наилучшую, а завершается она так: «Сын, обитающий на материке, пишет из Вавилона²³³ обитающему на острове отцу: я теперь в рабах у царя, а подарен ему сатрапом, но ни мидийского коня не седлаю, ни персидского лука в руках не держу, да и вообще не хожу на войну ниже на охоту, как подобает мужчине, а сию на женской половине дворца, угождаю царским наложницам, царь же не гневается, понеже я евнух. У наложниц я в чести за занимательные мои рассказы об эллинском море и об эллинских дивах: какие у элейцев великие празднества²³⁴ и какие у дельфийцев пророчества, и каков алтарь Жалости в Афинах²³⁵. И ты мне, батюшка, отпиши, когда у лакедемонян Гиакинфии, а у коринфян Истмийские игры, а у дельфийцев Пифийские²³⁶, и побеждают ли афиняне на море.

²³¹ Ср. Hom. Od. IV. 417–418: «Разные виды начнет принимать и являться вам станет / всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим» – и 456–458: «Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился; / после предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим, / быстротекучей водою и деревом густовершинным...»

²³² В разглаголе (διάλεξις) софист говорил от своего лица, а в показательной речи обычно имитировал чужую речевую манеру, здесь по-детски наивную.

²³³ Из контекста следует, что в гипотезе описывается время морских

ἥκιστα μὲν γὰρ πίπτει, ἥκιστα δὲ αἵρεται, πλὴν ἄλλ' εἰσὶ
 τινες ἡδονῶν λιβάδες διακεκραμέναι τοῦ λόγου. ἰδέα (593)
 δὲ αὐτοῦ διαλεγομένου μὲν ἦδε· “ὁ Πρωτεὺς ὁ Φάριος τὸ
 θαῦμα τὸ Ὀμηρικὸν πολλὰ μὲν αὐτοῦ καὶ πολυειδεῖς αἰ
 μορφαί, καὶ γὰρ ἐς ὕδωρ αἵρεται καὶ ἐς πῦρ ἄπτεται καὶ ἐς
 λέοντα θυμοῦται καὶ ἐς σὺν ὀρμᾷ καὶ ἐς δράκοντα χωρεῖ καὶ ἐς
 πάρδαλιν ἄττει¹ καὶ δένδρον ἦν γένηται, κομᾷ.” μελετῶντος
 δὲ αὐτοῦ χαρακτῆρα ποιῶμεθα τοὺς νησιώτας τοὺς τὰ
 γένη πιπράσκοντας ἐς τὴν ἀπαγωγὴν τῶν φόρων, ἐπειδὴ
 βούλονται καὶ ἄριστα εἰρῆσθαι τήνδε τὴν ὑπόθεσιν, ἥς τὸ ἐπὶ
 πᾶσιν ὧδε εἴρηται· “παῖς ἡπειρώτης ἀπὸ Βαβυλῶνος πατρὶ
 νησιώτῃ γράφει· δουλεύω βασιλεῖ δῶρον ἐκ σατράπου
 δοθεῖς, οὔτε δὲ ἵππον ἀναβαίνω Μηδικὸν οὔτε τόξον
 λαμβάνω Περσικόν, ἀλλ' οὐδὲ ἐπὶ πόλεμον ἢ θήραν, ὥς ἀνὴρ,
 ἐξέρχομαι, ἐν γυναικωνίτιδι δὲ κάθημαι καὶ τὰς βασιλέως
 θεραπεύω παλλακάς, καὶ βασιλεὺς οὐκ ὀργίζεται, εὐνοῦχος
 γάρ εἰμι. εὐδοκιμῶ δὲ παρ' αὐταῖς θάλατταν Ἑλληνικὴν
 διηγούμενος καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων μυθολογῶν καλὰ, πῶς
 Ἥλεῖοι πανηγυρίζουσι, πῶς Δελφοὶ θεσπίζουσι, τίς ὁ παρ'
 Ἀθηναίοις Ἑλέου βωμός. ἀλλὰ καὶ σύ, πάτερ, μοι γράφε,
 πότε παρὰ Λακεδαιμονίοις Ὑακίνθια καὶ παρὰ Κορινθίοις
 Ἰσθμια καὶ παρὰ Δελφοῖς Πύθια καὶ εἰ νικῶσιν Ἀθηναῖοι

¹ πηδᾷ Kayser

успехов афинян, вероятнее всего, в эпоху усиления Афинского морского союза, но так или иначе в V в. до н.э. — хотя часть населенных греками островов и тогда оставалась под властью персов, сохранявших значительное могущество; ко времени Филострата Вавилон давно запустел.

²³⁴ Олимпийские игры, справлявшиеся каждые четыре года в Элиде.

²³⁵ Этот алтарь находился на майдане (Paus. I. 17. 1).

²³⁶ Сосчитать, когда какие Игры, можно, только помня год, когда были предыдущие, потому мальчик и нуждается в помощи.

Будь здоров и привет от меня братцу, коли еще не продан». По вышеприведенному беспристрастные слушатели могут судить, каков слог сего мужа, беспристрастными же я зову тех, кто не благожелателен, но и не зложелателен. Говорили, что всё это произносил он медоточивым голосом, коим очаровал кесаря Коммода, так обрета от него главенство над афинскими софистами²³⁷. Дожил он до пятидесяти восьми лет, скончался же при сыне, хоть и законном, но неученом²³⁸.

13. Кесария, что в Каппадокии, по соседству с горой Аргеем, – отечество софиста *Павсания*²³⁹. Сей (594) Павсаний был обучен Геродом и состоял одним из членов Клепсидриона, коих многие именовали «жаждущими»²⁴⁰. Хоть нередко обнаруживал он в речах свойственные Героду достоинства, наипаче же умение говорить без подготовки, выговор его был груб, как то присуще каппадокийцам²⁴¹: согласные у него сталкивались²⁴², долгие гласные он укорачивал, краткие удлинял – оттого-то и прозывали его многие поваром, дурно приправляющим изысканные кушанья. Речи его были плосковаты, однако же, сколько можно заключить по имеющимся записям, выказывали силу и не искажали древнего слога. Многие из них сложены в Риме, где он провел последние годы жизни и скончался уже в преклонных летах, быв там главою софистов, каковую должность

²³⁷ Существует предположение, что за афинскую кафедру Поллукс конкурировал с Фринихом (Naechster 1908: 35–36) – тоже лексикографом, но более ортодоксальным аттикистом, чем Поллукс.

²³⁸ Было бы странно, если бы ученый сын ученого отца не дал собственному сыну никакого образования; вероятнее, что Полидевк, сын грамматика, произносивший речи благодаря «лихости», не считал нужным послать сына к софисту, а для Филострата ученость без ученья у софиста немыслима.

²³⁹ Павсаний (тезка автора «Описания Эллады») нередко отождествляется с автором сохранившегося лишь во фрагментах «Аттического

ναυμαχοῦντες. ἔρρωσο καὶ τὸν ἀδελφόν μοι προσαγόρευσον, εἰ μήπω πέπραται.” ταῦτα μὲν δὴ ὅποια τοῦ ἀνδρὸς τούτου σκοπεῖν ἔξεστι τοῖς ἀδεκάστως ἀκροωμένοις. ἀδεκάστους δὲ ἀκροατὰς καλῶ τοὺς μήτε εὖνους μήτε δύσνους. ἐλέγετο δὲ ταῦτα καὶ μελιχρᾶ τῇ φωνῇ ἀπαγγέλλειν, ἥ καὶ βασιλέα Κόμμοδον θέλξας τὸν Ἀθήνησι θρόνον παρ’ αὐτοῦ εὗρετο. ἐβίω μὲν οὖν ἐς ὀκτῶ καὶ πεντήκοντα ἔτη, ἐτελεύτα δὲ ἐπὶ παιδὶ γνησίῳ μὲν, ἀπαιδεύτῳ δέ.

ιγ'. (594) Καισάρεια δὲ ἡ Καππαδοκῶν ὄρει Ἀργαίῳ πρόσοικος Πausανίου τοῦ σοφιστοῦ οἶκος. ὁ δὲ Πausανίας ἐπαιδεύθη μὲν ὑπὸ Ἡρώδου καὶ τῶν τοῦ Κλεψυδρίου μετεχόντων εἰς ἐγένετο, οὓς ἐκάλουν οἱ πολλοὶ διψῶντας, ἐς πολλὰ δὲ ἀναφέρων τῶν Ἡρώδου πλεονεκτημάτων καὶ μάλιστα τὸ αὐτοσχεδιάζειν ἀπήγγελλε δὲ αὐτὰ παχεῖα τῇ γλώττῃ καὶ ὡς Καππαδόκαις ξύνηθες, ξυγκρούων μὲν τὰ σύμφωνα τῶν στοιχείων, συστέλλων δὲ τὰ μηκυνόμενα καὶ μηκύνων τὰ βραχέα, ὅθεν ἐκάλουν αὐτὸν οἱ πολλοὶ μάγειρον πολυτελῆ ὅψα πονήρως ἀρτύοντα. ἡ δὲ ἰδέα τῆς μελέτης ὑπιωτέρα, ἔρρωται δὲ ὅμως καὶ οὐχ ἀμαρτάνει τοῦ ἀρχαίου, ὡς ὑπάρχει ταῖς μελέταις ξυμβαλεῖν, πολλαὶ γὰρ τοῦ Πausανίου κατὰ τὴν Ῥώμην, οἱ δὴ καὶ καταβιοῦς ἀπέθανε γηράσκων ἤδη, τοῦ θρόνου μετέχων, [καὶ] μετεῖχε δὲ καὶ τοῦ Ἀθήνησιν, ὅτε δὴ καὶ

лексикона» (Ἀττικῶν ὀνομάτων συναγωγῇ); в Суде (Sud. П 819) названо еще два его сочинения, тоже не сохранившиеся.

²⁴⁰ То есть «жаждущими знаний» (ср. VA IV. 24).

²⁴¹ Псевдо-Лукиан (Anth. XI. 436) утверждает, что легче найти белых воронов и летающих черепах, чем славного красноречием каппадокийца; ср. VA I. 7.

²⁴² По-видимому, имеется в виду, что Павсаний грешил неблагозвучными сочетаниями согласного в исходе слова с двумя в начале следующего, хотя хороший стиль этого избегать.

отправлял прежде и в Афинах²⁴³; кстати, уезжая оттуда, он под конец обращенной к афинянам речи весьма уместно припамятовал из Еврипида: «Тесей, на град позволь прощальный кинуть взгляд!»²⁴⁴.

14. Софист *Афинодор* по происхождению был знатнейший из граждан Эна, а по учителям и по образованию славнейший из эллинов: Аристокла он слушал еще юношей, а Хреста – уже поднабравшись ума, и так, позаимствовав от обоих, съединял аттический слог с округлостью изложения. Преподававши в Афинах в ту же пору, что и Полидевк, он в своих разглаголах высмеивал его за ребячество, (595) говоря «Танталовы сады»²⁴⁵, и так, полагая, уподобляя легковесность и поверхностность речей его примерещившимся видениям, кои сразу существуют и не существуют. Нравом он был суров, скончался же в молодых летах, лишенный судьбою возможности снискать еще большую славу.

15. Славным в софистах слыл и *Птолемей* Навкратийский²⁴⁶, быв причислен к кормящимся при навкратийском храме²⁴⁷, чего удостоены немногие навкратийцы, а также быв учеником Герода, хотя подражателем одного не стал, но более прилежал Полемону, переняв от него гладкость и одушевленность слога, а равно и округлость изложения, да сверх того, говорят, умение с несказанной легкостью выступать без подготовки. Участвовал он и в судебных разбирательствах, и в самих судоговорениях,

²⁴³ При всем престиже афинской кафедры главной в Империи была, разумеется, римская, так что карьера Павсания (как и карьера Адриана) – самая блистательная из возможных, каппадокийский акцент ему не помешал.

²⁴⁴ Измененная цитата из Еврипида (Eur. Herc. Fur. 1406): «Тесей, на чад позволь прощальный кинуть взгляд!»

²⁴⁵ Ср. I. 20. 513 и прим.

ἀπιὼν ἐκεῖθεν ἐπὶ πᾶσιν, οἷς πρὸς τοὺς Ἀθηναίους διεξῆλθε, καιριώτατα τὸ τοῦ Εὐριπίδου ἐπεφθέγγατο

“Θησεῦ, πάλιν με στρέψον, ὥς ἴδω πόλιν.”

ιδ'. Ἀθηνόδωρος δὲ ὁ σοφιστὴς τὸ μὲν ἐς πατέρα^ι ἦκον ἐπιφανέστατος ἦν τῶν κατὰ τὴν Αἴνον, τὸ δὲ ἐς διδασκάλους καὶ παιδευσιν φανερώτατος τοῦ Ἑλληνικοῦ. Ἀριστοκλέους μὲν γὰρ ἤκουσε παῖς ἔτι, Χρήστου δὲ ἤδη ξυνιείς, ὅθεν ἀπ' ἀμφοῖν ἐκράθη τὴν γλῶτταν ἀττικίζων τε καὶ περιβολῆς ἐρμηνεύων. παιδεύων δὲ Ἀθήνῃσι κατὰ τοὺς χρόνους, οὓς καὶ Πολυδεύκης ἐπαιδευσεν, ἐπέσκωπτεν αὐτὸν ταῖς διαλέξεσιν ὥς μειρακιώδη (595) λέγων “οἱ Ταντάλου κῆποι” δοκεῖν ἐμοὶ τὸ κοῦφον τοῦ λόγου καὶ ἐπιπόλαιον φαντασίᾳ προσεικάζων οὔση τε καὶ οὐκ οὔση. ἐμβριθὴς δὲ καὶ τὸ ἦθος γενόμενος ἐτελεύτα ἡβῶν ἔτι ἀφαιρεθεὶς ὑπὸ τῆς τύχης τὸ καὶ πρόσω ἐλάσαι δόξης.

ιε'. Λαμπρὸν ἐν σοφισταῖς καὶ Πτολεμαῖος ὁ Ναυκρατίτης ἤχησεν. ἦν μὲν γὰρ τῶν μετεχόντων τοῦ ἱεροῦ τοῦ περὶ Ναύκρατιν ὀλίγοις Ναυκρατιτῶν ὑπάρχον, Ἡρώδου δὲ ἀκροατὴς μὲν, οὐ μὴν ζηλωτὴς ἐγένετο, ἀλλ' ἐς τὸν Πολέμωνα μᾶλλον ὑπηνέχθη, τὸν γὰρ ῥοῖζον τοῦ λόγου καὶ τὸ πνεῦμα καὶ τὸ ἐκ περιβολῆς φράζειν ἐκ τῆς Πολέμωνος σκηνῆς ἐσηγάγετο, λέγεται δὲ καὶ αὐτοσχεδιάσαι σὺν εὐροίᾳ ἀμηχάνῳ. δικῶν τε καὶ δικαστηρίων παρέτραγε μὲν, οὐ μὴν, ὥς ὄνομα

^ι πατέρας Cobet; πατέρα mss.

²⁴⁶ Из других источников об этом софисте ничего не известно; он «состязался в мудрости» с Гераклидом Ликийским (об исходе состязания Филострат не сообщает) и отпускал в его адрес язвительные шутки – см. II. 26. 613–614.

²⁴⁷ При многих храмах были пиршественные залы, в частности, для почетных гостей.

однако не столько, чтобы и тут сделать себе имя. Прозвище его было «Марафон», а причиною одни называют то, что в Афинах он был приписан к Марафонскому округу²⁴⁸, другие же, как я слышал, — что в аттических гипотезах он через слово поминал сражавшихся в первых рядах при Марафоне²⁴⁹.

Иные винят Птолемея, что он, мол, не продумывал свои гипотезы, последовательны они или нет, и приводят доказательством сему обвинению «фиванцы вменяют в вину мессенянам (596) неблагодарность, ибо те не приняли их беженцев, когда Александр взял Фивы»²⁵⁰. На эту-то гипотезу, излагавшуюся им столь блистательно и искусно, сколь сие вообще возможно, они и клеветают, что ежели, мол, суд при жизни Александра, у кого достанет смелости объявить мессенян виновными? а ежели после его смерти, у кого достанет снисходительности вынести оправдательный приговор? Воистину, не разумеют сии злоречащие, что оправдание мессенян есть извинение, в коем прикрываются они Александром и своим пред ним страхом, прочим эллинам тоже не неведомым. Да будет сие моей защитой названного мужа, снимающей с него облыжное и несправедливое обвинение, ибо всех софистов превосходил он благолепием словес, так что, посетив множество племен и говорив во множестве городов, нигде ни имени своего не опорочил, ни слушателей не разочаровал, но разъезжал по столицам словно на блистательной колеснице славы своей. Умер он стариком, в Египте; головное истечение²⁵¹ хоть и не лишило его зрения, но весьма ухудшило оное.

²⁴⁸ Из этого следует, что у Птолемея было афинское гражданство, которое он, по всей видимости, получил за учительские заслуги.

²⁴⁹ В исторической памяти греков и затем европейцев Марафонская битва — главный образец воинской и гражданской доблести, так что марафонские бойцы были почти в одном ряду с мифическими героями; ср. особ. Dem. XVIII. 208, откуда Филострат (или Птолемей, если здесь скрытая цитата) заимствует выражение οἱ Μαραθῶνι προκίδυνεύσαντες.

έντεῦθεν ἄρασθαι. Μαραθῶνα δὲ αὐτὸν ἐπωνόμαζον, ὥς μὲν τινες, ἐπειδὴ τῷ Μαραθῶνι δῆμῳ ἐνεγράφη Ἀθήνησιν, ὥς δὲ ἐνίων ἤκουον, ἐπειδὴ ἐν ταῖς Ἀττικαῖς τῶν ὑποθέσεων τῶν Μαραθῶνι προκινδυνευσάντων θαμὰ ἐμνημόνευεν.

Κατηγοροῦσι δὲ τοῦ Πτολεμαίου τινὲς ὥς μὴ διορῶντος τὰς ὑποθέσεις, μηδὲ ὅπη ξυνεστᾶσί τε καὶ μὴ, τεκμήριον τόδε τιθέμενοι τῆς κατηγορίας ταύτης· τοὺς Μεσσηνίους οἱ Θηβαῖοι γράφονται τὴν τῶν ἀχαριστησάντων, ἐπεὶ τοὺς (596) φεύγοντας αὐτῶν μὴ ἐδέξαντο, ὅτε καὶ αἱ Θῆβαι ὑπὸ Ἀλεξάνδρου ἤλωσαν. ταύτην γὰρ ἐπιφανῶς αὐτῷ εἰρημένην τὴν ὑπόθεσιν καὶ σοφῶς, ὥς οἶόν τε, συκοφαντοῦσι λέγοντες, ὥς εἰ μὲν ζώντος Ἀλεξάνδρου κρίνονται, τίς οὕτω θρασύς, ὥς καταψηφίσασθαι Μεσσηνίων; εἰ δὲ τεθνεώτος, τίς οὕτω πρᾶος, ὥς ἀπογνῶναι τὴν αἰτίαν; οὐ γὰρ ξυνηῶσιν οἱ ταῦτα διαβάλλοντες, ὅτι ἡ τῶν Μεσσηνίων ἀπολογία κατὰ συγγνώμην ἴσταται τὸν Ἀλέξανδρον προισχομένων καὶ τὸν ἐκείνου φόβον, οὐ μὴδὲ ἡ ἄλλη Ἑλλὰς ἀπείρως εἶχεν. ταῦτά μοι ἀπολελογήσθω ὑπὲρ τοῦ ἀνδρὸς παραιτουμένῳ αὐτὸν ἀδίκου καὶ πεπανουργημένης αἰτίας· καὶ γὰρ δὴ καὶ εὐφημότατος σοφιστῶν οὗτος. πλεῖστα δὲ ἐπελθὼν ἔθνη καὶ πλείσταις ἐνομιλήσας πόλεσιν οὐδαμοῦ διέβαλε τὸ ἑαυτοῦ κλέος, οὐδὲ ἡττων ἢ προσεδοκίηθη ἔδοξεν, ἀλλ' ὥσπερ ἐπὶ λαμπροῦ ὀχήματος τῆς φήμης πορευόμενος διήει τὰ ἄσθη. ἐτελεύτα δὲ γηραιὸς ἐν Αἰγύπτῳ τοὺς ὀφθαλμοὺς οὐκ ἀφαιρεθεὶς μὲν ὑπὸ τοῦ τῆς κεφαλῆς ῥεύματος, ἐπικοπεῖς δέ.

²⁵⁰ Фивы были разорены Александром в 335 до н.э. после неудачного восстания; возможно, здесь имеется в виду, что мессеняне должны быть благодарны фиванцам за восстановление Мессены Эпаминондом в 369 до н.э. (Diod. XV. 66); гипотеза упомянута также в RhG IV. 249–250; ср. RhG VIII. 239.

²⁵¹ Вероятно, Филострат упоминает здесь диагноз, который слышал от рассказчика и который основан на учении Гиппократа о семи болезнетворных «истечениях из головы» (ῥόοι ἀπὸ τῆς κεφαλῆς: Hippocr.

16. *Еводиан* Смирнский²⁵² род свой вел от софиста Никета и на родине вознесся до почестей жреческих и воеводы латников²⁵³, подвигами же красноречия – до римского престола и главенства над всеми софистами. Приставленный надзирать над ремесленниками Диониса – племя же сие своевольно и трудно найти на него управу²⁵⁴ – проявил он себя безупречным и весьма умелым начальником. А когда умер у него в Риме сын, он не причитал и не жаловался, но лишь трижды воскликнул при погребении (597) «Дитятко!»; когда же сам умирал в Риме, а все близкие его были рядом и держали совет о теле, то ли здесь хоронить, то ли бальзамировать и везти в Смирну, он воскликнул: «В одиночестве сына не брошу!», тем самым ясно распорядившись похоронить себя вместе с чадом. Быв учеником Аристотеля, сочинял он по большей части хвалебные речи, словно бы подслащивая терпкость сладостной влагой²⁵⁵; а кое-кто говорит, что он и у Полемона учился.

Лос. Ном. 10): три из них – через ноздри, через уши и через глаза – заметны при осмотре; из остальных четырех для зрения вредна водянка, от которой сохнут ноздри и глаза, но такая водянка (гидроцефалия) возникает в детстве, а Птолемей до старости был здоров. Остается полагать, что в старости у него сделался дефект носовой перегородки и/или слезного мешка – в обоих случаях больной страдает от слезотечения и сопутствующего раздражения в глазах, а потому видит хуже, хотя, разумеется, видит (в новое время оба дефекта доступны оперативному исправлению).

²⁵² Об этом софисте ничего больше не известно.

²⁵³ То есть гоппитарха; эту должность занимали также Лоллиан (см. I. 23. 526 и прим.) и Аполлоний Афинский (II. 20. 600), а позднее и сам Филострат.

ις'. Εὐοδιανὸν δὲ τὸν Σμυρναῖον τὸ μὲν γένος ἐς Νικήτην τὸν σοφιστὴν ἀνῆγεν, αἱ δὲ οἴκοι τιμαὶ ἐς τοὺς ἀρχιερέας τε καὶ στεφανουμένους τὴν ἐπὶ τῶν ὄπλων, τὰ δὲ τῆς φωνῆς ἄθλα ἐς τὴν Ῥώμην καὶ τὸν ἐκείνη θρόνον. ἐπιταχθεὶς δὲ καὶ τοῖς ἀμφὶ τὸν Διόνυσον τεχνίταις, τὸ δὲ ἔθνος τοῦτο ἀγέρωχοι καὶ χαλεποὶ ἀρχθῆναι, ἐπιτηδειότατος τὴν ἀρχὴν ἔδοξε καὶ κρείττων ἢ λαβεῖν αἰτίαν. υἱοῦ δὲ αὐτῷ τελευτήσαντος ἐν τῇ Ῥώμῃ οὐδὲν θῆλυ οὐδὲ ἀγεννὲς ἀνεφθέγξατο, ἀλλ' "ὦ τέκνον" τρὶς ἀνακαλέσας ἔθαψεν. (597) ἀποθνήσκοντι δὲ αὐτῷ κατὰ τὴν Ῥώμην παρῆσαν μὲν οἱ ἐπιτήδαιοι πάντες, βουλὴν δὲ αὐτῶν ποιουμένων ὑπὲρ τοῦ σώματος, εἴτε χρὴ καταθάπτειν αὐτόθι, εἴτε ταριχεύσαντας πορθμεύειν ἐς τὴν Σμύρναν ἀναβοήσας ὁ Εὐοδιανὸς "οὐ καταλείπω" ἔφη "τὸν υἱὸν μόνον." ὧδε μὲν δὴ σαφῶς¹ ἐπέσκηψε τὸ τῷ παιδί ξυνταφῆναι. ἀκροατὴς δὲ Ἀριστοκλέους γενόμενος πανηγυρικῆς ιδέας ἤψατο ἐν στρυφνῷ κρατῆρι συγκεράσας οἶον νᾶμα πότιμον. εἰσὶ δὲ οἱ φασὶ καὶ Πολέμωνος ἠκροᾶσθαι αὐτόν.

¹ σαφῶς Reiske et Cobet; σοφῶς mss.

²⁵⁴ Речь идет о профессиональном объединении сценических актеров и музыкантов; ср. II. 8. 580 и прим.; об их нравах см. также Arist. Probl. 956 b; Gell. XX. 4.

²⁵⁵ Прилагательное στρυφνός («терпкий») иногда употребляется применительно к стилю; ср. отзыв Дионисия Галикарнасского о слоге Фукидида, который «не имеет гладкого и тщательно отточенного построения, лишен красотей... но обнаруживает большую резкость, суровость и терпкость, нимало не соприкасаясь с изяществом хвалебных и показных речей...» (Dion. Hal. Comp. 22); восходящее к Платону (Plat. Phaedr. 235 C–D, 243 D; Tim. 75 E) сравнение речи со «сладостной влагой» было ходовым, и намек на него у Филострата встречается не раз (I. 8. 491, II. 27. 620) – в данном случае образ можно понимать так, что «терпкий» слог Еводиана адаптируется по необходимости «сладостному» панегирику, словно разбавляемое подслащенной водой вино.

17. О софисте *Руфе* Перинфском²⁵⁶ надобно судить не по имению его и не по многим в роду его гипатам, и не по славному предводительству на Панэллинских играх в Афинах, ибо ежели сказать о нем и поболее подобного, ничто не удостоится сравнения с мудростью его – пусть же явится чрез слог свой и искусность замышления, кои употреблял более всего для притворных ипотез. Сей род его речей вызывал особенное восхищение как из-за трудности изложения, ибо в притворных ипотезах надобно придерживать произносимое и подхлестывать умалчиваемое, так и, полагаю, из-за природных его качеств, ибо при нраве открытом и бесхитростном умел он искусно прикинуться даже и таковым, каковым по природе своей не был. Хотя был он первейший богач (598) Геллеспонта и Пропонтиды, а речи его без подготовки пользовались славою и в Афинах, и в Ионии, и в Италии, нигде не навлек он на себя ненависти какого-либо города или мужа, но стяжал прибыль от собственной кротости. Еще о нем говорят, что, подобно ристателям, укреплял он тело упражнениями, а также неизменной умеренностью в пище. Отроком учился он у Герода, а в первой юности перешел к Аристоклу, от коего удостоился многих почестей, но ученьем у Герода гордился больше, называя его господином, устами эллинов, владыкою словес и прочими подобными именами. Умер он дома шестидесяти одного года и при детях, о коих не имею сказать ничего примечательного, кроме того, что они были его дети.

18. Софист *Ономарх* Андросский²⁵⁷ не вызывал восхищения ниже порицания: учил он в те же годы, что и Адриан с Хрестом в Афинах, но, живши по соседству с Азией, точно глазную

²⁵⁶ О жизни этого софиста ничего больше не известно, зато сохранился составленный им небольшой учебник риторики (RhG III. 447–460).

ιζ'. Ροῦφον δὲ τὸν ἐκ τῆς Περίνθου σοφιστὴν μὴ ἀπὸ τῆς οὐσίας, μηδὲ εἰ πολλοὶ ὕπατοι τὸ ἐκείνου γένος, μηδὲ εἰ τὴν τῶν Πανελληνίων Ἀθήνησιν εὐκλεῶς ἦρξεν, ταυτὶ γὰρ εἰ καὶ πλείω λέγοιτο, οὐπω τῇ σοφίᾳ τοῦ ἀνδρὸς παραβεβλήσθαι ἄξια, ἀλλ' ἡ γλῶττα δηλούτω αὐτὸν καὶ ἡ ξύνεσις, ἥ περὶ τὰς ἐσχηματισμένας μάλιστα τῶν ὑποθέσεων ἐχρήσατο. τὴν δὲ ιδέαν ταύτην ἐθαυμάσθη πρῶτον μὲν, ὅτι χαλεπὴ ἐρμηνεῦσαι, δεῖ γὰρ ἐν ταῖς κατὰ σχῆμα ξυγκειμέναις τῶν ὑποθέσεων τοῖς μὲν λεγομένοις ἡνίας, τοῖς δὲ σιωπωμένοις κέντρου, ἔπειτα, οἶμαι, καὶ διὰ τὴν ἑαυτοῦ φύσιν, ἐκκειμένως γὰρ τοῦ ἥθους καὶ ἀπανούργως ἔχων ὑπεκρίνετο εὖ, καὶ ἃ μὴ ἐπεφύκει. πλουσιώτατος δὲ τῶν κατὰ τὸν (598) Ἑλλησποντον καὶ Προποντίδα γενόμενος καὶ δόξης αὐτῷ ἐπὶ τῷ σχεδιάζειν πολλῆς μὲν ὑπαρχούσης Ἀθήνησι, πολλῆς δὲ ἐν Ἰωνίᾳ τε καὶ Ἰταλίᾳ, οὐδαμοῦ κατέστησεν ἑαυτὸν ἐς ἀπέχθειαν ἢ πόλεως ἢ ἀνδρός, ἀλλὰ πραότητος ἦν χρηματιστής. ἐλέγετο δὲ καὶ γυμναστικῇ κρατύνειν τὸ σῶμα ἀναγκοφαγῶν ἀεὶ καὶ διαπονῶν αὐτὸ παραπλησίως τοῖς ἀγωνιζομένοις. ἀκροατὴς δὲ Ἡρώδου μὲν ἐν παισίν, Ἀριστοκλέους δὲ ἐν μειρακίοις γενόμενος καὶ μεγάλων ὑπ' αὐτοῦ ἀξιώθεις ἐλαμπρύνετο τῷ Ἡρώδῃ μᾶλλον δεσπότην τε αὐτὸν καλῶν καὶ Ἑλλήνων γλῶτταν καὶ λόγων βασιλέα καὶ πολλὰ τοιαῦτα. ἐτελεύτα δὲ οἴκοι ἐν καὶ ἐξήκοντα ἔτη γενόμενος καὶ ἐπὶ παισίν, ὑπὲρ ὧν γε μέγα οὐδὲν ἔχω εἰπεῖν, πλήν γε δὴ ὅτι ἀπ' ἐκείνου.

ιη'. Ὀνόμαρχος δὲ ὁ ἐκ τῆς Ἀνδρου σοφιστὴς οὐκ ἐθαυμάζετο μὲν, οὐ μεμπτὸς δὲ ἐφαίνετο. ἐπαίδευσεν μὲν γὰρ κατὰ χρόνους, οὓς Ἀδριανὸς τε καὶ Χρῆστος Ἀθήνησι, πρόσοικος δὲ ὧν τῆς Ἀσίας τῆς Ἰωνικῆς ιδέας οἶον ὀφθαλμίας

²⁵⁷ Об этом софисте ничего больше не известно.

заразу подцепил ионический слог, более всего упражняемый в Эфесе²⁵⁸, а посему кое-кто мнит, будто не слушал он Герода, и так его оговаривает; однако же, хотя по вышеназванной причине и попортил он себе изложение, изъяснение одной мысли на разные лады у него от Герода – несказанно сладостное, как можно видеть по «влюбленному в изображение»²⁵⁹, если только не покажусь легкомыслен²⁶⁰. А говорится там так: «О вдохновенная краса бездушного тела, каким из божеств ты сотворена? неужто некой Пейто или Харитой, или самим (599) Эротом, отцом красоты? Воистину, всё преизобилует в тебе: черт соразмерность, плоти цветение, взора живость, улыбки приятность, ланит румянец! Ты будто внемлешь мне, и слово готово с уст сорваться – вот-вот заговоришь, а мне при сем не быть! О жестокосердый мучитель, безверный вере влюбленного, ни словечка ты мне не сказал, и за то закляну тебя страшнейшим для всех красавцев заклятием: уступишь старости и ты!» Скончался же он, одни говорят, что в Афинах, а другие – что дома, наполовину седой и уже вступивши в старость; видом же отроду был мужиковат, а неопрятностью навроде Марка Византийского.

19. *Аполлоний* Навкратийский в преподавании был соперник Гераклиду, занимавшему в ту пору афинский престол, сам же прилагал усердие к гражданскому красноречию, отличному сдержанностью, зато для соревнования не слишком пригодному, ибо маловато в нем округлости и задора²⁶¹. В любовных де-

²⁵⁸ Об ионийском красноречии см. прим. к I. 19. 511; первоначально центром его была Смирна, а учивший в Эфесе Исей, напротив, поощрял аттицизм, однако со временем ситуация изменилась.

²⁵⁹ О влюбленном в статую ср. VA VI. 4.

²⁶⁰ Вероятно, имеется в виду, что речь на эротическую тему по сути своей легкомысленна.

²⁶¹ Успех совещательных и судебных («гражданских») речей определялся голосованием, так что от них требовалась вынтность и сдер-

ἔσπασε, σπουδαζομένης μάλιστα τῇ Ἐφέσῳ, ὅθεν ἐδόκει τισὶν οὐδ' ἠκροᾶσθαι Ἡρώδου καταψευδομένοις τοῦ ἀνδρός· τὸ μὲν γὰρ τῆς ἐρμηνείας παρέφθορεν ἔσθ' ὅπη δι' ἦν εἴρηκα αἰτίαν, αἱ δὲ ἐπιβολαὶ τῶν νοημάτων Ἡρώδειοί τε καὶ ἀπορρήτως γλυκεῖαι. ἔξεστι δὲ αὐτὸν θεωρεῖν ἐπὶ τοῦ τῆς εἰκόνης ἐρῶντος, εἰ μὴ μειρακιεύεσθαι δόξω. εἴρηται δὲ ὧδε· “ὦ κάλλος ἔμψυχον ἐν ἀψύχῳ σώματι, τίς ἄρα σε δαιμόνων ἐδημιούργησεν; (599) πειθῷ τις ἢ χάρις ἢ αὐτὸς ὁ Ἔρως, ὁ τοῦ κάλλους πατήρ; ὥς πάντα σοι πρόσεστιν ἐν ἀληθείᾳ προσώπου στάσις χροᾶς ἄνθος βλέμματος κέντρον μειδίαμα κεχαρισμένον παρειῶν ἔρευθος ἀκοῆς ἵχνος. ἔχεις δὲ καὶ φωνὴν μέλλουσαν ἀεὶ. τάχα τι καὶ λαλεῖς, ἀλλ' ἐμοῦ μὴ παρόντος, ἀνέραςτε καὶ βάσκανε, πρὸς πιστὸν ἐραστὴν ἄπιστε. οὐδενός μοι μετέδωκας ῥήματος· τοιγαροῦν τὴν φρικωδεστάτην ἅπασιν ἀεὶ τοῖς καλοῖς ἀρὰν ἐπὶ σοὶ θήσομαι· εὖχομαί σοι γηρᾶσαι.” τελευτῆσαι δὲ αὐτὸν οἱ μὲν Ἀθήνησι, οἱ δὲ οἴκοι, μεσαιπόλιόν τε καὶ παριόντα ἐς γῆρας, γενέσθαι δὲ ἀγροικότερον τὸ εἶδος καὶ κατὰ τὸν Μάρκου τοῦ Βυζαντίου αὐχμόν.

ιβ'. Ἀπολλώνιος δὲ ὁ Ναυκρατίτης Ἡρακλείδῃ μὲν ἐναντία ἐπαίδευσε τὸν Ἀθήνησι θρόνον κατειληφότεν, λόγου δὲ ἐπεμελήθη πολιτικοῦ καὶ εὖ κεκολασμένου, ἦττον δὲ ἀγωνιζομένου, περιβολὴ γὰρ ἄπεστιν αὐτοῦ καὶ πνεῦμα. ὄντι δὲ αὐτῷ κακῷ τὰ ἐρωτικά γίνεταί παῖς ἐξ ἀδίκων

жанность – в отличие от речей показательных, рассчитанных лишь на впечатление и потому дававших простор артистизму; ср. выше I. 19. 511, где «слогу древнего гражданского красноречия» противопоставлен слог «вакхический», со «своеобычными и неожиданными оборотами»; также и в приписываемом Элию Аристиду учебнике риторики κόλασις («сдержанность») названа среди присущих гражданскому красноречию качеств (RhG IX. 341).

лах неразборчивый, родил он вне брака сына именем Руфин, который занялся вслед отцу софистикой, но ничего путного ниже своего обычного не произвел, а только подобранные у отца клочки да мыслишки; когда же один умный человек поставил ему сие в вину, Руфин отвечал: «Законы дозволяют детям пускать в дело отцовское добро», а тот: «Дозволяют, да только законным!» Кое-кто порицает Аполлония, зачем отправился в Македонию преподавать за плату в семействе, которое и порядочным-то не назовешь, но не стоит корить его подобным, (600) коль скоро даже среди древних мудрецов найдутся, пожалуй, иные, кому ради денег случалось совершать многое недостойное²⁶², меж тем как Аполлоний уж точно не из их числа, ибо и состоянием своим делился с нуждавшимися эллинами, и торговаться с ним о плате за уроки было нетрудно. Умер он в Афинах семидесяти лет от роду, и саваном²⁶³ ему была приязнь всех афинян. Он был ученик софистов Адриана и Хреста, однако отличался от обоих настолько же, насколько вовсе у них не учившиеся; ипотезы свои он обдумывал в сторонке от людей²⁶⁴ и дольше обыкновенного.

20. Что же до Аполлония Афинского²⁶⁵, удостоился он от эллинов славы как умелый в судебных речах, да и в показательных не последний; учил же в Афинах одновременно с Геракли-

²⁶² Ряд примеров (самый известный – Платон) приведен в VA I. 35; упоминание Македонии порой наводит комментаторов (cf. Rothe 1989: 180, Civiletti 2002: 609) на мысль, что здесь имеется в виду в первую очередь Эсхин, но в перечне VA его нет, а в VS его отношения с Филиппом описаны без осуждения (I. 18. 507–508) – да и речь здесь не об агентах иноземного влияния, а о тех, кто ради денег готов учить кого попало.

²⁶³ Ср. I. 16. 502 и прим., а также II. 10. 590.

γάμων Ῥουφῖνος ὁ ἐπ' αὐτῷ σοφιστεύσας οὐδὲν γόνιμον, οὐδὲ ἐκ καρδίας, ἀλλὰ τῶν ἐκείνου κομματίων τε καὶ νοιδίων ἐχόμενος, ἐφ' ᾧ καὶ λαβὼν αἰτίαν ἐξ ἀνδρὸς σοφοῦ “οἱ νόμοι” ἔφη “διδόασί μοι χρῆσθαι τοῖς πατρώοις,” καὶ ὃς “διδόασι μὲν”, εἶπεν “ἀλλὰ τοῖς κατὰ νόμους γεγονόσι”. καθάπτονται δὲ αὐτοῦ τινες καὶ τὸ σταλῆναι ἐς Μακεδονίαν μισθωτὸν οἰκίας οὐδὲ εὖ πραττούσης. ἀλλ' ἀφείσθω τῶν τοιούτων· εὐροις (600) μὲν γὰρ ἂν καὶ τῶν πάλαι¹ σοφῶν ἐνίους πολλὰ καὶ ἀνελεύθερα ὑπὲρ χρημάτων πράξαντας, οὐ μὴν τόν γε Ἀπολλώνιον τοῦτον, κοινήν τε γὰρ παρέσχε τὴν οὐσίαν τῶν Ἑλλήνων τοῖς δεομένοις, καὶ οὐ βαρὺς ἦν ὑπὲρ μισθοῦ συμβῆναι.

ἐτελεύτα δὲ ἑβδομηκοντούτης Ἀθήνησιν ἔχων ἐντάφιον τὴν ἐξ ἀπάντων Ἀθηναίων εὐνοίαν. Ἀδριανοῦ μὲν καὶ Χρήστου τῶν σοφιστῶν ἀκροατῆς ἐγένετο, ἀμφοῖν δὲ ἀφέστηκεν, ὅσον οἱ μὴ ἀκούσαντες. ἐφεώρα δὲ τὰς ὑποθέσεις ὑπεξιὼν μὲν τοῦ κοινοῦ, καιρὸν δὲ πλείω τοῦ ζυμμέτρου.

κ'. Ὁ δὲ Ἀπολλώνιος ὁ Ἀθηναῖος ὀνόματος μὲν ἡξιώθη καθ' Ἑλληνας, ὡς ἱκανὸς τὰ δικανικὰ καὶ τὰ ἀμφὶ μελέτην οὐ μεμπτός, ἐπαίδευσε δὲ Ἀθήνησι καθ' Ἡρακλείδην τε καὶ τὸν ὁμώνυμον τοῦ πολιτικοῦ θρόνου προεστῶς ἐπὶ ταλάντῳ.

¹ πάλαι Valckenaer; πολὺ mss.

²⁶⁴ Эту же особенность Филострат отмечает у Скопелиана (I. 21. 519) и у Полемона (I. 25. 537).

²⁶⁵ Этот софист упоминается в стихотворной надписи IG II/III² 3811 (первая ее часть составлена при его жизни и от его лица, вторая – после его смерти) и в плохо сохранившейся надписи IG II/III² 3812.

²⁶⁶ Вероятно, имеется в виду кафедра делового (гражданского) красноречия, содержавшаяся на средства города, о чем свидетельствует и

дом и со своим тезкою, занимая за плату в один талант престол гражданского красноречия²⁶⁶. Не менее преуспевши в делах государственных, участвовал он в наиважнейших посольствах, а также занимал должности, кои афиняне почитают наиглавнейшими: бывал и эпонимом²⁶⁷, и воеводой латников²⁶⁸, и – уже под старость – гласящим царской Храмины²⁶⁹. (601) Благогласия таких иерофантов, как Гераклид, или Логим, или Главк, ему недоставало, однако же величавостью, и благолепием, и роскошью одежд превосходил он многих своих предшественников.

Будучи в Риме с посольством к кесарю Северу, затеял он состязаться в речах с софистом Гераклидом, после чего тот ушел без льгот, Аполлоний же, напротив, одаренный. Когда же сей Гераклид стал распускать об Аполлонии лживые слухи, будто тот сейчас отправится в Ливию – кесарь-то был уже там и отовсюду сбирал наилучших, – а Аполлонию сказал: «Самое время тебе почитать “Против Лептина”», а тот ему: «Скорее уж тебе, ведь там и про льготы писано»²⁷⁰.

В слоге он опирается на Адриана, у коего учился, хотя уклоняется в поэтические мерности и анапесты²⁷¹, но когда остерегается оных, гласит уверенно и величественно, а обнаруживается сие в различных гипотезах, наипаче же в «Каллии, возбраняющем афинянам сожигать мертвецов»²⁷²: «Выше факел, (602) человече! Почто неволишь, и унижаешь, и мучишь

разница в оплате: Аполлоний получал талант (6000 драхм), а занимавшие императорскую кафедру – почти вдвое больше, 10000 драхм (см. II. 2. 566 и прим.).

²⁶⁷ См. II. 1. 549 и прим.

²⁶⁸ Ср. I. 23. 526 и прим., II. 16. 596.

²⁶⁹ То есть иерофантом (см. II. 10. 587 и прим.).

²⁷⁰ Вероятно, это шуточный намек на происхождение Септимия Севера (он родился в африканском городе Лептис Магна); о Лептине и речи Демосфена против него см. I. 23. 527 и прим.

διαπρεπής δὲ καὶ τὰ πολιτικὰ γινόμενος ἔν τε πρεσβείαις ὑπὲρ τῶν μεγίστων ἐπρέσβευσεν ἔν τε λειτουργίαις, ἅς μεγίστας Ἀθηναῖοι νομίζουσι, τήν τε ἐπώνυμον καὶ τήν ἐπὶ τῶν ὄπλων ἐπετράπη καὶ τὰς ἐξ ἀνακτόρου φωνὰς ἤδη (601) γηράσκων, Ἡρακλείδου μὲν καὶ Λογίμου καὶ Γλαύκου καὶ τῶν τοιούτων ἱεροφαντῶν εὐφωνία μὲν ἀποδέων, σεμνότητι δὲ καὶ μεγαλοπρεπείᾳ καὶ κόσμῳ παρὰ πολλοὺς δοκῶν τῶν ἄνω.

Πρεσβεύων δὲ παρὰ Σεβῆρον ἐν Ῥώμῃ τὸν αὐτοκράτορα ἀπεδύσατο πρὸς Ἡρακλείδην τὸν σοφιστὴν τὸν ὑπὲρ μελέτης ἀγῶνα, καὶ ἀπῆλθεν ὁ μὲν τὴν ἀτέλειαν ἀφαιρεθείς, ὁ δὲ Ἀπολλώνιος δῶρα ἔχων. διαδόντος δὲ τοῦ Ἡρακλείδου λόγον οὐκ ἀληθῆ ὑπὲρ τοῦ Ἀπολλωνίου, ὡς αὐτίκα δὴ βαδιουμένου ἐς Λιβύην, ἡνίκα Λεπτίνης ἦν ὁ αὐτοκράτωρ ἐκεῖ καὶ τὰς ἐξ ἀπάσης γῆς ἀρετὰς συνῆγεν, καὶ πρὸς αὐτὸν εἰπόντος “ὦρα σοι ἀναγινώσκειν τὸν πρὸς Λεπτίνην” “σοὶ μὲν οὖν”, ἥ δ’ ὁ Ἀπολλώνιος, “καὶ γὰρ δὴ καὶ ὑπὲρ τῆς ἀτελείας γέγραπται”.

Βαλβῖδα μὲν δὴ τοῦ λόγου ὁ Ἀπολλώνιος ἐκ τῆς Ἀδριανοῦ ιδέας βέβληται ἅτε δὴ καὶ ἀκροατὴς γινόμενος, παραλλάττει δὲ ὅμως ἐς ῥυθμοὺς ἐμμέτρους τε καὶ ἀναπαίοντας, οὓς εἰ φυλάξαιτο, σεμνοπρεπὴς τὴν ἀπαγγελίαν δοκεῖ καὶ βεβηκώς. τουτὶ δὲ ἐστὶν εὐρεῖν καὶ ἐπ’ ἄλλων μὲν ὑποθέσεων, μάλιστα δὲ ἐπὶ τοῦ Καλλίου, ὃς ἀπαγορεύει τοῖς Ἀθηναίοις πυρὶ (602)

²⁷¹ Адриан умел соблюдать стилистический баланс, отличаясь «изысканством выговора равно в пешей речи и в напевных мерностях» (II. 10. 589); пристрастие к поэтическим красотам было характерно для ионийской школы красноречия: см. I. 19. 511 и прим.

²⁷² Неизвестно, что это за Каллий; высказывалось даже предположение, что персонаж этот Аполлоном вымышлен (Rothe 1989: 193); не вполне ясен и контекст (в историческое время греки обычно погребали мертвых, но иногда и кремировали), а нечестием кремацию считали разве что персидские маги (Diog. La. prooem. 7).

огнь? Небесен он, эфирен, к родному устремлен – не мертвых низводит, но богов возводит²⁷³. Увы, Прометей, факелоносец и огнедавец, колико ругаются над даром твоим – совокупляют его с бесчувственными мертвецами. Внемли, приди, похить, коль можешь, и этот огонь!».

Привел я сие не в оправдание излишних его мерностей, но дабы показать, что и более скромные из оных не были ему неведомы. Умер он примерно семидесяти пяти лет, весьма у афинян возвеличившись, а похоронен в предместье, что по главной дороге в Элевсин, зовется же сие предместье Священная смоковница, ибо, когда священное шествие возвращается из Элевсина в город, остановку делают там²⁷⁴.

21. Напишу и о *Прокле* Навкратийском, с коим был хорошо знаком, ибо он – один из моих учителей. Некогда Прокл был в Египте не из последних (603), однако же, видя, что Навкратис раздираем распрями и управляется противно обычаям, возжелал покойной жизни в Афинах, а посему тайком уплыл туда, прихватив много денег и много челяди, и всякую богато украшенную утварь. Уже смолоду имел в Афинах добрую славу, в зрелые годы прославился он и того более – прежде всего образом жизни, который избрал, а еще, думаю, благодеянием, пусть совершенным ради одного-единственного афинянина, но явственно свидетельствующим о дружелюбии нрава. Итак, едва прибывши в Пирей, он спросил одного из местных, как поживает имярек и всё ли у него хорошо, спрашивал же о гостеприимце своем, с коим близко сошелся еще в юности, когда учился в

²⁷³ Возможно, намек на Геракла, апофеозу которого предшествовало самосожжение (Diod. IV. 38; Luc. Herm. 7); также и Фетида пыталась сделать Ахиллеса бессмертным, погружая его в огонь (Ap. Rh. IV. 869–872; Apollod. III. 13. 6); есть сходный миф о Деметре и Демофоте (Hymn. Hom. II. 231–241).

μὴ θάπτειν· “ὕψηλὴν ἄρον, ἄνθρωπε, τὴν δᾶδα. τί βιάζη καὶ κατάγεις κάτω καὶ βασανίζεις τὸ πῦρ; οὐράνιον ἐστίν, αἰθέριον ἐστίν, πρὸς τὸ συγγενὲς ἔρχεται τὸ πῦρ. οὐ κατάγει νεκρούς, ἀλλ’ ἀνάγει θεούς. ἰὼ Προμηθεῦ δαδοῦχε καὶ πυρφόρε, οἷά σου τὸ δῶρον ὑβρίζεται· νεκροῖς ἀναισθήτοις ἀναμίνγνται. ἐπάρηξον βοήθησον κλέψον, εἰ δυνατόν, κᾶκεῖθεν τὸ πῦρ.” παρεθέμην δὲ ταῦτα οὐ παραιτούμενος αὐτὸν τῶν ἀκολάστων ῥυθμῶν, ἀλλὰ διδάσκων, ὅτι μὴδὲ τοὺς σωφρονεστέρους ῥυθμοὺς ἡγνόει. ἐτελεύτα μὲν οὖν ἀμφὶ τὰ πέντε καὶ ἐβδομήκοντα ἔτη πολὺς καὶ ἐν τῷ Ἀθηναίων δήμῳ πνεύσας, ἐτάφη δὲ ἐν τῷ προαστείῳ τῆς Ἐλευσινάδε λεωφόρου. ὄνομα μὲν δὴ τῷ προαστείῳ Ἱερὰ συκῆ, τὰ δὲ Ἐλευσινόθεν Ἱερά, ἐπειδὴν ἐς ἄστὺ ἄγωσιν, ἐκεῖ ἀναπαύουσιν.

κά. Ἀναγράψω καὶ Πρόκλον τὸν Ναυκρατίτην εἰδὼς εὖ τὸν ἄνδρα, καὶ γὰρ δὴ καὶ τῶν ἐμῶν διδασκάλων εἷς οὗτος. Πρόκλος τοίνυν ἦν μὲν (603) τῶν οὐκ ἀφανῶν κατ’ Αἴγυπτον, στασιάζουσιν δὲ ἰδὼν τὴν Ναύκρατιν καὶ παρὰ τὰ ἦθη πολιτεύοντας τὴν Ἀθήνησιν ἡσυχίαν ἡσπάσατο καὶ ὑπεκπλεύσας ἐκεῖ ἔζη πολλὰ μὲν ἀγαγὼν χρήματα, πολλοὺς δὲ οἰκέτας καὶ τὴν ἄλλην κατασκευὴν μεγαλοπρεπῶς κεκοσμημένην. εὖ δὲ ἀκούων Ἀθήνησι καὶ τὸν ἐν μεираκίῳ χρόνον ἡὑδοκίμησε πολλῷ μᾶλλον ἀνὴρ γενόμενος, πρῶτον μὲν ἐπὶ τῇ τοῦ βίου αἰρέσει, ἔπειτα, οἶμαι, καὶ ἐπὶ εὐεργετήματι γενομένῳ μὲν περὶ ἓνα Ἀθηναῖον, δήλωσιν δὲ παρασχομένῳ χρηστοῦ ἡθους· ἐς γὰρ τὸν Πειραιᾶ ἐσπλεύσας ἤρετό τινα τῶν αὐτόθεν, εἰ ὁ δεῖνα καλῶς Ἀθήνησι ζῇ καὶ εὖ πράττει,

²⁷⁴ Шестивие двигалось по Священной дороге (Ἱερὰ ὁδός), в основном совпадающей с современной дорогой из Элевсина в Афины; названная смоковница почиталась первой обретенной людьми смоковницей (Athen. III. 6), даром Деметры приютившему ее аттическому герою Фиталу (Paus. I. 37. 2).

Афинах у Адриана; и вот, узнавши, что тот здоров и живет там же, однако вскоре будет выгнан из собственного дома, выставленного на торги за десять тысяч – за столько он заложил его, – Прокл, не успевши даже в город войти, тотчас же послал ему деньги со словами: «Выкупи дом, дабы не зреть мне тебя в унынии». Сие, надо думать, обнаруживает мужа не токмо богатого, но отлично пользующегося богатством, отменно воспитанного и верного дружеским обетам²⁷⁵.

Засим приобрел он четыре дома – два в городе, один в Пирее и один в Элевсине, – а из Египта доставлялись ему ладан, слоновая кость, миро, папирус, книги и прочее подобное, он же всё передавал торговцам названными товарами, никогда не выказывая ни алчности, ни скупости, ни стремления урвать побольше, ниже охоты до прибыли или лихвы, но довольствуясь истинником. Сына, который проматывал его деньги на петухов, перепелов, псов, щенков и лошадей, он не порицал, но вместе с ним тешился забавами юности, а поелику многие его тем корили, отвечал: «Со стариками-то поскорее отвыкнет дурачиться, чем с однолетками». Когда же умерли у него сын и жена, привязался он к наложнице, ибо блазнятся и (604) стареющие очи, и, хотя была она весьма подвержена женским порокам, всячески ей потворствовал, оказавшись собственному своему имению дурным защитником.

²⁷⁵ Соглашение о гостеприимстве освящалось обрядами, в т.ч. обменом дарами (ξένια); иметь много таких соглашений было хорошим тоном, так как подразумевало высокое общественное положение (Хеп. Оес. II. 5; ср. Theophr. Char. XXIII. 9). Гостеприимец делился с гостем не только кровом и пищей, но и выступал его поручителем в судах и в сделках, а гость, когда наступал его черед быть гостеприимцем,

ἡρώτα δὲ ταῦτα ὑπὲρ τοῦ ξένου, ᾧ προσέμιξεν Ἀθήνησι νέος ὢν, ὅτε δὴ καὶ Ἀδριανῷ ἐφοίτα. μαθὼν δὲ αὐτὸν εἶναί τε καὶ ζῆν, ἐκπεσεῖσθαι δὲ αὐτίκα τῆς οἰκίας διακηρυττομένης ἐπ’ ἀγορᾶς πρὸς δραχμὰς μυρίας, ἃς ἐπ’ αὐτῇ ἐδεδάνειστο, ἔπεμψεν αὐτῷ τὰς μυρίας μηδὲ ἀνελθὼν πω ἐς τὸ ἄστὺ εἰπὼν “ἐλευθέρωσον τὴν οἰκίαν, ἵνα μὴ σε κατηφῇ ἴδω”. ταῦτα μὴ πλουσίου μόνον ἠγώμεθα, ἀλλὰ καὶ τῷ πλούτῳ καλῶς χρωμένου πεπαιδευμένου τε ἱκανῶς καὶ τὰ φιλικὰ ἀκριβοῦντος.

Ἐκτίσατο δὲ καὶ οἰκίας <δ’>ⁱ, δύο μὲν ἐν ἄστει, μίαν δὲ ἐν Πειραιεῖ καὶ ἄλλην Ἐλευσῖνι. ἐφοίτα δὲ αὐτῷ καὶ ἀπ’ Αἰγύπτου λιβανωτὸς ἐλέφας μύρον βίβλος βιβλία καὶ πᾶσα ἡ τοιάδε ἀγορά, καὶ ἀποδιδόμενος αὐτὰ τοῖς διατιθεμένοις τὰ τοιαῦτα οὐδαμοῦ φιλοχρήματος ἔδοξεν οὐδὲ ἀνελεύθερος, οὐδὲ ἐραστής τοῦ πλείονος, οὐδὲ ἐπικέρδιαⁱⁱ μαστεύων ἢ τόκους, ἀλλ’ αὐτὸ ἀγαπῶν τὸ ἀρχαῖον. οὐδὲν αὐτῷ περὶ ἀλεκτρυόνων τροφήν περὶ τε ὀρτύγων κυνῶν τε καὶ κυνιδίων καὶ ἵππων ξυννεάζων μᾶλλον ἢ ἐπιπλήττων καὶ παρὰ τοῖς πολλοῖς ἔχων αἰτίαν “θᾶττον” ἔφη “μεταβαλεῖ τὸ μετὰ γερόντων παίζειν ἢ μετὰ ἡλίκων”. ἀποθανόντος δὲ αὐτῷ τοῦ παιδὸς καὶ τῆς γυναικὸς ἐπὶ παλλακῇ ἐγένετο διὰ τὸ καὶ γηράσκοντας ὀφθαλμοὺς ἐπάγεσθαι, θηλυτάτῃ δὲ αὐτῇ (604) γενομένη πᾶσαν ἐφιεῖς ἡνίαν οὐκ ἀγαθὸς ἔδοξε προστάτης τοῦ οἴκου.

ⁱ addidit Richards

ⁱⁱ ἐπικέρδειαν Valckenaer, Cobet

отвечал тем же. Таким образом, у себя в Навкратисе Прокл был бы обязан уплатить долги афинского гостя, но в Афины он сам прибыл гостем – и руководствуется в своей щедрости дружбой, которая по определению связывает партнеров по гостеприимству, однако финансовых обязательств на чужой территории не предполагает.

Насчет уроков держался он вот каких правил: кто внесет вперед сто драхм, получает доступ к занятиям хоть навсегда; а еще было в его доме собрание книг, коим ученики пользовались в дополнение к урокам; а дабы мы не освистывали и не высмеивали друг друга, что не редкость на уроках у софистов, нас приглашали войти всех вместе, вошед же мы рассаживались так – отроки с дядьками в середине, а юноши особо. С разглаголами выступал он весьма редко, а уж коли случалось, уподоблялся Гиппию и Горгию; речи же представлял, хорошенько подготовившись накануне. Даже старцем, за девяносто, сохранял он превосходную память, лучше, чем у Симонида²⁷⁶, что же до изложения, оно было у него естественное, а изъяснение одной мысли на разные лады – это от Адриана.

22. А вот *Феникс* Фессалийский²⁷⁷ не достоин ни восхищения, ни сугубого порицания, ибо, хоть и был из учеников Филатра, замышлял лучше, чем излагал: мысли его отличались упорядоченностью, и не было среди них ни одной неуместной, а вот изложение в целом казалось бессвязно и лишено мерности. Считалось, что он лучше подходит в учителя начинающим, нежели тем, кто уже приобрел некоторый навык, ибо представлял предмет оголенным, не кутая в покровы словес. Умер он семидесяти лет и был похоронен в Афинах не бесславно, понеже покоится рядом с павшими на поле битвы, справа от спуска к Академии²⁷⁸.

²⁷⁶ Поэт Симонид Кеосский считался изобретателем мнемотехники (Aristid. Or. XLIX. 379 и др.), а также некоторых букв греческого алфавита (Plut. Quaest. Conv. 738 f, Luc. Iud. Voc. 5 и др.); точь-в-точь то же Филострат сообщает о памяти столетнего Аполлония (VA I. 14).

²⁷⁷ Вероятно, это тот самый Флавий Феникс, который вместе с братом Флавием Филаком (ср. II. 23. 605) посвятил своему отцу Флавию

Τὰ δὲ τῆς μελέτης πάτρια τῷ ἀνδρὶ τούτῳ διέκειτο ὥδε· ἑκατὸν δραχμὰς ἅπαξ καταβαλόντι ἐξῆν ἀκροᾶσθαι τὸν αἰὲ χρόνον. ἦν δὲ αὐτῷ καὶ θήκη βιβλίων ἐπὶ τῆς οἰκίας, ὣν μετῆν τοῖς ξυλλεγομένοις ἐς τὸ πλήρωμα τῆς ἀκροάσεως. ὥς δὲ μὴ συρίττοιμεν ἀλλήλους, μηδὲ σκώπτοιμεν, ἃ ἐν ταῖς τῶν σοφιστῶν ξυνουσίαις φιλεῖ γίνεσθαι, ἀθρόοι ἐσεκαλούμεθα καὶ ἐκαθήμεθα ἐσκληθέντες οἱ μὲν παῖδες καὶ οἱ παιδαγωγοὶ μέσοι, τὰ μειράκια δὲ αὐτοί. τὸ μὲν οὖν διαλεχθῆναι αὐτὸν ἐν σπανιστοῖς ἔκειτο, ὅτε δὲ ὀρμήσειεν ἐς διάλεξιν, ἱππιάζοντί τε ἐώκει καὶ γοργιάζοντι. ἡ μελέτη δὲ τῆς προτεραίας προεωραμένη ἐσεκυκλεῖτο. τὸ δὲ μνημονικὸν ἐνενηκοντούτης ἤδη γηράσκων καὶ ὑπὲρ τὸν Σιμωνίδην ἔρρωτο, καὶ ἐρμήνευε μὲν κατὰ φύσιν, Ἀδριάνειοι δὲ ἦσαν αἱ ἐπιβολαὶ τῶν νοημάτων.

κβ'. Φοῖνιξ δὲ ὁ Θετταλὸς οὐδὲ θαυμάσαι ἄξιος, οὐδὲ αὖ διαβαλεῖν πάντα. ἦν μὲν γὰρ τῶν Φιλάργῳ πεφοιτηκότων, γνῶναι δὲ ἀμείνων ἢ ἐρμηνεῦσαι, τάξιν τε γὰρ τὸ νοηθὲν εἶχε καὶ οὐθὲν ἔξω καιροῦ ἐνοεῖτο, ἡ δὲ ἐρμηνεία διεσπᾶσθαι τε ἐδόκει καὶ ῥυθμοῦ ἀφεστηκέναι. ἐδόκει δὲ ἐπιτηδεϊότερος γεγονέναι τοῖς ἀρχομένοις τῶν νέων ἢ τοῖς ἔξιν τινὰ ἤδη κεκτημένοις, τὰ γὰρ πράγματα γυμνὰ ἐξέκειτο καὶ οὐ περιήμιπσχεν αὐτὰ ἡ λέξις. ἐβδομηκοντούτης δὲ ἀποθανὼν Ἀθήνησιν ἐτάφη οὐκ ἀφανῶς, κεῖται γὰρ πρὸς τοῖς ἐκ τῶν πολέμων ἐν δεξιᾷ τῆς Ἀκαδημίανδε καθόδου.

Александру из Гипаты, тоже софисту, статуя в Дельфах (FD III. 4. 474; Rouilloux 1967: 379–384).

²⁷⁸ Дорога в Академию шла от Дипилонских ворот (по соседству со Священными воротами, см. прим. к II. 20. 602) через пригородную часть Керамика на СЗ; вдоль этой дороги было множество могил – в частности, неподалеку от Феникса покоились Перикл и Фрасибул; ср. II. 30. 623 и прим.

23. (605) Повествование подводит меня к славному из славных, к *Дамиану* Эфесскому²⁷⁹, так что оставим всех этих Сотеров²⁸⁰, Сосов, Никандров, Федров, Киров и Филаков²⁸¹, коих надо бы числить скорее забавою для эллинов, нежели достопамятными софистами. А вот у Дамиана и предки наизнатнейшие, в Эфесе премного чтимые, и отпрыски наиславнейшие, все удостоенные заседать в синклите²⁸², ибо как добропорядочностью восхищают, так и бессребренничеством; сам же он, обладая многими и многообразными богатствами, и эфесянам, кто в нужде, помогал, особливо же городу – и деньги давал, и обветшалые общественные здания восстанавливал.

А еще он связал с Эфесом Храм, продолжив до одного спуска через Магнесийские врата²⁸³. Дорога сия, длиною в стадий, крытая и вся мраморная, а замысел в том, чтобы храмовым служителям можно было приходить и в дождь. Завершив сию весьма дорогостоящую постройку, посвятельную надпись сделал он от жены, а храмовую трапезную пожертвовал от себя, и раз мерами сия трапезная превзошла все прочие, убранством же он нарядил ее таким, что и словами не описать, ибо украшена фригийским камнем, какого никогда прежде не добывали.

²⁷⁹ Т. Флавий Дамиан известен не только из VS, но и из надписей: он занимал в Эфесе должность «народного секретаря» (γραμματεὺς τοῦ δήμου), т.е. секретаря народного собрания, в 166/167 н.э. обеспечивал продовольствием и жильем возвращавшиеся из Парфянского похода легионы (IEphes 3080), а также почтил статуей проконсула Азии 170/171 Нония Макрина (ibid. 3029).

²⁸⁰ Отзыву Филострата противоречит стихотворная надпись IEphes 1548 на мраморной стеле в честь Сотера, воздвигнутой на средства его учеников по решению эфесского Совета: эфесяне пригласили его из Афин и называют «первым софистом»; они же посвятили ему статую в Дельфах (FD III. 4. 265).

κγ'.(605)᾽Αγειμεόλόγος ἐπ' ἄνδρα ἑλλογιμώτατον Δαμιανὸν τὸν ἐκ τῆς Ἐφέσου, ὅθεν ἐξηρήσθων Σώτηροί τε καὶ Σῶσοι καὶ Νίκανδροι καὶ Φαῖδροι Κῦροί τε καὶ Φύλακες, ἀθύρματα γὰρ τῶν Ἑλλήνων μᾶλλον οὗτοι προσηρθεῖεν ἢ σοφισταὶ λόγου ἄξιοι. Δαμιανῷ τοίνυν ἑλλογιμώτατον μὲν καὶ τὸ ἄνω γένος καὶ πλείστου ἄξιοι τῇ Ἐφέσῳ, εὐδοκιμώτατοι δὲ καὶ οἱ ἀπ' αὐτοῦ φύντες, συγκλήτου γὰρ βουλῆς ἀξιοῦνται πάντες ἐπ' εὐδοξίᾳ θαυμαζόμενοι καὶ ὑπεροψία χρημάτων, αὐτός τε πλούτῳ ποικίλῳ καὶ πολυπρεπεῖ κατεσκευασμένος ἐπήρκει μὲν καὶ τοῖς δεομένοις τῶν Ἐφεσίων, πλεῖστα δὲ ὠφέλει τὸ κοινὸν χρήματά τε ἐπιδιδούς καὶ τὰ ὑποδεδωκότα τῶν δημοσίων ἔργων ἀνακτώμενος. συνῆψε δὲ καὶ τὸ ἱερὸν τῇ Ἐφέσῳ κατατείνας ἐς αὐτὸ τὴν διὰ τῶν Μαγνητικῶν κάθοδον. ἔστι δὲ αὕτη στοὰ ἐπὶ στάδιον λίθου πᾶσα, νοῦς δὲ τοῦ οἰκοδομήματος μὴ ἀπειναι τοῦ ἱεροῦ τοὺς θεραπεύοντας¹, ὅποτε ὕοι. τοῦτο μὲν δὴ τοῦργον ἀπὸ πολλῶν χρημάτων ἀποτελεσθὲν ἐπέγραψεν ἀπὸ τῆς ἑαυτοῦ γυναικός, τὸ δὲ ἐν τῷ ἱερῷ ἐστιατήριον αὐτὸς ἀνέθηκε μεγέθει τε ἐξάρας ὑπὲρ πάνθ' ὁμοῦ τὰ παρ' ἑτέροις καὶ λόγου κρείττω περιβαλὼν κόσμον, ὠράισται γὰρ Φρυγίῳ λίθῳ, οἷος οὕτω

¹ θεραπεύοντας Richards

²⁸¹ Дамиан и Сотер учили в Эфесе, так что, вероятно, прочие софисты перечня тоже учили в Эфесе (RE XII. 1. 190–191, XIX. 2. 1558, IIIA. 1. 1195); о Филаке и Фениксе см. прим. II. 22. 604.

²⁸² Ср. II. 10. 589 и прим. Предки Дамиана неизвестны, но несомненно были достаточно высокопоставленными, так как он был женат на Ведине Федрине из семейства Ведиев Антонинов, с I в. н.э. одного из самых богатых и влиятельных в Эфесе: три сына Дамиана и Федрины были консулами, две дочери – замужем за консулами (cf. I Ephes XVII. 1, S. 90).

²⁸³ Имеется в виду знаменитый храм Артемиды в СВ предместье Эфеса; Магнесийские врата – ЮВ ворота Эфеса; стадий – ок. 180 м; самая короткая дорога к Храму вела через Корессийские (СВ) ворота.

Деньги он начал правильно тратить с юных лет, ибо, когда Аристид и Адриан возглавляли софистов один в Смирне и другой в Эфесе, он учился у обоих, платя по десять тысяч каждому и говоря, что куда слаще тратиться на такие забавы, нежели, как кое-кто, на красавчиков и красоток; а что написано мною выше о названных мужах, известно мне от Дамиана, хорошо знакомого с обоими²⁸⁴.

(606) Приметою его богатства служит еще и вот что: вся земля, коею он владел, была засажена тенистыми плодовыми деревьями, а в приморской части были и рукотворные острова, и насыпи для пристаней, дабы прибывающим и отбывающим грузовым судам была удобная гавань; а из пригородных его имений иные были устроены на городской лад, иные же пещерные. При всем том повадки его в суде не избличали ни корыстолюбия, ниже склонности отовсюду урвать, но ежели замечал он, что кто-то стеснен в средствах, говорил за него даром; сходно было и с софистикой, ибо, ежели замечал он, что прибывший издалека стеснен в средствах, освобождал его от платы за уроки, дабы тот ненароком не разорился.

В судебных его речах было больше софистического, а в софистических больше судебного, нежели обычно бывает²⁸⁵. В старости он оставил оба занятия, ослабев скорее телом, нежели умом: потому-то, когда среди прибывавших в Эфес ради славы его принял он и меня – и раз, и другой, и третий, – зрел я мужа, подобного софоклову коню²⁸⁶, ибо, хоть и казался ослабевшим

²⁸⁴ В жизнеописании Аристида Филострат дважды ссылается на Дамиана (II. 9. 582–583), но слова «как слышал я от моих учителей» в биографии Адриана (II. 10. 585) относятся не к нему: оба учителя Филострата, Прокл и Антипатр, были учениками Адриана, а Дамиан его учителем не был. Ссылки на устные источники в VS семь: три

ἐτμήθη. πλούτῳ δὲ χρῆσθαι καλῶς ἐκ μεираκίου ἤρξατο· Ἀριστείδου γὰρ δὴ καὶ Ἀδριανοῦ κατειληφότοις τοῦ μὲν τὴν Σμύρναν, τοῦ δὲ τὴν Ἔφεσον, ἠκροάσατο ἀμφοῖν ἐπὶ μυρίαῖς εἰπὼν πολλῶ ἥδιον ἐς τοιαῦτα δαπανᾶν παιδικὰ ἢ ἐς καλούς τε καὶ καλὰς, ὥσπερ ἔνιοι. καὶ ὁπόσα ὑπὲρ τῶν ἀνδρῶν τούτων ἀναγέγραφα Δαμιανοῦ μαθὼν εἴρηκα εὖ τὰ ἀμφοῖν εἰδότος. πλούτου δὲ ἐπίδειξιν τῷ ἀνδρὶ τούτῳ κάκεῖνα (606) εἶχεν· πρῶτα μὲν ἡ γῆ πᾶσα, ὁπόσῃν ἐκέκτητο, ἐκπεφυτευμένη δένδρεσι καρπίμοις τε καὶ εὐσκίοις, ἐν δὲ τοῖς ἐπὶ θαλάττῃ καὶ νῆσοι χειροποίητοι καὶ λιμένων προσχώσειςⁱ βεβαιοῦσαι τοὺς ὅρμους καταιρούσαις τε καὶ ἀφιείσαις ὀλκάσιν, οἰκίαι τε ἐν προαστείοις αἱ μὲν κατεσκευασμένοι τὸν ἐν ἅστει τρόπον, αἱ δὲ ἀντρώδεις, ἔπειτα αὐτοῦ τοῦ ἀνδρὸς τὸ ἐν τῇ ἀγορᾷ ἦθος οὐ πᾶν ἀσπαζομένου κέρδος, οὐδὲ ἐπαινοῦντος τὸ ἐξ ἅπαντος λαμβάνειν, ἀλλ' οὕς αἴσθοιτο ἀποροῦντας προῖκα τούτοις τὴν ἑαυτοῦ φωνὴν διδόντος. παραπλήσιον δὲ ἦν κὰν τοῖς σοφιστικοῖς τῶν λόγων, οὕς γὰρ αἴσθοιτο ἀποροῦντας ἐξ ὑπερορίων ἔθνων ἦκοντας, ἠφίει τούτοις τὸν μισθὸν τῆς ἀκροάσεως, μὴ λάθοιεν δαπανώμενοι.

Ἦν δὲ δικανικοῦ μὲν σοφιστικώτερος, σοφιστικοῦ δὲ δικανικώτερος. προίων δὲ ἐς γῆρας μεθῆκεν ἄμφω τὰς σπουδὰς τὸ σῶμα καταλυθεὶς μᾶλλον ἢ τὴν γνώμην· τοῖς γοῦν κατὰ κλέος αὐτοῦ φοιτῶσιν ἐς τὴν Ἔφεσον παρέχων ἑαυτὸν ἀνέθηκε κάμοι τινα ξυνουσίαν πρῶτην τε καὶ δευτέραν καὶ τρίτην, καὶ εἶδον ἄνδρα παραπλήσιον τῷ Σοφοκλείῳ

ⁱ προσχώσεις Cobet; προχώσεις mss.

названные, по одной на Аристия (I. 22. 524) и Ктесидема (II. 1. 552) и дважды на безымянных «старших» (II. 3. 567; II. 8. 579).

²⁸⁵ Сходное противопоставление софистического и судебного см. I. 19. 511 и II. 4. 569.

²⁸⁶ Soph. El. 25–26.

от годов, в ученых беседах обретал юношескую пылкость. Умер он дома на семьдесят первом году и похоронен в том из пригородных своих имений, где больше всего жил.

24. Отечество софиста *Антипатра*²⁸⁷ – Гиераполь, среди азийских городов причисляемый к благоденствующим, отец же его – Зевксидем²⁸⁸, из виднейших тамошних граждан. Почувшись у Адриана и (607) у Полидевка, он больше перенял от последнего, смягчая стремительность мысли мерностью изложения; а поелику посещал он также уроки Зенона Афинского, научился быть в искусстве тщательным. Умея говорить без подготовки, не пренебрегал он потрудиться загодя, так что проносил для нас Олимпийские и Панафинейские речи, а еще составил рассказ о деяниях кесаря Севера, благодаря коему и был назначен государевым письмоводителем²⁸⁹, на каковом поприще весьма прославился. И верно, осмелюсь утверждать, что, пусть в речах и в писаниях многие его превосходили²⁹⁰, зато в посланиях равных ему не было: словно трагический лицедей, отменно постигнувший действо, изъяснялся он в согласии с государевым достоинством²⁹¹, ибо слова его отличались внятностью, величием мысли, сообразным случаю изложением и приятной отрывистостью в переходах от раздела к разделу²⁹², что особенно красит послание. Причисленный к гипатам, правил

²⁸⁷ Об Элии Антипатре Гален пишет, что при дворе его манеры и риторическая ученость ценились весьма высоко (Gal. XIV. 218); Каракалла, еще не император, в послании к эфесянам (200-е гг.) называет его своим другом и учителем (IEphes 2026. 17–18); в зятях у Антипатра побывал Гермократ (II. 25. 610–611); юный Элий Антипатр, певший в хоре на Вековых играх в 204 н.э. (NSA 56 (1931), 345), может быть его сыном, внуком или племянником.

²⁸⁸ Вероятно, это П. Элий Зевксидем Арист Зенон, *advocatus fisci* (су-

ἵππῳ, νωθρὸς γὰρ ὑφ' ἡλικίας δοκῶν νεάζουσαν ὀρμὴν ἐν ταῖς σπουδαῖς ἀνεκτᾶτο.

ἐτελευτα δὲ οἴκοι ἔτη βιούς ἐβδομήκοντα καὶ ἐτάφη ἐν προαστείῳ τινὶ τῶν ἑαυτοῦ, ὧς μάλιστα ἐνεβίωσεν.

κδ'. Ἀντιπάτρῳ δὲ τῷ σοφιστῇ πατρὶς μὲν ἦν Ἱεράπολις, ἐγκαταλεκτέα δὲ αὕτη ταῖς κατὰ τὴν Ἀσίαν εὖ πραττούσαις, πατὴρ δὲ Ζευξίδημος (607) τῶν ἐπιφανεστάτων ἐκείνῃ, Ἀδριανῷ δὲ καὶ Πολυδεύκει φοιτήσας ἀπὸ τοῦ Πολυδεύκου μαῖλλον ἤρμοσται, τὰς ὁρμὰς τῶν νοημάτων ἐκλύων τοῖς τῆς ἐρμηνείας ρυθμοῖς. ἀκροασάμενος δὲ καὶ Ζήνωνος τοῦ Ἀθηναίου τὸ περὶ τὴν τέχνην ἀκριβὲς ἐκείνου ἔμαθεν. αὐτοσχέδιος δὲ ὢν οὐδὲ φροντισμάτων ἡμέλει, ἀλλ' Ὀλυμπικούς τε ἡμῖν διήει καὶ Παναθηναίους καὶ ἐς ἱστορίαν ἔλαβεⁱ τὰ Σεβήρου τοῦ βασιλέως ἔργα, ὑφ'ⁱⁱ οὗ μάλιστα ταῖς βασιλείοις ἐπιστολαῖς ἐπιταχθεὶς λαμπρὸν τι ἐν αὐταῖς ἤχησεν. ἐμοὶ μὲν γὰρ δὴ ἀποπεφάνθω μελετῆσαι μὲν καὶ συγγράψαι τοῦ ἀνδρὸς τούτου πολλοὺς βέλτιον, ἐπιστεῖλαι δὲ μηδένα ἄμεινον, ἀλλ' ὥσπερ τραγωδίας λαμπρὸν ὑποκριτὴν τοῦ δράματος εὖ ξυνιέντα ἐπάξια τοῦ βασιλείου προσώπου φθέγγασθαι. σαφήνειάν τε γὰρ τὰ λεγόμενα εἶχε καὶ γνώμης

ⁱ ἔβαλε Cobet

ⁱⁱ ὑφ' κ; ἐφ' mss.

дебный представитель государственной казны), упоминаемый в одной из гирапополитанских надписей (IGR IV. 819).

²⁸⁹ Ср. I. 22. 524 и прим.

²⁹⁰ К своим учителям Филострат довольно строг – ср. II. 21. 603–604, 27. 617.

²⁹¹ Должность письмоводителя требовала от софиста всего его эпистографического искусства, так как на нем лежала ответственность за публичный образ вполне реального кесаря.

²⁹² Ср. I. 16. 503.

он вифинскими племенами²⁹³, но когда обнаружил излишнюю готовность хвататься за меч, был от правления отстранен. Всей жизни его было шестьдесят восемь лет, похоронен же на родине, а умер, говорят, скорее уморив себя голодом, нежели от болезни²⁹⁴, и вот почему. Он был приставлен учителем к сыновьям Севера – в похвалах урокам мы даже величали его «учителем богов», – когда же младший из них был предан смерти по обвинению в умысле против брата²⁹⁵, Антипатр написал старшему послание с монодией и плачем, что, мол, вместо двух одно у него теперь око и рука тоже одна, и что, мол, кого учил он вострить оружие друг за друга, о тех слышит, что вострят друг на друга. Неудивительно, что кесарь озлобился, ибо такое и частного человека озлобило бы, а особенно при желании сохранить веру в истинность мнимого умысла.

25. (608) Премного славится среди софистов и *Гермократ* Фокейский²⁹⁶, обнаруживший больше природного дарования, нежели все, о ком повествую, ибо ни с каким знаменитым со-

²⁹³ Антипатр был назначен легатом Вифинии, с середины II в. находившейся в кесарском управлении.

²⁹⁴ Кассий Дион, перечисляя, скольких людей убил в начале своего правления Каракалла (жену, шурина, консуляра Приска и многих других), ни разу не говорит, будто он кого-то принудил к самоубийству, и Антипатра среди жертв не упоминает (Cass. D. LXXVIII. 1–6): вероятно, смерть вернувшегося на родину софиста большинством понималась как естественная – и, скорее всего, не без оснований (о его самоубийстве Филострат говорит, ссылаясь только на молву).

μέγεθος καὶ τὴν ἐρμηνείαν ἐκ τῶν παρόντων καὶ ξὺν ἡδονῇ τὸ ἀσύνδετον, ὃ δὴ μάλιστα ἐπιστολὴν λαμπρύνει.

Ὑπάτοις δὲ ἐγγραφεὶς ἤρξε μὲν τοῦ τῶν Βιθυνῶν ἔθνους, δόξας δὲ ἐτοιμότερον χρῆσθαι τῷ ξίφει τὴν ἀρχὴν παρελύθη. βίου μὲν δὴ ὀκτὼ καὶ ἐξήκοντα ἔτη τῷ Ἀντιπάτρῳ ἐγένετο καὶ ἐτάφη οἴκοι, λέγεται δὲ ἀποθανεῖν καρτερίᾳ μᾶλλον ἢ νόσῳ· διδάσκαλος μὲν γὰρ τῶν Σεβήρου παίδων ἐνομίσθη καὶ θεῶν διδάσκαλον ἐκαλοῦμεν αὐτὸν ἐν τοῖς ἐπαίνοις τῆς ἀκροάσεως, ἀποθανόντος δὲ τοῦ νεωτέρου σφῶν ἐπ' αἰτία, ὡς τῷ ἀδελφῷ ἐπιβουλεύοι, γράφει πρὸς τὸν πρεσβύτερον ἐπιστολὴν μονωδίαν ἐπέχουσαν¹ καὶ θρῆνον, ὡς εἷς μὲν αὐτῷ ὀφθαλμὸς ἐκ δυοῖν, χεὶρ δὲ μία, καὶ οὐς ἐπαίδευσεν ὅπλα ὑπὲρ ἀλλήλων αἵρεσθαι, τούτους ἀκούοι κατ' ἀλλήλων ἡρμένους. ὅφ' ὧν παροξυνθῆναι τὸν βασιλέα μὴ ἀπιστῶμεν, καὶ γὰρ ἂν καὶ ἰδιώτην ταῦτα παρώξυνε βουλόμενόν γε τὸ δοκεῖν ἐπιβεβουλεῦσθαι μὴ ἀπιστεῖσθαι.

κε'. (608) Πολὺς ἐν σοφιστῶν κύκλῳ καὶ Ἑρμοκράτης ὁ Φωκαεὺς ἄδεται φύσεως ἰσχὺν δηλώσας παρὰ πάντας, οὐς ἐρμηνεύω, οὐδενὶ γὰρ θαυμασίῳ σοφιστῇ συγγενόμενος, ἀλλὰ

¹ περιέχουσιν Cobet

²⁹⁵ Имеется в виду П. Септимий Гета (189–211), соправитель Каракаллы; несмотря на старания Юлии Домны, после смерти Септимия Севера ненависть братьев друг к другу лишь возросла, и вскоре Гета по приказу Каракаллы был убит.

²⁹⁶ Флавий Гермократ упомянут в том же послании Каракаллы, что и Антипатр (IEphes 2026. 19–20; ср. II. 24. 606 и прим.); вероятно, он идентичен философу Л. Флавию Гермократу из надписи AnP VIII. 3. 34 (cf. Robert J. et L. // BE 1973: 375), а возможно, и Гермократу, которому сестра по имени Полла посвятила статую в Эрифрах (IErythrai 43; cf. Robert J. et L. // BE 1973 ibid.).

фистом не водился, но, поучившись лишь у Руфина Смирнского²⁹⁷, в софистике скорее дерзкого, нежели успешного, соделался в замысле, изложении и соположении разнообразнее любого (609) эллина – да не так, чтобы только в иных ипотезах, в иных же нет, но равно во всякой речи, за какую ни брался; тоже и притворные ипотезы слагал он весьма умело, изобретая неоднозначные выражения и смешивая явное с неявным.

Дед его был Аттал²⁹⁸, сын софиста Полемона, отец же – Руфиниан из Фокеи, гипат, женившийся на дочери Аттала Каллисто. (610) После смерти отца Гермократ рассорился с матерью столь непримиримо, что, когда умер он совсем молодым, та ни слезинки не проронила, хотя смерть в таких летах даже у злейших врагов вызывает сожаление. Слышащие сие могут вообразить, будто дело тут в порочности самого юноши, раз даже собственная мать по нем не горюет, однако ежели принять во внимание причину, а именно что отвратился он от матери за страсть ее к рабу, надобно признать, что оставался он в согласии с законами, кои за толикую вину дозволяют даже и казнить²⁹⁹, она же за навлеченный на себя и на сына позор не от одних семейных достойна ненависти.

²⁹⁷ Стратег и софист Клавдий Руфин упоминается на смирнских монетах конца II – начала III вв. (PIR² C 998, Puech 2002: 438–443); Септимий Север и Каракалла в ISmyrna 602 гарантируют ему льготы: возможно, это тот самый Руфин, которому Фриних (см. прим. II. 12. 593) посвятил 9-ю кн. «Приготовления к софистике» (Phot. Bibl. 101 a).

²⁹⁸ Смирнский софист Аттал, полное (римское) имя и патроним которого неизвестны, иногда идентифицируется как сын Полемона (см. PIR² C 797, Puech 2002: 156, 530) – доказательств этому нет.

Ῥουφίνου τοῦ Σμυρναίου ἀκηκοὺς τὰ σοφιστικὰ τολμῶντος (609) μᾶλλον ἢ κατορθοῦντος ἐρμήνευσε ποικιλώτατα Ἑλλήνων καὶ ἔγνω καὶ ἔταξεν, οὐ τὰς μὲν τῶν ὑποθέσεων, τὰς δὲ οὐχί, ἅπαξ δὲ πάσας¹ τὰς μελετωμένας, καὶ γὰρ δὴ καὶ τὰς ἐσχηματισμένας εὖ διέθετο ἀμφιβολίας τε πλείστας ἐπινοήσας καὶ τὸ σημαινόμενον ἐγκαταμίξας τῷ ὑφειμένῳ.

Πάππος μὲν δὴ αὐτῷ ἐγένετο Ἄτταλος ὁ Πολέμωνος τοῦ σοφιστοῦ παῖς, πατὴρ δὲ Ῥουφινιανὸς (610) ὁ ἐκ Φωκαίας, ἀνὴρ ὑπατος Καλλιστῷ γήμας τὴν Ἀττάλου. τελευτήσαντος δὲ αὐτῷ τοῦ πατρὸς ἐς διαφορὰν κατέστη πρὸς τὴν ἑαυτοῦ μητέρα οὕτω τι ἀπαραίτητον, ὥς μηδὲ δάκρυον ἐπ' αὐτῷ τὴν Καλλιστῷ ἀφεῖναι ἐν μεираκίῳ ἀποθανόντι, ὅτε δὴ καὶ τοῖς πολεμιοτάτοις ἐλεεῖν τὰ τῆς ἡλικίας φαίνεται. καὶ τοῦτο οὕτως μὲν ἀκούσαντι κακία τοῦ μεираκίου προσκείσεται μᾶλλον, εἰ μηδὲ μήτηρ ἐπ' αὐτῷ τι ἔπαθεν, λογιζομένῳ δὲ τὴν αἰτίαν καὶ ὅτι τὴν μητέρα ἀπέστερξεν ἐπὶ δούλου ἔρωτι, ὁ μὲν ξυμβαίνων τοῖς νόμοις φαίνοιτο ἄν, οἱ δεδώκασι τὸ ἐπὶ ταῖς τοιαῖσδε αἰτίαις καὶ ἀποκτείνειν, ἡ δὲ ἀξία μισεῖν καὶ τοῖς οὐ προσήκουσιν ὑπὲρ ὧν ἑαυτὴν τε καὶ τὸν υἱὸν ἥσυχυνεν.

Ὡσπερ δὲ ταύτην ὁ Ἑρμοκράτης διαφεύγει τὴν αἰτίαν,

¹ δ' ἀπάσας Cobet

²⁹⁹ Софистическая гипербола ради подтверждения правоты Гермocrates: в древности у римлян семейный суд изредка заканчивался смертным приговором, но казнить можно было лишь детей и рабов, так что убить мать семейства (хотя бы и за прелюбодеяние) был вправе только ее родной отец. При этом даже в древности за связь с рабом свободная женщина могла быть (и то после долгих судебных процедур) лишь обращена в рабство – а ко времени Филострата и это ушло в область преданий.

Как избегает Гермократ сего обвинения, так не избежать ему другого, ибо расточил наследованное от отца богатое имение, да не на конюшню ниже на общественные должности, которыми можно стяжать себе доброе имя, но промотал на пьянство и на дружков, каких только в комедии изображать, как некогда льстецов Каллия, сына Гиппоникова³⁰⁰.

А когда Антипатр, уже получивший место государева письмоводителя, непременно желал женить его на своей дочери, которая очень уж была неприглядна, он не позарился на благополучие, но, напротив, отвечал твердившей о тогдашнем могуществе Антипатра свахе, что, мол, нипочем не станет рабствовать богатому приданому и спесивому тестю, – и, хотя родственники нудили его жениться, Антипатра же чтили Зевесовым Коринфом³⁰¹, (611) не уступал, покуда кесарь Север, пославши за ним на Восток, сам не выдал за него сию девицу; когда же один из друзей спросил, скоро ли намерен он поднять невестин покров, Гермократ весьма остроумно отвечал: «У такой лучше бы опустить!» – и вскорости расторгнул брак, видя, что она сколь обличьем не мила, столь и нравом непокладиста.

Послушавши речь Гермократа, кесарь пришел в такое же восхищение, в какое прежде приходили от прадеда его, и дозволил просить, чего пожелает, а Гермократ: «Венки, льготы, казенное пропитание, пурпур и жречество³⁰² – всё это нам, потомкам своим, завещал прадед, зачем же теперь просить у тебя

³⁰⁰ Речь идет о сохранившейся во фрагментах комедии Евполида «Льстецы», где изображен дом богача Каллия, разоряемый софистами, поэтами и прочими прихлебателями; ср. Athen. V. 59, XI. 115.

³⁰¹ «Зевесов Коринф» как похвала Антипатру вызывает недоумение: этот фразеологизм относился либо к бессмысленному повторению громких слов, либо к пустому хвастовству (Schol. Pind. Nem. VII. 105;

οὕτως ἐκείνην οὐκ ἂν διαφύγοι· τὸν γὰρ πατρῶον οἶκον βαθὺν αὐτῷ παραδοθέντα κατεδαπάνησεν οὐκ ἐς ἵπποτροφίας οὐδὲ ἐς λειτουργίας, ἀφ' ὧν καὶ ὄνομά ἐστιν ἄρασθαι, ἀλλ' ἐς ἄκρατον καὶ ἐταίρους οἴους παρασχεῖν καὶ κωμῳδία λόγον, οἷον παρέσχον λόγον οἱ Καλλίαν ποτὲ τὸν Ἴππονίκου κολακεύσαντες.

Ἀντιπάτρου δὲ παρεληλυθότος ἐς τὰς βασιλείους ἐπιστολὰς ἤδη ἀσπαζομένου τε ἀρμόσαι οἱ τὴν ἑαυτοῦ θυγατέρα πονήρως ἔχουσιν τοῦ εἶδους οὐκ ἐπήδησε πρὸς τὴν ἐκείνου εὐπραγίαν, ἀλλὰ καὶ τῆς προμνηστρίας ἀναγούσης ἐς τὴν τοῦ Ἀντιπάτρου ἰσχύιν, ἣν εἶχε τότε, οὐκ ἂν ποτε ἔφη δουλεῦσαι προικὶ μακρᾷ καὶ πενθεροῦ τύφῳ. ἐξωθούντων δὲ αὐτὸν τῶν συγγενῶν ἐς τὸν γάμον καὶ Διὸς Κόρινθον ἡγουμένων τὸν (611) Ἀντίπατρον οὐ πρότερον εἶξεν ἢ Σεβῆρον αὐτοκράτορα μεταπέμψαντα αὐτὸν ἐς τὴν ἐῶαν δοῦναί οἱ τὴν κόρην, ὅτε δὴ καὶ τῶν ἐπιτηδείων ἐρομένου τινὸς αὐτόν, πότε ἄγοι τὰ ἀνακαλυπτήρια, ἀστεειότατα ὁ Ἑρμοκράτης “ἐγκαλυπτήρια μὲν οὖν” ἔφη “τοιαύτην λαμβάνων”. καὶ διέλυσε μετ' οὐ πολὺ τὸν γάμον ὁρῶν οὔτε ἰδεῖν ἡδεῖαν οὔτε ἐπιτηδεῖαν τὸ ἦθος.

Καὶ ἀκροατὴς δὲ τοῦ Ἑρμοκράτους ὁ αὐτοκράτωρ γενόμενος ἠγάσθη αὐτὸν ἴσα τῷ πάππῳ δωρεάς τε αἰτεῖν ἀνῆκεν· καὶ ὁ Ἑρμοκράτης “στεφάνους μὲν” ἔφη “καὶ ἀτελείας καὶ σιτήσεις καὶ πορφύραν καὶ τὸ ἱερᾶσθαι ὁ πάππος ἡμῖν τοῖς ἀπ' αὐτοῦ παρέδωκεν, καὶ τί ἂν αἰτοίην παρὰ σοῦ τήμερον, ἃ ἐκ τοσούτου ἔχω; ἐπεὶ δὲ ἐστί μοι προστεταγμένον

Schol. Aristoph. Ran. 439; Schol. Plat. Euth. 292 E; CPG II. 368); остаётся предположить, что Филострат, не понимая значения поговорки, неверно использовал источник, в котором было что-то вроде «об Антипатре твердили как о Зевесовом Коринфе».

³⁰² Ср. I. 25. 532–533.

то, чем давным-давно обладаю? Но поелику в Пергаме велел мне Асклепий употреблять в пищу куропаток, сдобренных ладаном, а благовоние сие у нас ныне такая редкость, что даже богам воскуряют ячменные лепешки и лавровые листья, пожалуй мне пятьдесят талантов ладана, дабы и о богах позаботиться, и о себе самом». Кесарь дал ладана вкупе с похвалою и прибавил, что смущен столь малою просьбою³⁰³.

В выступлениях наипаче помогала Гермократу слава прадеда, ибо людям от природы присуще предпочитать доблести, воспринятые от пращуров, так что и победивший в Олимпии славнее, ежели из рода олимпиоников, и воитель превосходнее (612), ежели не невоенного рода – всем любезнее тот, кто избрал поприще отцов и дедов, и даже из искусств предпочтительны наследованные. Помогал ему и цветущий облик, ибо был он миловиден и подобен изваянию, точь-в-точь эфеб, да и юная дерзновенность его пред людными сборищами многих изумляла, как и всегда изумляются, когда кто-либо без труда совершает великое. На пользу были ему и беглость речи, и звучность голоса, а еще что мог он обдумать ипотезу в один миг, а еще что всё им читанное или говоренное по замыслу и по изложению было не по-юношески зрело. Речей Гермократа сохранилось то ли восемь, то ли десять, да еще краткое слово, произнесенное в Фокее над панионийским кубком³⁰⁴, – осмелюсь утверждать, что никто не превзошел бы сего юношу слогом, когда бы зависть³⁰⁵ не помешала ему возмужать. Скончался он, как говорят

³⁰³ Таким образом Гермократ получил на соус для куропаток около сорока больших амфор ладана (см. прим. к I. 21. 521).

³⁰⁴ Ср. также VA IV. 5–6.

ὑπὸ τοῦ κατὰ τὸ Πέργαμον Ἀσκληπιοῦ πέρδικα σιτεῖσθαι λιβανωτῶ θυμιώμενον, τὸ δὲ ἄρωμα τοῦτο οὕτω τι σπανιστὸν καθ' ἡμᾶς νῦν, ὡς ψαιστὸν καὶ δάφνης φύλλα τοῖς θεοῖς θυμιᾶσθαι, δέομαι λιβανωτοῦ ταλάντων πεντήκοντα, ἵνα θεραπεύοιμι μὲν τοὺς θεοὺς, θεραπευοίμην δὲ αὐτός.” ἔδωκε τὸν λιβανωτὸν ξὺν ἐπαίνῳ ὁ αὐτοκράτωρ ἐρυθριάν εἰπών, ἐπειδὴ μικρὰ ἤτήθη.

Ξυνελάμβανε δὲ τῷ Ἑρμοκράτει τῶν ἐπιδείξεων πρῶτον μὲν τὸ τοῦ πάππου κλέος, ἡ γὰρ φύσις ἡ ἀνθρωπεῖα τὰς ἀρετὰς ἀσπάζεται μᾶλλον τὰς ἐκ πατέρων ἐς παῖδας διαδοθείσας, ὅθεν εὐκλεέστερος μὲν Ὀλυμπιονίκης ὁ ἐξ Ὀλυμπιονικῶν οἴκου, γενναιότερος δὲ στρατιώτης ὁ μὴ ἀστρατεύτων ἡδίους τε τῶν ἐπιτηδεύσεων αἱ (612) πατέρων τε καὶ προγόνων οἴκουⁱ, καὶ τέχναι βελτίους αἱ κληρονομούμεναι, ξυνελάμβανε δὲ αὐτῷ καὶ ἡ ὥρα ἡ περὶ τῷ εἶδει, καὶ γὰρ ἐπίχαρις καὶ ἀγαλματίας, οἷα ἔφηβοι, καὶ τὸ θάρσος δὲ τοῦ μειρακίου τὸ ἐν τοῖς πλήθεσιν ἔκπληξιν ἐς τοὺς πολλοὺς ἔφερεν, ἦν ἐκπλήττονται ἄνθρωποι τοὺς τὰ μεγάλα μὴ ξὺν ἀγωνίᾳ πράττοντας. ἐδίδου τι καὶ ἡ εὐροια καὶ ὁ τῆς γλώττης κρότος καὶ τὸ ἐν στιγμῇ τοῦ καιροῦ ξυνορᾶν τὰς ὑποθέσεις καὶ τὰ ἀναγινγνωσκόμενά τε καὶ λεγόμενα παλαιότεραⁱⁱ ὄντα ἢ νέῳ γε ἐνθυμηθῆναι καὶ ἐρμηνεῦσαι. αἱ μὲν δὴ μελέται τοῦ Ἑρμοκράτους ὀκτώ που ἴσως ἢ δέκα καὶ τις λόγος οὐ μακρός, ὃν ἐν Φωκαίᾳ διήλθεν <ἐπὶ>ⁱⁱⁱ τῷ Πανιωνίῳ κρατῆρι. ἐμοὶ δὲ ἀποπεφάνθω μὴ ἂν τινα ὑπερφωνῆσαι τὴν μειρακίου τούτου γλῶτταν, εἰ μὴ ἀφηρέθη

ⁱ οἴκου Reiske delevit, καί που Kayser coniecit

ⁱⁱ πολιώτερα Jahn coniecit

ⁱⁱⁱ <ἐπὶ> Reiske et Cobet; <ἐν> Catrarius

³⁰⁵ Гермократ связан с Эрифрами, у Филострата там было имя, так что он наверняка знал местные сплетни – и на одну из них намекает, хотя понять этот намек уже невозможно.

иные, двадцати восьми лет, иные же говорят, что двадцати пяти, и восприяли его отчая земля и отчая усыпальница.

26. Достославен и *Гераклид* Ликийский³⁰⁶ – как в родной стране, ибо происходил от знатных предков и соделался у ликийцев верховным жрецом (а должность сию, пусть и у малого племени, римляне – полагаю, в память бывшего союзничества³⁰⁷ – ценят высоко), так и еще более (613) в софистическом искусстве, ибо умел и замышлять, и излагать, и в прениях излишеств избегать, и в похвальных словах не слишком опьяняться вдохновением.

Быв низвергнут с афинского престола, когда восстали на него приспешники Аполлония Навкратийского³⁰⁸, из коих первым, средним и последним³⁰⁹ был Маркиан Долихийский, отправился он в Смирну, более других городов воскуряющую софистическим Музам. Не сто́ит особо дивиться, что стало ради него стекаться в Ионию ионийское, лидийское, фригийское и карийское юношество, ведь Смирна по соседству со всеми названными странами; однако же привлек он туда и эллинов

³⁰⁶ Единственное упоминание о Гераклиде вне VS – в Суде, где Аписин Гадарский назван его учеником (Sud. A 4735).

³⁰⁷ В конце III Македонской войны (171–168 до н.э.) римляне изгнали из Ликии родосцев и объявили ее независимой, так что во время I Митридатовой войны (89–85 до н.э.) ликийцы держали сторону Рима, с которым были в союзе (AE 2007:1504), длившемся до 43 н.э., когда Клавдий сделал Ликию провинцией; заключение союза (foedus) – обычная форма отношений Рима с зависимыми странами, первый этап присоединения к «державе римского народа».

τὸ παρελθεῖν ἐς ἄνδρας φθόνῳ ἀλούς.

ἐτελεύτα δὲ κατ' ἐνίους μὲν ὀκτῶ καὶ εἴκοσι γεγονώς, ὡς δὲ ἔνιοι, πέντε καὶ εἴκοσι, καὶ ἐδέξατο αὐτὸν ἢ πατρῶα γῇ καὶ αἰ πατρῶαι θῆκαι.

κς'. Ἀνὴρ ἐλλογιμώτατος καὶ Ἡρακλείδης ὁ Λύκιος καὶ τὰ οἴκοι μὲν, ἐπειδὴ πατέρων τε ἀγαθῶν ἔφυ καὶ ἀρχιερεὺς Λυκίων ἐγένετο, τὴν δὲ λειτουργησίαν οὖσαν οὐ μεγάλου ἔθνους Ῥωμαῖοι¹ μεγάλων ἀξιοῦσιν ὑπὲρ ξυμμαχίας, οἶμαι, παλαιᾶς, ἐλλογιμώτερος δὲ ὁ (613) Ἡρακλείδης τὰ σοφιστικά, ἀποχρῶν μὲν γὰρ ξυνεῖναι, ἀποχρῶν δὲ ἐρμηνεύσαι καὶ τοὺς ἀγῶνας ἀπέριττος καὶ τὰς πανηγυρικὰς ἐννοίας οὐχ ὑπερβακχεύων.

Ἐκπεσὼν δὲ τοῦ θρόνου τοῦ Ἀθήνησι ξυστάντων ἐπ' αὐτὸν τῶν Ἀπολλωνίου τοῦ Ναυκρατίτου ἐταίρων, ὧν πρῶτος καὶ μέσος καὶ τελευταῖος Μαρκιανὸς ὁ ἐκ Δολίχης ἐγένετο, ἐπὶ τὴν Σμύρναν ἐτράπετο θύουσαν μάλιστα δὴ πόλεων ταῖς τῶν σοφιστῶν Μούσαις. νεότητα μὲν οὖν Ἰωνικὴν τε καὶ Λύδιον καὶ τὴν ἐκ Φρυγῶν καὶ Καρίας ξυνδραμεῖν ἐς Ἰωνίαν κατὰ ξυνουσίαν τοῦ ἀνδρὸς οὕτω μέγα, ἐπειδὴ ἀγχίθυρος ἀπάσαις ἢ Σμύρνα, ὁ δὲ ἦγε μὲν καὶ τὸ ἐκ τῆς Εὐρώπης

¹ Ῥωμαίων mss, Ῥωμαῖοι Valesius, Valckenaer et alii

³⁰⁸ Выше (II. 19. 599) сказано лишь о соперничестве этих двух софистов; Филострат винит в конфликте «приспешников» не только здесь – ср. II. 33. 627 (о соре Аспасия с Филостратом Лемносским); кафедру получали по назначению и сохраняли до смерти или переезда (вынужденного, добровольного или в Рим): Гераклид был побужден к отъезду конфликтом, но уехал по доброй воле – ср. Гипподрома, уехавшего из Афин по домашним обстоятельствам (II. 27. 618).

³⁰⁹ У Еврипида (Eur. Iph. Aul. 1125) такой перечень использован для выражения почтения; то же у следующего ему Феокрита (Theoc. XVII. 4); это подчеркивает шутиливость аллюзии Филострата.

из Европы, и молодежь с Востока³¹⁰, и множество египтян, кои слышали его прежде, когда, будучи в Египте, состязался он в мудрости с Птолемеем Навкратийским³¹¹. Вот так наполнил он Смирну блистательным полчищем, да и во многом другом оказался ей полезен. Поясню: горожане, дающие приют множеству чужеземцев, особливо же алчущим мудрости, будут блюсти пристойную сдержанность и в заседаниях совета, и в народных собраниях единого ради опасения, как бы многие усердные в науках не вменили им в вину распущенность, а кстати позаботятся и о храмах, и о гимнасиях, и о родниках, и о крытых переходах, дабы соответствовать потребностям упомянутого полчища; а если город еще и морской – Смирна же именно такова – то и море будет приносить им многообразные богатства. Поспособствовал Гераклид и украшению Смирны, устроив в гимнасии Асклепия источник елея с золотым навесом³¹²; а еще он исправлял у смирнейцев венценосную должность, по коей дают они имена годам³¹³.

(614) Как-то раз, говорят, произнося для кесаря Севера речь без подготовки, он лишился языка от страха пред придворными и копьеносцами³¹⁴. Судейский, случись с ним такое, еще заслуживал бы упрека, ибо племя судейских решительное и дерзкое, но как одолеть робость софисту, который почти всякий день занимается с молодежью³¹⁵? В говорении без подготовки смутит

³¹⁰ То есть из внутренних областей М. Азии к востоку от Смирны.

³¹¹ В биографии Птолемея (II. 15. 595–596) состязание с Гераклидом не упоминается; об отношениях этих софистов см. ниже (614).

³¹² После упражнений покрытое потом и пылью тело умащали елеем, который затем снимали вместе с грязью особым скребком; елей был дорог, подарить горожанам постоянно пополняемый его запас было большой щедростью; навес был нужен, чтобы в масло не попадал песок, которым посыпали пол гимнасия и который из-за прыжков, борьбы и т.д. клубился в воздухе.

Ἑλληνικόν, ἦγε δὲ τοὺς ἐκ τῆς ἐώας νέους, πολλοὺς δὲ ἦγεν Αἰγυπτίων οὐκ ἀνηκόους αὐτοῦ ὄντας, ἐπειδὴ Πτολεμαίῳ τῷ Ναυκρατίτῃ κατὰ Αἴγυπτον περὶ σοφίας ἤρισεν. ἐνέπλησε μὲν δὴ τὴν Σμύρναν ὁμίλου λαμπροῦ, ὦνησε δὲ καὶ πλείῳ ἕτερα, ἃ ἐγὼ δηλώσω· πόλις ἐς ξένους πολλοὺς ἐπεστραμμένη ἄλλως τε καὶ σοφίας ἐρῶντας σωφρόνως μὲν βουλευσεί, σωφρόνως δὲ ἐκκλησιάσει φυλαττομένη δῆπου τὸ ἐν πολλοῖς τε καὶ σπουδαίοις κακὴ ἀλίσκεσθαι, ἱερῶν τε ἐπιμελήσεται καὶ γυμνασίων καὶ κρηνῶν καὶ στοῶν, ἵνα ἀποχρῶσα τῷ ὁμίλῳ φαίνοιτο. εἰ δὲ καὶ ναύκληρος ἢ πόλις εἴη, καθάπερ ἢ Σμύρνα, πολλὰ καὶ ἄφθονα αὐτοῖς ἢ θάλασσα δώσει. ξυνήρατο δὲ τῇ Σμύρνῃ καὶ τοῦ εἴδους ἐλαίου κρήνην ἐπισκευάσας ἐν τῷ τοῦ Ἀσκληπιοῦ γυμνασίῳ χρυσὴν τοῦ ὀρόφου, καὶ τὴν στεφανηφόρον ἀρχὴν παρ' αὐτοῖς ἦρξεν, ἀφ' ὧν τοῖς ἐνιαυτοῖς τίθενται Σμυρναῖοι τὰ ὀνόματα.

(614) Ἐπὶ Σεβήρου δὲ αὐτοκράτορός φασιν αὐτὸν σχεδίου λόγου ἐκπεσεῖν αὐλήν καὶ δορυφόρους δείσαντα. τουτὶ δὲ ἀγοραῖος μὲν τις παθὼν κἂν αἰτίαν λάβοι, τὸ γὰρ τῶν ἀγοραίων ἔθνος ἰταμοὶ καὶ θρασεῖς, σοφιστῆς δὲ ξυσπουδάζων μεираκίοις τὸ πολὺ τῆς ἡμέρας πῶς ἂν ἀντίσχοι ἐκπλήξει; ἐκκρούει γὰρ σχεδίου λόγου καὶ ἀκροατῆς σεμνῶ προσώπῳ καὶ βραδὺς ἔπαινος καὶ τὸ μὴ κροτεῖσθαι συνήθως, εἰ δὲ καὶ φθόνου ὑποκαθημένου ἑαυτὸν αἴσθοιτο, ὥσπερ ὁ

³¹³ Греки и римляне обычно не нумеровали годы, а именовали по высшим магистратам: в Риме по консулам, в Афинах по архонту-эпониму, а в Смирне по одному из жрецов, чья должность названа «венеценосной», так как, вероятно, он выполнял и царские ритуалы.

³¹⁴ Речь идет о преторианцах, составлявших личную охрану императора и правителей провинций; нередкое вне Рима самоуправство наместников осуществлялось прежде всего с помощью этой привилегированной гвардии.

³¹⁵ Некоторые софисты были также практикующими адвокатами: ср. I. 19. 511; 21. 517; II. 2. 566 и др.

его и насупленное лицо слушателя, и натужная похвала, и отсутствие привычных рукоплесканий; а ежели еще и почувствует, что в засаде таится зависть – в коей Гераклид подозревал тогда Антипатра³¹⁶ – он и замышлять будет похуже, и говорить не столь плавно, ибо подобные подозрения суть мгла для мысли и оковы для языка.

Рассказывают также, что за порубку священных кедров лишили его большей части имущества, и вот, когда уходил он из судилища в сопровождении учеников, утешавших его и поддерживавших, и один из них сказал: «Уж красноречия-то, Гераклид, у тебя никто не отымет, ниже славы оногo» и припомнил стих «заперт только один внутри просторного...» – «...фиска»³¹⁷ подхватил Гераклид, с изрядным остроумием подшутив над собственными несчастьями.

Пожалуй, он более любого другого софиста собственным трудом освоил искусство, в коем природа ему отказала³¹⁸; есть у него и не лишнее приятности сочинение – небольшая книжица под названием «похвала труду». С сею книгою в руках (615) встретил его в Навкратисе софист Птолемей и спросил, над чем корпит, а когда он отвечал, что над похвалою труду, Птолемей, попросив свиток, стер «пи» и сказал: «Прочти-ка теперь название сей похвалы»³¹⁹. Да и Аполлоний Навкратийский в разглаголах против Гераклида ругает его зубрилою и тупицей.

³¹⁶ Нельзя не напомнить, что во время соперничества с Аполлонием сам Гераклид тоже распускал об удачливом конкуренте «лживые слухи» (II. 20. 601).

³¹⁷ Единственный случай употребления латинского слова в VS: это может быть подлинная шутка Гераклида, но не исключена вероятность, что Филострат пожертвовал здесь аттической чистотой ради остроты; Аристотель позволяет иногда использовать глоссу (редкое или иноязычное слово: Arist. Rhet. 1404 b), однако аттицисты предпочитали глоссы «редкие»; этот же стих Гомера (Hom. Od. IV. 498) обыгрывается ранее Геродом как «всем известный» – см. II. 1. 558 и прим.

Ἡρακλείδης τὸν τοῦ Ἀντιπάτρου τότε ὑφεωῤατο, ἦττον μὲν ἐνθυμηθήσεται, ἦττον δὲ εὐροήσει, αἱ γὰρ τοιαῖδε ὑποψαῖαι γνώμης ἀχλὺς καὶ δεσμὰ γλώττης.

Ἱερὰς δὲ λέγεται κέδρους ἐκτεμῶν δημευθῆναι τὸ πολὺ τῆς οὐσίας, ὅτε δὴ καὶ ἀπιδόντι αὐτῷ τοῦ δικαστηρίου ἐπηκολούθουν μὲν οἱ γνώριμοι παραμυθούμενοί τε καὶ ἀνέχοντες τὸν ἄνδρα, ἐνὸς δὲ αὐτῶν εἰπόντος “ἀλλ’ οὐ μελέτην ἀφαιρήσεταιί τις, ὦ Ἡρακλείδη, οὐδὲ τὸ ἐπ’ αὐτῇ κλέος”, καὶ ἐπιρραψωδήσαντος αὐτῷ τὸ

“εἷς δὴ που λοιπὸς κατερύκεται εὐρέϊ”

– “φίσκω” ἔφη, ἀστειότατα δὴ ἐπιπαίξας τοῖς ἑαυτοῦ κακοῖς.

Δοκεῖ δὲ μάλιστα σοφιστῶν οὗτος τὴν ἐπιστήμην πόνῳ κατακτήσασθαι μὴ ξυγχωρούσης αὐτῷ τῆς φύσεως, καὶ ἔστιν αὐτῷ φρόντισμα οὐκ ἀηδές, βιβλίον ξύμμετρον, ὃ ἐπιέγγραπται Πόνου ἐγκώμιον, τὸ δὲ βιβλίον τοῦτο πρὸ χειρῶν ἔχων (615) ἐνέτυχε Πτολεμαίῳ τῷ σοφιστῇ κατὰ τὴν Ναυκρατίν, ὃ δὲ ἤρετο αὐτόν, ὅ τι σπουδάζοι, τοῦ δὲ εἰπόντος, ὅτι Πόνου εἷη ἐγκώμιον, αἰτήσας ὁ Πτολεμαῖος τὸ βιβλίον καὶ ἀπαλείψας τὸ πῖ “ὥρα σοι” ἔφη “ἀναγιγνώσκειν τὸ ὄνομα τοῦ ἐγκωμίου”. καὶ αἱ διαλέξεις δέ, ἃς Ἀπολλώνιος ὁ Ναυκρατίτης κατ’ αὐτοῦ διελέγετο, ὥς νωθοῦ καθάπτονται καὶ μοχθοῦντος.

³¹⁸ Φιλοστрат не сообщает, что именно в софистическом искусстве досталось Гераклиду тяжким трудом – ср. Аристиды, так и не освоившего импровизацию (II. 9. 583), или Аспасия, хорошо освоившего ее лишь в зрелом возрасте (II. 33. 628); проще предположить, однако, что поводом для такого утверждения является упомянутая ниже «Похвала труду», а то и язвительная шутка Птолемея.

³¹⁹ Непереводаемая игра слов πόνος (труд) и ὄνος (осел): так Πόνου ἐγκώμιον («похвала труду») превращается в ὄνου ἐγκώμιον («похвала ослу»).

Герода учителем Гераклида мнят ложно, а вот касательно Адриана и Хреста сие достоверно; можно верить также, что слушал он Аристокла. Еще говорят, что брюхо у него было обширное и что был он весьма чревоугодлив, однако же обжорство никак ему не повредило: умер он восьмидесяти с лишним лет и здоровый телом, а погребен, говорят, в Ликийи. После него осталась дочь и нерадивые отпущенники, коим была отказана Риторика, а Риторика – именице его близ Смирны ценой в десять талантов, купленное на доходы от преподавания.

27. Также и *Гипподрома* Фессалийского никто да не поставит ниже поименованных софистов, ибо одних он с очевидностью превосходит, а другим ежели в чем и уступает, мне о том неведомо. Отечеством Гипподрому была Ларисса, благоденственный город в Фессалии, а отцом – Олимпиодор, из всех фессалийцев наипервейший коннозаводчик³²⁰.

Хотя в Фессалии и единожды председательствовать на Пифийских играх почитается немалым, Гипподром председательствовал (616) дважды, опередив предшественников и величиим замысла, и богатством и великолепием состязания, и правосудностью в награждениях³²¹, а обхождение его с трагическим лицедем и вовсе никому не оставило возможности обогнать его справедливостью и разумением. Сим лицедем был Климент Византийский, коему равных в трагическом искусстве не бывало, но, поелику побеждал он в пору осады Византия, уходил восвояси без побед, дабы никто не мнил, будто в лице единого мужа присуждается победа городу, подъявшему оружие на

³²⁰ Фессалийские равнины были удобны для разведения лошадей (cf. Strab. VIII. 8. 1).

³²¹ Самый ранний список Амфикионон см. у Эсхина, первые в нем фессалийцы (Aeschin. II. 116), считавшиеся основателями Амфикионии и на собиравшемся дважды в год синедрионе имевшие два голоса,

Ἡρακλείδου διδάσκαλοι Ἡρώδης μὲν τῶν οὐκ ἀληθῶς πεπιστευμένων, Ἀδριανὸς δὲ καὶ Χρῆστος ἐν γνησίοις, καὶ Ἀριστοκλέους δὲ ἡκροᾶσθαι αὐτὸν μὴ ἀπιστῶμεν. λέγεται δὲ καὶ γαστρὶ κοίλῃ χρήσασθαι καὶ πλείστα ὀψοφαγῆσαι, καὶ ἡ πολυφαγία αὕτη ἐς οὐδὲν αὐτῷ ἀποσκήψαι. ἔτελεύτα γοῦν ὑπὲρ τὰ ὀγδοήκοντα ἔτη ἄρτιος τὸ σῶμα καὶ τάφος μὲν αὐτῷ Λυκία λέγεται, ἔτελεύτα δὲ ἐπὶ θυγατρὶ καὶ ἀπελευθέροις οὐ σπουδαίοις, ὑφ' ὧν καὶ τὴν Ῥητορικὴν ἐκληρονομήθη· ἡ δὲ Ῥητορικὴ γήδιον δεκατάλαντον ἦν αὐτῷ κατὰ τὴν Σμύρναν ἔωνημένον ἐκ τῶν ἀκροάσεων.

κζ'. Μὴ δεύτερα τῶν προειρημένων σοφιστῶν μηδὲ Ἱππόδρομόν τις ἡγείσθω τὸν Θετταλὸν, τῶν μὲν γὰρ βελτίων φαίνεται, τῶν δὲ οὐκ οἶδα ὅ τι λείπεται. Ἱπποδρόμῳ τοίνυν πατὴρ μὲν ἦν Λάρισσα πόλις εὖ πράττουσα ἐν Θετταλοῖς, πατήρ δὲ Ὀλυμπιόδωρος παρελθὼν ἵπποτροφίᾳ Θετταλοὺς πάντας.

Μεγάλου δὲ ἐν Θετταλίᾳ δοκοῦντος τοῦ καὶ ἄπαξ προστῆναι τῶν Πυθίων ὁ Ἱππόδρομος (616) προέστη δις τῶν Πυθικῶν ἄθλων, πλούτῳ τε ὑπερήνεγκε τοὺς ἄνω καὶ κόσμῳ τῷ περὶ τὸν ἀγῶνα καὶ μεγέθει γνώμης καὶ δικαιοσύνη βραβευοῦση τὸ εὐθύ. τὸ γοῦν περὶ τὸν τῆς τραγωδίας ὑποκριτὴν ὑπ' αὐτοῦ πραχθὲν οὐδὲ ὑπερβολὴν ἐτέρῳ καταλέλοιπε δικαιοσύνην τε καὶ γνώμης· Κλήμης γὰρ ὁ Βυζάντιος τραγωδίας ὑποκριτὴς ἦν μὲν οἷος οὕτω τις τὴν τέχνην, νικῶν δὲ κατὰ τοὺς χρόνους, οὓς τὸ Βυζάντιον ἐπολιορκεῖτο, ἀπῆει ἀμαρτάνων τῆς νίκης, ὥς μὴ δοκοίη δι' ἐνὸς ἀνδρὸς κηρύττεσθαι πόλις ὅπλα ἐπὶ Ῥωμαίους ἡρμένη. ἄριστα δὲ αὐτὸν ἀγωνισάμενον κἂν τοῖς

так как посылали туда двух гиеромнемонов; им же традиционно принадлежало председательство в синедрione; они же чаще других возглавляли Пифийские игры в почетной должности агонoфeтa, которую дважды занимал Гипподром.

римлян³²². И вот, когда отменно выступил он и у Амфикионов, они по причине помянутого страха не хотели объявить его победителем – тут-то Гипподром, вскочив с места, вскричал: «Да пропади они со своими лживыми клятвами и неправосудными решениями! Я – за Климента!» Другой лицедей пожаловался на сие кесарю, но мнение Гипподрома вновь возобладало – византиец победил и в Риме.

Однако же, быв таковым пред народом, в показательных речах отличался он редкостною скромностью: освоив искусство самолюбивое и хвастливое, никогда не хвалил самого себя, а преувеличенные похвалы пресекал. Вот и когда однажды эллины чествовали его множеством громких славословий и даже сравнивали с Полемоном, он возразил: «Как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?»³²³ – и так ни славы божественного мужа у Полемона не отнял, ниже допустил (617) равнять себя со столь великим человеком. А когда Прокл Навкратийский сочинил речь, преклонным летам его не приличную, в коей глумился над учившими в Афинах и среди прочих над Гипподромом, мы уж решили, что услышим ответную речь наподобие Прокловой, Гипподром же, отнюдь не отругиваясь, произнес хвалу добрословию, начавши с павлина, хвост коего от похвалы подымется. Вот так относился он к старшим, хоть намного превосходившим его летами, хоть ненамного; а как обходился

³²² После убийства в 192 н.э. Коммода и последовавшего краткого правления Пертинакса на верховную власть притязали несколько полководцев: Септимию Северу противостоял Песценний Нигер, и Византий поддержал Нигера, за что после двухлетней осады был в 195 н.э. разрушен войсками победившего Севера.

Ἀμφικτυονικοῖς ἄθλοις οἱ μὲν Ἀμφικτύονες ἀπεψηφίζοντο τῆς νίκης δέει τῆς προειρημένης αἰτίας, ἀναπηδήσας δὲ ξὺν ὀρμῇ ὁ Ἴππόδρομος “οὗτοι μὲν” εἶπεν “ἐρρώσθων ἐπιорκοῦντές τε καὶ παραγιγνώσκοντες τοῦ δικαίου, ἐγὼ δὲ Κλήμεντι τὴν νικῶσαν δίδωμι.” ἐφέντος δὲ θατέρου τῶν ὑποκριτῶν ἐπὶ τὸν βασιλέα, ἠὺδοκίμησε πάλιν ἡ τοῦ Ἴπποδρόμου ψῆφος, καὶ γὰρ δὴ καὶ ἐπὶ τῆς Ῥώμης ἐνίκα ὁ Βυζάντιος.

Τοιοῦτος δὲ ὢν ἐς τὰ πλήθη θαυμασίᾳ πραότῃ ἐπὶ τὰς ἐπιδείξεις ἐχρῆτο· παραλαβὼν γὰρ τὴν τέχνην φίλαυτόν τε καὶ ἀλαζόνα οὔτε ἐς ἔπαινον ἑαυτοῦ κατέστη ποτὲ καὶ ἐπέκοπτε τὰς ὑπερβολὰς τῶν ἐπαίνων· βοώντων γοῦν ἐπ’ αὐτῷ ποτε τῶν Ἑλλήνων πολλὰ καὶ εὖφημα καὶ που καὶ τῷ Πολέμωνι ὁμοιούντων αὐτὸν

“τί μ’ ἀθανάτοισιν εἰσκέεις;”

ἔφη, οὔτε τὸν Πολέμωνα ἀφελόμενος τὸ νομίζεσθαι θεῖον ἄνδρα, οὔτε ἑαυτῷ διδοὺς τὸ τοιούτῳ ὁμοιοῦσθαι. Πρόκλου δὲ τοῦ Ναυκρατίτου πομπείαν (617) οὐ πρεσβυτικὴνⁱ ξυνθέντος ἐπὶ πάντας τοὺς παιδεύοντας Ἀθήνησι καὶ τὸν Ἴππόδρομον ἐγκαταλέξαντος τῷ λαιδορησῶ τούτῳ ἡμεῖς μὲν ὥόμεθα λόγου ἀκροάσεσθαιⁱⁱ πρὸς τὴν τῶν εἰρημένων ἡχῶ ξυγκειμένου, ὁ δὲ οὐδὲν εἰπὼν φλαῦρον ἔπαινον εὐφημίας διεξῆλθεν, ἀρξάμενος ἀπὸ τοῦ ταῷ [τοῦ ὄρνιθος]ⁱⁱⁱ ὡς ἀναπτεροῦντος αὐτὸν τοῦ ἐπαίνου. ὧδε μὲν δὴ διέκειτο

ⁱ πρεσβυτικὴν Cobet, Civiletti; πρεσβευτικὴν mss.

ⁱⁱ ἀκροάσεσθαι Cobet, ἀκροάσασθαι mss

ⁱⁱⁱ delevit Cobet

³²³ Аллюзия на обращенную к Телемаху реплику Одиссея: «Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить? / Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем / столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая» (Hom. Od. XVI. 187–189).

со сверстниками³²⁴, можно понять из нижеследующего. Юноша, прибывший в Афины из Ионии, расхваливал Гераклида³²⁵ и всем уже наскучил; тут-то Гипподром, посетив его выступление, заметил: «Да парень прямо-таки влюблен в учителя! Надо бы подсобить ему в любовном деле – коли научиться славословить, уедет с прибытком», – а засим произнес Гераклиду славословие, каких тому еще не слагали. А вот по Диодоту Каппадокийскому³²⁶, являвшему большие дарования к красноречию, но почившему в ранней молодости, проливал Гипподром слезы и носил черное, так явив себя отцом эллинов, заботящимся, чтобы и после него были достохвальные мужи³²⁷. Наипаче же явил он заботу сию в Олимпии³²⁸: Филострату Лемносскому, ученику своему, двадцати двух лет от роду, когда отважился тот говорить без подготовки, дал он множество советов касательно искусства похвальных речей и что надлежит в них помянуть, а чего помянуть не стоит; а когда эллины пожелали, чтобы следом выступил он сам, отвечал: «С собственным потрохом драться не стану», – и, сказавши так, отложил выступление свое до дня жертвоприношения³²⁹. Довольно мне и сего, чтобы показать, сколько было в нем вежества, человеколюбия и кротости.

³²⁴ В приводимом ниже анекдоте «сверстник», разумеется, Гераклид, а не юный ионец: подобная небрежность (с расчетом на понимание «по смыслу») для Филострата характерна; остается добавить, что Гераклид, умерший восьмидесяти с лишним лет (II. 26. 615), должен быть заметно старше Гипподрома, умершего позднее его (II. 27. 618) лет семидесяти (II. 27. 620).

³²⁵ Из текста следует, что это случилось уже после переселения Гераклида в Смирну (II. 26. 613).

³²⁶ М. Ацилий Диодот, уроженец Кесарии Каппадокийской, известен

πρὸς τοὺς ἑαυτοῦ πρεσβυτέρους καὶ χρόνῳ πολλῷ τε καὶ οὐ πολλῷ προειληφότας, ὡς δὲ καὶ πρὸς τοὺς ἰσηλικας εἶχεν, ὑπάρχει μαθεῖν ἐκ τῶνδε. νεανίας ἀπ' Ἰωνίας ἦκων Ἀθήναζε διῆει ἐπαίνους τοῦ Ἡρακλείδου πέρα ἀχθηδόνο· ἰδὼν οὖν αὐτὸν ὁ Ἰππόδρομος ἐν τῇ ἀκροάσει “ὁ νεανίας οὗτος” ἔφη “ἔρᾳ τοῦ ἑαυτοῦ διδασκάλου. καλὸν οὖν ξυλλαβεῖν αὐτῷ τῶν παιδικῶν. καὶ γὰρ ἂν καὶ ξὺν ἐρμαίῳ ἀπέλθοι μαθὼν ἐγκωμιάζειν.” καὶ εἰπὼν ταῦτα ἔπαινον τοῦ Ἡρακλείδου διῆλθεν, οἷος ἐπ' αὐτῷ οὕτω εἴρηται. τὰ δὲ ἐπὶ Διοδότῳ τῷ Καππαδόκῃ δάκρυα καὶ τὸ ἐσθῆτα μέλαιναν ἐπ' αὐτῷ ἐνδύναι φύσιν μὲν παρεσχημένῳ μελέτῃ ἐπιτηδείαν, ἐφήβῳ¹ δὲ ἀποθανόντι πατέρα τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐκήρυξε τὸν Ἰππόδρομον καὶ περιωπὴν ἔχοντα τοῦ καὶ μεθ' ἑαυτὸν γενέσθαι τινὰς ἀριπρεπεῖς ἄνδρας. τουτὶ δὲ μάλιστα ἐν Ὀλυμπίᾳ ἐδήλωσεν· Φίλοστράτῳ γὰρ τῷ Λημνίῳ γνωρίμῳ μὲν ἑαυτοῦ ὄντι, δύο δὲ καὶ εἴκοσιν ἔτη γεγονότι ἀναρριπτοῦντί τινα αὐτοσχέδιον πλεῖστα μὲν ἐνέδωκε τῇ τέχνῃ τῶν ἐπαίνων, ὧν τε εἰπεῖν ἔδει καὶ μὴ, ἀξιούσης δὲ καὶ τὸν Ἰππόδρομον τῆς Ἑλλάδος αὐτίκα παρίεναι, “οὐκ ἐπαποδύσομαι” ἔφη “τοῖς ἐμαυτοῦ σπλάγχνοις”. καὶ εἰπὼν ταῦτα ἀνεβάλετο τὴν ἀκρόασιν ἐπὶ τὴν τῆς θυσίας ἡμέραν. ταῦτα μὲν οὖν ἐχέτω μοι δῆλωσιν ἀνδρὸς πεπαιδευμένου φιλανθρώπου τε καὶ πρᾶου τὸ ἦθος.

¹ ἐν ἐφήβῳ Cobet

также из почетной надписи в Пергаме (ок. 200 н.э.), где назван софистом (AvP VIII. 3. 35).

³²⁷ Словоcочетание ἀριπρεπεῖς ἄνδρας позаимствовано у Гомера (Hom. II. IX. 441), где старец Феникс говорит своему воспитаннику Ахилле-су: «...И в советах, где становятся достохвальными мужи».

³²⁸ Имеются в виду Игры 209 н.э.

³²⁹ Жертвоприношение совершалось в последний день Игр, так что Гипподром выступать не отказался, но позаботился о благоприятных для ученика условиях.

(618) Во главе афинских софистов стоял он около четырех лет, а уехать пришлось из-за жены и из-за имущества: жена у него была весьма деловитая и домовитая, но, как оба они были в отсутствии, богатые их имения приходили в упадок. Однако же посещением всеэллинских празднеств он не пренебрегал, часто бывая там ради показательных выступлений и дабы не быть забыту. А еще в пору, когда уже оставил преподавание, превосходно являл он и усердие свое к науке: выучил наизусть больше любого из эллинов – по крайности, из тех, кто после Александра Каппадокийского имел счастье обладать хорошей памятью, – да и прочитал больше всех после Аммония Перипатетика, а уж учение его я не знаю. Ни в деревне не оставлял Гипподром науку, ни в дороге, ни плывя по морю, но называл ее достоянием дорожне богатства, как сказано в священных песнопениях Еврипида и Амфиона³³⁰.

На вид несколько мужиковатый, обнаруживал он, однако, необычайное благородство во взоре – грозном и вместе веселом. Приметил это у него, как сам рассказывает, и Мегистий Смирнский, в физиогномике не из последних, а дело было так. После смерти Гераклида Гипподром прибыл в Смирну, прежде там не бывав, и, сошед с корабля, отправился на майдан в надежде встретить кого-нибудь, сведущего в местном красноречии. Узрев святилище и сидящих подле него дядек и провожатых с полными книг сумками, он смекнул, что внутри учит некто знаменитый, вошел, поприветствовал Мегистия и уселся, не задавая никаких вопросов. Мегистий решил, что он желает побеседовать об ученике, будучи, похоже, отцом или воспита-

³³⁰ Здесь, как и в сходном случае (VA VII. 4), Филострат идентифицирует цитату сразу по имени автора и по имени героя, произносящего реплику: «священные песнопения Еврипида и Амфиона» означают

Τὸν δὲ Ἀθήνησι τῶν σοφιστῶν θρόνον κατασχὼν (618) ἐτῶν που τεττάρων ἀπηνέχθη αὐτοῦ ὑπὸ τῆς γυναικὸς καὶ τοῦ πλούτου, ἐκείνη γὰρ ἐνεργοτάτη γυναικῶν ἐγένετο καὶ φύλαξ ἀγαθὴ χρημάτων, ἀμφοῖν τε ἀπόντων ἡ οὐσία ὑπεδίδου. τοῦ γε μὴν φοιτᾶν ἐς τὰς τῶν Ἑλλήνων πανηγύρεις οὐκ ἡμέλει, ἀλλ' ἐθάμιζεν ἐς αὐτὰς ἐπιδείξων ἔνεκα καὶ τοῦ μὴ ἀγνοεῖσθαι. βελτίων δὲ κἀκεῖνα ἐφαίνετο ὑπὸ τοῦ καὶ μετὰ τὸ πεπαῦσθαι τοῦ παιδεύειν αἰεὶ σπουδάζειν. Ἰππόδρομος μὲν γὰρ δὴ πλεῖστα μὲν ἐξέμαθεν Ἑλλήνων τῶν γε μετὰ τὸν Καππαδόκην Ἀλέξανδρον μνήμην εὐτυχησάντων, πλεῖστα δὲ ἀνέγνω μετὰ γε Ἀμμώνιον τὸν ἀπὸ τοῦ Περιπάτου, ἐκείνου γὰρ πολυγραμματώτερον ἄνδρα οὕτω ἔγνω. μελέτης δὲ ὁ Ἰππόδρομος οὔτε ἐν ἀγρῷ διαιτώμενος ἡμέλει οὔτε ὁδοιπορῶν οὔτε ἐν θαλάττῃ¹, ἀλλὰ καὶ κρεῖττον ὄλβου κτῆμα ἐκάλει αὐτὴν ἐκ τῶν Εὐριπίδου τε ὕμνων καὶ Ἀμφίονος.

Ἀγροικότερός τε ὢν τὸ εἶδος ὅμως ἀμύχανον εὐγένειαν ἐπεδήλου τοῖς ὄμμασι γοργόν τε καὶ φαιδρὸν βλέπων. τουτὶ δὲ καὶ Μεγιστίας ὁ Σμυρναῖος ἐν αὐτῷ καθεωρακέναι φησὶν οὐ τὰ δευτέρα τῶν φυσιογνωμονούντων νομισθεῖς ἀφίκετο μὲν γὰρ ἐς τὴν Σμύρναν μετὰ τὸν Ἡρακλείδην ὁ Ἰππόδρομος οὕτω πρὸ τούτου ἦκων, ἀποβὰς δὲ τῆς νεῶς ἀπήει ἐς ἀγοράν, εἴ τῳ ἐντύχοι πεπαιδευμένῳ τὰ ἐγχώρια. ἱερὸν δὲ κατιδὼν καὶ παιδαγωγούς τε προσκαθημένους ἀκολουθούς τε παῖδας ἄχθη βιβλίων ἐν πήραις ἀνημμένους ξυνῆκεν, ὅτι παιδεύοι τις ἔνδον τῶν ἐπιφανῶν, καὶ ἔσω παρήει καὶ προσειπὼν τὸν Μεγιστίαν ἐκάθητο ἐρωτῶν οὐδέν. ὁ μὲν δὴ Μεγιστίας ᾤετο ὑπὲρ μαθητῶν αὐτὸν διαλέξεσθαι οἷ, πατέρα ἴσως ἢ τροφέα παίδων

¹ θαλάττῃ Jahn; Θετταλίς mss.

телем, и спросил, по какому, мол, делу, (619) а тот: «Узнаешь, когда останемся наедине». Итак, отпустивши отроков с урока, Мегистий сказал: «Говори, чего надо», а Гипподром: «Поменяемся одеждой!» – а был на нем простой плащ, на Мегистии же выходное платье. Мегистий ему: «Это еще зачем?», а тот: «Хочу сказать речь». Мегистий подумал было, что объявляющий такое тронулся и бредит, но, заметив сверкающие в очах прищлеца молнии и что он здрав умом и покоен, отдал одежду, а на вопрос о предмете ипотезы предложил «мага, жаждущего смерти, ибо не мог убить мага-прелюбодея». Когда, усевшись на учительское место, Гипподром, чуть помедлив, вскочил, снова и пуще прежнего овладело Мегистием подозрение, что он не в себе и что вышеописанные его замашки от умопомешательства; однако едва тот приступил к ипотезе и произнес: «А уж себя-то сумею!», Мегистий, вне себя от восхищения, бросился к гостю, умоляя объявить, кто он таков, а тот: «Я Гипподром Фессалийский и пришел поупражняться с тобой, дабы узнать от воистину ученого мужа свойства ионийского красноречия. Но дослушай ипотезу мою до конца»³³¹. А к исходу речи уже сбегались к дверям Мегистия любители образованности со всей Смирны, ибо молва о приезде Гипподрома разлетелась мигом. Он же, начав прежнюю ипотезу заново, развивал ранее сказанное по-иному³³², а после, выступая пред всеми смирнейцами, внушил им восхищение и показался достоин почитаться наравне с мужами старого времени.

(620) В разглаголах опирался Гипподром на Платона и Диона, в речах же был мощен, как Полемон, а сладостью порой и превосходил его; плавность же речей его была как у тех, кто без

³³¹ Ср. рассказ о встрече Марка Византийского с Полемоном (I. 24. 529).

ὄντα, καὶ ἤρετο, ὑπὲρ ὅτου ἦκοι, ὁ δὲ “πέυσῃ” ἔφη “ἐπειδὴν αὐτοὶ (619) γενώμεθα”. διακωδωνίσας οὖν ὁ Μεγιστίας τὰ μειράκια “λέγε”, ἔφη “ὅ τι βούλει”. καὶ ὁ Ἰππόδρομος “ἀντιδῶμεν ἀλλήλοις τὴν ἐσθῆτα” εἶπεν, ἣν δὲ ἄρα τῷ μὲν Ἰπποδρόμῳ χλαμύς, τῷ δὲ αὖ δημηγορικὸν ἱμάτιον. “καὶ τίνα σοι νοῦν ἔχει τοῦτο;” ἦ δ’ ὁ Μεγιστίας. “ἐπίδειξιν” ἔφη “σοι μελέτης ποιήσασθαι βούλομαι”. δαιμονᾶν μὲν οὖν αὐτὸν ὥρῃθη ταῦτα ἐπαγγέιλαντα καὶ τὴν γνώμην ἐλαύνεσθαι, τὰς βολὰς δὲ ἀνασκοπῶν τῶν ὁμμάτων καὶ ὁρῶν αὐτὸν ἔννουν καὶ καθεστηκότα ἀντέδωκε τὴν ἐσθῆτα ὑπόθεσίν τε αἰτήσαντι προὔβαλε τὸν μάγον τὸν ἀποθνήσκειν ἀξιοῦντα, ἐπειδὴ μὴ ἐδυνήθη ἀποκτεῖναι μάγον μοιχόν. ὥς δὲ ἰζήσας ἐπὶ τοῦ θρόνου καὶ σμικρὸν ἐπισχὼν ἀνεπήδησεν, μᾶλλον ἐσῆει τὸν Μεγιστίαν ὁ τῆς μανίας λόγος καὶ τὰ πλεονεκτήματα ἐμβροντησίαν ᾤετο, ἀρξαμένου δὲ τῆς ὑποθέσεως καὶ εἰπόντος “ἀλλ’ ἐμαυτὸν γε δύναμαι” ἐξέπεσεν ἑαυτοῦ ὑπὸ θαύματος καὶ προσδραμὼν αὐτῷ ἰκέτευε μαθεῖν, ὅστις εἴη. “εἰμὶ μὲν” ἔφη “Ἰππόδρομος ὁ Θετταλός, ἦκω δέ σοι ἐγγυμνασόμενος, ἵν’ ἐκμάθοιμι δι’ ἐνὸς ἀνδρὸς οὕτω πεπαιδευμένου τὸ ἦθος τῆς Ἴωνικῆς ἀκροάσεως. ἀλλ’ ὅρα με δι’ ὅλης τῆς ὑποθέσεως.” περὶ τέρμα δὲ τοῦ λόγου δρόμος ὑπὸ τῶν κατὰ τὴν Σμύρναν πεπαιδευμένων ἐπὶ τὰς τοῦ Μεγιστίου θύρας ἐγένετο, ταχείας τῆς φήμης διαδοθείσης ἐς πάντας ἐπιχωριάζειν αὐτοῖς τὸν Ἰππόδρομον, ὁ δὲ ἀναλαβὼν τὴν ὑπόθεσιν ἐτέρᾳ δυνάμει μετεχειρίσατο τὰς ἤδη εἰρημένας ἐννοίας παρελθὼν τε ἐς τὸ κοινὸν τῶν Σμυρναίων ἀνὴρ ἔδοξε θαυμάσιος καὶ οἶος ἐν τοῖς πρὸ αὐτοῦ γράφεσθαι.

Ἦν δὲ αὐτῷ τὰ μὲν τῆς διαλέξεως Πλάτωνος (620) ἀνημμένα καὶ Δίωνος, τὰ δὲ τῆς μελέτης κατὰ τὸν Πολέμωνα ἐρρωμένα καὶ πού καὶ ποτιμώτερα, τὰ δὲ τῆς εὐροίας οἷα τοῖς

³³² Развитие темы на разные лады считалось признаком особого мастерства (ср. II. 5. 572–573).

труда читает хорошо знакомое. К сказанному софистом Никагором³³³, нарекшим трагедию матерью софистов³³⁴, Гипподром добавил: «А вот отцом их я почитаю Гомера». Трудился он и над Архилохом, называя Гомера гласом софистов, Архилоха же – дыханием³³⁵. Речей его около тридцати, из коих лучшие – «граждане Катаны»³³⁶, «скифы»³³⁷ и «Демад, отказывающийся восставать, пока Александр в Индии»³³⁸; поют и его песни, ибо брался он и за номическую лиру³³⁹. Умер он дома, лет семидесяти от роду, оставив сына, домом и поместьями распоряжаться способного, но буйного, скудоумного и софистике не ученого³⁴⁰.

28. Мнящие *Вара* Лаодикейского³⁴¹ достойным памяти сами да не удостоятся памяти, ибо он пошл, пуст и глуп, а еже-

³³³ По свидетельству *Суды*, этот софист подвизался при Филиппе Арабе, в 244–249 (Sud. N 373); элевсинская надпись Syll³ 845 называет его глашатаем священнодействий (ἱερὸν κήρυξ, или ἱεροκήρυξ, в храмовой иерархии выше только факелоносец и иерофант: см. II. 10. 587 и прим.); он вел род от платоника Секста, племянника Плутарха, и позднее занимал афинскую кафедру; сын его Минуциан, подвизавшийся при Галлиене (253–268 н.э.), также был софистом (Sud. M 1087); названные в *Суде* сочинения Никагора не сохранились; связи с неоплатониками он, если верить свидетельству Порфирия (Euseb. Praep. Ev. X. 3. 1; 9–11), сохранял.

³³⁴ Ср. I. 21. 518 и прим. и I. 25. 539 и прим.

³³⁵ Гомер и Архилох традиционно считались лучшими поэтами, соответственно эпическим и лирическим (ср. Dio Chr. XXXIII. 11 и др.).

³³⁶ Вероятно, предмет гипотезы связан с упоминаемым у Фукидида извержением Этны, в 475 до н.э. опустошившим часть Катаны (Thuc. III. 116) – ср. сохраненные у Гермогена (Hermog. Inv. II. 1) и его комментаторов (RhG VII. 795) свидетельства; гипотеза изображала спор,

ἀλύπως ἀναγιγνώσκουσι τὰ σφόδρα αὐτοῖς καθωμιλημένα. Νικαγόρου δὲ τοῦ σοφιστοῦ μητέρα σοφιστῶν τὴν τραγωδίαν προσειπόντος διορθούμενος ὁ Ἱππόδρομος τὸν λόγον “ἐγὼ δὲ” ἔφη “πατέρα Ὅμηρον.” ἐσπούδαζε δὲ καὶ ἀπὸ Ἀρχιλόχου καλῶν τὸν μὲν Ὅμηρον φωνὴν σοφιστῶν, τὸν δὲ Ἀρχίλοχον πνεῦμα. μελέται μὲν δὴ τοῦ ἀνδρὸς τούτου τριάκοντα ἴσως, ἄριστοιⁱ δὲ αὐτῶν οἱ Καταναῖοι καὶ οἱ Σκύθαι καὶ ὁ Δημάδης ὁ μὴ ξυγχωρῶν ἀφίστασθαι Ἀλεξάνδρου ἐν Ἰνδοῖς ὄντος. ἄδονται δὲ αὐτοῦ καὶ λυρικοὶ νόμοι, καὶ γὰρ δὴ καὶ τῆς νομικῆς λύρας ἤπτετο. ἐτελεύτα δὲ ἀμφὶ τὰ ἐβδομήκοντα καὶ οἴκοι καὶ ἐπὶ υἱῷ ἀγροῦ μὲν προστῆναι καὶ οἰκίας ἱκανῶ, παραπλήγι δὲ καὶ ἔκφρονι, τὰ δὲ τῶν σοφιστῶν οὐ πεπαιδευμένῳ.

κη'. Οἱ τὸν Λαοδικέα Οὔαρον λόγωνⁱⁱ ἀξιοῦντες αὐτοὶ μὴ ἀξιούσθων λόγωνⁱⁱⁱ, καὶ γὰρ εὐτελὴς καὶ διακεχηνῶς καὶ

ⁱ ἄρισται Kayser

ⁱⁱ λόγου Cobet

ⁱⁱⁱ λόγου Cobet

следует ли после случившегося бедствия переселиться или лучше остаться в родных местах.

³³⁷ Ср. II. 5. 572 и прим.

³³⁸ Речи Демада не сохранились, но названия некоторых известны, и среди них нет ни одной, перекликающейся с приведенной здесь темой: вероятно, тема придумана в ответ на засвидетельствованное Сирианом «Демосфен, призывающий воспользоваться случаем, пока Александр в Индии» (Syrian. Hermog. II. 181. 8–9); современные событиям источники не сообщают о каких-либо сопоставимых действиях этих демагогов.

³³⁹ Хотя в описываемый период лидирующим родом литературы была риторика, многие софисты ценили поэзию, а порой и сами сочиняли – ср. I. 21. 518; I. 25. 539 и прим.; номы исполнялись под аккомпанемент авла или кифары (лиры) и были гимнами богам.

³⁴⁰ Возможно, это упоминаемый в надписях М. Аврелий Олимпиодор, сын Гипподрома (Müller 1968: 197–220; Koumanoudis 1966: 143).

³⁴¹ Этот софист известен только из VS.

ли имел какое сладкогласие, осквернил его завываниями³⁴², под которые иной бесстыдник мог бы и сплясать. Стоит ли рассказывать, кто ему учитель и кто ученик, раз отлично понимаю, что учить подобному никто не станет, а ученикам и слушать-то подобное стыдно?

29. Отечество софиста *Квирина*³⁴³ – Никомедия; род его не из самых почтенных, но и не из худых, а вот дарованные ему природой способности были для усвоения знаний (621) хороши, однако же для изложения оных еще лучше, ибо упражнял он не только память, но и ясность слога. Был сей софист кратко-словен и рассуждать об общих предметах не горазд, зато упорен и ретив и весьма силен потрясать слух. Речи без подготовки он, конечно же, произносить умел, а поелику казался более расположен обвинять, кесарь³⁴⁴ доверил ему выступать по делам казны³⁴⁵. Приобретши таким образом некоторое влияние, глядел он, однако, не суровым и не заносчивым, но сохранившим всю присущую ему кротость, да притом не сребролюбивым, но таким, как некогда Аристид, коего афиняне восхваляют, что, объехавши острова ради назначения союзнических взносов, воротился он в прежнем рубище³⁴⁶, – вот и Квинир вернулся домой во всем величии нищеты. А когда в Азии те, кто приготавлил обвинения, укоряли его, что, мол, обвиняет мягче, нежели было ими предписано, он отвечал: «Лучше вам перенять мою мягкость, чем мне вашу жестокость». Когда же вчинили сии об-

³⁴² Речь идет о декламации нараспев, которой Вар злоупотреблял; о «песни» см. также I. 8. 491 и прим. и I. 22. 522 и прим.

³⁴³ Этот софист также известен только из VS.

³⁴⁴ Нельзя сказать, о котором императоре речь: Квинир учился у Адриана и должность получил, вероятно, от Септимия Севера – но продолжать службу мог и позднее.

³⁴⁵ Имеется в виду введенная в правление Адриана должность *advocatus fisci*, судебного представителя государственной казны, назначаемого из всадников; поначалу такой адвокат был один, затем добави-

εὐήθης καὶ ἦν εἶχεν εὐφωνίαν αἰσχύνων καμπαῖς ἁσμάτων, αἷς κὰν ὑπορχήσαιτό τις τῶν ἀσελγεστέρων· οὐ διδάσκαλον ἢ ἀκροατὴν τί ἂν γράφοιμι, τί δ' ἂν φράζοιμι, εὖ γιγνώσκων, ὅτι μήτ' ἂν τοιαῦτα διδάξειέ τις καὶ τοῖς μεμαθηκόσιν ὄνειδος τὸ τοιούτων ἠκροᾶσθαι;

κθ'. Κυρίνῳ δὲ τῷ σοφιστῇ πατρὶς μὲν Νικομήδεια ἐγένετο, γένος δὲ οὔτε εὐδόκιμον οὔτε αὖ (621) κατεγνωσμένον, ἀλλὰ φύσις ἀγαθὴ παραλαβεῖν μαθήματα καὶ παραδοῦναι βελτίων, οὐ γὰρ μνήμην μόνον, ἀλλὰ καὶ σαφήνειαν ἥσκει. κομματίας ὁ σοφιστὴς οὗτος καὶ περὶ μὲν τὰ θετικὰ τῶν χωρίων οὐ πολὺς, ἐρρωμένος μὴν καὶ σφοδρὸς καὶ κατασεῖσαι δεινὸς ἀκροατοῦ ὧτα, καὶ γὰρ δὴ καὶ ἀπεσχεδίαζεν, προσφυέστερος δὲ ταῖς κατηγορίαις δοκῶν ἐπιστεύθη ἐκ βασιλέως τὴν τοῦ ταμείου γλῶτταν, καὶ παρελθὼν ἐς τὸ δυνηθῆναί τι οὔτε βαρὺς οὔτε ἀλαζῶν ἔδοξεν, ἀλλὰ πρᾶός τε καὶ ἑαυτῷ ὅμοιος, οὔτε ἐρασιχρήματος, ἀλλ' ὥσπερ τὸν Ἀριστείδην Ἀθηναῖοι ἄδουσι μετὰ τὴν ἐπίταξιν τῶν φόρων καὶ τὰς νήσους ἐπανελθεῖν σφισιν ἐν τῷ προτέρῳ τρίβωνι, οὕτω καὶ ὁ Κυρίνος ἀφίκετο ἐς τὰ ἑαυτοῦ ἦθη πενία σεμνυνόμενος. αἰτιωμένων δὲ αὐτὸν τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν ἐνδεικτῶν, ὡς πρᾶότερον περὶ τὰς κατηγορίας ἢ αὐτοὶ διδάσκουσιν “καὶ μὴν καὶ πολλῷ βέλτιον” εἶπεν “ὕμᾱς λαβεῖν τὴν ἐμὴν πρᾶότητα ἢ

лись другие, каждый со своим кругом обязанностей, определявшихся местом и видом налога: Квирин, как явствует из рассказа, представлял фиск в тяжбах с азийскими городами.

³⁴⁶ Ср. Plut. Arist. 24: при организации в 477 до н.э. Делосского морского союза Аристид определял размер взносов в союзническую казну, не в первый раз отличившись нестяжательством; нельзя не добавить, однако, что в это посольство он был отправлен, давным-давно и повсеместно имея репутацию человека справедливого – другому послу союзники навряд ли поверили бы.

винители некому городку иск на многие десятки тысяч и Квирин, сколь ни претило ему сие, тяжбу выиграл, обратились они к нему со словами: «Едва дойдет это дело до кесаревых ушей, вознесешься высоко!», а Квирин: «Стяжать честь за разорение города не мне подобает, но вам». А родным, утешавшим его после смерти сына, он сказал: «Когда же и явить себя мужем, ежели не теперь?» Быв учеником Адриана, соглашался он с ним не всегда, но кое-что, если сказано неверно, вычеркивал³⁴⁷. Предел жизни его на семидесятом году, могила же на родине.

30. *Филиск* Фессалийский³⁴⁸ был родня Гипподрому, афинских же софистов возглавлял (622) семь лет, но причитающихся ему льгот был лишен, а как это вышло, надобно разъяснить. Геордейские македоняне³⁴⁹ <призвали>³⁵⁰ Филиска к исправлению общественной должности, ибо имели такое право надо всеми, кто по матери геордеец³⁵¹, а <когда он не послушался>³⁵², подали жалобу. Итак, когда дело дошло до кесаря – то был Ан-

³⁴⁷ Выходит, Квирин, перечитывая сочинения Адриана, кое-где делал пометки, но навряд ли для публикации, так как о «правленном Адриане» нигде не упоминается – вероятнее, что Филострат (либо кто-то из его знакомых) эту книгу видел.

³⁴⁸ Этот Филиск почти наверняка идентичен Филиску, упомянутому в одной дельфийской надписи как «великий в мудрости» и ведавшему имуществом фессалийских городов (FD III. 4. 273) – возможно, в должности прокуратора (Robert J. et L. // BE 1951: 122; Müller 1968: 216).

ἐμὲ τὴν ὑμετέραν ὡμότητα.” ἐνδειζάντων δὲ αὐτῶν καὶ πόλιν οὐ μεγάλην ἐπὶ πολλαῖς μυριάσιν ἐκράτει μὲν ὁ Κυρῖνος τὴν δίκην ἄκων μάλα, προσιόντες δὲ αὐτῷ οἱ ἐνδεῖκται “αὕτη σε” ἔφασαν “ἡ δίκη ἀρεῖ μέγαν παρελθοῦσα ἐς τὰ τοῦ βασιλέως ὦτα”. καὶ ὁ Κυρῖνος “οὐκ ἐμοὶ πρέπον,” ἔφη “ἀλλ’ ὑμῖν ἐπὶ τῷ πόλιν ἀοίκητον εἰργάσθαι τιμᾶσθαι.” ἐπὶ δὲ νύϞ τελευτήσαντι παραμυθουμένων αὐτὸν τῶν προσηκόντων “πότε” εἶπεν “ἀνὴρ ἢ νῦν δόξω;”

Ἀδριανοῦ δὲ ἀκροατῆς γενόμενος οὐ πᾶσιν ὡμολόγει τοῖς ἐκείνου, ἀλλ’ ἔστιν ἃ καὶ διέγραφεν οὐκ ὀρθῶς εἰρημένα.

τέρμα δὲ αὐτῷ τοῦ βίου ἔτος ἑβδομηκοστὸν καὶ τὸ σῆμα οἴκοι.

λ’. Φιλίσκος δὲ ὁ Θετταλὸς Ἰπποδρόμῳ μὲν συνῆπται γένος, τοῦ δὲ Ἀθήνησι θρόνου προὔστη ἑτῶν ἑπτὰ τὴν ἀτέλειαν τὴν ἐπ’ αὐτῷ ἀφαιρεθείς, (622) τουτὶ δὲ πῶς συνέβη, δηλῶσαι ἀνάγκη· Ἑορδαῖοι Μακεδόνες ἀνειπόντες ἐςⁱ τὰς οἰκείας λειτουργίας τὸν Φιλίσκον, ὡς δὴ ὑπάρχον αὐτοῖς ἐπὶ πάντας τοὺς ἀπὸ μητέρων <ὡς δὲ οὐχ ὑπεδέξατο> †ἐφίεσαν†ⁱⁱ. τῆς δίκης τοίνυν γενομένης ἐπὶ τὸν αὐτοκράτορα, Ἀντωνῖνος

ⁱ suppleuit Kayser

ⁱⁱ <ἐς> τὰς ... ἐφίεσαν Westermann, ἐφεσίμου τοίνυν (uel οὖν) τῆς δίκης Reiske, ὡς δὲ οὐχ ὑπεδέξατο Kayser addendum esse coniecit

³⁴⁹ Племя геордов упоминается уже у Геродота (Hdt. VII. 185. 2; cf. Polyb. XXXIV. 12. 6; Strab. VII. 323, 326): обитали они в зап. Македонии, на самой границе с Эпиром, и неудивительно, что известный софист, каким был Филиск, не хотел ехать в это захолустье.

³⁵⁰ Конъектура Кайзера.

³⁵¹ Имеется в виду действовавший в некоторых муниципиях закон о *materna origo*, согласно которому гражданство и должности наследовались по материнской линии (cf. Digest. L. 1. 1. 1–2).

³⁵² Конъектура Кайзера.

тонин³⁵³, сын любомудрой Юлии, – Филиск отправился в Рим словно бы по собственной надобности, и там, примкнув к окружавшим Юлию геометрам и любомудрам³⁵⁴, при ее содействии выхлопотал себе от государя главенство над афинскими софистами. Однако же тот, подобно Гомеровым богам, кои не во всем уступают друг другу добровольно, но кое в чем и поневоле³⁵⁵, таковою уловкою был весьма раздосадован и разгневан, а услышав, что Филиску еще и тяжба предстоит, а судьбою быть ему, повелел, чтобы распорядитель судебного заседания наказал ответчику защищаться не через поверенного, но самолично. А Филиск, явясь в судилище, (623) и ступал нетвердо и стоял нетвердо, и облик его казался неопрятен, и голос словно бабий, и язык заплетается, и сам сосредоточен на чем угодно, только не на предмете; кесарь же в раздражении на Филиска говорить ему мешал, в течение всей речи перебивая посреди отведенного времени³⁵⁶ и придираясь с мелочными вопросами, а поелику тот отвечал невпопад, еще и присовокуплял: «Каков муж, видать по космам, а каков вития – по говору», – и после множества подобных замечаний принял сторону геордейцев. Когда же Филиск возразил: «Ты ведь сам дал мне льготу, поставив главным над афинскими софистами», кесарь возопил: «Ни тебе никаких льгот и никому из учительствующих тоже! Никогда ради каких-то ничтожных и никудышных речей³⁵⁷ не отниму я у городов никого, кто обязан им службою!»³⁵⁸, хотя позднее дал сию льготу

³⁵³ То есть Каракалла.

³⁵⁴ К этому кружку принадлежал, по его собственным словам, и Филострат (VA I. 3).

³⁵⁵ Аллюзия на Ном. II. IV. 43 (Зевс отвечает Гере, разгневанной его предложением помирить греков и троянцев и сохранить Трою): «Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный».

δὲ ἦν ὁ τῆς φιλοσόφου παῖς Ἰουλίας, ἐστάλη ἐς τὴν Ῥώμην ὡς τὰ ἑαυτοῦ θησόμενος, καὶ προσρυεῖς τοῖς περὶ τὴν Ἰουλίαν γεωμέτραις τε καὶ φιλοσόφοις εὔρετο παρ' αὐτῆς διὰ τοῦ βασιλέως τὸν Ἀθήνησι θρόνον. ὁ δ', ὥσπερ οἱ θεοὶ Ὀμήρῳ πεποίηνται οὐ πάντα ἐκόντες ἀλλήλοιςⁱ διδόντες, ἀλλ' ἔστιν ἅ καὶ ἄκοντες, οὕτω δὴ ἡγρίαινε καὶ χαλεπὸς ἦν ὡς περιδραμόντι, ὡς δὲ ἤκουσεν εἶναί τινα αὐτῷ καὶ δίκην, ἥς αὐτὸς ἀκροατὴς ἔσοιτο, κελεύει τὸν ἐπιτεταγμένον ταῖς δίκαις προειπεῖν οἱ τὸ μὴ δι' ἑτέρου, δι' ἑαυτοῦ δὲ ἀγωνίσασθαι. ἐπεὶ δὲ παρήλθεν ἐς τὸ δικαστήριον, προσέκρουσε μὲν τὸ βάδισμα, προσέκρουσε δὲ ἡ στάσις, καὶ τὴν στολὴν οὐκ εὐσχήμων (623) ἔδοξε καὶ τὴν φωνὴν μιξόθηλος καὶ τὴν γλῶτταν ὕψιος καὶ βλέπων ἐτέρωσέ ποι μᾶλλον ἢ ἐς τὰ νοούμενα· ἐκ τούτων ἀποστραφεὶς ὁ αὐτοκράτωρ ἐς τὸν Φιλίσκον ἐπεστόμιζεν αὐτὸν καὶ παρὰ πάντα τὸν λόγον διείρων ἑαυτὸνⁱⁱ τοῦ ὕδατος καὶ ἐρωτήσεις ἐν αὐτῷ στενὰς ποιούμενος, ὡς δὲ οὐ πρὸς τὰ ἐρωτώμενα αἱ ἀποκρίσεις ἐγένοντο Φιλίσκου “τὸν μὲν ἄνδρα” ἔφη “δείκνυσιν ἡ κόμη, τὸν δὲ ῥήτορα ἡ φωνή”, καὶ μετὰ πολλὰς τοιαύτας ἐπικοπὰς ἐπήγαγεν ἑαυτὸν τοῖς Ἑορδαίοις. εἰπόντος δὲ τοῦ Φιλίσκου “σύ μοι λειτουργιῶν ἀτέλειαν δέδωκας δοὺς τὸν Ἀθήνησι θρόνον” ἀναβοήσας ὁ αὐτοκράτωρ “οὔτε σύ” εἶπεν “ἀτελὴς οὔτε ἄλλος οὐδεὶς τῶν παιδευόντων· οὐ γὰρ ἄν ποτε διὰ μικρὰ καὶ δύστηνα λογάρια τὰς πόλεις ἀφελοίμην τῶν λειτουργησόντων.” ἀλλ' ὅμως καὶ

ⁱ ἀνθρώποις Valckenaer

ⁱⁱ ἑαυτὸν Reiske, Jahn, Civiletti; ἐς αὐτὸν mss.

³⁵⁶ Время речи отмерялось водяными часами, которые при показаниях свидетелей, чтении документов и пр. отключались; император перебивает Филиска, не перекрывая воду, и так отнимает часть отведенного ему времени.

³⁵⁷ Выражение Демосфена (Dem. XIX. 255).

³⁵⁸ Ср. попытку Фаворина увильнуть от службы родному городу (I. 8. 489–490 и прим.).

Филострату Лемносскому за красноречие его, когда было ему лишь двадцать четыре года.

Таковы были поводы к тому, что отняли у Филиска льготы; но никаким изъяснам в поведке, голосе и наружности не отнять у него лучший среди риторов греческий язык и склад речей. Слог его более подходил для бесед, нежели для прений, зато расцвечен был и чистотою словес, и своеобычностью звучания. Он оставил дочь и бестолкового сына, а жизни ему было отмерено шестьдесят семь лет. Хоть и владел он в Афинах не лишенным приятности имением, похоронен был не там, а в Академии, (624) где полемарх устраивает игры над могилами павших³⁵⁹.

31. А вот *Элиан*³⁶⁰ был римлянин³⁶¹, однако же по-аттически говорил, точно афинянин из самого сердца страны. По-моему, он достоин похвалы, во-первых, за то, что отточил чистоту языка, обитая в городе, где в употреблении был другой, а во-вторых, за то, что, когда величали его софистом щедрые на подобные прозвания, не стал полагаться на сказанное, обольщаться собственною премудростью и заноситься от столь славного имени, но, вполне сознавая неспособность свою к выступлениям, занялся писательством, на каковом поприще и снискал всеобщее восхищение. Главная черта его – простота, в чем-то сходная с прелестью Никострата, хотя порой кажется он ближе Диону и звучности его³⁶².

³⁵⁹ Полемарх – один из девяти архонтов, номинальный афинский военачальник; в описываемое время в его компетенцию по-прежнему входил суд над негражданами и отправление некоторых ритуалов, в т.ч. в память павших воинов (Arist. Athen. Polit. LVIII. 1; Heliod. I. 17); ср. II. 22. 604 и прим.

³⁶⁰ Помимо Филострата об Элиане кратко сообщается в *Суде* (Sud. A 178): в частности, что тот происходил из итальянской Пренесты и замещал должность верховного жреца; некоторые сведения содержатся у са-

μετὰ ταῦτα Φιλοστράτῳ τῷ Λημνίῳ λειτουργιῶν ἀτέλειαν ἐπὶ μελέτῃ ἐψηφίσατο τέτταρα καὶ εἴκοσιν ἔτη γεγονότι. αἱ μὲν δὴ προφάσεις, δι' ἃς ὁ Φιλίσκος ἀφηρέθη τὸ εἶναι ἀτελής, αἶδε ἐγένοντο, μὴ ἀφαιρείσθω δὲ αὐτὸν τὰ περὶ τῷ βλέμματι καὶ τῷ φθέγματι καὶ σχήματι ἐλαττώματα τὸ μὴ οὐ κράτιστα ῥητόρων ἑλληνίσαι τε καὶ συνθεῖναι. ἡ δὲ ἰδέα τοῦ λόγου λάλος μᾶλλον ἢ ἐναγώνιος, διεφαίνεται δὲ αὐτῆς καὶ καθαρὰ ὀνόματα καὶ καινοπρεπὴς ἦχος. ἐτελεύτα μὲν οὖν ἐπὶ θυγατρὶ καὶ υἱῷ οὐδενὸς ἀξίῳ, μέτρον δὲ αὐτῷ τοῦ βίου ἔτη ἑπτὰ καὶ ἐξήκοντα. κεκτημένος δὲ Ἀθήνησι χωρίον οὐκ ἀηδὲς οὐκ ἐν αὐτῷ ἐτάφη, ἀλλ' ἐν τῇ Ἀκαδημίᾳ, (624) οὗ τίθησι τὸν ἀγῶνα ἐπὶ τοῖς ἐκ τῶν πολέμων θαπτομένοις¹ ὁ πολέμαρχος.

λα'. Αἰλιανὸς δὲ Ῥωμαῖος μὲν ἦν, ἠττίκιζε δέ, ὥσπερ οἱ ἐν τῇ μεσογείᾳ Ἀθηναῖοι. ἐπαίνου μοι δοκεῖ ἄξιος ὁ ἀνὴρ οὗτος, πρῶτον μὲν, ἐπειδὴ καθαρὰν φωνὴν ἐξεπόννησε πόλιν οἰκῶν ἑτέρα φωνῇ χρωμένην, ἔπειθ', ὅτι προσρηθεὶς σοφιστὴς ὑπὸ τῶν χαριζομένων τὰ τοιαῦτα οὐκ ἐπίστευσεν, οὐδὲ ἐκολάκευσε τὴν ἑαυτοῦ γνώμην, οὐδὲ ἐπὴρθη ὑπὸ τοῦ ὀνόματος οὕτω μεγάλου ὄντος, ἀλλ' ἑαυτὸν εὖ διασκεψάμενος ὥς μελέτῃ οὐκ ἐπιτήδειον τῷ συγγράφειν ἐπέθετο καὶ ἐθαυμάσθη ἐκ τούτου. ἡ μὲν ἐπίπαν ἰδέα τοῦ ἀνδρὸς ἀφέλεια προσβάλλουσά τι τῆς Νικοστράτου ὥρας, ἡ δὲ ἐνίστε πρὸς Δίωνα ὀρᾷ καὶ τὸν ἐκείνου τόνον.

¹ deleuit Cobet

мого Элиана, из сочинений которого целиком сохранилось «О природе животных» и два десятка «Земледельческих писем», а в извлечениях – «Пестрые рассказы», «О провидении» и «Об очевидности божественного»; упоминаемый ниже пасквиль на Гелиогабала не сохранился.

³⁶¹ Элиан и сам неоднократно именует себя римлянином (Ael. Var. Hist. II. 38; XII. 25; XIV. 45).

³⁶² Византийский лексикограф называет Элиана «медовогласым и медовозвучным» (Sud. loc. cit.).

Как-то встретил его Филострат Лемносский: он держал в руке свиток и читал оттуда, выразительно и гневно, а на вопрос, что это у него такое, отвечал: «Сочинил вот обвинительную речь против Бабня³⁶³ – (625) так зову я умерщвленного недавно тирана³⁶⁴, всяческим непотребством сквернившего державу римлян». А Филострат: «Я был бы в восторге, обвини ты его при жизни!»; и верно, порицать живого тирана способен лишь отважный, а пинать павшего – кто угодно.

Еще Элиан всегда твердил, что не бывал нигде на свете кроме Италии, ни даже на корабль не всходил, ниже моря не ведал, – посему в Риме его весьма уважали за почтение к нравам³⁶⁵. Учился он у Павсания, однако же восхищался Геродом, как самым пестрым из витий, а прожил более шестидесяти лет и умер бездетным, ибо отказался от продолжения рода, никогда не быв женат, – но любомудрствовать, благо это или несчастье, здесь было бы неуместно³⁶⁶.

32. А поелику ничто не имеет столько власти над людскими делами, сколько Счастье, пусть и *Гелиодор*³⁶⁷, как нелепый пример торжества его, удостоится быть причтен к кругу софистов. Случилось, что сограждане избрали его вместе с еще одним за-

³⁶³ Элиан сам употребляет слово «бабень» (греч. γύβνις), хотя в ином контексте (Ael. Var. Hist. XII. 12).

³⁶⁴ Имеется в виду М. Аврелий Антонин Гелиогабал (204–222 н.э.), внук Юлии Месы, сестры Юлии Домны, и м.б. незаконный сын Каракаллы, избранный императором в 218 н.э. и уже в 222 убитый. Реальное управление в эти четыре года осуществлялось его бабкой и матерью, Юлией Соэмией, но у подростка была достаточная свобода действий, чтобы устроить в Риме сирийское святилище и демонстративно предаваться самому безудержному разврату; наконец стараниями бабки в соправители ему был назначен младший кузен, Александр Север, а вскоре Гелиогабал был убит и память его была проклята (Cass. D. LXXIX. 11–21; Herod. V. 3–8; SHA Heliog.).

³⁶⁵ Это расходится с собственным рассказом Элиана о посещении

Ἐντυχὼν δέ ποτε αὐτῷ Φιλόστρατος ὁ Λήμνιος βιβλίον ἔτι πρόχειρον ἔχοντι καὶ ἀναγιγνώσκοντι αὐτὸ σὺν ὀργῇ καὶ ἐπιτάσει τοῦ φθέγματος ἤρετο αὐτόν, ὃ τι σπουδάζοι, καὶ ὃς “ἐκπεπόνηταί μοι” ἔφη “κατηγορία τοῦ Γύννιδος, (625) καλῶ γὰρ οὕτω τὸν ἄρτι καθηρημένον τύραννον, ἐπειδὴ ἀσελγεία πάση τὰ Ῥωμαίων ἥσχυνε.” καὶ ὁ Φιλόστρατος “ἐγὼ σε” εἶπεν “ἐθαύμαζον ἄν, εἰ ζῶντος κατηγορήσας”. εἶναι γὰρ δὴ τὸ μὲν ζῶντα τύραννον ἐπικόπτειν ἀνδρός, τὸ δὲ ἐπεμβαίνειν κειμένῳ παντός.

Ἐφασκε δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος μὴδ’ ἀποδεδημηκέναι ποι τῆς γῆς ὑπὲρ τὴν Ἰταλῶν χώραν, μὴδὲ ἐμβῆναι ναῦν, μὴδὲ γινῶναι θάλατταν, ὅθεν καὶ λόγου πλείονος κατὰ τὴν Ῥώμην ἡξιοῦτο ὡς τιμῶν τὰ ἦθη. Πausανίου μὲν οὖν ἀκροατὴς ἐγένετο, ἐθαύμαζε δὲ τὸν Ἡρώδην ὡς ποικιλώτατον ῥητόρων. ἐβίῳ δὲ ὑπὲρ τὰ ἐξήκοντα ἔτη καὶ ἐτελεύτα οὐκ ἐπὶ παισίν, παιδοποιίαν γὰρ παρητήσατο τῷ μὴ γῆμαί ποτε. τοῦτο δὲ εἴτε εὐδαιμον εἴτε ἄθλιον οὐ τοῦ παρόντος καιροῦ φιλοσοφήσαι.

λβ’. Ἐπεὶ δὲ ἡ τύχη κράτιστον ἐπὶ πάντα τὰ ἀνθρώπεια, μὴδὲ Ἡλιόδωρος ἀπαξιούσθω σοφιστῶν κύκλου παράδοξον ἀγώνισμα τύχης γενόμενος ἐχειροτονήθη μὲν γὰρ ὁ

Александрии, где он видел быка с пятью ногами (Ael. Nat. Anim. XI. 40); у римлян «нравы предков» (*mores maiorum*) не возбраняли путешествий, мореплавание осуждалось разве что у спартанцев (ср. VA IV. 32) – вероятно, Филострат экстраполирует эту архаичную спартанскую норму на все стародавние и потому почтенные нравы.

³⁶⁶ Эта тема напоминает типичную учебную дилемму, вроде не раз упоминаемой в VS «жить в городе или за городом»: ср. II. 5. 573 и прим.; II. 27. 620 и др.

³⁶⁷ Свейн и Джонс идентифицируют Гелиодора с автором «Эфиопики» (Bowersock–Jones 1974: 38; Swain 1996: 399 n. 80), но Боуи эту идентификацию отвергает, как и идентификацию с упомянутым в одной надписи (IGR I. 43–45) Т. Аврелием Гелиодором Пальмиренем (Bowie 1998: 288f.).

щищать их в суде в кельтских землях, но товарищ занемог, а меж тем пошли слухи, что кесарь, мол, многие тяжбы закрывает³⁶⁸, – вот Гелиодор, опасаясь за свою, и поспешил в расположение войск. Вызвали его раньше, чем он ожидал, притом он желал отсрочки до выздоровления больного, а распорядитель заседания оказался грубиян: отсрочки не (626) дал и втащил Гелиодора в судилище силком, еще и волоча за бороду. Он же, как оказался внутри, смело взглянул на кесаря и потребовал отмерить воды, к самой же просьбе приступил искусно, начавши так: «Новостью покажется тебе, великий в государях, что кто-то сам объявляет неприемлемым участие свое в суде, ибо не имеет полномочий вести дело в одиночку», – и тут-то кесарь вскочил на ноги и стал называть Гелиодора «муж, каких я никогда не видывал, находка из моих собственных времен» и прочее в том же роде, да еще потрясал рукою и полою³⁶⁹. Поначалу кое-кто из нас едва не расхохотался, возомнив, будто государь насмехается, – но, когда тот постановил причислить Гелиодора со всеми его, сколько ни есть, детьми к всадническому сословию, лишь подивились мы, как вопреки всякому разумению являет Счастье силу свою; а еще лучше обнаружилось сие из дальнейшего. Едва наш араб³⁷⁰ смекнул, что дела его подвигаются не

³⁶⁸ Имеется в виду Каракалла, которого Геродиан хвалит за умение «быстро разбираться в существе дела и метко возражать» (Herod. IV. 7. 2) – при всем том перед походом он, конечно, желал сократить число находящихся у него на рассмотрении судебных дел; вероятно, речь идет о походе на аламаннов в 213 (SHA Carac. V. 1–3), так что ставка кесаря была в Галлии.

³⁶⁹ Знак одобрения – cf. Eunap. VS 484.

³⁷⁰ Гелиодор был почтенным (отправленным в посольство) гражданином греческого города и софистом, то есть эллином, так что

άνηρ οὗτος πρόδικος τῆς ἑαυτοῦ πατρίδος ἐς τὰ Κελτικά ἔθνη ξὺν ἐτέρῳ, νοσοῦντος δὲ θατέρου καὶ λεγομένου τοῦ βασιλέως διαγράφειν πολλὰς τῶν δικῶν διέδραμεν ὁ Ἡλιόδωρος ἐς τὸ στρατόπεδον δέισας περὶ τῇ δίκῃ, ἐσκαλούμενος δὲ θᾶπτον ἢ ὥετο ἐς τὸν νοσοῦντα ἀνεβάλλετο, ὑβριστὴς δὲ ὢν ὁ τὰς δίκας ἐσκαλῶν οὐ συνεχώρει ταῦτα, ἀλλὰ παρήγαγεν (626) αὐτὸν ἐς τὰ δικαστήρια ἄκοντά τε καὶ τοῦ γενείου ἔλκων. ὥς δὲ ἔσω παρῆλθε καὶ θαρραλέον μὲν ἐς τὸν βασιλέα εἶδεν, καιρὸν δὲ ἤτησεν ὕδατος, αὐτὴν δὲ τὴν παραίτησιν ἐντρεχῶς διέθετο εἰπὼν “καινόν σοι δόξει, μέγιστε αὐτοκράτωρ, ἑαυτὸν τις παραγραφόμενος μόνος¹ ἀγωνίσασθαι τὴν δίκην ἐντολὰς οὐκ ἔχων” ἀναπηδήσας ὁ αὐτοκράτωρ ἄνδρα τε “οἶον οὐπω ἔγνωκα, τῶν ἐμαυτοῦ καιρῶν εὖρημα” καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκάλει τὸν Ἡλιόδωρον ἀνασείων τὴν χεῖρα καὶ τὸν κόλπον τῆς χλαμύδος.

κατ’ ἀρχὰς μὲν οὖν ἐνέπεσέ τις καὶ ἡμῖν ὀρμὴ γέλωτος οἰομένοις, ὅτι διαπτύοι αὐτόν, ἐπεὶ δὲ ἰπεύειν αὐτῷ τε δημοσίᾳ ἔδωκε καὶ παισίν, ὁπόσους ἔχοι, ἐθαυμάζετο ἡ τύχη ὡς τὴν ἑαυτῆς ἰσχὺν ἐνδεικνυμένη διὰ τῶν οὕτω παραλόγων, καὶ πολλῷ πλέον τοῦτο ἐκ τῶν ἐφεξῆς ἐδηλοῦτο· ὥς γὰρ ξυνῆκεν ὁ Ἀράβιος, ὅτι κατὰ δαίμονα ἀγαθὸν τὰ πράγματα

¹ τῷ μόνος Valckenaer

арабом назван фигурально, как житель «азиатской глубинки». Пренебрежение придворных софистов к Гелиодору отчасти можно объяснить завистью к выскочке, но еще более тем, что он, при всем его искусстве (восхитившем Каракаллу, однако подтверждаемом и Филостратом), не принадлежал к одному из признанных преемств, то есть был чужак. Учитель его, разумеется, не назван, но допустимо предположить, что он учился в Пергаме или у кого-то из пергамских софистов: Филострат о них упоминает редко, а о современных ему – никогда.

без доброго божества, решил он воспользоваться расположением кесаря, точь-в-точь словно корабельщик, поднимающий при попутном ветре все паруса, и говорит: «Государь, назначь мне время произнести показательную речь», – а кесарь: «Уже слушаю, а говори вот о чем: “Демосфен, потерпев неудачу пред Филиппом, защищается от обвинения в трусости”»³⁷¹, и, покуда тот говорил, не только сам внимал благосклонно, но и от других обеспечил одобрение, ибо на тех, кто слушал, не проявляя оно, поглядывал весьма грозно. Вдобавок он дал Гелиодору должность поверенного по важнейшим делам³⁷², раз уж у того явная склонность к судам и судилищам. После смерти государя был он отправлен на какой-то остров, а обвиненный там в убийстве, возвращен в Рим защищаться пред (627) военным судом³⁷³, однако же его признали невиновным, а кстати и с островапустили. Так он и старится³⁷⁴ в Риме, не пользуясь особым вниманием, но и не вовсе забытый.

33. Породила софиста *Аспасия*³⁷⁵ Равенна – Равенна же у италийцев, – а воспитал отец, Деметриан, весьма сведущий в критике. Оный Аспасий и учился много, и много знал, и новое ценил, никогда, однако, не теряя вкуса, ибо замышляемое использовал соразмерно; кстати, сие и в мусическом искусстве

³⁷¹ В историю Каракалла вошел как грубый солдафон (cf. Herod. IV. 3. 3), однако, как видно и по рассказу Филострата, был образован и ценил образование: Геродиан говорит о его интересе к софистике (Herod. III. 10. 4), Кассий Дион упоминает о его занятиях музыкой и философией (Cass. D. LXXVIII. 11. 3; 13. 7), хотя и отмечает некоторое его пренебрежение к умственной работе и ее результатам (ibid. LXXV. 11. 2–3). В качестве темы Каракалла предложил Гелиодору неудачную речь Демосфена перед Филиппом (cf. Aeschin. II. 34 f.): о распространности показательных речей на эту тему свидетельствует Максим Плануд (RhG V. 390), да и сам Филострат упоминает этот эпизод еще дважды, хотя не как предмет для речи (I. 8. 508; II. 1. 565).

αὐτῷ προὔβαινε, ἀπεχρήσατο τῇ φορᾷ τοῦ βασιλέως, καθάπερ τῶν ναυκλήρων οἱ τὰ ἱστία πλήρη ἀνασεύοντες ἐν ταῖς εὐπλοίαις καὶ “ὦ βασιλεῦ”, ἔφη “ἀνάθες μοι καιρὸν ἐς ἐπίδειξιν μελέτης”, καὶ ὁ βασιλεὺς “ἀκροῶμαι”, εἶπε “καὶ λέγε ἐς τόδε· ὁ Δημοσθένης ἐπὶ τοῦ Φιλίππου ἐκπεσὼν καὶ δειλίας φεύγων.” μελετῶντι δὲ οὐ μόνον ἑαυτὸν εὖνουν παρῆχεν, ἀλλ’ ἡτοίμαζε καὶ τὸν ἐξ ἄλλων ἔπαινον φοβερὸν βλέπων ἐς τοὺς μὴ ξὺν ἐπαίνῳ ἀκούοντας. καὶ μὴν καὶ προὔστησατο αὐτὸν τῆς μεγίστης τῶν κατὰ τὴν Ῥώμην συνηγοριῶν ὡς ἐπιτηδειότερον δικαστηρίοις καὶ δίκαις. ἀποθανόντος δὲ τοῦ βασιλέως προσετάχθη μὲν τις αὐτῷ νῆσος, λαβὼν δὲ ἐν τῇ νήσῳ φονικὴν αἰτίαν ἀνεπέμφθη ἐς τὴν Ῥώμην ὡς ἀπολογησόμενος τοῖς τῶν στρατοπέδων (627) ἡγεμόσι, δόξαντι δὲ αὐτῷ καθαρῷ εἶναι τῆς αἰτίας ἐπανέειθι καὶ ἡ νῆσος. καὶ γηράσκει ἐν τῇ Ῥώμῃ μήτε σπουδαζόμενος μήτε ἀμελούμενος.

λγ’. Ἀσπάσιον δὲ τὸν σοφιστὴν Ῥάβεννα μὲν ἤνεγκεν, ἡ δὲ Ῥάβεννα Ἰταλοί, Δημητριάδης δὲ ὁ πατὴρ ἐπαίδευσεν εὖ γινώσκων τοὺς κριτικούς τῶν λόγων. πολυμαθὴς δὲ ὁ Ἀσπάσιος καὶ πολυήκοος καὶ τὸ μὲν καινοπρεπὲς ἐπαίνων, ἐς ἀπειροκαλίαν δὲ οὐδαμοῦ ἐκπίπτων ὑπὸ τοῦ ἐν καιρῷ χρῆσθαι

³⁷² Речь идет о должности *advocatus fisci* (ср. II. 29. 621 и прим.).

³⁷³ Имеется в виду суд префектов претория (Mason 1974: 150) – командиров императорской гвардии, как раз в начале III в. н.э. получивших также и судебные полномочия (Enßlin 1954: 2414–2415).

³⁷⁴ Примечательно, что при завершении «Жизней софистов» Гелиодор жив (как и Аспасий, ср. II. 33. 628), хотя традиционно «жизнь» у биографов подразумевает *всю* жизнь, от рождения *до* смерти.

³⁷⁵ Из *Суды* (Sud. A 4205) известны названия двух речей этого софиста, «Κ Αριστονу» и «Κ любителям браниться»; возможно, этот же Аспасий упоминается в схолиях к Гермогену (RhG VII. 951).

весьма важно³⁷⁶, понеже соразмерность звуков дала голос лире и авлу и воспитала песнь. Стараясь об убедительности и простоте изложения, пренебрегал он одушевлением и округлостью, а не имея природного дара говорить без подготовки, возмещал сие усердием.

Он посетил многие страны, когда сопровождая кесаря³⁷⁷, а когда и по собственной охоте. Быв помоложе, он ко всеобщему удовольствию возглавлял в Риме софистов, но, как начал стариться, принялись его корить, зачем не хочет уступить место другому. Что же до ссоры его с Филостратом Лемноским, вспыхнула она в Риме, а разгорелась в Ионии, раздуваемая софистами Кассианом³⁷⁸ и Аврелием. Эти двое были таковы, что Аврелий был готов хоть в харчевне выступать, лишь бы выпивка, а тот, другой, при всяком удобном случае домогался главенства над афинскими софистами, хотя за всю жизнь одного только Перигета Лидийского и выучил. Итак, откуда пошла упомянутая ссора, сказано, зачем же снова растолковывать уже говоренное? А что и (628) от врага можно перенять полезное, тому доказательством множество житейских примеров, особливо же Аспасий с Филостратом, ибо, как разгорелась меж ними ссора, Аспасий выучился бегло говорить без подготовки, поелику и в этом Филострат был, по общему мнению, лучше всех, а Филострат стал подстригать свои – прежде излишне ветвистые – речи с присущей Аспасию тщательностью.

³⁷⁶ О близкой связи между ораторским искусством и музыкой см. Dion. Hal. Comp. 11.

³⁷⁷ Имеется в виду один (а возможно, и не один) из младших Северов.

οἷς γινώσκει. τουτὶ δέ που καὶ ἐν μουσικῇ κράτιστον, οἱ γὰρ καιροὶ τῶν τόνων λύρα τε φωνὴν ἔδωκαν καὶ αὐλῶ καὶ μελωδίαν ἐπαίδευσαν. ἐπιμεληθεὶς δὲ τοῦ δοκίμως τε καὶ σὺν ἀφελείᾳ ἐρμηνεύειν πνεύματός τε καὶ περιβολῆς ἡμέλησε, τὸ σχεδιάζειν τε ἐκ φύσεως οὐκ ἔχων πόνῳ παρεστήσατο.

Ἦλθε δὲ καὶ ἐπὶ πολλὰ τῆς γῆς μέρη βασιλεῖ τε ξυνὼν καὶ καθ' ἑαυτὸν μεταβαίνων. προὔστη δὲ καὶ τοῦ κατὰ τὴν Ῥώμην θρόνου νεάζων μὲν εὐδοκιμώτατος, γηράσκων δὲ ξὺν αἰτία τοῦ μὴ ἐτέρῳ ἀποστῆναι βούλεσθαι. ἡ δὲ πρὸς τὸν Λήμνιον Φιλόστρατον τῷ Ἀσπασίῳ διαφορὰ ἤρξατο μὲν ἀπὸ τῆς Ῥώμης, ἐπέδωκε δὲ ἐν Ἰωνίᾳ ὑπὸ Κασσιανοῦ τε καὶ Αὐρηλίου τῶν σοφιστῶν αὐξηθεῖσα. ἦν δὲ αὐτοῖν ὁ μὲν Αὐρήλιος οἷος καὶ ἐν καπηλείοις μελετᾶν πρὸς τὸν ἐκεῖ οἶνον, ὁ δ' οἷος θρασύνεσθαι μὲν ἐπὶ τὸν Ἀθήνησι θρόνον διὰ καιρούς, οἷς ἀπεχρήσατο, παιδεῦσαι δὲ μηδένα, πλὴν Περίγητοςⁱ τοῦ Λυδοῦ. περὶ μὲν οὖν τοῦ τρόπου τῆς διαφορᾶς εἴρηταί μοι καὶ τί ἂν αὐθις ἐρμηνεύοιμι τὰ ἀποχρώντως δεδηλωμένα; τὸ δὲ εἶναί τι χρηστὸν καὶ παρ' ἐχθροῦ εὐρέσθαι (628) ἐν πολλοῖς μὲν τῶν ἀνθρωπίνων διεφάνη, μάλιστα δὲ ἐπὶ τῶν ἀνδρῶν τούτων· διενεχθέντε γὰρ ὁ μὲν Ἀσπάσιος προσεποίησεν αὐτῷ τὸ σχεδιάζειν ξὺν εὐροίᾳ, ἐπειδὴ ὁ Φιλόστρατος καὶ τούτου τοῦ μέρους ἐλλογίμως εἶχεν, ὁ δ' αὖ τὸν ἑαυτοῦ λόγον τέως ὑλομανοῦντα πρὸς τὴν ἀκρίβειαν τὴν ἐκείνου ἐκόλασεν.

ⁱ Πίγητος Valckenaer

³⁷⁸ Вероятно, это Юлий Кассиан Аполлоний из того же, что и Филострат, Стирийского дема (Ruech 2002: 108), хотя нельзя совершенно исключить, что имеется в виду Кассиан Антиох, ареопагит и глава афинского Мусея, Юлиам Кассианам не родной (Ruech 2002: 81).

Послание Филострата «как слагать послания» писано на Аспасия, ибо, соделавшись государевым письмоводителем, тот порою допускал излишнюю горячность, а порою бывал довольно внятен, кесарю же то и другое не подобает, ибо, коли уж случится ему послать письмо, тут нужны не энтимемы с эпихеремами, но твердые суждения³⁷⁹, да и нельзя невнятно говорить о законах, ибо толковательница закона – ясность. Учился Аспасий у Павсания, однако хаживал и к Гипподрому, сам же учил в Риме и, когда я писал это сочинение, был уже довольно стар.

Сие надобно знать об Аспасии. Что же до Филострата Лемносского, каков он в судилищах, каков пред народом, каков в сочинениях и каков в речах, и каковы у него речи без подготовки; а также о Никагоре Афинском, стяжавшем в Элевсинском храме венец глашатая; а также коlikой памяти и тщательности достигнул Апсин Финикийский³⁸⁰ – о них следует писать не мне, ибо у меня с ними дружба, а посему меня почли бы лицеприятным и недостоверным.

³⁷⁹ То есть не софистическая, а юридическая аргументация (ср. I. 22. 524 и прим. и I. 23. 527 и прим.).

³⁸⁰ Филострат покидает Аспасия живым, как чуть выше Гелиодора

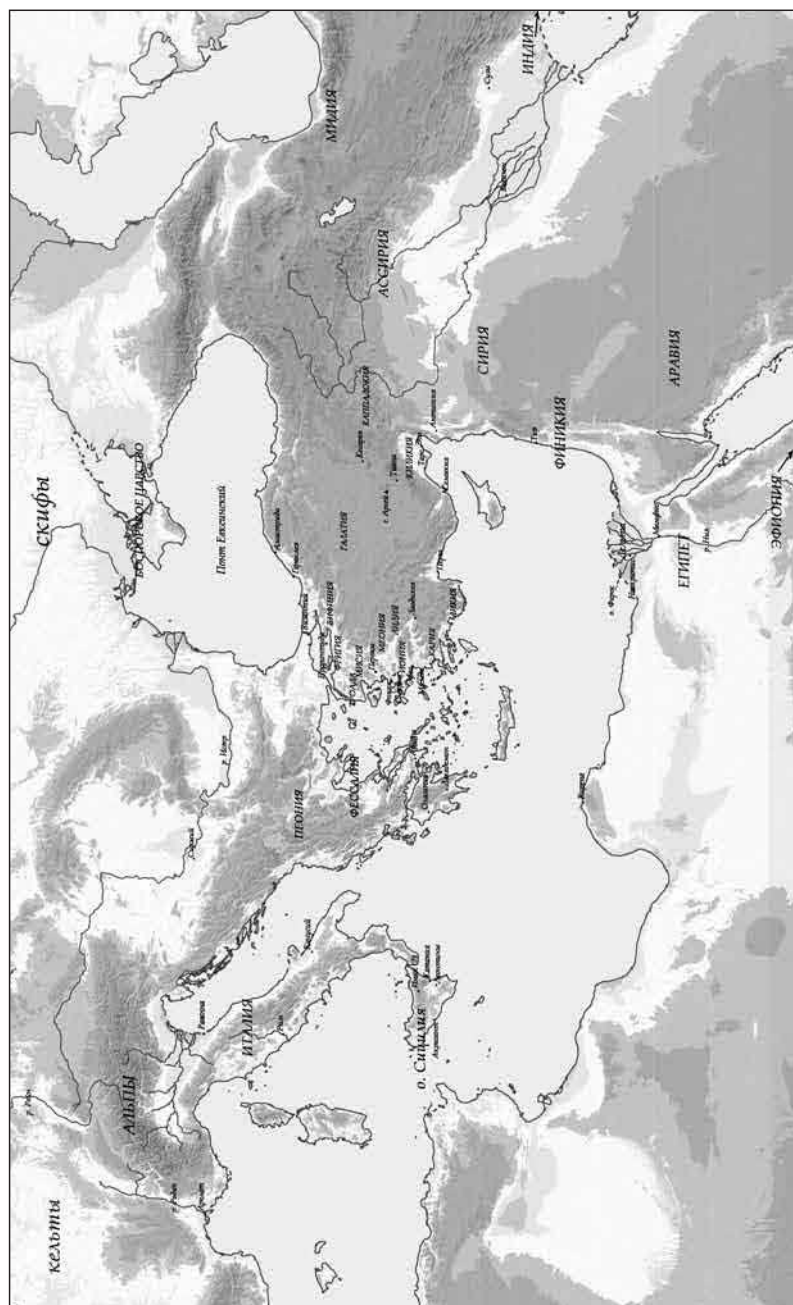
Ἡ δὲ ξυγγεγραμμένη ἐπιστολὴ τῷ Φιλοστράτῳ περὶ τοῦ πῶς χρὴ ἐπιστέλλειν πρὸς τὸν Ἀσπάσιον τείνει, ἐπειδὴ παρελθὼν ἐς βασιλείους ἐπιστολάς τὰς μὲν ἀγωνιστικώτερον τοῦ δέοντος ἐπέστελλε, τὰς δὲ οὐ σαφῶς, ὧν οὐδέτερον βασιλεῖ πρέπον· αὐτοκράτωρ γὰρ δὴ ὁπότε ἐπιστέλλοι, οὐ δεῖ ἐνθυμημάτων οὐδ' ἐπιχειρημάτων, ἀλλὰ δόξης, οὐδ' αὖ ἄσαφείας, ἐπειδὴ νόμους φθέγγεται, σαφήνεια δὲ ἐρμηνεύς νόμου.

Παυσανίου μὲν οὖν μαθητὴς ὁ Ἀσπάσιος, Ἴπποδρόμου δὲ οὐκ ἀνήκοος, ἐπαίδευε δὲ κατὰ τὴν Ῥώμην ἱκανῶς γηράσκων, ὁπότε μοι ταῦτα ἐγράφετο. Τοσαῦτα περὶ Ἀσπασίου.

περὶ δὲ Φιλοστράτου Λημνίου καὶ τίς μὲν ἐν δικαστηρίοις ὁ ἀνὴρ οὗτος, τίς δὲ ἐν δημηγορίαις, τίς δὲ ἐν συγγράμμασι, τίς δὲ ἐν μελέταις, ὅσος δὲ ἐν σχεδίῳ λόγῳ, καὶ περὶ Νικαγόρου τοῦ Ἀθηναίου, ὃς καὶ τοῦ Ἐλευσινίου ἱεροῦ κήρυξ ἐστέφθη, καὶ Ἀψίνης ὁ Φοῖνιξ ἐφ' ὅσον προὔβη μνήμης τε καὶ ἀκριβείας, οὐκ ἐμὲ δεῖ γράφειν, καὶ γὰρ ἂν καὶ ἀπιστηθεῖην ὡς χαρισάμενος, ἐπειδὴ φιλία μοι πρὸς αὐτοὺς ἦν.

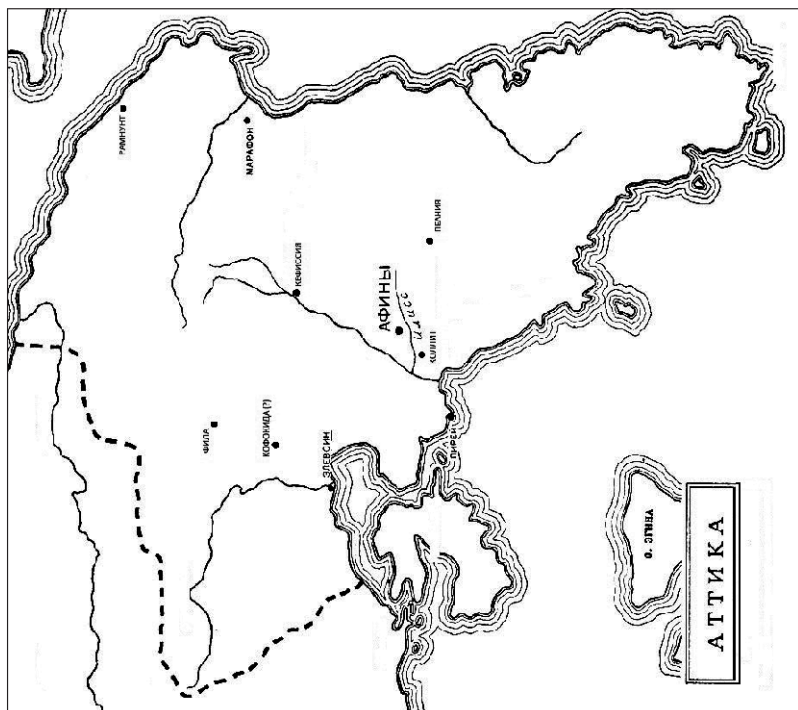
(Π. 32. 627 и прим.); показательно, что и о младших друзьях он отказывается писать вовсе не потому, что они живы — хотя другие мотивировки биографу, казалось бы, не нужны.

ПРОСТРАНСТВО СОФИСТИКИ
(КАРТЫ)

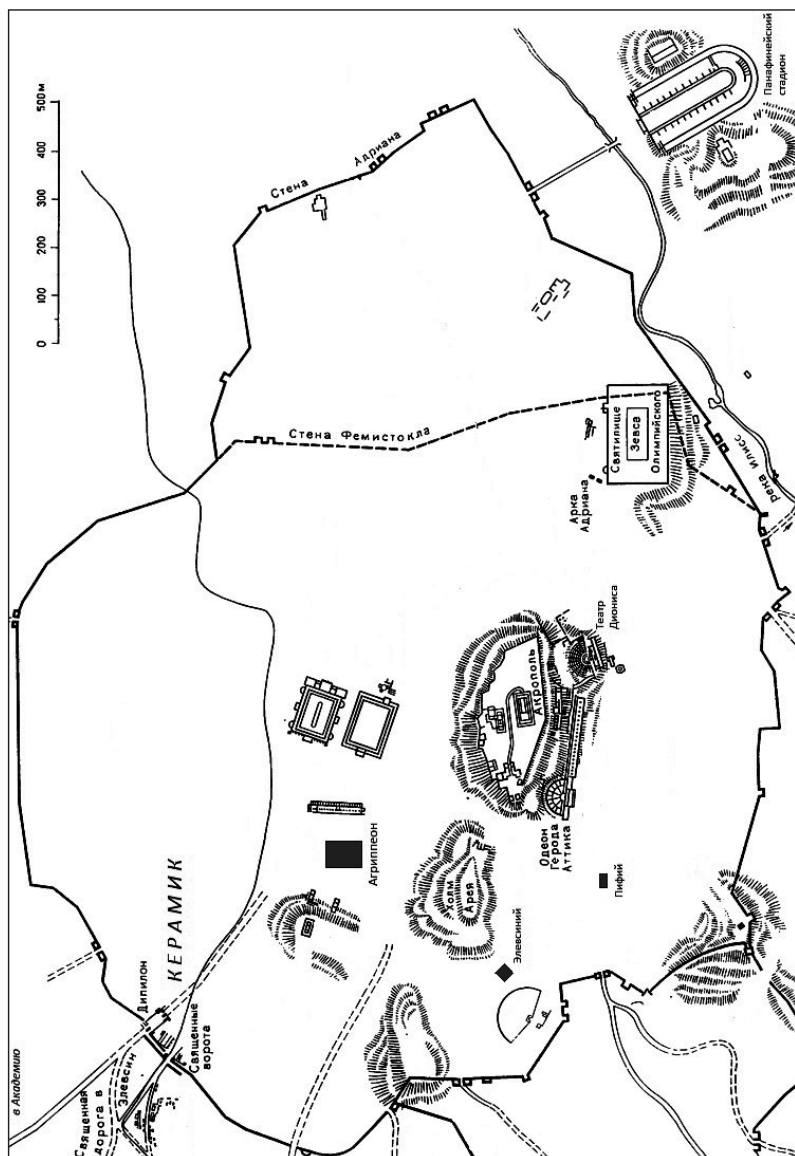

(2) Эгеида и Малая Азия

(3) Аммика

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ДО Н.Э.

776 – учреждение Олимпийских игр

753 – основание Рима

490 – Марафонская битва

480 – Ксеркс в Абдерах

460 – рождение Крития в Афинах

443 – Протагор пишет законы для италийских Фурий, рождение
Гиппия в Элиде

436 – рождение Исократа

429 – смерть Перикла, рождение Платона

427 – Горгий прибывает в Афины

413 – разгром Сицилийской экспедиции, гибель Никия

411 – изгнание Протагора из Афин

409 – основание города Родоса, «лучшего в эллинском мире»

406 – битва при Аргинусских островах

405 – битва при Эгоспотамах и поражение афинян в Пелопон-
несской войне

404–403 – правление Тридцати в Афинах

403 – свержение Тридцати, гибель Крития

399 – казнь Сократа, смерть Гиппия

ок. 395 – смерть Продика

392 – Олимпийская речь Горгия

390 – рождение Эсхина

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 387 – основание Академии
- 384 – рождение Аристотеля и Демосфена
- ок. 380 – смерть Горгия, Алкидамант во главе его школы в Афинах
- 367 – Аристотель переезжает в Афины
- 357 – Филипп захватывает Амфиполь
- 346 – посольство афинян к Филиппу
- 343 – Демосфен против Эсхина в процессе о посольстве
- 340–339 – Филипп осаждает Византий и затем снимает осаду
- 338 – битва при Херонее, смерть Исократа
- 336 – смерть Филиппа, воцарение Александра
- 334–323 – походы Александра
- 330 – процесс о венке; Эсхин уезжает на Родос и открывает школу
- 315 – смерть Эсхина

Н.Э.

- ок. 40 – рождение Диона Хрисостома
- 54–68 – правление Нерона
- 69–79 – в правление Веспасиана открыты кафедры красноречия; Никет в Риме
- 79–81 – правление Тита
- 81–96 – правление Домициана, Дион уходит в изгнание, Никет возвращается в Смирну, там же учит Скопелиан
- ок. 90 – рождение Полемона
- 92 – Скопелиан в посольстве ради спасения виноградников
- 96–98 – правление Нервы, Аттик находит клад
- 98–117 – правление Траяна
- ок. 100 – Исей посещает Рим, где его слышит Плиний Младший
- 105 – строительство моста через Дунай

- 106 – покорение Дакии Траяном
- ок. 112 – смерть Диона в Вифинии
- ок. 115 – Скопелиан посещает Афины, где встречается с юным Геродом
- 117–138 – правление Адриана
- 117 – Герод говорит перед Адрианом
- 126 – год Герода в афинском летоисчислении
- 132 – Полемон произносит перед афинянами речь при освящении Олимпейона
- ок. 135 – Полемон выгоняет Антонина из дому
- 138-161 – правление Антонина Пия
- 143 – консульство Герода
- ок. 145 – смерть Полемона
- ок. 150 – смерть Фаворина
- 161-180 – правление Марка
- 160 – консульство Бладвы, шурина Герода
- 161 – смерть Региллы, жены Герода
- 166 – смерть Элпиники, Луций Вер с победой возвращается из похода на парфян
- 167–180 – война с маркоманами
- ок. 170 – рождение Флавия Филострата в Афинах и Юлии Домны в Эмесе
- 172 – Герод перед судом Марка
- 175 – мятеж Авидия Кассия, смерть Фаустины
- 177 – смерть Герода
- 178 – землетрясение в Смирне, монодия Элия Аристида
- 180–192 – правление Коммода
- ок. 189 – рождение Филострата Лемноского
- 193–211 – правление Септимия Севера

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- ок.195 – Антипатр получает должность письмоводителя
ок. 205 – Флавий Филострат в должности гопплитарха
209 – Филострат Лемносский произносит речь на Олимпийских играх
211–217 – правление Каракаллы
211 – Каракалла убивает Гету
212 – смерть Антипатра Гиераполитанского, эдикт Каракаллы
217 – смерть Юлии Домны
218–222 – правление Гелиогабала
222–235 – правление Александра Севера
237/238 – Гордиан в Африке, Филострат посвящает ему «Жизни софистов»
238 – «год шести императоров», гибель Гордиана
244–249 – правление Филиппа Араба, смерть Флавия Филострата
255/256 – год Филострата в афинском летоисчислении
393 – последние Олимпийские игры
1503 – Альд Мануций издает «Жизни софистов» (editio princeps)

КРАТКИЙ ГЛОССАРИЙ РИТОРИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ¹

Хотя представление о терминологической норме принадлежит новейшему времени, уже в ранней греческой традиции немало терминов *de facto* – как «октаэдр» или «строфа». В риторической номенклатуре тоже есть примеры такой недвусмысленности, однако их недостаточно, чтобы говорить о риторической терминологии, так как слишком многое у разных авторов (а то и у одного) называется по-разному. А вот новоевропейская риторическая номенклатура благодаря римлянам необходимой однозначностью в основном обладает.

Римляне получили риторическую номенклатуру так же, как многое другое – в готовом виде, от греков. Вскоре риторику стали преподавать по-латыни, и почти все названия были переведены (или транслитерированы), однако римляне имели выраженную склонность к недвусмысленности, а потому, заимствуя риторические понятия, нередко давали каждому всего по одному словесному выражению, так что, например, «изложение» – всегда *elocutio*, а по-гречески можно использовать несколько слов. Эта удобная система перешла из латыни в новоевропейские языки, в том числе в русский, и постепенно превратилась в настоящую терминологию, поэтому при переводе мы, как при-

¹ В предлагаемый глоссарий включены слова, встречающиеся у Филострата часто (как «округлость») или постоянно, *passim* (как «изложение»); при первом употреблении они пояснены также в примечаниях. Слова, использованные Филостратом один-два раза (как «энтима»), поясняются только в примечаниях.

нято у переводчиков, пошли по пути компромисса: каждое из важнейших риторических понятий передавали одним словом, даже если в греческой традиции, а порой и в «Жизнях софистов» их два или три.

ЗАМЫСЕЛ, ЗАМЫШЛЯТЬ: *inventio* (γνώμη, νόημα), *invenire* (συνίημι, γινώσκω, νοέω) – нахождение аргументов для использования в речи: I. 15. 498-499 и *passim*.

ИЗЛОЖЕНИЕ, ИЗЛАГАТЬ: *elocutio* (ἐρμηνεία), *eloqui* (ἐρμηνεύω) – выражение *замышленного* средствами языка: I. 15. 499 и *passim*.

ИПОТЕЗА (ὑπόθεσις) – показательная композиция на заданную тему; такая композиция чаще называлась μελέτη (в переводе «речь»), но в VS *unoméza* встречается так часто, что сохранено как особенность стиля: I. 481 и *passim*.

МЕРНОСТИ, также **МЕРНОСТЬ:** *numeri* (ῥυθμοί) – ритмическая организация речи, определяемая последовательностью слогов и ударений при отсутствии регулярного метра, т.е. только в прозе: I. 8. 491; 11. 495; 15. 500; 17. 503, 505; 22. 524; II. 5. 572, 573; 8. 580; 10. 586, 589; 20. 601, 602; 22. 604; 24. 607.

МОНОДИЯ (μονωδία) – патетическая декламация в конце надгробной речи либо самостоятельный «плач», тоже небольшой по объему: II. 4. 569; 9. 582; 24. 608.

ОКРУГЛОСТЬ: *circumducta oratio* (περιβολή) – разработка отдельных положений речи путем их видоизмененного повторения и разносторонней иллюстрации; у Филострата – совокупность разнообразных риторических приемов, позволяющих расширить и приукрасить речь: I. 6. 486; 17. 503, 504; 19. 511; 25. 542; II. 14. 594; 15. 595; 19. 599; 33. 627.

ПРИТВОРНАЯ ИПОТЕЗА (ἐσχηματισμένη ὑπόθεσις) – показательная композиция, в которой по видимости опровергается

мнение, в действительности таким образом отстаиваемое: I. 21. 519; 25. 542, 543; II. 4. 569; 17. 597; 25. 609.

РАЗГЛАГОЛ (διάλεξις) – показательная композиция на заданную тему, в отличие от речи (ипотезы) небольшая по объему и всегда от собственного лица (речь нередко от чужого): I. 9. 492; 11. 495; 12. 496; 21. 519; 24. 528, 529; 25. 533, 535, 536; II. 7. 577, 578; 8. 579, 580; 9. 584; 12. 592; 21. 604; 26. 614; 27. 620.

СОПОЛОЖЕНИЕ: dispositio (τάξις) – последовательность аргументации (ср. *замысел*) как во всей речи, так и в любой ее части: I. 23. 527; II. 22. 604.

Е. Г. Рабинович

ФИЛОСТРАТЫ, СКОЛЬКО ИХ НИ ЕСТЬ

Оживившийся в последние десятилетия интерес к греческой софистике римского времени вообще и к Флавию Филострату в частности¹ в отраженном виде обращается и к менее известным представителям семейства, к которому принадлежал знаменитый автор «Жизни Аполлония Тианского». Литературные семейства в любую эпоху редки, и в истории европейской словесности чаще всего состоят из двух писателей: два Плиния, дядя и племянник, два Пушкина, тоже дядя и племянник, два Дюма, отец и сын – на этом фоне сестры Бронте выделяются уже потому, что их было три. А вот Филостратов по меньшей мере трое, а скорее, что и четверо, и всё успешные авторы, и осталось от них по меньшей мере четыре полноформатных тома, и почти всё – цельные и оригинальные произведения. Казалось бы, такое семейное собрание сочинений должно быть для филологов и книгоиздателей привлекательно, но с мало-мальски приемлемой критической подготовкой оно впервые явилось

¹ В этом немалая заслуга Глена Бауэрсока (Bowersock 1969); см. также Anderson 1986, Anderson 1993, Billant 2000, Bowie & Elsner 2009, Lovick 2007, Puech 2002, Reardon 1971, Whitmarsh 2001 и мн.др.; особо следует отметить работу Людо де Ланнуа (de Lannoy 1997), подробно изучившего историю исследования генеалогии Филостратов и атрибуции их сочинений – в последующие годы исследования эти не слишком продвинулись вперед.

лишь в 1709 г., трудами Готтфрида Олеария (Olearius 1709)². Об изданиях подробнее сказано в специально посвященном им предисловии, а здесь довольно заметить, что именно Олеарий снабдил почти все произведения Филостратов современной нумерацией: так, в «Жизнях софистов» первая (римская) цифра – номер книги, вторая (арабская) – номер жизни, а третья (тоже арабская) – номер страницы по изданию Олеария.

Тут нелишне вспомнить, что лет пятьдесят назад Жан Пуйу нашел в Фессалии еще одну семью софистов – живших во II в. н.э. Флавия Александра (возможно, знакомя Плутарха) и двух его сыновей, Флавия Феникса и Флавия Филака, по постановлению Амфиктионов воздвигших отцу статую, в надписи на которой они называют его софистом (Pouilloux 1967: 379–384). Совсем краткое жизнеописание Феникса есть у Филострата (II. 22. 604), чуть ниже упоминает он и о Филаке (II. 22. 605) – правда, в перечне не заслуживающих внимания софистов, но все же софистов. Итак, по численности фессалийское семейство сопоставимо с Филостраатами, и подобных семейств могло быть больше, чем мы знаем, хотя навряд ли много: по «Жизням софистов» видно, как редко тот или иной софист бывает в родстве с другим, и даже сыновья, например, грамматиков среди

² Лейпцигский богослов и филолог Готтфрид Олеарий (1672–1715) был из семейства, преизобиловавшего писателями, в основном богословами, но у каждой эпохи свои любимые жанры. Много писали его дед и тезка, богослов Готтфрид (1604–1685), его дядя Иоганн-Готтфрид, тоже богослов (1635–1711), его отец Иоганнес, тоже богослов (1639–1713), его братья Георг-Филипп, богослов и филолог (1680–1741) и Иоганн-Фридрих, юрист (1679–1726), а были еще кузены... – даже краткий перечень членов этой Gelehrtenfamilie занимает в «Neue Deutsche Biographie» три страницы петита (NBD XIX. Berlin 1999. S. 515–517). Судя по повторяемости имен, Олеарии ценили семейные связи, так что, возможно, филолог Готтфрид видел в Филостраатах некий прообраз Олеариев – к клану которых, заметим, не принадлежит знаменитый путешественник Адам Олеарий.

софистов наперечет – талант, хотя бы и невеликий, передается по наследству нечасто, тем более напрямик, недаром сыновья самого Флавия Филострата софистами не были.

Впрочем, биографическая значимость автора определяется прежде всего литературными заслугами, то же у литературных семейств, а потому не так уж важно, что Филак и Феникс были братья, а вот что Сенека Ритор был отцом Сенеки Философа – это очень важно. Важно и то, что все Филостраты были из одного лемносского семейства³, пусть хуже всего нам известно о начале этой литературной династии, так как скудные сведения о самом старшем Филострате, он же Филострат I, содержатся только в *Суде*, византийском лексиконе X в. (Sud. Ф 422) – с этого запоздалого и противоречивого свидетельства и придется начать.

1. *Самый старший Филострат*. Филостратов в лексиконе трое, и хронологическому порядку лексикограф не следует: начинает не со старейшего, а со знаменитейшего, с Флавия Филострата, он же Филострат II, и лишь затем переходит к старейшему. Вот эти две статьи:

(Ф 421) Филострат, сын Филострата, сиречь Вера (Φιλόστρατος, Φιλοστράτου τοῦ καὶ Βήρου), Лемносского софиста, и сам второй софист⁴, занимался софистикой в Афинах и затем в Риме при кесаре Севере и вплоть до Филиппа. Написал показательные речи, Любовные письма, Картины, сиречь Описания, в 4 книгах, Майдан, Героику, разглаголы,

³ Филострат – имя довольно редкое (это видно и по *Суде*), не то что, например, Аполлоний или Дион, а в небольших сообществах (Лемнос был малолюднен) любое имя, особенно редкое, обычно становится чем-то вроде семейного достояния – чаще всего в память о пращуре, скажем, о почтенном лемносском землевладельце Филострате, жившем задолго до всех наших софистов.

⁴ То есть второй софист по имени Филострат.

Козы, или Об авле, Жизнь Аполлония Тианского в 8 книгах, Жизни софистов в 4 книгах, эпиграммы и еще кое-что. Надлежит назвать его прежде первого.

(Ф 422) Филострат первый, лемносец, сын Вера, а второму Филострату отец (υἱὸς Βήρου, πατὴρ δὲ τοῦ δευτέρου Φιλοστράτου) и тоже софист, занимался софистикой в Афинах, подвизался при Нероне. Написал речи, похвальные слова во множестве, Элевсинские речи числом 4, показательные речи, Разыскания у риториков, пособия по риторике, Об имени – это на софиста Антипатра, О трагедии 3 книги, Гимнастику – это о свершающемся в Олимпии, Литогномик, Протей, Пес или Софист, Нерон, Зритель, трагедий 43, комедий 14 и многое другое достопамятное.

Кое-какие небрежности заметны сразу: так, в Ф 421 сказано, что «Жизни софистов» в четырех книгах, а в действительности в двух, о чем пишет в посвящении Гордиану сам Филострат, однако такие lapsus calami (здесь δ' вместо β') встречаются нередко, в Суде особенно. Но вот более серьезная ошибка: в Ф 421 Филострат II назван Φιλόστρατος, Φιλοστράτου τοῦ καὶ Βήρου, и де Ланнуа справедливо отмечает, что это можно понимать только как «Филострат, сын Филострата, сиречь Вера» (de Lannoy 1997: 2395), а значит, Филострат I, подобно многим римским грекам имел вдобавок к греческому римское имя. Правда, кое-кто (ср. Anderson 1986: 291) этим пренебрегает и, опираясь на Ф 422, где Филострат I назван «сын Вера», понимает Φιλοστράτου τοῦ καὶ Βήρου как «сын Филострата, сына Вера», словно не замечая столь значимого здесь καὶ. Конечно, в жизни противоречия могло и не быть: Филострат I мог зваться Вером и при этом быть сыном Вера, у которого наверняка было также и греческое имя – но византийский книжник опирался не на ушедшую в прошлое антропонимическую реальность, а на имевшийся у него текст, и в этом тексте Филострат I назывался либо «он же и Вер» либо «сын Вера», а если бы он был «Филострат, он же и

Вер, сын Вера», пришлось бы вообразить, что лексикограф взял для Ф 421 одну часть этого текста, а через несколько строк, для Ф 422, другую... – конечно, случается и такое, но подтверждений нет, и для нас «Филострат, он же и Вер» и «Филострат, сын Вера» остаются равноправными вариантами и еще одним примером характерной для Суды небрежности. По счастью, для дальнейшего безразлично, было ли у Филострата I второе имя и как звали его отца – довольно и того, что в лемноской династии он первый Филострат.

Есть, однако, в сообщении Суды вопиющее противоречие, пренебречь которым невозможно: в самом начале Ф 421 сказано, что Филострат II – сын Филострата I, и в самом начале Ф 422 тоже сказано, что Филострат I был отцом Филострата II, а строкой ниже γεγονὼς ἐπὶ Νέρωνος – «подвизавшийся при Нероне» или хотя бы (пусть с меньшей вероятностью) «родившийся при Нероне»⁵. Однако заведомо известно, что Филострат II родился после 160 г. н.э. (с этим не расходится и свидетельство Суды⁶), а значит, лет через сто после смерти Нерона, то есть,

⁵ Вообще говоря, γεγονὼς ἐπὶ (Νέρωνος, Φίλιππου, etc.) в Суде обычно значит «подвизавшийся при»: например, Гален γεγονὼς ἐπὶ Μάρκου καὶ Κομόδου καὶ Περτίνακος (на самом деле даже дольше), хотя чаще из современных имяреку кесарей назван один, самый первый и/или самый прославленный (скажем, Фемистий, живший в 317–388 н.э. и преуспевавший при многих императорах, был язычник и друг Юлиана, а потому «подвизался при Юлиане»). Но вот Лукиан γεγονε ἐπὶ Τραϊανοῦ (Λ 683), и он действительно родился в конце правления Траяна или сразу после его смерти, то есть иногда γεγονὼς ἐπὶ относится ко времени не жизни, а рождения – итак, вероятнее всего в 68 г. н.э. (год смерти Нерона) Филострат I был взрослым, но не вовсе исключено, что он был еще ребенком.

⁶ Пресловутая небрежность Суды не так уж часто распространяется на время жизни автора, обычно доступное определению по внутренним свидетельствам, а лексикографы несомненно читали хотя бы часть перечисленного в пинаксах (перечнях произведений): например, что Филострат II принадлежал к кружку Юлии Домны, уже бу-

если следовать *Суде*, был произведен на свет родителем, далеко перешагнувшим столетний рубеж – словом, либо Филострат I родился много позже Нерона, либо он не отец Филострата II.

Обычно ошибкой считается ἐπὶ Νέρωνος – то ли утрата части текста с последующим ошибочным его восстановлением под влиянием упоминаемого далее диалога «Нерон»⁷, то ли искаженное переписчиком ἐπὶ Νέρουα⁸, хотя «подвизавшийся при Нерве» тоже не годится в отцы Флавию Филострату, а «родившийся при Нерве» годится очень-очень плохо, так что при всем своем изяществе эта конъектура бесполезна и вопрос о времени жизни Филострата I сохраняет актуальность – уже и сама эта жизнь порой считается чем-то вроде филологического

дучи известным софистом, ясно из «Жизни Аполлония», а что в 230-х он еще активно работал, ясно из «Жизней софистов»; сходные свидетельства есть и о других плодovitых авторах. Пусть Филострат I написал не всё, перечисленное в *Суде*, кое-что из этого он написал – а тогда какими-то сведениями о времени его жизни лексикограф располагать мог.

⁷ Эту изящную конъектуру (в результате Филострат I остается автором «Нерона», а время его жизни не оговаривается) предложил в свое время Кайзер (Kayser 1838: xii), но столь обширное, в полфразы, исправление подразумевает весьма значительную порчу текста, следы которой должны были бы быть заметны хоть в чем-то еще, а они не заметны. Что «при Нероне» явилось из-за названия «Нерон», полагает и Бауэрсок: якобы лексикографу like this для утверждения, будто Филострат I жил при Нероне, довольно было, что он написал «Нерона» (Bowersock 1969: 3) – но история литературы демонстрирует противоположное (см. далее). Зато нельзя не заметить, что Филострат I никак не мог написать «Гимнастику», где упоминаются события 209 г., когда уже и Филострат II был далеко не молод, пусть это вопиющее несоответствие особого внимания не привлекает, ведь в *Суде* так много ошибок.

⁸ Эту конъектуру приводит Мюншер (Münscher 1907: 517) с нераскрытой ссылкой на Gronow (почти наверняка одного из Гроновиев); другие попытки заменить Нерона кем-то более подходящим не заслуживают внимания.

мифа⁹. Впрочем, в пользу того, что Филострат I жил гораздо позже Нерона и по возрасту в отца Филострату II годился, со времен Кайзера приводится и пополняется доказательствами свидетельство *Суды*: три из перечисленных там сочинений Филострата I не могли, как считается, быть созданы раньше II в. н.э., а два даже и раньше 160-х – это уже упоминавшийся «Нерон», не сохранившееся «Об имени» и «Протей: Пес, или Софист»¹⁰.

ΝΕΡΩΝ. Итак, мог ли ритор, живший при Нероне, написать «Нерона»? При Нероне, разумеется, не мог, от эпохи Флавиев подобного тоже не дошло: известно, что о «проклятой памяти» принцев первого века Империи начали писать при Антонинах, смакуя ужасы, кое-кому еще памятные хотя бы по рассказам старших. Тем не менее Тациту, например, в год смерти Нерона было лет десять-двенадцать, а значит, автор, успевший при Нероне повзрослеть и начать риторическую карьеру, вполне мог лет через тридцать или сорок, при ком-то из первых Антонинов, сочинить что-нибудь в согласии со вкусами эпохи – скажем, небольшой диалог об одной из затей Нерона, пресловутом канале

⁹ Так, Зольмзен называл само существование Филострата I «призрачным и спорным» (Solmsen 1941: 127), а в последнем, имеющем сетевую версию, DNP Юэн Боуи (Bowie) говорит о Филострате I (№6 в общем списке Филостратов) как о «неясной фигуре», хотя в том же списке под №3 значится Филострат Лемносский, который якобы и написал те самые 43 трагедии и 14 комедий, однако жил в III–II вв. до н.э. – словом, Филострат I умеет не только исчезать, но и раздваиваться, отсылая далеко в прошлое свою поэтическую ипостась, пусть никакой текст достаточных оснований к тому не дает.

¹⁰ Мнение это общепринятое (Bowersock 1969: 3–4; то же в DNP, etc), хотя в *Суде*, как не раз бывало показано, пинаксы нередко составлены небрежно, и это, конечно, может относиться к трем названным сочинениям Филострата I – но для начала полезно ограничиться разбором уже высказанных доводов.

через Истм. А если так, Филострат I мог (будучи молодым или относительно молодым) жить при Нероне, а затем, например, при Траяне (будучи старым или относительно старым) написать «Нерона», и никакого противоречия тут нет, всё решается самой простой арифметикой. Еще нелепее это «не мог» кажется и по другой причине: да, можно было жить при Нероне и потом, лет через тридцать или сорок, написать «Нерона», но написать «Нерона» можно было и сколь угодно позднее, и это мог сделать не только автор, живший при Нероне, это с равным успехом мог сделать автор, живший при Адриане, при Марке, хоть при Гелиогабале – а раз так, для датировки этот текст совершенно бесполезен, и странно, что на подобное нужно указывать.

ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΟΝΟΜΑΤΟΣ. А вот обращаться к софисту Антипатру Гиераполитанскому, родившемуся при Антонине Пии¹¹, никто из живших или хотя бы родившихся при Нероне и вправду не мог, так что это сочинение (вернее, название, само сочинение не сохранилось) служит, казалось бы, доказательством, что Филострат I жил гораздо позже. Но только если «Об имени» и вправду обращено к Антипатру Гиераполитанскому, знакомцу Филострата II, оставившего нам его биографию.

Этот трактат в Суде называется περὶ τοῦ ὀνόματος – и всё, а пояснение ἔστι δὲ πρὸς τὸν σοφιστὴν Ἀντίπατρον¹² сделано (как

¹¹ Антипатр ненамного пережил Гету, а всего прожил шестьдесят восемь лет (II.24.607): Гета был убит 26 декабря 211, Антипатр умер уже в 212, а значит, родился в 143/144 н.э.

¹² В данном контексте πρὸς сит асс. может означать и «к /имяреку/», и «ради /имярека/», и «против /имярека/», но сто лет назад Мюншер почему-то понял это πρὸς как столь резкое «против», что домислил отношения Антипатра с Филостраатами (подробнее см. ниже); позднее Андерсон тоже понял πρὸς как «against» (Anderson 1986: 292), зато В.В.Зельченко и М.М.Позднев при обсуждении этой работы предположили, что «об имени» написано к Антипатру, а то и ради Антипатра – быть может, даже посвящено ему. Все эти толкования равноцен-

и многие другие пояснения) лексикографом, несомненно читавшим «Жизни софистов» и автоматически отождествившим упоминаемого у Филострата I Антипатра с софистом Антипатром. Однако такое отождествление кажется ошибочным: «софист Антипатр» должен был быть еще и подходящим адресатом для рассуждений об имени, а это слишком плохо согласуется со всем, что известно об Антипатре Гиераполитанском. Из его сочинений Филострат упоминает лишь приготовляемые нарочно для уроков речи (не говоря при этом, что они были затем опубликованы) и историю подвигов Септимия Севера (подобное от придворного софиста ожидалось), а больше всего хвалит письма, но письма Антипатр писал не от своего имени: он начинал как учитель императорских сыновей, Каракаллы и Геты, затем был императорским письмоводителем, то есть писал письма (эти самые) от имени кесаря, затем был правителем Вифинии – так и шло, пока после смерти отца Каракалла не убил Гету и Антипатр не уехал к себе в Гиераполь, где вскоре умер, а может быть, совершил самоубийство (II. 24. 607). Об ученых его занятиях прекрасно знавший его на протяжении многих лет Филострат не говорит ни слова, и нет повода предполагать, будто до переезда в Рим и тем более позднее Антипатр рассуждал «об имени». Зато легко предположить, что Филострат I обращался к совсем другому Антипатру, которого лексикограф спутал с софистом по инерции житейского опыта – недаром в начале «Трудов и дней» сказано, что чаще всего спорят товарищи по ремеслу, гончар с гончаром и плотник с плотником.

Антипатр – имя довольно частое, знаменитых Антипатров тоже немало, и среди них два стойка, а из философов проблемами языка занимались, как известно, в основном стоики, чьи

ны: из пояснения лексикографа можно заключить только, что трактат был реакцией на некие суждения Антипатра, а какой именно, это без текста узнать нельзя, так что в толковании лучше ограничиться нейтральным «на софиста Антипатра».

идеи и термины повлияли позднее даже на Соссюра; смежными проблемами (сейчас их назвали бы проблемами речи, но это разделение возникло спустя два тысячелетия) занимались также грамматика и риторы, и преподаватель риторики вполне мог поинтересоваться, что пишут об этих предметах не только другие риторы, но и, например, философы – а узнать (хотя бы в общих чертах, в чем-то изложении) было нетрудно. До нас учение стоиков о языке дошло преимущественно в пересказах трудов Хрисиппа и его младшего современника Диогена Вавилонского (оба жили в III в. до н.э.), но из двух живших позднее стоиков Антипатров старший, известный энциклопедист Антипатр из Тарса (умер около 130 г. до н.э.), занимался среди прочего языком и первый в сочинении *περὶ λέξεως καὶ τῶν λεγόμενων* выделил в качестве отдельной части речи наречие, *μεοβότης* в дополнение к имени собственному, имени нарицательному, глаголу, союзу и артиклю (*ὄνομα, προσήγορία, ῥῆμα, σύνδεσμος, ἄρθρον*), так как у стоиков имя нарицательное (*προσήγορία*) и имя собственное (*ὄνομα*) считались разными частями речи (Diog. La. VII. 57) – нет оснований предполагать, будто Антипатр этому не следовал, так что в *περὶ λέξεως* он называл и описывал не только новооткрытые наречия, но и прежде выявленные глаголы, союзы и пр., и имена собственные, разумеется, тоже. До нас труды Антипатра дошли в незначительных отрывках, однако Диоген Лаэртский еще располагал ими: Антипатр был знаменитый философ, его читали и через сто лет, и через двести, и Филострат I вполне мог быть знаком с *περὶ λέξεως* или с какими-то интересными ему разделами этого сочинения и мог как-то реагировать на высказанные там мысли с собственных риторических позиций, тем более что для риторики, как и для поэзии, имена обладают особенной ценностью (довольно вспомнить список кораблей в «Илиаде» и другие подобные перечни). Раз так, трудно вообразить, что «Об имени» – ответ не тому Антипатру, который занимался именами и писал

о них, а совсем другому Антипатру, ничем подобным никогда не занимавшемуся. Но если «Об имени» написано под впечатлением знакомства с трудами давно покойного стоика Антипатра, датировать это сочинение по софисту Антипатру нелепо, а по философу Антипатру невозможно и для определения времени жизни Филострата I оно ничуть не полезнее «Нерона».

ΠΡΩΤΕΥΣ. Третье сочинение, долженствующее свидетельствовать, что Филострат I жил при Антонинах, – «Протей: Пес, или Софист», где Протей традиционно отождествляется с киником Перегрином Протеем, который сжег себя в Олимпии в 165 г. н.э. «Протей» Филострата I не сохранился, но название Πρωτέα, Κύνα ἢ σοφιστήν само по себе наводит на некоторые вопросы. Из «или» ясно, что Κύνα ἢ σοφιστήν относится к одному сочинению, однако отделенное (в изданиях!) от этих трех слов еще не употреблявшейся в эпоху составления лексикона запятой Πρωτέα может быть как частью единого названия («Протей: Пес, или Софист»), так и отдельным названием¹³ – при том что текст под названием «Протей» можно написать хоть о гомеровском Протее, хоть о чем угодно (Hirzel 1895: 340, Anm. 1; Munscher 1907: 546); словом, если разделить «Протея» с «Псом, или Софистом», связь любого из этих сочинений с киником Перегрином утрачивается и всякое значение для датировки они теряют. В данном случае, однако, более плодотворным кажется доверие к традиционному чтению Πρωτέα, Κύνα ἢ σοφιστήν – хотя бы потому, что без имени собственного «Пес, или Софист» не очень-то понятно, а в Суде пинаксы устроены так, что если лексикографу название кажется недостаточно понятным, он его поясняет – вот и в Ф 421 и Ф 422 подобных пояснений несколько. По той же причине длинное название «Протей: Пес,

¹³ Например, Андерсон в своем переводе эти названия разделяет (Anderson 1986: 292).

или Софист» хочется разделить на две части: собственно название «Протей» и пояснение лексикографа «Пес, или Софист» – пусть без часто используемых лексикографами «сиречь» или «а это», но словесная форма таких уточнений была достаточно свободной, а избыливающий пояснениями контекст указывает именно на лексикографа, который «Протея» читал и с помощью уточнения желал указать, что это не о «каком угодно» Протее, а именно о знаменитом кинике. Тут пора вспомнить Лукиана, благодаря которому слава Перегрин Протея оказалась такой неувядаемой.

Древность о Лукиане молчит. Родившись ἐπὶ Τραϊανῷ, он был современником многих знаменитых софистов, сам начинал как софист, даже выступал на Олимпийских играх (это, впрочем, известно от него же), но что-то не сложилось: лет в сорок он софистику бросил, якобы ради философии, и затем относился к софистам неприязненно, хотя философом тоже не стал и закончил жизнь чиновником в Египте. У других софистов он ни словечком не упомянут – хотя бы в «Жизнях софистов» среди друзей или врагов какого-нибудь Филагра или Хреста. Похоже, ему так и не удалось войти в специфическую корпорацию, где все обладали чем-то, о чем мы можем только строить гипотезы и чем он не обладал, а без этого «чего-то» софистическая его карьера забуксовала; впрочем, и в Суде Лукиану ни одного доброго слова не досталось: он назван безбожником и охальником, в статье о нем нет даже пинакса и сообщается только, что он описал жизнь Перегрин и в этом сочинении позволил себе кощунственные высказывания о христианах (Λ 683). Он, однако, продолжал писать, и многие его читали и переписывали, иначе византийцам не досталось бы столько текстов, а в византийские времена им заинтересовались, обратили внимание на необычайное богатство его языка (Bompaire 1958: 628), стали ему подражать, даже переводили на сирийский. В итоге сформировался обширный корпус сочинений, в котором долгое

время был и «Нерон», пока через тысячу лет Кайзер не вернул его Филострату I (Kayser 1838: xxxiii) – пусть порой этот диалог пытаются передать Филострату II, а то и Филострату III, об авторстве Лукиана речи больше не идет. Зато в корпусе Лукиана всегда был и остается несомненно написанный им пасквиль, обычно называемый «О смерти Перегрина» (περὶ τῆς Περεγρίνου τελευτῆς).

Сам Перегрин предпочитал именовать себя Протеем, у Лукиана это лишний повод съязвить (Luc. Peregrin. I.1–2 et al.), и по успеху пасквиля ясно, что неприязнь к Перегрину питал не он один, но не менее ясно, что неприязнь эта не была всеобщей: так, знавший о «Псе Протее» лишь с чужих слов Флавий Филострат хоть и говорит о его вздорном нраве и дурном слоге, однако же рассказ о беседе с ним Герода начинает с похвалы: «Названный Протей был из числа столь храбрых любомудров, что в Олимпии кинулся в огонь» (II. 1. 563) – то есть как раз о самом скандальном его поступке отзывается с уважением. Несколько раньше Авл Геллий, успевший сам послушать Перегрина, тоже с уважением упоминает его в «Аттических ночах», пересказывает кое-что из его поучений, но называет его Peregrinus, хотя один раз упоминает, что позднее он прозывался Протеем (Gell. XII. 11. 1). Родной город Перегрина, мисийский Парий, около 180 г. н.э. почтил его статуей, что само по себе неудивительно (много ли в Парии знаменитых людей?), но изваяние якобы обладало пророческими свойствами – об этом с раздражением пишет живший тогда же апологет Афинагор, называющий эту статую статуей Протея (Athenag. Legat. 26)¹⁴. Итак, о кинике Протее вкратце упоминали

¹⁴ Мисийский Парий издавна имел статус римской колонии, и Peregrinus, конечно, римский *cognomen*, но Мисия оставалась в основном грекоязычной, да и сам Перегрин, будучи философом и богоискателем, обращался преимущественно в грекоязычной среде – назваться греческим именем было для него естественно. Греки, всегда избегавшие варварского (хотя бы и латинского), новое имя приняли, и уже Фило-

по разным поводам по меньшей мере три автора (на самом деле, наверняка больше: навряд ли, например, Герод промолчал об этом своем знакомце), но целиком посвященных ему сочинений известно только два, сохранившееся Лукиана и несохранившееся Филострата I – другие нигде не упоминаются и, вероятнее всего, их не существовало, иначе кто-то хоть раз заметил бы что-нибудь вроде «недаром имярек говорит», а подобного нет. При этом, похоже, греки в основном называли киника-самоубийцу «Протей», а римляне «Перегрин», и только Лукиан называл его сразу так и сяк, а значит, в греческих кодексах сочинение о смерти Перегринна хоть иногда должно было называться «О смерти Перегринна Протея», а то и просто «О Перегрине Протее» – но, главное, с обоими именами, раз у Лукиана оба.

Тут-то и возникает подозрение, не оказалось ли в *Суде* это название разделено между двумя авторами, тем более что в перечне сочинений Филострата I сразу за «Протеем, Псом, или Софистом» следует «Нерон», а «Нерон» в то время только в *Суде* числился за Филостратом I, вообще же был в корпусе Лукиана, откуда его, как сказано, изъял лишь Кайзер. Итак, если вообразить византийский пинакс, где сначала стоит «О смерти Перегринна (Протея)» и затем «Нерон», не возникнет ни малейших сомнений, что это перечень сочинений Лукиана – ведь всё из его корпуса. Почему же в корпусе Лукиана есть «Перегрин» и есть «Нерон», а в *Суде* «Перегрин» у Лукиана, а остальное у Филострата I? Единственное, что можно предположить – что

страт и тем паче Афинодор могли вообще не знать о каком-то еще имени Протея, зато латиноязычного Авла Геллия Peregrinus не раздражало, а «Протей» было для него лишь прозвищем, которое он сообщает для сведения. Своеобычна лишь стратегия Лукиана: как грек и греческий писатель он в основном (больше 50 раз) использует «Протей», но очень часто (всего раза в два реже) также и «Перегрин»: отсюда, кстати, эффект постоянного напоминания читателю, что как бы Перегрин себя ни называл, он всего лишь Перегрин – всё с помощью того самого «имени», о котором Филострат I высказывал не дошедшие до нас мнения.

случилось это при копировании пинаксов, составлявшихся скорее всего для *Суды*, раз подобное встречается только там. Вообще говоря, это одна из распространенных ошибок копирования: механически работающий переписчик запоминает несколько слов подряд, но вписывает некоторые не там, где следует, а параграфом или двумя ниже¹⁵. Однако, пусть в пинаксах сочинения перечисляются в достаточно произвольном порядке, статьи лексикона расположены строго по алфавиту, потому он и лексикон – и от *Λ* до *Φ* далеко. Тем не менее при определенных обстоятельствах Лукиан и Филострат I оказаться рядом могли.

Составленные лексикографами пинаксы копировались в скрипториях, где их, конечно, делили между несколькими переписчиками, наверняка всё по тому же алфавитному принципу – другого рационального способа распределить работу попросту нет. Нельзя, однако, не вспомнить, что с *альфы*, например, начинается несчетное множество имен, а с какого-нибудь *кси* полтора десятка, то есть для ритмичной работы альфу лучше разделить между двумя или тремя переписчиками, зато скудные именами буквы можно давать по две и по три каждому. *Лямбда* и *фи* – буквы довольно скудные, хоть в обычном словаре, хоть в списке авторов TLG (на *Λ* всего 47, на *Φ* немногим больше, 72), именно такие буквы должны были даваться переписчикам не по одной и уже не по алфавиту, а исходя из общего объема работы. Итак, кто-то из переписчиков мог получить авторов сразу на *Λ* и на *Φ*, погрузиться в свой однообразный труд, взяться за Лукиа-

¹⁵ Вот нарочно сконструированный пример, две позиции списка рождественских подарков: «*Флоре* календарь с видами Праги, брелок для ключей, *Хлое* кухонные полотенца, марципан». Вообразим, что писавший отвлекся и получилось: «*Флоре* календарь, *Хлое* виды Праги, брелок для ключей, кухонные полотенца, марципан». В реальной жизни ошибка скоро обнаружится, но если перевернутый список через много лет (или столетий) увидит незнакомец, он навряд ли усомнится, что *Флоре* полагался только календарь, а вот *Хлое* – целая куча подарков.

на, где было *Περεγρίων* *Πρωτέα*, *Κύνα* ἢ σοφιστήν (а наверное, и *Νέρωνα*), прочитать, запомнить, написать *Περεγρίων*, затем отвлечься, затем продолжить и написать *Πρωτέα*, *Κύνα* ἢ σοφιστήν, *Νέρωνα* не там, где следует, а на листе из соседней *Φ* – то есть не после непонятного *Περεγρίων*, а после немногим более понятного *λίθοῦνωμικόν* из пинакса Филострата I. Излишне говорить, что ошибку эту никто не исправил, тем более что в итоге, то есть в известном нам лексиконе, у Филострата I пинакс солидный, а у безбожного Лукиана пинакса и вовсе нет – пусть это уже не ошибка, а сознательная позиция лексикографа, обоснованная его отношением к творчеству Лукиана.

Стало быть, допустимо предположить, что в пинакс Филострата I «Протей» – возможно, уже вместе с пояснением «Пес, или Софист» – попал из пинакса Лукиана, а значит, нужно говорить не об утраченном сочинении Филострата I, а о хорошо известном сочинении Лукиана; в пинаксах *Суды* немало путаницы, и это как раз тот случай, когда путаница весьма вероятна.

Таким образом, из трех сочинений Филострата I, призванных свидетельствовать, что он не мог жить при Нероне, ни одно не служит этому подтверждением, как, впрочем, и опровержением: «Нерон» и «Об имени» могли быть написаны автором, жившим как при Нероне, так и гораздо позже, «Протей» вероятно написан Лукианом. Обращение к этим свидетельствам, однако, было вызвано бесспорным противоречием, так как в *Суде* Филострат I сразу подвизается при Нероне и доводится отцом Филострату II, а по крайней мере одно из этих утверждений ошибочно – и почти все исследователи сочли ошибкой «при Нероне», хотя сомнения, что Филострат I был отцом Филострата II, явились давно и обоснованы куда лучше.

Они обоснованы не раз обсуждавшимся свидетельством *ex silentio*: Филострат I не упоминается в «Жизнях софистов», да и в других источниках (кроме *Суды*) о нем нет ни слова. Правда, о Лукиане ни один древнеклассический автор, как сказано,

тоже не упоминает, но у Лукиана не было сына, составившего сборник жизнеописаний софистов, а у Филострата I, будь он отцом Филострата II, такой сын был бы. Повествовательная манера Флавия Филострата нам хорошо известна: в «Жизнях софистов» он охотно говорит и о родном Лемносе, и у какого учителя учился, и каким одаренным юношей был Филострат Лемносский, и прочее подобное – трудно вообразить, что, будь его родной отец хоть как-то причастен софистике, он не нашел бы повода его упомянуть или, по крайней мере, на него сослаться, как ссылается, например, на Аристия (I. 22. 524), ведь в «Жизнях» немало мест, где было бы естественно сказать о таком отце, даже не включив в сборник его жизнеописание.

Действительно, если Филострат I был отцом родившегося около 170 г. н.э. Филострата II, значит, сам он родился между 120 и 140 гг. и был не просто афинским софистом, а афинским софистом Геродова преемства – учеником самого Герода либо одного из его учеников, скажем, Хреста или Адриана. Флавий Филострат сам принадлежал к этому преемству и описал его в «Жизнях» подробнее других, упоминая по ходу дела самых разных лиц, так или иначе связанных с Геродом и его преемниками, и среди этих лиц нет ни одного Филострата. Возможно ли, чтобы софист-отец никогда не рассказал софисту-сыну ничего достойного о своих учителях, о своих коллегах и конкурентах, о каких-нибудь занимательных эпизодах своей молодости? Такое навряд ли возможно, и если Флавий Филострат нигде не пишет, что вот это ему рассказал Филострат Стирийский или что вот этому был свидетелем сам Филострат Стирийский, стало быть, никакого Филострата он не знал, а отец его почти наверняка не был софистом и даже почти наверняка не был ему тезкой.

Отсюда с достаточной очевидностью следует, что Филострат II никак не мог быть сыном Филострата I, а был, как выражается Зольмзен, «от неизвестного отца» (Solmsen 1941: 134), и сейчас с этим все или почти все согласны. Ничего удивительного. В почтенной лемносской семье иные занимались

изящной словесностью, а иные не занимались, и ни Филострат Лемносский не был сыном Флавия Филострата (хотя сыновья у того были), ни Филострат Младший, четвертый и последний, не был сыном софиста по имени Филострат. Это вовсе не означает, что Филострат I не жил на свете, не занимался риторикой, не был из этой же лемносской семьи – нет, он всего лишь не был отцом Филострата II. Конечно, и тогда тот мог бы описать его жизнь, но только если бы они были знакомы и/или если бы он считал его видным софистом, а следовательно, Филострат II с Филостратом I знаком не был и тот умер прежде его рождения – незнакомый родственник может быть только покойным родственником.

Поэтому утверждение лексикографа, что самый старший Филострат жил при Нероне, кажется весьма правдоподобным: можно лишь удивляться, что в ошибки было выбрано «при Нероне», раз при всех неточностях Суды время жизни лексикографа, как уже говорилось, обычно указывают более или менее верно, с опорой на внутренние свидетельства. С другой стороны, если Филострат I жил при Нероне, то есть был современником Никета, был ли он софистом в том смысле, в каком употреблялось это слово позднее – принадлежал ли он к возникшей не ранее конца I в. н.э. корпорации, в которую затем не был принят любимый читателями Лукиан? Конечно, лемносский ритор Филострат (тогда еще не первый, а единственный) тоже имел успех у читателей, потому что византийский лексикограф какие-то его сочинения читал, а значит, кто-то продолжал их переписывать, а раз так, Флавий Филострат мог знать, что в его семействе был ритор, и если «Нерона» действительно написал Филострат I, мог читать этот диалог, а мог читать и другое – но всё это не было поводом писать об умершем при дедах и прадедах родственнике, который ни сам софистом не был, ни информации о других софистах предоставить уже не мог, а значит, к софистам и их жизням ни малейшего отношения не имел. Не то

средневековый лексикограф: он читал что-то из Филострата I, читал Флавия Филострата и, как положено книжнику, сравнивал книжку с книжкой – скорее всего он решил, что Филострат I пишет достаточно искусно, чтобы назначить его в отцы самому знаменитому из Филостратов. А что Филострат I жил при Нероне, а Филострат II при Северах, эту мелочь лексикограф мог проглядеть точно так же, как почти тысячу лет спустя Мюншер проглядел, что софист Антипатр через двадцать лет после собственной смерти ни на кого уже не стал бы сердиться¹⁶ – подобные ошибки книжным людям почему-то присущи, есть и более эффектные примеры. Куда удивительнее, что общепринятое и обоснованное неверие в отцовство Филострата I до сих пор никого не побудило с большим доверием отнестись к тому, что он жил при Нероне.

Правда, список сочинений Филострата I не становится от этого надежнее: из перечисленного сохранились только «Нерон» и «Гимнастика», и «Гимнастику» он сочинить не мог, а он ли сочинил «Нерона», тут нет и не может быть окончательного ответа, даром собрание сочинений у Филостратов общее – хотя за отсутствием надежного решения мы имеем право верить ненадежному Суде и оставить этот изящный диалог в собственности самого старшего Филострата.

2. *Самый знаменитый Филострат.* Перейти от Филострата I к Флавию Филострату, он же Филострат II, он же Филострат Афинский, он же – благодаря своей славе – просто Филострат, означает перейти с зыбкой почвы на надежную: пусть о жизни и трудах самого знаменитого Филострата известно не

¹⁶ Действительно, пытаясь объяснить, почему Флавий Филострат молчит об «отце», Мюншер предположил, будто он опасался рассердить этим Антипатра Гиераполитанского – влиятельного придворного софиста, с которым «отец» осмелился спорить (de Lannoy: 2410–2411).

так уж много, в этом немногом нет ничего загадочного и не так уж мало бесспорного, особенно в сравнении с любым другим Филостратом.

Об отце его сведений нет: Филострат I не годится, а других кандидатур источники (и даже самые смелые из исследователей) не предлагают. Правда, из родового Flavius ясно, что он был римский гражданин и почти наверняка от рождения¹⁷, а значит, отец его тоже был Флавий – но к gens Flavia было приписано множество наделенных римским гражданством греков, в том числе афинян, и отыскать среди них подходящего невозможно. Отец Филострата был, разумеется, также и афинским гражданином, известен даже его дем, Стирия¹⁸, потому что из этого дема его знаменитый сын, а еще он был как-то связан с Лемносом, хотя нельзя сказать, был ли лемносского происхождения: прямых свидетельств нет, а из лемносской семьи мог быть любой из родителей Филострата – или оба¹⁹. Итак, Филострат родился и вырос в почтенной и зажиточной афинской семье, а именно в Афинах было в ту пору легче всего чуть ли не с детства развивать природный дар к словесности – и эту дорогостоящую склонность родители Филострата поощряли,

¹⁷ При Империи провинциалы всё чаще получали римское гражданство, причем родовым именем (как Флавий) часто становилось имя императора, так что скорее всего предок Филострата приобрел гражданство при одном из Флавиев, во второй половине I в. н.э. (Flinterman 1995: 17).

¹⁸ Дем Стирия (Στεῖρῖα) – приморский округ близ Браврона; входил в Пандионову филу, славную многими великими именами.

¹⁹ Юэн Боуи справедливо предполагает, что на Лемносе у семьи Филострата была земельная собственность (Bowie 2009: 19), однако не оговаривает, что она могла быть как отцовской, так и материнской, а могла иметься у обеих семей. Между Лемносом и Афинами издавна существовали тесные политические связи: немногочисленные лемносские граждане обладали всей полнотой прав в Афинах, а многочисленные афинские – всей полнотой прав на Лемносе.

оплачивая его обучение у софистов, в том числе у известного Антипатра Гиераполитанского.

Преимущественно по софистам (вернее, по упоминаемым в «Жизнях софистов» лицам и событиям) определяется и время его рождения, но детальной хронологии в «Жизнях» нет, так что осторожный Зольмзен не хочет предложить даже приблизительную дату (Solmsen 1941: 126, 136), зато другие охотно предлагают самые разные, хотя близкие. Усердный де Ланнуа, перебрав все варианты, в итоге принимает почти все: Филострат родился между серединой 160-х и началом 170-х гг. (de Lannoy 1997: 2381), так что в итоге предпочтительным кажется самое популярное и не претендующее на чрезмерную точность «около 170 г.» (ср. Bowie 2009: 20 и др.).

Учился Филострат у Прокла Навкратийского и у не раз уже упоминавшегося Антипатра²⁰, чьи жизни затем описал; похоже, у Прокла, учившего не только юношей, но и подростков (II. 21. 603), он стал заниматься раньше, чем у Антипатра, который был моложе Прокла (родился в 143/144 гг.), юного Филострата учил уже как опытный преподаватель, но был еще не стар, когда ученик сам стал известным софистом – тут снова годится «около 170 г.». В 1930-х гг. на афинской агоре была найдена надпись, которую Дж.Трейлл датирует примерно 205 г.: в надписи упоминается *στρατηγούωντος ἐπὶ τὰ ἔπλα Ἀ Φλ Φίλοστράτου*

²⁰ Иногда считается, что он учился также у Дамиана и у Гипподрома (cf. Bowie 2009: 19), но это явное преувеличение, отмечаемое и Кендрой Эшлеман (Eshleman 2012: 131): при посещении Эфеса Филострат трижды навестил уже отошедшего от дел Дамиана, получив от бесед с ним незабываемое впечатление (II. 23. 606), но Дамиан родился ок. 135 (Swain 1991: 160), а Филострат в 200-х давно вышел из ученического возраста, да и трех бесед мало, чтобы называться учеником. Гипподром преподавал в Афинах, Филострат ему симпатизировал, слушал его речи (II. 27. 617), однако учителем его не называет и о своих занятиях с ним не говорит, а говорит, что Гипподром учил Филострата Лемноского.

Στεῖριέως – «воевода латников Л(уций) Флавий Филострат Стирийский» (Traill 1971: 321, №13), и это, разумеется, тот самый Флавий Филострат. Среди надписей этого же времени в одном из перечней членов Совета от филы Пандиониды, в которую входил дем Стирия, на почетном втором месте значится Φλᾶ [...] Φιλ [...]: Флавиев в Афинах, как уже сказано, хватало, да и имена на φιλ- были распространенными, но Трейлл достаточно убедительно доказывает, что Φιλ здесь читается Φιλ[όστρατος] (Traill 1982: 231–233, №64) – про запас можно принять и это свидетельство. Итак, к началу 200-х гг. Флавий Филострат был в Афинах на виду и уже не юноша: должность воеводы латников (гоплитарха), пусть давно низведенная до муниципальной, не была декоративной, так как гоплитарх заботился о снабжении города продовольствием (I. 23. 526 и прим.), то есть должен был быть человеком состоятельным, заведомо честным и с заслугами, иначе не был бы избран. Стратегия длилась год, но есть надпись, которая свидетельствует о более продолжительных обязанностях: жрецом Гефеста на Лемносе – а культ Гефеста конечно же был на Лемносе главным – назван Л. Фл. Филострат (IG XII. 827); правда, надпись датируется неточно и нельзя с определенностью сказать, что это именно «наш» Флавий Филострат, софист (de Lannoy 1997: 2416–2417).

Время прибытия Филострата в Рим также определяется приблизительно: он уже был там, когда Антипатр учил погодков Каракаллу и Гету (род. 188 и 189 гг.), а те навряд ли начали учиться позже афинских и смирнских подростков, ходивших к софисту в сопровождении дядьки (ср. II. 27. 619 и др.). Сообщая, что Антипатр был «приставлен учителем к сыновьям Севера», Филострат добавляет «в похвалах урокам мы даже величали его наставником богов» (ibid. 24. 608), то есть уроки юных сыновей императора позволялось порой посещать избранным коллегам их учителя, и если Филострат был в их числе, значит, он успел

стать своим человеком при дворе императрицы Юлии²¹, а присутствовал, конечно, как и остальные, не на первых уроках, а на тех, где Антипатр уже мог продемонстрировать успехи учеников – и, вероятно, прежде избрания на должность гоплитарха²², так как позднее юные Северы свое образование завершили, и это тоже указывает на начало 200-х гг. Долго ли Филострат жил в Риме, сказать нельзя, тем более что жизнь в Риме вовсе не означала безотлучного пребывания в Риме, особенно если речь идет о софисте, который всегда в разъездах, а по «Жизни Аполлония Тианского» и по «Жизням софистов» видно, что Филострат много где побывал, иногда сопровождая императора, иногда по собственной надобности – наверняка жил в родных Афинах, вероятно бывал на Лемносе, а с какого-то времени (может быть, после женитьбы?) оказался связан с ионийскими Эрифрами, древним городком неподалеку от Смирны.

Сохранилось несколько бесспорно принадлежащих его перу писем, и в одном из них – в краткой записке к некому Диодору – он хвалит полученный от плодородной эрифрейской земли урожай гранатов и посылает десяток на пробу (Epist. 45); нет сомнений, что гранаты из собственных садов (ср. Flinterman 1995: 18). Сохранилась также найденная среди развалин Эрифр надпись в честь каких-то услуг, оказанных этому городу сенатором Л. Флавием Капитолином – «сыном софиста Фл. Филострата и превосходнейшей Аврелии Мелитины»; в той же надписи упоминается (без имени) брат Капитолина (Syll³ 879). «Превосходнейшими» (κράτιστοι) величались у греков как всадники и

²¹ О Юлии Домне и ее литературно-философском кружке, к которому принадлежал и Филострат, подробнее будет рассказано в приложении к «Жизни Аполлония Тианского».

²² Андерсон полагает, что Филострат мог исполнять эту должность *in absentia* (Anderson 1986: 6, 19), хотя с таким же успехом он мог провести в Афинах часть года или весь год – любая из этих гипотез правдомерна, но ни одна ничем не обоснована.

члены их семей, так и сенаторы с семьями, но применительно к жене Флавия Филострата присущая грекам небрежность в переводе римской номенклатуры пониманию не мешает, потому что рядом говорится о «превосходнейшем Совете», а это всегда Сенат – стало быть, известно не только имя жены Филострата, но и ее высокое происхождение, пусть нельзя сказать, кто из многочисленных Аврелиев был ее отцом. Значит, примерно в 240 г. (так датируется надпись) Капитолин был уже сенатором, а до того должен был занимать приведшие его в Сенат почетные должности, а ведь детская и юношеская смертность была в ту пору высокой, не всем везло иметь двух взрослых сыновей, пусть ни один из них не стал софистом. Впрочем, был в семье и софист, третий в литературной династии Филостратов – если верить *Суде*, Флавий Филострат женил его на своей дочери, а значит, была у него и дочь.

Этих – пусть довольно скудных – свидетельств довольно, чтобы разглядеть в Филострате преуспевающего представителя имперской элиты: богатый, знаменитый, принятый при дворе, женатый на дочери сановника, а сын его занимает должности, открывающие дорогу в Сенат и сам становится сенатором, скорее всего еще при жизни отца... Столь выдающийся софист должен был, как кажется, иметь много учеников, но ни об одном из них нет ни слова ни в «Жизнях софистов», ни в *Суде*²³, нигде. В современных исследованиях иногда вскользь говорится, что Филострат преподавал в Афинах и в Риме, однако источником служат лишь два места в *Суде*: в уже цитированном Ф 421 «занимавшийся софистикой (σοφιστεύσας) в Афинах и затем в Риме» понимается как «учивший софистике в Афинах и затем в Риме», хотя «учить» – не первое значение σοφιστεύειν;

²³ В *Суде* Филострат Лемносский – слушатель (ἀκουστής) Филострата II (Sud. Ф 423), да иначе и быть не могло, но положение «дяди на Парнасе» нельзя приравнивать к профессиональному преподаванию.

в другой статье сказано, что учивший в Афинах Фронтон в качестве преподавателя соперничал (ἀντεπαίδευσε) «с Филостратом первым и Апсином Гадарским» (Sud. Ф 735), – Апсина мы знаем, Филострат называет его своим другом (II. 33. 628), а вот что «первый» здесь тот же Филострат, который недавно (Sud. Ф 421) был «вторым», это далеко не очевидно. Впрочем, если бы даже речь тут шла о Флавии Филострате, двусмысленность остается: то ли после убийства Карагаллы и самоубийства Юлии (217 г.) он вернулся в Афины и жил там достаточно долго, чтобы всерьез заняться преподаванием, то ли Фронтон соперничал с Апсином, а Филострат просто поддерживал друга – не говоря уж, что «Филостратом первым» здесь почти наверняка назван Филострат Лемносский (см. ниже). Отсюда не следует, конечно, будто Филострат никогда в жизни не преподавал: в молодости, в Афинах, ему естественно было приступить к этому традиционному для софиста занятию уже потому, что оно традиционное, но в качестве начинающего преподавателя он навряд ли мог иметь много учеников – а вот потом, при его-то славе и связях ему, казалось бы, полагалось не просто преподавать, а занимать афинскую или даже римскую кафедру. Тем не менее заведомо известно, что никакой кафедры он никогда не занимал, как не занимал и высоких должностей, которые могли бы тому помешать: в упоминавшейся эрифрейской надписи он просто «софист» и в надписи на найденном в Олимпии подножии посвященной афинянами статуи тоже значится Φλ Φιλόστρατον Αθηναῖον τὸν σοφιστήν (Syll³ 878), при том что удостоиться такой статуи мог далеко не всякий²⁴. Если у столь выдающегося софиста и вправду не было известных учеников, это естественно наводит на мысль, что преподавал

²⁴ Ср. выше о статуе Флавия Александра в Дельфах: чтобы ее поставить, потребовалось постановление Амфикитионов; в Олимпии, тоже всегреческом святилище, порядки были не менее строгие.

он от случая к случаю, а воспитание ученика требует долгого общения – и такое общение было у него, похоже, только с Филостратом Лемноским. Конечно, построенная на *argumentum ex silentio* гипотеза всегда остается шаткой: если в «Жизнях софистов» и в *Суде* (а больше, в общем-то, и нигде) об учениках не сказано, это не значит, что их не было. Однако по «Жизням софистов», где Филострат пишет о современниках, видно, что знакомства с этими современниками он никогда не скрывает и отношение свое к ним тоже не очень скрывает: восхищается Дамианом, симпатизирует Аспасию, любит Филострата Лемноского, не недооценивает сложный характер Антипатра – и так далее. Если бы он преподавал всерьез, за тридцать лет кто-то из его учеников сделал бы карьеру, а значит, кто-то из названных в «Жизнях» младших друзей (например, Никагор) был бы не только другом, но и учеником, и трудно вообразить, что Филострат не нашел бы повода припомнить его ранние успехи, как припоминает он ранние успехи Филострата Лемноского. Тем не менее, если он и вправду не преподавал или почти не преподавал, это не совсем обычно.

Читатель «Жизней софистов» может убедиться, что почти все софисты преподавали, что у большинства это был источник дохода, нередко значительного и что (самое главное!) это был еще и способ жить, а потому, например, «царь словес» Герод имел толпу учеников, хотя был одним из богатейших людей Империи, строителем театров и акведуков, сенатором, консулом – короче, учил не ради заработка. Еще показательнее судьба более скромного Гипподрома: он был видный софист, успешно преподавал в Афинах, получил там кафедру (а это немалые деньги), но унаследованные им конные заводы в отсутствие хозяина начали приходить в упадок, так что пришлось вернуться в Фессалию, к куда более прибыльному коневодству (II. 27. 618) – значит, и Гипподром учил не ради денег. Известно, что софистам нередко покровительствовали сильные мира сего, дарившие им выгодные льготы и привилегии, а то и золото, и на-

вряд ли от рождения не бедный Филострат, уже перебравшись в Рим и сблизившись с императрицей Юлией, нуждался в преподавательских заработках. И все же если он не преподавал, тому должна была быть причина, нам доподлинно не известная, и легче всего предположить, что ему, как некогда Гипподрому, мешало уже имевшееся состояние. Софисты разъезжали много, но при всем том большую часть времени каждый проводил там, где учил, а Филострат, судя по всему, не просто много разъезжал, а еще и периодически жил там, где имел земельную и иную собственность – в Афинах, на Лемносе, в Эрифрах, а быть может, и в других местах, ведь он был богатый человек, а собственность требует присмотра. Это мешало бы преподавать и тому, кто по природе охоч до преподавания, но не всем присуща подобная склонность, и Филострату она могла быть не присуща.

Впрочем, хотя преподавание было основным занятием большинства софистов, оно не было их профессиональным долгом – этим (пусть нигде прямо не прописанным) долгом были публичные выступления, без которых софист был не софист²⁵, причем «подвигом легкого и плавного слога» была речь без подготовки (II. 9. 583). Сам Филострат несомненно импровизировать умел и публичных выступлений не избегал – не только потому, что без этого навряд ли стал бы известен и попал ко двору, но и потому, что тогда в «Жизнях софистов» назвал бы подвигом что-нибудь другое. Однако речи его, хоть и упомянутые в перечне *Суды*, до нас не дошли, и своей до сих пор невянущей славой он обязан не красноречию, а писательству, о

²⁵ Только Клавдий Элиан из опасения за свой якобы несовершенный (неприродный) греческий не просто не преподавал, но даже не выступал перед публикой, всецело посвятив себя писательству, так что Филострат берется за его жизнеописание не без оговорок (II. 31. 624); зато Гипподром уже после возвращения в Фессалию регулярно приезжал выступить на всеэллинских праздниках (II. 27. 618) – он справедливо считал себя софистом и не хотел, чтобы об этом забывали другие.

котором он отзывается в «Жизнях софистов» уважительно, но без особого интереса.

Бесспорно написанное им состоит (если не считать нескольких писем) из «Жизни Аполлония Тианского» и «Жизней софистов», трудов при всем их различии биографических – и во всем корпусе Филостратов только они и упомянутые несколько писем не вызывают споров об авторстве. Может быть, от него осталось больше, однако в прочих случаях точная атрибуция невозможна: «Героика», «Гимнастика», две первые книги «Картин», упомянутый «Нерон» и еще некоторые мелочи – иное из этого (а порой и всё) тоже нередко приписывается Флавию Филострату, а что-то из этого, возможно, и вправду им написано, но нельзя сказать, что именно²⁶. Зато названные биографии занимают собой весьма значительную часть семейного собрания, а обстоятельства их создания известны от самого автора. Жизнь Аполлония Филострат взялся описывать по поручению Юлии Домны, и даже по необычному для жизнеописания объему заметно, что сам увлекся подвигами «божественного любомудра» и не спешил с ним расстаться, но так или иначе, на труд этот несомненно ушел не один год и завершил он его, возможно, после смерти

²⁶ Элснер готов приписать всё перечисленное Флавию Филострату, так что называет его корпус «протеическим» (Elsner 2009:3–18), хотя это корпус не одного Филострата, а нескольких: если трудно вообразить, что, например, у «Картин» и «Жизней» один автор, естественно умозаключить, что у них и вправду разные авторы (такое допущение делается даже в DNP, хотя и там в перечень сочинений Флавия Филострата включено почти всё наследие всех Филостратов). А.В. Белоусов разделяет традиционное мнение, что «Героикку» написал Флавий Филострат, так как «Жизнь Аполлония» несомненно написал он, а в этих двух произведениях много общих тем (Белоусов 2012: 33); поводом к написанию диалога Белоусов считает жертвоприношение, которое Каракалла в 214 н.э. совершил на могиле Ахиллеса (Белоусов 2012: 69) – обе гипотезы нельзя не признать правдоподобными, хотя даже первая из них не может служить абсолютным опровержением авторства Филострата Лемноского.

Юлии. Затем, теперь уже по собственному почину, он приступил к «Жизням софистов»: новое сочинение было далеко не столь объемистым, но тоже объемистым и тоже требовало предварительной работы, так как сведения о софистах века Антонинов и о старших современниках, из чьих биографий в основном и составлен сборник, нужно было добывать иногда из расспросов, иногда из писем, иногда из государственных и личных архивов — ссылки на многие из этих источников в «Жизнях» есть. По посвящению Гордиану (будущему Гордиану I) можно заключить, что этот труд был завершён в конце 237 или в начале 238 г., то есть в год проконсульства Гордиана, но прежде, чем он был провозглашен императором, и это последний год, когда мы видим Филострата живым, хотя умер он, если верить Суде, через несколько (или много) лет, при Филиппе Арабе, правившем в 244–249 гг., то есть мог написать еще что-то, даже и сохранившееся в корпусе Филостратов — но этого мы не знаем.

В общем, о самом знаменитом Филострате наверняка известно лишь то, что он рассказал о себе сам, а надписи добавляют к этому разве что должность гоплитарха, имена жены и одного из сыновей и подтверждение высокого статуса. Не так уж и мало: как-никак из всех Филостратов только у этого, самого знаменитого, есть что-то вроде достоверной биографии и достоверного (пусть неполного) списка сочинений.

3. *Еще один Филострат — или двое?* В лексиконе Суды третьим значится еще один Филострат (хотя третьим не назван); вот что о нем сказано:

(Ф 423) Филострат, сын Нервиана, племянника Филострата второго (Νερβιανοῦ, ἀδελφὸπαῖδος Φιλοστράτου τοῦ δευτέρου), лемносец и сам софист, учивший в Афинах, поживший и похороненный на Лемносе, слушатель и зять второго Филострата. Написал Картины, Панафинеиное, Троянское, Переложение Гомерова Щита, показательные речи числом 5, иные же приписывают ему и Жизни софистов.

О кровном родстве этого Филострата с Флавием Филостратом сообщает только *Суда*, однако в «Жизнях софистов» он упоминается не раз, всегда как Филострат Лемносский, и самый характер упоминаний недвусмысленно свидетельствует, что речь идет о ком-то близком и любимом. Из «Жизней» можно узнать и время его рождения: в двадцать два года он с успехом выступил на Олимпийских играх (II. 27. 617), а в двадцать четыре получил от Каракаллы льготы, не всегда жалуемые даже более зрелым софистам (II. 30. 622). Во втором случае из контекста следует, что льготы были пожалованы не в первый год правления Каракаллы, а так как тот правил с 211 г., а Игры были в 209 г., выходит, дело было не через два года после Игр, а попозже. Впрочем, это мало что меняет: так и сяк Филострат Лемносский родился между 187 и 191 гг., был моложе Флавия Филострата лет на двадцать и в год завершения «Жизней софистов» ему было уже около пятидесяти – однако близость между двумя Филостраатами сохранялась, раз через два или три десятилетия биограф с таким удовольствием вспоминает, каким одаренным юношей был его младший родственник.

Умер Филострат Лемносский неизвестно когда, но после 238 г., так как в «Жизнях софистов» жив²⁷, а стало быть, на поприще софистики подвизался долго и нет оснований не верить, что учил главным образом в Афинах. Флавий Филострат несомненно содействовал его карьере (получить льготы в двадцать с чем-то лет навряд ли было возможно без протекции), но в 217 г. Каракалла был убит, вскоре покончила с собой Юлия Домна, и связь Флавия Филострата с двором, а вместе с нею и опосредо-

²⁷ В последнем параграфе «Жизней» Флавий Филострат расхваливает Филострата Лемносского так горячо, что побуждает Эмили Райт предположить, будто тот уже умер (Wright 1921:ix) – но о такой смерти биограф несомненно сообщил бы как о безвременной; притом из двух названных там же и тоже с похвалой софистов Апсин жив почти наверняка, а Никагор наверняка.

ванная связь с двором Филострата Лемносского должны были прерваться на несколько лет, до прихода к власти Александра Севера. Тот по примеру покойной Юлии и по собственной склонности привечал софистов, философов и даже законовевдов, так что вскоре после смены правления Филострат Лемносский провел некоторое время в Риме, виделся с Элианом, даже попрекнул его политической трусостью (II. 31. 625), более того, успел поссориться с занимавшим римскую кафедру Аспасием и написал против него «Как писать послания» (II. 33. 627–628).

Незадолго до этой ссоры Аспасию стали напоминать о возрасте и «корить, зачем не хочет уступить место другому», а ведь он не был особенно стар, раз именно тогда был назначен на хлопотную должность императорского письмоводителя²⁸ и тогда же освоил импровизацию, в которой прежде был слаб (loc.cit.), наконец, в предпоследнем параграфе «Жизней» о нем говорится, что он все еще учит в Риме, хотя уже достаточно стар (ἱκανῶς ὑπέρσκειν) – а ведь миновали годы, а вернее, что и много лет. Кафедру получали пожизненно и, если оставляли, то по доброй воле, как коннозаводчик Гипподром, или по не очень доброй, как Гераклид Ликийский, которого так допек Аполлоний Навкратийский с «приспешниками», что он навсегда уехал из Афин в Смирну и кафедру, стало быть, бросил (II. 26. 613) – но решение это принял сам. Чем допекли Гераклида, неизвестно, а вот Аспасия допекали разговорами о возрасте, хотя слишком заметна непоследовательность рассказа, где его торопят уйти, дав дорогу кому-то помоложе, а годы спустя он

²⁸ Адриан Тирский получил эту почетную должность от Коммода буквально на смертном одре и с извинениями за промедление (II. 10. 590), но подобное было исключением, недаром подробно описано, обычно же назначенным ab epistulis Graecis вместе с немалым почетом доставалась нелегкая обязанность вести греческую переписку императора, к стилю которой другие софисты охотно придирались – придирался, как мы знаем, и Филострат Лемносский.

продолжает преподавать и, судя по всему, по-прежнему занимает кафедру.

Это наводит на мысль об интриге, возникшей в пору, когда Аспасия просили освободить место: среди претендентов наверняка был Филострат Лемносский, чьим преимуществом все еще оставалась относительная молодость – в это время (в начале правления Александра) ему было немного за тридцать. Аспасий кафедру не отдал, и вышла ссора, о которой любящий Филострата Лемносского, но искренне симпатизирующий Аспасию Флавий Филострат рассказывает в весьма туманных выражениях, во всем виня подстрекателей, в частности, некого Кассиана. Об этом Кассиане сказано, что он «при всяком удобном случае домогался главенства над афинскими софистами, хотя за всю жизнь одного только Перигета Лидийского и выучил» (II. 33. 627), но не сказано, удалось ли ему получить желанную кафедру – похоже, не удалось, хотя ясно, что он изо всех сил мешал взойти на нее другим, а по раздражению, с которым пишет о нем Флавий Филострат, нельзя исключить, что мешал и Филострату Лемносскому²⁹. Это возвращает нас к упоминавшемуся в предыдущем разделе сообщению Суды о софисте Фронтоне (Sud.

²⁹ Для раздражения могла быть еще одна причина: в родном Флавии Филострату дема Стирия семейство его всегда уступало Юлиям Кассианам (Traill 1972: 141), чьим преимуществом была, в частности, связь с Элевсином, так что, например, подходящий по возрасту Кассиан Аполлоний был элевсинским глашатаем (Puech 2002: 108), и это могло сделаться поводом к соседской неприязни. В стемме Кассианов Стирийских софистов нет (Puech 2002: 512), но отсюда не следует, что их не было. Правда, в Афинах в это же время жил Кассиан Антиох (не из Стирийского дема), видный софист и член Ареопага, и Филострат мог иметь в виду его (Oliver 1934: 191–196), но и это недоказуемо, хотя иногда принимается на веру; Антиох был главой Мусея, устроенного по образцу александрийского (Puech 2002: 81) и навряд ли мог совмещать эту должность с другими, но участвовать в профессиональных склоках, разумеется, мог.

Ф 735): в Афинах он соперничал в преподавании с Филостратом первым и с Апсином Гадарским (ἀντεπαίδευσε Φιλοστράτῳ τῷ πρώτῳ καὶ Ἀψίνῃ τῷ Γαδάρει). Апсин – друг Флавия Филострата, учившийся в Смирне у Гераклида, а затем при Максимине (между 235 и 238 гг.) консул-суффект (Sud. A 4736); Фронтон, в биографии Александра Севера ошибочно названный Юлием Фронтином (SHA Alex. III.3), учил будущего императора риторики уже при Гелиогабале (не позднее, чем с 221 г.) и, вероятно, оставался в Риме по крайней мере до гибели Александра в 235 г. – а к тому времени уже и Апсин скорее всего был в Городе. Таким образом, упоминаемое в *Суде* соперничество, вероятно, имело место прежде отъезда Фронтона в Рим, но после смерти Каракаллы и Юлии, которые покровительствовали Филостратам, то есть в 217–221 гг. – только вот о котором из Филостратов здесь речь? По умолчанию нередко считается, что о Флавии Филострате: да, в Ф 421–423, он «второй», но лексикограф мог назвать его «первым» по небрежности или как старшего, ведь в *Суде* хватает небрежностей (Bowersock 1969: 5 et al.)³⁰. Однако лексикон демонстрирует более сложную картину.

Филостраты пронумерованы лишь в Ф 421–423; младший из троих, в «Жизнях софистов» всегда именуемый Филостратом Лемносским, там по порядку третий, но ни разу «третьим» не назван. Кроме Ф 421–423 и Ф 735, в *Суде* имя Филострат упомянуто семнадцать раз: одиннадцать раз со ссылкой на «Жизнь Аполлония» или на «Жизни софистов», и тогда это Флавий Филострат, называемый то просто «Филострат», то «Филострат Лемносский» (sic!), еще в пяти случаях также говорится о «Филострате» или о «Филострате Лемносском», но нельзя с уверен-

³⁰ В предисловии к своему переводу «Картин» С.П.Кондратьев (без какой-либо ссылки) пишет, что Филострат III желал получить афинскую или римскую кафедру, но не получил и что афинскую получил его соперник Кассиан (Кондратьев 1936: 11–12) – но это уже домысел.

ностью сказать, кто из семейства имеется в виду³¹. Стало быть, хотя лексикографы в основном знакомы с «Жизнями софистов» (это заметно и по другим статьям), они не используют «Лемносский» для различения, как это делается в «Жизнях», но не следуют и принятой в Ф 421–423 нумерации – тем вероятнее, что, раз уж автор Ф 735 дал Филострату номер, именно он и писал ранее о трех Филостратах³², а тогда навряд ли мог их спутать, ошибка копирования гораздо вероятнее. А у ошибок копирования свои закономерности: слово обычно заменяется сходным, но сходным не по смыслу (копирование – процесс механический), а по звуку или по виду. Если так, спутать при копировании «первого» со «вторым» трудно, звуком и видом $\pi\rho\acute{o}\tau\omega$ совсем не похоже на $\delta\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\omega$, а вот $\tau\rho\acute{\iota}\tau\omega$ и $\pi\rho\acute{o}\tau\omega$ достаточно похожи, чтобы вместо «третьего» явился «первый» – притом, хотя в Ф 423 Филострат Лемносский номера не имеет, лексикограф, давший двум из трех Филостратов номера и еще держащий в памяти генеалогический контекст Ф 421–423, не затруднился бы в статье о Фронтоне назвать третьего в своем же перечне «третьим», а не использовать «Лемносский», лишнее в лексиконе различительного смысла. Это предположение поддерживается и тем, что для Филострата Лемносского, начавшего карьеру относительно недавно, конкуренция с Фронтоном была

³¹ Филострат Египетский в лексикон почему-то не попал, так что из Филостратов *Суды* только один не принадлежит к семейству лемносских софистов, зато и самое имя его под вопросом: отец платоника (схоларха) Полемона звался «то ли Филострат, то ли Филократ» (*Sud.* П 1887. 1) – это лишний раз подтверждает тот отмеченный выше факт, что имя «Филострат» не относилось к употребительным.

³² В *Суде* в статьях на Ф о Филостратах говорится в не раз цитированных Ф 421–423 и Ф 735. 2, а также в Ф 803. 1, где есть ссылка на сказанное Филостратом о магах – ссылка, вернее всего, на «Жизнь Аполлония», но никакого дополнительного определения Филострат в этой статье не имеет; вероятно, нумеровавший Филостратов лексикограф прекратил работу над Ф не позднее Ф 800.

актуальнее, чем для давно преуспевшего Флавия Филострата. Словом, краткое сообщение *Суды* может быть еще одним отголоском борьбы за афинскую кафедру и тогда подтверждает, что в Афинах Филострат Лемнонский успел поучаствовать в склоках афинских софистов. А от Флавия Филострата известно, что вскоре, уже в Риме, он снова участвовал в склоке, теперь уже почти наверняка из-за кафедры – но снова ничего не добился.

Конечно, эти сведения разрознены и неполны, однако соперничество между софистами – дело обычное, а не очень внятное свидетельство *Суды* не расходится с тем, что известно о даровитом молодом человеке, желавшем сделать большую карьеру, блестяще начатую при Каракалле, но так и не увенчавшуюся получением кафедры³³. Сложнее обстоит дело с родством двух Филостратов, о котором *Суда* сообщает скупо, а Флавий Филострат не сообщает вообще.

Что они были родственники, тут сомнений быть не может: как уже сказано, Филострат – имя не самое частое, на Лемносе тем более. Также нет оснований не верить, что отцом Филострата Лемнонского был некий Нервиан (придумывать подобное трудно и незачем) или что Флавий Филострат выдал за молодого софиста свою дочь – династические и квазидинастические бра-

³³ Грэм Андерсон уверен, что «престолы» для Флавия Филострата значили мало: о занимавших их софистах он пишет безразлично (Anderson 1993: 30), а иных, даже назначенного самим Марком Феодота, выводит непривлекательными (Anderson 1986: 82). Действительно, о занимавших кафедры софистах иногда написано подробно, иногда кратко, иногда с похвалой, иногда наоборот – всё как обо всех, и это не имело бы особенного значения, если бы не совершенно иное (далекое от равнодушия) отношение к исходящим из того же источника льготам. Видимо, причина в обстоятельствах жизни Филострата, который по той или иной причине на кафедру не претендовал, а льготы несомненно имел, да и Филострат Лемнонский кафедры не получил, а льготы получил – а хотя бы на уровне декларации доставшееся Филостратам должно цениться выше, чем не доставшееся.

ки распространены в самых разных элитах и нередко связывают дальних родственников, а Филострат III и дочь Филострата II по определению были подходящей парой. Но в каком родстве был зять с тестем? Если Нервиан, как сказано в *Суде*, доводился Флавию Филострату племянником, Филострат II – дед Филострата III, а ведь тот моложе всего лет на двадцать! Отсюда естественное искушение исправить ἀδελφόπαιδος в ἀδελφόπαις, так как без -δο- (то есть без родительного падежа) Филострат Лемносский – «сын Нервиана, племянник Филострата второго», что гораздо правдоподобнее. Это чтение в 1616 г. предложил голландский филолог Иоганн Меурсий (Meursius), его поддержал сам Олеарий, а затем – уже в новое время – маститые Теодор Бергк (Bergk 1883: 175–183) и Вильгельм Шмид (Schmid 1896: 6 sq.), иначе очень уж странно выглядит разница в годах. Однако «в жизни всяко бывает» (Flinterman 1995: 10–11), да притом, если Нервиан был сыном старшей сестры Флавия Филострата, можно обойтись без исправления: младший брат юной матроны мог быть одних лет с племянником (Fertig 1894: 17–18) – и это справедливое мнение поддержали Мюншер и Зольмзен.

Казалось бы, к чему эти домыслы? Так ли важно, племянником или внучатым племянником доводился Флавию Филострату Филострат Лемносский? В данном случае, однако, это действительно важно. Писательство (даже у Филостратов!) – дело индивидуальное, для атрибуции текста нужны сведения об авторе, и если у нескольких авторов имена одинаковые, возможна путаница, не всегда находящая однозначное разрешение. Разумеется, кто бы ни сочинил «Нерона», например, или «Героиду», это не отменяет ни существования самого старшего Филострата, ни (тем более) существования знакомого нам по «Жизням софистов» Филострата Лемносского – а вот от родства Филострата Лемносского с Флавием Филостратом зависит нечто наиважнейшее, самое число Филостратов, которых в *Суде* трое, а на деле, возможно, четверо. Корень этой проблемы в «Картинах».

В корпусе Филостратов имеется сборник описаний неких

(реальных или вымышленных) картин в двух книгах; сборник так и называется – «Картины» Филострата, а вот которого из Филостратов, это не уточняется; имеется в корпусе и еще один сборник сходного содержания, но объемом поменьше, так как сохранился не полностью – этот называется «Картины Филострата Младшего»; у филологов эти сборники традиционно называются, соответственно, *первыми* и *вторыми* «Картинами». В предисловии к *вторым* Филострат Младший рассказывает, что его дед по материнской линии, тоже Филострат, составил первые две книги «Картин», а теперь он, Филострат Младший, решил заняться тем же – но нет никакого надежного способа отождествить хотя бы одного из этих двух Филостратов с Флавием Филостратом или с Филостратом Лемносским³⁴, пусть и очевидно, что кто-то из них непременно должен быть тем самым дедом, то есть автором первых и главных «Картин»! Отсюда и возникает задача «сосчитать Филостратов». Действительно, если, как можно предположить по *Суде*, первые «Картины» написал Флавий Филострат, то вторые написал Филострат Лемносский, а тогда он и есть внук Флавия Филострата по материнской линии. А если первые «Картины» написал Филострат Лемносский, он – тот самый дед Филострата Младшего, о котором в таком случае известно только, что он написал вторые «Картины» – и наверное после 250 г. н.э., раз дед его родился около 190 г. В первом случае Филостратов трое, как в *Суде*, во

³⁴ Правда, Кайзер предлагает в авторы первых «Картин» самого старшего Филострата, сына Вера, и тогда Филострат Лемносский – сын сестры Флавия Филострата, тот самый Филострат Младший, его внук по материнской линии (Kayser 1844: praef.; de Lannoy 1997: 2418). Эта стройная конструкция очевидным образом зиждется на уверенности, что Филострат I был отцом Филострата II, то есть жил при Антонинах, около 170 г. н.э. был в расцвете сил и по всем признакам должен быть причислен к софистам школы Герода – между тем ранее было показано, что Филострат I, скорее всего, как и сказано в *Суде*, начинал при Нероне и отцом Флавия Филострата не был.

втором четверо – всё зависит от авторства первых «Картин». И вот тут-то трудно не вспомнить, что мы уже знакомы с некоторыми обыкновениями лексикографа, писавшего о трех Филостратах в Ф 421–423.

Этот лексикограф явно располагал более полным корпусом Филостратов, чем мы, и какие-то дополнительные источники у него тоже были: скажем, ничем не примечательные имена безвестных отцов Филострата I и Филострата III, Вер и Нервиан, он несомненно откуда-то позаимствовал. По Ф 421 и Ф 423 (о Флавии Филострате и Филострате Лемноском) можно видеть также, что он верно определяет время жизни обоих софистов – тем меньше оснований сомневаться, что самый старший Филострат жил при Нероне. Нет оснований не верить также и тому, что Филострат III был зятем Филострата II – выдумывать подобное нет никакой нужды. С атрибуцией похуже, кое-что порой противоречит хронологии (так, Филострат I никак не мог быть автором «Гимнастики») или прямым свидетельствам (так, Филострат II сам называет себя автором «Жизней софистов», а в Суде сохраняется допущение, что их написал Филострат III), но это может иметь причиной небрежно составленные пинаксы – подобное в Суде не редкость и с личными пристрастиями лексикографов не связано, исправление пинаксов в их обязанности не входило. Зато нумеровать Филостратов лексикограф затеял сам и о родстве их из пинаксов знать не мог, это он тоже додумывал сам – причем, как видно по «отцовству» Филострата I, не довольствовался простой констатацией родства, но непременно желал сделать его близким и кровным.

Что три Филострата, все лемносцы, должны быть родственниками, в этом трудно сомневаться, однако родство бывает разное: если все трое и были отдаленными потомками почтенного землевладельца по имени Филострат, они могли даже не знать друг о друге, особенно если один жил при Нероне, а двое других при Северах. Но лексикограф, читавший вторые «Картины», помнит, что их автор доводится внуком другому Филострату,

автору первых «Картин», и на этом основании отождествляет Филострата Младшего с известным ему по «Жизням» молодым Филостратом Лемносским, о котором знает, что тот был зятем Флавия Филострата – а что разница их лет для деда и внука маловата, это требует такой хронологической детализации, какая в Суде не принята. В результате первые «Картины» достаются Филострату II, которому уже назначен в отцы Филострат I, и получается отличная генеалогия в четырех поколениях: (1) Филострат I, сын Вера (2) его дети: сын Филострат II и безымянная дочь, мать Нервиана, (3) Нервиан, безымянная дочь Филострата II³⁵ и ее муж Филострат Младший, (4) он же, но теперь в качестве сына Нервиана и внука Филострата II³⁶. Как уже показано в разделе о Филострате I, самым вероятным поводом назвать его отцом Филострата II был тот бесспорный факт, что этот уважаемый софист заслужил иметь превосходного сына, а Филострат II, тоже лемносец, на роль превосходного сына подходит идеально – словом, тут лексикограф не руководствовался ничем, кроме понятного стремления к гармонии. А вот в случае с Филостратом III он, можно сказать, опирался на тексты: Филострат Младший сам говорит, что его дед по матери был автором первых «Картин» и звался Филостратом, а из «Жизней софистов» известно, что Флавий Филострат покровительствовал молодому Филострату Лемносскому, который, по некоторым сведениям, был его зятем – кто же лучше подходит на роль Филострата Младшего, автора вторых «Картин»? Руководствуясь этой логикой, естественно было бы, например, связать близким родством

³⁵ Не совсем безымянная: в римской метрике она, как положено, была Флавия, дочь Луция, но в быту эти официальные имена обычно не использовались.

³⁶ О еще более стройной версии Кайзера и говорить не стоит: отдав первые «Картины» Филострату I, он упрощает генеалогию Филостратов до трех поколений: (1) Филострат I, (2) его сын Филострат II и его дочь, жена Нервиана, (3) Филострат III, сын Нервиана.

трех Толстых – при том, что отрицать родство этих писателей тоже нелепо, коль скоро все трое являются законными потомками самого первого графа Толстого, Петра Андреевича. Известно, что поиск сюжетной, генеалогической или иной связности может иметь своим результатом как периодическую систему, так и «новую хронологию», потому-то непротиворечивость и не признается главным критерием истины, более того, трудно не вспомнить, что многие клетки таблицы Менделеева до сих пор ждут заполнения, а у Фоменко всегда есть ответы на все вопросы. Потому-то чрезмерная стройность предложенной лексикографом генеалогии даже на первый взгляд выглядит сомнительно, но если в части отцовства Филострата I заблуждение лексикографа более или менее общепризнано, свидетельство его о Филострате III внушает больше доверия, так как удачно корреспондирует предисловию ко вторым «Картинам» – хотя очевидно, что именно это предисловие и стало поводом назвать Филострата Лемносского внуком Флавия Филострата, то есть никак не подтверждает свидетельство Суды, но является его источником. Если же исключить эти и подобные генеалогические домыслы, окажется, что о родстве Филостратов лексикограф знает столько же, сколько знаем мы, то есть небезосновательно уверен, что они родственники – и всё.

Что же останется от дошедшей до нас информации о Филостратах, если не принимать во внимание почти наверняка фантастические подробности их родства? На самом деле, не так уж и мало.

Филострат I, сын Вера, учил риторике на Лемносе и в Афинах, а также сочинял стихотворные драмы. Он жил в эпоху, когда Исей и Никет «возрождали» софистику в Ионии, но до Афин эта мода еще не докатилась. Из сохранившейся части корпуса Филостратов за ним числятся (под вопросом) только «Нерон» и обнаруженный позднее фрагмент трагедии.

Филострат II (Луций Флавий Филострат Стирийский) – софист Геродова преемства, ученик Прокла и Антипатра, родился

около 170 г., умер не ранее 245 г. Почти наверняка был в родстве с Филостратом I, наверняка с ним не встречался; был в родстве и в близкой дружбе с Филостратом III. Несомненно написал «Жизнь Аполлония», «Жизни софистов» и несколько писем; мог написать «Героику» и/или «Гимнастику»; иногда за ним числятся первые «Картины».

Филострат III, сын Нервиана (Филострат Лемносский) – афинский софист Геродова преемства, ученик Гипподрома. Родился в 187–191 гг., умер после 238 г., родственник и друг (а вероятно и зять) Филострата II. Мог быть автором «Гимнастики» и/или «Героики», несомненно является автором «Картин», но первых или вторых – это наверняка не известно.

К этим трем Филостратам можно добавить Филострата IV, о котором в *Суде* не сказано ничего. Если он существовал, он – Филострат Младший, автор вторых «Картин», внук (сын дочери) Филострата Лемносского и тем самым вероятный правнук Флавия Филострата, родившийся после 230 г. и если знакомый с прадедом, то в раннем детстве. Если же он не существовал, Филострат Лемносский и Филострат Младший – одно лицо, и у такого отождествления сразу два преимущества: во-первых, согласие с *Судой*, где Филостратов трое, во-вторых, соблюдение завета Вильгельма Оккамского о неумножении сущностей. Оба преимущества, однако, спорные: генеалогические фантазии лексикографа не вызывают доверия, а Вильгельм Оккамский не велел умножать сущности без необходимости – между тем как раз в данном случае это может быть необходимо.

И правда, пусть всё, что известно о Филострате Лемносском, свидетельствует, что он мог написать как первые, так и вторые «Картины», но если он – автор вторых «Картин», автором первых должен быть Флавий Филострат, а вот это представляется маловероятным, так как противоречит всему, что доподлинно известно об интересах и пристрастиях Флавия Филострата на протяжении по меньшей мере тридцати лет. Да, он интересо-

вался мифологией и любил занимательные истории, часто сказочные, потому-то многие считают, что «Героику» написал он. Да, ему нравились красивые описания, и он иногда цитирует их в «Жизнях» в подтверждение мастерства того или иного софиста. Но при всем том если не в «Жизнях софистов», то в «Жизни Аполлония» множество поводов самому описать что-нибудь так, как это описано в «Картинах», а он этими поводами не пользуется, если же по необходимости что-то описывает, получается совсем не похоже на «Картины». Отсюда складывается впечатление, что «Картины» должны были ему нравиться, но что сам он так не сочинял. Притом, хоть он был и остается самым знаменитым Филостратом, он нередко бывал небрежен, а для первых «Картин» небрежность совершенно не характерна, хотя по объему они не меньше «Жизней софистов», где небрежности начинаются с первой страницы. О стиле Филострата Лемноского, напротив, можно судить только по «Картинам», хотя бы и по вторым, но ничто не мешает отдать ему первые: их автор – даровитый софист, а Филострат Лемноский как раз и был даровитым софистом, мало того, в *Суде* он назван автором парафраза «Илиады», а ведь описание щита – тоже своего рода картина. А так как Флавий Филострат красивые описания ценил (это мы знаем наверняка), вот лишний повод превозносить в «Жизнях» талант Филострата Лемноского, мастера красивых описаний, а возможно, и поощрять младшего коллегу к работе в этом направлении. А тогда вторые «Картины» сочинил правнук Флавия Филострата по дочери, внук Филострата Лемноского, перенявший от деда интерес к описаниям и некоторые софистические навыки.

Словом, как и в случае с Филостратом I, чье отцовство опровергается не столько исправлением свидетельства *Суды*, сколько молчанием Флавия Филострата, так и в случае с Филостратом IV самое его существование подтверждается не столько тем немногим, что мы знаем о нем, сколько тем, что мы знаем о

старших членах его семьи – о Филострате Лемноском, но главным образом о Флавии Филострате и присущей ему писательской манере. Правда, его молчание о Филострате IV в данном случае ничего не опровергает и не доказывает (если тот и был его правнуком, он мог знать его, самое большее, ребенком) и в качестве *argumentum ex silentio* пониматься не может, так что единственный Филострат, которому мы готовы верить – Флавий Филострат – хоть и свидетельствует своими же сочинениями против попыток приписать себе первые «Картины», в пользу существования Филострата IV свидетельствует лишь косвенно, и твердых доказательств, что такой софист жил на свете, нет, хотя вероятность, что он не только жил на свете, но и написал вторые «Картины», представляется весьма значительной.

Е. Г. Рабинович

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ И ЕГО СОФИСТЫ

Введение. Из пятидесяти девяти жизнеописаний, входящих в «Жизни софистов», сорок два – жизнеописания тех, кого сам Филострат причисляет к Второй софистике, которая ему по преимуществу и интересна, и все они, кроме Эсхина, жили в эпоху, иногда именуемую эпохой ранней Империи: старшие начинали при Нероне, младшие при последних Северах – для начала нельзя не сказать немного об этом времени.

Уже в республиканские времена Рим подчинил себе большую часть Средиземноморья, где повсюду были греческие города, а восточное Средиземноморье и вовсе было греческим по преимуществу – так все греки постепенно подпали под власть римлян. Подпавшие под власть римлян страны превращались в провинции, «поместья римского народа», и управлялись римской администрацией, но чем больше греков оказывалось в подданстве (а то и в рабстве) у римлян, тем шире, пусть поначалу при протестах консерваторов, распространялось среди римлян греческое образование, и вскоре от любого, кто занимал или хотел занять какое-то положение в обществе, ожидалось хорошее знание греческого языка и греческой словесности, а отчасти и философии – отсюда известный стих Горация о «плененной Греции, пленившей грубого пленителя»¹, то есть Рим. И все-таки даже и «плененные» римляне оставались владыками мира,

¹ Graecia capta ferum uictorem cepit (Hor. Epist. II. 1. 156).

а греки – их подданными, а иногда и учеными рабами в домах богатых людей, как секретарь Цицерона Тирон, один из создателей стенографии.

Однако разросшейся державе требовались новые способы управления, и после длившегося почти столетие кровопролитного политического кризиса Октавиан Август по праву победителя возглавил и восстановил едва не погибшую республику – эта «восстановленная республика» (*res publica restituta*) и называется теперь Империей. Прежние политические институты при новом режиме сохранялись, но были надстроены ненаследственной военной монархией, имевшей собственную гражданскую администрацию и контролировавшей основной источник хлеба, Египет, находившийся в личном управлении принцепса («императора»). Первые десятилетия нового режима были озарены гением Августа, а вот из его ближайших преемников только Клавдий не попал в «императоры проклятой памяти» – но режим устоял.

Режим устоял, потому что у него было немало преимуществ. Правда, римлян, то есть граждан города Рима, он хоть избавил от бесконечных гражданских войн, многого и лишил, так как из по-настоящему больших карьер оставил, в сущности, только одну – в результате борьба за единоличную власть или страх ее потерять нередко приводили к (теперь уже кратковременным) кровопролитиям. Зато греки, жившие вдали от столичных интриг, в собственных самоуправляющихся городах, вздохнули гораздо свободнее: великое и незабвенное (правда, тоже кровопролитное) время греческой независимости так и сяк осталось в далеком прошлом – а преемники Александра Великого слишком часто воевали, иногда друг с другом, и пришедшие им на смену римляне бесцеремонно грабили «поместья римского народа» и тоже слишком часто воевали, особенно друг с другом, и все эти войны слишком часто прокатывались по греческим городам, а заботиться о жизни и имуществе подданных игрокам большой политики было недосуг. Лишь при Империи

Средиземноморье оказалось в единой юрисдикции и стало мирным, каким никогда прежде (и почти никогда впоследствии) не бывало, а это не могло не способствовать процветанию, в частности, процветанию греков, в интеллектуальном и экономическом отношении остававшихся самым активным из народов древнего Средиземноморья, а кстати, и едва ли не самым многочисленным. Притом центральная власть не слишком дорожила теперь привилегиями римских граждан и больше заботилась о державе в целом: не просто меньше грабила провинциалов, но еще и позволяла иным из них приобщиться к почти не доступному прежде римскому гражданству и так превратиться в каких-никаких хозяев республики римского народа, а то и сделать в этом качестве карьеру – получить должность в администрации или даже почетную магистратуру. Республика, хотя бы «восстановленная» – это гражданская община римлян и всё, ей принадлежащее, а значит, держава (*imperium*) римского народа тоже, поэтому получившие римское гражданство греки становились жителями уже не чужих «поместий», а собственных, и были дома не только в родном городе, но и во всей державе римлян – по сути дела, во всем мире. А так как императоры, вживе воплощавшие новый режим, обычно были люди образованные и передовые, то есть эллинофилы, они поощряли и субсидировали всё греческое, от риторики до спорта.

Нелепо было бы думать, будто культура цветет лишь в благополучные эпохи, а в неблагополучные вянет, но школа, книготорговля, строительство театров и стадионов и всё прочее, рассчитанное на потребности широкой и просвещенной публики – всё это процветает именно в благополучные эпохи, когда у многих есть средства и досуг, чтобы слушать речи, читать книги, любоваться статуями и картинами и участвовать в философских дебатах. В эти счастливые времена культурное производство становится массовым, особенно производство словесности, самой незатратной художественной продукции, в случае успеха вознаграждаемой не хуже, а часто лучше, чем другая

интеллектуальная деятельность. Потому-то, если вообразить шкаф под названием «древнегреческая литература», чуть ли не половина полок заполнится произведениями, созданными в первые два века имперской глобализации.

1. *Вторая софистика.* Эта эпоха греческой (а в последнее время иногда и не только греческой) словесности нередко называется теперь эпохой Второй софистики, хотя в древности такое словосочетание никем, кроме его автора, Флавия Филострата, не употреблялось, да и Филострат употребляет его лишь дважды, оба раза в первой книге «Жизней софистов»: один раз в самом начале и с объяснением, а затем в биографии Эсхина, по ходу дела. Вот оба отрывка, первый с небольшими сокращениями:

Древнюю софистику следует почитать любомудрою риторикой, ибо предмет у нее тот же, что у любомудров, но если любомудр, мало-помалу продвигаясь в исследовании с помощью вопросов, говорит наконец, что навверное, мол, не знает, древний софист то же самое изрекает, словно сведущий... (481) ...В части любомудрия древняя софистика рассуждала пространно и со многими подробностями, ибо и о мужестве говорила, и о справедливости говорила, а еще о героях и о богах, а еще как и почему мироздание приобрело нынешний свой вид. А вот следующая за нею софистика – ее вернее именовать не новой, но второй, ибо и она древняя – изображала бедняков и богачей, вельмож и тиранов, и рисовала в гипотезах известные события и известных лиц прошлого. Зачинателем древнейшей софистики соделался обретавшийся у фессалиян Горгий Леонтинский, а зачинателем позднейшей – Эсхин, сын Атромета, исторгнутый афинянами из гражданства и обосновавшийся в Карию и в Родосе...

18. Об Эсхине же, сыне Атромета, о коем мы говорим, (507) что дал он почин второй софистике, следует уяснить нижеследующее...

Содержательным может показаться лишь первый отрывок: Филострат утверждает, что «вторая софистика» отличается от «любомудрой риторики» объектом и методом, так как от философии далека – а что до Эсхина, его софистическое искусство известно Филострату лишь из сторонних источников, сам же он знает только три политические речи, которые знаем и мы. Из сообщаемого далее анекдота о том, как Эсхин изучал с учениками свою речь против Ктесифонта, тоже можно заключить, что и на Родосе он преподавал прежде всего деловое красноречие, которое Филострат называет «гражданским»; позднее в родосской школе, уже у Аполлония Молона, это красноречие изучали Цицерон, Цезарь и другие. Конечно, освоение деловой риторики было невозможно без риторики показательной (эпидейктической), к которой относятся не только речи на случай, но и произносимые ради упражнения деловые речи – у искусных софистов такие показательные речи постепенно приобретали не зависящую от их учебного назначения ценность, привлекая всё больше знатоков и любителей. Словом, совершенно ясно, что под Второй софистикой Филострат понимает риторику нефилософскую и об этом говорит прямо, а также в основном показательную – последнее одной цитатой не продемонстрируешь, но при чтении «Жизней софистов» видно, что автор судит об искусстве софиста почти исключительно по показательным речам. Само по себе это достаточно обычно: если в древности софистами – это не «мудрецы» (σοφοί), скорее «знатоки» – назывались философы, исследовавшие природу знания и учившие рассуждать, со временем софистика свелась к риторике, то есть к искусству аргументации, так что софистами стали называться учителя риторики, а школьная риторика была, конечно же, показательной². Если бы словосочетание «Вторая софистика»

² Подробный и вместе с тем компактный очерк истории слова «софист» см. Brunt 1994: 48–51.

не вошло в современный научный обиход, не возникло бы, наверное, и необходимости в дальнейших уточнениях, однако в самом конце позапрошлого века это словосочетание в научный обиход вошло и бытует в нем до сих пор.

Первым использовал его, со ссылкой на Филострата, знаменитый Эрвин Роде: Вторую софистику он считает упадочной и ассоциирует с пустым и трескучим «азианским красноречием» (Rohde 1886: 171–190)³; мнение об упадочности Второй софистики дожило по крайней мере до 1960-х, когда Бернард Ван Гронинген, тоже знаменитый и заслуженный, посвятил его обоснованию пространную лекцию, сводящуюся к тому, что даже лучших представителей этого направления со старыми классиками не сравнишь (Groningen 1965: 41–56) – при этом у Ван Гронингена во Вторую софистику попадает чуть ли не вся греческая литература римского времени. Возникший в эпоху расцвета классической филологии и поддержанный громкими именами, этот взгляд не вполне изжил себя до сих пор, особенно в лекционных курсах, но не стоил бы внимания (филология – наука и основана на знаниях, а не на мнениях), когда бы не отбор материала. Даже у Роде, ограничивающегося риторическими примерами, Вторая софистика – феномен упоминавшейся эпохи имперской глобализации; также и позднее, захватывая в орбиту

³ Вскоре против переоценки влияния «азианизма» высказался Виламовиц, справедливо напомнивший, что софисты римского времени были преимущественно аттикисты и что ни о каком отдельном и противопоставленном аттикизму «азианизме» сами древние не говорят; впрочем, к названию «Вторая софистика» Виламовиц относится скептически, видя в нем лишь риторику Филострата (Wilamowitz 1900: 1–52; cf. Whitmarsh 2005: 51). Велеречие ионийских риторов и их римских подражателей иногда и вправду называлось «азиатским» (cf. Cic. Orat. 27) или «ионийским» (так всюду у Филострата), но при умеренном использовании неплохо сочеталось с аттикизмом – обсуждалась лишь необходимая мера того, что Дионисий Милетский у Филострата называет «медом» (I. 22. 521).

всё новых авторов, Эсхина исследователи Второй софистики в расчет не берут, а ведь у Филострата он ее основоположник⁴. Эта тенденция сохраняется донныне (довольно сказать, что к софистам постоянно причисляется Лукиан, который сам себя софистом не считает), хотя на смену рассуждениям об упадке пришли более академические подходы.

Два из них трактуют Вторую софистику во всем богатстве ее исторического и культурного контекстов, к которым обращаются, однако, с противоположных позиций – для удобства назовем эти подходы «центростремительным» и «центробежным». Центростремительный старше и сформулирован зачинателем современных исследований римской софистики Гленом Бауэрсоком в книге, посвященной, как говорит в предисловии сам автор, «софистическому движению внутри Римской империи», то есть историко-культурным проблемам; главный источник Бауэрсока – «Жизни софистов», сами софисты описываются им как своего рода посредники между греческими городами и Римом, а вот кто они такие и чем отличаются от риториков, это неясно, разве что ритор в основном выступает в суде, а софист в основном преподает – но в общем софисты и риторики одно и то же, хотя быть софистом почетнее (Bowersock 1969: 12–14). Центробежный подход тоже историко-культурный, с акцентом на модную в последние десятилетия «идентичность», и сформулирован в основном Юэном Боуи и Саймоном Свейном: для них и их последователей софисты с их непрерывным обращением к

⁴ Своеобразное исключение – статьи Доминика Коте, но, как при обращении к Эсхину (Côté 2005: 389–420), так и при определении Второй софистики (Côté 2006: 1–35) он просто объявляет, что Филострат хотел связать современную ему софистику с великим прошлым Афин, а Эсхин был, разумеется, частью этого прошлого. Объяснение неудовлетворительное: частью этого же великого прошлого был, например, Исократ, от которого остались красивые показательные речи и который тем не менее отнесен в «Жизнях» к древним софистам.

великому прошлому воплощают стремление греков к самоидентификации – в ответ на римское завоевание (Bowie 1974: 166–209; Bowie 1982: 29–59; Swain 1996: *passim*). Рассудительный Грэм Андерсон связывает Вторую софистику не только с возрастающим культурным национализмом, но и с экономическим процветанием; при этом, как и большинство современных исследователей, он видит Вторую софистику в довольно определенных хронологических и этнолингвистических границах, то есть никакого определения, как он полагает, у нее нет и быть не может: Филострат дал имя «*чему-то* /курсив автора – Е.Р./, процветавшему в греческом мире при ранней Империи» (Anderson 1993: 13) – так что и у Андерсона Вторая софистика начинается позже, чем у Филострата, который якобы пытается найти ей название лишь для разделения с «древней», даже если *this dubious comparison is backed up with dubious history* (Anderson 1986: 11). Томас Шмиц ни одно из названных направлений не поддерживает, но остается в историко-культурном поле, понимая софистов римского времени как воплощение «символической власти» в духе Бурдьё (Schmitz 1997: *passim*); а задолго до того Б. Реардон объяснял дело так, что сначала софистика служила убеждению, а затем превратилась в «чистую риторику» (Reardon 1971: 26–29). Наконец, П. А. Брант с энергией и блеском опровергает всех, от Бауэрсока до Боуи, и всё ради того, чтобы вернуться к выводам Виламовица – что за словосочетанием «Вторая софистика» не стоит ничего, кроме болтовни Филострата, да притом непонятно, по какому принципу отобраны софисты римского времени и кто они такие (Brunt 1994: 25–26)⁵.

⁵ Статья Бранта приятно выделяется на фоне «вторичной литературы» о Второй софистике своим задорным тоном, хотя, казалось бы, сторонники возобладавшей в последние десятилетия центробежной теории должны не менее задорно спорить со сторонниками теории центростремительной – но не спорят, потому что спорить, в сущности, не о чем. Греческая идентичность – этнокультурная, то есть опре-

Полемическая статья Бранта остается, однако, своеобразным исключением, в целом же наше время характеризуется интересом и своего рода пристрастием к Второй софистике, которую больше не винят в поверхностности и бессодержательности, а «Жизни софистов» Уитмарш даже называет «драгоценными» (Whitmarsh 2005: 22) – вот только вопрос, чем же является Вторая софистика, так и остается открытым (Whitmarsh 2005: 3–9; Махлаюк 2013: 157, etc.).

От классической древности до нас дошло немало важных слов, семантика которых до сих пор остается спорной – таковы, например, некоторые военные термины, побуждающие исследователей снова и снова обсуждать «бег» афинян при Марафоне. Иные из этих важных слов, однако, хоть и вызывают многолетнюю, а то и многовековую дискуссию, словно бы переходят в общее пользование, так что утрачивают или почти утрачивают связь с источником и означают всё или почти всё, что угодно современному исследователю – таков, например, «катарсис», часто поминаемый безо всякой оглядки на текст «Поэтики» Аристотеля и тем более на его же «Политику». Вторая софистика вошла в моду всего несколько десятилетий назад, но так удачно вписалась в повсеместный интерес к «идентичности», что ее уже почти постигла судьба «катарсиса»: это словосочетание употребляется хоть и со ссылкой на Филострата, но нередко без оглядки на текст «Жизней», а потому означает едва ли не любое культурное явление эпохи ранней Империи, то есть примерно

деляется прежде всего языком, и ценность этой идентичности ни при каких обстоятельствах не переставала быть для греков абсолютной (недаром ученики софистов назывались «эллины»). Римская идентичность – гражданская и определяется принадлежностью к общине римлян. Понятно, что одно другому не помеха и что грек может быть римлянином, оставаясь греком: при Империи сначала многие, а затем и все греки как раз и стали римлянами, а вернее сказать, что при Империи образованные римляне по большей части были греками.

50 – 250 гг. н.э. Как уже говорилось, тенденция записывать в софистику всю греческую словесность этих двух веков возникла (как особенно заметно у Ван Гронингена) почти сразу при вхождении «Второй софистики» в филологический дискурс, но тогда это безосновательное обобщение служило бездоказательной концепции «упадка», так что обсуждения не заслуживало – естественно было бы ожидать, однако, что при современном гораздо более академическом подходе декларированное уважение к свидетельству Филострата заставит исследователей ближе следовать тому, что сам он сказал о Второй софистике. Но вышло иначе. Вот, например, в 2001 г. Саймон Голдхилл издал сборник «Быть греком под властью Рима: культурная идентичность, Вторая софистика и развитие Империи», и в предисловии объявил, что сборник посвящен интеллектуальной жизни греков в I–III вв. н.э., а термин «Вторая софистика» «всею понятен» (Goldhill 2001: 14). Чего только нет в этом сборнике, где всего-то девять статей: и про Иосифа Флавия, и про спорт, и про жившего лет на двести раньше Полибия, и про какого-то палестинского раввина... – неудивительно, что в своей рецензии Томас Шмиц прямо говорит: «I suspect that the term “Second Sophistic” made it into the subtitle because it is fashionable and will make the book more marketable» (Schmitz 2002: 5), иначе объяснить название сборника было бы трудно. Тем не менее позицию Голдхилла поддерживают и другие авторитеты, например, Тим Уитмарш, по крайней мере дважды высказывавшийся в том смысле, что Вторая софистика теперь значит не совсем то, что у Филострата (Whitmarsh 2001: 42; cf. Whitmarsh 2005: 5), да и Дж. Эльснер недоволен «слишком узким» значением, которое иногда придается словам «Вторая софистика» (Elsner, Bowie 2009: 17), хотя сам Бауэрсок ответил ему в рецензии, что ничего узкого тут нет, раз в таком значении употребляет эти слова Филострат (Bowersock 2011: 198) – излишне говорить, что замечания Бауэрсока и Шмица на общее словоупотребление не

повлияли и «Второй софистикой» по-прежнему называются самые разные аспекты культурного быта ранней Империи.

Правда, для такой терминологической безответственности есть если не извинение, то повод, так как критики расширительного словоупотребления не предлагают ничего по-настоящему позитивного, а из введения к «Жизням» можно усвоить только, что к Второй софистике причисляются не философы, а те, кто (как ясно из дальнейшего) посвятил себя преимущественно эпидейктической риторике, а таких было много, а у Филострата их чуть больше сорока – а значит, он руководствовался еще каким-то принципом отбора. Каким? Проще всего предположить, что софистов своих он выбирал по собственному вкусу, то есть Вилаговиц и Брант правы и обобщающее «вторая софистика» у Филострата мало что значит – а раз так, в качестве ничейного термина может быть использовано по усмотрению желающих, хотя бы в качестве названия всей литературы (а то и всей культуры) ранней Империи. Действительно, Филострат – автор довольно небрежный, в «Жизнях» попадаются противоречия, которые лишь небрежностью и можно объяснить, но за неимением лучшего источника небрежность ему прощена (Jones 1974: 11–16; Swain 1991: 148–163), а вот его предпочтения как биографа по-прежнему не вполне очевидны и тем самым компрометируют само понятие Второй софистики.

И то сказать, от Никета до Аспасия у Филострата сорок одно жизнеописание, иные весьма краткие, а кое-кто из известных софистов и вовсе не упомянут или упомянут вскользь, хотя у современников и/или потомков ценился высоко, зато некоторые известны только из «Жизней» – почему он выбрал этих, а не тех? Пусть «обо всех не расскажешь» может быть начертано на знамени любого биографа, все-таки у каждого свои принципы отбора, которые в целом соблюдаются – каковы же принципы Филострата? Этим вопросом задавался уже Андерсон, предложивший нечто вроде стеммы представленных у Филострата

софистических преемств (Anderson 1986: 82–84, 108–109); недавно его работу продолжила Кендра Эшлеман (Eshleman 2012: 125–147, cf. Eshleman 2008: 395–413), сразу вслед за ней к сходным выводам пришел Адам Кемезис (Kemezis 2014: 196–225) – и у всех получается, что Вторая софистика Филостратом чуть ли не сконструирована⁶, а произвольность его выбора может быть мотивирована, например, эгоистическим желанием выделить преемство, к которому принадлежал он сам. Что Филострат (как и любой биограф) небеспристрастен, с этим трудно спорить, притом само собой разумеется, что, воспитанный в Афинах и там же начавший карьеру, он имел все основания написать о земляках побольше, и почти наверняка именно по этой причине биография Герода такая пространная. Но отсюда никак не следует, что Афины уже при Адриане не сделались главной столицей софистики или что Герод не был выдающимся софистом и выдающимся человеком – всё это известно из множества свидетельств, а у Филострата лишь подтверждается. Потому-то, хотя отбор софистов у Филострата не может не быть в известной мере произволен, неким принципом он, как всякий биограф, руководствуется, и ниоткуда, кроме как из текста «Жизней», об этом несформулированном принципе узнать нельзя – только так можно наконец ответить на вопрос, кто же представлял для Филострата Вторую софистику. Имеющиеся определения не кажутся удовлетворительными уже потому,

⁶ Само по себе это не редкость: так, по понятным причинам сконструированы не только многие генеалогии, но и многие эпизоды политической истории (скажем, захватнические войны очень часто представляются оборонительными) – однако истории литературы в современном понимании классическая древность не знала, связь между авторами если изредка объяснялась, то подражанием или преемством, как у философов (Пиндар учился у Коринны, Крантор у Платона, Адриан у Герода). Иначе говоря, чтобы сконструировать историю художественного направления, Филострат должен был сначала сконструировать само понятие художественного направления, а этого он, разумеется, не делал и сделать не мог – зато в части преемств ему верить можно.

что при всем своем правдоподобию могут относиться не только к софистам и тем более не только к софистам Филострата: не только софисты посредничали между городами и Римом (Бауэрсок), воплощали греческую идентичность (Боуи), входили в элиту (Шмиц) или были носителями чистого искусства (Рейардон) – пусть многое из этого или даже всё это бывает верно и применительно к софистам, уже Брант превосходно продемонстрировал, что специфическим признаком софиста ничто из этого не является. Правда, на этом же основании Брант предлагает считать любые разговоры о Второй софистике болтовней, но такое решение кажется слишком радикальным: куда естественнее поверить, что Филострат, сам опытный софист, писал о том, что было ему хорошо известно.

23 октября 2015 г., когда эта работа была уже в общих чертах завершена, Роберт Пенелла, широко известный своими трудами по позднеантичной риторике, прочитал в Гетеборге доклад о Второй софистике, текст которого любезно предоставил нам (Penella 2015: пагинация по понятным причинам отсутствует). Расширительное употребление словосочетания «вторая софистика» Пенелла категорически отвергает, но, в отличие от Бауэрсока, не только предлагает свое толкование, а предпосылает ему внятные обоснования: (1) слово «софистика» относится к софистам и их произведениям; относить это слово к не-софистам и к несобственно софистическим произведениям противоречит смыслу слова «софистика»; (2) словосочетание «вторая софистика» относится не ко всем софистам от 50 до 250 гг. н.э., а только к тем, кого включает в эту группу сам Филострат⁷. Далее

⁷ Пенелла оговаривает, конечно, что Вторая софистика начинается четырьмя веками раньше Никета, с Эсхина, который назван зачинателем софистической импровизации и в некоторых других источниках (например, у Фотия) – тут, правда, нельзя не заметить, что поздние свидетельства могут восходить к «Жизням», всегда остававшимся в читательском обиходе.

Пенелла утверждает, что к представителям Второй софистики Филострат причисляет только тех, кто достиг высот в двух риторических искусствах – в публичной декламации и в речах без подготовки; доклад посвящен преимущественно декламации (которая может быть импровизированной, но может и не быть), а о речах без подготовки сказано в конце и довольно скупое, хотя способность говорить без подготовки и названа «золотым стандартом», которому должен отвечать софист Филострата.

Что софисты Филострата были отличными декламаторами, это несомненно, иначе они не имели бы успеха у публики, но было ли это их идентификационным признаком? Сам Пенелла признает в этой связи, что ни у Филострата, ни в традиции зачинатель Второй софистики Эсхин зачинателем декламации не объявляется; к этому можно добавить, что свидетельства ех silentio показывают известное равнодушие Филострата к декламации как к целостному перформансу. В софистическом «показе» (ἐπίδειξις) сама речь, в отличие от краткого вступительного разглагола (διάλεξις), обычно произносилась не от своего лица – в зависимости от избранного или предложенного предмета софист предстал перед публикой то дедом, спорящим за право воспитывать внука, то замыслившим самоубийство персидским магом, то (чаще всего) каким-нибудь знаменитым деятелем эпохи независимости; ролей было множество, в основном традиционные, но самые изобретательные из софистов добавляли к ним новые (например, сделавшегося персидским евнухом греческого подростка). Словесная форма речи должна была, конечно, этой роли соответствовать, и не только словесная форма: от софиста ожидалось, что он будет еще и притворяться хоть магом, хоть евнухом, хоть Фемистоклом перед Саламинской битвой. Между тем Филострат нередко описывает, даже и с примерами, только словесную форму речи, а претворение ее в перформанс не описывает, да и рассказывая о присущем софисту стиле, тембре его голоса или характерных жестах, никогда не упоминает его способность к перевоплощению. В предисловии к этой кни-

ге уже говорилось, что Филострат явно не интересовался аргументацией, так как ничего о ней не пишет, хотя любая риторика есть прежде всего искусство аргументации. О декламации так сказать нельзя, но и в «показе» Филострату интересно не всё: по-настоящему его занимает только изложение (элокуция) и то, что связано с изложением, как плавность или округлость, а уже замышление (инвенцию) он иногда хвалит, но не описывает, так как инвенция – это выбор аргументации, а ему аргументация неинтересна. Тем более неинтересно ему софистическое лицедейство (ὕπόκρισις), о котором он не упоминает вообще, даже когда по ходу рассказа это было бы кстати⁸. Стало быть, хотя относительно важности декламации Пенелла, конечно, прав и хотя все софисты Филострата несомненно были мастерами «показа», их главным отличительным признаком это для Филострата не было – иначе в качестве биографа, пусть пристрастного, он не обошел бы молчанием столь многие и столь существенные аспекты декламации.

2. Σχέδιοι λόγοι. Итак, основоположник софистики у Филострата Горгий, первый в перечне древних софистов⁹, и вот что о нем написано:

⁸ Так, успеху показа естественно способствовала внешняя привлекательность, но не все софисты следили за своей наружностью, а успех все-таки имели – значит, умели заставить публику забыть, что у Алкивиада толстый живот и клочковатая борода. Это служит доказательством их одаренности, но Филострат, иногда упоминая о «нетипичной» наружности того или иного софиста, с артистической одаренностью ее не связывает, хотя сам по себе феномен одаренности его привлекает.

⁹ «Жизни софистов» открываются восемью биографиями ученых и философов (от Евдокса Книдского до Фаворина), слывших софистами благодаря своему красноречию, продолжают биографиями девяти «древних» софистов (хронологически компактная группа от Горгия до Исократы) – и лишь затем биографией Эсхина начинается Вторая софистика.

Иные говорят, что родники не приготовленных заранее речей впервые излились от уст Перикла, (482) ... иные – что от Пифона Византийского... иные же приписывают изобретение речей без подготовки Эсхину, ибо он, мол, часто плавая с Родоса в Карию к Мавсолу, услаждал его именно такими речами. А я вот полагаю, что, пусть Эсхин и впрямь сказал без подготовки больше, чем кто-либо другой – и в посольствах, и в отчетах о посольствах, и в судебных прениях, и перед народом, – хотя из всего оставил лишь сочиненное заранее, дабы не слишком уступать тщательно отделанным речам Демосфена, всё же первый говорить без подготовки начал Горгий, ибо именно он, пришед к афинянам в театр, отважился сказать «предлагайте!»¹⁰, а стало быть, первый решился на сие опасное предприятие, объявивши, что уж он-то сведущ во всем и готов сказать речь к любому случаю.

Далее рассказано, как Горгий впервые выступил с такой речью. Но Горгий, хоть и зачинатель софистики, еще и философ, то есть попадает в разряд «любомудрых риторов», а Эсхина, который «сказал без подготовки больше, чем кто-либо другой», никак нельзя назвать философом, и вот что рассказано о нем:

Без подготовки говорил он плавно и одушевленно, первый удостоившись за сие похвалы, ибо говорить с одушевлением не всегда составляло заботу софистов и пошло лишь от Эсхина, говорившего без подготовки с боговдохновенной пылкостью, словно изрекая внушенное свыше пророчество. Хоть и был он ученик Платона и Исократы, однако многого достиг благодаря природным своим качествам, ибо в речах его свет ясности и изысканная торжественность, и

¹⁰ В дальнейшем такое обращение к публике стало для софистов нормой: cf. I. 25. 537; II. 5. 571 и др.

вежество (510) вместе с искусностью – словом, слог у него краше, нежели достигается подражанием.

Стало быть, хотя об импровизациях Эсхина Филострат знает, как сам признается, из сторонних источников, именно способность Эсхина говорить без подготовки оказывается главной его способностью, и он же назван зачинателем Второй софистики. Речь без подготовки – (αὐτο)σχεδῖος λόγος, говорить без подготовки – (αὐτο)σχεδιάζειν, так и у Филострата, обычно без αὐτο-; пора взглянуть, как обстояло дело с этим искусством у софистов римского времени, из чьих (а в сущности, ради чьих) биографий в основном и составлены «Жизни».

Правда, бросается в глаза, что в изложении Филострата после Эсхина Вторая софистика совершенно исчезает и следующий софист, Никет Смирнский, начинает карьеру уже при Нероне – лишь затем жизнеописания идут в хронологическом порядке вплоть до времени окончания труда, то есть до 230-х гг. н.э.; четырехсотлетний перерыв между Эхином и Никетом мотивирован тем, что об Ариобарзане Киликийском, Ксенофроне Сицилийском и Пифагоре Киренском говорить не стоит, они как горох вместо хлеба, а искусство, мол, возродилось и процвело благодаря Никету (I. 19. 511). Но ведь видные риторы существовали и прежде Никета, недаром Цицерон и Цезарь ездили в Родос учиться у Аполлония Молона, да и позднее Цицерон и Сенека Старший упоминают и хвалят греческих коллег, а мастера эпидейктической риторики и у римлян обычно назывались софистами. Конечно, легко заметить, что у Филострата две любимые эпохи – золотая пора греческой независимости (это как у всех) и собственное время, пусть с захватом «актуального прошлого», а в перерыв попадает даже Деметрий Фалерский (350–283 гг. до н.э.), о котором Квинтилиан пишет, что он первый стал говорить речи на вымышленные темы (Quint. Inst. II. 4. 41), столь важные для школьной софистики. Перерыв между Эхином и Никетом станет, однако, понятнее, если обратиться к софистам римского времени и к их σχεδῖοι λόγοι.

В первой книге описаны жизни восьми софистов римского времени: о четверых (Скопелиан, Марк, Лоллиан, Полемон) сказано, что они говорить без подготовки умели; о Никете это прямо не сказано, но косвенно следует из того, что именно он выучил Скопелиана – итого пять. Сведения об Исее двусмысленны: в собственной биографии он без подготовки не говорит (I. 20. 514), а в чужой говорит (I. 23. 527), хотя ученик его Дионисий готовится к речи полдня, как Исей (I. 22. 522–523) – о причинах такой непоследовательности будет сказано чуть ниже. Об умении или неумении Секунда говорить без подготовки не упоминается, но Герода научил этому Скопелиан, так что скорее всего Секунд искусством импровизации не владел и попал в сборник просто как первый наставник Герода. Во второй книге жизни тридцати трех софистов, о двадцати сказано (в двух-трех случаях описательно), что импровизировать они умели (Герод, Аристокл, Александр, Вар Пергейский, Гермоген, Филагр, Адриан, Павсаний, Птолемей, Руф, Аполлоний Навкратийский, Аполлоний Афинский, Антипатр, Гермократ, Гераклид, Гипподром, Квирин, Филиск, Гелиодор, Аспасий), об импровизациях еще одиннадцати (Феодот, Антиох, Хрест, Полидевк, Афинодор, Еводиан, Ономарх, Феникс, Дамиан, Вар Лаодикейский) ничего не сказано, но эти биографии либо совсем краткие, либо внимание там сосредоточено на ином, либо (чаще) то и другое сразу, как в жизнеописании Феодота, тайного зложелателя Герода. О двоих говорится, что речи свои они готовили: о знаменитом Элии Аристиде очень подробно, о Прокле Навкратийском, учителе Филострата, вскользь (II. 21. 604); наконец, о Клавдии Элиане сказано, что он не преподавал и не выступал с речами, только писал – и такой его выбор объявляется похвальным. При этом складывается впечатление, что после Герода умение импровизировать расценивалось как достаточно рядовое¹¹ и вни-

¹¹ Так, о Квирине Никомедийском сказано: «Речи без подготовки он, конечно же, произносить умел, а поелику казался более располо-

мание привлекало в особых случаях, при большом успехе (как у Александра или Гелиодора) или при неожиданном провале (как у Филагра или Филиска), в целом же неспособность к импровизации знаменитого Аристида казалась интереснее – тем более, что он, как известно не только от Филострата, но и от него самого, софистов не жаловал и ругал импровизацию «изрыганием речей» (II. 9. 583 и прим.). Жизни Прокла (хорошего человека и хорошего учителя) и Элиана (приятеля Филострата по салону императрицы Юлии) очевидным образом включены в сборник по той же причине, по какой и жизнь Секунда, разве что уважение к Секунду продиктовано почтением к Героду, а симпатия к Проклу и Элиану собственная – но даже эта симпатия не побуждает Филострата приписать учителю или другу способности, которых они не имели. В общем же тот факт, что он по собственному произволу добавил в свой сборник не только жизнеописания двух живых софистов (см. раздел 3 «Предупреждения»), но и жизнеописания четверых не совсем настоящих софистов – это характеризует его как своенравного биографа, но не определяет его понимание софистики.

Куда показательнее краткий рассказ о судьбе Гермогена (II. 7. 577–578): в ранней юности тот импровизировал превосходно (сам император Марк приезжал его послушать!), но затем по неизвестной причине дар свой утратил, за что до самой старости подвергался насмешкам. А ведь речь тут о том самом Гермогене, чьи трактаты по риторике мы читаем до сих пор, и писал он их, конечно же, в зрелом возрасте, но об этих его заслугах Филострат даже не поминает: писательство он ценит (иное было бы странно), однако явно не считает его, а тем более писание пособий, главным делом софиста, чей подвиг (ἀγώνισμα) – речь без подготовки, недаром биография великого импровизатора

жен обвинять, кесарь доверил ему выступать по делам казны» (II. 29. 621) – а дальше о его выдающихся нравственных качествах.

Скопелиана, из других источников почти не известного, такая пространная, хотя кое-кто и софистом-то его считать не хотел (I. 21. 514–515).

Что софист Филострата виртуозно владеет словом и, в частности, умеет импровизировать – об этом очень часто, нередко и с подробностями, упоминается во многих посвященных предмету работах¹², однако в ряду прочих умений и обыкновений софиста, как, например, успешное преподавание, конкуренция с другими софистами, участие в городских делах, дружба с сильными мира сего. Отсюда не следует, конечно, будто все софисты, даже знаменитые, непременно собирали толпы учеников, интриговали против конкурентов или строили родному городу новую палестру, но в общем всё это софистам присуще и хоть в чем-то из этого (а обычно и не в чем-то одном) каждый видный софист отличился. Сюда можно добавить, что софисты по большей части заботились о наружности, и это от них ожидалось (красивый и нарядный Александр заслужил первые аплодисменты, еще не раскрывши рта: II. 5. 572), и впечатляющая внешность несомненно была немаловажным элементом софистического перформанса, так что, например, Уитмарш пишет о наружности и манерах софистов едва ли не подробнее, чем об их виртуозных импровизациях (Whitmarsh 2005: 26–31) – но у Филострата иные из софистов этим ожиданиям не отвечают, они неопрятны или «мужиковаты», и Филострат исправно об этом сообщает, однако же всегда как о частной особенности, не в ущерб профессиональной оценке; точно так же он пишет об учениках, интригах, посольствах и прочем, что от софиста вообще-то ожидалось, но не обязательно полным списком. А о

¹² См.: Russell 1984: 79–80; Schmitz 1997: 156–159; Whitmarsh 2005: 24–26; Blomqvist 2010: 8 и др.; самое большое, но все-таки не основное значение придает импровизации как «золотому стандарту» Роберт Пенелла в не раз уже цитированном докладе (Penella 2015).

важном искусстве «притворства» (ὕποκρισις), вернее, лицедейства, когда говорящий от чужого лица софист изображает это лицо – об этом важном искусстве Филострат, повторим, и вовсе не упоминает, как и, повторим, о манере аргументации, хотя софисты демонстрировали на показательных примерах именно аргументацию.

Только умение импровизировать не входит в длинный список желательных, но не специфических умений софиста: текст «Жизней» свидетельствует, что для Филострата импровизация – не просто «главный подвиг», но самая сущность софистики, как он ее понимает, а наверняка и не он один, коль скоро все большие победы и все большие провалы всегда сводятся к удачной или неудачной импровизации. Правда, в конце жизнеописания Герода сказано, что «всяк хорош по-своему», один речью без подготовки, другой – тщательно приготовленной (II. 1. 565), но сказано это в похвалу Героду, который первенствовал в обоих видах речей, а главное, отсюда вовсе не следует, будто тот, кто готовит речи заранее, может быть безоговорочно причислен к софистам, недаром сам Элий Аристид себя к софистам не причислял. Зато тогда можно понять, почему Филострат концентрирует внимание только на словесной форме речи (элокуции): без слов импровизация невозможна, ее качество определяется красотой порождаемого на глазах у публики текста – и даже если в чем-то другом (например, в «притворстве») софист не слишком хорош, это не испортит его речь так, как испортил бы, например, недостаток плавности или другой изъян элокуции.

3. *От Эсхина до Никета.* А тогда выходит, что после Эсхина настоящих (умеющих импровизировать) софистов очень-очень долго не было или почти не было – разве что ими претендовали быть Ариобарзан со товарищи, о которых Филострат все-таки слышал. Правда, о Филострате Египетском, который у Флавия Филострата числится среди красноречивых философов, Плутарх, причисляющий его к софистам (к которым относится не

без пренебрежения), сообщает, что в свое время тот был лучшим мастером «неприготовленности», ἐπιδρομή (Plut. Ant. 80. 3) – из контекста неясно, в каком роде была эта «неприготовленность», но показательно, что в конце I в. н.э. Плутарх уже ассоциирует ее именно с софистикой. Если Филострат Египетский был лучшим среди современников, значит, были и другие мастера, хотя в целом складывается впечатление, что в эти четыре века искусство импровизации не пользовалось особенным спросом, а раз так, навряд ли особенно культивировалось. Немаловажно и то, что импровизация – устный перформанс, а следовательно, даже если автор затем свою речь публикует, он приводит ее в соответствие со стандартами писаного текста, и наверное знать, основан ли этот текст на импровизации, возможно далеко не всегда. Пусть Плутарх недолюбливал софистов, он жил во времена Исея и Скопелиана, когда способность говорить без подготовки уже была в цене, и ему было естественно упомянуть, что Филострат Египетский этой способностью хотя бы в некоторой степени обладал, но ясно, что многие своего Плутарха не обрели и об их импровизациях мы попросту ничего не знаем, как не знал о них Флавий Филострат – это и дало ему повод объявить спасителем софистики Никета, который после отъезда из Рима начал демонстрировать в Смирне ту или иную форму софистической импровизации. Однако знатоками и ценителями красноречия, в частности, греческого уже лет за сто до Никета были римляне, а у них есть и термин *ex tempore*, и три подходящих по времени автора, писавших об ораторском искусстве – Цицерон, Сенека Старший и Квинтилиан, причем этот последний замещал в Риме кафедру латинской риторики как раз в те годы, когда Никет замещал там же кафедру греческой риторики¹³.

¹³ О чем-то вроде перерыва между Эсхином и Никетом сказано (пусть между делом) и у Тацита: «Сходно случилось у греков, и знаменитый Никет Сакердот или кто-нибудь еще... куда дальше от Эсхина и Де-

Цицерон упоминает софистов и софистику всего шесть раз, трижды в связи с древними софистами и трижды в «Ораторе», в связи с видами красноречия: один из этих видов – красноречие показательное, практикуемое «так называемыми софистами», примеры его есть у Исократа, и оно не имеет отношения к реальным прениям, хотя именно на таких речах воспитывается настоящий оратор (Cic. Orat. 37). Чуть ниже Цицерон снова говорит о красноречии софистов – сладостном, однако для форума не пригодном, хотя и являющемся «колыбелью оратора» (ibid. 42), а затем поясняет свою мысль: софисты пользуются теми же приемами, что и судебный оратор, но стремятся не убедить, а доставить удовольствие, потому и фигур в их речи больше (ibid. 65). Итак, ни о чем, кроме общеизвестных различий показательной (школьной и потешной) и деловой риторики, Цицерон в связи с софистами не говорит, софисты у него – мастера «сладостной» показательной риторики, а так как и Филострат не говорит, что в школе Эсхина после него учили импровизировать (не совсем понятно даже, учил ли этому Эсхин), нетрудно предположить, что не учили. О софистической импровизации Цицерон не говорит ни слова, а изредка упоминаемые у него высказывания *ex tempore* остаются элементом делового красноречия, иногда предполагающего быструю реакцию на изменившиеся обстоятельства. То же несколькими десятилетиями

мосфена, нежели Апри и Африкан от Цицерона или Азиния» (De orat. 15). Эту фразу, однако, следует понимать в контексте диалога, отнесенного Тацитом к 70-м гг. н.э.: с великими государственными ораторами времен гражданской войны Афра и Африкана разделяет меньше ста лет, но жизнь изменилась, и теперь никакой оратор не может и мечтать о том положении, какое было некогда у Цицерона и Азиния; равно и Никет не может мечтать о большой политике, игроками которой были некогда Эсхин и Демосфен, а после них никто, потому что для греков большая политика именно тогда и завершилась. Словом, к риторическому искусству этот пассаж ни малейшего отношения не имеет.

позднее у Сенеки Старшего, в предисловии к «Контроверзам» называющего *extemporalis facultas* преимуществом оратора (Sen. Rh. Contr. Praef. 2), но без пояснений и среди прочих преимуществ – ясно, что и тут имеется в виду способность быстро реагировать на изменившиеся обстоятельства, а не способность долго рассуждать на заданную слушателями тему. Только Квинтилиан, современник Никета, посвящает импровизации несколько параграфов в «Воспитании оратора» (Quint. Inst. X. 7), хотя и высказывается с не присущей ему неопределенностью: *ex tempore* – лучший плод трудов, но ведь это умеют и декламаторы, готовые начать с любого слова, а с другой стороны, в суде без этого нельзя, хотя есть способы вывернуться, например, иметь при себе табличку с планом... Правда, Квинтилиан тоже говорит о деловом красноречии и что к судебным прениям заранее всё не приготовишь, потому-то *extemporalis facultas* полезна и даже необходима – то есть и тут имеется в виду не большая речь на только что предложенную тему, а всё та же способность к быстрой реакции. Тем не менее у Квинтилиана замечен некоторый интерес к проблеме, да вдобавок упоминается нечто вроде салонной импровизации: пусть он не уважает побуждаемых «неким извращенным тщеславием» декламаторов, готовых начать речь с любого предложенного слова (*uerbum petant quo incipiant*: *ibid.* X. 7. 21), из текста по крайней мере понятно, что такие декламаторы существовали и пользовались успехом¹⁴. Так или иначе, первое свидетельство об импровизациях на заданную тему содержится у Плиния Младшего – дело уже при Траяне, а импровизирует (по-гречески, конечно) Исей, на скло-

¹⁴ Может быть, декламатором был и Филострат Египетский? Конечно, он претендовал быть философом, но в качестве придворного мог предлагать для интеллектуального развлечения небольшие импровизации на заданную (философскую) тему – и тогда для Плутарха он, разумеется, софист.

не лет посетивший Рим; о нем с похвалой отзывается сведущий в риторике Ювенал, но к слову и не упоминая *ex tempore*¹⁵, зато Плиний в письме к Мецилию Непоту изображает импровизацию Исея подробно (Plin. II. 3. 1–3)¹⁶:

Громкая слава предшествовала Исею; он превзошел ее. У него большой дар речи и очень богатый язык. Он говорит всегда без подготовки, а кажется, будто это давно написанная речь. Говорит по-гречески, вернее, как уроженец Аттики; введения его отделаны, изящны, приятны, иногда важны и возвышенны. Он просит слушателей придумать побольше контroversий и предлагает им выбрать любую, часто предлагает даже выбор роли. Затем он встает, запахивает плащ и начинает. Речь льется рекой. Сами собой приходят глубокие мысли, сами собой слова. Но какие! Обдуманно подысканные; в его импровизациях сквозит большая начитанность и привычка писать. Его предисловия уместны, рассказ ясен, возражения энергичны, выводы сильны; он учит, услаждает, волнует – не знаешь, чего больше...¹⁷

Восхищение не мешает Плинию чуть ниже назвать импровизации Исея стариковской забавой (то ли дело реальные судебные битвы! – *ibid.* 5), но куда важнее недвусмысленное впечатление,

¹⁵ ingenium uelox, audacia perdita, sermo promptus et Isaeo torrentior... (Iuv. III. 73–74).

¹⁶ Magna Isaeum fama praecesserat, maior inuentus est. Summa est facultas copia ubertas; dicit semper ex tempore, sed tamquam diu scripserit. Sermo Graecus, immo Atticus; praefationes tersae graciles dulces, graues interdum et erectae. Poscit controuersias plures; electionem auditoribus permittit, saepe etiam partes; surgit amicitur incipit; statim omnia ac paene pariter ad manum, sensus reconditi occurrant, uerba sed qualia! quaesita et exculta. Multa lectio in subitis, multa scriptio elucet. Prohoemiatur apte, narrat aperte, pugnat acriter, colligit fortiter, ornat excelse. Postremo docet delectat adficit; quid maxime, dubites...

¹⁷ Пер. М. Е. Сергеевко.

что сам он, посещавший в молодости занятия Никета (*ibid.* VI. 6), никогда не слышал ничего подобного – ясно, что упоминаемые Квинтилианом декламаторы работали куда примитивнее¹⁸. Тут трудно не припомнить, что, если верить Филострату, несколько лет спустя молодой Герод мечтал научиться импровизации, однако не имел такой возможности, пока не познакомился со Скопелианом (I. 21. 521) – а в Афинах, стало быть, подходящего наставника не было, хотя в Ионии уже несколько десятилетий учил Исей, а вероятно и Никет.

Общеизвестная конкуренция двух «светочей Азии» (Plin. Nat. V. 120) естественно продолжалась в конкуренции эфесской и смирнской софистических школ. Мы знаем, что – по крайней мере, поначалу – в Эфесе благодаря Исею развивался аттицизм, а в Смирне более пышный «азиатский» слог, который у Филострата именуется «ионийским» (хотя и Эфес в Ионии), и в слоге победа осталась за Эфесом – для Второй софистики аттицизм характернее. Обе школы, однако, наверняка конкурировали и за первенство в возрождении софистической импровизации, и в Смирне преемство должно было считаться от Никета, а в Эфесе от Исея. Если так, понятно, почему Филострат, принадлежащий к школе Герода, пишет об Исее, что тот свои речи готовил: Герод перенял импровизацию от Скопелиана, а значит, по актуальному для всей древнеклассической традиции лично-му преемству не мог не быть лоялен авторитету смирнской школы, то есть первенству Никета, а что в качестве аттикиста он мог быть ближе Исею, это имеет значение для судеб аттицизма, но не для выбора в основоположники Никета или Исея.

¹⁸ Умение «начать с любого слова» предполагает, конечно, *extemporalis facultas*, но навряд ли большую, чем требуется для судебных прений (довольно чуть изменить начало одной из приготовленных заранее небольших композиций) – тут важно не столько то, чем реально были эти декламации, сколько то, чем они претендовали быть, а они несомненно претендовали быть импровизациями.

Кто же в таком случае возродил импровизацию, владение которой вскоре сделалась опознавательным признаком софиста? Свидетельству Плиния не верить нельзя, а стало быть, задолго до приезда в Рим Исей у себя в Эфесе импровизацию практиковал и преподавал, более того, Филострат хоть и говорит иное, говорит это лишь в жизнеописании Исея, ученики которого Лоллиан и Марк – импровизаторы и учителя импровизаторов, а о Лоллиане особо сказано, что без подготовки он говорил на манер Исея (I. 23. 527), из чего следует, что в жизнеописании Исея Филострат, не слишком сверяясь с последовательностью собственного рассказа, просто следует упоминавшемуся авторитету смирнского школьного предания (отсюда также следует, что, скорее всего, импровизировать умел и Дионисий, раз уж он обдумывал речь «столько, сколько Исей»). О «вакхических» речах Никета говорится в выражениях, близко напоминающих описания «азиатского» красноречия, но не сказано, что речи были без подготовки, то есть допустимо предположить, что Никет импровизировал и поощрял к тому же учеников, но столь же допустимо предположить, что Никет довольствовался какими-то экспериментами, а систематически импровизировать начал Исей, а тогда в Смирне первым настоящим импровизатором был Скопелиан. Притом посещавшему занятия Никета молодому Плинию импровизация Исея через тридцать лет оказалась в новинку – не доказывает ли и это, что Никет импровизировать не умел? Домыслить такое возможно, но естественнее предположить, что Никет просто не выступал в Риме в качестве импровизатора и что первым в таком качестве действительно выступил Исей, гораздо позднее и уже обучив этому искусству других. Открытые Веспасианом кафедры риторики были кафедрами деловой риторики, и опытный судебный ритор Никет учил молодых римлян тому, для чего был нанят – лишь по возвращении в Смирну он стал публично демонстрировать неупотребительный или малоупотребительный прежде вид по-

казательного красноречия, но в ту пору в Эфесе уже процветал Исей, да и Скопелиан уже приобретал известность и учеников.

Словом, нельзя сказать, кто был первым – довольно и того, что именно Никет и Исей создали смирнскую и эфесскую школы, пусть несколько десятилетий после этого импровизация практиковалась и преподавалась лишь в Ионии, а Исей демонстрировал свое искусство в Риме хоть и с успехом, но без последствий, так как любая эпидейктическая риторика оставалась для римлян школьной либо потешной. Притом всё это не означает, будто после Эсхина и прежде Никета импровизации не существовало, раз мы о ней не знаем: те самые Ариобарзан, Ксенофрон и Пифагор несомненно были профессиональными софистами и, вероятно, хотя бы претендовали на умение импровизировать – иначе Филострату незачем было бы их упоминать. Возможно, и другие пытались развивать свои способности в этом направлении, но как ни слава Горгия, ни позднее слава Эсхина не определялась их умением говорить без подготовки и уж тем более не превосходила славу не говоривших без подготовки Исократа и Демосфена, так и долгое время после них это умение могло считаться лишь особенностью индивидуального дарования, как способность к импровизации поэта Архия, обеспечившая ему симпатии многих римских сановников и самого Цицерона, но не место в истории литературы¹⁹.

Итак, слово «софист» сначала относилось к преподавателям философии, учившим среди прочего искусству аргументации, а значит, риторике, которая именно и есть искусство аргументации; к этому направлению Филострат добавляет «любомудрых

¹⁹ Цицерон говорит, что не раз видел, как Архий, не начертав ни единой буквы, произносил без подготовки (*ex tempore*) множество превосходнейших стихов, а приглашенный повторить, говорил то же самое с помощью других слов и оборотов речи (*Cic. Arch. XVIII. 3–7*) – ср. дважды произнесенную в Афинах речь Александра (*II. 5. 572–573*).

риторов» недавнего времени Диона и Фаворина и эту софистику называет «древней». Позднее софистами стали называть преподавателей риторики, практиковавших преимущественно эпидейктическое красноречие – это преемство Филострат начинает с Эсхина и такую софистику называет «второй»; для него она немыслима без импровизации и, коль скоро показательные речи Эсхина не сохранились, известна исключительно по образцам близкой ему эпохи. Конечно, искусство импровизации было дорого Филострату и у «древних» софистов, прежде всего у Горгия, но также и у Фаворина, однако для них оно не было обязательно – скажем, Исократ все свои речи готовил заранее, и это в глазах Филострата ничуть не умаляет его заслуги. А вот для представителей Второй софистики умение говорить без подготовки обязательно, иначе они риторы, потому-то биографии не говоривших без подготовки Аристиды и Элиана включены в сборник с оговорками. Всё это дает повод предположить, что при Антонинах разделение риторики по признаку *деловая vs эпидейктическая* (или *риторика vs софистика*) соседствовало с разделением по признаку *с подготовкой vs без подготовки* (при том, что речи без подготовки были в основном показательные, то есть разделение проходило, в сущности, уже внутри софистики), так что теперь софистами назывались прежде всего те, кто умел импровизировать, а значит, не все, кого называли бы софистами раньше. Потому-то Элий Аристид и не желал называться софистом: по старому счету он им, разумеется, был, но теперь софистика оказалась прочно ассоциирована с импровизацией, которую он от всей души презирал – он желал оставить (и оставил) потомкам собрание тщательно отделанных речей, а у импровизации была совсем другая судьба.

4. *Наука импровизации.* Пособий по риторике от классической древности сохранилось немало, но пособий по речам без подготовки среди них нет, и остается думать, что, как само это искусство по сути своей было устным, так и обучение ему оста-

валось устным или в основном устным. Неизвестно, при каких обстоятельствах освоил импровизацию Горгий, хотя его близость к самым началам риторического искусства и выдающаяся одаренность позволяют предположить, что он и вправду был новатором-самородком, каким изображен у Филострата. Но если даже он был среди софистов первым импровизатором, отсюда не следует, будто он не слышал импровизаций – просто это были поэтические импровизации, без которых, как известно уже от Аристотеля (Poet. 1448 b 20–25), а позднее и от новоевропейских исследователей, древняя поэзия невозможна²⁰, а во времена Горгия именно эта древняя поэзия звучала на всех праздниках. Впрочем, если сведения наши неполны и первым был не Горгий, все-таки он первый этим прославился и он же первый стал учить риторике за деньги, то есть всех желающих – пусть преподавание его, как мы знаем от Аристотеля и Филострата, было довольно бессистемно и необходимые навыки усваивались учениками в основном с помощью подражания. Конечно, научиться таким образом может далеко не любой, но и к импровизации способен далеко не любой, однако по крайней мере один отличный ученик у Горгия был – италиец Алкидамант, тоже преподававший затем в Афинах, а после смерти Горгия, то есть после 380 г. до н.э., якобы возглавивший в Афинах его школу (Sud. Γ 388. 3–4).

Он почти забыт²¹: Филострат о нем не упоминает, речи его практически утрачены, в удобочитаемых фрагментах сохрани-

²⁰ Об эпической импровизации см. ниже, но уже сейчас нельзя не отметить, что сравнительно недавно у всех на глазах возник новый импровизационный жанр, вольный (freestyle) рэп: *текста́* рэперов обычно короче рапсодий, но достаточно пространны и тоже с музыкальным сопровождением.

²¹ Даже в Суде Алкидамант упоминается всего шесть раз: сам он назван философом-элеатом и учеником Горгия (А 1283), затем в статье о Горгии лексикограф в перечне учеников Горгия дважды ссылается на какой-то трактат Алкидаманта о разделении словес на виды – и, наконец, дважды упоминаются ученики Алкидаманта, в их числе Эсхин.

лись лишь два трактата, один против Исократа, с которым он в качестве преподавателя конкурировал, и второй о софистах (Alcid. Frg. 15); во втором настойчиво повторяется, что софисту мало умения хорошо писать или говорить по писаному, нужно еще и уметь импровизировать – αὐτοσχεδιάζειν с производными употребляется в этом не слишком пространным отрывке 17 раз²². Навряд ли тут обошлось без полемического задора, так как чтение по писаному ассоциировалось тогда прежде всего с Исократом, но что умение импровизировать Алкидамант считал для софиста самоважнейшим – это несомненно. Слог трактатов Алкидаманта прост, а вот его несохранившиеся (и, вероятно, основанные на импровизациях) речи Аристотель в «Риторике» дважды приводит в пример неуместной перегруженности красотами (Rhet. 1373 b 18, 1398 b 11) – видимо, в импровизациях Алкидамант предпочитал пышный слог, позднее именовавшийся «азиатским» или «ионийским». Если верить Суде, Демосфен у Алкидаманта учился, хотя учился также у его соперника Исократа и еще у нескольких (Δ 454), но Демосфен не импровизировал, так что Алкидамант у него просто один из списка лучших учителей риторики, а вот Эсхину Филострат дает в учителя риторики только Исократа²³, хотя в Суде он – ученик элеата Алкидаманта (Α 347), и нет оснований этому не

²² Показательно, что Аристотель в «Риторике» о речах без подготовки не говорит ни слова.

²³ Когда после смерти Горгия Алкидамант оказался в Афинах самым выдающимся его преемником, Эсхин и Аристотель были детьми, но Алкидамант был еще не стар, раз конкурировал с другими преподавателями, так что лет через десять-двенадцать молодой Эсхин мог у него учиться, а молодой Аристотель, перебравшийся в Афины в 367 г. до н.э., мог его слушать. Характерно, что в Суде Алкидамант значится только как «философ-элеат»: от него остались лишь трактаты, а раздражавшие Аристотеля речи явно не сохранились – возможно, не сохранились даже до времен Филострата, а тогда не так удивительно, что Алкидаманта он не упоминает.

верить: приготавливавшиеся к государственной карьере молодые люди обычно имели нескольких наставников и посещали публичные выступления выдающихся мастеров, а значит, Эсхин наверняка слушал известнейших преподавателей того времени, Исократ и Алкидаманта, и почти наверняка успел поучиться у обоих, как Демосфен. Словом, можно принять как бесспорный факт, что Эсхин не раз слышал импровизации Алкидаманта и мог от него это искусство перенять – а что навряд ли обучался ему систематически, так ведь нет сведений, что регулярное обучение импровизации тогда существовало.

Возможность научиться «с голоса» подтверждается и тем, что гораздо позднее, при давно процветающих школах, среди софистов Филострата мы встречаем вундеркинда Гермогена и почти столь же юного Гермократа, успевшего поучиться лишь у одного и притом посредственного учителя (II. 25. 608), а знаменитый Адриан уже в ранней юности умел пародировать чуть ли не всех известных софистов (II. 10. 586)²⁴. По упоминавшемуся рассказу о встрече Герода со Скопелианом тоже понятно, что Герод не обучался у него импровизации систематически, просто до знакомства со Скопелианом он не понимал, как к ней приступить, а затем чуть ли не сразу нечто важное усвоил и произнес первую речь без подготовки (I. 21. 521). Также и Аристокл в молодости был философом, занялся софистикой в зрелом возрасте, однако сразу или почти сразу оказался среди самых успешных (II. 3. 567–568). Конечно, Гермоген, Гермократ и даже Аристокл и Адриан жили в эпоху, когда импровизация давно вошла в моду, так что чуть ли не с детства имели возможность слушать хороших импровизаторов – возможность, которой с таким нетерпением дожидался Герод. Но вот Фаворин,

²⁴ Собственную импровизацию Адриана требовательный Герод нашел незрелой, хотя талантливой (*loc.cit.*), но в данном случае важнее, что уже в восемнадцать лет Адриан импровизировать умел.

софист по совместительству, был заметно старше, учился у Диона, а ведь тоже говорил без подготовки – у Филострата «якобы говорил», однако тут же сообщается об успешной конкуренции Фаворина с Полемоном (I. 8. 490–491), а Александр, учившийся у Фаворина и Дионисия, «прелесть слога» перенял в основном от Фаворина (II. 5. 576). А от кого перенял импровизацию сам Фаворин? Как ни превозносит Филострат Диона, речи без подготовки он ему не приписывает, как и Плиний Младший, встречавшийся с Дионом в Вифинии, а значит, Фаворин учился у кого-то другого или вообще ни у кого не учился.

Остается предположить, что при достаточном природном даровании в сочетании, разумеется, с достаточно хорошей риторической выучкой искусство импровизации можно было освоить с голоса и затем самостоятельно развить упражнением. Другое дело, что природная одаренность бывает лишь к тому, без чего человечество не живет, как не живет оно, например, без музыки и поэзии, а традиция софистической импровизации – недавняя и неповсеместная, и говорить в данном случае о природной способности все равно, что говорить о природной способности к игре на теорбе. Говорить можно лишь о единственной природной способности, которая связана со словом, то есть о способности к версификации. Быть может, применительно к софистам известное «ораторами делаются, поэтами рождаются» следовало бы изменить в «ораторами делаются, если рождаются поэтами».

И верно, пусть настоящих импровизаций мы не знаем и знать не можем, мы знаем речи, авторы которых (например, Полемон) были известными импровизаторами, а следовательно, их произведения могут быть переделанными для издания импровизациями, в той или иной мере ориентированными на присущий импровизации слог – нетрудно заметить, что в целом этот слог обычно более или менее «пышный», будь то знаменитая «Похвала Елене» или (едва ли не в большей степени) приводимые Филостратом отрывки из удачных, по его мнению,

композиций, да и Аристотель бранил Алкидаманта именно за пристрастие к прикрасам. Разумеется, главного признака стихов – регулярного стихораздела – у софистов нет, но нерегулярные метры встречаются чаще, чем это может быть случайно, то же и выраженный ритм (иногда подчеркнутый чуждыми древнеклассической поэзии гомеотелевтами, «риторическими рифмами»), и распространение аттицизма ничего тут не изменило, так как касалось в основном подбора слов и манеры декламации, а слова как в стихах, так и в прозе (хотя бы и софистической) могут быть любые²⁵. Вероятно потому-то даже во времена, когда импровизационная софистика еще оставалась почти исключительно ионийской модой и когда иные из софистов Филострата порой подшучивали над манерой других, как Полемон над Скопелианом (I. 21. 520), на деле различие между ними было лишь в степени использования одних и тех же поэтических и декламационных приемов: скажем, Скопелиан при произнесении речи часто взмахивал руками и даже ударял себя по бедру, а Полемон над этим подсмеивался, однако и сам при произнесении речи иногда топал ногою (I. 25. 538) – иначе говоря, оба поддерживали ритм жестикуляцией, хотя, наверное, Полемон жестикулировал умереннее Скопелиана. Со временем, вместе с «естественным» аттицизмом, эта относительная умеренность возобладала: Герод называл Александра «трезвым Скопелианом», так как у него дерзновенность сочеталась со сдержанностью (II. 5. 573), но Антиох, например, издевался над чрезмерными, по его мнению, красотами того же Александра (ibid. 574), да и ученикам Герода речь его не особенно

²⁵ Изъяснявшийся «естественным» слогом (I. 22. 522) аттикист Исей осуждал Никета за выпренность и говорил молодому Дионисию «я тебя не петь учил» (I. 20. 513), но зрелый Дионисий не удалил из своих ипотез «мед», а лишь умерил его количество (I. 22. 522), как видно и по приводимым у Филострата эффектным фразам из его речей.

понравилась (ibid. 573) – а вот Филострат Александра хвалит и считает недооцененным. По всему видно, однако, что подобные разногласия оставались более или менее частными и касались не полного отказа от предпочитавшейся Скопелианом «пышности» (I. 21. 519), но лишь меры этой пышности, а после Герода, похоже, и вовсе утратили остроту – во всяком случае, Филострат о них больше не поминает. Куда важнее была плавность, то есть способность говорить без запинок, будто по писаному, и при этом длинными и складными периодами, с которыми не всякий справится и в письме – а Полемон такие периоды без труда импровизировал (I. 25. 536).

Тут сразу вспоминается, что Эсхин в молодости был трагическим актером в бродячей труппе, то есть знал наизусть множество стихов; вспоминается и особенная любовь к стихам, отличавшая Никета и Скопелиана, а Скопелиан и сам сочинил эпическую поэму (I. 21. 519), а позднее Полемон, хотя терпеть не мог зубрить наизусть (I. 25. 541), давал поэзии особенный статус (ibid. 539), а еще позднее приятель Флавия Филострата и учитель Филострата Лемносского Гипподром не только плавностью равнялся с Полемоном (умел говорить, словно наизусть), не только почитал Гомера отцом и голосом софистов, а Архилоха – их дыханием, но и сам не без успеха сочинял стихи (II. 27. 620). Конечно, такие и подобные свидетельства мало что доказывают: знание поэзии было необходимой частью образования, а уж тем более ученик ритора должен был вызубрить огромное множество стихов (у Квинтилиана даже перечни необходимых оратору авторов занимают чуть ли не целую книгу), да и знаменитые ораторы иногда пробовали себя в стихотворстве – вот, например, Цицерон, который не был софистом ни в каком смысле этого слова. Тем не менее единственное описанное у Филострата специальное упражнение для будущих (хотя уже не начинающих) софистов связано именно со стихами: в биографии Адриана рассказано, что у Герода было особое помещение, *клепсидрион*, где после общих занятий собирались

к обеду десять лучших учеников, а сам Герод, покуда водяные часы отмеряли время, излагал, то есть пересказывал прозой, сто стихов – ясно, что каждый раз других (II. 10. 585). Что Герод не только показывал это упражнение, но и других учил (или поощрял) составлять такие *парафразы*, видно из позднейшего: в Суде в списке сочинений Филострата Лемносского, наиболее вероятного автора первых «Картин», значится «Щит Ахиллеса», и это не может быть ничем иным, кроме как парафразом известных стихов 18-й рапсодии «Илиады» – тоже своего рода «картина», но также и транспозиция стихов в прозу. К сожалению, в отличие от «Картин», «Щит Ахиллеса» не сохранился, а главное, если «картины» в риторической прозе встречаются и термин «экфрасис» относится пусть не к самым ходовым, то к употребительным, парафразов описанного типа мы почти не знаем²⁶. Неизвестно, сам ли Герод придумал такое упражнение или позаимствовал у кого-то из старших, скажем, у Скопелиана или у Фаворина, но назначение его понятно: стихи старше софистической прозы, то есть в известном смысле являются ее источником – а в данном случае становятся им в самом буквальном смысле. Поэтому полезно снова обратиться к первичной импровизации, стихотворной: она известна гораздо лучше, и

²⁶ В V–VI в.в. н.э. в Газе процветала христианская риторическая школа, где преподавал Хорикий (500–590 н.э.), ученик Прокопия Газского; от обоих осталось немало речей к случаю и декламаций на мифологические темы. Похоже, в этой школе практиковались речи без подготовки (в одной из речей Хорикия упоминается *αὐτοσχεδίασις*: Choric. XIX. 2. 6), а Прокопий вслед Героду и Филострату Лемносскому делал очень близкие к источнику парафразы из Гомера (такие назывались *метафразы*) и других этому учил – в общем, традиция клепсидриона в Газе была еще жива. Роберт Пенелла издал сборник упражнений Хорикия (Penella 2009), по которым видно, что предназначены они для тренировки в показательном красноречии, но прямой связи с импровизацией в них заметить нельзя – впрочем, у любого писаного текста эта связь может быть лишь гипотетической.

кое-что о софистах можно понять – хотя бы гипотетически – из того, что известно о гуслеях, рапсодах, лирниках и прочих представителях древних поэтических корпораций.

5. *Сопоставления и гипотезы.* Уже А. Ф. Гильфердинг, записавший летом 1871 г. знаменитые четыре тома онежских былин, заметил, что исполнение у разных певцов различается и что каждый немного добавляет от себя, то есть импровизирует; позднее сходные наблюдения были сделаны А. М. Астаховой, тоже на русском Севере. Для исследователей эпоса эти свидетельства важны, но в нашем случае они просто подтверждают, что упомянутое выше замечание Аристотеля о древней поэзии совершенно справедливо. В середине прошлого века эпическую импровизацию стали изучать (независимо друг от друга) В. М. Жирмунский и его ученики на тюркском материале, а также Милмэн Перри и затем Альберт Лорд в основном на балканском – в обоих случаях там, где еще оставалось достаточное число сказителей. Все они признавали, что импровизация возможна лишь в рамках сложившейся традиции (Lord 1960: 4), с присущим этой традиции набором не только сюжетов и образов, но также формул и фразеологизмов (Жирмунский 1974: 636–638) – в результате, как отмечает Лорд, песня льется не менее естественно, чем повседневная речь, разве что в песне заданы «метрические условия», которые певец и соблюдает. Сама по себе способность певца соблюдать эти условия легко объяснима его врожденной способностью к версификации, но и обычная (без метрических условий) устная речь не так уж проста – даже связный ответ на экзамене требует некоторого навыка, в частности, некоторой «плавности». Притом, пусть в памяти профессионального певца хранится множество пригодных для использования формул, синтаксических конструкций, готовых описаний и пр., использовать их нужно к месту, иначе потеряется смысл – при том, что неуместное использование ресурсов памяти встречается и у опытных софистов, например, у Филострата, который хоть и писатель, ориентирован

на импровизационную традицию, а потому, скажем, в жизнеописании Крития так неловко употребляет заимствованный у Исократов оборот (I. 6. 502 и прим.), что фраза становится малопонятной²⁷. Конечно, при импровизации подобные огрехи неизбежны, но если их слишком много, текст утрачивает внятность. Неизбежность этих огрехов признает сам Филострат: он предполагает, что Эсхин опубликовал лишь сочиненное заранее, чтобы речи его не слишком уступали тщательно отделанным речам Демосфена (I. 482) – правомерно это предположение или нет, из него следует, что даже при Филострате импровизированный текст заведомо уступал писаному по многим параметрам, то есть главная прелесть импровизации была скоротечной и предполагала соответствующие ожидания публики²⁸. А отсюда, кстати, понятно, почему Филострат не проявлял интереса к аргументации: в речи без подготовки некая последовательность аргументов, конечно, имеется, но по определению не может быть такой же стройной, как в «тщательно отделанной», так что ценитель импровизации заранее прощает импровизатору этот недостаток – а вернее, зачарованный красотой изложения, забывает или почти забывает обо всем остальном.

²⁷ Через полтора года Евнапий, перечисляя в предисловии тех, кто тоже описывал жизни философов и софистов, говорит о Филострате, что «Жизни софистов» он ἐξ ἐπιδρομῆς μετὰ χάριτος παρέπλυσεν – «неприготовленно и прелестно исполнил» (Eunap. Praef. 454); «исполнил» – неточная цитата из биографии Аристиды (II.9.583), то ли по памяти, то ли (вероятнее) во избежание грубого «изрыгать». Таким образом, Евнапий был уверен, что «Жизни» – софистическая импровизация (вернее, серия импровизаций), затем опубликованная. В V в. н.э. софисты, как мы знаем, еще импровизировали, и Евнапию какие-то характерные черты импровизации были знакомы: видимо, в тексте Филострата он обнаружил признаки неприготовленной речи – например, некоторую специфическую небрежность.

²⁸ Ср. ответ недоброжелателям Скопелиана, которые считали его напыщенным и грубым: «Так толкуют придиры и зануды, а еще те, кого ничуть не воодушевляет речь без подготовки» (I. 21. 515).

В конце прошлого века Карл Райхл, продолжая (на несколько ином материале) исследования тюркского эпоса, вновь обратил внимание на столь значимый аспект эпической импровизации, как одаренность певца – при том, что разделение певцов на «простых» и «творческих» уже упоминалось, конечно, у Жирмунского и у его учеников, так как бросалось в глаза. Райхл отмечает, что у казахов и у хакасов разделяются, с одной стороны, способность запоминать и исполнять (хотя бы и с небольшими вариациями) уже существующие сказания и, с другой стороны, способность слагать новые сказания или существенно варьировать имеющиеся – у хакасов те и другие певцы даже называются по-разному (Reichl 1992: 90). На этом, в сущности, можно остановиться: природа таланта до сих пор неизвестна, хотя известно, что любой талант требует развития, лучше с помощью наставника, причем развивается в русле или хотя бы с учетом той или иной традиции, которая осваивается подражанием.

Тут вспоминается, что Филострат время от времени и в разных выражениях одних софистов называет одаренными, а других только трудолюбивыми – то и другое обычно с чужих слов. Никакие дополнительные объяснения этому не сопутствуют (разве что Скопелиан вырос «не без божьего попечения»), просто иные одарены щедрее, а иные возмещают недостаток дарования трудолюбием, а о большинстве и вовсе не сказано, труду или таланту обязаны они своей славой; притом одно не исключает другого, вот и Скопелиан отличался редкостным трудолюбием, занимался даже по ночам. В подобных случаях пониманию лучше помогает негативная оценка, всегда более конкретная, и такую можно найти в жизнеописании Гераклида – как обычно, с чужих слов, но Филострат этим словам верит. Итак, Гераклид был успешным софистом, получил в Афинах кафедру, а когда покинул ее из-за интриг и уехал в другую софистическую столицу, Смирну, там тоже прославился и разбогател – и все же он всего лишь «собственным трудом освоил искусство, в коем природа ему отказала», и Птолемей обозвал его ослом, а Апол-

лоний зубрилой и занудой (II. 26. 614). Разумеется, оба навкратийца недолюбливали Гераклида (именно Аполлоний выжил его из Афин) и уже поэтому могли касательно его дарований заблуждаться, но обвинения их, как и любые обвинения, должны были быть по крайней мере правдоподобны, а значит, «зубрила» мог прославиться, привлечь учеников, получить кафедру и попреки терпеть только от недоброжелательных коллег – и все-таки недостаток дарования, пусть компенсированный трудолюбием, явно был куда худшим изъяном, чем недостаток выучки, как у шалопая Гермократа.

Тем не менее обычно софисты учились долго, а совершенствовались еще дольше, недаром Филострат называет смерть пятидесятишестилетнего Полемона ранней: для кого-то это «начало старости, но для софиста еще молодость, ибо лишь с годами искусство сие доставляет мудрость» (I. 25. 543). Это, конечно, гипербола, однако если взглянуть, в каком возрасте софисты вступали в борьбу за учеников и покровителей, видно, что чаще всего они были люди достаточно зрелые – как и на других поприщах, требующих многознания, скажем, в истории или в медицине. А при всем том по «Жизням» заметно, что сам Филострат, хоть и знаменитый софист Геродова преемства, даже Платона толком не читал (иначе гораздо больше знал бы о Фрасимахе!), а стало быть, долгие годы ученичества тратились на освоение иных знаний и навыков. И верно, за эти годы будущему софисту следовало запомнить великое множество текстов, из которых при импровизации мгновенно (а возможно, и бессознательно) добывалось подходящее к случаю клише, сравнение, синтаксический оборот, а то и апофтегма Горгия или Марка; точно так же эпический певец мгновенно (а возможно, и бессознательно) вспоминает нужную формулу, а то и целый эпизод. Конечно, подобный запас нужен любому оратору, но у импровизирующего софиста он должен быть несравненно больше, а главное, все его ресурсы должны быть на кончике пера (вернее, языка), ведь говорить надо на любую тему, а долго

собираться не положено – за короткое время между пожеланием публики и началом изложения можно разве что определиться с порядком аргументации, по большей части тоже добытой из хранимых в памяти запасов. Для приобретения такого ресурса требовался огромный труд, затем и нужна не раз восхваляемая Филостратом памятьливость, и тут уж, конечно, не до Платона с Фрасимахом.

Однако основные принципы импровизации, скорее всего, осваивались, как сказано, с голоса, недаром первая после знакомства со Скопелианом импровизация Герода прямо названа подражанием (I. 21. 521) – нельзя сказать, насколько хорошо справился с этой задачей юный Герод, но полученные от Скопелиана уроки позволили ему развить свой незаурядный талант в избранном направлении. Другие для того же самого нуждались в долгом общении с наставником, а если и не очень нуждались (как Адриан), лишним такое общение никогда не бывало. Что искусство речи без подготовки обреталось через подражание, видно и по отзыву Филострата об Эскине, чей слог был «красше, нежели достигается подражанием» (I. 18. 510) – значит, и Эсхин начинал с подражания кому-то, вероятно Алкидаманту. В замечании Филострата содержится не только подтверждение того, что импровизация перенималась в основном с голоса, но и признание, что умения подражать мало, раз красотой слога Эсхин обязан не подражанию, а собственной одаренности – это как с трудолюбием, которое необходимо, потому что софист должен много знать и много упражняться, да только трудолюбия мало, нужно кое-что еще. При этом «кое-что» – не общая литературная одаренность, вовсе не обеспечивающая умения говорить без подготовки, как видно по Элию Аристиду, который при всей своей бесспорной одаренности импровизировать не умел. Можно полагать, что Филострат, говоря об одаренности софиста, имеет в виду не литературный талант, далеко не всегда совмещающийся со способностью к импровизации, но именно способность к импровизации, далеко не всегда совмещающую-

юся с литературным талантом — хотя трудно сомневаться, что кое у кого из выдающихся софистов кое-какой литературный талант тоже был, вот, например, у Флавия Филострата он несомненно был. Допустимо даже предположить, что дошедшие до нас образцы показательной риторики римского времени созданы в основном именно литературно одаренными авторами, которые часто не были софистами в полном смысле слова, то есть импровизировать не умели — и напротив, если от знаменитого софиста ничего не осталось, скорее всего, он был только импровизатором, пусть великим импровизатором. Потому-то мы знаем Лукиана, которого не знает (или не хочет знать) Филострат, зато о Скопелиане знаем только от Филострата.

6. *Еще один пример.* Разумеется, при изучении классической (да и любой другой) древности без гипотез и реконструкций не обойтись, но когда исследователь связывает, например, «гомеровские формулы» с фольклорными, он говорит со знанием дела, потому что мог слышать и наверное слышал — пусть не по-гречески — эпические импровизации, а уж на этом прочном основании и анализ текста гомеровских поэм приобретает нужную достоверность. Однако эпическая поэзия есть (или была) везде (или почти везде), а софистическая импровизация существовала у греков всего несколько столетий и почти не оставила по себе внятных свидетельств, сохранившись лишь в отрывочных описаниях. Вероятно, дело тут не только в том, что устная традиция умирает вместе с голосом, но и в том, что, пока речи без подготовки были в моде, все и так всё о них знали, а когда вышли из моды, говорить стало не о чем — недаром Филострат так редко описывает приемы модного искусства и в особые объяснения не вдается. Тем драгоценнее цитированное письмо Плиния, подробно рассказывающего об импровизации Исея заинтересованному и вместе с тем не слишком сведущему адресату — если бы еще хоть кто-нибудь так же подробно описал нечто подобное, явилась бы логическая опора, позволяющая обосновать

ванно предположить, что, как есть некие общие черты у всякой поэтической импровизации, так есть они у импровизации софистической. Один пример найти удалось.

Стихотворная импровизация, имеющая весьма сильные позиции в традиционных культурах, с развитием письменности их, конечно, утрачивает, но не исчезает без остатка, так что среди поэтов всегда есть импровизаторы – ничем больше не известные, как Архий, или известные в основном чем-то другим, как Дмитрий Минаев, а иногда занимающие важное место в истории литературы, как Валерий Брюсов, который среди прочего умел еще и импровизировать. Замечательным импровизатором был, как известно, и великий Мицкевич: импровизации его были, разумеется, стихотворные и по-польски – ими восхищался, в частности, Вяземский, познакомившийся с Мицкевичем еще в Литве, где бывал по службе. Вскоре Мицкевич оказался насильственно водворен в Петербурге и в Москве: для польских друзей он и там иногда импровизировал в обычной манере, то есть по-польски и стихами, но в его русском окружении по-польски понимал разве что Вяземский – и в этом кругу Мицкевич стал импровизировать по-французски и в прозе. Вот как Вяземский в статье «Мицкевич о Пушкине» (Вяземский 1984: 293—296) описывает импровизации Мицкевича, стихотворную и затем нестихотворную:

Мицкевич был не только великий поэт, но и великий импровизатор. Хотя эти два дарования должны, по-видимому, быть в близком родстве, но на деле это не так. Импровизированная, устная поэзия и поэзия писанная и обдуманная не одно и то же. Он был исключением из этого правила... Импровизированный стих его, свободно и стремительно, вырывался из уст его звучным и блестящим потоком. В импровизации его были мысль, чувство, картины и в высшей степени поэтические выражения. Можно было думать, что он вдохновенно читает наизусть поэму, им уже написанную. Для русских приятелей своих, не знавших по-польски, он

иногда импровизировал по-французски, разумеется, прозою, на заданную тему. Помню одну. Из свернутых бумажек, на коих записаны были предлагаемые задачи, жребий пал на тему, в то время и поэтическую и современную: приплытие Черным морем к одесскому берегу тела Константинопольского православного патриарха, убитого турецкой чернью. Поэт на несколько минут, так сказать, уединился во внутреннем святилище своем. Вскоре выступил он с лицом, озаренным пламенем вдохновения: было в нем что-то тревожное и прорицательное. Слушатели в благоговейном молчании были также поэтически настроены. Чуждый ему язык, проза, более отрезвляющая, нежели упоющая мысль и воображение, не могли ни подавить, ни остудить порыва его. Импровизация была блестящая и великолепная. Жаль, что не было тут стенографа. Действие ее еще памятно; но, за неимением положительных следов, впечатления не передаваемы. Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге.

Всё описанное – случайный или почти случайный выбор одной из предложенных тем, недолгое размышление, одушевление, пылкость, стремительность, гипнотизирующее воздействие на слушателей²⁹ – всё точь-в-точь как у какого-нибудь Скопелиана или Полемона, иногда чуть ли не дословно! И это не заимствование: «Жизни софистов» ни в какую хрестоматию никогда не входили, Вяземский мог читать по-французски разве что отрыв-

²⁹ Довольно заметить, что объявленной задачей статьи Вяземского (опубликованной в 1873, через много лет после смерти Мицкевича, хотя написанной, возможно, несколько раньше) было не прославление Мицкевича, а возражение некоторым его суждениям о Пушкине, чему и посвящено три четверти текста – лишь в самом конце (разд. VII) он отступает от этой задачи, чтобы описать необычный дар Мицкевича, и даже по прошествии нескольких десятилетий впечатления его так же живы, как впечатления Филострата о встрече, например, с Дамианом.

ки из двухтомной «*Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs*» Белена де Баллю (1813), а письма Плиния если и читал, навряд ли ими руководствовался; у Мицкевича было хорошее классическое образование, он мог читать то и другое, однако для собственных импровизаций от подобного чтения никакой пользы нет. Интереснее, что Вяземский, не только тонкий знаток и ценитель, но и сам одаренный поэт и прозаик, хоть и дает поэзии преимущество перед прозой, что для его времени традиционно, способность Мицкевича импровизировать прозой ставит в зависимость от его способности импровизировать стихами, мало того, прозаическую его импровизацию называет «извержением поэзии» (с «изрыганием» Элия Аристиды различие тут только оценочное), а ведь связь софистической импровизации с поэзией отмечена и в «Жизнях софистов», особенно в связи со старшими импровизаторами, Никетом и Скопелианом.

Дар импровизировать стихами был у Мицкевича от рождения (по-другому не бывает) и развивал он его с юных лет, но импровизацию нестихотворную освоил к случаю – просто чтобы порадовать не знавших по-польски друзей. Вернее всего сравнить его с Горгием, который, если верить Филострату, тоже стал говорить без подготовки *ad hoc* и тоже был не только импровизатором и даже в основном не импровизатором, хотя и создал традицию софистической импровизации. Мицкевич, однако, никакому Алкидаманту свое искусство не передал и, похоже, использовал его лишь за невозможностью импровизировать стихами – тем нагляднее демонстрирует его пример, что нестихотворная (софистическая) импровизация всегда более или менее одинакова и производит на слушателей одинаково неизгладимое впечатление, о котором мы знаем только из сторонних отзывов, потому что искусство это умирает вместе с голосом, оставляя по себе, как верно заметил Вяземский, долгую память, хотя «за неимением положительных следов, впечатления не передаваемы».

СОКРАЩЕНИЯ

Корпусы, сборники, журналы

ИЯКФ – Индоевропейское языкознание и классическая филология

AE – L'Année épigraphique

AnOx – Anecdota Graeca e codd. manuscriptis Bibliothecarum Oxoniensium, ed. J. A. Cramer. Oxford, 1835–37.

ANRW – Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin & NY, 1972–.

ArtScript – Artium Scriptores: Reste der voraristotelischen Rhetorik, ed. L. Radermacher. Wien, 1951.

AvP – Altertümer von Pergamon. Berlin, 1890–2001.

BCH – Bulletin de correspondance hellénique

BE – Bulletin épigraphique

BICS – Bulletin of the Institute of Classical Studies

BMCRev – Bryn Mawr classical review

ClAnt – Classical antiquity

CAF – Comicorum Atticorum Fragmenta, ed. T. Kock. Leipzig. 1880–88.

CIG – Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin. 1828–77.

CPG – Corpus Pseudoepigraphorum Graecorum, edd. E. L. Leutsch et F. W. Schneidewin. Göttingen. 1839–51.

CPh – Classical Philology

CQ – Classical Quarterly

DNP – Der Neue Pauly. Stuttgart. 1996–.

FD – Fouilles de Delphes

- FGrH – Fragmente der Griechischen Historiker. Berlin. 1923–.
- GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
- HSPh – Harvard Studies in Classical Philology
- IEG – Iambi et elegi Graeci, ed. M. L. West, 2nd edition. Oxford. 1989–92.
- IEphes – Die Inschriften von Ephesos. Bonn. 1979–84.
- IErythrai – Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. Bonn. 1972–73.
- IG – Inscriptiones Graecae. Berlin. 1873–.
- IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris. 1901–27.
- ISmyrna – Die Inschriften von Smyrna. Bonn. 1982–90.
- JHS – The Journal of Hellenic Studies
- NSA – Notizie degli Scavi di Antichità
- OGIS – Orientis Graeci Inscriptiones Selectae, ed. W. Dittenberger. Leipzig. 1903–05.
- P&P – Past & Present
- PCG – Poetae Comici Graeci, edd. R. Kassel et C. Austin. Berlin & New York. 1983–2001.
- PIR² – Prosopographia Imperii Romani. 2. Auflage. Berlin. 1933–2015.
- PMG – Poetae Melici Graeci, ed. D. L. Page. Oxford. 1962.
- POxy – The Oxyrhynchus Papyri. London. 1898–.
- RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. 1890–1978.
- REG – Revue des études grecques
- RhG – Rhetores Graeci, ed. E. C. Walz. Stuttgart. 1832–36.
- RhM – Rheinisches Museum für Philologie
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum
- Syll³ – Sylloge Inscriptionum Graecarum, ed. W. Dittenberger, 3. Auflage. Leipzig. 1915–24.
- TrGF – Tragicorum Graecorum Fragmenta. Göttingen. 1971–2009.

СОКРАЩЕНИЯ

WS – Wiener Studien

YCIS – Yale classical studies

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Авторы¹ и произведения

Acta – *Acta apostolorum*

Ael. – Aelianus

Nat. Anim. – *De natura animalium*

Var. Hist. – *Varia historia*

Aesch. – Aeschylus

Agam. – Agamemnon

Eum. – Eumenides

Aeschin. – Aeschines

Alcid. – Alcidamas (ArtScript, pp. 135–147)

Alciph. – Alciphron

Amm. – Ammianus Marcellinus

Anacr. – Anacreon (PMG, pp. 171–235)

Anth. – *Anthologia Graeca*

Antiph. – Antiphanes (CAF, vol. II, pp. 12–135)

Apollod. – Apollodorus

App. Anth. – *Appendix Anthologiae Graecae*

Ap. Rh. – Apollonius Rhodius

Arist. – Aristoteles

Anal. Post. – *Analytica posteriora*

Athen. Polit. – Ἀθηναίων πολιτεία

¹ При ссылке на произведения Филострата (см. под “Philostr.”) автор обычно не указывается.

Hist. Anim. – Historia animalium

Poet. – Poetica

Polit. – Politica

Probl. – Problemata

Rhet. – Rhetorica

Soph. El. – Sophistici elenchi

Aristid. – Aristides

Or. – Orationes (номера речей по Диндорфу и номера страниц по Джеббу)

Aristoph. – Aristophanes (фрагменты – PCG, vol. III.2)

Av. – Aves

Nub. – Nubes

Plut. – Plutus

Ran. – Ranae

Th. – Thesmophoriazusae

Vesp. – Vespae

Artem. – Artemidorus

Athen. – Athenaeus

Athenag. – Athenagoras

Legat. – Legatio pro Christianis

Call. – Callimachus

Del. – Hymnus in Delum

Epigr. – Epigrammata

Iamb. – Iambi

Iov. – Hymnus in Iovem

Calp. – Calpurnius Flaccus

Cass. D. – Cassius Dio

Cert. Hom. et Hes. – *Certamen Homeri et Hesiodi*

Choric. – Choricus Gazaeus

Cic. – Cicero

Arch. – Pro Archia

СОКРАЩЕНИЯ

- De orat. – De Oratore
Fam. – Epistulae ad familiares
Nat. Deor. – De natura deorum
Orat. – Orator
- Cratin. – Cratinus (CAF, vol. I, pp. 11–130)
- Dem. – Demosthenes
- Dicaearch. – Dicaearchus
- Digest. – *Digesta Iustiniani*
- Din. – Dinarchus
- Dio Chr. – Dio Chrysostomus
- Diod. – Diodorus Siculus
- Diog. La. – Diogenes Laertius
- Dion. Hal. – Dionysius Halicarnassensis
- Comp. – De compositione verborum
Dem. – De Demosthenis dictione
Pomp. – Epistula ad Pompeium Geminum
- Enn. – Ennius
- Epist. Ap. – *Epistulae Apollonii*
- Eunap. – Eunapius
- VS – Vitae sophistarum
- Eup. – Eupolis (CAF, vol. I, pp. 258–369)
- Eur. – Euripides
- Bacch. – Bacchae
Heraclid. – Heraclidae
Herc. Fur. – Hercules Furens
Iph. Aul. – Iphigenia Aulidensis
Phoen. – Phoenissae
Rhes. – Rhesus
- Euseb. – Eusebius
- Praep. Ev. – Praeparatio Evangelica

Vit. Const. – Vita Constantini

Eusth. – Eustathius

Od. – Commentarii ad Homeri Odysseam

Front. – Fronto

Amic. – Epistulae ad amicos

Antonin. Imp. – Epistulae ad Antoninum Imperatorem

Graec. – Epistulae Graecae

M. Caes. – Epistulae ad Marcum Caesarem

Ver. Imp. – Epistulae ad Verum Imperatorem

Gal. – Galenus

Gell. – Aulus Gellius

Hdt. – Herodotus

Heliod. – Heliodorus

Hermog. – Hermogenes

Id. – Περὶ ἰδεῶν λόγου

Inv. – Περὶ εὐρέσεως

Stat. – Περὶ στάσεων

Herod. – Herodianus

Hes. – Hesiodus

Op. – Opera et dies

Theog. – Theogonia

Hippocr. – Hippocrates

Loc. Hom. – De locis in homine

Hippon. – Hipponax (IEG, vol. I, pp. 109–171)

Hom. – Homerus

Il. – Ilias

Od. – Odyssea

Hor. – Horatius

Epist. – Epistulae

СОКРАЩЕНИЯ

- Sat. – Saturae
- Hymn. Hom. – *Hymni Homerici*
- Ioan. – *Evangelium secundum Ioannem*
- Isocr. – Isocrates
- Iul. – Iulianus
- Gal. – Contra Galilaeos
- Iuv. – Iuvenalis
- Lact. – Lactantius
- Div. Inst. – Divinae institutiones
- Lib. – Libanius
- Or. – Orationes
- Luc. – Lucianus
- Dem. Enc. – Demosthenis encomium
- Demon. – Demonax
- Eun. – Eunuchus
- Herm. – Hermotimus
- Hist. Conscr. – Quomodo historia conscribenda sit
- Iud. – Iudicium vocalium
- Iupp. Trag. – Iuppiter Tragoedus
- Peregrin. – De morte Peregrini
- Pseudol. – Pseudologista
- Rh. Pr. – Rhetorum praeceptor
- Saltat. – De saltatione
- Lys. – Lysias
- Marcellin. – Marcellinus
- Vit. Thuc. – Vita Thucydidis
- Marm. Par. – *Marmor Parium*
- Mc. – *Evangelium secundum Marcum*
- Men. – Menander
- Misum. – Misumenus (нумерация по изданию Зандбаха)

Mt. – *Evangelium secundum Matthaeum*

Paus. – Pausanias

Philostr. – Philostrati

Dial. – *Dialexeis*

Epist. – *Epistulae*

Im. – *Imagines*

Her. – *Heroicus*

VA – *Vita Apollonii*

VS – *Vitae sophistarum*

Phot. – Photius

Bibl. – *Bibliotheca*

Pind. – Pindarus (нумерация фрагментов по изданию Мелера)

Nem. – *Nemea*

Plat. – Plato

Cri. – *Crito*

Euth. – *Euthydemus*

Grg. – *Gorgias*

Hp. Ma. – *Hippius Maior*

Leg. – *Leges*

Men. – *Menexenus*

Phaedr. – *Phaedrus*

Polit. – *Politicus*

Prt. – Protagoras

Resp. – *Respublica*

Smp. – *Symposium*

Sph. – *Sophista*

Tht. – *Theaetetus*

Tim. – *Timaeus*

Plat. Com. – Plato Comicus (CAF, vol. I, pp. 601–667)

Plin. – Plinius Iunior

Epist. – *Epistulae*

Plin. Nat. – Plinius Maior

СОКРАЩЕНИЯ

Plut. – Plutarchus

Adul. Am. – De adulatore et amico

Adv. Col. – Adversus Colotem

Ant. – Antonius

Arist. – Aristides

Brut. – Brutus

Caes. – Caesar

Cat. Min. – Cato Minor

Dem. – Demosthenes

Per. – Pericles

Praec. Ger. Reip. – Praecepta gerendae reipublicae

Quaest. conv. – Quaestiones convivales

Sol. – Solon

Them. – Themistocles

Thes. – Theseus

Polyaen. – Polyaenus

Polyb. – Polybius

Prop. – Propertius

Quint. – Quintilianus

Inst. – Institutio oratoria

Rhet. Her. – *Rhetorica ad Herennium*

Schol. Arph. – *Scholia in Aristophanem*

Schol. Hom. – *Scholia in Homerum*

Schol. Ov. – *Scholia in Ovidium*

Schol. Pind. – *Scholia in Pindarum*

Schol. Plat. – *Scholia in Platonem*

Sen. Rh. – Seneca Rhetor

Controv. – Controversiae

Sext. Emp. – Sextus Empiricus

Math. – Adversus Mathematicos

SHA – *Historia Augusta*

Alex. – Alexander Severus

Avid. Cass. – Avidius Cassius

Carac. – Caracalla

Gord. – Gordianus

Heliog. – Heliogabalus

Marc. – Marcus Antoninus

Ver. – Verus

Sopat. – Sopater

Proleg. Aristid. – Prolegomena in Aristidem (Aristides, ed. Dindorf, vol. III)

Soph. – Sophocles

El. – Electra

Oed. Col. – Oedipus Coloneus

Strab. – Strabo

Stratt. – Strattis (CAF, vol. I, pp. 711–733)

Sud. – *Suda*

Suet. – Suetonius

Dom. – Domitianus

Vesp. – Vespasianus

Syn. – Synesius

Syrian. – Syrianus

Hermog. – In Hermogenem commentaria

Tac. – Tacitus

Dial. – Dialogus de oratoribus

Ter. – Terentius

Eun. – Eunuchus

Hec. – Hecyra

Them. – Themistius

СОКРАЩЕНИЯ

Or. – Orationes (нумерация по изданию Ардуэна)

Theocr. – Theocritus

Theophr. – Theophrastus

Char. – Characteres

Thgn. – Theognis

Thuc. – Thucydides

Tib. – Tibullus

Timocr. – Timocreon (IEG, vol. II, p. 169)

Val. Max. – Valerius Maximus

Vit. Dec. Orat. – *Vitae Decem Oratorum*

Xen. – Xenophon

 Cyn. – Cynegeticus

 Cyr. – Institutio Cyri

 Hell. – Historia Graeca

 Mem. – Memorabilia

 Oec. – Oeconomicus

Zen. – Zenobius

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания и переводы¹

- Aldus* 1503: Luciani opera. Icones Philostrati. Eiusdem Heroica. Eiusdem uitae Sophistarum. Icones Iunioris Philostrati. Descriptiones Callistrati. Venezia.
- Aldus* 1522: Luciani opera. Icones Philostrati. Eiusdem Heroica. Eiusdem uitae Sophistarum. Icones Iunioris Philostrati. Descriptiones Callistrati (repr.). Venezia.
- Bonfinus* 1516: Flavii Philostrati de Vitis Sophistarum Libri duo. [Strasbourg].
- Iunta F.* 1517: Icones Philostrati. Philostrati iunioris Icones. Eiusdem Heroica. Descriptiones Callistrati. Eiusdem uitae sophistarum. Firenze.
- Iunta L.* 1535: Imagines Philostrati. Ejusdem Heroica. Ejusdem Vitae Sophistarum. Imagines Iunioris Philostrati. Descriptiones Callistrati. Venezia.
- Sessa M.* 1550: Philostrati imagines. Eiusdem Heroica. Eiusdem uitae Sophistarum. Philostrati Iunioris Imagines. Callistrati Descriptiones. Venezia.
- Brodersen K.* 2014: Philostratos: Leben der Sophisten. Wiesbaden.
- Brussich G. F.* 1989: Flavio Filostrato. Vite dei Sofisti. Palermo.
- Christian A. H.* 1855: Flavius Philostratus, des Aeltern, Werke. Siebentes Bändchen. Lebensbeschreibungen der Sophisten. Stuttgart.
- Civiletti M.* 2002: Filostrato. Vite dei sofisti. Testo greco a fronte. Introduzione, traduzione e note. Milano.

¹ В этом разделе учтены только полные издания и полные переводы «Жизней софистов»; работы, связанные с какой-то частью текста, отнесены в раздел «Использованная литература».

- Giner Soria M. C.* 1982: Filóstrato el Ateniese. Vidas de los Sofistas. Introducción, traducción y notas. Madrid.
- Kayser C. L.* 1838: Flavii Philostrati Vitae Sophistarum. Textum ex codd. Romanis, Florentinis, Venetis, Parisinis, Londinensibus, Mediolanensi, Hauniensi, Oxoniensi, Gudiano, Heidelbergensi recensuit Epitomam Romanam et Parisinam ineditas adiecit commentarium et indices concinnavit Carolus Ludovicus Kayser. Heidelberg.
- Kayser C. L.* 1844: Flavii Philostrati quae supersunt, Philostrati Junioris Images, Callistrati Descriptiones. Zürich.
- Kayser C. L.* 1871: Flavii Philostrati opera auctiora. Accedunt Apollonii Epistolae, Eusebius adversus Hieroclem, Philostrati Junioris Images, Callistrati Descriptiones. Vol. II. Leipzig.
- Lancetti V.* 1831: Le opere dei due Filostrati. Milano.
- Morellus F.* 1608: Philostrati Lemnii Opera quae exstant. Philostrati iunioris Images, et Callistrati Ecphrases. Item Eusebii Caesariensis Episcopi liber contra Hieroclem. Graeca Latinis e regione posita. Paris.
- Olearius G.* 1709: Philostratorum quae supersunt omnia. Leipzig.
- Prosdocimi M.* 1989: Flavio Filostrato. Le Vite dei Sofisti, traduzione e introduzione alla nuova sofistica. Bologna.
- Seybold D. C.* 1777: Die Werke der Philostrate. Aus dem Griechischen übersetzt. Lemgo.
- Szarmach M.* 2008: Flawiusz Filostratos: Żywoty sofistów. Toruń.
- Westermann A.* 1849: Philostratorum et Callistrati opera. Paris.
- Wright W. C.* 1922: Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists. With an English translation. London, NY.

Использованная литература

- Астахова А. М.* 1948: Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск.
- Астахова А. М.* 1966: Былины: Итоги и проблемы изучения. М., Л.
- Белоусов А. В.* 2012: Флавий Филострат в религиозном контексте своего времени. М.

- Беневич Ф. и др. 2008: Флавий Филострат. Жизнь Герода. Перевод с древнегреческого и комментарий Ф. Беневича, А. Ветушко-Калевича и А. Резниковой. Редакция и вступительная заметка Е. Г. Рабинович // Абарис. 9. С. 48–57.
- Беневич Ф. и др. 2012: Из «Жизней софистов» Флавия Филострата. Предисловие Е. Г. Рабинович. Пер. с древнегреческого и коммент. Ф. Г. Беневича, А. А. Ветушко-Калевича, А. А. Кладовой // Arbor Mundi. 19. С. 103–123.
- Вяземский П. А. 1984: Мицкевич о Пушкине // П. А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. М. С. 271–296.
- Гильфердинг А. Ф. 1949–1951: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Тт. 1–3. Изд. 4-е. М., Л.
- Егунов А. Н. 1960: Филострат. Жизнеописания софистов // Поздняя греческая проза. Переводы с древнегреческого под редакцией М. Грабарь-Пассек. Составление, вступительная статья и примечания С. Поляковой. М. С. 503–508.
- Жирмунский В. М. 1974: Тюркский героический эпос. Л.
- Квятковский А. П. 1966: Поэтический словарь. М.
- Кондратьев С. П. 1936: Филострат (Старший и Младший). Картины. Каллистрат. Статуи. М.
- Махлаюк А. В. 2013: Флавий Филострат. Жизнеописания софистов (I, 1–18). Перевод и комментарии // Новый Гермес. 6. С. 154–197.
- Миллер Т. А. 1964: Филострат. Жизнеописания софистов // Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V века. Ответственный редактор М. Л. Гаспаров. М. С. 168–176.
- Москвин А. Ю. 2003: Большой словарь иностранных слов. М.
- Пиндар. Вакхилид 1980: Оды. Фрагменты. Пер. М. Л. Гаспаров. М.
- Рабинович Е. Г. 2010: Латынь по-гречески // ИЯКФ. XIV (2). С. 267–287. (http://iling.spb.ru/comparativ/mater/tronsky2010/tronsky2010_02.pdf)
- Рабинович Е. Г. 2012: «Всея Руси самодержец» // ИЯКФ. XVI. С. 698–712. http://gefeter.ru/archive/10499_
- Ameling W. 1983: Herodus Atticus, 2 vols. // Subsidia Epigraphica 11. Hildesheim.

- Anderson G.* 1986: *Philostratus: Biography and Belles Lettres in the Third Century A.D.* London, Sidney, and Dover, New Hampshire.
- Anderson G.* 1993: *The Second Sophistic: A Cultural Phenomenon in the Roman Empire.* London, NY
- Avotins I.* 1978: The Date and the Recipient of the «*Vitae sophistarum*» of Philostratus // *Hermes.* 106. P. 242–247.
- Belin de Ballu J.N.* 1813: *Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs. Contenant la Vie des Orateurs, Rhéteurs, Sophistes et principaux Grammairiens grecs qui ont fleuri depuis l'origine de l'Art, jusques au troisième siècle après J.-C., avec des remarques historiques et critiques.* TT. 1–2. Paris.
- Billant A.* 2000: *L'univers de Philostrate* // *Collection Latomus* 252. Bruxelles.
- Bompaire J.* 1958: *Lucien écrivain: imitation et création.* Paris.
- Blomqvist J.* 2010: Begreppet sofist inom andra sofistiken // *Platonselskabet Acta.* Aigis 10.2 supplement. S. 1–20.
- Bourquin E.-J.* 1880: *Vies des Sophistes de Philostrate. Extraits d'une traduction nouvelle* // *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France.* 14. P. 117–161.
- Bourquin E.-J.* 1881: *Vie de Polémon. Extraits de la traduction des Vies des Sophistes, de Philostrate* // *Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France.* 15. P. 1–29.
- Bowersock G. W.* 1969: *Greek Sophists in the Roman Empire.* Oxford.
- Bowersock G. W.* 2011: Review of Bowie and Elsner (2009) // *JHS.* 131. P. 197–199.
- Bowie E.* 1970: *Greeks and Their Past in the Second Sophistic* // *P&P.* 46. P. 3–41.
- Bowie E.* 1982: The Importance of Sophists // *YCIS.* 27. P. 29–59.
- Bowie E.* 2009: *Philostratus: The life of a sophist* // E. Bowie, J. Elsner (eds.) *Philostratus.* Cambridge. P. 18–32.
- Brunt P.* 1994: The Bubble of the Second Sophistic // *BICS.* 39. P. 25–52.
- Bücheler F.* 1906: Ein paar Namen und Personen // *RhM.* 61. S. 625–628.

- Castelli C.* 2006: Karl Ludwig Kayser e le «Vitae Sophistarum» di Filostrato: (con una lettera inedita di F. Jacobs a K. L. Kaiser) // *Acme*. 59. P. 37–53.
- Cobet C.* 1873: *Ad Philostrati Vitas Sophistarum et Heroica* // *Mnemosyne*. 1. P. 209–232.
- Cohn H.* 1905: *Antipater von Tarsos*. Berlin.
- Côté D.* 2005: La figure d'Eschine dans les Vies des sophistes de Philostrate // *Cahiers des études anciennes*. 42. P. 389–420.
- Côté D.* 2006: Les deux sophistiques de Philostrate // *Rhetorica*. 24. P. 1–35.
- Drerup E.* 1908: *Herōdū Peri politeias: ein politisches Pamphlet aus Athen 404 vor Chr.* Paderborn.
- Elsner J.* 2009: A Protean Corpus // E. Bowie, J. Elsner (eds.) *Philostratus*. Cambridge. P. 3–18.
- Enßlin W.* 1954: Praefectus praetorio // *RE* XXII.2. Sp. 2391–2502.
- Eshleman K.* 2008: Defining the Circle of Sophists: Philostratus and the Construction of the Second Sophistic // *CPh*. 103. P. 395–413.
- Eshleman K.* 2012: *The Social World of Intellectuals in the Roman Empire*. Cambridge.
- Flinterman J.-J.* 1995: *Power, Paideia and Pythagoreanism*. Amsterdam.
- Follet S.* 1976: *Athènes au IIe et IIIe siècles: études chronologiques et prosopographiques*. Paris.
- Goldhill S.* (ed.) 2001: *Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire*. Cambridge.
- Groag E.* 1902: Cn. Claudius Severus und der Sophist Hadrian // *WS*. 24. S. 261–264.
- Groningen B.A. van* 1965: General Literary Tendencies in the Second Century // *Mnemosyne*. 18. P. 41–56.
- Hirzel R.* 1895: *Der Dialog, ein literarhistorische Versuch*. B. II. Leipzig.
- Jacobs F.* 1831–32: *Lectiones memorabiliores in Philostrati Vitis Sophistarum ex Cod. Guelph. 25 additis nonnullis ex Parisino 1696 excerptis* // *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*. 1. Supplementband. S. 307–343.

- Jahnus A.* 1837: *Symbolae ad emendandum et illustrandum Philostrati librum de Vitis Sophistarum.* Bern.
- Jones C. P.* 1972: Two enemies of Lucian // *GRBS.* 13. P. 475–487.
- Kayser C. L.* 1831: *Notae criticae in Philostrati Vitas Sophistarum.* Heidelberg.
- Kemezis A.* 2014: *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans.* Cambridge.
- Korenjak M.* 2000: *Publicum und Redner.* München.
- Koumanoudis S. N.* 1966: Ἐπιγραφαὶ ἀνέκδοτοι καὶ παρατηρήσεις εἰς ἐκδεδομένας // Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον. 21a. P. 134–150.
- Kuhn E.* 1864: *Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians.* Bd. I. Leipzig.
- Lannoy L. de* 1997: Le problème de Philostrate (État de question) // *ANRW.* II 34.3. S. 2362–2449.
- Lausberg H.* 1960: *Handbuch der literarischen Rhetorik.* Bd 1–2. München.
- Levick D.* 2007: *Julia Domna, Syrian Empress.* London, NY
- Lord A. B.* 1960: *The Singer of Tales.* Cambridge, Mass.
- Lord A. B.* 1991: *Epic Singers and Oral Tradition.* Ithaca.
- Momigliano A.* 1993: *The Development of Greek Biography.* Cambridge, Mass.
- Müller H.* 1968: Marcus Aurelius Olympiodorus, ἔκγονος Ἰπποδρόμου // *ZPE.* 3. P. 197–220.
- Münscher K.* 1907: *Die Philostrate* // *Philologus.* Suppl. 10.4. Leipzig. S. 469–558.
- Naechster M.* 1908: *De Pollucis et Phrynichi controversiis.* Leipzig.
- Nutton V.* 1970: Herodes and Gordian // *Latomus.* 29. P. 719–728.
- Parry M.* 1930: *Studies in the Epic, Technique of Oral Verse-Making.* 1: Homer and Homeric Style // *HSPH.* 41. P. 73–147.
- Penella R. J.* 2009: *Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricius of Gaza's Preliminary Talks and Declamations.* Cambridge.
- Penella R. J.* 2015: *Declamation and Extempore Speech as Hallmarks of Philostratus's Second Sophistic* // *The Many Facets of the Second Sophistic.* Colloquium at the University of Gothenburg. Oct. 23–25, 2015.
- Pouilloux J.* 1967: Une famille des sophistes thessaliens à Delphes au IIe s. ap. J.C. // *REG.* 80. P. 379–384.

- Puech B.* 2002: Orateurs et sophistes grecs dans les inscriptions d'époque impériale. Paris.
- Reardon B.* 1971: Courrant littéraires grecs des II et III siècles après J.-C. Paris.
- Reichl K.* 1992: Turkic Oral Epic Poetry: Traditions, Forms, Poetic Structure. NY, London.
- Richards H.* 1909: Notes on the Philostrati // CQ. 3. P. 104–109.
- Rife J. L.* 2009: The Deaths of the Sophists: Philostratean Biography and Elite Funerary Practices // E.Bowie, J. Elsner (eds.). Philostratus. Cambridge. P. 100–28.
- Rohde E.* 1886: Die asianische Rhetorik und die zweite Sophistik // RhM. 41. S. 170–189.
- Rothe S.* 1989: Kommentar zu ausgewählten Sophistenviten des Philostratos. Die Lehrstuhlinhaber in Athen und Rom. Berlin, Heidelberg.
- Russel D. A.* 1984: Greek Declamation. Cambridge.
- Sboronos G.* 1889: Νομισματικὰ ἀνάλεκτα // Ἑφημερίς ἀρχαιολογική. 7. P. 69–116.
- Schenkl K.* 1892: Valckenarii animadversiones in Philostratos // WS. 14. S. 267–277.
- Schenkl K.* 1893: Ioannis Iacobi Reiskii animadversiones in Philostratos // WS. 15. S. 116–127, 200–208.
- Schmid W.* 1886: Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionisius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus. B. 4. Stuttgart.
- Schmitz T.* 1997: Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik. München.
- Schmitz T.* 2002: S. Goldhill (ed.). Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire. Cambridge Univ. Pr. 2001 // BMCRev. <http://bmcr.brynawr.edu/2002/2002-02-22.html>
- Solmsen F.* 1941: Philostratos // RE XX.1. Sp. 124–177.
- Stefec R.* 2010: Zur Überlieferung und Textkritik der Sophistenviten Philostrats // WS 123. S. 63–93.
- Swain S.* 1989: Favorinus and Hadrian // ZPE. 79. P. 150–158.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Swain S.* 1991: The Reliability of Philostratus' «Lives of the Sophists»// *ClAnt.* 10. P. 148–163.
- Swain S.* 1996: *Hellenism and Empire: Language, Classicism and Power in the Greek World AD 50–250.* Oxford.
- Traill J. S.* 1971: Greek Inscriptions Honoring Prytaneis // *Hesperia.* 40. P. 308–329.
- Traill J. S.* 1982: Prytany and Ephebic Inscriptions from the Athenian Agora // *Hesperia.* 51. P. 197–235.
- Vollgraff W.* 1904: Inscriptions d'Argos, №6 // *BCH.* 28. P. 421–424
- Whitmarsh T.* 2001: *Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation.* Oxford.
- Whitmarsh T.* 2005: *The Second Sophistic, Greece and Rome.* Oxford.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von* 1900: Asianismus und Atticismus // *Hermes.* 35. S. 1–52.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

Абдеры – греческий город во Фракии: I. 10. 494

Аврелий – софист: II. 33. 627

Автоликиф – раб-индус, завещанный Фаворином Героду: I. 8. 490

Агафион – аттический полубог, знакомец Герода: II. 1. 553–554

Агафон (ок. 448 – ок. 405 до н.э.) – трагический поэт: I. 9. 493

Агриппеон (известнее как Одеон) – построен в нач. I в. н.э. для музыкальных состязаний; использовался также для выступлений софистов: II. 5. 571; 9. 580

Адриан (76 – 138 н.э.) – Публий Элий Траян Адриан, с 117 император: I. 8. 489; 22. 524; 24. 530; 25. 530, 531–533; II. 1. 548

Адриан Тирский – софист, ученик Герода: II. 10. 585–590; 11. 591; 12. 592; 18. 598; 19. 600; 20. 601; 21. 603–604; 23. 605; 24. 607; 26. 615; 29. 621

Адрианы (Адрианополь) – город в Мисии: II. 9. 581

Азия – континент: I. 3. 485; 17. 504

Азия – Малая Азия: I. 18. 507, 509; 19. 512; 21. 515, 520; 25. 531, 534; II. 1. 548, 554; 8. 579; 9. 581; 18. 598; 24. 606; 29. 621

Академия – часть СЗ пригорода Афин, где с 387 до н.э. размещалась школа Платона: I. 1. 484; 3. 485; II. 1. 549; 22. 604; 30. 623

¹ *Жирным курсивом* выделены имена софистов, чьи биографии содержатся в VS; *простым курсивом* в этих же статьях – отсылки к книге, главе и страницам соответствующей биографии.

- Акарнания* – страна на западе Средней Греции: II. 1. 554
- Аквила* – софист, ученик Хреста: II. 11. 591
- Акрагант* – город на юге Сицилии: I. 13. 496
- Александр Великий* (356 – 323 до н.э.) – сын Филиппа, с 336 царь македонян: I. 18. 509; II. 1. 538, 557; 9. 584; 15. 596; 27. 620
- Александр Селевкийский* – софист, ученик Фаворина: II. 5. 570–576
- Александр Каппадокийский* – был известен памятью: II. 27. 618
- Алкивиад* (450 – 404 до н.э.) – афинский политик и полководец, знаменитый красотою и молодчеством: I. 9. 492; 15. 498
- Алкимедонт* – отпущенник и доверенное лицо Герода: II. 1. 555, 560–561
- Алкиной* (II в. н.э.) – автор сохранившегося до наших дней «Учебника Платоновой философии»: I. 24. 528
- Алкмеон* – фиванский герой, убивший свою мать Эрифилу: I. 481
- Алоады* – великаны От и Эфиальт, пытавшиеся низвергнуть Олимпийских богов и успевшие пленить Ареса: II. 1. 547
- Альпы* – I. 19. 511
- Амалфеи рог* – рог изобилия, подаренный Зевсом вскормившей его на Крите нимфе Амалфее: I. 7. 487
- Амастрида* – город на понтийском побережье М. Азии: II. 11. 591
- Аммоний Перипатетик* – знаменитый эрудит, один из учителей Плотина: II. 27. 618
- Амфикл* – ученик Герода: II. 8. 578; 10. 585–586
- Амфиктионы* – союз греческих племен, обитавших близ Пифийского святилища и объединявшихся как для его защиты, так и для устройства Игр: II. 27. 616
- Амфион* – сын Зевса и Антиопы, пением воздвигнувший стены Фив: II. 27. 618
- Амфиполь* – греческий город на сев. берегу Эгейского моря: I. 18. 508; II. 1. 565

Амфисса – город в Локриде Озольской, на границе с Фокидой: I. 18. 510

Амфитрита – супруга Посейдона: II. 1. 551

Анаксагор (ок. 500 – 428 до н.э.) – философ, уроженец Клазомен, при Перикле жил в Афинах: I. 21. 517

Андокид (ок. 440 – ок. 390 до н.э.) – афинский оратор, причисленный к «Канону десяти», т.е. к десяти лучшим аттическим ораторам: II. 1. 564

Андрос – остров в Эгейском море: II. 18. 598

Антиохия – столица Сирии на берегу Оронта: 479; II. 5. 571, 574

Антиох из Эг – софист: II. 4. 568–570; II. 5. 574; 7. 577

Антипатр Гиераполитанский (ок. 144 – 212 н.э.) – софист, близкий к двору Северов, один из учителей Филострата: II. 24. 606–607; II. 25. 610; 26. 614

Антифонт – афинянин, обвиненный Демосфеном, что обещал Филиппу Македонскому поджечь афинские верфи: I. 18. 508

Антифонт Рамнусийский (ок. 480 – 411 до н.э.) – афинский ритор, причислен к «Канону десяти» (см. *Андокид*): I. 15. 498–500; 18. 508

Антонин (86 – 161 н.э.) – Тит Аврелий Фульв Бойоний Аррий *Антонин Пий*, с 138 император: I. 25. 533–534; II. 1. 554; 5. 570

Антонин (188 – 217 н.э.) – Марк Аврелий Север *Антонин Каракалла*, родной сын Септимия Севера, с 211 император: II. 30. 622; 24. 607; 32. 625–626

Аполлоний Афинский – софист: II. 20. 600–602

Аполлоний Навкратийский – софист, только в VS: II. 19. 599–600; II. 26. 613, 615

Аполлоний Тианский (I в. н.э.) – бродячий чудотворец, чье жизнеописание Филострат опубликовал ранее: I. 21. 521; II. 5. 570

Апсин Финикийский (чаще Гадарский) – софист, друг Филострата, сохранилось два его сочинения: II. 33. 628

Аравия – «Счастливая Аравия», на юге Аравийского п-ва: II. 5. 574

- Арасп* – персонаж «Киропедии» Ксенофонта, друг детства Кира: I. 22. 524
- Аргей* – вулкан в М. Азии: II. 13. 594
- Ардий* – ритор: I. 20. 513
- Арес* – бог войны: II. 1. 547
- Арелат* – совр. Арль, римская колония в устье Роны: I. 8. 489
- Ареопагиты* – судейская коллегия, заседавшая в Афинах на Ареевом холме, от которого и получила название: I. 18. 508
- Аримаспы* – сказочное племя одноглазых людей на дальнем СЗ: II. 9. 584
- Ариобарзан Киликийский* – софист: I. 19. 510
- Аристей* – знаток софистики: I. 22. 524
- Аристенет Византийский* – ученик Хреста: II. 11. 591
- Аристид* (ок. 530 – 467 до н.э.) – афинский политик, знаменитый справедливостью и нестяжательством: II. 29. 621
- Аристид Мисийский* (чаще Элий *Аристид*, 117 – ок. 187 н.э.) – знаменитый ритор и теоретик риторики, сохранилось ок. 50 его произведений: II. 9. 581–585; 23. 605
- Аристогитон* – друг Гармодия, вместе с ним убивший на Панафинях 514 до н.э. тирана Гиппарха: I.15.500
- Аристогитон* – афинский политический деятель времен Демосфена: II. 8. 580
- Аристокл Пергамский* – софист, ученик Герода: II. 3. 567–568; II. 9. 581; 14. 594; 16. 597; 17. 598; 26. 615
- Аркадия* – страна в центре Пелопоннеса: I. 22. 522; II. 5. 572; *аркадяне*: I. 22. 522
- Артабаз* – полководец Ксеркса: II. 5. 575
- Архидам* (ок. 400 – 338 до н.э.) – спартанский царь Архидам III, адресат речи Исократа: I. 17. 505
- Архилох* (VII в. до н.э.) – лирический поэт: II. 27. 620

- Асклепий* – бог врачевания: I. 25. 535; II. 4. 568; 25. 611; 26. 613
- Аспасий Равеннский* – софист, ученик Павсания: II. 33. 627–628
- Ассирия* – в римское время так называлась большая часть Ближнего Востока: I. 20. 512; II. 4. 568; *ассирийцы*: I. 21. 518
- Атенеум* – высшая греческая школа в Риме, создана ок. 135 Адрианом: II. 10. 589
- Атромет* (437 – 342 до н.э.) – отец Эсхина: I. 481; 18. 506
- Аттал* – сын Полемона: II. 25. 609–610
- Аттик* (ум. ок. 137) – Тиберий Клавдий *Аттик* Герод, афинский богач, отец софиста Герода: I. 21. 520; II. 1. 547–549, 566
- Аттик* – Тиберий Клавдий Брэдва *Аттик*, сын Герода: II. 1. 558
- Аттика* – страна на ЮВ Ср. Греции: I. 16. 501; II. 1. 562, 31. 624; *аттический* – I. 8. 490; 16. 503, 509; II. 1. 553; 3. 568; 12. 592; 14. 584; 15. 595; 31. 623
- Афина* – богиня войны и мудрости, покровительница афинян: I. 22. 525
- Афинодор Энский* – софист, только в VS: II. 14. 594–595
- Афины* – I. 484; 4. 486; 10. 494; 15. 498, 500; 16. 501; 17. 506; 18. 507–509; 21. 518, 520; 23. 526–527; 25. 533, 535–536, 539; II. 1. 545, 549–552, 562–566; 2. 566; 3. 568; 5. 571, 574; 8. 578, 580; 9. 581; 10. 585–588; 11. 591–592; 12. 593; 13. 594; 14. 594; 15. 595; 17. 597–598; 18. 598–599; 19. 599–600; 20. 600, 602; 21. 603; 22. 604; 24. 607; 26. 613; 27. 617; 30. 621–623; 33. 627–628; *афиняне*: I. 481–483; 2. 485; 8. 490; 9. 492–493; 10. 594; 12. 496; 15. 500; 16. 501–502; 17. 504–506; 18. 507–508, 510; 23. 526–527; 24. 529; 25. 535, 538; II. 1. 546–547, 549–551, 553, 557–561, 565; 2. 566; 3. 568; 5. 571–572, 574; 8. 579; 9. 584; 10. 586–587; 11. 591; 12. 593; 13. 594; 19. 600; 20. 600–601; 21. 603; 29. 621; 31. 624
- Афон* – гора на п-ве Халкидика: I. 6. 576
- Ахиллес* – в «Илиаде» первый из ахейских героев: I. 11. 495; 25. 536
- Ахиллес* – питомец Герода: II. 1. 558
- Аякс Великий* – ахейский герой, погибший при осаде Трои: I. 21. 520

Барбар – Марк Веттулен Цивика *Барбар*, консул 157 н.э.: I. 25. 537, 539

Бассей – Марк *Бассей* Руф, префект претория при Марке Аврелии: II. 1. 561

Беотия – страна к СЗ от Аттики: II. 1. 522, 551; *беотийцы*: I. 12. 496; 18. 508

Боспор (Боспорское царство) – на сев. берегу Понта: I. 25. 535

Брадва – Аппий Анний Атилиий *Брадва*, консул 160 н.э., шурина Герода: II.1.555

Вавилон – величайшая столица Месопотамии: I. 18. 509; II. 12. 593

Вакх – культовое имя Диониса: I. 19. 511; 21. 520

Вар – молодой богач, ученик Полемона; только в VS: I. 25. 540–541

Вар Лаодикейский – софист; II. 28. 620

Вар Пергейский – софист, ученик Кодратиона (Квадрата): II. 6. 576–577

Визант – легендарный основатель Византии: I. 24. 528

Византий – древняя мегарская колония на европейском берегу Пропонтиды: I. 482; 2. 484–485; 20. 514; 24. 529; II. 10. 588; 11. 590–591; 18. 599; 26. 616; 27. 616

Вифиния – страна на СЗ М. Азии: I. 25. 539; *вифинские племена*: II. 24. 607

Галатия – населенная кельтами (галатами) страна в центре М. Азии: II. 11. 591

Галаты – то же, что кельты, в VS жители Галлии: I. 8. 489

Гармодий – см. *Аристогитон*: I. 15. 500

Гарпал – казначей Александра Великого: I. 25. 543

Гелиодор – софист: II. 32. 625–627

Гелиос – бог солнца: II. 8. 580

- Геллеспонт* – совр. Дарданеллы: I. 1. 484; II. 6. 576; 17. 598
- Геордея* – местность в южной Македонии: II. 30. 622–623
- Геракл* – величайший из героев: I. 482; 12. 496; 17. 505
- Гераклея* – мегарская колония на Ю берегу Понта: I. 25. 536
- Гераклид* – иерофант в Элевсине: II. 20. 601
- Гераклид Ликийский* – софист, ученик Адриана и Хреста: I. 19. 512; II. 19. 599; 20. 600–601; 26. 612–615; 27. 617–618
- Гераклиды* – потомки Геракла: II. 1. 550
- Гермоген Тарсийский* – софист, теоретик риторики; сохранилось несколько его произведений: II. 7. 577–578
- Гермократ Фокейский* – софист, правнук Полемона, ученик Руфина: II. 25. 608–612
- Герод Аттик* (ок.95? – 177 н.э.) – Луций Вибуллий Гиппарх Тиберий Клавдий *Аттик Герод*, консул 143 н.э., центральная фигура Второй софистики: 479; I. 8. 490; 21. 520–521; 25. 536–539, 543; 26. 544; II. 1. 545–566; II. 2. 566; 3. 567–568; 5. 571–574; 8. 578–579; 9. 581; 10. 585–586; 11. 590, 592; 13. 594; 15. 595; 17. 598; 18. 598; 26. 615; 31. 625
- Геты* – фракийское племя, обитавшее по обоим берегам Истра: I. 7. 487–488
- Гиераполь* – город во Фригии: II. 24. 606
- Гиерон* – поселение на азиатском берегу Пропонтиды: I. 24. 528
- Гиперид* (390 – 322 до н.э.) – ритор, ученик Исократа, причислен к «Канону десяти» (см. *Андокид*); сохранилась одна его речь: I. 17. 506; II. 10. 588
- Гиппарх* – Тиберий Клавдий *Гиппарх* Аттик, дед *Герода*: II. 1. 547
- Гиппий Элейский* (V в. до н.э.) – софист, собеседник Сократа в нескольких диалогах Платона: I. II. 495–496; II. 21. 604
- Гипподром Фессалийский* – софист, учитель Филострата Лемноско-го: II. 11. 591; 27. 615–620; 30. 621; 33. 628
- Гиппократ* (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – основатель медицинской науки: I. 25. 536

Гиппоник – отец Каллия: II. 25. 610

Главк – иерофант в Элевсине: II. 20. 601

Гомер – автор «Илиады» и «Одиссеи»: 480; I. 20. 514; 25. 537, 542; II. 1. 559; 7. 577; 12. 593; 27. 620; 30. 622

Гомериды – рапсоды, возводившие свой род к Гомеру: I. 21. 518

Горгий Леонтинский (483 – 380 до н.э.) – философ-элеат, зачинатель софистики, в т.ч. софистической импровизации, собеседник Сократа; сохранились две его речи: I. 481–483; I. 9. 492–494; 13. 496; 16. 501–502; 17. 505; 21. 518, 520; II. 21. 604

Гордиан (159 – 238 н.э.) – Марк Антоний *Гордиан* Семпрониан Роман, в 237 проконсул Африки, в 238 император: 479

Грилл – отец Ксенофонта: I. 12. 496

Дамиан Эфесский – софист, ученик Аристида и Адриана: II. 23. 605–606; 9. 582–583

Дардан Ассирийский – софист, только в VS: II. 4. 568

Дарий (ок. 550 – 486 до н.э.) – *Дарий I* Ахеменид, с 522 персидский царь, первый начал воевать с греками: I. 21. 519; 25. 538, 541; II. 5. 575

Делос – остров посреди Эгейского моря: I. 18. 508, 510; 23. 527

Дельфийцы – жители Дельфов, города на ЮЗ склоне Парнаса, где находилось Пифийское святилище: II. 12. 593

Дельта – дельта Нила: II. 9. 582

Демад – афинский политик, противник Демосфена: I. 25. 538; II. 27. 620

Деметриан – грамматик, отец Аспасия: II. 33. 627

Демокрит (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – философ, основоположник атомизма: I. 10. 494; 25. 536

Демострат – Тит Клавдий *Демострат* Петилиан, обвинитель Герода, родственник Феодота: II. 1. 554–555, 559–560, 563; 2. 566

Демосфен (ок. 384 – 322 до н.э.) – вождь антимакедонской (проперсидской) партии; у аттикистов образец красноречия; сохранилось ок. 60 его речей и письма: I. 482–483; 2. 485; 7. 487–488; 17. 503–504; 18. 507–510; 22. 522; 25. 538–539, 542–543; II. 1. 565; 8. 580; 9. 584; 10. 588; 32. 626

Диас Эфесский – философ-платоник: I. 3. 485–486

Диоген Амастрианский – софист, ученик Хреста: II. 11. 591

Дионис – бог вина и виноделия: I. 18. 507; 25. 531, 549; II. 16. 596

Дион Хрисостом (ок. 40 – после 112 н.э.) – классик «философической риторики»; сохранилось до 70 его речей: I. 7. 487–488; 8. 490–491; 25. 539; II. 27. 620; 31. 624

Дионисии – празднества в честь Диониса в Афинах: I. 25. 549

Дионисий Милетский – софист, ученик Исея: I. 15. 500; 22. 521–526; 20. 513; II. 4. 568; 5. 576; 10. 590

Дионисий Сицилийский (ок. 430 – 367 до н.э.) – с 405 тиран Сиракуз: I. 15. 499–500

Диодот Каппадокийский – ученик Гипподрома: II. 27. 617

Домициан (51 – 96 н.э.) – Тит Флавий *Домициан*, с 81 император: I. 7. 488; 21. 520

Дорион – критик: I. 22. 525

Дропид – предок Крития: I. 16. 501

Евбея – остров в Эгейском море, рядом с Аттикой и Беотией: I. 6. 487; II. 1. 551

Евдемон – отец Элия Аристида, жрец Зевса: I. 9. 581

Евдокс Книдский – философ-пифагореец: I. 1. 484

Евмел – художник: II. 5. 570

Евдоиан Смирнский – софист, ученик Аристокла; только в VS: II. 16. 596–597

Еврипид (480 – 408 до н.э.) – трагический поэт: II. 13. 594; 27. 618

Европа – континент: I. 17. 504; II. 26. 613

Евфрат Тирский (ок. 40 – 119 н.э.) – софист и философ-стоик: I. 7. 488; 25. 536

Египет – 480; I. 1. 484; 5. 486; 22. 524; 25. 532; II. 5. 571; 9. 582; 15. 596; 21. 603; 26. 613; *египтяне*: I. 480; 21. 518; II. 9. 582; 11. 592; 26. 613

Елена – супруга Менелая, увезенная Парисом в Трою: 480; I. 15. 499; II. 5. 570

Зевксидем – отец Антипатра: II. 24. 606

Зевс (или *Зевес*) – глава Олимпийских богов: I. 481; 8. 489; 17. 504; 25. 533, 541; II. 1. 551, 557, 559; 4. 569; 25. 610

Зенон Афинский – софист, учитель Антипатра: II. 24. 607

Зефир – западный ветер: I. 16. 503; II. 9. 582

Иакинфии – ежегодный лаконский праздник в честь Аполлона Иакинфия: II. 12. 593

Ида – лесистая гора на СЗ М. Азии: II. 1. 554

Илисс – река в Аттике, протекающая через южную часть Афин: II. 1. 550

Индия – I. 8. 490; II. 27. 620; *индус*: I. 480; 8. 490

Иник – городок на Сицилии: I. 11. 495

Иония – страна на ЮЗ побережье М. Азии: I. 8. 490; 20. 513; 21. 516, 520; 25. 535–536; II. 5. 574; 8. 579; 9. 582, 585; 15. 598; 18. 598; 25. 612; 26. 613; 27. 617, 619; 33. 627; *ионийцы*: I. 21. 518–519; 25. 532, 540

Исагор – трагический поэт, ученик Хреста: II. 11. 591

Исей – ученик Исократа, причисленный к «Канону десяти» (см. *Андокид*); от него сохранилось десять речей: I. 17. 504

Исей Ассирийский – эфесский софист, учитель Дионисия и Лоллиана: I. 20. 512–514; 22. 522; 23. 527; 24. 528

Исократ (436 – 338 до н.э.) – классик аттического красноречия; сохранилось ок. 20 его речей и письма: I. 17. 503–506; 18. 509; II. 9. 584

Истр – Дунай: II. 1. 565; 5. 573, 575

Истм – Коринфский перешеек: I. 23. 526; II. 1. 551–552; *Истмийские игры* – устраивались коринфянами в честь Посейдона раз в два года: II. 12. 593

Италия – II. 1. 551, 555; 5. 576; 8. 581; 9. 582; 17. 598; 31. 625; *италийцы*: II. 33. 627

Каллесхр – философ, ученик *Хреста*: II. 11. 591

Каллий (455 – 371 до н.э.) – афинский аристократ и богач, друг софистов: II. 25. 610

Калликл – отец Вара Пергейского: II. 6. 576

Калликсен – афинский политик времен Пелопоннесской войны: II. 9. 584

Каллисто – внучка Полемона, мать Гермократа: II. 25. 610

Каноп – умерший в Египте кормщик Менелая: II. 1. 554

Канусий – город на ЮВ Италии: II. 1. 551

Каппадокия – горная страна в центре М. Азии: II. 13. 594; 27. 617–618; *каппадокийцы*: I. 21. 518; II. 13. 594

Кария – страна на ЮЗ М. Азии: I. 481–482; 25. 530; II. 26. 613; *карийцы*: I. 21. 518

Карнеад (214 – 129 до н.э.) – схолярх Академии: I. 4. 486

Кассиан – софист, недоброжелатель Филострата Лемносского: II. 33. 627

Кассий (ок. 130 – 175 н.э.) – полководец Марка, провозгласивший себя императором и убитый собственными воинами: II. 1. 563

Катания – город у подножия Этны: II. 27. 620

Квинтилии – братья *Секст Квинтилий* Кондиан и *Секст Квинтилий* Максим, консулы 151; ок. 170 совместно управляли «провинцией Ахайя» (Грецией): II. 1. 559; 9. 582

Квири *Никомедийский* – софист; только в VS: II. 29. 620–621

- Келер* – автор трактатов по риторике, учитель Марка: I. 22. 524
- Кельты* – племена, населявшие обширные территории на западе и в центре Европы и в центре М. Азии (см. *галаты*, *Галатия*): I. 19. 512; 25. 532; II. 1. 552; 5. 576; 32. 625
- Кеос* – остров в Эгейском море: I. 482; 12. 496
- Керамик* – квартал на СЗ Афин: II. 1. 549–550; 5. 571; 8. 578, 580
- Керсоблент* – полулегендарный вожь одрисов: II. 9. 584
- Кесария* – город в Каппадокии: II. 13. 594
- Кефиссия* – аттический дем (округ): II. 1. 562
- Киликия* – страна на ЮВ М. Азии: I. 19. 510; 4. 568; II. 5. 570; 8. 578
- Кима* – город в М. Азии неподалеку от Смирны: I. 17. 506
- Кимон* (504 – 449 до н.э.) – афинский полководец, воевавший с персами: II. 1. 546
- Кир* – софист: II. 23. 605
- Кирена* – греческий город в Африке: I. 19. 511
- Киррейская долина* – неподалеку от Пикийского святилища: I. 18. 510
- Кифер* – раб отца Скопелиана: I. 21. 517–518
- Клазомены* – город в Ионии, неподалеку от Смирны: I. 21. 516
- Климент Византийский* – трагический актер: II. 26. 616
- Клеопатра* (69 – 30 до н.э.) – последняя царица Египта: I. 5. 486
- Клепсидрион* – помещение для бесед Герода с учениками: II. 10. 585; 13. 594
- Книд* – город в Кари: I. 1. 484; II. 1. 564
- Коллит* – аттический дем (округ): II. 5. 574
- Кодратион* – Луций Станций *Квадрат*, консул 142 н.э., в 154/155 проконсул Азии: II. 6. 576
- Коммод* (161 – 192 н.э.) – Луций Элий Аврелий *Коммод*, родной сын Марка, со 180 император: II. 10. 589; 12. 593
- Копрей* – у Гомера сын Пелопа, глашатай Еврисфея: II. 1. 550

Коринф – город на Истме: II. 1. 551–552; 5. 573; *коринфяне*: II. 12. 593

Коринф – сын Зевса, основатель, первый царь и эпоним Коринфа: II. 25. 610

Кофокида – аттический дем: I. 18. 506

Крит – II. 4. 569

Критий (ок. 460 – 403 до н.э.) – афинский политик, поэт и оратор, один из «тридцати тиранов»: I. 480; 16. 501–503; 9. 492; II. 1. 564

Ксенофонт (ок. 430 – ок. 355 до н.э.) – полководец и писатель, ученик Сократа; все главные его труды сохранились: I. 12. 496; 25. 542

Ксенофрон Сицилийский – софист: I. 19. 511

Ксеркс (ум. 465 до н.э.) – сын Дария, с 486 персидский царь, продолжавший воевать с греками: I. 10. 494; 20. 513; 21. 519; 25. 541; II. 5. 575

Ктесидем Афинский – знакомец Герода и Филострата: II. 1. 552

Ктесифонт – афинянин, сторонник Демосфена: I. 18. 509–510

Лабдакиды – потомки фиванского царя Лабдака, в т.ч. Эдип: II. 1. 554

Лакедемон (Спарта) – главный город спартанцев на юге Пелопоннеса: I. 11. 495; II. 9. 583; *лакедемоняне*: I. 483; 11. 495; 16. 501; 20. 514; 24. 528; II. 5. 575; 12. 593; *лаконский* – то же, что *лакедемонский*: I. 15. 498

Лаодикея – город во Фригии, на реке Лик: I. 25. 530, 532, 539, 543; II. 28. 620

Ларисса – город в Фессалии: II. 27. 615

Левктры – селение в Беотии, близ которого Эпаминонд победил спартанцев в 371 до н.э.: I. 17. 505

Лемнос – остров в Эгейском море, родина Филостратов: I. 21. 515; II. 27. 617; 30. 623; 31. 624; 33. 627, 628

Леонт Византийский – ученик Платона; возглавлял оборону Византия при осаде его Филиппом в 340 до н.э.: I. 2. 484–485

Леонтины – город на Сицилии: I. 481; 9. 492; 16. 501; 21. 518

Лептин – афинский политик, противник Демосфена: I. 23. 527; II. 20. 601

Лесбос – остров в Эгейском море: I. 22. 526; II. 1. 556

Лидия – страна в М. Азии, в 547 до н.э. завоевана персами: I. 22. 525; II. 5. 574; 26. 613; 33. 627; *лидийцы*: I. 21. 518

Лик – река во Фригии: I. 25. 530

Ликия – область в ЮЗ части М. Азии: I. 19. 512; II. 26. 612, 615; *ликийцы*: II. 26. 612

Лисандр (452 – 396 до н.э.) – спартанский полководец, нанесший афинянам решающие поражения, особенно при Эгоспотамах: I. 16. 501; 23. 527

Логим – иерофант в Элевсине: II. 20. 601

Лоллиан Эфесский – Публий Гордеоний *Лоллиан*, софист и афинский сановник: I. 23. 526–527; II. 2. 567; 8. 578

Луций – философ, друг Герода: II. 1. 556, 557

Луций (130 – 169 н.э.) – *Луций* Аврелий Вер, с 161 соправитель Марка: II. 1. 560, 561

Мавсол (377 – 353 до н.э.) – царь Кари: I. 482

Магнесийские врата – ворота в вост. стене Эфеса: II. 23. 605

Македония – II. 19. 599; *македоняне*: I. 18. 507; II. 30. 622

Малийский залив – часть Эгейского моря у южной Фессалии: II. 1. 551

Мамертин – Марк Валерий *Мамертин*, афинский политик, враг *Герода*: II. 1. 559

Марафон – селение на вост. берегу Аттики, место знаменитой битвы; в Марафонском деме находилось поместье Герода: II. 1. 553, 562, 565–566; 5. 571; 15. 595

Марафон – герой-покровитель Марафона, отец Агафиона: II. 1. 553

Марк (121 – 180 н.э.) – *Марк* Аврелий Антонин, с 161 император: II. 1. 557, 559–563; 2. 566; 5. 571; 7. 577, 578; 9. 582, 583; 10. 588

- Марк Византийский** – софист, ученик Исея: I. 24. 527–529; II. 18. 599
- Маркиан Долихийский** – враг Гераклида Ликийского: II. 26. 613
- Марсий** – фригийский силен: II. 5. 574; *Марсийские*: *ibid.*
- Меандр** – богатый фракиец, отец Протагора: I. 10. 494
- Мегары** – город на Истме: I. 24. 529; 26. 545; *мегаряне*: I. 24. 529
- Мегистий Смирнский** – софист, знаток физиогномики: II. 27. 618–619
- Мелет** – река близ Смирны; бог этой реки якобы был отцом Гомера: 480
- Меликерт** – фиванский царевич, превратившийся в морского бога: II. 1. 551
- Мемнон** – питомец Герода: II. 1. 558
- Мемфис** – город на берегу Нила, одна из древних столиц Египта: I. 1. 484
- Меония** – область в вост. Лидии: I. 21. 518
- Мессения** – страна на ЮЗ Пелопоннеса: II. 15. 595–596
- Мидяне** – первоначально уроженцы Мидии, страны близ Каспийского моря: I. 9. 493; II. 5. 575; 8. 580; 12. 593; иногда также *персы*: I. 9. 494; 21. 519
- Милет** – ионийский город на юге М. Азии: I. 22. 526; *милетский*: I. 20. 513; 22. 521; 4. 568
- Мильтиад** (550 – 489 до н.э.) – победитель персов при Марафоне: II. 1. 546
- Мимант** – отрог хребта Тмола близ Смирны: I. 25. 531
- Мисия** – страна на СЗ М. Азии: I. 21. 518; II. 9. 581
- Музы** – покровительницы различных родов искусств и наук: I. 18. 509; 21. 515, 516; 25. 540; II. 10. 590; 26. 613
- Мунатий** – софист из Тралл, учитель Герода: I. 25. 538; II. 1. 564
- Мусагет** – «предводитель Муз», обычно эпитет Аполлона: 480
- Мусей** – учреждение в Александрии для приведения в порядок и по-

полнения Библиотеки; сотрудники его состояли на содержании египетских царей и затем императоров: I. 22. 524; 25. 532

Мусоний – Гай *Мусоний* Руф, философ-стоик: II. 1. 556–557

Навкратис – богатый торговый город в устье Нила: I. 6. 486; II. 12. 592; 15. 595; 19. 599; 21. 602–603; 26. 613, 615; 27. 616; *навкратийцы*: II. 15. 595

Нагие – обитавшие в верховьях Нила мудрецы: I. 1. 484; II. 5. 571

Неоптолем – сын Ахиллеса, разрушитель Трои: I. 11. 495

Нерва (32 – 98 н.э.) – Марк Кокцей *Нерва*, с 96 император: II. 1. 548

Нерон (37 – 68 н.э.) – Тиберий Клавдий *Нерон*, с 54 император: I. 481; 19. 512; II. 1. 552

Нестор – царь Пилоса, участник Троянской войны, знаменит мудростью и красноречием: I. 11. 495; 15. 498

Никагор – философ и софист, друг Филострата: II. 27. 620; 33. 628

Никандр – софист: II. 23. 605

Никет *Смирнский* – софист, учитель Скопелиана: I. 19. 510–512; 20. 513; 21. 516, 518; II. 16. 596

Никий – афинский политик времен Пелопоннесской войны: II. 5. 574

Никомед – пергамский ритор, ученик Хреста: II. 11. 591

Никомедия – город в Вифинии: II. 29. 620

Никострат – македонский софист II в. н.э.: II. 31. 624

Нил – река в Египте: I. 22. 525

Одиссей – один из главных героев «Илиады», главный герой «Одиссеи»: I. 7. 488

Олимп – мифический певец, любимец Марсия: II. 5. 574

Олимпиодор – коннозаводчик, отец софиста Гипподрома: II. 27. 615

Олимпия – священный участок Зевса в Элиде: I. 11. 496; 17. 506; 25. 533; II. 1. 551, 557, 563; II. 27. 617; *Олимпийская речь*: I. 9. 493; II.

24. 607; *Олимпийские игры* – атлетические состязания, устраивавшиеся в Олимпии каждые четыре года с 776 до н.э. до 393 н.э.: I. 17. 505; 25. 530, 534, 539, 541; II. 25. 611

Ономарх *Андросский* – софист, ученик Герода; только в VS: II. 18. 598–599

Орест – сын Агамемнона и Клитемнестры: I. 481

Орик – портовый город на СЗ Эпира: II. 1. 551, 562

Орфей – мифический фракийский певец: I. 483; 21. 520

Павсаний *Кесарийский* – софист, ученик Герода: II. 13. 594; 31. 625; 33. 628

Пактол – золотоносная в древности горная речка близ Смирны: I. 21. 521

Паммен – трагический поэт: II. 1. 554

Панафинаида – дочь Герода: II. 1. 557

Панафинаик – см. *Панафинейское ристалище*: II. 1. 566

Панафинеи – главный афинский праздник: II. 1. 550; *Панафинейская речь*: II. 5. 572; 24. 607; *Панафинейское ристалище* – стадион в вост. части *Афин*, усовершенствованный Геродом; восстановлен к первой «Олимпиаде» (1896) и функционирует по сей день: II. 1. 549

Панионийский кубок – ритуальный кубок Панионийского праздника, справлявшегося в честь Посейдона на п-ове Микале, а позднее и в др. ионийских городах: II. 25. 612

Панкрат (II в. н.э.) – философ-киник: I. 23. 526

Панфея – персонаж «Киропедии», жена царя Абрадата: I. 22. 524

Панэллинские игры – игры в Афинах, учрежденные Адрианом: II. 1. 549; 17. 597

Парнас – горный хребет в Фокиде: II. 1. 553

Патрокл – друг Ахиллеса, убитый Гектором: I. 21. 521

Пеания – аттический дем: I. 18. 507

- Пейто* – богиня убеждения, спутница Афродиты и Гермеса: II. 18. 599
- Пеласгикон* – остаток древней стены на Акрополе, справа от Пропилеев: II. 1. 550
- Пелопиды* – потомки Пелопа, сына Тантала (Атрей, Агамемнон и др.), излюбленные герои трагедий: II. 1. 554
- Пелопоннес* – полуостров на юге континентальной Греции: II.1.551;
- Пелопоннесская война* – война между Делосским (во главе с афинянами) и Пелопоннесским (во главе со спартамцами) союзами в 431 – 404 до н.э.: I. 25. 538
- Пеония* – страна во Фракии и Македонии, в римское время (как Паннония) включившая и более северные области: II. 1. 562, 565; 5. 571; *пеонийцы*: II. 1. 560
- Перга* – город на юге М. Азии: II. 6. 576, 577; *пергяне*: II. 6. 576
- Пергам* – город в Мисии, бывшая столица Атталидов, в римское время один из центров учености: I. 25. 535; II. 3. 567; 9. 581; 11. 591; 25. 611
- Перигет* – ученик софиста Кассиана: II. 33. 627
- Перикл* (494 – 429 до н.э.) – фактический правитель Афин в течение почти тридцати лет: I. 481; 9. 493; II. 5. 575
- Перинф* – город во Фракии: II. 17. 597
- Персы* – жители Персиды (между Мидией и Персидским заливом), в VI–V вв. до н.э. захватившие значительные территории на Бл. и Ср. Востоке: I. 9. 493; 10. 494; II. 1. 546, 547; 5. 575; 8. 580; *персидский*: I. 10. 494; II. 12. 593;
- Персидские войны* – между персами и греками в первой половине V в. до н.э.: II. 1. 546
- Пилейский совет* – осенний совет Амфиктионов: I. 18. 509
- Пирей* – главная гавань Афин: II. 21. 603
- Пиррон* (ок. 360 – ок. 270 до н.э.) – основоположник скептицизма: I. 8. 491
- Писистрат* (602 – 527 до н.э.) – с 561 афинский тиран: I. 25. 543

Пифагор Киренский – ритор: I. 19. 511

Пифий – святилище Аполлона неподалеку от Ареопага: II. 1. 550;
Пифийская речь: I. 9. 493; *Пифийские игры* – состязания в честь
Аполлона Пифийского, в Дельфах, раз в четыре года: I. 24. 529; II.
1. 553, 559; 12. 593; 27. 615; *Пифийские вещания*: I. 481

Пифо – святилище Аполлона в Дельфах: II. 1. 551; *Пифийское святи-
лище*: I. 9. 493

Пифон Византийский – ученик Исократы, в конце 340-х до н.э. пред-
ставлял в Афинах интересы Филиппа: I. 482; 20. 514

Платея – город в южн. Беотии, где греки в 479 до н.э. победили пер-
сов: I. 22. 522

Платон (428 – 348 до н.э.) – основатель и первый сcholарх Академии:
I. 2. 484; 7. 487, 488; 10. 494; 11. 495; 13. 497; 14. 497; 18. 509; II. 1.
564; 5. 570, 573; 27. 619

Плутос – бог богатства, обычно (особенно в комедии) изображаемый
слепым: II. 1. 547

Пол Акрагантский – ученик Горгия: I. 13. 496–497

Полемон Лаодикейский (ок. 90 – ок. 145 н.э.) – Марк Антоний *Поле-
мон*, ученик Скопелиана и Тимократа; сохранилось две его речи: I.
8. 490; 21. 520, 521; 22. 524–525; 24. 529; 25. 530–544; II. 1. 564; 10.
589; 15. 595; 16. 597; 25. 609; 27. 616, 620

Полидевк – питомец Герода: II. 1. 558

Полидевк Навкратийский – Юлий Поллукс, софист и лексикограф,
учитель Коммода: II. 12. 592–593; 14. 594; 24. 607

Понт – Понт Евксинский (Черное море): I. 23. 527; 24. 528; или страна
на его побережье: I. 23. 527; 25. 536; II. 1. 553

Посейдон – брат Зевса, хозяин морей: I. 23. 527; II. 1. 552

Праксагор – Элий Праксагор, афинский политик, противник Герода:
II. 1. 559

Продик Кеосский (ок. 465 – 395 до н.э.) – софист, прибывший в Афины
как посол и прославившийся там красноречием: I. 482–483; 12. 496

Прокл Навкратийский – софист, один из учителей Филострата, только в VS: II. 21. 602–604; 27. 616–617

Прометей – титан, похитивший для людей огонь: II. 20. 602

Пропонтида – Мраморное море: I. 1. 484; II. 17. 598

Протагор Абдерский (ок. 485 – 415 до н.э.) – философ и грамматик, первый назвавший себя софистом: I. 10. 494–495

Протей – сын Посейдона, вещий морской бог: II. 12. 593

Протей (ок. 100 – 165 н.э.) – Перегрин Протей, киник-самоубийца: II. 1. 563

Пруса – город в Вифинии: I. 7. 487

Птолемей Навкратийский – софист, ученик Герода; только в VS: II. 15. 595–596; 26. 613, 615

Равенна – город на севере Италии: II. 33. 627

Рамнунт – аттический дем: I. 15. 498

Регилла – жена Герода: II. 1. 551, 555–557

Рейн – I. 19. 511–512

Рим – I. 7. 488; 8. 490–491; 25. 532; II. 1. 555, 557; 3. 567; 5. 570–571; 8. 580; 10. 589; 11. 591; 13. 594; 16. 596–597; 20. 601; 27. 616; 30. 622; 31. 625; 32. 626–627; 33. 627–628; *римляне*: I. 7. 488; II. 1. 551; 10. 589; 26. 612; 31. 624–625

Риторика – имение Гераклида близ Смирны: II. 26. 615

Родан – Рона: I. 8. 489

Родос – богатый город на острове того же имени в Эгейском море: I. 481, 482; 18. 509; *родосцы*: I. 484; 18. 510

Руф – сановник при Нероне, недоброжелатель софиста Никета: I. 19. 512

Руф Перинфский – софист, ученик Герода и Аристокла: II. 17. 597–598

Руфин – внебрачный сын Аполлония Навкратийского: II. 19. 599

Руфин – Клавдий *Руфин*, учитель Гермократа: II. 25. 608

Руфиниан – отец софиста Гермократа: II. 25. 609

Сарды – главный город Лидии: I. 22. 524–525

Север – Гней Клавдий *Север*, консул 173 н.э.: II. 10. 588

Север (145 – 211 н.э.) – Луций Септимий *Север*, со 193 император: II. 20. 601; 24. 607; 25. 611; 26. 614

Секст – философ-стоик из Херонеи, учитель Антонина Пия: II. 1. 557–558

Секунд Афинский – софист, учитель Герода: I. 26. 544–545; II. 1. 564

Селевкия – город в Киликии: II. 5. 570

Симонид (556 – 467 до н.э.) – лирический поэт, изобретатель мнемоники: II. 21. 604

Сирийские ворота – ворота в ЮВ стене Лаодикеи: I. 25. 543

Сирия – см. *Ассирия*

Сирмий – город в Нижней Паннонии: II. 1. 560

Сицилия – I. 9. 492; 15. 499; 19. 511; II. 5. 573; 9. 584; *сицилийцы*: I. 11. 495; 15. 500

Скепт – ученик Герода: II. 5. 573; 10. 585

Скифы – племена к С и В от Понта: II. 5. 572–573; 27. 620; *скифский*: II. 5. 575

Скопелиан Клазоменский – софист, учитель Полемона и Герода: I. 21. 514–521; 25. 536; II. 1. 564; 5. 573

Смирна – богатый город на побережье М. Азии, в римское время один из главных центров учености: I. 8. 490; 19. 511–512; 21. 516, 518, 520; 22. 525; 25. 530–532, 534–536, 539–541, 543; II. 9. 582–583; 16. 596–597; 23. 605; 25. 608; 26. 613, 615; 27. 618–619; *смирнейцы*: I. 21. 521; 25. 530–531, 533, 536, 540; II. 26. 613; 27. 619

Сократ (469 – 399 до н.э.) – афинский философ, изображенный у Платона и Ксенофонта: I. 8. 490; 16. 501; 25. 542

Солон (ок. 638 – 558 до н.э.) – афинский законодатель: I. 16. 501; 25. 542

Сос – софист: II. 23. 605

Соспис – Тиберий Клавдий *Соспис*, жрец в Элевсине, родич софиста Феодота, ученик Хреста: II. 11. 591

Сотер (II в. н.э.) – софист: II. 23. 605

Софил – софист, отец Антифонта, учитель Алкивиада: I. 15. 498

Софокл (495 – 406 до н.э.) – трагический поэт: II. 23. 606

Софрониск – отец Сократа: I. 16. 501

Сузы – город на Иранском нагорье, резиденция персидских царей: I. 18. 509

Сфактерия – остров близ ЮЗ берега Пелопоннеса, место победы афинян над спартанцами в 425 до н.э.: I. 24. 528

Тавр – Луций Кальбен *Тавр*, философ-платоник: II. 1. 564

Тамины – городок на Евбее: I. 18. 508

Тантал – фригийский царь, наказанный «танталовыми муками»: I. 20. 513; II. 14. 595

Тарс – столица Киликии: II. 5. 571; 7. 577

Тегея – город на ЮВ Аркадии: II. 5. 575

Тесей – мифический царь Афин: II. 13. 594

Тиана – город в Каппадокии, родина Аполлония: I. 7. 488; 21. 521; II. 5. 570

Тимарх – афинский политик, сторонник Демосфена: I. 18. 510

Тимократ – софист из Гераклеи, учитель Полемона: I. 25. 535–536, 541

Тир – богатый финикийский город: I. 7. 488; 25. 536; II. 1. 556, 564; 10. 585

Траллы – город в Кари: I. 25. 538; II. 1. 564

Траян (53 – 117 н.э.) – Марк Ульпий *Траян*, с 98 император: I. 7. 488; 25. 532

Тритогеия – эпитет Афины: I. 481

Троада – гористая область на СВ М. Азии: II. 1. 548

Троя (Илион) – место действия «Илиады»: I. 11. 495; *трояницы*: II. 1. 559

Фаворин *Арелатский* (85 – ок.150 н.э.) – философ и учитель красноречия, ученик Диона, друг Герода: I. 8. 489–492; 25. 536, 541; II. 1. 564; 5. 576; 6. 576

Фамирас – мифический фракийский певец: I. 483; 21. 520

Фарос – остров в дельте Нила: II. 12. 593

Феаген – учитель Герода: II. 1. 564

Федр – софист: II. 23. 605

Феникс *Фессалийский* – софист, ученик Филагра: II. 22. 604

Феодор – отец Исократ: I. 17. 506

Феодот – Юлий *Феодот*, афинский софист, ученик Лоллиана и Герода: II. 2. 566–567

Феомнест *Навкратийский* (I в. до н.э.) – философ-платоник: I. 6. 486

Феопопн Хиосский – историк, ученик Исократ: I. 17. 506

Фермопилы – узкий горный проход из Фессалии в Локриду: II. 1. 551

Фессалия – страна на СВ Греции: I. 16. 501; 23. 526; II. 22. 604; 27. 615, 619; 30. 621; *фессалийцы*: I. 481; 16. 501–502; 21. 520; II. 1. 551; 27. 615

Фивы – главный город Беотии: II. 15. 596; *фиванцы*: I. 483; II. 15. 595

Фила – крепость на границе Аттики и Беотии: I. 16. 502

Филагр *Киликийский* – софист, ученик Лоллиана: II. 8. 578–581; 22. 604

Филак – софист: II. 23. 605

Филипп (382 – 336 до н.э.) – царь македонян, «гегемон Эллады», отец Александра Великого: I. 2. 485; 3. 485; 17. 505; 18. 507–508; 20. 514; 25. 543; II. 1. 565; 8. 580; 9. 584; 10. 588; 32. 626

Филиск *Фессалийский* – родич Гипподрома, ученик Хреста: II. 11. 591; 30. 621–624

- Филострат Египетский** – философ при дворе Клеопатры: I. 5. 486
- Филострат Лемносский** – софист, ученик Гипподрома: II. 27. 617; 30. 623; 31. 624–625; 33. 627–628
- Финикия** – страна на западе Сирии: II. 10. 585, 587; 33. 628; *финикийцы*: I. 21. 518
- Фокея** – ионийский город в М. Азии: II. 25. 608, 610, 612; *фокейцы*: I. 18. 508
- Фракия** – страна на сев. побережье Эгейского моря: I. 10. 494; *фракийский*: II. 1. 553
- Фрасибул** (кон. V – нач. IV в. до н.э.) – афинский политик: I. 16. 502
- Фрасимах Халкедонский** (459 – 400 до н.э.) – софист и теоретик риторики: I. 14. 497
- Фригия** – страна на западе М. Азии: I. 21. 518; 25. 532, 539; II. 23. 605; *фригийцы*: I. 25. 530, 539
- Фукидид** (ок. 460 – 400 до н.э.) – афинский полководец, автор «Истории»: I. 9. 492
- Халдеи** – племя на юге Вавилонии: I. 480; *халдейский*: I. 22. 522
- Халкедон** – город в Вифинии на южн. берегу Пропонтиды: I. 14. 497
- Халкида** – самый большой город Евбеи: II. 8. 578
- Хариты** – три богини обаяния, спутницы Афродиты и Гермеса: II. 18. 599
- Херефонт** – ученик Сократа, высмеивавшийся в древнеаттической комедии: I. 483
- Херефонт** – афинянин, недоброжелатель Горгия: I. 483
- Херонея** – город в Беотии, близ которого Филипп разгромил в 338 до н.э. объединенное войско беотийцев и афинян: I. 17. 506; 22. 522; 25. 543
- Хиос** – остров у берегов Ионии: I. 17. 506
- Хрест Византийский** – софист, учитель Гипподрома, только в VS: II. 10. 588; II. 590–592; 14. 594; 18. 598; 19. 600; 26. 615

- Закиды* – потомки Эака, сына Зевса, в их числе Ахиллес, Аякс и др. герои: II. 1. 546
- Эги* – приморский город в Киликии: II. 4. 568
- Эгина* – остров в Эгейском море недалеко от Аттики: I. 20. 513
- Эгоспотамы* – река и соименный город во Фракии, близ которых Лисандр в 405 до н.э. разгромил афинян: I. 25. 538
- Элатея* – город близ Дельфов, разрушенный Филиппом: I. 18. 508; II. 10. 588
- Элевсин* – город в Аттике, центр культа Деметры и Коры (Персефоны): I. 26. 545; II. 10. 587; 20. 602; 21. 603; 33. 628; *Элевсинские богини* – Деметра и Кора: II. 1. 556
- Элевсиний* – храм Элевсинских богинь у вост. склона афинского Акрополя: II. 1. 550
- Элиан* (170 – после 222 н.э.) – Клавдий Элиан, софист, ученик Павсания, автор «Пестрых рассказов»: II. 31. 624–625
- Элида* – область в зап. части Пелопоннеса: I. 11. 495; *элейцы*: II. 12. 593
- Эллада*: I. 9. 493; 10. 494; 11. 496; 16. 501; 17. 505; 25. 539; II. 1. 546, 559, 561, 564; 5.575; 9. 582; 10. 588; *элинский*: I. 9. 493; 25. 535–536; II. 10. 589; 12. 593; *всеэлинский*: II. 10. 587; 27. 618
- Элпиника* – дочь Герода: II. 1. 558
- Эн* – эолийский город во Фракии: II. 14. 594
- Эномай* – сын Ареса, царь элейского города Писы: II. 9. 584
- Эолийцы* – жители Эолии, на СЗ М. Азии: I. 21. 518
- Этир* – страна к СЗ от Греции: II. 1. 551, 562
- Эрот* – бог любви: II. 18. 599
- Эсхил* (525 – 456 до н.э.) – трагический поэт: I. 9. 492
- Эсхин* (ок. 390 – 315 до н.э.) – политический противник Демосфена, зачинатель Второй софистики: I. 481–484; 18. 506–510; 25. 543; II. 8. 580; 9. 584

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Эфес – один из богатейших городов Ионии: I. 3. 485; 18. 509; 19. 511; 22. 526; 23. 526; II. 4. 568; 9. 582; 18. 598; 23. 605, 606; *эфесяне*: I. 8. 490; 25. 531; II. 23. 605

Эфиопия – страна к югу от Египта: I. 1. 484

Эфор Кимский (405 – 330 до н.э.) – историк, ученик Исократы: I. 17. 506

Юлиан – корреспондент Герода: II. 1. 552

Юлия Домна (ок. 170 – 217 н.э.) – супруга Септимия Севера, мать Геты и Каракаллы, покровительница Филострата: II. 30. 622

Научное издание

АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГРЕЧЕСКАЯ СЕРИЯ

ТОМ I

ВСЕХ ФИЛОСТРАТОВ ВСЁ

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ

ЖИЗНИ СОФИСТОВ

Под общим руководством Е. Г. Рабинович

Ведущий редактор: *А. В. Белоусов*

Литературный редактор: *А. И. Золотухина*

Дизайн и верстка: *А. В. Белоусова*

Подписано в печать 02.08.17. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная, 80 г. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ.

«Русский фонд содействия образованию и науке».

Университет Дмитрия Пожарского.

119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.

www.s-and-e.ru

www.publisher.usdp.ru

knigiudp@gmail.com

ППП «Типография «Наука»».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

9 785912 442001